ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП(б)

ИСКРА

№№ 1—52

ДЕКАБРЬ 1900—НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

№№ 38—44

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД
1928

Ленинградский Областлит № 13514 Тираж 4.000 (П. 10. 26310/пр.) — 27 л. Заказ № 1399

Государственная типография имени Евгении Соколовой. Ленинград, просп. Красных Командиров, 29

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ИСКРА № 38.

Отмена круговой поруки. *Г. Плеханов.* 1
«Реформистский» социализм г. Мильерана. *Н. Троцкий* . 4
Ростовская демонстрация 2 марта. *С. Гусев* . . . . . —
Les beaux esprits se rencontrent. *Н. Ленин* 7
Г-жа Брешковская и чигиринское дело. *Г. Плеханов* . 9
Из нашей общественной жизни. 12
Новое проявление царского «правосудия» . . . . —
По поводу дела Гоца. 14
Студенческие волнения в С.-Петербурге 15
Екатеринослав . . . . . —
Земщина у ног «опричнины» . . . . . —
Откровенные беседы между «друзьями» русских рабочих 16
Смоленск 17
Тверские педагоги в роли сыщиков 18
Херсон . . . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов 19
С Урала . . . . . —
Нижний-Новгород 20
Из Донского бассейна 21
Кременчуг . . . . . —
Иностранное обозрение 22
Всеобщая стачка в Голландии . . . . . —
Франция. Сʻезд жоресистов Бордо 24
Из партии 25
Почтовый ящик . . . . . —
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 39.

Последняя карта царизма. *Г. Плеханов* 27
Кишиневские события. *В. Засулич* 30
Пролетариат и крестьянство. *Г. Плеханов* . . . . . —
Времена меняются. *Г. Плеханов* 36
Из нашей общественной жизни 38
Златоуст. . . . . —
Ростов н/Д 40
Варшава 41
Рига 42
Письмо из Тифлиса 43
Тифлис . . . . . —
Вильно 44
Воронеж. . . . . —
Вологда 45
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов 47
С.-Петербург . . . . . —
Тверь. *Ал. Ив. Гусев.* . . . . . —
Либава 48
Астрахань . . . . . —
Прохоровский рудник . . . . . —
Г. Луганск, Екат. губ., завод Гартмана 49
Из партии 50
Хроника революционной борьбы 51
Почтовый ящик 52
Памятник на могиле Бакунина . . . . . —
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 40.

Революционный год, *Л. Мартов* 55
Тартюфы революционной морали. *Л. Мартов* 58
Из нашей общественной жизни 59
Майские дни в России . . . . . —
Тифлис 60
Баку. *Файнберг* 61
Кутаис . . . . . —
Ростов н/Д. . . . . —

Стр.

Николаев 62
Вильно . . . . . —
Смоленск . . . . . —
Либава . . . . . —
Антисемитская печать, правительство и погромы. *Л. Мартов* . . . . . —
Правда ли это? 63
Еще о кишиневском погроме и о роли в нем правительства. *Л. Мартов.* . . . . . —
Киев . . . . . —
Киев 64
Одесса . . . . . —
Ялта . . . . . —
С.-Петербург . . . . . —
Петербург . . . . . —
Москва 65
Москва . . . . . —
Начальство старается! 66
К пропаганде в армии . . . . . —
Красноярск . . . . . —
Астрахань 67
Тифлис . . . . . —
Ташкент 68
С границы. . . . . —
Еще один . . . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . 69
Тверь. *Ал. Ив. Гусев.* . . . . . —
Тверь. Мануфактура Берга . . . . . —
Заводы «Никополь» и «Русский Провиданс» 70
Из Донецкого бассейна. 71
Петербург . . . . . —
Самара . . . . . —
Феодосия . . . . . —
Гомель 72
Балта . . . . . —
Мест. Паричи, Могилевск. губ. . . . . —
Одесса 73
Из Златоуста . . . . . —
Иностранное обозрение . . . . . —
Всеобщая стачка в Голландии . . . . . —
Первое мая в Фурми. 75
Из партии 76
Ко всем российским социал-демократическим организациям . . . . . —
Екатеринославский Комитет . . . . . —
В прокламации по поводу кишиневских зверств . . —
Одесским Комитетом выпущены листки 77
Петербургским Комитетом изданы листки . . . . . —
На Кавказе . . . . . —
Тульский Комитет Р. С. Д. Р. П. . . . . —
Центральный Комитет Польской социал-демократии. —
Письмо в редакцию. *Петербуржец (К. Тахтарев).* —
Вышли новые издания 78
Почтовый ящик . . . . . —
Хроника революционной борьбы . . . . . —
Примечания 79

ИСКРА № 41.

Мобилизация реакционных сил и наши задачи. *Л. Мартов.* 81
«Ортодоксальное» буквоедство. *Г. Плеханов* 84
Массовое движение и социально-революционная стратегия. *Старовер-Потресов* 85
Польские социал-демократы о Бунде. *Р. Люксембург* . 90
Еще о Тартюфах. *Н. Троцкий* 93
Благородства своего не соблюла. *Амвросий (Мочалов), Зека (Захар Михайлов), Иван (И. М. Ставский)* и *Павел (С. И. Гусев)* 94
Из нашей общественной жизни 96
Как царское правительство готовится к революции. —
Петербург . . . . . —

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Москва . . . 97
Н.-Новгород. . . . —
Тверь . . . 98
Тула. . . . —
Самара . . . —
Харьков . . . 99
Одесса . . . —
О майской демонстрации в Тифлисе . . . 100
Баку. *Файнберг* . . . —
Юрьев . . . 101
О праздновании 200-летия Петербурга . . . —
С.-Петербург. . . . —
Петербург . . . 102
Единение царя с рабочими . . . —
Москва. Царь среди своих верноподданных . . . —
Политический процесс . . . —
Позорный финал . . . 103
Черный кабинет . . . —
Саратов . . . —
Ростов н/Д. . . . 104
В ожидании погрома. Из Прилук . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов.* . . . 105
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . 106
С.-Петербург . . . —
С.-Петербург . . . —
Бахмут . . . —
Вышний-Волочек. . . . —
Чернигов . . . —
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 107

ИСКРА № 42.

Трагикомедия монархической власти. *Старовер-Потресов* . . . 109
Кишиневская резня и еврейский вопрос. *К. Каутский.* 110
«Ортодоксальное» буквоедство. *Г. Плеханов* . . . 112
По поводу одной цитаты. *В. Засулич* . . . 115
Кто фальсифицирует? *П. Аксельрод* . . . 117
Из нашей общественной жизни . . . 124
Петербург . . . —
Петербург . . . —
С.-Петербург . . . —
Петербург . . . —
Кронштадт . . . 125
Из Белостока . . . —
Курск . . . —
Витебск . . . —
Смоленск . . . —
Муром . . . —
Крым. Ялта . . . 126
Ростов н/Д. . . . —
Баку . . . —
Олекминск . . . 127
Из деревни . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов.* . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . 129
Петербург . . . —
С.-Петербург. . . . —
Кострома . . . —
Тверь . . . 130
Одесса . . . 131
Белосток. . . . —
Орша . . . 132
Иностранное обозрение. Социалистическая победа в Германии. *Свиягин* . . . —
Из партии . . . 133
От Сибирского Союза . . . —
Заявление . . . 134
Одесса . . . —
Поправка . . . —
Вышли новые издания Лиги . . . —
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . 135
Примечания. . . . 136

ИСКРА № 43.

Фабричная инспекция и децентрализованная помпадурия. *Н. Троцкий* . . . 139
Железный с'езд. *Д. Кольцов-Б. Гинзбург* . . . 141

Стр.

Об агитационных задачах нашей партии. *Файнберг* . . 143
Ответ «Революционной России». . . . 146
Зубатовцы в подпольной печати. *Н. Троцкий* . . . 147
Из нашей общественной жизни. . . . 149
Социал-демократы на суде . . . —
«Искра» на скамье подсудимых. . . . 150
Подсудимый в роли судьи . . . —
Комедия судебного следствия в Кишиневе. . . . 151
Последствия погрома в Кишиневе . . . —
Как самодержавие готовится к уличным сражениям. 152
Петербург . . . —
Уфа . . . —
Екатеринбург . . . 154
Ставрополь-Кавказский . . . —
Офицер-убийца . . . 155
Генерал Богданович и петербургские рабочие . . . —
Смоленск . . . —
Борьба с «крамолой» в средне-учебных заведениях. 156
Из деревни . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . 157
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 158
Николаев . . . —
Убийство шпиона . . . 160
Петербург. Неудачная забастовка максвелевских рабочих . . . —
С.-Петербург. . . . —
Поправка . . . —
Кострома . . . —
Иностранное обозрение. Предвыборная агитация в Германии. *Свиягин.* . . . 161
Из партии . . . 162
Письмо в редакцию . . . —
Кавказским Союзом выпущен листок . . . 163
Предостережение. . . . —
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . 164
Примечания . . . —
Приложение. «Ортодоксальное» буквоедство. *Г. Плеханов* . . . 167

ИСКРА № 44.

Национальный вопрос в нашей программе. *Н. Ленин.* 173
Гуманный закон и «сердечный» циркуляр. *Л. Мартов.* 176
Еще о социально-революционной «стратегии». *Старовер-Потресов* . . . 179
Из нашей общественной жизни. . . . 181
Политические процессы. . . . —
Петербург. Избиение политических в «Кресте» . . 182
Одесса . . . —
Митава . . . —
Одесса. Добровольные шпионы в Добровольном флоте . . . 183
Уфа . . . —
Александровск, Екатерин. губ. . . . —
Керчь . . . 184
Из деревни . . . 185
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . —
Всеобщая стачка в Баку . . . —
Екатеринослав . . . —
С. Озеры . . . 186
Ардатовский уезд . . . —
Вязники . . . —
Борисоглебск . . . —
С.-Петербург. . . . —
Пермь . . . 187
Астрахань . . . —
Иркутск . . . 188
Русско-еврейские рабочие в Англии . . . —
Из партии . . . —
Хроника революционной борьбы . . . 189
Последние известия . . . 190
Заявление . . . —
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 191
Приложение. Начало германской социал-демократии. *П. Смидович* . . . 193

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 38 | 15 АПРЕЛЯ 1903 ГОДА | № 38

ОТМЕНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ.

В манифесте 26 февраля Николай II приказал «принять безотлагательные меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки».

Расторопный г. Витте немедленно принял эти меры, и в настоящее время круговая порука уже не существует: 12 марта она отменена именным указом сенату.

В этом указе самодержец уверяет, что «в непрестанных попечениях о благоденствии народа нашего... не оставляли мы заботы об упрочении быта крестьянства посредством облегчения лежащего на нем податного бремени». Но если царские попечения о крестьянстве были в самом деле непрестанны, то почему же круговая порука отменена только теперь? Попечительный монарх говорит, правда, что «уже Державный Дед Наш, Император Александр II, приступил к ограничению этого начала, изъяв от действия круговой поруки малолюдные селения», и что, «исполняя завет» своего деда, он, Николай II, в Положении 23 июня 1899 г. о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ вновь значительно сократил действие круговой поруки, а кроме того тогда же повелел министру финансов «войти в соображение вопроса о совершенной отмене круговой ответственности по уплате окладных сборов». Но почему же он только в 1899 году решил исполнить «завет царя-освободителя»? Неужели сделать это раньше помешала ему та «смута», о которой он говорил в своем манифесте и которая, по его словам, «препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния»? Но ведь в настоящее время эта «смута» сильнее, чем когда бы то ни было, а г. Витте все-таки сумел разделаться с круговой порукой, как только получил решительное «повеление» на ее счет. Отчего же это повеление не было отдано раньше? Наконец, отчего же сам «царь-освободитель» избавил от круговой поруки одни только малоземельные общества?

Все это произошло по причинам, не имеющим ровно ничего общего с «непрестанным попечением о благоденствии народа нашего». В своем отношении к «стеснительной для крестьян круговой поруке» правительство всегда руководилось «непрестанным попечением» об интересах казны, а в эпоху «освобождения» крестьян к этому «попечению» присоединилась также забота об исправном отбывании крестьянами своих повинностей по отношению к помещикам.

Наша сельская община не всегда имела тот вид, какой она имеет теперь в Великороссии: прежде она не знала ни круговой поруки, ни земельных переделов. Еще в XVI и XVII столетиях ответственность за недоимки падала только на тех домохозяев, за которыми они накоплялись. В XVII веке правительством сделаны были, правда, некоторые слабые попытки взыскивать недоимки со всех без различия членов общины, но эти попытки, как видно, не привели ни к чему и вскоре были оставлены. В XVIII веке дело приняло другой оборот. Рост государственных потребностей, далеко опережавший рост народных производительных сил, и «непрестанно» возрастающее закрепощение крестьянства мало-по-малу привели нас к той круговой ответственности плательщиков друг за друга, которая существовала в куриях Римской империи и которую Гегель-сын очень удачно назвал самым худшим карательным учреждением. Ко времени «освобождения» крестьян принцип круговой ответственности плательщиков безраздельно господствовал во всех «казенных селениях». Помещики, отвечавшие за взнос податей, не имели в нем надобности, потому что, при своей неограниченной власти над крепостными, они и без него могли принимать все нужные меры для избежания или покрытия недоимок.

Вместе с круговой порукой упрочились и строгости паспортной системы, сильно стеснявшей передвижение лиц податных сословий, а, следовательно, и экономическое развитие страны. Наконец, как «увенчание здания» явились переделы общинных полей в тех местностях, где сказывался недостаток в земле и где поэтому исправному взносу податей могло помешать малоземелье некоторой части крестьянства. Система земельных переделов довершила закрепощение крестьян государству. Она означала не то, что крестьяне сообща владели землею, а то, что и крестьяне, и их земля сделались казенной собственностью. Неудивительно, что нередко крестьяне, «собравшись скопом, с дубьем и дреколием», открыто сопротивлялись ее введению. Но государство было гораздо сильнее их. Бунтовщиков усмиряли «воинские команды», которые примерно наказывали их, «учиняя» им «жестокое, с публикою плетьми наказание»; не обошлось, разумеется, и без ссылки непокорных в Сибирь на поселение или даже в каторжные работы. Такими доводами можно убедить кого угодно. «Общинные идеалы» были надолго привиты сельскому населению, которое местами и до сих пор сохранило печальное воспоминание об эпохе их прививки. Самое полное и всестороннее торжество этих идеалов относится к половине XIX века, т. е. ко времени учреждения министерства государственных имуществ и пребывания на министерском посту пресловутого гр. Киселева [1]. Вот как характеризует установившуюся тогда систему один исследователь, который, надо заметить, сам далеко не чужд народнических «идеалов». «Вообразите крупнейшего в мире

помещика-рабовладельца. Этот рабовладелец не кто иной, как само государство; граф Киселев – это главный управляющий, министерство государственных имуществ— его вотчинная контора, а окружные начальники — бурмистры, действующие на местах. Их действия подкреплялись зуботычинами, засадкой в холодную, драньем и сверх того взиманием «денежной молитвы» *. Автор этой блестящей характеристики ошибается, однако, говоря, что «ничего подобного никогда и нигде не было и не могло быть, кроме России». Нечто совершенно подобное существовало и не могло не существовать—на всем азиатском Востоке. Выросши на почве закрепощения крестьян государством, круговая порука и земельные переделы, в свою очередь, становились там самой прочной основой самого варварского деспотизма.

Когда началось «освобождение», наши помещики были прекрасно знакомы со всеми удобствами и неудобствами круговой поруки. Некоторые члены губернских комитетов резко высказались против нее. ** Члены екатеринославского губернского комитета Поль и Миклашевский заявили, что налагать на освобождаемых крестьян—при отбывании ими их повинностей по отношению к помещикам — круговую поруку с ее неизбежными последствиями значило не только продолжать, но даже усиливать крепостное право с тою только разницей, что вместо власти помещика крестьяне делаются крепостными чиновников и сельских начальств. *** Тем не менее круговая порука была введена, потому что она являлась незаменимой гарантией помещичьих интересов. На крестьян взваливались повинности, по своим размерам далеко превосходившие предоставленные им «выгоды». В виду этого у «освободителей» естественно возникало опасение, что «освобождаемые» предпочтут отказаться от «выгод» и не станут отбывать повинности. Это опасение и привело к тому, что крестьян посадили на цепь круговой поруки. А от помещиков, конечно, не захотело отстать и государство. Отменяя права помещика на личность крестьянина, оно вовсе не хотело дать этому последнему полную гражданскую свободу. Нет, оно только собиралось сделать их своими собственными крепостными, а в этом случае ему нельзя было обойтись и без круговой поруки.

Вместе с круговой порукой на «освобожденных» крестьян надеты были и цепи паспортной системы. Отсутствие свободы передвижения было неизбежно там, где главная масса населения оставалась привязанным к земле, бесправным «податным сословием».

«Малоземельные», т. е. собственно малолюдные, общества были избавлены «царем-освободителем» от язвы круговой поруки единственно потому, что при их малолюдстве эта порука не могла служить сколько-нибудь надежным обеспечением исправного отбывания повинностей. ****

Когда г. Николай —он [2] писал в своих «Очерках» (стр. 67), что положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, «было лебединою песнью старого процесса производства», он высказывал мысль, которая по своему буквальному значению просто нелепа: правовые учреждения обусловливаются не процессом производства, а теми взаимными отношениями, в которые становятся люди во время этого процесса. Но будучи выражена надлежащим образом, мысль г. Николая —она может быть признана до известной степени правильной: «Положение» 19 февраля представляет собою плод производственных отношений, существовавших в старой дореформенной России. Но в этом состоит не достоинство его, а коренной недостаток. Говорить об освобождении и в то же время подчинять освобождаемых таким учреждениям, которые по всему своему значению являлись пережитком крепостничества, значило издеваться над бедным крестьянством, ожидавшим «воли» с таким горячим нетерпением и с такой глубокой верой в добрые намерения Александра II.

«Новое крепостное право» введено было в такое время, когда развитие экономической жизни,—получившее очень сильный толчок от той же реформы 1861 года, — разрушало старое натуральное хозяйство крестьян и превращало их в мелких производителей, продукты которых, становясь товарами, должны были конкурировать на всемирном рынке с продуктами свободного труда свободных заокеанских стран. Таким образом, наши крестьяне страдали как от экономического развития, так и от тех препятствий, которые ставились экономическому развитию «Положением» 19 февраля. Страшное обеднение крестьянской массы явилось неизбежным следствием этого противоречия между новыми условиями экономической жизни крестьян и их правовым положением. Это обеднение не могло не броситься в глаза правительству уже по одному тому, что его сопровождало огромное накопление недоимок. «Стеснительная для крестьян круговая порука», введенная именно для борьбы с недоимками, не оправдывала ожиданий «попечительного» начальства. Вот почему начальство скоро начало в ней разочаровываться. Уже в 1873 году Валуевская комиссия [3] указала на нее как на одно из крупнейших зол крестьянской жизни. И с тех пор такие указания являлись с самых различных сторон. Но правительство все-таки не решалось отменить круговую поруку, понимая, что она составляла лишь одно из звеньев той цепи, на которой сидит русский крестьянин и разбивать которую оно вовсе не желало. Мы уже знаем, что исторически круговая порука была тесно связана с общинным землевладением. И мы видим, что вопрос об этом землевладении постоянно вставал перед правительством всякий раз, когда оно задумывалось о круговой поруке. Сами по себе периодические переделы полей не могли, разумеется, быть для него привлекательными. Более того, — они должны были заключать в себе нечто неприятное для всякого администратора, стоявшего на «охранительной» точке зрения и думающего не об одном только государственном казначействе. Время от времени между нашими администраторами являлись поэтому люди, осуждавшие общинное землевладение, между прочим потому, что оно,

---

* Н. А. Благовещенский. Четвертное право. Москва, 1899, стр. 134.

** Н. Бржеский. Круговая порука сельских обществ. Суждения редакционных комиссий по составлению положений 19 ф. 1861 г. и правительственные взгляды за время с 1861 по 1895 г. С.-Петербург, 1896, стр. 12.

*** Бржеский, стр. 16.

**** Эту сторону дела раз'яснили еще в эпоху составления положений члены симбирского комитета, восставшие против круговой поруки.

будто бы, воспитывает в крестьянстве, социалистические стремления. К их числу принадлежит, например, бывший министр двора и уделов гр. Воронцов-Дашков, выступивший в 1893 году с целой филиппикой против общины. Замечательно, что тогдашний министр внутренних дел г. Дурново не оспаривал по существу доводов гр. Воронцова-Дашкова, а только осуждал его нетерпение. Г. Дурново утверждает, что общинное землевладение может быть устранено лишь постепенно и что в отношении к нему необходима «крайняя осмотрительность и осторожность» *. На это было несколько причин, а главное — вот какая: «В частности и потому еще, что с своей стороны затрудняюсь понять, каким образом возможно было бы примирить опыт насаждения мелкой земельной собственности, в приблизительно определенных размерах и границах, и последующее исправление ее в том и другом отношении с началом неприкосновенности частной собственности и приобретенных прав, стоящим под одновременной охраной закона и всеобщего признания и, казалось бы, одинаково приложимым как к крупному, так и к мелкому землевладению» **. Это довольно ясно, хотя выражено весьма дипломатично. Г. Дурново опасался, что, уничтожив общинное землевладение, государство вынуждено будет поставить крестьянскую собственность под «охрану законов», обеспечивающих «неприкосновенность частной собственности и приобретенных прав». Поэтому он и спрашивал графа Воронцова-Дашкова, — как спрашивал Манилов Чичикова, покупавшего у него мертвые души, — не повредит ли это государственным соображениям и дальнейшим видам России. Устами г. Дурново наше деспотическое государство заявляло о своем нежелании отказаться от столь привычной ему роли «крупнейшего в мире помещика-рабовладельца», бесконтрольно распоряжающегося наделами своих «верных подданных» крестьянского сословия. В этом нежелании и заключается разгадка всех колебаний нашего новейшего законодательства о крестьянском землевладении. Им же об'ясняется, в частности, и то обстоятельство, что Николай II, решившись отменить круговую поруку, поспешил обрадовать наших социалистов-реакционеров обещанием отстаивать «неприкосновенность общинного землевладения». Г. Витте, по крайне мере, лет пять твердил царю, что пора уничтожить и круговую поруку и общину, так как при нынешнем экономическом положении крестьянства эти учреждения уже не содействуют, а мешают борьбе с недоимками ***.

В то же самое время г. Победоносцев нашептывал ему, что консервативное законодательство «должно с крайней осторожностью относиться к вопросу о преобразовании общинного землевладения». Находясь под этими противоположными влияниями, наш коронованный недоросль, — подобно ослу Буридана, — долго не мог ни на что решиться. Наконец, он вышел из затруднения, опубликовав манифест 26 февраля, которым он, очевидно, надеялся сразу угодить и г. Победоносцеву и г. Витте. Мы не знаем, в какой мере исполнилась его надежда. Но мы очень хорошо знаем, что торжественно провозглашенная отмена круговой поруки далеко не удовлетворит «возникающих потребностей народной жизни», о которых не без красноречия говорится в манифесте. Фактически «неприкосновенность общинного землевладения» сведется к тому, что государство сохранит за собою свои помещичьи права на крестьянскую землю, между тем как переделы будут все более и более затруднены, а беднейшие члены общины все чаще и чаще будут лишаться своих наделов *. «Неприкосновенность общинного землевладения» будет попрежнему означать, следовательно, лишь неприкосновенность той цепи, на которой государство держит крестьянина.

И не только «возникающим», но и давным-давно возникшим потребностям народа новая царская мера не принесет с собой никакого удовлетворения. Она плоха уже одним тем, что одинока. «Кто сказал: А, должен сказать: Б», — говорит немецкая пословица. Отмена круговой поруки имела бы серьезное значение только в том случае, если бы она знаменовала собою отказ нашего государства от своей исторической роли «помещика-рабовладельца» и дарование крестьянину полной гражданской свободы.

Но об этом ни слова не говорится ни в манифесте 26 февраля ни в указе 11 марта. Да и не мог бы царский манифест заговорить ни о чем подобном. Деспотизм по самой природе своей не способен взять на себя освободительную миссию. А русский деспотизм способен к ней теперь еще менее, чем когда-либо прежде. Царская власть вообще может в настоящее время только мешать развитию русской народной жизни. Поэтому развитие русской народной жизни делает положение царской власти все более и более шатким. Гражданская свобода может быть принесена русскому крестьянину только политическим освобождением России. Поэтому русский крестьянин вынужден будет принять участие в политическом освобождении России, если только захочет

---

* Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражения на нее министра внутр. дел И. Н. Дурново. Женева — Каруж. 1900, стр. 46. Интересно, что орган социалистов-реакционеров «Вестник Русской Революции» тоже требует бережного отношения к общине (кн. I, стр. 12). Почти слово в слово с г. Дурново!

** Там же, та же страница.

*** В продолжение последнего пятилетия эта мысль усердно развивалась органами министерства финансов, преимущественно «Русским Экономическим Обозрением». Она очень обстоятельно развита также в книге г. Н. Бржеского: «Недоимочность и круговая порука сельских обществ» (см. особенно последние главы). Эта книга, вышедшая в 1897 г., посвящена г. Витте. Напомним здесь кстати, что в 1893 г., когда в Государственном Совете происходили споры об общинном землевладении, министр финансов выступил с запиской, в которой община защищалась доводами, целиком заимствованными у народников. К сожалению, место не дозволяет нам подробно обосновать ту нашу мысль, что г. Витте разочаровался в общине только с тех пор, как увидел, что от нее теперь кулакам больше пользы, чем казне. Мы, может быть, сделаем это в другой раз.

* «Облегчение отдельным домохозяевам выхода из общины» на практике сведется к облегчению выхода из нее тем „хозяйственным мужичкам", которые найдут это для себя выгодным. Земледельческая беднота попрежнему останется закрепощенной. Именно для нее-то и сохраняются «неприкосновенными» все мнимые благодеяния общинного землевладения.

добиться гражданской свободы. А в нем пробуждается уже сильное стремление к ней. Новые условия его быта вызывают в нем новые потребности и разбивают его старые предрассудки. Крестьянские волнения прошлого года — только «пролог пролога» великой драмы, которая готовится к постановке на русской исторической сцене и которая озаглавлена двумя словами: падение царизма.

[Г. Плеханов]

«РЕФОРМИСТСКИЙ» СОЦИАЛИЗМ Г. МИЛЬЕРАНА.

Спасаемся как можем!
И если виселиц не строят больше —
Бунтовщиков министрами сажают!
Все тот же результат, другой лишь способ,
Приятнейший обеим сторонам.

Гедберг, «Гергард Гримм».

Французский министериалистский «социализм» неудержимо развивает свое внутреннее содержание. В последние дни он ознаменовал себя несколькими поразительными голосованиями г. Мильерана, бывшего и будущего министра, и его же брошюрой, носящей выразительное заглавие «Французский реформистский социализм». Эта книжонка состоит из двенадцати разновременно произнесенных речей, снабженных предисловием, в котором отдыхающий министр, выжидая, пока его снова не призовут к «священной жертве» сотрудничества с г. Галлифе[4], подводит на досуге итоги «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»...

«Без обиняков и недомолвок!»... Таков девиз г. Мильерана. «Если — не скажу — дозволено, но присуще прогрессу всякого знания, — рассуждает отставной министр, — пользоваться гипотезами, если коллективистская гипотеза, которой придерживаемся мы, заимствует от самого капиталистического режима особенную ценность, то нужно, однако, чтобы законное применение этой гипотезы не ослепляло нас и не заставляло принимать средства за цель. Будем остерегаться стать пленниками формул, которые необходимо должны изменяться самим прогрессом человечества» (р. 8).

Коллективизм — не социальный строй, к которому мы стремимся, не цель классового движения пролетариата. Коллективизм — гипотеза, средство... Но где же в таком случае цель? Как? А «идея демократического прогресса и социальной справедливости»? Таким путем мы получаем очень благонравный салонно-министерский «коллективизм», который об'является гипотезой и ставится под начало «демократического прогресса»... Революционный социализм, правда, думает, что нужно буржуазный «прогресс» отдать под контроль коллективизма... Но на то ведь революционный социализм и состоит в плену у догматических «формул»!

Присмотримся, однако, немного ближе к «коллективистской гипотезе» или, вернее, к гипотетическому коллективизму г. Мильерана. Чего он хочет? Отнюдь «не того, чтобы в новом человечестве частная собственность была уничтожена, — такое предположение было бы непонятным, — но, напротив, чтобы она была преобразована и настолько расширена, чтобы служить как бы естественным и непременным вещным дополнением человека, необходимым орудием жизни и развития» (стр. 7).

Без обиняков и недомолвок! Но как понять «коллективистскую гипотезу», которая санкционирует частную собственность? Конечно, коллективизм предполагает частную собственность на предметы личного потребления. Но в чем же и состоит сущность коллективизма, как не в том, что он хочет уничтожить частную собственность на средства производства?

РОСТОВСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 2 МАРТА.

(Впечатления очевидца.)

Ежегодно, на время великого поста, в «исторической» балке, служившей стачечникам дли их огромных митингов, по воскресеньям устраиваются «кулачки», привлекающие массу народа. В хорошую погоду на «кулачки» сходятся до 20 тыс. человек. На это обстоятельство обратил внимание и решил им воспользоваться Донской Комитет. Так как полиция либо совсем отсутствует на «кулачках», либо присутствует в ничтожном числе, то, естественно, никакой трудности не представляло произнести речь. В таком смысле и было сообщено организованным рабочим, и далеко не все знали, что предполагается демонстрация. К трем часам дня в воскресенье 2 марта все организованные рабочие явились на балку. Человек пятьдесят из них образовали вокруг оратора сплоченную группу, остальные же нарочно были рассеяны в толпе, чтобы в нужный момент двинуть ее в город. Трудно определить цифры, но, судя «на-глаз», на кулачках было до десяти тысяч человек. Внизу, в глубине балки, кулачники с азартом подставляли друг другу фонари, а по обоим склонам балки стояли толпы народа в разноцветных праздничных костюмах. Солнце ярко светило, хотя временами оно заволакивалось густыми тучами пыли благодаря сильному восточному ветру. В начале пятого часа оратор распорядился развернуть знамя и в то же время несколько рабочих подняли его на плечи... «Товарищи!» — понеслось над толпой... «Товарищи!» — подхватили сотни организованных рабочих. «Сюда, товарищи!» «Тише!» «Слушай!» «Не пускать жандарма!» «Долой полицию!» — понеслись отовсюду крики, за которыми не слышно было оратора. Вид знамен и крики сразу привлекли внимание толпы. Даже кулачники оставили «взаимный мордобой» и бросились к знаменам. «В город, идем в город!» — закричали сотни голосов. И тотчас же знамена, окруженные густой толпой, поплыли по направлению к городу. Сильный ветер подхватил их, расправил, — и вся толпа увидела на них надписи: «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!». «Долой самодержавие!» — раздалось в балке, и этот крик наполнил собою всю глубокую балку и разнесся по степи и по всему Темернику. И сразу, как из-под земли, тысячи хлынули к демонстрантам. Возбуждение огромное, крики «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» оглушают. Вот кулачник, с разбитой физиономией. «Мы рабочие, — кричит он, — идем бороться за

Г. Мильеран не делает этого необходимого разграничения.

Теоретический промах? Нет! Вся суть в том, что г. Мильеран считает полезным — конечно, в интересах «коллективизма» — подчеркивать более энергично те стороны своей программы, которые могут об'единить «все республиканские фракции», чем те, которые могут их разделить (стр. 53). Но что может глубже отделить мелкобуржуазную демократию от социалистической, чем идея коллективизма? Необходимо ее обезвредить. И мы находим у г. Мильерана не более и не менее, как антиколлективистскую гипотезу коллективизма. Г. Мильеран становится безбожником во имя божье.

«Будем иметь мужество, — приглашает он своих единомышленников, — называться настоящим нашим именем, именем р е ф о р м и с т о в»... Прекрасно! Но еще шаг, еще немного мужества, — и вы сможете назваться настоящим вашим именем, именем антиколлективистов... во имя коллективизма.

Остается посмотреть, что представляет из себя тот «демократический прогресс» и та «социальная справедливость», на службу которым призывается (анти) коллективизм.

«Все члены этой великой материальной и моральной ассоциации, которая составляет французскую нацию, — говорил г. Мильеран в декабре 1902 г., — заинтересованы — и чем дальше, тем больше — в тех социальных благах, которые именуются национальной устойчивостью, благосостоянием и независимостью во всех их формах»...

«Да, французы, все французы одинаково заинтересованы в том, чтобы Франция была богата, чтоб она была сильна»... (57, 58).

Итак, на место классовой борьбы — «национальный интерес и солидарность классов». «Но имеет ли социалист право, — спрашивает себя автор, — заботиться об этих вещах, не изменяя своему идеалу?..» И отвечает: «Социалистическая партия не может не быть заинтересована в хорошей организации общественных финансов и в их процветании, в этих первых условиях всякой социальной реформы, а также в поддержании и в развитии национального производства. Общественные работы, мелиорация, обслуживающие индустрию, торговлю, земледелие, разумное лесное хозяйство и упорядочение наших колониальных владений» — все это должно составлять предмет забот социалистической партии. Увы! Только социализм не входит в сферу ее политических интересов!

Мильеран, видите ли, хочет завоевать буржуазную демократию для дела эмансипации рабочих масс. В этой деликатной миссии ему пришлось начать с уступок. Вместо социальной революции — реформы. Вместо классовой борьбы — классовое сотрудничество. Вместо пролетарского интереса — задачи социального преуспеяния.

Но «реформы» свелись к ... облегчению бремени патентов для мелкой торговли на 25 процентов (стр. 71). «Классовое сотрудничество» определилось как участие г. Мильерана в правительстве, которое стреляло в стачечников не менее метко, чем все другие французские правительства. «Задачи национального преуспеяния» оказались задачами п о д д е р ж а н и я капиталистического хозяйства и освящения буржуазных интересов силой и авторитетом социалистического пролетариата. Итак: — без обиняков и недомолвок — отказ от социализма в интересах его преуспеяния, идейное и политическое закабаление пролетариата в целях его эмансипации — такова своеобразная «диалектика» «французского реформистского социализма», такова политическая платформа г. Александра Мильерана.

Программе соответствует тактика. И мы видим г. Мильерана вотирующим в единении с националистами

свободу!» Вот рабочий, которого жена ухватила за руку и со слезами умоляет его не ходить в город. «Там казаки: они изобьют нагайками!» «Ничего, — отвечает он: — мы их тоже угостим!» Вот неорганизованный рабочий. Лицо его бледно, глаза горят, шапку он где-то потерял, но не замечает этого. Он обернулся к задним рядам, машет руками, и из его чахоточной груди со стоном рвется крик: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»

По рытвинам, по ухабам, по оврагам и обрывам толпа быстро движется вперед и, как огромный поток, свергается вниз с горы, к железнодорожной линии. Наступает решительный момент. «Успели или не успели?» — мучительно копошится в мозгу организаторов демонстрации. Из-за кирпичного завода не видно, свободен ли переезд через линию... Вот повернули за угол и... ура! переезд свободен, свободен и следующий за ним мост! Ни одного городового, ни одного жандарма. «Вперед, товарищи! Вперед! Долой самодержавие!». Толпа разделяется на мосту на три рукава и вновь соединяется за мостом.

Как и предвидели организаторы, демонстрация явилась полнейшей неожиданностью для полиции и казаков. Как и во все другие воскресные дни, все городовые были отряжены для усиления «нарядов», рассеяны, таким образом, по городу и не могут соединиться. В участках по одному дежурному околоточному и несколько городовых. Все пьяны и от скуки спят в «канцелярии» на диванах. Казаки по случаю праздника, распущены и не скоро соберутся.

«Вперед, товарищи!» — и под нестройные, но мощные звуки «Марсельезы» и «Варшавянки», смешивающиеся с революционными криками, толпа быстро шагает на гору по Темерницкой улице. Вот Доломановский переулок. Знамена повернули налево, к Садовой улице (главная). Сонные обыватели выскочили из своих домов и с изумлением смотрят на огромную толпу демонстрантов. Тысячи мальчишек бегут вперед с криком «долой самодержавие!» и несут весть о демонстрации. Открытые кое-где лавки быстро закрываются. На Садовой ждут уже демонстрантов. По тротуарам тянется тысячная толпа. Толпа растет, как снежная лавина. К демонстрантам присоединяются новые тысячи. Весь Ростов, за исключением разве самых отдаленных кварталов, куда еще не дошла весть о демонстрации, быстро устремляется на Садовую. Но шубы и цилиндры благоразумно прячутся за воротами и в пивных.

Вот, наконец, и Садовая. Поперек улицы цепь... из пяти городовых, трех околоточных, пристава и его помощника. Страшный свист и крики «долой самодержа-

и клерикалами за бюджет исповеданий... Социалист, небрежно переступающий по пути к министерскому портфелю через элементарно-демократическое требование отделения церкви от государства! Мы видим г. Мильерана вотирующим кредиты для конгреганистских предприятий на крайнем Востоке. Социалист, прикладывающий свою депутатскую руку к делу экспорта французского клерикализма в то время, когда даже морской министр радикал Пельтан воздерживается от голосования! Мы видим г. Мильерана вотирующим против уничтожения французского посольства при Ватикане. Социалист, поддерживающий светскую власть папы!

Мы видим г. Мильерана воздерживающимся от голосования, когда часть палаты приглашает правительство не посылать войск на места стачек. Социалист, аплодирующий «мирному почину» русского самодержца и не отваживающийся поднять свой депутатский голос против систематических провокаций кровопролития, сопровождающих экономические столкновения труда с капиталом!

Мы видим г. Мильерана вотирующим доверие военному министру, возбудившему преследование против авторов агитационной антимилитаристской брошюры «Руководство для солдата», — и мы видим в том же заседании г. Мильерана воздерживающимся от голосования, когда внесено предложение, приглашающее военного министра взять назад свой циркуляр, запрещающий солдатам вход в Биржу Труда.

Мы видим г. Мильерана... Но будем кратки: во всех случаях, где дело идет о национальном величии Франции (французской буржуазии), г. Мильеран в первых рядах. Когда же на очереди стоит защита свободы агитационного воздействия или охрана пролетарских жизней от солдатских пуль, возвещающих сотрудничество классов, г. Мильеран с достоинством воздерживается от «бесплодных» и «несвоевременных» манифестаций.

Такова практика «французского реформистского социализма» в его полном, законченном выражении!

Но именно эта полнота и эта законченность отшатнули от Мильерана многих его сторонников. В жоресистской среде раздаются возмущенные голоса... Многие жоресистские федерации[5] требуют, чтобы ближайший конгресс, который соберется на Пасху в Бордо, исключил г. Мильерана из рядов социалистической партии.* Пять других требуют, чтоб ему было выражено порицание.

Даже г. Жорес, которого никто не упрекнет в придирчивости к Мильерану, признал некоторые тактические шаги своего «дорогого друга» «опасным применением здоровой и плодотворной методы» эволюционного или реформистского социализма. Даже Жорес!

Оправдания г. Мильерана превосходно дорисовывают характер «здоровой и плодотворной методы».

«Вместо того чтобы упрекать министерство Комба,— писал Мильеран, возражая Жоресу, — в том, что оно не уничтожило бюджета культов, который ни вы, ни я не были бы, на его месте, в состоянии уничтожить, было бы лучше, кажется, открыто сказать, с высоты трибуны, стране, почему мы не можем в настоящий момент уничтожить бюджет культов»...

В полном соответствии с духом своей программы и своей тактики г. Мильеран считает себя обязанным становиться на точку зрения министерства, представляющего интересы буржуазного «общества», но не на точку зре-

* «Vorwärts», посвятивший недавно статью «Исповеданию веры» г. Мильерана, не без основания сомневается в возможности исключения бывшего министра из партии на ближайшем конгрессе. (Писано до конгресса, о нем см. в «Иностр. Обозр.».)

вие!», «долой царя!», долой царьков!» встречают их. Град камней сыплется на них при первой попытке «рассеять» толпу. Один городовой ранен в голову, досталось и другим. Славные «донцы» (вся полиция здесь из казаков) позорно отступают — и путь свободен. «Вперед!» И огромная толпа, под непрерывные крики «долой самодержавие!», «долой царя!», «да здравствует политическая свобода!» и под пение «Марсельезы» движется вперед по главной улице.

Сколько народу — определить невозможно. Но, несомненно, десятки тысяч. Не будет преувеличением, если сказать, что на демонстрации присутствовало 40 — 50 тысяч. Толпа, однако, разделялась на три группы. Тут наглядно проявляются обычно употребляемые подразделения. Впереди около знамени группа передовых (около 1.000 челов.) и наиболее революционно и смело настроенных, готовых на все. За ними тянется огромная толпа тысяч в двадцать «массовых» рабочих, молодежи, конторщиков и т. д. Настроение их приподнято, они любуются знаменем, они поражены неслыханной смелостью демонстрантов, они сами кричат «долой самодержавие!», завтра многие из них станут революционерами, но сегодня они еще не готовы в бой. Революция в их взглядах только началась, благодаря стачке, и, быть может, будет завершена демонстрацией. Сегодня они еще, быть может, уступят при первом натиске полиции и казаков, уступят со злобой и проклятиями, но без борьбы. Но завтра, через год, через полгода, они выйдут на улицу вооруженные и будут бороться за свою свободу. Они еще не поняли своей силы, но, благодаря демонстрации, почувствовали ее и скоро приложат ее к борьбе с самодержавием. Наконец, третья часть, это — на тротуарах. Их будет тысяч тридцать. Это — «втайне сочувствующие», с одной стороны, и приверженцы самодержавия, с другой. С злобой и ненавистью смотрят последние на знамена. Но их злоба бессильна, и они скрежещут зубами, чувствуя свое бессилие. Таких «врагов», впрочем, немного, и полиция даже не пытается призвать добровольцев к борьбе с демонстрантами. Времена изменились. Когда-то мясники и приказчики Охотного ряда избили демонстрировавших студентов, теперь самодержавию приходится опираться и надеяться только на регулярные силы. Полиция, видя свое бессилие, пытается взять наглостью.

Вот какой-то пристав бросается прямо на передовых демонстрантов. «Разойдись!» — нагло басит он своим хриплым от перепоя голосом: «разойдись!» Страшный удар по лицу валит его на одну сторону, но другой удар с противоположной стороны поддерживает. Какой-то карманный воришка, воспользовавшись моментом, под-

ния социалиста, отстаивающего исторические интересы пролетариата п р о т и в всего буржуазного общества.

Еще циничнее и наглее об'яснения, данные г. Мильераном на собрании в Верзоне по поводу инцидента с Биржей Труда. С филистерским негодованием отозвавшись о «Руководстве для солдата» (эта преступная книжка, нимало не заботясь о национальном преуспеянии французской буржуазии, осмеливалась, видите ли, рекомендовать солдатам отказ в повиновении офицеру, когда последний будет их звать в атаку или прикажет с т р е л я т ь в с т а ч е ч н и к о в), г. Мильеран авторитетно заявил: «Так как я имею обыкновение согласовать свои поступки с тем, что я думаю, то я утверждаю, что, е с л и б ы я б ы л н а м е с т е г е н е р а л а А н д р э, я не мог бы сделать ничего иного, кроме того, что он сделал».

Революционный социалист скажет: поэтому я н е м о г у б ы т ь на месте ген. Андрэ. Мильеран говорит: поэтому я одобряю преследования за антимилитаристскую агитацию.

Таков французский реформистский «социализм» г. Мильерана со стороны теории, программы и тактики — «без недомолвок и обиняков»!

«Великий» критик марксизма г. Эдуард Бернштейн несколько лет назад приглашал партию пролетариата отбросить всякий революционизм и стать «социал-демократической партией реформ». Г-н Ал. Мильеран показал воочию, какой вид должна неизбежно принять такая партия. Картина получилась достаточно яркая, чтобы отрезвить тех, кого поколебало крикливое, рекламное «критическое» выступление Бернштейна и К°. За этот результат социал-демократия может быть благодарна ловкому карьеристу.

[Н. Троцкий]

LES BEAUX ESPRITS SE RENCONTRENT.

(По-русски примерно: свой своему поневоле брат.)

Знаменитая аграрная программа-минимум наших социалистов-революционеров (кооперация и социализация) обогатила русскую социалистическую мысль и русское революционное движение в июне 1902 года. Немецкая книга известного оппортуниста (бернштейнианца тож) Эдуарда Давида: «Социализм и сельское хозяйство» вышла в свет в феврале 1903 года. Повидимому, не может быть и речи о том, чтобы последующее произведение оппортунистической мысли заключало в себе оригинал предыдущих упражнений «социалистско-революционной» мысли? Но как же об'яснить тогда поразительное, бросающееся в глаза сходство и даже принципиальное тождество программы русских соц.-рев. и немецких оппортунистов? Не является ли уже «оригиналом» «Рев. Россия», а копией — «капитальный» (по отзыву корреспондента «Русск. Вед.») труд Давида? Две основные идеи, и соответственно им два главных пункта программы, проходят красной нитью через весь «труд» Давида. Он воспевает сельс.-хоз. кооперации, ожидая от них всех благ, требуя содействия их развитию со стороны соц.-демократии и не замечая (совсем как наши соц.-рев.) буржуазного характера этих союзов мелких хозяйчиков с мелкими и крупными капиталистами в земледелии. Давид требует превращения крупных земледельческих хозяйств в мелкие, восторгаясь выгодностью и рациональностью, экономностью и производительностью хозяйств «des Arbeitsbauern» — по-русски буквально: «трудового хозяина», выставляя верховное право собственности общества на землю и пользование землею вот этих мелких «трудовых крестьян». Положительно, немецкий оппортунист совершил плагиат у русских «со-

---

скакивает к нему сзади, запускает на виду у всей толпы руку в карман шинели и, что-то выхватив оттуда, немедленно удирает. В толпе громкий смех. «Сконфуженный» пристав ретируется. Вот какой-то околоточный бросается один к знамени с целью вырвать его. Десятки рук моментально схватывают его, срывают с него шашку и портупею и ломают и рвут их. Удары сыплются на несчастного, который спасается только благодаря револьверу, выстрелив раза три в воздух *.

«Назад, товарищи!» — вдруг раздаются крики. Полиция, оказывается, под шумок употребила хитрый маневр. Позади, на углу Таганрогской улицы, она кое-как устроила цепь и таким образом отделила от демонстрантов значительную часть народа. Демонстранты поворачивают назад, каменьями прогоняют полицию и вновь соединяются с толпой. Здесь, на углу, у Гранд-Отеля, происходит значительная остановка, поется «Марсельеза» и «Варшавянка», а затем под непрерывные крики «долой самодержавие» демонстранты вновь движутся вперед.

Вдруг на извозчике появляется сильно запоздавший полицмейстер. Он летит навстречу к демонстрантам. Но, не доезжая до них, останавливается. Свист и крики «долой самодержавие!» встречают его. Какой-то рабочий подскакивает к нему и ломает у него шашку. Под громкий хохот толпы извозчик поворачивает и исчезает со своим глупым и струсившим седоком.

«Вперед! Вперед! Долой самодержавие! Вставай, подымайся рабочий народ!» — И демонстранты движутся все вперед и вперед. Вот Николаевский переулок — здесь самая центральная часть города. На балконы вылетела вся крупная буржуазия. Мужчины — в цилиндрах, дамы — в роскошных нарядах. Нужно видеть, с какой злобой, с какой ненавистью смотрит на них толпа, как грозно она подымает против них кулаки. «Долой буржуазию! долой проклятых буржуа! да здравствует социализм!» — кричат сотни голосов. И особенно грозны, особенно беспощадны женские голоса. Невозможно описать героизма и мужества женщин-работниц. Они все время впереди, они непрерывно сзывают расстраивающиеся ряды. «Сюда, товарищи!» — звонко раздаются их голоса, выделяясь из непрерывных, оглушительных криков. «Долой буржуазию!» — кричат они, и в их криках столько ненависти, столько силы, что сердце начинает прыгать от радости в груди, как будто уже занимается заря социализма. Энергия удесятеряется, силы вырастают, — и из груди рвется непрерывный крик: «Долой самодержавие! да здравствует социализм!»

* Очень характерно, что некоторые именитые буржуа без отпора выслушивали грязную брань околоточных, сыпавшуюся на них. Брань на вороту не виснет...

циалистов-революционеров». Мелкобуржуазности «трудового крестьянина» в современном обществе, его промежуточного переходящего положения между буржуазией и пролетариатом, его стремлений «выйти в люди» (т. е. стать заправским буржуа) путем бережливости, усердия, недоедания и чрезмерной работы, его стремления к эксплоатации труда сельских «работников», — ничего этого не видит, конечно, ни немецкий мелкий буржуа-оппортунист, ни русские мелкие буржуа — «социалисты-революционеры».

Да, да, les beaux esprits se rencontrent, и в этом заключается разгадка столь трудной, на первый взгляд, задачи: определить, где копия и где оригинал. Идеи, выражающие потребности, интересы, стремления и вожделения известного класса, носятся в воздухе, и скрыть тождество этих идей не в силах никакое разнообразие костюма, никакие варианты то оппортунистической, то «социалистски-революционной» фразы. Шила в мешке не утаишь.

Во всех европейских странах, в России в том числе, неуклонно идет вперед и «утеснение» и упадок мелкой буржуазии, не всегда выражающийся в ее прямом и непосредственном вытеснении, но в громадной массе случаев ведущий к сужению ее роли в экономической жизни, к ухудшению ее условий существования, к усилению ее необеспеченности. Все ополчается против нее: и технический прогресс крупных хозяйств в промышленности и в земледелии, и развитие крупных магазинов, и рост предпринимательских союзов, картелей и трестов, и даже рост потребительных товариществ и муниципальных предприятий. А на-ряду с этим «утеснением» мелкой буржуазии в земледелии и промышленности идет нарождение и развитие «нового среднего сословия», как говорят немцы, нового слоя мелкой буржуазии, интеллигенции, которой то же все труднее становится жить в капиталистическом обществе и которая в массе своей смотрит на это общество с точки зрения мелкого производителя. Совершенно естественно, что отсюда с полною неизбежностью вытекает широкое распространение и постоянное возрождение в самых разнообразных формах мелкобуржуазных идей и учений. Совершенно естественно, что русский «социалист-революционер», всецело плененный идеями мелкобуржуазного народничества, оказывается «поневоле братом» европейского реформиста и оппортуниста, который, когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма. Именно этим последним термином и характеризовал Каутский совершенно справедливо программу и точку зрения Давида.

Мы сказали: «когда хочет быть последовательным» и подошли таким образом к той существенной особенности, — отличающей современных соц.-рев. и от старого русского народника и от некоторых, по крайней мере, европейских оппортунистов, — которую нельзя не назвать авантюризмом. Авантюризм не думает о последовательности, стараясь только уловить момент, воспользоваться борьбой идей для оправдания и сохранения безыдейности. Старый русский народник хотел быть последовательным и отстаивал, проповедывал и исповедывал свою особую программу. Давид хочет быть последовательным и решительно восстает против всей «марксистской аграрной теории», решительно проповедует и исповедует превращение крупных хозяйств в мелкие, не боясь, по крайней мере, иметь смелость своего мнения, не боясь открыто выступить сторонником мелкого хозяйства. Наши соц.-рев... как бы это помягче выразиться?.. гораздо «благоразумнее». Они никогда не восстают решительно против Маркса, — боже сохрани! Они, напротив, походя щиплют цитатами и Маркса и Энгельса, уверяя со слезами на глазах, что они с ними почти

«Товарищи! Смотрите на спины! — раздается вдруг крик — шпионы мажут краской!» — Оказывается, что шпионы, имеющие, повидимому, всегда про запас фуксин или мел, действуют в толпе, отмечая демонстрантов. Шпионы, в полном составе, налицо. Явился и жандармский полковник Артемьев, в сопровождении ад'ютанта и двух жандармов. Вся эта группа прячется от демонстрантов и при их приближении улепетывает во все лопатки. К Артемьеву подбегает шпион и о чем-то докладывает. Некоторых шпионов, замеченных, когда они намечали спины, страшно избивают.

Вперед и вперед! Миновали Николаевский и Казанский переулок. Демонстрация приближалась к Большому проспекту. От начала прошло полтора часа, настроение до того приподнято, что необходим выход, разрежение... «К тюрьме! к тюрьме!» — раздаются крики...

Но уже поздно... За полтора часа полиция успела собраться с силами и вызвать казаков. Она не решается еще действовать, хотя могла бы теперь рассеять толпу. Две силы стоят друг против друга. С одной стороны — демонстранты с красными знаменами, с другой — две сотни конных казаков, а сверху, по Садовой, навстречу демонстрантам, спешит с ружьями наперевес пешая сотня. Часть казаков оцепила находящийся невдалеке Государственный банк и казначейство, загородив кругом все улицы. Повидимому, больше всего опасаются разгрома Государственного банка, так как рядом находится Новый базар — место скопления босяков, береговых рабочих и ломовых извозчиков. Полиция, собравшись в кружок, совещается.

Момент — и красные знамена исчезают, и группа, тесно окружавшая их, рассеивается во все стороны. Полиция с опозданием бросается за ускользнувшими демонстрантами, но улица на протяжении целого квартала немедленно опустевает. Казаки с нагайками бросаются в боковые улицы, но толпа хотя и разбегается перед ними, однако не без сопротивления. На Садовой, куда почему-то казаков не пустили, действует немногочисленная полиция. С ней ведется отчаянная борьба. Пристав Антонов получил страшный удар по голове, у одного городового разбита камнем скула, другому ножом отхватили кусок носа, третий получил два удара по физиономии. Одному перешиблена кистеньком рука. Толпа отбивает арестованных. Есть жертвы и со стороны демонстрантов. Какая-то старушка лежит на мостовой и над ней стоит городовой. В чем дело, узнать невозможно. Два городовых повалили какого-то торговца на тротуар. «Не имеешь права бить», — кричит он. На углу Казанского переулка лежит, кажется, убитый какой-то юноша лет восемнадцати, около него лужа крови. Есть

во всем согласны. Они не ополчаются на Либкнехта и Каутского, — напротив, они глубоко и искренно убеждены, что Либкнехт был соц.-революционер, ей-богу был соц.-революционер. Они не выступают принципиально сторонниками мелкого хозяйства, — напротив, они горой стоят за «социализацию земли», и только невзначай случается им проговориться, что эта всеоб'емлющая, русско-голландская социализация означает все, что угодно: и переход земли в собственность общества и в пользование трудящихся (совсем как у Давида!), и просто переход земли в руки крестьян и, наконец, совсем уже «просто»: даровую прирезку...

«Благоразумные» приемы наших соц.-рев. до такой степени уже знакомы нам, что мы позволим себе, в заключение, дать им один благой совет.

Вы попали в не очень ловкое положение, господа, что и говорить. Все время уверяли, что не имеете ничего общего ни с оппортунизмом и реформизмом на Западе, ни с мелкобуржуазными симпатиями к «выгодному» мелкому хозяйству, — и вдруг является книга заведомого оппортуниста и сторонника мелкого хозяйства, который с трогательной скрупулезностью «копирует» вашу «социально-революционную» программу! Положение, можно сказать, хуже губернаторского. Но не смущайтесь: из него легко выпутаться. Стоит только... цитировать Каутского.

Пусть не думает читатель, что это описка. Нисколько. Каутский ополчается против прудониста Давида, — именно поэтому солидарные с Давидом соц.-рев. должны цитировать Каутского, совершенно так же, как они уже цитировали раз Энгельса. Возьмите № 14 «Рев. России» и вы прочтете там на странице седьмой, что «перемена тактики» у соц.-дем. по отношению к крестьянству «была узаконена» (!!) одним из отцов научного социализма, Энгельсом, — Энгельсом, который ополчился против менявших тактику французских товарищей! Как можно доказать это фокусническое положение? Очень просто. Надо, во-первых, «цитировать» слова Энгельса, что он стоит решительно на стороне мелкого крестьянина (и умолчать о том, что именно эту самую мысль выражает программа русских соц.-дем., зовущая всех трудящихся на сторону пролетариата!). Надо, во-вторых, по поводу «уступок бернштейнианству» со стороны менявших тактику французских товарищей, сказать: «смотри превосходную критику этих уступок у Энгельса». Вот этот самый, испытанный, прием мы советуем господам соц.-рев. употребить и теперь. Книга Давида узаконила перемену тактики в аграрном вопросе. Теперь уже нельзя не сознаться, что можно оставаться в рядах соц.-дем. партии с программной «кооперацией и социализацией»; только догматики и ортодоксы могут не видеть этого. Но, с другой стороны, надо признаться, что Давид, в отличие от благородных соц.-рев., делает некоторые уступки бернштейнианству. «Смотри превосходную критику этих уступок у Каутского».

Право, господа, попробуйте. Может быть, и еще разок выгорит.

[Н. Ленин]

Г-ЖА БРЕШКОВСКАЯ[6] И ЧИГИРИНСКОЕ ДЕЛО.[7]

Полемика по поводу чигиринского дела не прекращается. В № 20 «Рев. Росс.» г-жа Брешковская напечатала «Письмо в редакцию», в котором она говорит, между прочим, следующее:

«Для всех нас, современников чигиринского дела, оно явилось тяжелой неожиданностью... Большинство арестованные, но их, кажется, немного и все лица случайные и посторонние организации. Знаменосцы удачно скрылись.

Пишущему эти строки пришлось быть участником Ветровской демонстрации[8] 4 марта 1897 года в Петербурге. В этой демонстрации принимало участие до 5.000 чел. и она была очень хорошо организована. Вся масса демонстрантов шла тесной, дружной толпой. Ростовская демонстрация значительно отличалась от Ветровской. Число участников демонстрации превышало Ветровскую демонстрацию в 5 — 6 раз, — и именно поэтому невозможно было добиться той стройности и сплоченности толпы, какая наблюдалась на Ветровской демонстрации. Организованные рабочие, рассеянные в толпе в числе до 150 чел., для того чтобы постоянно притягивать массу к знаменам, не в силах были справиться с этой задачей. За шумом, криками и пением невозможно было устроить какой-нибудь порядок, сплотить массу и повести ее стройными рядами. Но внушительность демонстрации не особенно потеряла от этого. Ростовская демонстрация, по сравнению с другими демонстрациями, имеет то огромное преимущество, что в ней приняла участие масса, в количестве чуть ли не тридцати тысяч человек. И поэтому-то ее значение становится особенно крупным. Ростовская демонстрация должна явиться началом ряда массовых демонстраций по всей России.

Ростовская демонстрация явилась превосходнейшим ответом на последний царский манифест и одновременно как бы криком сочувствия партии «Народной Воли», 1 марта 1881 года совершившей свой последней героический акт. Накануне демонстрации состоялось три сходки, на которых присутствовало до 500 человек. На сходках были произнесены речи, посвященные памяти «Народной Воли», террору, как средству борьбы, и последнему царскому манифесту. В заключение на сходках была провозглашена вечная память героям «Народной Воли» — Желябову и Перовской. Таким образом, многие рабочие хорошо знали, зачем они идут на демонстрацию и какой специальный смысл, сверх обычного, имеет демонстрация. Настроение среди рабочих после демонстрации превосходно: организованные рабочие от радости буквально прыгают и пляшут. Отовсюду (и не только от рабочих) сильнейшее требование на литературу, прокламации и листки. Целый ряд рабочих, до сих пор враждебно относившихся к организации, теперь сделались самыми горячими ее приверженцами.

С. Гусев.

сидящих (кроме лиц по нашему процессу, сидели еще не высланные по процессу 50-ти и многие по небольшим отдельным процессам) резко высказывалось против способа действий Стефановича... Знавшие Стефановича защищали его от резких нападок на его личность, кто сильнее, кто слабее, но никто из известных мне деятелей, в том числе и я, не защищали приема*, который употребил Стефанович». Далее она ссылается на покойного Кибальчича[9], который в одном из писем к ней говорит, что, лично познакомившись со Стефановичем в Киевской тюрьме, он, хотя и «кончил тем, что личность Стефановича полюбил», но попрежнему «ненавидел обман и проклинал золотую грамоту».

Это показание г-жи Брешковской, без всякого сомнения, заслуживает большого внимания. Но именно по этой причине его необходимо сопоставить с другими данными, имеющимися у нас по тому же делу.

И прежде всего я попрошу читателя вспомнить напечатанное в № 12 «Рев. Росс.» письмо г. П. Кропоткина. В нем мы находим следующие строки:

«Несомненно, что в 70-х годах мнения русских революционеров насчет подложных царских манифестов, выпущенных в Чигирине, были разделены. Большинство чайковцев было против них; но среди более боевых групп, особенно на юге, Дейч и Стефанович имели не мало сторонников».

Показание г. П. Кропоткина противоречит показанию г-жи Брешковской. По словам этой последней, ни один тогдашний деятель не одобрял приема, употребленного в Чигирине тт. Стефановичем и Дейчем, между тем как г. П. Кропоткин заявляет, что многие революционеры того времени — особенно на юге — сочувствовали этому приему. Он свидетельствует также о том, что революционеры, относившиеся к тт. Стефановичу и Дейчу с безусловным сочувствием, принадлежали к более боевым группам (курсив мой). Это нужно заметить.

Чем же об'ясняется это противоречие показаний? Вполне достаточным об'яснением ему могла бы служить простая ссылка на случайность. У г-жи Брешковской речь идет о лично ей известных деятелях. Можно предположить поэтому, что ей просто не случилось встретиться с людьми, безусловно одобрявшими «золотую грамоту». И тогда останется спросить себя, нельзя ли и этой — на первый взгляд, очень странной — случайности дать рациональное об'яснение? Мы сейчас увидим, что это возможно. Но прежде я хочу, в свою очередь, сообщить читателю то, что известно мне самому об отношении революционеров семидесятых годов к чигиринскому делу.

Ранней весной 1878 года в среде «землевольцев», находившихся в Петербурге и принадлежавших к центральному ядру организации, т. е. к так называемому основному кружку общества «Земля и Воля»[10], при обсуждении вопроса о наиболее целесообразной для нас тактике подавляющее большинство не только отнеслось с полным сочувствием к приему, употребленному в чигиринском деле, но и настаивало на том, что землевольцы должны применять этот прием в своей агитации на Волге. Против этой мысли говорили только два члена основного кружка: я и еще один товарищ, которого я не назову «страха ради иудейска».

Нам обоим она показалась до такой степени идущей вразрез с задачами революционной партии, что мы решили выйти из организации в тот день, когда эта мысль примет характер обязательного для всех землевольцев постановления. Об этом нашем решении мы тогда же сообщили нашим петербургским товарищам, которым мы напомнили при этом, что никакие перемены в тактике не могут быть предприняты до тех пор, пока не опрошены провинциальные члены нашей организации. Поэтому окончание нашего спора было отложено до другого времени. Я не помню, чтобы «землевольцы» возвращались к нему впоследствии. Поэтому я не могу с полной уверенностью сказать, что прием, употребленный в чигиринском деле, одобрялся также большинством провинциальных «землевольцев». И только поэтому в моем предисловии к книге Туна я, говоря об этом приеме, выразился несколько неопределенно, сказав: «я думаю даже, что значительное большинство „землевольцев“ относилось к нему вполне одобрительно (стр. XVII). Насчет мнений тогдашних провинциальных „землевольцев“ я могу только строить догадки. Из всех догадок, возможных в этом случае, наиболее вероятной кажется мне та, что и в провинции большинство моих товарищей безусловно сочувствовало Стефановичу и Дейчу. Но я оставляю догадки и перехожу к фактам. Когда в том же 1878 году начались волнения донских казаков, то прежде всех нас проникший на Дон товарищ Р.,— правда, формально не принадлежавший к обществу «Земля и Воля», но безраздельно сочувствовавший ему и принимавший его программу, — хотел обратиться к «Славному Войску Донскому» с революционным манифестом от царского имени. При этом он собирался выдать себя за царского посланца. Я очень часто встречался с ним именно в то время, — так как я сам принимал участие в агитации между казаками, — и я очень хорошо помню мои ожесточенные прения с ним по этому вопросу. Мне стоило очень большого труда отговорить его от его намерения.

Чем же вызывалось это безусловное сочувствие Стефановичу и Дейчу? Теми самыми соображениями, которые приводил—по его собственным словам—г. Кропоткин, защищая чигиринских агитаторов на собрании русских эмигрантов в Женеве: «Во всей русской истории видно,— говорит он,—как сам народ прибегает к подложным указам, к слухам о царских манифестах и даже к самозванцам, чтобы расшевелить неподвижные крестьянские массы. Такие слухи, так же как и слухи о каком-нибудь Гарибальди,[11] идущем освободить крепостных, или о Стеньке Разине, проявившемся на Волге, всегда были излюбленным средством у зачинщиков из самого народа. Эти зачинщики пользовались, однако, слухами о царских указах и грамотах и т. п. не ради обмана, а скорее как средством защиты или оправдания на случай неудачи. Известно, что не только люди, близко стоявшие к Пугачеву, но и крестьяне внутри России говорили про него: „будь он хоть чортов сын, лишь бы помог извести помещиков и чиновников“. Кроме того, я также указывал на крестьянское движение, начавшееся в восточной Франции в 1788 г. и приведшее в следующем году, в июле, к восстанию в горах и ко взятию Бастилии

* Курсив г. Брешковской.

и на почве которого разыгралась вся политическая революция, вплоть до 1793 г. Изучая это движение, я нашел явные следы, что крестьяне поднимались весьма часто под впечатлением, что король приказал брать господские усадьбы, а затем именем короля жгли уставные грамоты (terriers) и отбирали у господ землю, захваченную ими у сельских общин. Были и „грамоты" и есть даже следы самозванца, — что не помешало однако, два года спустя, тем же крестьянам восточной Франции стоять за своих депутатов, подавших голос за казнь короля и за республику». Читатель должен заметить эти соображения. Хотя действовавшие в России народники и не имели возможности подробно ознакомиться с историей французских крестьянских движений, но психология русских народных бунтов об'яснялась ими совершенно согласно с тем, что говорит о ней здесь г. Кропоткин. И если эти народники решались прибегать к грамотам и манифестам от имени царя или одобряли такие манифесты и грамоты, то и они делали это вовсе «не ради обмана», а потому, что верили в революционную логику стихийного крестьянского взрыва и думали, что, совершившись даже во имя царя, такой взрыв неизбежно приведет к отрицанию царской власти. Эта вера в революционную логику крестьянского движения естественно должна была возникнуть, укрепиться и разрушиться вместе с народничеством. А так как народничество, т. е. тот самобытный русский социализм, о котором говорит т. Дейч, возникло и окрепло лишь в половине семидесятых годов, то неудивительно, что этой веры не было у людей предшествовавшего, донароднического революционного периода, т. е. у людей, сидевших в тюрьме одновременно с г-жей Брешковской. Вот почему между этими людьми и господствовало то отрицательное отношение к чигиринскому приему, о котором говорит г-жа Брешковская. Для них это отрицательное отношение было так же естественно, как естественно было у их непосредственных преемников — народников-бунтарей — безусловное сочувствие Стефановичу и Дейчу. Если я и некоторые другие землевольцы не разделяли этого безусловного сочувствия, то надо сознаться, что наши тогдашние товарищи рассуждали последовательнее, чем мы.

Все дело об'ясняется, стало быть, очень просто содержанием и сменой идей в нашем революционном движении. Вопрос о нравственности русских революционеров различных периодов тут решительно не при чем, и напрасно поднимает его г-жа Брешковская. Она показывает этим только то, чего ей отнюдь не следовало показывать, т. е. что она слишком плохо знакома с историей той «социально-революционной» партии, которую она вздумала защищать. И как странно, как неумело защищает она эту партию!

«Из совокупности некоторых заявлений „Искры" и „Зари" и литературных предшественников их (изд. Гр. «Освоб. Труда»), — говорит она, — революционной молодежи остается только заключить, что вся прошлая работа социально-революционной партии в России была сплошной ошибкой». Жаль, что г-жа Брешковская не говорит нам, какая именно «совокупность некоторых положений» наших может оправдывать это странное умозаключение. Если бы она внимательно отнеслась к нашим изданиям, то она и сама увидела бы, что ничего подобного нельзя заключить из них. В доказательство я могу сослаться хотя бы на первое же литературное произведение первой же русской социал-демократической группы, — на мою брошюру «Социализм и политическая борьба». В предисловии к этой брошюре говорится: «Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что „освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса", — эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. Теоретические же его положения... кажутся мне во многих отношениях ошибочными». Неужели сказать это — значит утверждать, что «вся прошлая работа социально-революционной партии в России была сплошной ошибкой»? Я не знаю, о какой именно «молодежи» говорит г-жа Брешковская; но я думаю, что эта молодежь не лишена элементарного здравого смысла и, благодаря этому, поймет, что несогласие с «теоретическими положениями» известной партии вовсе еще не равносильно «сплошному» осуждению ее деятельности. Притом же та «социально-революционная партия», которую имеет в виду г-жа Брешковская, в свою очередь далеко не была «сплошною». В ней тоже были разные течения, сменявшие друг друга и не обходившиеся без критики. Народники не соглашались со своими предшественниками-пропагандистами; народовольцы резко оспаривали народников. Дурно было это или хорошо? Если дурно, то почему г-жа Брешковская не осуждает их? А если — хорошо, то почему критика, уместная и полезная в том случае, когда ее позволяет себе народник или народоволец, становится вредной, неуместной и безнравственной, когда за нее берется социал-демократ?

Мы никогда не предаем никого анафеме. Мы только дерзаем свое суждение иметь. Да и вообще предавание анафеме не в обычае у людей, которые критикуют, т. е. апеллируют к разуму читателя. За «анафему» охотно хватаются те, которые восстают против критики и, чтобы зажать рот своим противникам, стараются подействовать на чувства своих читателей или на слушателей жалкими словами. На это есть тьма охотников; мы не из их числа.

Если кто предан анафеме, то преданы ей мы и преданы именно в письме г-жи Брешковской. Письмо это написано как раз тем тоном, которым говорят священники и первосвященники, отлучающие грешников от своей церкви. Нас, конечно, не испугают никакие анафемы. Но я замечу г-же Брешковской, что ей следовало бы поместить в какую-нибудь другую статью анафему, приготовленную для Гр. «Освобождение Труда» и «Искры» с «Зарею»... Ведь в ее письме речь шла о том, ошибался или не ошибался т. Дейч, утверждавший, что прием, употребленный в чигиринском деле, был сочувственно встречен рускими революционерами. Г-жа Брешковская находила, что т. Дейч ошибался. Ей и надо было просто заявить это. Но она вообразила, что т. Дейч хотел набросить тень на нравственность революционеров 70-х годов, и потому она решила, в свою очередь, набросить тень на т. Дейча и его нынешних единомышленников. Она погорячилась, вследствие этого все ее показание приняло довольно странный вид. Оно напоминает следующую сцену из очерка Г. И. Успенского «Тише воды, ниже травы»:

... «На вопрос, знает ли она подсудимую, свидетельница отвечала:

— Как не знать-с, ваше высокоблагородие, она мне посейчас два рубля серебром должна. Очень знаем-с!

— Что вы скажете насчет ребенка?

— Да утопила она его, больше ничего-с! Потому она имеет очень вредный характер, ваше сиятельство... она посейчас не может мне, хошь бы по гривеннику в месяц, двух рублей-с" и т. д. и т. д.

Изображенная Г. И. Успенским мещанка-свидетельница поступила бы много тактичнее, если бы не упоминала о том, что подсудимая не отдала ей своего долга; г-жа Брешковская поступила бы много тактичней, если бы умолчала о том, что т. Дейч и его нынешние единомышленники задолжали ей... то бишь — огорчили ее своим очень вредным характером, то бишь своей критикой старых революционных программ и воззрений.

Г. Плеханов.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

НОВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЦАРСКОГО «ПРАВОСУДИЯ».

Утверждаю. 3 января 1903 г. Член палаты Бабушкин.
Копия.

Обвинительный акт

о крестьянах Пермской губ., Кунгурского уезда, Серебрянской волости и завода, Василии Семенове Киселеве и Верхотурского уезда, Нейво-Алапаевской волости, деревни Алапаихи: Гаврииле Иванове Кабакове, Иване Григорьеве Глухих, Петре Петрове, Дмитрии Степанове, Иване Емельянове, Павле Петрове и Якове Иванове Залесовых, Иване Александрове, Андрее Иванове, Степане Федорове, Петре Петрове, Андрее Потапове, Александре Иванове, Николае Федорове, Василии Федорове и Николае Николаеве Кабаковых, Семене Евгеньеве Глухих и алапаевском мещанине Иване Львове Крылове.

В 11 час. ночи 21 ноября 1902 г. на Верхне-Тягунский рудник, Нейво-Алапаевского завода, Верхотурского у., образующий отдельный поселок, было сделано нападение 18 злоумышленниками, приехавшими на лошадях, запряженных в коробки. В этом поселке имеются казармы и два магазина, в которых хранились различные горные инструменты, вагонные оси, стрелки, пожарные машины и др.; в том же поселке находится лавка, принадлежащая крестьянину Тим. Вяткину, и пекарня, в которой проживал Вяткин с женой и два его работника, Яков и Михаил Борисовы. Напавшие на поселок лица имели при себе огнестрельное оружие, топоры и ломы. Для устрашения обитателей поселка они стали стрелять, били в стены пекарни и в то же время, сломав у двери лавки запор, разграбили весь оказавшийся там товар, которого, как видно из показаний Вяткина, было на 115 рублей. На запертых дверях обоих магазинов были усмотрены: у одного магазина — следы ударов ломом, у другого — раскол дерева около замка и повреждение накладки запертого замка, но проникнуть в магазин злоумышленникам не удалось. В запертой казарме ими были сломаны рамы и из казармы похищена пожарная машина. Уезжая с награбленным по направлению к Нижне-Тягунскому руднику, грабители стучали в двери пекарни и кричали Вяткину: «Где у тебя именье? Что мало в лавке? Сказывай, а то убьем!», после того разбили в пекарне стекла, а один из них кричал Вяткину: «Не выходи до света; а если выйдешь, то убьем; считай за счастье, что даем тебе душу на покаяние». После их от'езда Вяткин и бывшие с ним услышали с Н.-Тягунского рудника сильные крики и выстрелы. На этом последнем руднике имеются контора, два магазина с горными инструментами, казармы, дом смотрителя рудников Пастухова и еще несколько построек. В'ехав в этот поселок, злоумышленники, как видно из показаний проживающих на руднике штейгера Деева и караульного Кропанцева и кухарки отсутствовавшего из дома Пастухова Марфы Пыриной, прежде всего стали стрелять и бить рамы и стекла в конторе и доме Пастухова. Они стреляли прямо в строения: так, одна пуля ударила в квартире Пастухова с улицы в окно во внутреннюю дверь кухни и пробила ее, едва не задев Пырину, стоявшую в кухне около этой двери. Кроме сего, после нападения Деев видел в стеклах окон Пастухова два круглых отверстия от пуль, а по осмотру при следствии одного из магазинов рудника на его двери оказалось семь пулевых отверстий. Тем же осмотром установлено, что при нападении на Н.-Тягунский рудник в конторе были сломаны летние рамы и стекла в зимних, дверная дверь (?) рассечена топором, дверная скоба изогнута, в казарме в двух окнах сломаны летние рамы, у дверей первого магазина вырван у замка пробой, то же оказалось и у двери второго магазина, у которой, кроме того, был согнут внутренний запор и на косяке имелось более десяти вдавлин от лома. Упомянутый выше караульный Кропанцев при следствии показал, что 21 ноября в 11 час. ночи он увидел, что от В.-Тягунского рудника под'езжает саней 15; он пошел к ним, как вдруг из кошевни выскочил мужик, выстрелил навстречу ему из револьвера, а за ним стали стрелять и другие, сидевшие в коробках. Кропанцев побежал назад, к квартире штейгера Деева. Последний приказал ему также выстрелить. В это время напавшие стали громить контору и дом Пастухова и грабить магазины, причем крики, ругань и выстрелы продолжались часа полтора. Кропанцев побежал на соседний Зыряновский рудник № 12 и дал знать о случившемся штейгеру Чернавину. Последний с некоторыми рабочими тотчас же приехал на Н.-Тягунский рудник. Злоумышленники, занятые у магазинов нагрузкой в коробки награбленного имущества, не заметили его прибытия. Он пытался подойти к ним и сделал несколько выстрелов на воздух, желая устрашить грабителей, но его ружье сделало осечку; грабители же, заметив, что защитников рудника мало, стали сами стрелять и бросились на Чернавина, который должен был отступить с сопровождавшими его лицами. Один из них, Г. Ф. Киселев, при следствии показал, что, убегая от погнавшихся за ним, он успел забежать в ворота дома Пастухова и замкнуть их. Гнавшийся ударил чем-то по воротам и сказал: «прав, что успел забежать». Призвать помощь против грабителей не представилось возможности, так как они перед нападением сорвали проволоку телефона, соединявшего рудники с Нейво-Алапаевским заводом.

Рабочий соседнего Зыряновского № 12 рудника Федор Борисихин, посланный той же ночью Чернавиным в Н.-Алап. зав. известить администрацию последнего о нападении на рудник, и проследил, что обоз лиц, совершивших разграбление рудников, направился в сторону дер. Алапаихи, отстоящей верстах в восьми от Тягунских рудников, и свернул с проезжей дороги в поле этой дер. к овинам по целому снегу.

При производстве полицией в ту же ночь розысков в указанном Борисихиным направлении были усмотрены свежие санные следы по снегу, шедшие к полям кр-н д. Алап. в разных направлениях и затем терявшиеся на улицах этой дер. В поле, вблизи означенных следов, оказалась зарытою в снег часть похищенных в Тяг. рудн. вещей.

Утром 22 ноября по дороге на Тяг. рудн. проезжавшими туда лицами было замечено на дереве об'явление, написанное карандашом на полулисте серой бумаги, без подписи, где от имени неизвестных лиц, рабочих на рудниках, говорится, что они — не воры, а только голодные, как волки, люди, что их неволя заставляет воровать, что они будут грабить до тех пор, пока работа не направится, и убьют смотрителей за то, что те не уважают народ.

Так как почерк, которым написано это об'явление, по об'яснению алап. вол. старшины Коробкина, оказался похожим на почерк кр-на Алап. Ив. Гр. Глухих, то при следствии произведено было сличение их, причем эксперты пришли к заключению, что об'явление несомненно писано Ив. Глухих.

Изложенные данные дали указание на то, что лицами, разграбившими Тяг. рудн., были кр-не дер. Алапаихи.

При розысках лиц, принимавших непосредственное участие в разграблении Т. рудн. и похищенных вещей, утром 22 ноября полицией в усадьбе кр. д. Ал. Дм. Залесова были найдены зарытыми в снег 27 жел. шпал и др. предметы, а в подвале дома кр. П. Залесова — три лома; лошади того и другого оказались сильно вспотевшими. Упомянутый выше торговец, он же и сторож В.-Тяг. рудн., Вяткин и его жена, находясь при разграблении рудника в пекарне, признали по голосу, что в числе злоумышленников был кр. д. Ал. И. Залесов, что с положительностью и удостоверили при производстве следствия.

29 ноября полиц. урядник Бердышев, производя розыски, дознал, что кр-н И. Глухих и мещ. И. Крылов 25 ноября признались кр-ке Кабаковой, что они участвовали в нападении на рудн. и расхищении с них разного железа, и указали места, где это железо лежит. В указанных местах полицией было найдено три воза различных вещей, похищенных с рудников в ночь на 22 ноября.

Привлеченный вследствие сего к делу в качестве обвиняемого, Ив. Крылов признал себя виновным в нападении на рудники и участии в их разграблении и об'яснил, что кр-не д. Алап. вынуждены заниматься горными работами с давних пор; отцы и деды их этими работами «возвысили» завод, но в последнее время заводоуправление стало принимать на работы пришлых людей и отдавать им самые выгодные, лучшие раб., как, напр., Вяткину, а им, жителям д. Алап., дают возку руды — такую работу, которая плохо оплачивается. Доведенные всем этим, по об'яснению Кр., до крайне бедственного положения, кр-не дер. Алап. с месяц совещались, как им быть, и надумали добыть себе хлеб и отомстить за обиду, расхитив железо и пр. из рудничных складов и «напакостить» вместе с тем «иностранцу» Вяткину, что и исполнили в ночь на 22 ноября, выбрав для этого Тяг. рудн., потому что на них работы самые выгодные. Желающих ехать на рудники было много, и поехали на 16 подводах, ни от кого не скрываясь. В нападении участвовали (такие-то, 17 обвиняемых — все кроме Киселева и Гавр. Кабакова).

Все перечисленные лица, допрошенные в качестве обвиняемых, признали себя виновными в нападении на В- и Н.-Тяг. рудн., причем об'яснили: И. Глухих — что снятое с дерева об'явление написано им по уговору с своими товарищами: П. Залесов — что, приехав на рудники, они стреляли, чтобы досадить рудничной администрации; при разграблении магазинов замки на обоих рудниках ломали Ив. Крылов и И. Глухих; обв. Я. Залесов — что он похитил три пилы и рельсы, всего до 15 пудов; И. Кабаков взял себе из лавки Вяткина до 14 пудов овса и 4 пуда сахара, большую часть этого издержал, а остатки выдал уряднику Бердышеву; А Кабаков — что во время нападения при нем была пешня и что он привез домой и спрятал на гумне ок. 15 пуд. железа, которое и было найдено урядником; С. Кабаков — имел при себе берданку, которую во время нападения взял у него И. Глухих; Кабакову из похищенного также досталось ок. 15 пуд. жел. вещей, которые он скрыл в поле, близ дер. Алапаихи, где они на другой же день и были найдены полицией; П. Кабаков — что во время грабежа на рудниках в его сани была положена пожарная машина; А. Кабаков — что он во время нападения не имел своей лошади, и ему досталась сыромятная кожа и рукавицы, похищенные, по словам Вяткина, из лавки последнего; Н. Кабаков — что дорогою на рудники Д. Залесов оборвал у телефона проволоку и что ему, Кабакову, достались из похищенного десять ломов, найденных при розыске; В. Кабаков — что на рудниках били стекла и ломали замки Крылов и И. Глухих и что он, обвиняемый, получил 28 ломов и 7 осей; Н. Кабаков — что во время похищения ему набросали в коробок стрелки, которые он спрятал у себя на огороде, где они и были найдены; обв. С. Глухих — взял, по его словам, до 10 п железа и помнит, что бочку с керосином из лавки Вяткина увез И. Залесов.

При исследовании мотивов преступления, составляющего предмет сего дела, выяснилось след.: кр-не дер. Алапаихи, имея незначительные земельные наделы, с давних пор добывают себе средства к существованию преимущественно работою на рудниках Алап. зав., получая достаточную плату для того, чтобы могли жить безбедно (?!), хотя всегда были недовольны ею и просили постоянно прибавки. В 1902 г. плата за работу на рудниках стала понижаться, а кроме того к осени работы на некоторых рудниках были сокращены или даже совсем прекращены до нового года, благодаря чему заработок кр-н дер. Алапаихи уменьшился; это вызвало среди них ропот, они стали высказывать неудовольствие на заводскую администрацию. К этому присоединилось еще и то, что иногда расчет с рабочими стали производить не два раза в месяц, как было раньше, а только один раз, а вместе с тем, вместо денег, рабочим нередко выдавались администрацией рудников купоны на получение, в счет заработной платы, товара из общественной потребительской лавки Н.-Алап. зав., но в ней рабочие не всегда находили нужный для них товар и принуждены бывали взятое ими в лавке, за ненадобностью, перепродавать с убытком для себя, чтобы выручить деньги на покупку необход. для себя предметов.

С октября месяца кр-не дер. Алапаихи стали собираться на сходки, куда пускали не всех.

Как видно из показаний обвин. А. И. и А. П. Кабаковых, П. Залесова и С. Глухих, — эти сходки собирал пользующийся среди алапаевских крестьян исключительным влиянием и доверием крестьянин Гавриил Иванов Кабаков; сходки происходили в его доме, а также в доме И. Ф. Кабакова и в пожарной. В этих сходках участвовал приезжавший для сего в Алапаиху кр-н Кунг. у. Серебр. зав. Василий Семенов Киселев, знакомый только Г. Кабакову и выдававший себя за студента. На упомянутых сходках Киселев читал книжки крестьянам и давал об'яснения. Так, на сходке у И. Кабакова Киселев внушил собравшимся, что вся земля отдана капиталистам, что крестьяне должны отбирать у владельцев открытою силою все, что крестьянам надо, и грабить рудники (?). К тому же Киселев склонял крестьян и 30 октября на сходке в пожарной, причем Г. Кабаков говорил собравшимся, чтобы они слушались советов этого человека. По словам А. Кабак. и С. Глухих, алапаевцы и решились напасть на рудники, благодаря увещаниям и уговорам Киселева; по указаниям Г. Кабакова они поступали и сгубили себя тем. Эти об'яснения обвиняемых вполне подтверждаются свидетелем, доверенным алапаевского общества О. С. Кабаковым, который показал, что сходку 30 октября собрал Г. Кабаков и привел туда неизвестного молодого человека, оказавшегося впоследствии Киселевым. Последний стал беседовать с собравшимися крестьянами и говорил: «Вот у вас землю отбирают и отдают капиталистам, у которых надо отбирать все открытою силой и грабить их. Вот вы получаете на рудниках за куб. саж. 1 р. 40 к. — какая это плата? Надо выбивать с них плату, как следует». Он много еще толковал об этом и поносил правительство, причем предупреждал: «Смотрите, братцы, если кто вынесет нашу беседу, того через два дня не будет». Свидетель также удостоверяет, что Г. Кабаков говорил крестьянам, чтобы они слушались этого человека и следовали его советам. После этой сходки, по словам свидетеля, алапаевские крестьяне стали собираться и совещаться о чем-то и, наконец, в ночь на 22 ноября совершили нападение на рудники.

Привлеченные к делу в качестве обвиняемых, В. Киселев и Г. Кабаков не признали себя виновными в подстрекательстве к разбою и показали: Киселев — что он бывал в Алапаихе у своего знакомого Г. Кабакова и они иногда почитывали. О сходке 30 октября он знал заранее и был на ней. Во время сходки он беседовал с крестьянами, интересуясь их жизнью, расспрашивал о заработной плате и читал им книжку о благоустройстве крестьян и об обязанностях волостного и сельского начальства. Г. Кабаков при допросе утверждал, что никаких сходок он не устраивал и крестьян к нападению на рудники не подстрекал; к нему действительно ходил какой-то молодой человек, по имени Василий, который ухаживал за его дочерью; ни в какие беседы он с ним не входил и фамилии его не знал. Но, кроме вышеизложенного, приведенное об'яснение Г. Кабакова опровергается показанием десятского Евсеева, который случайно попал в октябре на сходку в доме И. Кабакова. При входе его Г. Кабаков сказал ему: «Тебе здесь дела нет, оно тебя не

касается, ты — полицейский». Евсеев ответил, что он никому не скажет того, что услышит. Тогда Г. Кабаков, очевидно хорошо понимавший преступность происходившего, предупредил Евсеева: «Смотри, выбирай из двух любое, или тебе — крышка».

На основании вышеизложенного, крест. д. Алапаихи: И. Глухих, 21 г., Пав. Залесов, 39 л., Д. Залесов, 24 л., Петр Залесов, 39 л., И. Залесов, 25 л., А. Кабаков, 22 л., С. Кабаков, 24 л., Л. Кабаков, 22 л., А. П. Кабаков, 20 л., А. И. Кабаков, 23 л., Н. Кабаков, 30 л., И. Кабаков, 37 л., Я. Залесов, 24 л., В. Кабаков, 30 л., С. Глухих, 19 л., Н. Кабаков, 21 л., мещ. И. Крылов, 27 л., кр-н Гавр. Ив. Кабаков, 52 л., В. Киселев, 22 л. обвиняются: первые 17 чел. в том, что, склоненные убеждениями Гавр. Кабакова и Вас. Киселева, вследствие враждебных отношений к н.-алапаевскому заводоуправлению и администрации заводских рудников, а также к крестьянам других деревень, работающих на этих рудниках, возникших на почве экономических отношений, они, по предварительному между собой соглашению, 21 ноября 1902 г. в дер. Алапаихе образовали публичное, на глазах жителей этой деревни, скопище и соединенными силами совершили вооруженное нападение на поселение при В.- и Н.-Тягунском рудниках, где разбили рамы и стекла в нескольких жилых зданиях, сломали замки у лавки торговца на В.-Тягунском руднике и у материальных складов на Н.-Тягунском руднике и открыто похитили из первой — товар торговца, а из вторых — разное рудничное имущество, для совершения какового похищения они, с целью устрашения лиц, проживающих в означенных поселках, и устранения их сопротивления, производили выстрелы из огнестрельного оружия и произносили угрозы, явно опасные (?) для жизни этих лиц, т. е. в преступлении, предусмотренном 13, 1 ч. 269[1], 1629 и 1632 ст. Улож. о нак.; Вас. Киселев и Гавр. Кабаков — в том, что, не принимая непосредственного участия в описанном выше скопище и похищении имущества, убеждениями и подговором склонили указанных выше лиц составить это скопище и совершить нападение на поселение при рудниках, с целью открытого похищения находившегося там имущества, что этими лицами и было исполнено 21 ноября 1902 г., т. е. в преступлении, предусмотренном 3 ч. 269[1], 13, 1629 и 1632 ст. Улож. о наказ.

Вследствие сего и на основании 201[1] ст. Уст. угол. судопр. все вышепоименованные обвиняемые подлежат суду Казанской судебной палаты с участием сословных представителей. Обвинительный акт составлен 28 дек. 1902 г. в г. Казани.

Подлинный подписал прок. Каз. суд. пал. Кичин.

Свидетелей — 35 чел., обвиняемых — 19 чел.

* * *

Товарищ, приславший нам этот документ, пишет:

«Насколько мне известно, алапаевское дело является первым, в котором самодержавное правительство в своей злобе на самоотверженных борцов за народную долю применяет к ним обвинения уголовного и исключительно уголовного характера. Обвинение Ларионова (процесс 193-х) в похищении лошади и телеги у волостного старшины, когда ему необходимо было немедленно скрыться от угрожавшего ареста, терялось в массе политических обвинений и не производило никакого впечатления. Положение В. Киселева и Г. Кабакова существенно другое. Правительство обвиняет их исключительно в уголовных преступлениях, вопреки всем фактам, выяснившимся на следствии, как судебном, так и жандармском, ведшемся параллельно. Стремясь не только каторжным приговором обезвредить своих политических врагов, но и „опозорить" их в глазах общества кличкой уголовного преступника, правительство, в лице прокурора *, не обращает внимания даже на им составленный обвинительный акт. Г. Кабаков сносится с революционными деятелями, помогает им и сам участвует в их революционной деятельности, организует рабочих и крестьян, устраивает революционные собрания, находит для них оратора, руководит ими и т. д. и т. д. В. Киселев сносится с революционерами, произносит революционные речи на сходках, агитирует среди рабочих и крестьян, говорит им о невыносимо низкой заработной плате рабочих, об обезземелении крестьян * при помощи «Закона о наделении крестьян замлею», призывает их ко всенародному восстанию за социализм («отобрать все — у капиталистов — открытою силою»). Все это говорит правительство в обвинительном акте — и правительство же, подчеркнув, что Киселев и Кабаков знали «всю преступность» своих действий, отдает под суд за подстрекательство к разбою и грабежу! Революционер открывает рабочим светлую картину грядущего социализма — самодержавие обвиняет его в подстрекательстве к грабежу! Революционер призывает ко всенародному восстанию — правительство ссылает его на 14-летнюю каторгу ** за «подстрекательство к разбою»! Какое циничное лицемерие!

Ссылка на каторгу по уголовным обвинениям за пропаганду и агитацию и полевой суд *** за демонстрацию, переходящую в восстание, — вот, на-ряду со старым, изведанным в годину 1 марта, средством лживо-либеральных указов, те новые средства, которыми самодержавие пытается отдалить свою неминуемую гибель. Но китайская стена, которою правительство старается замкнуть рабочий класс в невыносимой сети дикого крепостничества, разнузданного капиталистического барышничества и всепроникающей бюрократической регламентации и заградить рабочим путь к знанию верных и действительных путей борьбы, — эта китайская стена разрушается самою жизнью в самых глухих уголках царской державы. И в том же Алапаевском заводе, из округа которого сослано на каторгу два сознательных революционера и 17 рабочих и крестьян, виновных лишь в том, что они «голодны, как волки», что, благодаря самодержавному строю, они еще не сознали верных путей борьбы, — в этом самом заводе правительство вынуждено снова бороться с непрекращающимся движением, производить новые и новые обыски и аресты. «Уголовные» приговоры не остановят революционеров, знающих, за что они борются и идут на каторгу, и с гордым презрением отвергающих предложения лицемерного правительства купить избавление от такого приговора ценою измены дорогому делу борьбы ****. Не революционеры, а само правительство опозорится этим приговором в глазах всего народа, который теперь все яснее сознает, где его друзья, где его враги. Грозной волной движения отзовутся томские полевые суды по всей России и сделают еще ближе, еще грознее то желанное время, когда все писаные и неписаные «обвинительные акты», сочиненные самодержавием против народа и его вождей — революционеров, сложатся в один и безмерный обвинительный акт о самодержавии, когда в ответ на лживые слова царских указов о веротерпимости восставший народ скажет свое непреклонное: «Нет терпимости для самодержавия и его носителей!».

У Г. И. Кабакова взято письмо его сына, студ. Спб. Лесного инст., в котором тот говорит о революционном движении и выражает свою уверенность в том, что восстание неизбежно. По слухам, Кабаков-сын арестован в Спб.

По поводу дела Гоца. Сообщаем, по просьбе нашего друга, известного итальянского социалиста Э. Ферри, его письмо к Плеханову:

---

* Этот прокурор — «знаменитый» Кичин, который в 80-х годах прославился в Петербурге как свирепый и реакционный председатель суда, а в 90-х годах как самый зловредный «политический» прокурор. После ветровской истории, в которой Кичину принадлежала главная роль, его пришлось убрать из Петербурга.

* Об этом невероятном даже в России законнообставленном преступлении уральских заводчиков мы надеемся поговорить в особом письме.

** Приговор последовал.

*** Так, по утверждению осведомленных судебно-административных властей, будет в Томске.

**** В. Киселеву предлагали освободить его от каторги и не привлекать его к этому делу, если он подаст на «высочайшее имя» прошение о помиловании и выдаст всех революционеров, с которыми имел дело и от которых получил издания «Искры» и другие найденные у него революционные издания.

Дорогой друг, прошу вас сделать следующие поправки к известию, напечатанному в № 36 «Искры»:

1) Энгель (Зильберфарб) не обвинялся в сообщничестве с Балмашевым: он был арестован в административном порядке и освобожден после того, как ваше свидетельство в его пользу было сообщено мною министру Джиолитти.

Бумаги, взятые у Гоца при аресте, не были показаны, ни русскому консулу ни другим лицам. Вследствие протеста Гоца они были положены в запечатанный конверт и министр Джиолитти обязался предо мною не сообщать их никому. Они будут сегодня же посланы Михаилу Гоцу, который только что освобожден по постановлению обвинительной камеры, высказавшейся против выдачи.

Я счастлив тем, что мог содействовать такому хорошему результату.

Шлю вам свои приветствия и остаюсь ваш Энрико Ферри.

Студенческие волнения в С.-Петербурге. Сходка слушательниц Женского медиц. института, имевшая целью протестовать против новых, стеснительных для студенток правил об экзаменах, привела к закрытию института 11 марта. Это обстоятельство послужило толчком к движению в университете. 18 марта студенты устроили сходку, на которой большинством 496 голосов против шести принята резолюция, выражающая солидарность студенчества с участниками февральских и мартовских демонстраций этого года, протестующая против поведения начальства Медицинского института, отвергающая снова легальные организации и приглашающая всех студентов к устройству «общенародного» митинга протеста против самодержавия.

Университет был закрыт. Появилось правительственное сообщение, которое об'являет главным виновником беспорядков... студенческую столовую. В этой столовой-де происходят собрания, читается «подпольная» литература, устраиваются конспиративные свидания... Закрытие столовой решено гг. Плеве и Зенгером. Не нужно лучшей иллюстрации к усвоенной уже студенчеством истине, что «легальные организации» при самодержавии всегда висят на волоске. Пресмыкающаяся пресса сочла своим долгом заняться увещанием студентов. «Петербургские Ведомости» пытаются даже взывать к «патриотизму», туманно намекая на предстоящие важные события на Балканском полуострове. Нам кажется, что кн. Ухтомский, если ему непременно хочется толковать о студенчееском движении, должен был бы прежде всего рассказать своим читателям о первом акте или, вернее, прологе мартовских беспорядков. Таким прологом был протест, посланный ему почти 400 студентками Медицинского института и клеймящий то недостойное отношение, которое «Петербургские Ведомости» проявили к манифесту 26 февраля. Получив эту, заслуженную, впрочем, пощечину, от учащейся молодежи, кн. Ухтомский может отказаться от мысли влиять на студенчество. Там, где нет и тени уважения, какая же может быть речь о влиянии?

Екатеринослав. Как сообщалось в предыдущем №, студенты Высш. горн. училища решили продолжать забастовку, не обращая внимания на то, что их товарищи, из-за которых началось движение, недостойно повели себя, обратившись к царю с просьбой о помиловании. Организационный Комитет студентов, призывая к продолжению движения с требованием предания студентов-демонстрантов гласному суду, с достаточной резкостью отозвался о поведении гг. Шахновича, Карпова и других, подававших слезницы. В ответ появилось протестующее письмо одного из них, требовавшее, чтобы дело было рассмотрено судом чести.

19 марта в училище была довольно бурная сходка, продолжавшаяся с 11 часов утра до шести часов вечера. На сходке после обсуждения вопроса о поведении студентов, пославших телеграмму министру внутренних дел, решено было предать их суду чести, причем сходка признала, что хотя Организационный Комитет вполне прав принципиально в своем осуждении поведения просивших о помиловании, не должен был, однако, так резко их аттестовать в своей прокламации (?). По вопросу о том, продолжать ли забастовку, сходка разделилась на две партии: небольшая часть (человек 60) стояла за возобновление занятий и заявила, что не подчинится решению большинства, постановившего продолжать забастовку. 20 февраля в училище никто не пришел. Говорят, что училище закроют до осени.

Вот подлинная речь одной учительницы местной женской гимназии, г-жи Г. В. Юрченко, сказанная ею 19 февраля в одном из старших классов гимназии:

«Дети, вы, наверное, знаете, что сегодня день освобождения крестьян. Их освободил император Александр II и этому содействовали многие ученые люди; делали они это не исподтишка, как это делают теперешние глупые молодые люди, которые подбрасывают ночью под заборами прокламации и думают, что из этого что-нибудь выйдет. Но напрасно: из этого ничего не выйдет. Если бы они были люди честные и действительно любящие свой народ, то они бы открыто написали царю, что он ошибается; ошибаться может каждый человек, тем более человек, которому нужно делать не одно дело, а сто дел в день. Как отец заботится о своем семействе, так и царь — о своем народе. Ему жалко каждого кусочка земли, каждого человека; поэтому он постарался бы исправить ошибки. Но написать им не позволяют (!!), потому что они не пишут как люди хорошие и честные, а поносят правительство; если им не нравится какой-нибудь чиновник, они сейчас поносят все правительство и стараются пустить какому-нибудь нашему благодетелю (!) пулю в лоб. Вы же, дети, старайтесь этого не делать (!). Вам может попасться человек старый, который своим красноречием завлечет и вас, но вы не обращайте внимания, ибо такие люди недостойны уважения, но достойны презрения».

Хорошо говорит г-жа Юрченко. Мы только опасаемся, что после ее туманных фраз гимназистки должны были почувствовать непреодолимую потребность узнать, в чем же собственно дело, а для этого разыскать те прокламации, которые сочиняют «глупые молодые люди», среди которых, впрочем, по уверению г-жи Юрченко, бывают и совсем старые.

«Земщина» у ног «опричнины». Печатаем полностью позорный «всеподданнейший адрес», которым разразились орловские земцы, руководимые Стаховичем в ответ на царский манифест от 26 февраля. Нелепый писк орловских «излюбленных людей» не требует никаких комментарий: своим пресмыкательством перед правительством г-на Плеве, своим «киванием на Петра» — на «смуту», якобы мешающую каким-то «царственным трудам» (может быть, «трудам», направленным на окончательное культурное опустошение России?) — всеми этими, столь обычными для земцев свойствами их политической «деятельности» орловский адрес говорит сам за себя. Скажем одно только: «оппозиция», которая с такой готовностью помогает правительству одурачивать общественное мнение, может быть уверена, что ее, в свою очередь, не преминет паки и паки надуть та чиновничья шайка, которой она оказывает эти недостойные услуги.

Стахович с братией нагло выступают «как представители всего населения». Они хорошо знают, что у «всего населения» нет легальных средств протестовать против этого политического самозванства, против этой земской фальсификации истинных мыслей и чувств большинства русских граждан. Долг представителей той «смуты», которая в настоящее время является единственной блюстительницей чести русского народа, — добиться того, чтобы мнение «всего населения» о царском манифесте и о лакейских ответах на него гг. Стаховичей было выражено громогласно и недвусмысленно.

Вот этот позорный «адрес»:

«Адрес чрезвычайного Орловского Губернского Земского Собрания 18 марта 1903 г. Ваше Императорское Величество! Как торжественный благовест, пронесся над ширью Русской земли всемилостивейший Манифест... И Губ. Земск. Собрание, как представитель всего населения, всех верных подданных Вашего Величества на простран-

стве Орловской губ., считает долгом засвидетельствовать, что в ответ ему сердца наши забились радостью и надеждой: радостью — за лучшее, предвозвещаемое с престола время; надеждой — на его незамедлительное наступление.

Чуть не четверть века уже тяготеет и гнетет русское государство указанная Вашим Величеством смута, мешая царственным трудам, задерживая свободный рост народный, угнетая деятельность общественную. В общем государственном деле духовная неурядица, напуганное недоверие, незаслуженная обида отягчались сложными экономическими потрясениями, многолетними невзгодами, видимым, ясным для огорченного нашего взора общим упадком народного благосостояния.

Но пуще страха, обиднее всех потерь принижал гражданскую бодрость самых верных и рьяных слуг Вашего Величества гнет безнадежности перед трудностью довести до ведома Вершителя всех жребиев отчизны многосложное разнотолкованное слово о накопившихся за эту четверть века нуждах, о непосильной тяготе и неудовлетворенных законных потребностях.

Вот почему, Государь, воспрянули сердца радостью и надеждой при благой вести, что сложные многообразные нужды земли достигли Царя и во имя священного обета, принесенного при венчании перед лицом Всевышнего, Вы с непреклонной решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным изволили преподать свою неизменную волю о водворении на Руси „порядка и правды в соответствии с возникающими потребностями народной жизни", и первой из потребностей русской души— „заветов полной веротерпимости" и самой основы русской земли — „упрочения народного хозяйства и всего сельского населения", и самой дорогой для русского верного гражданина — „уверенности каждого в прочности его прав".

Помня могущество ничем неограниченной воли Верховного Вождя России, присоединяя свою молитву о благословении Богом Ваших царственных трудов, неспособные уже смущаться и пламенно чающие предвозвещенного, мы понесем с обновленною бодростью и живым усердием свою службу Государю и Родине.

И не с заносчивым дерзновением или дерзостным притязанием, а в прямодушном усердии отклика на милостивый призыв Вашего Величества „к единению всех верных сынов отечества для исполнения Ваших помышлений об усовершенствовании государственного порядка", мы просим Вас, Государь, чтоб по разработанным предположениям о переустройстве управления в приходе, уезде и губернии, в целях „усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд сельской жизни", предварительно внесения их в Государственный Совет, было опрошено самое земство. Чтобы Царем был услышан голос правимых, над кем законы применяются, а не только голос создающих законы и правящих, голос земства, голос людей, призванных по древнему московскому слову „Его, Государево, земское дело укрепить и на вере поставить", голос земства, крепче чиновников связанного с землей и народом, бескорыстнее их преданного самодержавию и неустанно несущего свою присяжную службу.

Тогда перед мудростью Царской, хотящей правды ради согласия с вверенной Ей Промыслом землей, предстанут единовременно: и усердные предположения правящей власти, и нелицемерные выражения местных польз и нужд народа, как они им понимаются. И законом, по воле Вашего Величества, станет самое пригодное их сочетание, самое надежное для водворения в государстве и порядка и правды.

Поверьте, Государь, что земство выскажется тогда по столь близкому делу, как мы высказываемся теперь: с бестрепетным усердием, исходящим из сознания долга и правды нашей верности и преданности; с желанием добра и горячей любовью к Родине и Царю, всенародно свидетельствующему о Своей заботливой любви к Ней и к нам»

Откровенные беседы между «друзьями» русских рабочих.

М. Ф.
Старший фабр. инспект.
Спб. губ.
11 янв. 1903 г., № 2.

Копия. Секретно.
Его Пр-ству г. Управляющему
Отдел. Промышленности.

Имею честь донести Вашему Пр-ству, что 3 января сего года фабр. инсп. Спб. губ. 12-го участка, А. П. Якимову, было сообщено заведующим Невской бумагопрядильной мануфактурой, что к нему явилось около 30 подручных, работающих на мюлях, с просьбой довести до сведения местного инспектора об их желании добиться увеличения заработной платы, составляющей в настоящее время 50 проц. заработка прядильщиков, до 75 проц.

9 числа мною получен от г. Градоначальника рапорт пристава 3-го уч. Рождественской части о том же событии с надписью г. Гр-ка явиться к нему для доклада.

9-го вечером фабр. инсп. Якимов уведомил меня по телефону, что, посетив в этот день фабрику, он принял вышеуказанное заявление от рабочих, которые при этом помянули, между прочим, что подобные же требования будут, вероятно, пред'явлены и на других фабриках; с рабочими он условился назначить подробные переговоры по поводу их пожеланий в субботу, 11 января, от 2 до 4 час. дня.

10 сего янв. я явился к г. Гр-ку и имел с ним разговор в присутствии начальника Охранного Отд. ротмистра Сазонова; затем, по желанию г. Гр-ка, последний в кратких чертах осветил мне деятельность народившихся в Спб. рабочих организаций, а затем нами троими был установлен по взаимному соглашению способ действий на случай пред'явления подобных вышеуказанному требований со стороны рабочих и в других промышленных заведениях.

Так как сейчас упомянутый разговор о раб. организациях с г. Гр-ком явился продолжением разговора, имевшего место 3 января с. г., я считаю своим долгом представить Ваш. Пр-ству вкратце и о том и о другом.

3 января г. Гр-к, вызвав меня по телефону, спросил, знаю ли я что-нибудь верное о собраниях рабочих, и, получив в ответ: ничего, кроме слухов, заявил, что и сам он в этом отношении не в курсе дела и первые сведения по этому поводу получил, будучи в отпуску, из газет, прочтя о представлении депутатов от рабочих гг. и. д. Гр-ка, директору Деп. Пол. и Мин. Вн. Дел; что такое положение дел, когда Гр-к и фабричная инспекция не имеют сведений о вопросах, интересующих в данный момент рабочих, он считает безусловно ненормальным, так как, в конце-концов, никому другому, а им же придется разбирать недоразумения, возникновение которых всегда возможно при подобных условиях, вследствие чего он находит необходимым представить по сему поводу г. М. В. Д. приблизительно нижеследующие свои соображения: те или иные организации рабочих, имеющие целью добиться улучшения их быта и материальных средств путем самопомощи, крайне желательны, и время для осуществления их настало, а потому, конечно, Государство должно стать во главе движения и оказать рабочим возможное в этом отношении содействие, но так как подобным организациям придется иметь дело с самыми разнообразными представителями капитала в виде казенных заводов, порядки на которых неоднократно вызывали серьезные недоразумения, и с частными предпринимателями, в среде которых весьма много иностранцев, едва ли расположенных вполне доброжелательно к нуждам русских рабочих, то вопрос о наилучшем устройстве рабоч. союзов, как затрагивающий самые разнообразные интересы, было бы необходимо обсудить в самом незамедлительном времени в совещании с представителями всех ведомств, коими и мог бы быть выработан подлежащий законопроект, причем, по его мнению, закон должен поставить все организации в строго определенные рамки, соответственно целям каждой, и обратить внимание на полную гласность делопроизводства; никоим же образом, по его мнению, нельзя допустить в этом деле руководства какого-либо одного административного органа, в особенности же со стороны Департамента Полиции, деятельность коего, в силу особых условий, ей присущих, всегда может вызвать в публике нередко совершенно незаслуженн. инсинуации.

Согласившись с ним относительно желательности рабочих организаций, установленных в законном порядке с строго определенными целями, и необходимости, чтобы всякие совещания и заседания членов были гласны, я позволил себе добавить, что односторонняя организация, т. е. организация одних только рабочих, может оказаться не достигающим своей цели учреждением, если не будет соответственной организации предпринимателей, представители которых, совместно с делегатами от рабочих, могли бы устанавливать известный modus vivendi не только для единичных предприятий, а и для целого их ряда; в противном случае условия быта, жизни и работы будут слишком разнообразны, что всегда может вызвать недовольство среди рабочих и вредно отражаться на промышл. предприятиях.

10 же января г. Гр-ник, выслушав мой доклад о Невской бумагопрядильне и мое предположение, что рабочие в данном случае действуют как будто под чьим-то руководством, быть может, вновь организованных союзов, попросил меня высказать откровенно все те слухи и сведения о последних, которые дошли до меня. Тогда я доложил приблизительно нижеслед.: с начала осени 1902 г. стали ходить слухи между фабрикантами, что кем-то подготовляются какие-то рабочие союзы; в декабре месяце после появления в газетах извещения о приеме представителей от рабочих г. М. В. Д. на фабрике Паля рабочие, с редким до сих пор единодушием, отвергли предложение производить сверхурочные необязательные работы; на заводе у Лангензиппена появился призыв, приглашающий рабочих к тому же; к фабр. инсп. 4-го участка В. П. Литвинову-Фалинскому дважды приходили рабочие, просившие об'яснить им, чего можно ждать от союзов, не опасно ли это будет для наиболее видных деятелей из рабочих и можно ли ожидать, что они действительно получат те золотые горы, которые им сулят организаторы, поставившие, между прочим, условие, чтобы представители тайной полиции обязательно присутствовали на всех совещаниях, без чего последние ни в каком случае не будут допущены, и подбивающие будто бы рабочих не ограничиваться беседами только о кассах взаимопомощи, но и обсуждать все свои нужды без исключения, что, кажется, и имеет место на самом деле, так как по городу ходит упорный слух, будто бы было свидание представителей Московского и С.-Петербургского союзов, на котором вышли между теми и другими серьезные разногласия, а именно, первые настаивали на необходимости всецело отдаться под руководство агентов Деп. Полиции, последние же находили более целесообразным добиваться улучшения своего быта исключительно путем самодеятельности.

В виду изложенного, я опасаюсь, что, если рабочие Невской бумагопрядильни были настроены на пред'явление требований об увеличении заработной платы кем-либо из представителей союза, то они не удовлетворятся об'яснением инспекции, что просьба их может быть исполнена не кем другим, как только правлением фабрики; в случае отказа последнего они, вероятно, или сами вынуждены будут бросить работы или будут уволены через несколько времени, и тогда они примутся подбивать рабочих других фабрик к забастовке или, уверившись в невозможности добиться обещанных им золотых гор путем мирных переговоров, сделаются легким достоянием агитации. Ожидать же отказа в исполнении требований, пред'явленных по внушению организации рабочих, цель и образ действий которых неизвестны фабрикантам, в особенности при отсутствии соответственной организации последних, есть полное основание, так как, удовлетворив первое требование, естественно каждый из них будет ожидать появления новых, быть может, чрезмерных требований, а удовлетворив в одиночку, будут опасаться стать в неодинаковые со своими конкурентами условия производства.

Тогда г. Градоначальник предложил начальнику охраны ротмистру Сазонову ознакомить меня с сущностью теперешней организации рабочих.

Ротмистр Сазонов, оговорившись, что он является только исполнителем предписаний Деп. Полиции, рассказал мне приблизительно след.: рабочим приходится бороться с силой в лице фабрикантов; действуя врознь, они обыкновенно проигрывают, чем пользуется противоправительственная агитация, подбивая их на стачки и волнения и доказывая, что против силы нужно бороться только силою, почему естественно взять это дело в свои руки Департаменту Полиции и направить его к постепенному и последовательному удовлетворению нужд рабочих; что путь взят в данном случае верный, — видно из тех многочисленных прокламаций, которыми рабочие предостерегаются от «зубатовщины» (один из листков мне был показан); что до сих пор члены союза не позволяли себе ни на одном из пяти бывших до января совещаний ни одного лишнего слова, а говорили только об уставах касс, посторонние же рабочие, явившиеся из любопытства, а также противоправительственные агитаторы, из которых некоторые уже заарестованы, пытались увлечь участников совещаний самыми разнообразными темами.

Идет ли движение на Невской бумагопрядильне от рабочих союзов, он не знает, а потому предлагает мне, не хочу ли я лично переговорить с Зубатовым, для чего он вызовет его по телефону. Так как Зубатов не приехал, то вопрос остался невыясненным. После этого мы вернулись к г. Градоначальнику, который высказал необходимость из'ятия этого дела из ведения Деп. Полиции и передачи его в руки или одного из гг. Товарищей Министра Вн. Дел, или, по крайней мере, в Деп. общих дел, что нельзя Деп. Полиции одновременно быть и устроителями чего-либо, и наблюдателями за проведением его в жизнь; в особенности же это неудобно, когда в ходе дела заинтересован фабричный инспектор, пока еще представитель другого ведомства, а потому дело пойдет правильно только в случае, если одно учреждение будет вести дело организации рабочих, а Градоначальник, фабр. инсп. и начальник охраны будут подавать свои по сему поводу мнения; что же касается в частности подручных на Невской бумагопрядильне, то, конечно, инспекция и он сам будут действовать на основании существующих законоположений. Начальник охраны, в свою очередь, заявил, что он немедленно пойдет в Деп. Полиции и заявит, что движение, начатое агентами последнего, ими должно быть и закончено. После сего Градоначальник нас отпустил, сказав, что вызовет на новое совещание в самом непродолжительном времени.

Не имея точных сведений о направлении, которое дается организации рабочих, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в указаниях, как поступать чинам фабричной инспекции, если со стороны рабочих или представителей местной администрации будут пред'являться какие-либо просьбы о содействии к развитию тех или иных организаций рабочих.

* * *

Этот документ, опубликованный Спб. Комитетом Партии, достаточно говорит сам за себя. Старший фабричный инспектор весьма недвусмысленным образом раскрывает полицейскую подкладку современных «легальных союзов». Надо надеяться, что после опубликования этого документа станет окончательно невозможным участие в зубатовских предприятиях тех недалеких, но искренних людей, которые своим присутствием маскировали истинную физиономию «союзов».

Документ подтверждает мысли, высказанные в «Искре» по поводу проекта Витте о «свободе» стачек, именно ту мысль, что в «зубатовской» комедии заигрывания с рабочими министерство финансов (и фабр. инспекция, следовательно) заняло роль поверенного гг. фабрикантов, который готов дать рабочим больше, чем дают зубатовцы, лишь бы вырвать «социальную политику» из рук жандармских демагогов. Мы видим теперь, что даже Клейгельс готов признать неудобным хозяйничанье Зубатова среди рабочих, подведомственных его, Клейгельса, сыску.

Смоленск. В конце января здесь в губернской управе произошел небольшой скандал: в страховом отделе в шкафу был случайно найден одним из служащих сверток, в котором оказалось несколько паспортов (штук 10—12, по большей части просроченных), выданных, кажется, из Рославльской мещанской управы, затем несколько рукописей, повидимому, приготовленных корреспонденций. Тайна

находки быстро стала известна всем. Когда узнала управа, то она (в лице двух членов и председателя) устроила нечто вроде предварительного следствия, но «сознания» ни от кого не добилась. Существенно в этом инциденте то, что председатель управы (Б. Т. Садовский) в тот же день самолично свез найденное в жандармское управление. Что он там говорил с «чинами», — неизвестно, но с того дня частенько таскают на допросы то того, то другого из служащих. Мы не хотим этим сказать, что он донес на кого-либо, но иногда простой разговор с «чинами» бывает близок к доносу. Во всяком случае, факт холопства здесь налицо! Пусть «Освобождение» [12] отметит его на своих страницах к вящшей славе «земской оппозиции». А вот еще факт: когда председатель Вяземской уездной управы П. П. Цызырев получил посланный на его имя номер «Освобождения», то он, недолго думая, снес его к исправнику! Так как одновременно были получены №№ и другими лицами, то полиция, узнавши из доноса Цызырева о содержимом заграничных конвертов, произвела несколько обысков, а кое-кто из офицеров попал на подозрение.

В конце февраля этого года из смоленской психиатрической больницы сделал попытку бежать содержащийся там «на испытании» солдат-еврей (Тираспольский), который летом был арестован по доносу офицера, заставшего его за чтением «Искры». Побег был совершенно не подготовлен. В больном мозгу осталась только жажда свободы, а остальное все потеряно. Бежавший в три часа ночи явился в казарму (!) к своему знакомому и, конечно, на другой день был снова посажен, а товарищ, приютивший его, теперь отдан под суд.

Жизнь солдат в расположенных здесь полках поистине ужасна! Последний циркуляр министра Куропаткина, имеющий целью оградить воинство от тлетворного влияния идей, свел жизнь в казармах буквально к тюремному заключению. Если и раньше свобода солдата была лишь некоторой фикцией, то теперь те отпуски, которыми пользуется солдат по праздникам, стали в некотором роде испытанием для него: в силу циркуляра отпускаться с казарменного двора могут только целые «команды» под наблюдением нескольких шпионов-солдат; эти последние должны потом докладывать ротному, где кто из солдат был во время отпуска, кого встречал на улице, с кем говорил и т. д. Такой азиатский режим вызывает большой ропот даже в серой солдатской массе, которая раньше припеваючи выносила все тягости казармы. Нужно отметить значительное возрастание за последнее время интереса к книжке и специально к революционным изданиям. Особенно велик спрос на такие издания, которые касаются жизни солдат, значения армии в освободительном движении, пропаганды и организации в войсках. Такая специальная литература была бы чрезвычайно полезна: она дала бы возможность привлечь к движению значительную массу солдат и организовать их.

Чуют наши блюдолизы и грабители, что даже армия, основной и последний оплот их владычества, начинает сильно подаваться под напором новой жизни. Через несколько месяцев после издания упомянутого выше циркуляра (октябрь) на-днях был получен здесь новый циркуляр, который рекомендует начальству устраивать для солдат клубы с читальней и невинными играми и развлечениями, чтобы солдату не думалось от вынужденной праздности! Оказалось, что драконовские репрессии в казармах слишком озлобляют солдат и создают вкус к революционной мысли.

Тверские педагоги в роли сыщиков. Недавно в Твери разыгралась такая история. У некоего Рагозина был сделан, по какой-то причине, обыск. При обыске забрали записочку с перечнем нелегальных брошюр и указанием на то, что они переданы реалисту Крюкову. Из-за этой записочки весь сыр-бор загорелся...

На другой же день к директору реального училища явился жандармский ад'ютант с требованием произвести обыск у Крюкова. Директор г. Смирнов, запротестовал, — вы думаете, против обыска? О, нет! Он просто полагал, что произошла ошибка, что не у Крюкова надо произвести обыск, а у Брейтвейта, ученика VII класса (Крюков — четвертоклассник).

Педагоги решили обыскать обоих, чтобы исключить самую возможность ошибки. У Крюкова нашли и отобрали сочинения Горького и Л. Андреева, у Брейтвейта даже и этого не нашли. Первого выгнали из училища с двойкой в поведении. Решили, что нужно искать дальше. И вот, вместо урока физики, инспектор училища учинил повальный обыск во всех партах VII класса. Ничего найдено не было, и училищное начальство успокоилось.

Но через день грянули обыски в выпускном классе мужской гимназии. Шарили усердно, шарили в партах, шарили в карманах учеников. И опять эту операцию с большой природной ловкостью выполнили инспектор и надзиратели. Нашли... несколько портсигаров. Назначили курильщикам несколько соответствующих мер взыскания и, в свою очередь, успокоились не в меру ревностные педагоги. Тогда заволновалось начальство женской гимназии. Старшим классам сделали приличествующее случаю внушение на тему о злонамеренных людях и необходимости их остерегаться. В пятом классе, — на этот раз классные дамы, — произвели обыск. Единственным трофеем был том Некрасова (!), отобранный, как контрабанда очевидно. Не отстало и духовное начальство. Инспектор усердно искал следов крамолы среди учеников, находящихся на положении «козлищ». Насколько слышно, его поиски успехом не увенчались.

Херсон. 5 февраля из исправительного отделения бежал арестант Пешков. Его скоро поймали, привели обратно и жестоко избили. Это возмутило товарищей Пешкова, и они в числе 500 чел. начали бунтовать. Немедленно пришла марш-маршем рота бахчисарайцев, вошла во внутрь здания и начала стрелять. Убит по официальным данным всего один и несколько человек ранено. По неофициальным данным убито несколько и ранено еще больше. Зачинщиков около 40 человек перевели в тюрьму, где они содержались до восьмого марта. А в этот день произошло следующее: во время вечерни в тюремной церкви всех гулявших по двору арестантов пригласили в камеры, а затем вызвали под ворота 90 человек, участников бунта в исправительном отделении. Им сказали, что с ними хочет говорить приехавший будто бы в тюрьму губернатор. Едва они вышли под ворота, как их окружила рота бахчисарайцев, спрятанных в надзирательской, и, оцепив плотным кольцом, увела. В тюрьме поняли, что товарищей повели наказывать, и арестанты были возмущены, но, благодаря только тому, что все успели привязаться к начальнику тюрьмы, бунта не было. Уведенных привели в арестантскую роту, и здесь им было об'явлено, что по соглашению вице-губернатора с прокурором они подлежат наказанию розгами по 90 ударов каждому. Присутствовали тюремный инспектор Звонников и жандармский полковник Пацевич. Свидетельствовал военный врач Рождественский, и по его указаниям иным было уменьшено число ударов до 75—50. Только трое при наказании не потеряли сознания. Остальные все были в обмороке. На следующее утро все ушли с этапом, чтобы отправиться во все концы России: Архангельск, Харьков, Самару...

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Появившиеся в газетах новые акты Плеве — Николая II отменяют в Финляндии последние следы конституции и политической свободы и вводят в ней, в сущности, не что иное, как положение об усиленной охране. Вот к чему привел начатый в 1898 году поход царизма на Финляндию: шаг за шагом самодержавная банда разбойников отменяла в стране один закон за другим, уничтожала одну вольность за другой, пока, наконец, теперь клятвопреступник, по представлению фактического самодержца Плеве, не упразднил вековую гарантию личной неприкосновенности. Все эти разбойнические указы — рескрипт Николая II генерал-губернатору от 27 марта, «Высочайшее постановление относительно мероприятий

для водворения в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия», «новая инструкция» финляндскому ген.-губернатору и его помощнику, «постановление об изменении инструкции губернаторам» и постановление об общественных увеселениях и т. д. — выработаны, по внушению Плеве, особой частной комиссией в Петербурге. За несколько дней до обнародования «постановлений» была выражена «царская благодарность» всем палачам финляндской свободы, в том числе двум финляндским сенаторам и прокурору сената. Одна любопытная черта прежде всего бросается в глаза при чтении царских указов: они докладывались ему постепенно, по-видимому, чтобы слишком не обратить царское внимание на их чисто террористический характер; уже в новой инструкции (пункт 10) ген.-губернатору, утвержденной 13 марта, в неясных выражениях заключается весь смысл временного постановления (на три года) с чрезвычайными полномочиями сатрапу. Суть очень длинных указов (например, в инструкции ген.-губернатору 29 пунктов, в инструкциях губернаторам — 15) можно резюмировать в немногих словах: неограниченная власть ген.-губернатору и введение в Финляндии самодержавного режима.

Ему предоставляется право административного изгнания «злонамеренных лиц» из Финляндии, ссылки их в различные местности России с отдачей в полное распоряжение министра внутренних дел и под гласный полицейский надзор, арестов и т. д. Достаточно одного письменного предписания Бобрикова или даже местного губернатора, чтобы то или другое лицо было посажено в тюрьму до отправления в ссылку. Далее сатрапу поручается, по своему усмотрению, закрывать вредные союзы и общества, библиотеки, гостиницы, книжные и другие магазины; впредь ему подчиняются все казенные и общинные учреждения края, он может отменять решения министров, городских и сельских самоуправлений, смещать даже выборных должностных лиц, следить за преподаванием в школах, чтобы ученики и ученицы воспитывались в духе благоговения перед царем-клятвопреступником и т. п. Генерал-губернатор должен принимать меры к пресечению распространения вредных учений и т. д. Словом, авторы царских преступных указов не позабыли включить в них ни одной стороны общественной жизни; впредь русский сатрап «по закону» будет препятствовать всякой культурной и просветительной работе.

Вот те правомочия «начальнику края», о которых давно уже вопила наша реакционная печать провокаторов и сыщиков (см. об этом № 33 «Искры»). Еще до обнародования указов клятвопреступного тирана, по приказанию губернаторов, было два политических ареста в Выборге и Гельсингфорсе. В первом городе несколько дней продержали в полиции одного купца, заподозренного в распространении «нелегальной» литературы, и уже две недели сидит один молодой человек, также по подобному подозрению. В Гельсингфорсе в ночь на 1 (14) апреля на станции и по возвращении с нее домой полиция арестовала четырех юристов, троих из них в участке продержали еще часть следующего дня, причем у них были отобраны разные бумаги. Эти лица в большой компании других юристов возвращались на экстренном поезде от одного помещика, пригласившего их к себе в имение (недалеко от Гельсингфорса).

Теперь Плеве и его недалекий господин доказали финляндскому сенату и старо-фенноманской партии [13], насколько полезна их безрассудная политика уступок. Эти меры правительства должны, наконец, пробудить даже самых заскорузлых капиталистов этой партии.

Российская социал-демократия, идущая в авангарде всех борцов в России за политическую свободу, должна в грозных демонстрациях протестовать против порабощения культурной, свободной до сих пор страны. Самодержавие теперь доказывает всем имеющим очи, насколько оно несоединимо с западно-европейской культурой и свободой: оно не может переносить нигде правового порядка: оно повсюду, где только позволяет его сила штыков, водворяет дикий произвол и полнейшее бесправие обывателей-рабов.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С Урала. В Златоусте на казенном заводе давно уже рабочие были недовольны ухудшением внутренних распорядков, уменьшением заработной платы, увольнениями... Еще не так давно было уволено 500 рабочих, а безработица, царящая теперь на Урале и доводящая нередко до полного голодания, всколыхнула рабочую массу и сделала ее еще более восприимчивой к революционным идеям... Неведомыми путями иной раз пробираются идеи свободной борьбы в самые глухие уголки и радостно встречаются рабочими, истомившимися своей нищетой. «Мы не в состоянии переносить экономической борьбы», т. е. пассивной борьбы в одиночку за свое существование,— пишет алапаевский рабочий в № 32 «Искры». И действительно, впервые переживаемый Уралом острый кризис, сводящий заработок рабочего к голодному уровню 7 — 9 коп. (как, например, в Нейво-Шайтанском заводе и многих других) и выкидывающий сотни и тысячи рабочих на улицу в распоряжение голодной смерти, ставит перед каждым рабочим мучительно неотвязный вопрос, как быть? что делать? Экономический террор — старое средство борьбы уральских рабочих — и теперь, конечно, употребляется еще в больших размерах: чуть ли не каждую неделю слышишь, что на том или другом заводе пущены в ход поджог, пуля, динамит или бомба. Иногда известия об этом проскальзывают даже в легальные газеты. Но рабочая масса начинает сознавать, что этой борьбой отдельных лиц против отдельных проявлений гнета она не может хоть сколько-нибудь улучшить свое положение, как не избавились от голода алапаевские крестьяне и рабочие своим одиночным нападением на заводское имущество. Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе, дружно и солидарно — это первый урок, полученный уральским рабочим от безработицы и кризиса. Но что же делать? Просить? И рабочие обращаются с просьбами ко всем власть имущим, начиная с мелких полицейских властей, как на Нижне-Салдинском заводе, и кончая... архиереем, как на Верхне-Уфалейском. Темные, напрасные надежды! Мелькает, как последняя надежда, стародавняя, времен крепостного права, надежда на самого, на царя... И после полиции и администрации, после заводоуправления и архиерея, рабочие Соринского округа отправляют телеграмму царю, жалуясь на понижение на 20 процентов заработной платы, требуя «хлеба и работы».

Время идет, растет голодная армия безработных, растут болезни и смерти (одних больных инфекционными болезнями в Пермской губ. было 13.800; в Уфимской губернии умирает 56 процентов детей), призрак голодной смерти встает пред истомленным рабочим... А помощи все нет ниоткуда, ни от кого, ни от царя небесного, ни от царя земного...

И мучительным, долгим путем вырабатывается в сознании рабочего убеждение, самопроизвольное или под влиянием неведомыми путями распространяющихся идей: «Если не могут нам помочь царь небесный и земной, так остается нам самим о себе промышлять!. Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не стачками — на Михайловском заводе рабочие забастовали, но управление закрыло завод, и рабочие разбрелись, кто куда в поисках работы...». «Не нужно экономической борьбы! Нужна революция!» — писал осужденный на каторгу Киселев в своем письме ко всем рабочим, и эти слова выражают все распространяющееся убеждение все большей массы. И первые зарницы приближающейся живительной грозы уже блестят на нашем свинцовом небосклоне, предтечами грозных громовых раскатов раздаются выстрелы златоустовского вооруженного столкновения.

В начале марта в Златоусте было арестовано четверо рабочих, по данным сыска. Когда известие об этом распространилось среди златоустовских рабочих, волнение, и до того бывшее сильным среди них, достигло больших размеров. Настойчиво стали требовать они от начальника тамошнего горного управления и других властей освобождения товарищей. Числа 12-го приехал губернатор. 13 марта перед домом горного начальника, у которого остановился губернатор, собралась тысячная толпа. Когда губернатор начал требовать, чтобы они разошлись, ему не дали окончить речи, забросавши его навозом. Остальное известно...

На следующий день после получения известия о златоустовских событиях, 15 марта, поднялись рабочие и в Миассе... Что там было, до сих пор не знаю. Говорят, также было вооруженное столкновение...

Что будет дальше? Положение здесь на Урале в настоящее время критическое. Опутанные тяжелыми сетями крепостничества, административного произвола и «боярского» поссессионного капитализма, уральские рабочие на краю пропасти. И вероятность грозного стихийного взрыва возрастает с каждым днем. Задача революционера социал-демократа переработать девиз стихийного взрыва: «хлеба и работы!» в девиз революционного восстания: «жить в свободе или умереть в борьбе!». Задача наша внести сознательность и организованность в это движение, слить здешнее движение с движением всего рабочего класса России и, став во главе этого революционного потока, повести его на штурм самодержавия. Правительство сознает всю опасность этого возможного взрыва на Урале. Увеличивают полицию, увеличивают сыскные силы. Переводят сюда все новые и новые военные силы (так, недавно в Екатеринбург прибыла еще рота солдат, в Вятку переведено для расквартирования по заводам 3 — 4 батальона и артиллерия), аресты в Перми (в середине марта арестованы в Перми: Трапезников, лит., Владимирский, пом. зав. Кустарного банка, Вармунд, редактор «Пермского Края», Наумов, земск. нач. в Нижне-Чусовском городке, и еще один пермский присяжный поверенный). Тем более необходимо нам интенсифицировать свою деятельность. А между тем «Уральский Союз» [14], который в Среднем Урале (Екатеринбургского округа) пока действует один, явно показал свою неспособность быть во главе движения. Сознательно не желая встать в отношения прочного и действительного организационного единения с сознательной революционной армией России, он вместе с тем не в состоянии был хоть как-нибудь использовать алапаевское дело. Суд над алапаевскими рабочими, михайловская стачка, златоустовское вооруженное столкновение и друг. уральские события, томские и другие факты революционной борьбы, — все это волновало здешних рабочих, звало на агитацию, — и ни на что не отозвался «Ур. Союз».

Благоболтание на тему о вооруженном сопротивлении — в эпоху массовых вооруженных столкновений, об «открытой борьбе» кучек террористов — в виду приближающегося народного восстания... Ад мостить этими благопожеланиями, а не русло революционного движения!

Жизнь требует здесь действительно революционной организации, которая под ясно обозначенным знаменем революционной социал-демократии об'единит рабочий класс на Урале против всенародного врага и поведет его на борьбу и на победу.

В одном из изданных Уфимским Комитетом листков о бойне в Златоусте [15] находим следующие подробности, подтверждающие наше утверждение, что вся ответственность за происшедшее кровопролитие падает на правительственные власти.

«... К вечеру (11 марта) было выбрано рабочими трое депутатов: рабочие Филимошкин, Симонов и Пономарев. В ночь на 12 марта с самого утра рабочие начали требовать освобождения товарищей. Они обращались к исправнику, жандармам, горному начальнику Зеленцову, заявляя, что согласны даже работать на новых условиях, лишь бы были освобождены арестованные».

А вот подробности самой бойни 13 марта: «Заиграл рожок-сигнал, совершенно не понятый толпою, первые ряды войска стали на колено: раздался залп. Толпа бросилась бежать, оставив на месте до 50 человек: в тыл бегущих продолжались залпы, всего не меньше четырех. Конные городовые избивали бегущих шашками и пиками. Часть спасалась по направлению к дому горного начальника: оттуда из окон их встретили градом выстрелов из револьверов... В числе убитых были и совершенно посторонние лица, не бывшие даже на площади: так, убита старуха, которая шла по улице, довольно далеко от площади, из больницы, с похорон своего мужа; убили мальчика с разносной книжкой; старика, сидевшего на крыльце городского училища; крестьянин, приехавший на базар, прострелен вместе с лошадью. Пули летели также в окна городского училища. В течение, по крайней мере, получаса после выстрелов полиция гнала всех с площади и не допускала подать первоначальную помощь раненым, оставляя их истекать кровью: так, один из них дополз несколько шагов до церковной ограды, прислонился к ней и умер... Только через полчаса стали собирать убитых и раненых. Без разбора клали их в угольные короба и розвальни по четыре, шести и даже восьми человек и развозили их по больницам... Часть златоустовского общества составила подробную протестующую телеграмму о зверствах администрации для министра внутренних дел, но телеграмма не была принята».

«Хотя работы начались, — пишет наш корреспондент, — но настроение ничуть не подавлено. Возбуждены очень все, особенно молодежь. Говорят: „были дураками, поверили начальству, пришли с голыми руками“».

Нижний-Новгород. После суда над демонстрантами и усиленной агитации по поводу его наступило сравнительное затишье. Время от времени выходили листки. Так, были выпущены листки по поводу Ростовской стачки и в большом количестве распространен листок к крестьянам по поводу царских речей. Недавно вышел листок о кризисе. Кризис все еще сильно дает себя знать. Так, в Сормове, например, в некоторых цехах рабочих через каждый месяц отпускают «гулять» на месяц. В Сормове, кроме того, выпускались так называемые сормовские бюллетени, листки, касавшиеся специально местных заводских порядков, злоупотреблений администрации, самоуправства мастеров и т. д. Полиция проявила эту зиму усиленную деятельность. В декабре возникло новое учреждение — сыскное отделение с ротмистром во главе. Количество шпионов заметно увеличилось. Аресты почти не прекращаются, особенно в Сормове. А последнее время жандармы занялись и своей жандармской агитацией. На всех заводах распространяются листки с характерной подписью: «Нижегор. Комитет Слово и Дело». Вышло уже три таких листка. Все они начинаются словами: «Господи, благослови» и приглашают рабочих на борьбу с крамолой, которая об'ясняется очень просто — интригами иностранцев, которые завидуют могуществу России. Листок за подписью «Нижегор. Комитет», написанный от имени оправданных по суду демонстрантов, говорит о вреде демонстраций. Особенно интересен листок «Группы сормовской молодежи», написанный в ответ на воззвание Комитета Партии к сормовской молодежи, где Комитет убеждает рабочих не тратить энергии в бессмысленных диких побоищах,

а обратить ее на борьбу с правительством. «Группа сормовской молодежи» находит, что единственным средством поднять уровень рабочих являются общества взаимной помощи, об устройстве которых и надо позаботиться прежде всего. Как видите, литература довольно богатая, но действие ее на рабочих не совсем соответствует ожиданиям полиции. Даже малосознательные относятся скептически к жандармским листкам. «Видно, очень они боятся, если пошли на такие штуки», — говорят некоторые рабочие. Что касается зубатовской тенденции, то она проявилась пока только в листке «Группы сормовской молодежи», изданном, надо полагать, не без участия жандармов. Комитетом недавно выпущен листок по поводу этой литературы.

В марте опять были аресты и обыски. Взято восемь рабочих и два интеллигента, Гурвич и Пискунов (выпущены). В связи с арестом Пискунова был обыск в городской управе в столе Пискунова. В тюрьме только что окончилась голодовка, продолжавшаяся девять суток. Это уже не первая голодовка в здешней тюрьме. Вызвана она новыми строгостями и прижимками тюремной администрации. Особенно чувствительно на здоровье заключенных отражается запрещение приносить обеды и вообще какие бы то ни было припасы. Свидания дают только за решеткой. Кроме того, совершенно произвольно отняты прогулки по субботам. Голодавшие добились только ничтожных уступок — возвращены прогулки по субботам и предоставлено право не вставать с постели при поверке». Вот какие бывают «права»! Внутренняя жизнь организации была за это время более интенсивна, чем внешняя. Очень усилился интерес рабочих к общепартийным делам. Особенно много обсуждались вопросы организации, и система выборности была, в конце-концов, отвергнута, тем более, что сама жизнь выдвигает принцип централизации.

Из Донского бассейна.

Мариуполь. На наших заводах и в городе распространены прокламации: 1.000 — «Пауки и мухи», 1.000 — «Кто наши враги», 1.000 — «О безработице» в марте. В декабре и январе были распространены «К организованным товарищам» очень мало и издание Донск. Ком. «Ко всем гражданам России». Эти последние не произвели ожидаемого впечатления, зато мартовские листки очень понравились, особенно «Пауки и мухи» и стихотворение «Сказка о попе и чорте». Произошла, между прочим, очень курьезная сцена с первой прокламацией «П. и М.». Человек двадцать рабочих, несколько подвыпивши, читали и комментировали прокламацию и затем решили расстрелять «всех пауков». Компания достала ружье и торжественной процессией в сопровождении полицейского отправились в поле. Здесь приклеили прокламацию к столбу и стали в нее стрелять. На вопрос собравшейся публики: «зачем они это делают», компания отвечала, что она практикуется, как удобнее перестрелять всех пауков. Полиция растерялась. После 9 часов вечера всех прохожих хватают и тащат в кутузку. Недавно схватили двух мастеров: Шишковского и еще одного; надзиратель дал нахлобучку полицейским, чтобы они тащили подходящих, а то тащат самых благонамеренных. Полицейские ворчат и ругают надзирателя и «социалистов», которые им наделали столько хлопот. Произведено несколько неудачных обысков как в заводах, так и в городе. Сторожей и полицейских масса. Шпионов незаметно, арестов тоже нет. Рабочие надеются первое мая отпраздновать только однодневной забастовкой.

Юзовка. Распространенные здесь прокламации произвели сенсацию. Рабочие очень возбуждены и полиция очень встревожена. Прокламации: «Пауки и мухи» (1.200 экз.), «Кто наши враги?» (1.500 экз.), №№ 7 и 2 листков «Союза Горнорабочих» (1.500 экз.) — распространены в марте. Пристав Левицкий увеличил штат городовых, сторожей, шпионов. Шпионы: околоточный Львов, полиц. Воронцов, атлет Чернов, бывший жанд. Иваненко и мн. др. переодеваются и бродят по ночам. Произведено несколько арестов и обысков, но безрезультатно. Ходят слухи, что у двух лиц нашли нелегальную литературу. Ждут все «бунта». Ожидается прибытие войск. Обыватели очень обеспокоены этим: боятся, что солдат расквартируют по квартирам. Только и разговоров, что о демонстрации, «бунте» и прокламациях. Создались целые легенды о неуловимости «студентов», о их неустрашимости и пр. Вечером ходить по Юзовке опасно, останавливают сторожа и того и гляди потащат в кутузку. Записывают адреса и фамилии ночных прохожих. Обыскивают квартиры рабочих, отбирая прокламации, и застращивают рабочих тюрьмой, если они будут читать их. Некоторые рабочие боятся читать прокламации.

Карповский рудник. Здесь распространены прокламации «Пауки и мухи» в количестве 600 экз. в марте. Шахтеры зовут их «письмами». «Письма» очень нравятся. Говорят о бунте и о необходимости отомстить управляющему Штедину за все притеснения рабочих.

Лидиевский рудник. Распространены «П. и М.» 900 экз. — в марте.

Ветка (рудник Юзовск. зав.). Распр. «П. и М.» 500 экз. — в марте.

Рыковский — распространены «П. и М.» и «Кто наши враги?» — в марте.

Прохоровский — распр. «П. и М.» 300 экз. и «Кто наши враги?».

Чулковский — распр. «П. и М.» 300 экз.

Алчевский — распр. «П. и М.» 400 экз.

Ливенский — распр. «Кто наши враги?» 200 экз.

На последних пяти рудниках прокламации так взбудоражили полицию, что она арестовывает направо и налево, обыскивает почти все квартиры, отбирая прокламации. Всех вновь появившихся лиц на рудниках арестовывают даже днем. Шахтеры боятся ходить вечером на другие рудники. При арестах полиция бьет рабочих; так, на маленькой шахте урядник экономии Алчевского рудника до того избил одного рабочего «рукоятчика», что тот едва жив остался. Поп в Рутченковской церкви, находящейся в центре этих пяти рудников, громит «социалистов» с амвона, ругая их негодяями, недоучившимися студентами, прохвостами и т. д. Полиция тоже занимается аналогичной агитацией. Шпионов масса.

Рабочие говорят, что с прокламациями запоздали, так как теперь «дела очень плохи» (кризис) и поэтому воевать очень трудно. Вообще прокламации на шахтеров производят ошеломляющее впечатление и многое в них страшно перевирается и остается непонятым, это зависит еще от дурной печати (неразборчивой). Интересно отметить следующий факт: «мальчишки», «глейщики» разучили наизусть «Сказку о попе и чорте», сочинили к ней мотив и во время работы распевают эту очень обидную для попов песенку.

Макеевка. На заводах и рудниках близ Макеевки распространены «П. и М.» и «Кто наши враги?» в количестве 1.500 экз. Настроение рабочих очень хорошее. Полиция потеряла голову.

Константиновка. В марте здесь распространены «П. и М.» и «Кто наши враги?» 1.000 экз. Ждут «бунта».

Славянск. Распространены «П. и М.» (300 экз.) и «Кто наши враги?» (300 экз.). Встречены очень сочувственно.

(Отчет за март «Летучего Отряда» с.-д. союза горнорабочих.)

Кременчуг. На табачной фабрике Зарицкого об'явилась стачка. Бастовавших около 400 работниц. Бастовали все отделения. Причина забастовки кроется в следующем. На фабрике сгорела сушка, а потому все работницы махорочного отделения остались без работы вплоть до постройки новой сушки. Через две недели сушка была готова, но когда работницы пришли на работу, хозяин отсылал домой тех, которых он подозревал еще с прошлогодней стачки. Тогда все махорочное отделение, числом 48, решило бастовать, пока не примут их подруг и заодно увеличат плату. Они с пуда получают 10 коп., а требовали 15. Зарицкий об'явил, что он в них не нуждается, и все разошлись по домам. Прошло целых

две недели. Работницы, не работавшие прежде две недели по причине сушки, а теперь еще две недели по причине стачки, стали в буквальном смысле терпеть голод. Тогда вся фабрика решила притти им на помощь и об'явить стачку. Самое большое число работниц приходится на папиросное отделение, а именно 125, а с подручницами — 240. И вот 14 февраля, в восемь часов утра, когда звон колокола стал призывать к работе, все остались в столовой. Через час зашли сам Зарицкий и управляющий Фельдман; первый стал усовещевать их: «Вы, мол, девушки, скоро невестами станете: зачем вам все это? Ведь вы за это в тюрьму попадете», но они ему ничего не ответили. Тогда он стал им угрожать, что запрячет их в тюрьму и т. д., и стал спрашивать, какие у них требования. Они ему ответили, что прежде всего требуют удаления старшего мастера, потом приема всех махорочных и увеличения платы с 24 коп. за тысячу на 35. Старший мастер — это зверь в полном смысле слова. Он тиранит работниц, бьет их, за волосы дерет и ругается, как пьяница. Много молодых жизней он погубил, вогнав их в чахотку. Но Зарицкий в нем души не чает, найдя в нем такого хорошего исполнителя своей воли. Сейчас же явилась вся местная полиция: исправник, пристава с своими помощниками, фабричный инспектор, 25 городовых, хотели заставить их итти работать, но они не соглашались. Тогда сделали формальный допрос, но все заявляли одни и те же требования. Эта стройность не ускользнула от начальства, и оно стало добиваться, кто руководит стачкой, но все старания остались тщетными. Работниц переписали и отослали домой. Тогда они решили устроить мирную манифестацию и группами в 50 и 100 человек по мостовой расхаживали по всем главным улицам города. Разгоняли их в одном месте, они мигом оказывались вместе же на другом перекрестке. На город эти манифестации произвели громадное впечатление. Никогда не было видно такого наплыва публики на улицах.

Зарицкому, однако, удалось вскоре внести раскол в среду работниц, и через три дня на работу пошло 50 человек. С этого момента стачка пошла на убыль. Тем не менеее, можно отметить кое-какие положительные результаты. Уже и теперь обращение фабричной администрации несравненно лучше, некоторых принимают помесячно. А, главное, стачка многому научила работниц; только теперь они пред'являют спрос на литературу и опытных руководителей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ГОЛЛАНДИИ.

I.

Уже в течение нескольких лет портовые рабочие Амстердама образуют сильную профессиональную организацию. Из довольно грубых, некультурных элементов удалось выработать хорошо дисциплинированные батальоны, которые повинуются воле большинства и выбранным ими вождям. Эта организация состоит из многих отдельных профессиональных союзов: грузчиков, занятых в складах, рабочих, которые по многочисленным каналам отвозят товары в складочные магазины, доковых рабочих и проч.

Все эти союзы, по решению интернационального парижского конгресса рабочих, занятых в транспортной промышленности, образуют федерацию. В 1893 г. дело дошло до столкновения между этими союзами и акционерными компаниями, которым принадлежат склады. Стачка кончилась победой рабочих, которым дано было обещание не заставлять их работать вместе с неорганизованными. Одно акционерное общество стало в последнее время систематически нарушать данное обещание, принимая на работу неорганизованных, и даже предпочтительно перед организованными. Последние, конечно, запротестовали, прекратили работу и потребовали расчета неорганизованных рабочих. Когда акционерное общество отвергло их требования, то грузчики об'явили себя солидарными с товарищами и тоже бросили работу. Одна торговая фирма наняла тогда для нагрузки товаров 56 штрейкбрехеров (обычное название рабочих-изменников, занимающих места стачечников); в виду этого представители федеративных союзов решили, что ни один организованный рабочий не будет дальше транспортировать те товары, которые грузили штрейкбрехеры. Так как последние не были отпущены, то бойкот был распространен на склады всех тех акционерных обществ, которые заставляли своих рабочих работать для упомянутой фирмы. Между тем, продолжали прибывать суда с товарами для бойкотированной фирмы и стачка распространялась вширь. Положение дел еще усложнилось благодаря следующему обстоятельству. В Амстердаме одна гавань предназначена специально для грузки громоздких товаров, как, напр., испанская железная руда. Эти товары грузятся в вагоны прямо с судов. В этой гавани работают сотни железнодорожных рабочих: ранжировщиков (составителей поездов), стрелочников. Там составляются товарные поезда, идущие в Германию. Само собой возникал вопрос, как поступят все эти рабочие, когда им придется составлять поезда как раз из тех вагонов, которые грузили штрейкбрехеры. Этот вопрос уже не подлежал компетенции федеративного союза портовых рабочих, его решение зависело уже от профессионального союза жел.-дор. служащих. В противоположность союзу доковых рабочих, история которого в последнее время есть непрерывный ряд побед, жел.-дор. рабочие сумели упрочить свой союз лишь после целого ряда неудач и поражений. Вместе с возникновением социалистического движения образовался и первый союз жел.-дор. рабочих; но давление предпринимателей и анархические стремления скоро подорвали его. После долгого периода апатии движение среди жел.-дор. рабочих вновь ожило вместе с оживлением социалистического движения вообще. Сначала организовались машинисты и кочегары, за ними кондуктора и другие, и все эти категории рабочих образовали вместе одну федерацию. Движение приобрело твердую точку опоры в лице союза рабочих, занятых в различных жел.-дор. бюро. Этот союз образовался в Утрехте и скоро сильно разросся. Когда 29 января н. года некоторые ранжировщики были командированы для составления поездов из вагонов, нагруженных изменниками-штрейкбрехерами, то они отказались итти. За такое нарушение дисциплины их рассчитали; тогда все жел.-дор. рабочие, занятые в этом порту, числом до 500, бросили работу.

Представители заинтересованных рабочих союзов начали переговоры с голландскими жел.-дор. обществами, но они были безрезультатны. В тот же вечер собрание жел.-дор. рабочих в Амстердаме решило об'явить забастовку, если дирекция не откажется от своих требований (т. е. если не примет обратно рассчитанных товарищей). Аналогичное решение приняли многочисленные собрания, происходившие в ту же ночь в других крупных и небольших городах. Стачку решили об'явить исключительно из чувства солидарности; правда, жел.-дор. рабочие выставили и некоторые собственные требования, но побудительным мотивом с начала и до конца было желание помочь товарищам другой профессии, и по достижении этой цели работа возобновилась бы. Распространению забастовки сильно содействовало то обстоятельство, что и неорганизованные рабочие приняли участие в движении (их было 9.000 из общего числа 17.000), далее давно накопившаяся ненависть против жел.-дор. обществ, которые низвели плату до жалкого уровня, непомерно удлинили рабочий день и пытались репрессалиями задушить всякое стремление к организации.

Федерацией доковых рабочих руководили антипарламентарные социалисты *, в то время как большая часть организованных жел.-дор. рабочих примыкала к соц.-дем. В данном случае оба эти направления, столь ожесточенно

* Эта фракция голландских социалистов довольно близко примыкает к анархистам; она отвергает политическую деятельность в парламенте и главные надежды возлагает на экономическую борьбу.

враждовавшие одно с другим, действовали единодушно, и это единодушие увенчалось блестящим успехом.

На другой день после собрания делегаты союзов вновь вступили в переговоры с дирекцией. В виду наступившей вследствие стачки заминки в жел.-дор. движении, дирекция изменила свой тон. Первая уступка, которую она сделала, состояла в признании организаций как таковых. Это было уже крупной победой. Далее дирекция разрешала своим рабочим до поры до времени не работать в той гавани, где произошло столкновение; стачечники вознаграждались за все дни стачки. Далее, — и это было самое главное, — дирекция брала на себя обязательство исхлопотать у правительства отмену той статьи ж.-д. устава, которая обязывала жел.-дор. общества перевозить всякие грузы и от кого бы то ни было.

Стачка, между тем, продолжалась как в Амстердаме, так и в других городах. Решено было, в случае отказа правительства, распространить ее на всю страну. Вечером снова состоялись собрания. Можно себе представить, какая там царствовала радость. Победа была вероятной. С восторгом были одобрены все пункты соглашения, и в полночь уже все вокзалы пустовали. На следующее утро ни один поезд не прибыл в Амстердам. Вокруг города была намечена граница, через которую не мог проникнуть ни один локомотив. Центральный комитет жел.-дорожных рабочих получал массами сочувственные телеграммы из всех частей страны; рабочие обещали по первому знаку бросить работу. В некоторых же местах стачка вспыхнула сама собою. Весь вопрос заключался теперь в том, как поступит правительство, согласится ли оно отменить статью железнодорожного устава и таким образом признать за рабочими право не составлять поездов из вагонов, нагруженных бойкотированными товарами. Всюду царило лихорадочное возбуждение. Директора ж.-д. компаний отправились в Гаагу (резиденция правительства) на специальном поезде, снаряженном с разрешения рабочих, чтобы посоветоваться с министрами.

Между тем, в Амстердам прибывали войска. Получились тревожные известия, что поезда проникли в бойкотированную территорию. Поздно вечером решено было распространить бойкот на восемь важнейших узловых пунктов сообщения в стране. Прежде чем были отправлены депеши соответствующим организациям, в последний момент получился ответ от дирекции следующего содержания: «Мы разрешаем нашему персоналу не составлять поездов из вагонов с товарами того акционерного общества, рабочие которого устроили стачку, и подтверждаем все наши прежние уступки». Итак, полная победа. На следующий день состоялось четыре больших собрания, на которых решено было возобновить работу. Непосредственным результатом этой победы был полный успех стачки портовых рабочих. Штрейкбрехеры были рассчитаны, стачечники вновь приняты на работу, далее, за ними было решительно признано право не работать с изменниками общему рабочему делу Решение остальных спорных пунктов предоставлено третейскому суду. Но этим борьба не закончилась. Железнодорожные рабочие не успокоились, они ждали дальнейших поступков правительства, и потому оставались, выражаясь образно, под ружьем, готовые к бою. Правительство нашло при данных обстоятельствах наиболее легкий исход для себя. Оно об'явило весь вопрос частным делом железнодорожных компаний и отвергло всякое вмешательство. Но буржуазное общественное мнение не удовольствовалось таким решением дела, оно стало требовать репрессий против мятежных железнодорожных рабочих и привлечения солдат, в качестве штрейкбрехеров, на железнодорожную работу. С другой стороны, организация рабочих, благодаря толчку, данному столь удачной стачкой, стала подвигаться вперед с такой быстротой, как никогда раньше. Боевое настроение сильно повысилось... Правительство, как и можно было предвидеть, решило драконовскими мероприятиями лишить рабочих плодов их победы. Были призваны под ружье 13.000 ополченцев. С какой целью это было сделано, прекрасно раз'яснил в своей речи полковник гарнизона, квартирующего в Амерфорсе: «Нам предстоит теперь тяжелая работа; как вы знаете, кучка праздных и буйных крикунов вызвала смятение во всей стране. Положение вещей одно время было хуже анархии. Правительство должно этому положить конец. Вы призваны поддерживать порядок или восстановлять его, если он будет нарушен. Я надеюсь, что вы сумеете выполнить свой долг и если вам прикажут стрелять, то вы будете стрелять метко»... Нужно заметить, что во главе правительства теперь стоит клерикал Кийпер. Клерикальная партия Голландии состоит из двух больших частей: кальвинистов и католиков. Обе партии выставляют на вид свои христианские принципы, а в сущности концентрируют вокруг себя наиболее отсталые слои земледельческой и промышленной буржуазии. Прежде господствовала в Голландии либеральная партия, но в последнее время, с расширением избирательного права, влияние клерикалов усилилось, что вполне понятно, так как на их стороне всегда оказывались всякие мелкие буржуа, пропитанные религиозными предрассудками и заинтересованные в том, чтобы повернуть назад колесо истории. И часть либеральной буржуазии была брошена в об'ятия клерикалов растущим социалистическим движением в стране. Мнимые христиане на почве религиозного фанатизма и ханжества успели привлечь на свою сторону и часть рабочего класса и организовать преданных им «овец» их класса в особое рабочее общество, так наз. «Патримониум» — послушное дитя кальвинисткой фракции. Это общество насчитывает до 10.000 членов. Кроме него существует еще целый ряд христианских рабочих ферейнов, противников современного пролетарского движения, основанного на классовой борьбе. И вот ныне христианское правительство у власти. Годы усиленной социалистической пропаганды не могли так ясно обнаружить все лицемерие клерикалов, как их собственные поступки. Борьба железнодорожных обществ заставила правительство сбросить с себя маску и показаться в своем настоящем виде. И вместо фраз о солидарности правительство прибегло к тому же кулаку, к той же военной силе, чтобы задавить протест рабочего класса в зародыше. Стачка железнодорожных рабочих имела такое же действие, как и землетрясение. Она вырыла глубокую пропасть между двумя классами, классом эксплоатируемых и эксплоататоров. Из этой пропасти прорвался наружу так долго тлевший классовый антагонизм и широким пламенем разлился по всей стране... Принужденные раз уступить, железнодорожные общества пытались вызвать раскол в существующем обществе рабочих. Особые агенты обращались к рабочим с предложением подписать заявление, что они возмущены последней стачкой и обещают больше никогда не бастовать. Из таких слабодушных элементов агенты пытались создать новую организацию штрейкбрехеров в противовес существующей. Их попытки имели, однако, крайне жалкий успех, наоборот число членов организации после стачки удвоилось и — что еще отраднее — существующие две крупных организации: одна из 2.500 человек (машинистов и др.), находившаяся под влиянием анархистов, и другая в 5.000 человек (кондуктора, рабочие), руководимая соц.-демократами, находятся на пути к слиянию. В настоящее время обе организации насчитывают до 12.000 человек.

Правительство, принявши все необходимые военные меры, решило раз навсегда покончить с возможностью повторения тех событий, которые разыгрались в конце января. В середине февраля стали распространяться упорные слухи, что правительство намерено внести в палату законопроект, ограничивающий свободу стачек. 21 февраля была поэтому созвана конференция из представителей от профессиональных и политических союзов, которая приняла следующую резолюцию: «Выслушав заявление союзов железнодорожных рабочих, решивших бросить работу для борьбы с законом, посягающим на свободу стачек, и решение федерации рабочих, занятых в транспортной промышленности, и других профессиональных союзов поддержать своих товарищей забастовкой, собрание решает создать особый комитет обороны. Задача этого комитета поднять самую широкую агитацию в стране для защиты свободы рабочих; собрание обращается ко всему нидерландскому пролетариату с воззванием присоединиться к организованным рабочим для совместной борьбы».

Комитет состоит из двух представителей от железнодорожных рабочих, двух представителей от рабочих, занятых в транспортной промышленности, и по одному представителю от национального рабочего секретариата, соц.-

демократической партии и свободных социалистов (анархистов).

Комитет оправдал возложенные на него надежды и повел усиленную агитацию в стране.

Между тем правительство внесло свои законопроекты в палату депутатов. Этими законопроектами вводится наказание (до 6 мес. тюрьмы) за всякого рода «принуждения» (принуждение — штрейкбрехера бросить работу), воспрещаются стачки всем железнодорожным служащим и рабочим под страхом тюремного заключения до 4—6 лет; за то и другое «преступление», сверх того, может быть постановлено судом лишение политических избирательных прав, наконец, один законопроект имел целью образование особой военной «железнодорожной бригады» для занятия мест стачечников. Буря возмущения, вызванная опубликованием правительственного законопроекта, не поддается описанию. «Комитет обороны» решил распространить по всей стране 200.000 воззваний и организовать местные комитеты для руководства агитацией на местах.

4 марта в Амстердаме состоялся колоссальный митинг, собралось более 6.000 человек. Сотни не могли попасть в зал, и им пришлось собраться в другом месте. В воскресенье, 8 марта, состоялось по всей стране 42 собрания для протеста. Даже нидерландский союз рабочих, находившийся под влиянием либерально-демократической фракции, подал протест в палату депутатов. Различные профессиональные союзы решили по первому знаку вступить в стачку, если это понадобится. В Амстердаме состоялось собрание, на котором присутствовало 10.000 человек. На этом собрании было принято аналогичное решение. В то же время репрессии со стороны правительства и капиталистов шли своим чередом. Военные приготовления все усиливаются. Милиция обучается стрельбе. Чтобы отвратить солдат от посещения народных собраний, заботливое начальство стало устраивать для них представления с музыкой в казармах. Но это не всегда помогало. Социал-демократия, пользуясь удобным моментом, стала, усиленно распространять воззвания к солдатам и милиционерам. В этих воззваниях выяснилось значение законопроектов и солдаты призывались не стрелять в своих братьев в блузе, борющихся за лучшую жизнь. Милиционеры, призывавшиеся к службе, иногда сами устраивали собрания и принимали резолюции, в которых выражали сочувствие восставшим рабочим. Некоторые отделения союза матросов организовали тоже ряд митингов для выражения своего сочувствия. Распространители «возмутительных» прокламаций к военным и ораторы на собраниях солдат — не только рабочие, но и учителя — были привлечены к суду; некоторые были даже арестованы. Два народных учителя, распространявшие соц.-дем. воззвания, были смещены на месяц со своих должностей «за то, что занимались делом, не подобающим их общественному положению, как наставников юношества». Одно отделение «Союза учителей» протестовало против такого насилия над политическими убеждениями своих членов.

Часть христианских рабочих союзов также присоединилась к общим протестам. В то же время, благодаря усилиям клерикалов, всюду стали возникать под христианским знаменем ферейны штрейкбрехеров, в особенности среди железнодорожных рабочих. Эти попытки не увенчались, однако, желанным успехом. Один такой союз железнодорожных рабочих «Право и обязанность» собрал в Утрехте собрание своих приверженцев со всей страны. Было не более 500 человек. Собрание послало приветственную телеграмму королеве с уверением, что оно употребит все усилия, чтобы поддержать порядок на железных дорогах. На некоторых собраниях (в Ротердаме, Гарлеме и др. городах), созванных аналогичными христианскими (!) союзами, противникам законопроектов удавалось привлечь на свою сторону большинство собрания и провести резолюцию противоположного характера. По закрытии таких собраний присутствовавшие расходились с пением социалистического марша.

Против правительственного законопроекта высказались и некоторые либерально-демократические элементы. Группа профессоров, ученых и писателей опубликовала протест против законопроекта. Конечно, рабочие не могли рассчитывать на активную поддержку со стороны этих заступников, так как последние, протестуя против параграфов, запрещающих стачки, высказывались в то же время за организацию железнодорожной бригады для поддержания правильности сообщения в случае «беспорядков», т. е., попросту говоря, за организацию штрейкбрехеров.

Чтобы несколько успокоить возбужденное общественное мнение, правительство смягчило некоторые статьи проекта, не изменяя его по существу. И этого оказалось достаточным, чтобы все партии, кроме социалистов и нескольких демократов, высказались в палате за законопроект.

Считаясь с этим настроением палаты, Генеральный Комитет Обороны решил прибегнуть ко всеобщей забастовке.

(Продолжение следует.)

ФРАНЦИЯ.

С'ЕЗД ЖОРЕСИСТОВ В БОРДО.

Finita la comedia! — то бишь, суд над бывшим министром торговли Мильераном; а судить его собрался с'езд жоресистов или «французской социалистической партии» (жоресисты — такие же социалисты, как наши «социалисты-революционеры» — социалисты-революционеры).

Когда среди сторонников Мильерана «раздался клич отрадный»: на суд его! на суд, злодея! — всем истинным друзьям французского пролетариата казалось, что, наконец-то классовое сознание начинает проникать в умы и той части рабочих, которых до сих пор держали в умственном и политическом плену всякие Жоресы и К°; казалось, что рабочие, заблудшиеся в метафизических бреднях и политических интригах французских оппортунистов, вернутся, наконец, к своей, классовой партии, т. е. об'единенной партии гедистов [16] и бланкистов. Но, увы! видно, время этому еще не настало, видно, истинным французским социалистам предстоит еще немалая работа пропаганды...

Собрались же судить Мильерана, с верховного согласия Жореса, вот за что: он вотировал в палате депутатов за бюджетную статью по содержанию духовенства, за запрещение солдатам посещать биржи труда, за судебное преследование социалистической книжки, которая вела агитацию среди солдат, п р о т и в всеевропейского разоружения (по инициативе Франции), и т. д.

Жорес, сам Жорес, умеренный, практичный, благоразумный Жорес, не одобрил тактики Мильерана, выразил порицание его голосованиям. Как! как раз в тот самый момент, когда Жоресу удалось революционной фразой усыпить революционный дух пролетариев, когда после долгих усилий ему удалось идеал революции подменить идеалом реформы! Как! как раз в тот самый момент, когда Жорес сводит классовую борьбу пролетариата на... борьбу вместе с Комбом, против монашеских конгрегаций, на..., борьбу вместе с Николаем II за «всеобщий мир», на..., борьбу с Рейнаком и Ив-Гюйо... за Дрейфуса... в этот самый момент откровенный Мильеран публично раскрывает тщету революционной фразы, имеет бестактность публично говорить и писать, что реформа значит — реформа, а не революция, что отделение церкви от государства, всеобщий мир и Дрейфус — такие далекие, далекие идеалы, что осуществление их возможно разве только в трехтысячном году, что в данное время дело социалистической партии — собирать возможные при данном строе крохотные крошки крохотных реформ...

Вот за эту-то бестактность и решили Жорес и К° предать бывшего министра торговли суду.

214 делегатов со всех концов Франции с'ехались в Бордо судить Мильерана. Многим федерациям начало казаться слишком подозрительным это постоянное отдаление от социалистических принципов, это неуклонное спускание «со ступеньки на ступеньку»; воты Мильерана начали раскрывать им глаза на внутреннюю сущность «нового метода». Они — эти федерации — думали, что ради спасения всего тела надо немедля ампутировать зараженную гангреной ногу, ради спасения партии надо исключить из нее Мильерана.

Но не так мыслили Жорес и солидарные с ним федерации. Для них исключение Мильерана означало в принци-

пиальном отношении — осуждение всей реформистской тактики, основанной на заигрывании с буржуазными партиями и на участии в буржуазных министерствах; в организационном отношении — раскол среди партии, присоединение большинства федераций к партии гедистов.

Предавая Мильерана суду, Жорес хотел лишь одного — обуздать во имя «партийной дисциплины» откровенного до бестактности Мильерана, сгустить в глазах пролетариата начинавший немного рассеиваться туман, упрочить позицию оппортунизма.

Это ему и удалось. После долгих и довольно-таки бессвязных дебатов за резолюцию Реноделя, предлагающую исключить Мильерана, высказались всего 89 голосов, а резолюцию Жореса, просто принимающую во внимание заявление Мильерана, что отныне он явится образцом дисциплины, подано 1093 голосов. Между прочим, Жорес не преминул еще раз повторить в резолюции свою вечную песню о том, что «социалистическая партия есть партия свободной мысли и постоянных научных изысканий».

ИЗ ПАРТИИ

Одесский Комитет просит поместить следующее заявление:

Одесский Комитет считает важнейшей задачей, выдвинутой в настоящий момент перед революционной социал-демократией России, программное, тактическое и организационное об'единение действующих сил, стоящих во главе борющегося пролетариата. Это об'единение дает возможность покончить с остатками экономизма и кустарничества и придает партии прочность и силу.

«Искра» с первых шагов шла навстречу этому об'единению, вырабатывая принципиальную выдержанность и руководя деятельностью революционной социал-демократии.

Выражая полную свою солидарность со взглядами «Искры» и признавая ее своим руководящим органом в этих взглядах, Одесский Комитет сожалеет, что «Искра» мало уделяла внимания вопросам о судьбах и задачах окраин и выражает желание дальнейшей разработки аграрной программы.

Мы получили следующее письмо:

По поводу одного заявления.

Многоуважаемые товарищи! прошу не отказать мне в помещении этих строк в вашем органе.

В № 114 «Последних Известий» Бунда напечатано заявление одесских «организованных приказчиков», в котором они утверждают, что они вовсе не вчерашние сионисты [17] (как они названы в корреспонденции № 34 «Искры»), а наоборот, даже участвовали в составлении — Ю. Р. Г. С.-Д. Поэтому они, т. е. «организованные приказчики», клеймят одесского корреспондента и «Искру», — первого за клевету, почему он их назвал вчерашними сионистами, а вторую за то, что она печатает разные измышления, «компрометирующие Бунд и подрывающие к нему доверие».

Позвольте мне, товарищи, высказаться по поводу этого заявления. Я, как живший долгое время в Одессе, знакомый с ее движением, знающий даже среду приказчиков, не могу пройти этот факт молчанием. Итак, весь сыр-бор загорелся из-за выражения: «приказчики, вчерашние сионисты, сегодня сделались бундистами». Я не стану отрицать, что действительно некоторые приказчики принимали участие в Ю. Р. Г. С.-Д., но численность их была так незначительна, что самостоятельной организации приказчиков они никак не могли составлять. А, между тем, теперь такую организацию мы видим. Спрашивается, откуда же взялись остальные, где они были до сих пор? Я отвечаю. Остальные были до сих пор сионистами. Я знаю, что когда сионистское движение в Одессе находилось в самом разгаре, главное участие в нем принимали приказчики. Я знаю также, еще год тому назад, когда сионизм в Одессе уже почти сошел со сцены, когда редко можно было встретить сиониста из рабочей среды, единственными приверженцами сионизма были приказчики. Затем, около полугода тому назад, когда сионизм в Одессе уже окончательно начал разлагаться, нередко можно было встречать между приказчиками «разочарованных сионистов», которые искали какую-либо работу на другой, не сионистской почве. Скоро у них начала замечаться нелегальная литература, а через некоторое время их можно было даже и встречать на рабочих собраниях. С тех пор прошло уже около пяти месяцев, и вот в 34 № узнаем, что они организовались и примкнули к Бунду. Теперь все это ясно. «Организованные приказчики» — это те же (бывшие) сионисты. Таким образом, одесский корреспондент был вполне прав, назвав одесских бундистов «вчерашними сионистами», хотя в этом ничего унизительного нет, даже наоборот. Суть дела только в том, что слова «вчерашние сионисты» не следует принимать в буквальном смысле. Теперь, очевидно, что «организованные приказчики» совершенно напрасно клеймят одесского корреспондента именем клеветника.

«Вчерашний» одессит.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: Через Женеву: 1) за литературу из Ма. 14 фр., 2) от Женевской группы 13,20 ф., 3) из Нанси 8 ф., то же для Кр. Кр. 2 ф., 4) от Цюрихск. Сиб. Кассы для А-ка 40 ф. Из Брюсселя 199,20 ф., на изд. сборника стихотв. 146,60 ф. Получено из М. и передано по назначению 870 ф.

Адрес № 6 отменяется.

Ростов. Письмо, корр. и листок получены, годен ли старый адрес?

Л. Л. Корр. и деньги получены. Пришлите новый адрес для писем.

Эмбриону. Отчего ничего не пишете?

Автору письма за подписью Глассон. Большое спасибо за корр., письма не можем прочесть, перешлите скорее шифр.

Аристократам. Письмо получено и прочтено. Листки тоже получ., все будет исполнено.

Буке. Получено, используем по возможности.

Корреспонденции из Москвы, Твери, Вильны, Астрахани, Воронежа, Прохоровских рудников, Луганска и Мариуполя отложены за недостатком места.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Министерство государственных имуществ было учреждено в 1836 г. Во главе его стал гр. Киселев П. Д. (1788 — 1872), получивший таким образом в свое ведение устройство 9 миллионов государственных крестьян.

Прим. 2. Николай — он — псевдоним Н. Ф. Даниэльсона (1844 — 1918), одного из наиболее видных представителей народничества 80 — 90-х годов. Являясь переводчиком на русский язык «Капитала» К. Маркса, Н.—он находился в оживленной переписке с Марксом и Энгельсом. Вследствие этого в глазах широкой публики долго считался представителем марксизма. Книга «Очерки нашего пореформенного хозяйства» была издана им в 1893 году и явилась, наряду с работами В. В., главным экономическим обоснованием народничества.

В разгоревшейся полемике между народниками и марксистами книга Н.—она подверглась уничтожающей критике со стороны Струве, Плеханова и Ленина («Развитие капитализма в России», Собр. соч., т. III).

Прим. 3. Комиссия по изучению положения сельского хозяйства в России (1873 г.), известная под именем «Валуевской комиссии», была создана, в связи с угрожающим ростом податных недоимок со стороны крестьянства, по инициативе и под председательством министра государственных имуществ Н. А. Валуева. Комиссия пришла к выводу об отрицательном влиянии «круговой поруки» на крестьянское хозяйство. Работы этой комиссии на правительственную политику никакого влияния не имели. Ее единственным результатом было издание нескольких томов «Трудов».

Прим. 4. Галлифе (1830—1909) — французский генерал, один из главных участников подавления Парижской Коммуны 1871 г., прославившийся своей жестокостью. С 1899 г. по 1902 г. был военным министром в кабинете Вальдек-Руссо, где пост министра торговли занимал «социалист» Мильеран.

Прим. 5. Жоресистские федерации — «Федерация независимых», во главе которой стоял Жорес. Возникла после раскола социалистической рабочей партии на Сень-Этьенском конгрессе 1882 г. В отличие от последовательных марксистов, руководимых Ж. Гедом, жоресисты представляли собою оппортунистическую часть французского социалистического движения. Проповедуя необходимость сотрудничества с буржуазией и надеясь путем компромиссов добиться проведения реформ для «инфильтрации социализма в капитализм», они в то же время симпатизировали синдикализму. (См. «Искра» № 38, «С'езд жоресистов в Бордо».)

Прим. 6. Брешко-Брешковская Е. К. (р. в 1847 г.) принимала участие в народническом движении 70-х годов. Впоследствии играла видную роль в партии эсеров, примыкая к ее правому крылу. В настоящее время находится в эмиграции и является одним из наиболее непримиримых врагов СССР.

Прим. 7. Чигиринское дело — попытка группы землевольцев во главе с Я. Стефановичем (о нем см. прим. 9-е к № 29 «Искры») поднять восстание среди крестьян Чигиринского уезда (Киевской губ.), недовольных неудовлетворительными формами землепользования. Так как крестьяне связывали свои надежды с именем царя, то Стефанович, желая войти в их доверие, воспользовался царским именем и подложной царской грамотой. Попытка произвести вооруженное восстание оказалась неудачной и потерпела провал. В августе 1877 г. были арестованы Стефанович и соучастники этого дела Дейч и Бохановский. Всего по делу было арестовано 900 человек. Крестьяне по суду в большинстве были оправданы, а Стефанович с Дейчем и Бохановским бежали из тюрьмы за границу. Использование царского имени в революционных целях было впоследствии осуждено «Черным Переделом», а со стороны крестьян мистификация Стефановича вызвала сильнейшее негодование.

Прим. 8. Ветровская демонстрация—см. прим. 4-е к № 31 «Искры».

Прим. 9. Кибальчич Николай Иванович (1854—1881) — народоволец. Образование получил сначала в Институте инж. путей сообщения, затем в Медико-Хирургической академии. В 1878 г. впервые приговорен к тюремному заключению и высылке. за хранение нелегальной литературы. Возвратившись в Петербург нелегальным, посвящает себя революционной работе. С возникновением «Народной Воли» становится членом ее Исп. К-та и заведует динамитной лабораторией. Участвовал во всех террористических актах партии. Казнен 3 апреля 1881 г. по делу 1 марта (убийство Александра II).

Прим. 10. О «Земле и Воле» см. прим. 6-е к № 26 «Искры».

Прим. 11. Гарибальди Джузепе (1807—1882) — популярный итальянский революционный деятель, герой национально-освободительного движения, руководивший всеми попытками революционного об'единения Италии, был вождем революционных батальонов, начавших борьбу с Австрией за национальную и политическую независимость Италии. В 1870 — 1871 гг. Г. участвовал на стороне Франции во франко-прусской войне.

Прим. 12. «Освобождение»—нелегальный двухнедельник, орган либеральной земской оппозиции; выходил за границей (Штуттгарт, Париж), под редакцией Струве П. Б. с 1 июля 1902 г. по 18 октября 1905 г. (№ 79). Будучи самым влиятельным органом среди либеральной интеллигенции и либеральных земцев, «Освобождение» своей деятельностью подготовило почву для образования конституционной демократической (кадеты) партии.

Прим. 13. О старо-фенноманах см. прим. 14-е к № 33 «Искры».

Прим. 14. Под именем Уральского союза известна, действовавшая на Урале в 1902—1903 гг., «Восточная группа Уральского союза с.-д. и с.-р.». Эта организация, состоявшая в большинстве из учащейся молодежи, имела связь со многими уральскими заводами и развила значительную подпольную издательскую деятельность. Отсутствие четкости в идейной платформе Уральского союза и его обособленность от Р.С.-Д.Р.П. вызвали отрицательное отношение к нему со стороны «Искры» (см. «Искру» № 21, «Из партии»). В 1903 г. в Екатеринбурге из отдельных с.-д. кружков „был организован Средне-Уральский Комитет Р.С.-Д.Р.П., который опубликовал нижеследующее заявление: «По постановлению с'езда Уральского союза с.-д. и с.-р. этот Союз прекратил свое существование. С ведома и согласия Организационного Комитета Р.С.-Д.Р.П. и при его поддержке в районе Ср. Урала образовался Средне-Уральский Комитет. Он солидарен в своих воззрениях с „Зарей“ и с „Искрой“».

Прим. 15. О бойне в Златоусте см. корреспонденцию «Златоуст» в № 39 «Искры» (стр. 38).

Прим. 16. О гедистах см. прим. 5-е к № 18 «Искры».

Прим. 17. Сионисты — еврейская буржуазная реакционно-националистическая организация, стремившаяся к созданию в Палестине еврейского государства и переселению туда всего или значительной части еврейского народа.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 39 1 МАЯ 1903 ГОДА № 39

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТА ЦАРИЗМА.

У нас опять начинаются еврейские погромы. Всем известно, какой отвратительный, жестокий и мрачный характер имеют движения такого рода. Религиозный фанатизм, племенная вражда, желание поживиться на чужой счет, насилие, издевательство над слабыми, а подчас и зверская жестокость, — словом, самые дикие страсти находят в них самое дикое выражение. Но только что совершившийся кишиневский погром побил рекорд дикости и зверства. Никогда еще «громилы» не были так предприимчивы, никогда еще не были они так беспощадны и никогда еще число их жертв не доходило до такой высокой цифры. В ту минуту, когда мы пишем эту статью, убитых и умерших от ран насчитывается уже более ста. За ними отправится на тот свет, вероятно, еще не мало страдальцев, изнывающих теперь в тяжелых муках. «Разгром длился с полудня 6-го до 8 апреля на рассвете, — говорит Комитет Кишиневской соц.-демократической организации, — и, можно сказать, нет буквально ни одной еврейской квартиры, не пострадавшей так или иначе, ни одного целого стекла в окнах... Море перьев на улицах; перьями, как инеем, облеплены деревья, заборы; груды разбитой, уничтоженной, искрошенной рухляди и одежды; среди перьев, обрывков русских и еврейских книг, лоскутьев священных еврейских облачений, кофточек, старых брюк и обломков мебели — камни, обагренные, насквозь пропитанные человеческой кровью; ручейки запекшейся крови на тротуарах, в коридорах, в домах... Пострадали более всего беднейшие еврейские кварталы. Уничтожены мелочные лавочки, рундуки, разорена голь, убиты беззащитнейшие из беззащитных... Плач и стон висит над городом...»

Описывая тот же погром, один из наших корреспондентов говорит: «Врывались в дома, грабили, убивали; убивали матерей, защищавших своих детей, а детей бросали из окон третьего этажа... С конок схватывали людей с еврейскими лицами и тут же убивали. Евреи в панике бежали в город, но их ловили на улице и убивали; некоторым удалось достичь вокзала, они уезжали в Одессу. В Одессу приезжали целые поезда полураздетых евреев, не евших по два, по три дня... Многие еще до сих пор не нашли своих детей, так как последние в ужасе прятались в погреба, в бочки и, вероятно, умерли там от голода. Родные не узнают трупов, так они изуродованы буянами... Кто же совершал эти ужасы? Кто нес плач и стоны в среду «беззащитнейших из беззащитных?» Толпа «громил» отличалась очень пестрым характером. В ней были и пришлые строительные рабочие, и ремесленники, и земледельцы. Но замечательно, что во многих местах толпой руководили «интеллигенты»: нотариусы, члены управы, врачи. «Мы не говорим уже, — прибавляет названный Комитет в своей прокламации, — о сочувственном отношении к действиям толпы со стороны глазевшей публики, состоявшей главным образом из чиновников с их дамами, офицеров и буржуазии. Своим вызывающим смехом, шуточками, одобрительным понуканием толпы, подбадриванием ее, а подчас указаниями и советами она морально воздействовала на дикие инстинкты толпы и приводила ее в то непонятное остервенение, последствием которого явились выдернутые с животом ноги, отрезанные языки и губы и изнасилованные девушки и беременные женщины. Учащиеся раз'езжали на велосипедах и поддерживали сообщение между отдельными отрядами громил. Чиновники и „интеллигенты" запасались во время беспорядка письменными принадлежностями из разгромленного магазина Шаха».

Пусть же нравственная ответственность за совершенные в Кишиневе неистовства падет прежде всего на эту жадную, испорченную и жестокую будто бы интеллигенцию, лишенную самой элементарной гуманности, чуждую самомалейшего сознания своей обязанности перед страною. Это отребье человечества, эта подлая чернь, облыжно именующаяся образованным классом, покрыла себя несмываемым позором перед всем цивилизованным миром. Всякий, кто знает имена этих «интеллигентных» громил, должен довести их до всеобщего сведения. Нам известно, например, что нотариус Писаржевский и сын местного богача Синодино отмечали мелом еврейские дома и указывали квартиры тех христиан, которые укрывали евреев. Мы спешим прибить эти имена к позорному столбу *.

Для темных, бессознательных рабочих, принимавших участие в кишиневских разбоях, еще не закрыт путь прогресса. Нынешний «громило»-пролетарий может со временем понять интересы своего класса, для отстаивания которых необходимы дружные усилия рабочих без различия религии и племенного происхождения. И тогда в его сердце проникнет жгучий стыд при воспоминании о тех зверствах, в которых он принимал деятельное участие вследствие своей темноты и неразвитости. Логика пролетарского движения такова, что под ее неотразимым влиянием будут все более и более исчезать в рабочей среде национальные и племенные предрассудки. А какова логика движения той «образованной» и чиновной черни, которая наслаждалась зрелищем кишиневского разбоя или даже руководила им? Странный вопрос! Эта среда

* Излишне называть редактора «Бессарабца» Крушевана, подготовлявшего погром своей литературной проповедью. Постыдная известность его имени и без того очень обширна.

знает только движение товарных цен, да еще движение по службе; она неспособна увлечься никакой широкой общественной идеей. Она рукоплещет насильственным действиям, направленным против евреев, не потому, что не понимает своих классовых интересов, а потому, что она понимает их слишком хорошо, и потому, что эти интересы, по своей узкости и ограниченности, подсказывают ей политику злопыхательного мракобесия. Часть принадлежащих к этому общественному слою лиц ненавидит евреев по той причине, что те являются для них возможными или действительными конкурентами на разных поприщах жизни; другая часть их с завистью, злобой и страхом видит в евреях представителей движимого капитала, разлагающего и размывающего наш нынешний крепостнический государственный и общественный порядок; наконец, обе эти части, равно как и все прочие разновидности наших антисемитов, с одинаковым удовольствием готовы издеваться и насильничать над еврейским рабочим, который им, — привыкшим уважать лишь внешнее могущество, — кажется презренным, во-первых — потому, что он пролетарий, а во-вторых — потому, что он пролетарий особой породы, пролетарий, лишенный даже такого жалкого подобия жалких прав, которым обладают русские пролетарии христианского вероисповедания. Избавить евреев от преследований, идущих со стороны этого слоя нашего населения, может только революция, которая сметет с лица русской земли постыдные остатки средневековых учреждений и, уровняв еврея в гражданских и политических правах со всеми другими гражданами, поставит его под защиту демократической конституции!

Но отличительную черту «образованной» черни составляет, как известно, трусость, вследствие которой она, как говорится, держит нос по ветру, т. е. чутко прислушивается ко всем распоряжениям, идущим из «высших сфер». И если эта трусливая чернь храбро поддерживала кишиневских буянов, то ясно, что она не опасалась вызвать этим неудовольствие начальства; ясно, что еврейские погромы представлялись ей согласными с видами предержащей власти. И она не ошиблась. Правительство не только не торопилось остановить кишиневский еврейский погром, но раздувало его всеми зависящими от него средствами. Оно само забрызгано кровью замученных в Кишиневе евреев.

Это правительство, которое, как директор полиции в известной оперетке, хочет все знать, все видеть и совать свой нос повсюду, притворилось, что оно ничего не знало о приготовлениях к погрому, о которых знал весь Кишинев; это правительство, которое так заботится об «общественном спокойствии», что отвечает казацкими нагайками и полицейскими шашками на самые мирные демонстрации сторонников политической свободы, сделало вид, что оно не может справиться с кишиневскими «громилами»; это правительство, неизменным девизом которого в борьбе со всяким освободительным движением является быстрота и натиск, оказалось точно парализованным, когда ему нужно было охранять имущество и жизнь кишиневских евреев. В воскресенье, в два часа пополудни, кишиневский губернатор, г. фон-Раабен, — который, наверное, знал бы, что ему надо делать, если бы речь шла об усмирении «бунтовщиков», но который теперь, очевидно, боялся «не потрафить» и потому не решался действовать по собственному усмотрению, — г. фон-Раабен телеграфировал в Петербург, требуя указаний. Ответ на его запрос пришел только в шесть часов вечера в понедельник. Нам неизвестно, что именно отвечал г. Плеве, но уже одно то обстоятельство, что он не отвечал более суток, показывает, что министерство внутренних дел ничего не имело против погрома. Низшие полицейские инстанции очень хорошо поняли это и потому не только не защищали евреев, но прямо содействовали их избиению. В «Последних Известиях»[1] Заграничного Комитета Бунда мы читаем: «Когда толпа нападала на какой-нибудь дом, полиция придерживалась такой тактики: дав толпе уничтожить все, что возможно было, она внезапно являлась и говорила: «довольно, идите дальше», руководя таким образом действиями толпы. В одном месте толпа евреев собралась для защиты магазинов и чтобы оказать сопротивление. Является пристав и велит толпе расходиться. Та отказывается, тогда призывается конный патруль, который врезывается в толпу и нагайками разгоняет евреев. Через несколько минут туда же являются погромщики, а полиции и патруля и след простыл! В другом месте евреи, спасаясь от мученической смерти, по крышам домов добрались до полицейского участка и почувствовали себя на минуту спасенными, но их сейчас же прогнали на улицу и отдали на растерзание дикой толпе. После погрома в саду найдена безграмотно написанная прокламация приблизительно такого содержания: «Полиция начала грабить, а теперь, получив хабару от евреев, начала нас сажать в тюрьмы»... В народе читались грамоты, в которых по высочайшему повелению приказывается избивать евреев. В словах найденной в саду безграмотной прокламации вряд ли есть какое-нибудь преувеличение. Почин грабежа, повидимому, действительно принадлежит полиции. Только что цитированный нами № «Последних Известий» сообщает, что еще накануне Пасхи помощник пристава Добросельский, зайдя в табачный магазин Бендерского, бесцеремонно запустил руку в кассу и вынул оттуда пять рублей. В ответ на протест удивленного хозяина он заметил: «Все равно мы вас всех жидов на Пасху перережем». Но это еще не все. Крестьянин Соловьев, принимавший участие в погроме, пришел в полицейский участок и заявил, что им убит еврей. Его посадили в арестантскую, но... на другое утро он был найден мертвым. Полиции нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать ему давать показания.

Это было тем более необходимо, что она слишком уже постаралась, и высшему начальству пришлось, для приличия, привлечь ее к ответственности. По окончании погрома у приставов и надзирателей сделаны были обыски, и у многих из них найдено было награбленное золото и серебро. Нечего сказать, хороши эти представители «порядка»! Само собой разумеется, что заботливое начальство сделает все, чтобы скрыть следы их преступления. За это ручается хотя бы то, что в следствии по этому делу принимают участие, между прочим, такие чиновники, которые сами грабили евреев.

Дальше этого издевательство над правосудием итти не может. Повторяем, царское правительство сверху донизу, от министра внутренних дел до последнего кишиневского сыщика, обагрено кровью замученных в дни Пасхи евреев.

Это теперь видят все и каждый, это повторяется теперь даже консервативной западной печатью, никакие «раз'яснения» и «сообщения» со стороны правительства не помогут ему скрыть истинное положение дела. Нет и не может быть на свете такого ловкого софиста, которому удалось бы снять с него нравственную ответственность за организацию дневного разбоя, за соучастие в грабеже и убийстве!..

Однако, зачем же понадобилось ему организовать разбой? Какую пользу принесло ему соучастие в грабеже и убийстве?

На это легко ответить.

Царские слуги хорошо понимают, что, чем больше растет наше рабочее движение, тем неустойчивее становится наш «старый порядок», и тем более приближается тот день, когда они должны будут расплачиваться за свои бесчисленные преступления перед русским народом. И они всеми силами стараются отдалить наступление этого судного дня. Борьба с постоянно растущим рабочим движением стала для всех них отчаянной борьбой за свое собственное существование. И они ведут эту борьбу с жестокостью и коварством, достойными самой мрачной эпохи падения Византии. Нет такой подлой меры, перед которой они остановились бы в своей «охранительной» политике. Сначала они попытались разрушить возникающие рабочие организации путем проникновения в них шпионов и провокаторов всякого рода; они надеялись воскресить в этих организациях практику печальной памяти Дегаева[2],—первый период зубатовщины. Потом, увидев, что этот прием не приносит всех тех плодов, которые от него ожидались специалистами полицейского развращения; убедившись в том, что самосознание нашего рабочего класса беспрерывно делает все новые и новые шаги вперед и что социалистическое движение все более и более грозит стать движением массы, — они сделали попытку привлечь массу на свою сторону, обещая ей некоторые экономические уступки и оказывая ей некоторую поддержку в борьбе с капиталистами, — второй период зубатовщины. Эта попытка сопровождалась и дополнялась попыткой довести до отчаяния передовых представителей пролетариата и толкнуть их на дорогу никого не терроризующего «террора», — первомайские розги прошлого года. Наконец, когда эта попытка оказалась такою же неудачною, как и усилия создать в рабочей среде влиятельную «независимую» партию и остановить успехи социал-демократии, правительство Николая Малоумного выкинуло на стол свою последнюю карту: оно старается теперь затемнить быстро зреющее самосознание русского пролетариата, заразив его ядом племенной вражды и религиозного фанатизма. Своим преступным поведением во время кишиневского разбоя русское правительство как бы говорит нам, социал-демократам: «Вы хотите разбудить массу; вы стремитесь сделать ее могущественнейшим фактором дальнейшего исторического развития России. Очень хорошо! Будите массу, но знайте, что нерадостно будет для вас ее пробуждение; помните, что масса есть кровожадный зверь и что, когда этого зверя спускают с цепи, он безжалостно терзает все его окружающее, не отличая своих от чужих, не разбирая ни правого ни виноватого. Вы взываете к массе, повторяя свой боевой клич: „пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, а в ее среде загорится национальная вражда и русский рабочий примется „разносить“ своего же собственного товарища, если только этот товарищ принадлежит к другому племени или исповедует другую веру. Вы хотите разбудить массу. Посмотрите же на ее кровавые подвиги и сознайте безумие своего замысла». Вот что говорит нам русское правительство своей организацией кишиневского разбоя, своим соучастием в кишиневских убийствах. И надо сознаться, что эти его слова не лишены внушительного красноречия. Они могут показаться тем боле убедительными, что в начале восьмидесятых годов графу Игнатьеву удалось направить в антисемитическое русло быстро усиливавшееся народное недовольство и тем надолго затормозить революционное движение в России. Нам, социал-демократам, предстоит ответить на внушительное красноречие антисемитических разбоев еще более внушительным красноречием революционного действия.

Нам предстоит фактами убедить правительство в том, что времена изменились и что оно не знает, каковы русские рабочие в настоящее время.

Наша партия, идущая во главе пролетариата, обязана показать, что правительство ошибается в расчете, полагая, что ему удастся развратить русский рабочий класс антисемитической травлей. Она обязана вызвать противодействие антисемитизму из самой рабочей среды. Она обязана собственными силами организовать отпор «громилам». Как именно нужно делать это в том или другом случае, зависит, конечно, от местных условий. Там, где наша партия уже так сильна, что она может при первой надобности выдвинуть на улицу несколько сот решительных рабочих, она должна немедленно силой подавлять всякие попытки анти-еврейских «беспорядков». Там, где ее влияние еще не так велико, ей следует отвлекать внимание волнующейся массы от евреев и направлять эту массу против полиции путем устройства демонстраций, нападения на полицейские здания и т. п. Наконец, там, где ей не удастся даже и это, наши комитеты должны, по крайней мере, смело и самоотверженно выступать против бушующей толпы и защищать евреев, — и вообще избиваемых инородцев, — не отступая ни перед опасностью, ни перед нелепыми упреками*. Они должны помнить, что, спасая избиваемых, они будут спасать честь своей партии, честь русского пролетариата и будущность всего нашего движения.

Царское правительство выкинуло на стол свою последнюю карту. От нас зависит убить ее и тем отрезать ему последний путь спасения. Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия свято исполнит свой долг перед русским рабочим классом, перед всей страною. На нее смотрит теперь социал-демократия всего мира.

[Г. Плеханов]

---

* Говорят, что в Кишиневе нескольким смелым людям удалось отстоять целых два квартала. Социал-демократы не должны никому уступать честь такого энергичного почина.

КИШИНЕВСКИЕ СОБЫТИЯ.

Перед нами целая масса описаний кишиневских ужасов. Опубликовать их все нет возможности. Мы выбираем свидетельства очевидцев, проведших в Кишиневе 6 и 7 апреля или приехавших туда тотчас после погрома.

Начнем с письма, автор которого рассказывает буквально лишь то, что видел своими глазами. «В воскресенье на первый день Пасхи, приблизительно к двум часам, я была на Пушкинской улице вместе с женщиной-врачом глазной лечебницы и ее племянником (христианами). Мы услыхали, что на Гостиной улице бьют окна, и решили отправиться туда посмотреть, в чем дело. На Пушкинской, между Фонтанным переулком и Александровской, я со своими провожатыми услышала, как Писаржевский, нотариус, со смехом и злорадством рассказывал другому господину, что у жидов бьют окна и, между прочим, у него также разбиты несколько стекол. Мы отправились вниз по Пушкинской; начиная с угла Александровской, все окна магазинов, не закрытые ставнями, были разбиты вдребезги. То же самое было и на всех улицах, по которым мы проходили. То тут, то там шла толпа с каменьями из мостовой и бросала их в окна. Полицейских нигде, если не считать нескольких городовых на постах, глазеющих на толпу, как и мы. Было уже часов 5 — $5^1/_2$, когда усталая и с тревогой в душе я направилась домой и повсюду видела отсутствие полиции и присутствие нескольких городовых с надзирателями, которые очень строго гнали евреев, не трогая православной толпы. Кучка, бьющая окна, состояла из 6 — 8 парней, похожих на празднично одетых рабочих, которых сопровождала толпа зрителей, состоявшая из прилично одетых дам в шляпах и господ в котелках и с тросточками. Зрители большей частью относились настолько сочувственно к бьющим окна, что сопровождали криком «браво» меткий удар камнем по стеклам. Такое же битье стекол, такое же поведение публики и пассивное отношение полиции были в других частях города, по рассказам моих практиканток, людей безусловно правдивых. В понедельник, в 6 часов утра, я отправилась в город. Настроение еврейской публики было очень тревожное, ожидали чего-то страшного, но пока было тихо. По улице ходили патрули, состоящие из 5—10 солдат с ружьями. Я, было, даже успокоилась, увидав солдат. Ведь не даром я выросла в России и привыкла к тому, чтобы солдаты водворяли спокойствие. Но мое спокойствие скоро было нарушено. Часа через два, т. е. в 8 часов, начался разгром. Не будучи в состоянии сидеть в комнате, я с 8 часов утра была на улицах до 8 часов вечера. Погром, таким образом, продолжался всего 12 часов. Громили лавки и квартиры исключительно еврейских домов, т. е. тех, в которых вчера выбили окна. На Пушкинской улице, между Николаевской и Харлампиевской и по всей Харлампиевской не осталось ни одного магазина. Даже железные шторы не всегда спасали. Опять-таки толпа состояла самое большее из 15 — 18 человек, не старше 20 лет, по костюму больше горожане. Они ломали камнями ставни и затем руками срывали уже поломанные ставни, влезали в магазины и начинали выбрасывать буквально все к тем, кто оставался снаружи. Наружная толпа все рвала и бросала: дорогие мантильи, шляпы, перья, ленты, ботинки, золотые вещи, книги, — все было разрушено и разбросано. Куски материи рвались на узкие полосы и тут же топтались ногами. Духи, мыла разбрасывались в разные стороны. В числе зрителей были чиновники окружного суда, акцизного правления и казенной палаты. Зрители или относились пассивно или буквально по-

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

V. Пролетариат и крестьянство на Западе.

(Окончание.)

Оппортунисты западно-европейского социализма, так называемые критики Маркса, много пишут и говорят теперь о сельскохозяйственной кооперации. Они видят в ней путь, по которому сельское население может придти к социализму, миновав капиталистическую фазу. В глазах некоторых из них этот путь имеет то преимущество, что, выступив на него, сельское население избежит не только капитализма, но также и классовой борьбы, которая с успехом будет заменена союзом классов*. Эта неожиданная для нас перспектива настолько интересна, что мы считаем нелишним остановиться на вопросе о названной кооперации.

Известно, что между сельскими товариществами первое место по численности и величине оборотов почти везде занимают кредитные товарищества. Так, например, из 15.054 товариществ, числившихся в Германии к 1 июля 1901 г., было:

Кредитных	10.487
Товариществ для совместной закупки	1.294
Молочных товариществ	2.047
Прочих	1.206

Обороты германских кредитных товариществ равняются приблизительно 1.750.000.000 мар. У русского читателя, сочувствующего всякого рода «ассоциациям» и знающего, как плохо идет их дело в нашем отечестве, при виде этой цифры может произойти даже легкое головокружение. Ее во всяком случае нельзя не признать весьма почтенной. Но каковы могут быть экономические последствия развития кредитных товариществ в деревне?

Товарищества этого рода очень облегчают крестьянину дело совершения займов, без которых ему часто совсем нельзя обойтись в своем хозяйстве. Нуждой крестьянина в деньгах часто пользуется ростовщик, выжимающий из него последние соки. Деревенское ростовщичество представляет собою далеко не новое явление. Напротив, — по замечанию Маркса, — ростовщический капитал принадлежит, вместе со своим близнецом — торговым капиталом, к допотопным формам капитала, возникающим задолго до появления капиталистического способа производства и встречающимся в различных экономических

* См. Die moderne Agrarfrage, von Dr. A. Nossig, Berlin — Bern, 1902, стр. 480 и многие другие.

ощряли толпу. На протесты некоторых зрителей раздавались ответы вроде: «Да оставьте, это—только жидов!» Одновременно, когда на Пушкинской грабили лавки, другая толпа, состоящая также из 15 — 20 парней, громила Николаевскую, Гостиную, Александровскую, Подольскую, Кузнечную, Садовую, Остановскую и другие улицы, начиная с Бендерской, по направлению к вокзалу, причем небольшие кучки врывались в еврейские квартиры, сорвав предварительно оконные рамы, и первым делом разрывали все подушки и выбрасывали их на улицы. Далее ломали мебель на кусочки, кресла, диваны, этажерки, одним словом—все, что было в доме. Но это еще не все. Раз'яренная толпа теми же кусками мебели начала бить тех евреев и евреек, которых заставала в квартирах. Били куда попало: по голове, по рукам, и в результате уже похоронено до сегодняшнего дня (13 апр.) 43 покойника. 80 человек тяжело раненых лежит в еврейской больнице и каждый день делается 180 перевязок приходящим, не считая тех, которые лечатся у частных врачей. Что же делали в это время войско и полиция? Они стояли и смотрели; когда же дом был совершенно разгромлен, они обращались к толпе: «будет — дальше, дальше!», или патруль врывался в центр толпы с криком: «расходись, расходись!», делил толпу на две части и уходил дальше, давая* возможность толпе соединиться снова и действительно работать дальше. Когда же спрашивали офицера, почему патруль позволяет громить и разрушать, он отвечал: «Мы должны ходить только для парада, вмешиваться нам запрещено, не приказано». Полиция тоже не мешала работать.

«Что еще писать? Пожалуй, несколько отдельных сцен. Толпа в 4 часа дня, усталая, подходит к углу Николаевской и Минковского переулка. Одна дама, в шляпе, с прилично одетым господином, обращается к одному из участников с вопросом: «Что, Павлик, работаешь? Но вот где нужно работать, тут два миллиона» (указывает при этом на дом Перельмутера), а тут жидовская типография Шлиомовича; ничего, жидов много, отстроятся снова». Толпа начинает рвать и вырывает деревянные двери в типографии, дальше наталкивается на железные двери—и от усталости не может совладеть с ними; тогда деревянная дверь ломается тут же на куски, стаскивается еврейская женщина с извозчика, который в эту минуту проезжает, и ее начинают буквально истязать и топтать ногами. Наконец, подходит патруль и с криком «расходись!» гонит дальше ту же толпу. Вот еще сцена. Толпа врывается в еврейскую лавку бакалейщика и начинает все разрушать. Какой-то сердобольный поп подходит и начинает просить толпу не трогать этой лавочки; ему отвечает какой-то господин: «Да не волнуйтесь, батюшка, ведь это только жидов бьют!» В то время как часть толпы била и разрушала, другая часть старалась что-нибудь захватить и унести. Женщины, похожие на горничных и вообще прислугу, одевались в мантильи-гейши и уходили; тащили также платки, белье, серебро, бриллианты из еврейских домов и уносили. Не без греха осталась и полиция в смысле утайки чужой собственности.

«В течение целого понедельника, когда происходили погромы, евреи неоднократно обращались к губернатору за помощью. Но помощь была дана, когда уже треть евр. домов была разграблена. С 6 часов утра вторника город был об'явлен на военном положении. Повсюду войска в полной военной аммуниции, и с этого момента погромы прекратились. Город до сих пор на военном положении. Разграбленные улицы представляют одну груду щепок, квартиры зияют своими дырами вместо окон и дверей. Масса бездомных и бесприютных. Сняты пока несколько зал для помещения этих бесприютных.

формациях*. Но эта старинная форма отличается чрезвычайной живучестью. Исследование, сделанное в 1887 г. по почину «Союза для социальной политики», показало, что ростовщик очень хорошо чувствует себя даже в современной германской деревне. Мы не думаем, конечно, что теперь его царство в немецкой деревне окончилось; но мы полагаем, что его власть была поколеблена распространением сельских кредитных товариществ. И чем больше станет возникать таких товариществ, тем легче будет немецкому крестьянину избегать сетей ростовщика. В этом смысле значение кредитных товариществ очень плодотворно. Но это их плодотворное значение вовсе не делает из них моста, по которому крестьяне могли бы перейти в социализм, минуя капиталистические отношения производства.

Как влияет ростовщический капитал на экономику деревни? Он задерживает ее развитие. Он разоряет и порабощает себе производителей, но он не изменяет способа производства. Этот способ остается неизменным; влияние ростовщика сказывается лишь в том, что производственный процесс совершается при условиях, все менее и менее благоприятных для производителей. Поэтому устранить ростовщика из деревни значит открыть для нее путь экономического развития. А открыть для нее этот путь не значит помешать вторжению в нее капитализма. Наоборот, чем скорее пойдет она по этому пути, тем скорее разовьются в ней капиталистические отношения. Устранение допотопной формы капитала приведет к расцвету его новейшей формы.

Мы видим отсюда, что сельские кредитные товарищества не способны содействовать появлению тех «ячеек», из которых, по словам «критиков», сложится социалистическое общество. Если они приведут к социализму, то не иначе как через капитализм и путем борьбы классов. Пойдем далее.

Во многих государствах Западной Европы начинают играть довольно значительную роль товарищества для закупки необходимых земледельцу материалов и орудий, а также для сбыта продуктов земледелия. В Германии общая сумма оборотов таких товариществ доходила в 1900 г. до 100 миллионов. Это, конечно, далеко не то, что мы видели в кредитных товариществах, но и это—уже не маленькая цифра. Надо заметить еще, что в будущем этим товариществам, очевидно, предстоит еще очень широкое развитие. «Близнецы» ростовщиков, — торговцы, интересам которых угрожают эти товарищества, уже теперь приходят по их поводу в большое волнение.

* Das Kapital, III, 2, 132.

Вот и все, больше писать не могу, у меня какой-то хаос в голове...»

Другое письмо из Кишинева от 16 апреля.

«О погроме в городе циркулировали слухи задолго до Пасхи. Я лично не придавал этим слухам никакого значения и считал погром невозможным. Я и теперь убежден, что если б не полиция и войска, погром был бы немыслим; но именно этого последнего обстоятельства я не принимал во внимание... Благодаря присутствию военного доктора, наш дом уцелел. Но что же делалось во дворе, населенном почти одними евреями? Все высыпали на двор, ходили взад и вперед, тревожно с минуты на минуту ожидая нападения; начали сносить имущество в погреба и сараи или переносили его к живущим во дворе русским; особенная тревога ощущалась ночью, весь двор не спал, все собирались в одну комнату и бодрствовали целые ночи; женщины и дети плакали, ломали в ужасе руки. Тревога и паника усиливались по мере того, как до нас доходили сведения, что весь разбой совершался на глазах у полиции и патрулей; следовательно, неоткуда ждать защиты и все население оставлено на произвол судьбы. Надо вам сказать, что о насилиях над людьми мы узнали только в конце второго дня, когда один прибежал сказать, что в больницу привозят раненых. Об'ясняется это тем, что убийства происходили главным образом на окраинах города. Только тогда, когда мы поспешили в больницу предложить свои услуги, страшная картина развернулась во всей своей потрясающей наготе. Больничные палаты, коридоры, приемные были наполнены ранеными с семействами, маленькими грудными детьми, а пол „мертвецкой“ был усеян свыше 30 трупами. Трупы были обезображены, их одежда была покрыта перьями и пухом... Словом, это были плач и стон, это было огромное горе, которое не поддается абсолютно никакому описанию. Тот, кто не был свидетелем всего этого, кто не пережил тех дней, из описания получает одно лишь приблизительное и бледное представление. Люди, должно быть, будут читать обо всем этом и приблизительно так же, как мы читаем о турецких зверствах в Македонии. Это событие застраховало меня навсегда от необходимости чем-либо возмущаться. Ничего в такой степени возмутительного, полагаю, уже не произойдет. Зверства, конечно, будут, войны также, но я разумею обстановку, при которой все это произошло: полиция, войско, чиновничество, учащиеся, лица либеральных профессий и, наконец, темная, невежественная масса подали друг другу руки и „вместе двинулись вперед“. Это была круговая порука цинизма, грубого и жестокого, общественной деморализации, низости и падения.

«Был ли организован погром? Несомненно, да. Но каким образом это произошло — неизвестно. Есть основание предполагать, что в предварительной организации погрома принимала участие полиция. Во всяком случае, она знала заранее о могущих произойти событиях. И все ужасы, все зверства и убийства совершались на глазах приставов, околоточных, солдат. Помощник пристава Добросельский, на глазах которого толпа убила старика еврея, крикнул толпе: „Убейте его сына“; сын случайно спасся и лежит теперь в больнице. Арестован помощник пристава, у которого нашли много золотых вещей.

«Несомненно, дело приняло теперь очень громкий характер; полиция и следователи ведут следствие; из кожи лезут вон, чтобы замазать его постольку, поскольку в нем замешаны полиция и чиновничество. Да и могут ли местные судебные следователи сколько-нибудь беспристрастно вести следствие, когда все они тоже антисемиты. Вот как они обращаются к потерпевшим евреям: „Ну, жидовская морда, что ты скажешь?“ или „Есть у тебя христианские свидетели, хорошо, а нет — ступай“.

и стараются остановить их успехи. Торговцы по-своему совершенно правы. Этот вид товариществ может нанести значительный ущерб интересам торгового капитала, значительно ограничив область его приложения*. Но и ограничение области приложения торгового капитала не равносильно устранению капитализма. Совсем нет. Лишая посредников той роли, которую они играли до сих пор в сношениях между производителями указанных выше предметов и их потребителями, кооперация содействует уменьшению численности среднего класса и тем самым расширяет пропасть между крупной буржуазией — с одной стороны и пролетариатом — с другой. Правда, исчезновение посредников-торговцев может быть возмещено ростом благосостояния некоторой части крестьянства, которая перейдет в ряды средней буржуазии. Но такой переход будет означать слоение крестьянской массы, которое подготовляет проникновение в деревню капиталистических отношений производства и связанной с ними борьбы классов, а это вряд ли может быть признано надежным путем избежания капитализма и классовой борьбы.

К этому надо прибавить, что в товарищества рассматриваемого вида соединяются и могут соединяться исключительно самостоятельные производители. Наемному труду в них нечего делать, и потому сельские батраки не принимают в них никакого участия. Э. Купэ совершенно справедливо замечает, что солидарность, связывающая их членов друг с другом, есть солидарность собственников и что такая солидарность не представляет собою чего-либо свойственного одному земледельческому населению: она не менее часто встречается и в промышленности*.

Значит, мы здесь вынуждены сделать вывод, уже сделанный нами выше: если кооперативные товарищества приведут деревню к социализму, то они сделают это не иначе, как ускорив ее переход через капитализм.

А производительные товарищества? Говоря о них, надо прежде всего помнить, что собственно в земледелии они в настоящее время чрезвычайно редки, вследствие чего даже самые убежденные сторонники «кооперативного принципа» не возлагают на них почти никаких надежд или даже относятся к ним совер-

* См. интересную книгу Эли Купэ, Le mouvement syndical et cooperatif dans l'agriculture française. Montpellier. 1898.

* Назв. соч., стр. 60.

Один судебный следователь—постоянный сотрудник „Бессарабца"; следователи ни за что не вносят в протоколы фактов, могущих скомпрометировать полицию.

«Сейчас же после погрома появилось воззвание дамского комитета Красн. Креста с приглашением жертвовать в пользу евреев. Дамский комитет состоит под председательством жены вице-губернатора, — это те же заклятые антисемиты, которые захлебывались от восторга Крушеваном и которые могут быть названы настоящими виновниками погрома; в своем лицемерном воззвании они обрушиваются с упреком на ту массу, которую они сами же науськивали. И вот, вместо того, чтобы с негодованием отвергнуть помощь со стороны всех этих негодяеев, евреи сами же поддерживают этот гнусный „дамский комитет" материально. „Бессарабец" имел наглость пожертвовать 50 руб. в пользу евреев, но ему вернули их обратно.

«Приведу несколько фактов; каждый из них дополняет картину различных моментов происшедшего погрома.

«Вчера нашли одного ребенка в печке убитым. На 108-й версте от Кишинева в ящике нашли законопаченным труп еврея. У него оказались отрезанными губы и язык, которые нашли у него в кармане. Один кузнец-еврей случайно встретил на улице молодца, который убил трех евреев; он сейчас же забежал в участок и заявил помощнику пристава: „Арестуйте такого-то и такого-то". — „У нас места уж нет, куда их сажать; берите его себе, если вам хочется", — был ответ. Этот молодец до сих пор разгуливает, быть может, на свободе.

«Забыл сказать, что пока известно о 20 случаях изнасилования девушек и женщин. 3-го дня умерла в больнице 12-летняя девочка, изнасилованная. Предполагают, что количество изнасилованных гораздо больше, т. к. пострадавшие скрывают. Мне также известно, что одна девушка, когда ей пришлось скрыться от преследования в амбар или сарай, запаслась карболовой кислотой для того, чтобы отравиться в случае, если бы ее вздумали подвергнуть изнасилованию.

«Ворвались в одну семью, состоящую из старухи, замужней дочери и детей. На них набросились, били, кусали. Это было поздно. Несчастная мать схватила ребенка и почти голая в отчаянном ужасе побежала по улице искать спасения. Она забежала в первый попавшийся полицейский участок; но перед ее носом захлопнули дверь и вытолкнули ее. Я мог бы писать без конца.

«В одном из номеров „Бессарабца" помещена статья под заглавием „Жертвы стихии" за подписью Вич. (это и есть тот самый судебный следователь). „Есть, — говорит он, — научная теория, по которой землетрясения ставятся в связь с увеличением числа и размеров пятен на солнце... Нельзя ли поставить в связь с ними (т. е. с солнечными пятнами) и стихийные явления из жизни народов, вроде, например, последнего погрома. Такое предположение не будет слишком смело", — говорит эта наглая газета.

«Какая простая философия! Погром произошел под влиянием каких-то солнечных пятен! Уж, конечно, совершенно излишни были какие-нибудь меры со стороны властей; против солнечных пятен ведь ничего не поделаешь. Но я думаю, что, если уж говорить о пятнах, то не о солнечных, а о более близких к нам; таким, например, пятном является „Бессарабец" с его позорной кликой на фоне Бессарабии.

«В екатеринославской газете „Вестник Юга" от 13/IV есть передовая статья по поводу кишиневского погрома, в которой дается достаточная оценка Крушевану. „Кровью кишиневских жертв обрызганы листки крушеванской печати, с которых не перестает звучать дикая травля", говорится там».

шенно отрицательно*. Несравненно большее значение имеют товарищества для обработки тех или иных продуктов земледелия или скотоводства, напр. сыроварни, молочные, маслодельные заводы, мельницы, булочные, винокурни и т. п. предприятия этого рода, без сомнения, приносят своим участникам подчас очень значительные выгоды, но никаких «ячеек» социалистического общества они собою не представляют по той простой причине, что путь к капитализму расчищается ими еще решительнее, чем другими видами деревенской кооперации.

Чтобы убедиться в том, нам нет надобности отправляться «на Запад»: достаточно взглянуть на русские артельные сыроварни и маслодельни. Вот наглядный пример:

В 1896 г. в селе Алсуфьеве Вологодской губ. образовалась маслодельня, в которой приняло участие 53 лица, владеющих 250 коровами. В числе тех лиц было четыре землевладельца с 124 коровами, 2 священника и 2 псаломщика с 15 коровами и 45 крестьян из 10 сел, окружающих Алсуфьево, со 111 коровами*. Если дела маслодельни шли хорошо, то крестьяне, принявшие в ней участие, наверно живут теперь много лучше, чем жили прежде. Но ведь они и прежде не принадлежали к деревенской бедноте: у каждого из них в среднем было почти по $2^1/_2$ коровы. И если эти крестьяне живут теперь много лучше, чем прежде, то расстояние, отделявшее их от деревенской бедноты, значительно увеличилось. А это и есть то слоение сельского населения, которое так сильно способствует развитию сельскохозяйственного капитализма. И не надо думать, что алсуфьевская артель представляет собою что-либо исключительное. Нет, в рассматриваемом отношении она как нельзя больше похожа на все прочие артельные предприятия не только в России, но и за границей. Вот опять пример: В 1891 г. в Винциге, в Силезии, образовалось мукомольно-хлебопекарное товарищество; в него вошло 23 домохозяина с капиталом в 85.000 марок. Это составляет в среднем на каждого товарища довольно круглую сумму, имеющуюся далеко не у каждого крестьянина. В Винцигскую артель вошла, стало быть, только

* Так, Давид в своей недавно вышедшей книге «Sozialismus und Landwirtschaft» высказывает (стр. 700) ту мысль, что, даже добившись политической власти, социал-демократия не должна была брать на себя организацию собственно земледельческих товариществ. По отношению к земледелию в собственном смысле слова Давид оказывается чистейшим индивидуалистом. Труден только первый шаг. Посмотрим, остановится ли на нем этот «критик Маркса».

* П. Пахомов. Очерк современного состояния молочного хозяйства в России. Москва. 1900, стр. 22.

В письме от 9 апреля рассказывается:

«В понедельник 7 апреля утром начался настоящий разгром, начали в нескольких частях города сразу, кучками по 15—20 человек. Врывались в еврейские дома, грабили, убивали; убивали матерей, защищавших своих детей, а детей бросали из окон третьего этажа. Предводительствовали толпой нотариус Писаржевский и сын бессарабского богача Синадино: они помечали мелом еврейские дома и указывали квартиры тех христиан, которые прятали еврейские семьи. Этих русских толпа обыкновенно убивала. На этом основании администрация Кишинева говорит, что громили не одних евреев; но в сущности это была настоящая резня евреев среди бела дня. С конок скидывали людей с еврейскими лицами и тут же убивали. Евреи в панике бежали в город, но их ловили на улице и убивали, некоторым же удавалось достичь вокзала, они уезжали в Одессу. В Одессу прибывали целые поезда полураздетых евреев, не евших по 2 — 3 дня. Между прочим, их не пускали на курьерские поезда и в кассе отвечали, что это делается по распоряжению полиции. Интересно поведение губернатора в тот день, т. е. понедельник. Он ответил еврейской депутации, что он ничего поделать не может, пусть защищаются сами; тогда мясники и биндюжники (самые сильные из евреев) устроили защиту на Новом Базаре и, конечно, разогнали толпу по переулкам и рассеяли ее в несколько минут; тогда Думский (пристав, известный мерзавец, взяточник, который, между прочим, получал у кишиневских богатых евреев в те дни за охрану имуществ от погрома 100, 200 и 300 руб. в день; так, напр., у миллионера Г.) крикнул евреям разойтись, а то он стрелять будет, а рассеянную русскую толпу буянов городовые и надзиратели, не скрываясь, снова собирали из переулков. В грабеже участвовали солдаты и офицеры. При разгроме одного большого мануфактурного магазина офицерские жены выбирали себе куски материи и кричали солдатам „стой, не поливай“, так как громилы поливали товар керосином. На Александровской улице большой магазин золотых и серебряных вещей; хозяин его увидел из окна, что офицер и надзиратели наполняли свои карманы его драгоценностями, выстрелил и уложил на месте офицера; его тотчас же арестовали. Городской голова Шмидт скрывал у себя больше десяти семейств евреев. Когда он попробовал увещевать толпу, то его чуть не разорвали. Когда предводитель дворянства Крупенский обратился к губернатору за раз'яснением насчет бездействия полиции, фон-Раабен ответил, что его (т. е. Крупенского) мол не трогают, а что касается распоряжения полиции, то это его дело. Крупенский решил телеграфировать в министерство вн. дел, но на кишиневской почте не приняли телеграммы без разрешения губернатора, и она была, наконец, отправлена лишь из Бендер (1 час езды от Кишинева).

«К тому моменту, когда пришло распоряжение об'явить Кишинев на военном положении и приказать стрелять, полиция уже заблаговременно усмирила все. Когда приехал прокурор, губернатор повез его вокруг своего дома, чтоб доказать, что „жиды мутят“, что в сущности погрома не было. Явившейся к нему, т. е. к прокурору, еврейской депутации он так и сказал, что евреи наделали шуму на всю Россию, между тем как ничего почти не произошло, но депутаты упросили его отправиться с ними по Кишиневу, и тогда только он узнал обо всем.

«Пока, т. е. до среды, насчитывалось до ста убитых и 480 раненых, из которых ежедневно многие умирают. Многие не нашли еще до сих пор своих детей, так как последние в ужасе прятались в погреба, в бочки и, вероятно, умерли уже там от голода. Родные не узнают трупов, так они изуродованы. К одному богатому еврею В. ворвалась толпа, нашла его в каморке, где он спрятался,

---

местная крестьянская «аристократия». Если ее дела шли хорошо, то эта «аристократия» стала еще больше отличаться по своей зажиточности от своих односельчан, чем это было до основания товарищества. А ее дела шли так хорошо, что мукомольно-хлебопекарные товарищества начали возникать и в других местностях Силезии. В 1893 г. подобная же «артель» образовалась, например, в Гурау. В этой артели числилось 60 домохозяев различной степени зажиточности. На оборудование своего предприятия она употребила в дело 155.101 марку*. Это опять составило настолько кругленький капиталец, что деревенской «демократии» вряд ли можно было думать об участии в «артели». Если предприятие принесло выгоду, то оно увеличило неравенство между жителями Гурау. А это, как мы уже знаем, новый шаг для развития там капитализма.

Но этого мало. Артели этого рода в огромнейшем большинстве случаев «работают» наемными руками, что уже прямо превращает их в капиталистические предприятия. Для примера укажем на голландские товарищества для обработки молочных продуктов.

* Die geschichtliche Entwicklung des landwirtschaftlichen Genossenschaftswesen in Deutschland, von Dr. F. Müller, Leipzig, 1901. S. 449.

Первоначально эти продукты обрабатывались в Голландии капиталистами sans phrases. Но скоро крестьяне увидели, какие большие выгоды приносит это дело, и стали заводить артельные маслодельни. Первая артельная маслодельня появилась в 1887 г. в Варге, а 1 января 1900 г. таких маслоделен считалось уже 68, число же их участников было более 400. Дела их идут очень хорошо, и приносимые ими выгоды служат крестьянам значительным подспорьем в хозяйстве. Таким образом, можно, повидимому, сказать, что в области обработки молока голландский капитализм встретил победоносного соперника в лице крестьянских артелей. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что крестьянские маслодельни сами эксплоатируют наемный труд и потому сами должны быть отнесены в разряд капиталистических предприятий.

По словам Кальсбеека, товарищество имеет в глазах крестьянина лишь то преимущество, что направляет в его карман прибыль, прежде попадавшую в руки капиталиста. «Крестьянин вступает в товарищество, чтобы получить как можно больше за свой товар. Его предприятие имеет чисто капиталистический характер. Его собственные интересы враждебно противостоят там интересам рабочего; он стремится к тому, чтобы за возможно меньшую плату

потребовала деньги, он отдал ей несколько тысяч, затем его изуродовали сечкой, вырезали язык, затем убили, а сын его сошел с ума.

«Между прочим, губернатор и полицмейстер будут смещены: должно быть, пересолили, а у приставов и надзирателей производили обыски и у тех, у кого находили награбленного золота и серебра (а таких было много), арестовывали. Из Одессы вызвано несколько кандидатов на судебные должности для допроса, более тысячи свидетелей.

«Те из буянов, которых арестовали, заявляют при допросе: нас полиция послала, обещала нам все, что мы хотели: и „работу", и „защиту", и „хлеб", а теперь нас же сажают в кутузку.

«Между прочим, Крушеван (редактор „Бессарабца"), который деятельно помогает фон-Плеве в его новой тактике, заканчивает свои гастроли в Кишиневе и переезжает в Одессу, где предполагает издавать газету „Истина"».

Переходим к рассказам людей, приехавших в Кишинев 10 — 11 апреля при первых известиях о погроме: «Я отправился, — пишет один, — к моим родственникам, но застал опустошенный дом... Где обитатели этого дома, я так-таки и не мог узнать по той простой причине, что соседние дома также опустошены и имеют такой же ужасный вид». Не найдя также и знакомых, автор отправился бродить по разгромленному городу. «Проходя по страшно опустошенной местности, я на расстоянии нескольких кварталов не насчитал ни единого человеческого жилья: все было пусто, страшно пусто, с зияющими рамами в домах... В городе, обыкновенно оживленном, теперь — редкие прохожие, по большей части раненые, и частые патрули драгун и пехоты. Не знаю только, кого и что они охраняют». Восстановив из рассказов картину ужасных убийств 7 апреля, автор добавляет, что «еще и теперь, три дня после этого, находят трупы в клозетах, ямах и погребах». В согласии со всеми корреспондентами, он констатирует, что по общему свидетельству именно полиция парализовала самозащиту евреев и руководила убийцами. В тех редких местах, где ее не было, «евреи защищались и очень успешно, а в присутствии полиции они не смели и думать о самозащите. Каждую собравшуюся кучку евреев она разгоняла или арестовывала. Как только было разрушено все, охранявшая полиция отгоняла или вернее приглашала руководимых ею зверей на другое место. При осмотре опустошенных домов сразу заметно, что тут действовали, не боясь и не стесняясь временем, на что указывает тщательность отделки и удивительная аккуратность в ограблении исключительно еврейских домов». Начавшееся следствие побуждает полицию к новым мерзостям: «Она ходит по домам и просит не обвинять ее, деликатно намекая на то, что в противном случае представит протоколы в нежелательном для свидетелей смысле. Некоторые евреи действительно пугаются этой угрозы»... «Тщательность отделки», «чистоту работы» громил констатирует и другой корреспондент, приехавший в Кишинев 10 апреля. Только без всякой помехи и под охраной полиции небольшая кучка озверевших громил могла совершить в короткое время такую работу. Все мнения сводятся к тому, говорит корреспондент, что достаточно было бы десять вооруженных людей, чтобы положить конец всем зверствам и разрушению, и он не был положен лишь благодаря полиции. «Любопытнее всего то, что почти все арестованные в один голос заявляют, что они не виноваты, полиция им «велела», и заявляют они это в глаза полицейским чинам». Это подтверждается и в других письмах и корреспонденциях: арестованные громилы утверждают, что сама полиция предложила им эту «работу» и обещала «охрану». Корреспонденту случилось попасть на кладбище в тот момент, когда трупы

получить как можно больше труда, и в борьбе классов играет роль капиталиста, обладателя средств производства*. Выходит, что в капиталистическом обществе нельзя отбояриться от капитала: гони его в дверь, он влетит в окно.

Заметим, наконец, что и внутри товариществ капитал умеет находить себе место и отстаивать свое «право». Вандервельде[3] рассказывает, что, посетив один из наиболее процветающих артельных заводов западной Фландрии, он застал там следующее положение дел: «Основанное в 1880 г., это товарищество считает теперь 465 членов, принадлежащих к самым различным слоям деревенского населения; тут есть и рабочие, имеющие по одной корове, и мелкие крестьяне, имеющие их по 2 и по 3 штуки, и крупные фермеры, имеющие их до 50 штук. Капитал, взятый взаймы у богатого землевладельца той же деревни, давно уже выплачен. В общем собрании участвуют все члены товарищества; ими выбирается распорядительный совет; повидимому, мы находимся здесь в царстве полнейшей демократии, и однако на самом деле зависимость земледельцев от крупных землевладельцев так велика, так безусловна, что никто из них не осмелился бы возвысить голос и воспользоваться теми правами, которые даются ему буквой устава; всем делом управляет, весьма впрочем ловко, его основатель» *.

И это вовсе не исключение. Вандервельде прибавляет, что в товариществах, не обладающих собственным капиталом, неимущие члены еще более порабощены капиталистами **. А собственного капитала не имеют все те товарищества, которые ведут крупное дело и употребляют дорогие машины. «Конечно, пока дело идет о маленьких молочных, в которых нет машин, крестьяне могут довольно легко собрать между собою необходимый капитал или занять его в местном товариществе, но теперь все более и более становится очевидным, что крупные молочные, применяющие паровые машины, во всех отношениях выгоднее мелких... Для основания паровой молочной необходим довольно значительный капитал: по крайней мере, 30 или 40 тысяч франков. Поэтому часто,—чтобы не сказать всегда,—случается, что этот капитал ссужает какой-нибудь денежный человек — землевладелец или крупный фермер, которому принадлежит — по договору или в силу вещей — верховное господство над всем пред-

---

* «Die genossenschaftlichen Molkereien in Holland und ihre Arbeiter «Neue Zeit» от 18 октября 1902 г., стр. 91.

* Essais sur la question agraire en Belgique, Paris, 1903, pp. 177 — 178. Основатель и есть местный крупный землевладелец.
** Ibid., p. 178.

замученных лежали открытыми, так как их фотографировали. «Нужны, — говорит он, — сильнейшие нервы, чтобы это выдержать... Я видел среди убитых старика, разорванного надвое, у одной женщины живот распорот и внутренности вываливаются. Девятимесячный ребенок лежит с раздробленной головой рядом с матерью, у которой вырван язык и отрезаны груди»... Мы не продолжаем ужасных перечислений...

Кишиневская полиция перестаралась. Ужасы вышли слишком поражающими и неслыханными. Правительство спохватилось и уже начинает умывать руки. Полиция Кишинева «устранена от исполнения своих обязанностей» и несколько полицейских чинов арестовано. Но уже поздно. Ничто уже не поможет Плеве и его «охранительной партии» отмыться от своего преступления. Вся совокупность обстоятельств этого преступления слишком очевидно свидетельствует о том, что оно задумано, подготовлено и пущено в ход как одно из средств сохранения самодержавия. Полиция перестаралась, средство вышло слишком сильным и пациенту от него не поздоровится, но дело сделано и его не вычеркнешь Адские муки беззащитных людей, вырванные языки, раздробленные головки детей, вырезанные груди уже неотделимо срослись с самодержавием. Теперь уже не поможет никакая ложь и никакие меры. Такие бьющие по нервам ужасы по самой природе своей не могут не приобрести всемирной известности, не могут не врезаться в память всех и каждого.

[В. Засулич]

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ.

Теперь, когда кровавые кишиневские события поставили перед нами на очередь чрезвычайно важный практический вопрос о том, как противодействовать «антиеврейским беспорядкам», небесполезно будет вспомнить, что в 1881 г. почти на всем Юге России происходили еврейские погромы, не только принесшие с собой много совершенно незаслуженного и ненужного горя множеству еврейских семейств, но и способствовавшие возникновению национальных предрассудков даже в таких слоях нашего населения, которым прежде они были совершенно чужды. Без всякого преувеличения можно сказать, что психологические последствия еврейских погромов 1881 г. не переставали вредить нашему социалистическому движению в течение всего последнего двадцатилетия. Уже одного этого, — помимо естественных и неизбежных побуждений гуманности, которые у социалистов должны быть гораздо сильнее, чем у людей «старого мира», — было достаточно для того, чтобы наша партия сделала решительно все зависящее от нее для борьбы с антисемитическими «громилами».

Кишиневский погром был организован местными юдофобами при любезном участии полиции. Бациллы антисемитизма усердно культивируются в полицейских участках. Правительство, очевидно, хочет повторить прием 1881 г., когда оно остановило начинавшееся революционное брожение в народе, своевременно открыв предохранительный клапан еврейских погромов. Но двадцать два года, протекших с тех пор, чрезвычайно изменили положение дел. Теперь в русском рабочем классе есть уже несравненно больше сознательных элементов, чем было их в то время. Эти сознательные элементы сумеют дать решительный отпор нашим антисемитам.

В борьбе со стихийными движениями, подобными еврейским погромам, несколько энергичных и сознательных революционеров могут сделать чрезвычайно много. Во время ростовских беспорядков 1879 г. толпа, возбу-

---

приятием и которому достается также, под видом процентов; большая часть прибыли» *.

Предприятия, заводимые будто бы для борьбы с капиталом, создают широкое поприще для его подвигов. И капитал спешит устремиться в это новое для него поприще. В марте 1900 г., под фирмой «Центральная контора крупных бельгийских молочных», в Бельгии было основано анонимное общество, главной целью которого является именно ссуда денег «кооперативным» предприятиям. Значение этого шага было так ясно, что организованное бельгийское крестьянство пришло в волнение. Льевенский «Крестьянский Союз» постановил, что кооператоры не должны входить ни в какие сношения с названной конторой. Но это не помешало ее успехам. «И уже теперь можно предвидеть,— замечает Вандервельде,—что при первом же кризисе множество мелких молочных, работающих с недостаточным капиталом, исчезнет, уступив место паровым молочным, которые очевидно превосходят их и в техническом и в коммерческом отношении» **.

А между тем, в молочном хозяйстве дело бельгийских кооперативных товариществ обстоит все-таки лучше, чем в других отраслях обработки сельскохозяйственных продуктов. Если для устройства паровой молочной нужны по крайней мере 30 или 40 тысяч франков, то для устройства хорошо оборудованного сахарного завода необходимо иметь не менее 800 тысяч. Поэтому мы видим, что хотя сахарные заводы и носят иногда кооперативную этикетку, но в сущности они имеют чисто капиталистический характер *. То же приходится сказать и о винокурнях, пивоварнях и т. п. В виду всего этого Вандервельде, который еще несколько лет тому назад, именно в реферате, озаглавленном: «Золотая свадьба научного социализма», высказывал к великой радости наших народников то убеждение, что сельскохозяйственная кооперация позволит деревне миновать капиталистическую фазу, теперь пришел к противоположному взгляду. В настоящее время он убежден, что сельскохозяйственные товарищества, размножающиеся в бельгийской деревне, «или будут прозябать в зачаточных формах, или, приобретая более важное значение, будут вместе с тем все более и более приобретать капиталистический характер» **. Это как раз то, что говорим мы, «фанатические» сторонники «марксовой догмы».

Правда, Вандервельде думает, что судьба сельскохозяйственных товариществ для производства

* Вандервельде, там же, стр. 179.
** Там же, стр. 179.

* Ср. Вандервельде, там же, стр. 189.
** Там же, стр. 194.

жденная и раздраженная дракой с полицейскими, проходила мимо синагоги. Мальчики стали кидать каменья в ее окна. Неизвестно, что произошло бы дальше, если бы из толпы не раздались голоса, решительно протестовавшие против этого и звавшие бить полицию. Толпа послушалась этих голосов и дала полиции такой превосходный урок, которого та долго не забывала: несколько полицейских частей подверглось жестокому опустошению. Это — хороший пример для подражания.

Не знаем, обратили ли наши читатели внимание на тот факт, сообщенный нашими «легальными» газетами, что в то самое время, когда в Кишиневе происходил еврейский погром, в Житомире толпа едва не избила четырех китайцев, служивших в местном цирке и вышедших посмотреть на праздничное гулянье. Зачем ей понадобилось бить китайцев? Очевидно, только затем, чтобы дать исход смутному недовольству, вызываемому тяжелыми условиями жизни, но еще не освещенному революционным сознанием. Когда полиция заметит, что в массе накопилось много такого недовольства, она, естественно, постарается отвратить его от себя и направить против «жидов», татар, армян, китайцев, словом, против первых встречных иностранцев или инородцев. Мы должны мешать ей открывать этот предохранительный клапан. На крики: «бей жидов!» (или других инородцев) мы должны отвечать криками: «бей полицию!» Настроение массы теперь таково, что эти крики не останутся без сочувственного отзыва: нам сдается, что житомирская толпа, собиравшаяся бить китайцев, очень охотно поколотила бы полицию.

Правительство играет очень опасную для него игру. Оно забыло, что теперь и пролетариат уже не тот, да не те и социалисты. В 1881 г. фракция, господствовавшая в нашем революционном движении, еще не стояла на точке зрения современного социализма и потому не сумела правильно отнестись к еврейским погромам. Она приняла их за начало социальной революции. Это ясно видно из ее тогдашних изданий.

Во внутреннем обозрении (№ 6 газеты «Народная Воля»*[4] еврейским погромам было отведено значительное место. По словам обозревателя, во всей России народ начинает сознавать, что он довольно уже терпит, но пока это сознание проявляется лишь спорадически: «Только на юге, прежде чем в других местностях, народное недовольство стало выражаться массовым революционным движением, получившим, в силу местных условий, антиеврейский оттенок». Далее мы читаем, что в настоящее время помещики, «как владеющий класс», являются на юге России чем-то совершенно уже отжившим и что народ уже не принимает их во внимание, относясь к ним скорее снисходительно, чем враждебно. «Все внимание обороняющегося народа, — продолжает обозреватель, — сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом на евреях—этой местной буржуазии, поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд.. Откровенный, подчас насмешливый цинизм евреев в деле обирания не поддается описанию. Фигаро прошлого века (?) наверное был не менее смышлен и более совестлив». В подтверждение своих слов обозреватель ссылается на известную реакционную газету «Киевлянин», которая, конечно, не стесняется в своих нападках на евреев. Затем, приведя потрясающие душу описания «революционных» подвигов громил, обозреватель замечает: «По поводу еврейских погромов многие интересовались ролью, которую мы, социалисты-революционеры (sic!), оставляем за собою при подобных народ-

* Этот № помечен 23 октября 1881 г.

и продажи продуктов могла бы быть иная, если бы они были прочно соединены с обширными товариществами потребителей. Он указывает на некоторые молочные бельгийских крестьян-социалистов, сбывающие свои продукты потребительным товариществам городских рабочих и потому имеющие обеспеченное существование. Но, во-первых, и здесь «перспективы будущего» кажутся ему «довольно ограниченными»*. А во-вторых—и это всего важнее, — здесь вопрос о возможной роли сельскохозяйственной кооперации получает совершенно другое содержание.

Что потребительные товарищества при известных условиях могут оказать значительные услуги делу освободительной борьбы пролетариата, это убедительно доказано примером Бельгии, и на этот счет теперь бесполезно распространяться. Что организованная партия пролетариата может опять-таки при наличности известных условий привлечь к себе более или менее значительную часть мелкого крестьянства, ни на минуту не покидая при этом своей классовой точки зрения, в этом тоже невозможно сомневаться. Наконец, что организованная партия пролетариата может, в своем воздействии на крестьянство, опираться между прочим и на свои потребительные товарищества, это мы допускаем без малейшего колебания. Но все это доказывает только то, что пролетарий, выброшенный из деревни в качестве обнищавшего члена общины, может и должен вернуться в нее социал-демократическим агитатором. А это мы знаем по крайней мере со времени появления выработанного гр. «Освобождение Труда» проекта программы русской социал-демократии. И когда наши противники указывают на сельскохозяйственную кооперацию как на новый путь, по которому деревня может притти к социализму, не испытывая неприятностей классовой борьбы, они имеют в виду вовсе не эти товарищества крестьян, целиком зависящие от пролетарской поддержки. Они утверждают, что собственная внутренняя логика деревенской кооперации приведет крестьянина к социализму. И тут они жестоко ошибаются: эта логика ведет к капитализму.

Нам полезно будет запомнить этот вывод. Он поможет нам разобрать программу русских социалистов-реакционеров, которые возлагают на сельскохозяйственную кооперацию такие же огромные и такие же неосновательные надежды, какие связаны с нею у их родных братьев, оппортунистов западно-европейского социализма.

[Г. Плеханов]

* Там же, та же страница.

ных расправах. Во имя гуманности тяжело отвечать на это, но ответ сам по себе ясен. Помните у Тэна [5] одну сцену из французской революции? К трупу женщины, только что задушенной раз'яренной толпой, бросается один из убийц, распарывает ей грудь, вырывает сердце и в исступлении впивается в него зубами. Потрясающие сцены! Но неужели Робеспьер, Дантон, С.-Жюст и Демулен, в виду крайностей раз'яренного притеснениями народа, должны были отказаться от своей роли и своей обязанности в истории Франции? Проявления революционного движения зависят от миросозерцания известного класса или известного общества, но результаты его обусловливаются степенью его сознательности, причем направляющей силой является передовая, более энергичная и более сознательная революционная группа. Во Франции, во время революции, такой группой были якобинцы; в России ею является Исполнительный Комитет. Относиться не только отрицательно, но даже индифферентно к чисто-народному движению мы не в праве; мы обязаны выражать общую формулу всех сил, справедливо недовольных и активно протестующих, и сознательно направлять эти силы, удерживая при этом их исходный пункт». — Эти строки сопровождаются подстрочным примечанием, в котором говорится: «Автор здесь повторяет только взгляд, высказанный Исполнительным Комитетом в прокламации к Украинскому Народу, от 30 августа 1881 г.». Этим примечанием устраняются всевозможные недоразумения. Приведенный нами взгляд на еврейские погромы не был взглядом какого-нибудь отдельного народовольца; в 1881 г. он был, так сказать, официальным взглядом «Партии Народной Воли».

Прокламация же Исполнительного Комитета, на которую ссылается газета «Народная Воля», есть та самая, о которой говорит Тун в своей книге [6] (см. стр. 178 нашего издания) и которая призывает украинцев «мстить панам, грабить жидов и убивать чиновников».

Мы не станем доказывать здесь, что наши «социалисты-революционеры» начала восьмидесятых годов жестоко ошибались, воображая, будто антиеврейские движения похожи на тот могучий революционный взрыв, который положил конец существованию «старого порядка» во Франции. Доказывать это—значило бы обижать нынешнего читателя революционных изданий. Мы не станем и упрекать революционных деятелей прошлого времени за эту их жестокую ошибку: они уже сошли с исторической сцены. Да мы не затем и отметили их ошибку, чтобы пускаться в упреки. Мы только хотели сравнить прошлое с настоящим и показать, до какой степени нынешнее положение дел не похоже на то, которое существовало лет двадцать тому назад. Теперь и пролетариат совсем уже не тот и социалисты совсем другие. Поэтому и прием, удавшийся нашему правительству тогда, не удастся теперь. Времена меняются.

[Г. Плеханов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Златоуст. Командированным от О. К. специальным лицом собраны следующие данные о златоустовской бойне.

До первых чисел марта 1903 года управление Златоустовских горных заводов руководствовалось при найме рабочих правилами, редактированными согласно высочайшему манифесту 1861 года. Эти правила являлись для заводских рабочих некоторым Habeas Corpus: ими утверждались некоторые права и привилегии заводского населения, именно рабочие имели право на земельный надел; им разрешались сходки в помещении завода для обсуждения их текущих дел. Кроме того, этими правилами вменялось в обязанность заводской администрации каждый раз, когда вводятся изменения или дополнения к условиям найма, публиковать таковые за 3 месяца до вступления их в силу, чтобы рабочие, ознакомившись с ними, могли в случае несогласия приискать себе другую работу. На этот раз поступили не так. 6 марта рабочим были выданы расчетные книжки с новыми условиями найма, выработанными на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 11 марта 1902 года. Выдавая эти книжки, горный начальник поставил условием принять их в 3-дневный срок. Новые правила очень подробно предусматривали все, что касается обязанностей рабочих, но ни слова уже не говорилось об их правах. Получив эти книжки, рабочие задумались: «Эти книжки фальшивые, — решили старики, — раньше правила были составлены по высочайшему манифесту, а теперь о нем и помину нет. В прежних книжках было написано все, на что мы имеем право, а тут только о том говорится, на что мы не имеем права». Молодежь согласилась со стариками и усмотрела в новых правилах существенное нарушение прав и привилегий заводского населения, признанных манифестом 8 марта 1861 года. Рабочие большого прокатного цеха решили книжек не принимать, и в субботу, 8 марта, все три неработавшие смены заявили полицмейстеру завода, что с новыми условиями найма они не согласны и что с понедельника они, вопреки приказу, будут работать на старых условиях. 8 марта рабочие отправились к председателю заводского приказа Глепову с просьбой ходатайствовать об отмене новых правил. Председатель приказа по обыкновению умыл руки и посоветовал обратиться к управляющему заводом. За поздним временем рабочие мирно разошлись, ни минуты не сомневаясь, что новые правила будут отменены. 10 марта, в понедельник, они явились на завод, но нашли его со всех сторон запертым. Как выяснилось потом, управляющий завода, опасаясь бунта и не имея под рукой военной силы, отдал распоряжение завод запереть, а горный начальник Зеленцов телеграфировал уфимскому губернатору, прося выслать войска для усмирения рабочих. Утром 11 марта рабочие всех смен и всех цехов собрались на сходку во дворе завода. После незначительных дебатов решено было снова итти к начальнику приказа Глепову и просить защиты. Часть рабочих вместе с тем отправилась к исправнику с тою же просьбой. Глепов, выйдя к рабочим, сказал: «По распоряжению г. начальника главного управления заводов, я предлагаю вам избрать из своей среды уполномоченных для переговоров». Тотчас же были выбраны делегатами рабочие Симонов и Филимошкин. Когда они явились к Глепову, тот накричал на них, обозвал бунтовщиками и отправил в тюрьму. В среду, 12 марта, вечером, в Златоуст с экстренным поездом прибыл уфимский губернатор Богданович. Узнав об участи делегатов, рабочие опять направились к Глепову и совершенно мирно спросили о причине ареста их выборных. Он ответил, что выборные арестованы жандармским ротмистром Долговым. Тогда толпа направилась к горному начальнику с жалобой как на Глепова, так и на Долгова. Все время настроение рабочих было мирное. Они совершенно не могли уяснить себе причины ареста их выборных и ходили от горного начальника к жандармскому

ротмистру, от него к исправнику, но ничего не добились. Вечером 12-го они снова собрались перед домом горного начальника и просили освободить делегатов. Ни угроз, ни дерзостей, ни вызывающих криков, ничего этого не было. Было видно только, что толпа ошеломлена поведением властей и сосредоточенно хочет уяснить себе их поведение. Горный начальник, выслушав требование собравшихся, заявил им, что с своей стороны он ничего сделать не может, все дело зависит от губернатора, и посоветовал обратиться к нему. Тогда рабочие потребовали губернатора и подали ему прошение, в котором ходатайствовали: 1) о сохранении прежних правил, редактированных согласно манифесту 1861 года, и 2) об освобождении выборных товарищей. При появлении губернатора толпа сняла шапки. Приняв прошение, губернатор предложил толпе разойтись до утра. Толпа, совершенно мирно настроенная, тотчас начала расходиться. Утром 13-го, в четверг, рабочие снова стали стекаться к дому горного начальника, где остановился губернатор, и к 9 часам заполнили площадь. Здесь было около 6 тысяч челов. Пришли старые и малые. Собралось много посторонней нерабочей публики. Около 10 час. на крыльце появился губернатор. При виде его вся масса, заполнявшая площадь, сняла шапки и один за другим, перебивая друг друга, заговорили: «Ваше превосходительство, явите божескую милость, отмените новые правила. Оставьте нас по манифесту, не можем мы служить по новым правилам». «Молчать, — закричал Богданович. — Не могу я с вами всеми разговаривать. Выберите 3—4 потолковее, и я поговорю с ними!». Стоявший впереди рабочий закричал: «Да мы, ваше превосходительство, уже выбирали уполномоченных, да их в тюрьму садят». Губернатор бросился к нему и схватил его за бороду: «Пойдем-ка, я поговорю с тобой!». — «Ну, нет, ваше превосх., — запротестовал рабочий, — я еще не уполномоченный!» Вместе с этим толпа моментально втянула его в себя, и он в ней замешался. Губернатор снова потребовал уполномоченных, крича, что ему дела нет до прежних выборных, потому что они избирались не по его требованию. Тотчас были выбраны Варгунов и Лоськов. Их повели на завод, а оттуда в тюрьму; через несколько минут прибежали ребятишки и закричали: «А ваших выборных опять в тюрьму отправили». Тогда в толпе произошло движение. Послышался ропот: «За что взяли уполномоченных? Освободите! Сами же просили! Не хотим принимать новых правил!» Между тем, войска уже выстроились у собора по одной линии с домом горного начальника. Уездный начальник обратился к ротам с речью: «Ребята, помните, что вы не в неприятельской стране. Вас призвали сюда для того только, чтобы помешать насилию со стороны рабочих, если это случится. К оружию нужно прибегать только в крайнем случае — для самозащиты. А если будет отдан приказ стрелять, то помните, что надо избежать ненужного пролития крови!» — «Полковник, — закричал Богданович, — вы дискредитируете военный авторитет. Прошу вас замолчать!» — «Я вам еще не сдавал команды, ваше превосх.», — ответил уездный начальник и подал губернатору рапорт. Он отошел в сторону. Командование было передано поручику. В это время к губернатору подошла с двумя своими девочками жена одного из арестованных (первых) Филимошкина, и, указывая на девочек, сказала: «А кто теперь их будет кормить? Освободите мужа или возьмите вот их и кормите». Молодой поручик, принявший гарнизон, оттолкнул ее слегка и крикнул: «Уходи, что ты лезешь?» — «Я с тобой не разговариваю, — отвечала Филимошкина. — Чего тебе надо?»—И снова обратилась к губернатору. Поручик схватил одну из ее девочек и толкнул со злостью и руганью. Филимошкина не выдержала и дала офицеру пощечину при смехе толпы. «Что, с'ел? — с'ехидничала она. — Ты что здесь? все равно, что кобылий хвост пришит». Взбешенный поручик бросился на Филимошкину с обнаженной шашкой в одной руке и револьвером в другой, но воинский начальник крикнул: «Поручик, что вы делаете? На бабу с шашкой!» — Тот остановился, а толпа шумела... «Не хотим принимать новых правил! Не надо! Возвратите нам манифест!» Губернатор заорал на толпу: «Не галдеть! Я приехал сюда не просьбы ваши разбирать, а прекратить бунт. В моей губернии должно быть тихо — и нечего с вами тратить попусту время». Сказав это, он вынул шпагу и, обвязав ее платком, махнул два раза. Вслед за этим рожок заиграл сигнал стрелять. Полиция бросилась к толпе с криком: «Посторонитесь, отойдите, разойдитесь, сейчас стрелять будут!..». В толпе раздались крики: «Не могут стрелять! За что стрелять! Мы сами солдатами были. Где это видано! Если бы мы насильничали!.. Будут стрелять так только, холостыми! Не расходись, ребята!» Рожок проиграл. Первой шеренге роты было приказано стрелять с колена, т. е. наверняка. Расстояние до толпы было не более 50 саженей, а пули бьют на расстоянии 6 верст. Солдаты подобраны были, главным образом, инородцы — башкиры, мордва, чуваши — и рассортированы таким образом: в первой шеренге были старые солдаты, а во второй, которая стреляла, стояла молодежь. Раздался залп задней шеренги. Толпа шарахнулась и с криком бросилась бежать. Но вслед ей раздался второй, третий и четвертый залпы. Моментально площадь покрылась кровью. Массы раненых корчились в предсмертных судорогах. Первым залпом никого убито на площади не было, кроме башкирца с 2 лошадьми, который ехал за горой, в него пуля попала навесным огнем. Убита за горой также старуха, которая в это время зажигала у иконы лампадку. Первым же залпом убито два ученика городского училища, в котором продолжались уроки. Училище расположено на площади, и спокойное занятие в нем учителей говорило за то, что на площади бунта не было. Когда раздался залп, учитель велел всем ученикам лечь на пол, и только поэтому число жертв там было невелико. Когда дым от залпов рассеялся, на площади лежало 31 чел. убитых и массы раненых, всего до 250 чел. Один молодой рабочий после первого залпа бросился на крыльцо дома горного начальника и упал здесь за колонной. Он видел, как чиновники управления стреляли в бегущую толпу из окон и дверей дома горного начальника и из прорезного окна над дверью. Какой-то чиновник в форме лесничего, стреляя в толпу, увидал этого рабочего и, прицелившись из окна, сделал в него два выстрела из револьвера. Рабочий считал себя погибшим и лишь переворачивался с боку на бок, поднимая ноги. В то же время исправник, изрядно выпивший со всей свитой губернатора, собрал полицейских и приказал им стрелять в бегущих. Часть полицейских пуль попала в собор и отбила кусок штукатурки. Это видел местный протоиерей и настолько распалился гневом, что заявил, что он донесет по духовному начальству. Что палачи были подогреты выпивкой и закуской, это видно из того, что губернатор выгнал из дома горного начальника полицмейстера, который, очевидно, переборщил. «Уйдите, — сказал ему Богданович, — здесь вам не место». — «Куда же я пойду, ваше прев., толпа возбуждена», — взмолился полицмейстер. «Это не мое дело... Но вам здесь не место!» Полицмейстер вышел и, подойдя к толпе, сказал: «Братцы, ведь, я за вас... пропустите меня!» И толпа, подсмеиваясь, немедленно пропустила свое начальство, и начальство скрылось совсем, повидимому, под юбку жены и тем сняло с себя вину пролития невинной человеческой крови. Там и сям погибали раненые, купаясь в крови. Извозчики, на требование полиции везти убитых и раненых, отвечали: «Не повезем... Не хотим мы марать саней невинной человеческой кровью!» Но после угроз полиции они повезли искалеченный народ. Скоро прибыла и пожарная команда и из рукавов начала мыть площадь, что удавалось с трудом, т. к. снег напитался кровью. В этот же день на кладбище было подвезено 31 чел. убитых. Кладбищенский сторож рассказывает: «Сижу я в сторожке и вижу, под'езжает одна подвода, другая... „Что такое?" — думаю. Вышел. „Принимай страдальцев-гостей", — сказал мне извозчик. Господи, что такое? Меня так и ударило по голове. Помаленьку очнулся. Гляжу, пришла полиция. „Надо, — говорит надзиратель, — их обыскать, — ты иди отсюда!" Думаю, я уйду, а они тут чего-нибудь украдут у покойников, а после на меня свалят. „Не пойду", говорю. Стали обыскивать. Ни у кого ничего нет. Только у одного нашли кусок хлеба и 6 печеных картошек». Рассказ сторожа характерен уже по тому одному, что он даже не знал, что случилось в городе. Ясно, что ни вооруженного сопротивления, ни дерзостной, шумящей и осаждающей уфимского бога-Богдановича толпы не было. Доказывается

это и тем, что ни у одного из убитых не найдено никакого колющего или режущего орудия. Родственники убитых хотели всех похоронить в одной общей братской могиле, но начальство не допустило, и они должны были хоронить своих отцов, братьев, сестер, жен и матерей в разных могилах. Могилы эти стоят кучкой и все украшены искусственными цветами. Раненые были размещены в 3-х больницах: городской, земской и горнозаводской. Для всех нехватало мест, больные валялись всюду: в коридорах, в проходах, в конторе. В городской и земской больницах немедленно была подана медицинская помощь, а в горнозаводской трое суток не делали перевязок, вследствие чего несколько раненых умерло от кровоизлияния, а у некоторых произошло заражение крови и они не сегодня-завтра умрут. Помимо зарегистрированных раненых, многие скрываются на дому и на перевязку не ходят из опасения полиции и начальства. Из скрывшихся одна женщина умерла от заражения крови. Тщательный осмотр нашим уполномоченным дверей дома горного начальника дал следующие результаты: часть пулевых пробоин идет изнутри наружу, потому что выходные отверстия с расщепом, а входные — гладкие. Так оно и должно быть, ибо по показанию самых разнообразных свидетелей двери крыльца были полуотворены, и если бы стреляли в эти двери со стороны толпы, то на наружной стороне дверей были бы входные пулевые отверстия гладкие, а внутренние — с расщепом. Но этого нет. Кроме того, пробиты наискось косяки, что могло быть лишь в том случае, когда стреляющий, боясь высунуться из двери, стреляет из-за прикрытия. Дверь эта беспристрастная свидетельница охоты на людей... По пробоинам нельзя не заключить и о том, что изнутри дома кто-то стрелял из охотничьего ружья, повидимому, штуцера крупного калибра, но не из 3-линейной солдатской винтовки. Характерно, между прочим, то, что учитель городского училища, напуганный залпом, приказал ученикам лечь под парты. Тем не менее, как сказано выше, двое учеников были ранены, а один умер от нервного потрясения. У городского училища пробита балясина на балконе, около вывески и в двух местах крыша. Не менее характерно и то, что от «бунтующей, буйствующей, угрожавшей» толпы арсенал охранялся обычным одним только часовым. И только после бойни его заняла рота солдат. Златоустовское общество возмущено. Тотчас после дикой бойни оно пыталось дать коллективную телеграмму в Петербург, но бог-Богданович не позволил сделать это. Среди убитых и раненых есть несколько лиц, совершенно не принадлежащих к рабочему населению завода; так, убит доверенный уфимского лесопромышленника, складчик жел. дор. и одна телеграфистка. Буржуазная публика отнеслась, насколько это позволяет ее психология, очень симпатично к раненым: она доставляла им закуски, фрукты, вино и вообще проявляла большой интерес к ним и симпатию. Рабочее население завода смотрит волком... Оно затихло снаружи, но внутри его горит бушующее пламя. На лицах рабочих можно прочесть только два слова «недоверие и месть». «Что они с нами сделали? За что?» — говорят более экспансивные. — «Разве мы хотели буйствовать? Да если бы мы хотели это сделать... нас не выбили бы из этой ямы (город окружен со всех сторон горами) в течение года». «Бунтовать!.. — говорят другие, — да нам достаточно было бы взять несколько гранат, и от солдат осталось бы одно пустое место. Сами ведь мы делали гранаты-то... Только починить да привернуть запальную трубку. Нам стоило только крикнуть, и в один миг мы могли бы разобрать арсенал. Ведь его только один часовой охранял!» «Горный начальник еще 10-го числа хотел сделать бунт, — говорил другой рабочий. — Ну и сделал и добился своего. Но он получит свое»... Теперь город на военном положении; всюду ходят солдаты, фланирует конная полиция и мечутся всюду сыщики, ища корней и нитей. Но корней и нитей не оказывается и весь бунт придуман гг. Богдановичами, Зеленцовыми, Глеповыми и прочей челядью палача-самодержца. Что будет впереди — трудно сказать, но с уверенностью можно сказать, что бывшая доселе на глазах рабочих повязка спала и они увидели вещи в неприкрашенном виде.

Ростов н/Д.

(Из частного сообщения.) После того как демонстранты (2 марта), утомленные почти четырехверстным шествием, решили прекратить демонстрацию, убрали знамена и начали расходиться, — на месте действия появились войска. Только тогда, не слыша более революционных криков, обезумевшая от ужаса полиция пришла несколько в себя и начала действовать. Под прикрытием сотни казаков состоялся «военный совет» во главе с полицмейстером, у которого демонстранты сорвали саблю, переломили ее и бросили в воздух. Почувствовав себя в безопасности, околоточные и пристава начали ловить «зачинщиков», выхватывая из толпы наудачу отдельних «политиков». Несколько человек удалось отбить, причем здесь-то был смертельно ранен на-днях скончавшийся пристав 4-го участка В. Антонов. Это значительно сократило пыл полиции. Тем не менее на улице успели арестовать человек двадцать «зачинщиков». Из них 16 отправлено в тот же день в тюрьму. Среди этих лиц нет буквально-таки ни одного, имеющего хоть сколько-нибудь близкое понятие о революционном движении. В числе этих демонстрантов есть: уличный танцор, органщик (бродячий музыкант), уличный чистильщик сапог, какой-то восточный человек, не знающий русского языка, и т. д. По случаю великого поста большая часть демонстрантов этих скоромной пищи не вкушает. Но жандармам нужны жертвы, и они не освобождают этих горемык.

Вслед затем начинается эпидемия обысков и арестов. В ночь со 2-го на 3 марта арестованы А. Браиловский, А. Локерман и А. Логачева, у которых найден п е п е л, из чего жандармы делают заключение, что «что-то» было сожжено.

5 марта арестованы дев. Р. Локерман и М. Нагель за то, что подходили к тюрьме «очевидно, вести с заключенными переговоры». 8-го арестованы Миндлин, Охнянский и Диков. У Дикова при обыске «нашли» казацкую одежду на двух человек, в виду чего жандармы пред'явили ему и Охнянскому обвинение в пропаганде революционных идей среди верноподданного донского казачества. Через три дня Диков освобожден; обвинение с него снято, т. к. ему удалось доказать, что казачья одежда была у него оставлена на хранение. Затем были арестованы и отправлены в Таганрогскую тюрьму: Рейзман, Васильченко, Беспалов и Гликин. Все 4 голодают, требуя перевода в Ростов.

А. Локерман переведен в Новочеркасскую тюрьму, где сидит до сих пор без допроса и свиданий; Браиловский переведен в тюрьму Каменской станицы; к нему также на свидание никого не допускают.

После 10 марта арестованы и доставлены в Ростовскую тюрьму рабочие: Скрипниченко (в кармане найдены переписанные «Варшавянка» и «Марсельеза»), Колосов, Ильинский и Клещев.

В настоящее время из тюрьмы выпущено 8 чел., из них две девушки, арестованные на демонстрации. Жандармерия ведет следствие возмутительно. Каждому в отдельности жандармы заявляют, что он нес знамя, убил пристава Антонова и, кроме того, состоял членом Донского Комитета. Но в большинстве случаев жандармы не выдерживают тона и начинают на допросе вести пропаганду: «Зачем вы с жидами связались? — говорил «демонстрантам» шт.-ротмистр Седов: — ведь это все они строят, а вы, православные, им помогаете». Тем не менее, «православных» привлекают по 252 и 318 статьям. Курьезов на допросах не оберешься. Приводят, напр., демонстрантов в контору тюрьмы на очную ставку с городовыми. «Ты тоже политический?» — изумленно вопрошает какой-то чин простоватого мужичка, попавшего с пьяных глаз в руки полиции. «Никак нет, вашебродие, я пензянский». «Царьска горилка и мене зробила полытыческим», — скромно заявляет один малоросс.

В виду того, что демонстрация произошла без предварительного печатного оповещения, всех арестованных обвиняют по 318 ст. Улож. о нак., т. е. в участии в организации. Девять человек обвиняется, кроме 318 и 252 ст., еще и по 264 ст.: вооруженное сопротивление чинам полиции. В виду этого жандармерия грозит перевести их

в уголовные камеры и вообще обращаться с ними как с уголовными. Но это, вероятно, только угроза.

Кроме демонстрантов в тюрьме сидят еще рабочие: Чернышев, Собинов, Скоробогатов и дев. Сущенко (арест. во время распространения прокламаций на табачн. фабрике Асмолова), арест. в пути казанский студент Андреевский. В начале марта отправлен в Петербург арестованный в Ростове по делу Петерб. Ком. Раб. орган. Н. Афанасьев.

Совершенно случайно и неожиданно для самих себя сидящие в Ростовской тюрьме устроили шумную манифестацию, чреватую последствиями.

От редакции. Приводим полученное нами из Ростова н/Д. «Письмо к товарищам от политических заключенных» с рассказом об этой манифестации:

«Во вторник 25 марта, часа в 4 вечера, мы все у окон начали петь революционные песни, привлекая к тюрьме проходящий народ. Вслед за этим двое из наших товарищей произнесли речи, в которых призывали народ к освобождению отчизны. Проводили параллель между своей неволей и неволей всего русского народа и т. д. в том же духе. Со всех сторон стал сбегаться народ и в какие-нибудь 10 минут вся площадь перед тюрьмой со стороны трамвая была запружена народом. Собралось до 1.000 человек (за верность цифры организация не ручается, но несколько сотен — вполне возможный факт).

В это самое время во дворе у окон камер политических заключенных появились два помощника начальника тюрьмы, причем один стал уговаривать прекратить речи, а другой прибежал с угрожающими криками и сейчас же скрылся. Из тюрьмы немедленно известили полицмейстера и явилась сотня казаков разгонять толпу, которая до того времени приветственно отвечала криками «ура» и «долой самодержавие». При появлении казаков речи прекратились, и народ мало-по-малу стал расходиться.

На всю тюрьму эта сходка произвела отрезвляющее действие. Все уголовные как будто проснулись, как будто с новой силой почувствовали весь произвол, всю грубость и насилие тюремной администрации. К политическим отношение полно глубокого уважения и оно проявляется на каждом шагу.

На следующий день, в среду 26-го, двух товарищей призывали в контору об'ясняться по поводу происшедшей сходки, но они отделались незначительными фразами, вроде того, что народ собрался благодаря проходившим похоронам.

Среда и четверг до 4 часов прошли спокойно. В 4 часа в камеру, в которой помещались две политические, находящуюся в левом глаголе, явился помощник и заявил им, чтобы они переходили в другую камеру, занятую уже одной из политических. Они наотрез отказались, т. к. камера, куда их хотели перевести, находится среди камер уголовных и страшно загрязнена, полна клопов и тараканов, а главное, она почти совершенно исключает возможность сношений с другими политическими. Раза три приходил помощник, убеждая их перейти, т. к. камеры должны быть свободны по распоряжению Артемьева, в виду новых арестов.

Наконец, двум протестовавшим ничего не оставалось делать, как перейти, т. к. надзиратели стали собирать их вещи. Во время этих переговоров один из надзирателей, Гацуцов, стал грубо издеваться и осыпать ругательствами одну из девиц за то, что она крикнула, чтобы другие две не соглашались переходить. После долгого сопротивления они, наконец, перешли и водворились в грязной, душной камере.

Оставить без протеста такое грубое обращение и желание со стороны тюремной администрации разместить подальше политических было невозможно, и они все втроем у открытого окна стали излагать все уголовным, сидящим вокруг в камерах. Вслед затем они стали петь революционные песни, чем вызывали со стороны уголовных явное одобрение и сочувствие, выражавшееся в аплодисментах и криках «спасибо, политические». Со стороны администрации иной раз раздавались грубые крики прекратить пение; один старший пригрозил кулаком, но пение не прекращалось до позднего вечера.

Чувствовалось приподнятое настроение у всех сидящих по камерам.

В пятницу 28 марта по обыкновению стали выводить политических на прогулку. В 9 часов вывели во двор одного из товарищей, причем появился начальник тюрьмы и человек 8 надзирателей. Товарищу об'явили, что его сейчас должны отвести в карцер. На его категорический отказ надзиратели схватили его за руки и стали тащить. Он стал сопротивляться, тогда еще двое стали бить его в спину. Тогда некоторые из товарищей, видевшие это из окна, стали кричать, чтобы его не смели трогать. Их крики привлекли к окнам уголовных, которые, увидя такую дикую сцену, поднялись сразу с оглушительными криками «долой начальника», «оставьте товарища!». Моментально за этими криками раздался звон разбитого стекла. Товарища, которого вели в карцер, оставили, он ушел гулять, но уголовные, со всей силой накопившейся злобы, обиды и горя, принялись бить все, что было у них под руками.

В какие-нибудь полчаса были перебиты все стекла до единого, во всей тюрьме столы, скамейки, нары, все было изломано в куски и выброшено за окна. Тюрьма вся поднялась, как один человек, требуя на расправу начальника, который скрылся сейчас же при первом звуке разбитого стекла.

Женщины все присоединились к мужчинам, и крики, проклятия, звон разбитых окон, треск дерева продолжались добрый час. На воле, за тюремной стеной, собрался народ и крики толпы сливались с протестами заключенных. В 11-м часу появились казаки с ружьями. Явилась вся военная администрация, жандармы, вся клика мерзавцев. Казаков пришло около сотни. Они заняли первый двор и переднюю часть внутреннего двора.

В это время товарища уже увели обратно в камеру и заявили другому, что его тоже отведут в карцер.

Три десятка казаков с заряженными ружьями, с шашками наголо явились в камеры и взяли обоих товарищей. Сопротивляться было немыслимо, и они должны были спуститься вниз в карцеры, причем они всю дорогу высказывали свое негодование.

Все политические сегодня на поверке требовали их освобождения, но т. к. на поверку начальник не явился, то требования были переданы помощнику.

Требования были следующие:

„1) Освобождение наших товарищей. 2) Чтобы завтра же явился товарищ прокурора для того, чтобы выслушать нашу жалобу на тюремную администрацию.

Если же завтра в 10 часов он не явится и не освободит товарищей, то мы об'являем голодовку до тех пор, пока не исполнят наших требований".

Казаки оставались в тюрьме целый день, а часть их осталась и на ночь. Весь день жандармерия и полиция оставались в тюрьме, но Артемьев (жанд. полк.) не показался в камерах и не звал на допрос.

На вопрос полицмейстера, почему уголовные подняли бунт, они прямо отвечали, что не могли допустить, чтобы на их глазах политических вели в карцер. Вообще отношение уголовных к политическим проникнуто уважением. Переживаемый момент в ростовской жизни настолько поднял дух и бодрость народа, что тюремные стены теперь совершенно не составляют препятствий, чтобы свободная речь текла широкой волной и находила бы себе отклик у людей, сидящих за железными решетками.

По слухам в тюрьме началась голодовка и, повидимому, она еще не кончилась».

От редакции. Позднейшее известие, только что полученное нами, гласит, что голодовка всей тюрьмы продолжалась три дня; кончилась неудачей; ни одного из требований не удовлетворили. 3 апреля выпущен из тюрьмы А. Локерман.

Варшава, 14 апреля. В отличие от националистической польской «Народовой Демократии» [7]), празднующей день потери Польшей конституции 20 апреля (3 мая нов. стиля) [8], революционные группы г. Варшавы решили отпраздновать 1 мая за неделю до, т. е. 13/26 апр. По городу начали усиленно циркулировать воззвания и листки, раз'ясняющие значение для рабочей массы празднования 1 мая. В особенно значительном количестве были распространены прокламации Бунда (на евр. яз.), воззвания П. П. С. [9] «К польским и еврейским рабочим и работницам»

(на польск. и евр. яз.), прокламации «1 мая» и «Ко всем рабочим и работницам» Организационного Ком. Р. С.-Д. Р. П. (на русск. яз.), воззвания «Группы социалистической молодежи» — к польской интеллигенции и «К коллегам и коллежанкам» (обе на польск. яз.) и масса других, а дней за 5—6 были разбросаны по городу в большом количестве приглашения к участию в демонстрации (на польск. и еврейск. яз.). Разбрасывали на лестницах домов, по библиотекам, по выставкам, на почте и в др. местах.

В этом году в Варшаве впервые были устроены две демонстрации. Исходя из взгляда, выраженного в резолюции последнего с'езда, что в Польше, на польской территории, могут вести агитацию и пропаганду только польские партии, а не партии других национальностей, П. П. С., ставящая одним из главных требований — освобождение Польши, отказалась от совместного участия в демонстрации с организацией Бунда; П. П. С. с радостью приглашала еврейских рабочих к совместному протесту, но с организацией Бунда она не хотела иметь никаких дел. Тогда Бунд и присоединившиеся к нему в виде протеста «П. С.-Д.» [10] и «Пролетариат» [11] решили совместно устроить отдельную демонстрацию на Маршалковской ул. (П. П. С. постоянно устраивает в Уяздовских аллеях).

К 5 часам как Уяздовские аллеи, так и Маршалковская ул. на всем своем протяжении были полны народу; останавливаться не позволяли, настойчиво разгоняя всякое более или менее большое скопление народа. Все же около 5½ час. на углу св. Креста и Маршалковской улиц быстро соединилась толпа чел. 400—500 рабочих и учащейся молодежи высших и средних учебн. заведений и с высоко поднятыми двумя знаменами (одно Бунда, другое «Пролетариата») со стройным и громким пением революционных песен, при возгласах «долой самодержавие!», «долой царизм!», «долой капитализм!» (проезжавшим в это время на извозчике офицерам кричали «долой милитаризм!», «да здравствует социалистическое общество, республиканский строй» и т. д.), прошла по Маршалковской ул.; не доходя до Сенной ул., толпа повернула и так же стройно, сильно увеличившись, благодаря вновь подоспевшей публике, направилась обратно по направлению к ул. св. Креста. Затем таким же порядком повернули обратно. Полиция все время бездействовала: находившиеся вблизи околоточные и городовые выхватили-было шашки, но, при виде угрожавших палками демонстрантов, благоразумно вложили их в ножны и на почтительном расстоянии сопровождали демонстрантов. Но вдруг, когда подходили в третий раз к ул. св. Креста, из-за угла вылетела полсотня казаков с обнаженными шашками, с нагайками в руках; они бросились на толпу; толпа разом подалась, разом бросилась врассыпную. О защите, о сопротивлении палками, которыми все были вооружены, не было и речи — все бежали; в суматохе избили одного околоточного, но перед казацкой нагайкой все бежали. Спасшиеся в ворота там были заперты и затем арестованы. Между тем, полиция, жандармы и казаки все время раз'езжали, не давая возможности снова соединиться в более или менее большую толпу; на углах толпу внезапно перерезывали ряды городовых и заставляли одну часть возвращаться обратно. Несмотря на это, толпа демонстрантов еще раз прошла (знаменосец со знаменами не был арестован) с песнями по многим улицам и направилась к тюрьме — к Павиаку. Перед тюрьмой прошлись несколько раз, пели песни, громкие возгласы все время раздавались, начали стучать палками в ворота тюрьмы... Изпод колпаков (щитов), которыми закрыты окна в Павиаке, политические зажгли бумагу и крутили ею по воздуху, показывая своим товарищам, что они слышат биение жизни на воле, что их сердца горят таким же сильным и ярким пламенем, как и та бумага, которой они отвечали на приветы товарищей. Момент был ужасный, тяжелый, но бодрый в то же время: то был один из валов, одна дерзкая волна, которая смело ударяла в самую грудь каменной скалы. Прибывшими казаками товарищи были разогнаны.

В Уяздовских аллеях движение было грандиознее, сильнее, народу было несравненно более. Каждую минуту, когда проезжало какое-нибудь начальствующее лицо, его сопровождали, резким оглушительным свистом... Конечно, ответом на это были только казацкие нагайки... Но П. П. С. не оставалась все время на Уяздовских аллеях: часть демонстрантов направилась к польским (Воля) и еврейским (Налевки) рабочим кварталам. Полиция, сконцентрированная на Маршалковской и Уяздовских аллеях, там почти что отсутствовала. Демонстрация в рабочих кварталах поэтому им удалась чудесно.

Вообще в Варшаве теперь господствует необычайное возбуждение. Все говорят только о демонстрантах, только о социализме и социалистах. Почва взрыхлена — теперь только бы и сеять... Демонстрация имела необычайное агитационное значение. Число арестованных в точности еще неизвестно: на Маршалковской ул. было арестовано 90 — 100 чел., а в Уяздовских аллеях — 300 — 500 чел.

На другой день после демонстрации в Политехническом институте было вывешено об'явление приблизительно следующего содержания: на сходке 28 февраля, как известно, институт выразил «моральный» протест директору по поводу избиения студентов, участвовавших в антигерманской демонстрации; теперь же опять избили: 1) Студ. ун. Домбровского; медицинским освидетельствованием констатировано, что ему перебили переносицу; при освидетельствовании его врач констатировал, что пульс у него 120. 2) Арестовали студ. политехникума Вайнштейна. На глазах у публики избили его до того, что это зверское избиение вызвало протест со стороны даже посторонней публики. 3) Студ. ун. Шапиро в 11½ час. ночи проходил по Граничной ул.; проходивший мимо околоточный с патрулем ударил его ножнами по спине и, когда Шапиро потребовал об'яснений, последний ответил: «Так тебе, сволочь, и надо, не шляйся ночью». Всех студентов призывают поддержать прежде принятое решение и сообща выразить уже не моральный только протест. На-днях в политехникуме будет сходка. Более зрелые студенты полагают, что ничего не выйдет. Политическая незрелость варшавского студенчества поразительна: в своем воззвании они говорят лишь об избиении этих трех студентов, забывая о всей остальной избитой публике, забывая, что эти избиения есть проявление одного режима, против которого следует одинаково бороться как лицам без формы, так и с формой.

Рига. Даже наша консервативная Рига выходит на улицу открыто заявлять свой протест против самодержавия.

У нас в Риге произошли события, которые взволновали весь город и заставили всех говорить о них. 26 марта приезжая труппа давала в «Улье» драму Горького «На дне». После 4-го акта с правой стороны галлереи в публику посыпались воззвания «К рижскому обществу» за подписью «Об'ед. Комитета Рижск., Русской, Еврейской и Латышской Соц.-Дем. Рабочей Организации»; раздались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политич. свобода!», подхваченные дружным «ура» публики. Возгласы «ура» не прекращались в течение пяти минут. Полиция бросилась на галлерею и переписала всех сидевших по левую сторону, а сидевших по правую сторону оцепила. Воззвания почти все были расхватаны публикой. Сейчас же полиция увезла одного еврейского и одного латышского рабочего, на которых шпионы указали, будто они бросали. Шпионов, кстати сказать, было в общем более 40 человек, так как полиция ожидала манифестации в театре и приготовилась надлежащим образом.

Сейчас после представления небольшая группа молодежи собралась перед входом в галлерею, чтобы ожидать оцепленных на правой стороне галлереи товарищей. Набралась толпа человек в 50—70; состояла она большей частью из учащихся в средн. учебн. заведениях и зубоврачебной школе. Полиция все прибывала и прибывала. Вдруг вышел жандармский офицер и попросил толпу разойтись, но толпа в ответ крикнула ему: «Не разойдемся, отпустить сейчас арестованных». Жанд. офицер ответил, что не может этого сделать, и попросил во второй раз разойтись, но толпа опять повторила то же самое; тогда он пригрозил, что применит оружие, но это не подействовало.

Он стал тогда подходить к отдельным лицам, прося их разойтись. К одной группе учеников он обратился со следующими словами: «Господа гимназисты, вас я прошу

отдельно, разойдитесь!» Толпа решила пойти вперед по Известковой, обогнуть ее по Резницкой и через проходную улицу опять собраться перед входом в галлерею, чтобы отбить арестованных. Направились по Резницкой; толпа выстроилась в ряды и с пением «Марсельезы» прошлась по Резницкой, но не завернула в проходную улицу, чтобы не забрали всех (улица эта снабжена воротами, и полиция, шедшая за демонстрантами, могла беспрепятственно забрать всех, заперев ворота). Остановились у входа в Ткацкую, провозгласили: «долой самодержавие!», долой полицию!», «да здравствует политическая свобода!» и с пением «Варшавянки» прошлись немного по Ткацкой, пока со всех сторон не были окружены полицией, и демонстранты тогда все разбежались.

В руках полиции остались четыре случайных прохожих, которых она обвинила в «нарушении общественн. тишины и порядка». Всю ночь рыскала полиция в погоне за демонстрантами и записала еще одного молодого человека и единственно потому только, что он еврей. Из забранных на правой галлерее 22 человек были 5 солдат, которые сейчас же были отпущены, но предварительно были опрошены, не видали ли они, кто бросал прокламации, а на отрицательный ответ их жандармский офицер об'яснил им, что они на то и солдаты, чтобы смотреть за этим; из остальных 17 человек 13 были отпущены в ту же ночь, а 4 еще сидят до сих пор. На другой день, 27 марта, после лекции «Горький и его произведения», прочитанной в Александровской гимназии, на публику, сходящую с лестницы, посыпались воззвания и раздались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует поднадзорный Горький!» и «Да здравствуют арестованные вчера товарищи!», подхваченные дружным «ура». Выйдя на улицу, выстроились в ряды и с пением «Марсельезы» толпа дошла до жандармского управления и остановилась. В публику посыпались прокламации. Раздались возгласы: «Долой самодержавие!», «Долой царских опричников!», «Долой жандармерию!», «Да здравствует революция!», и толпа с возгласами и пением «Варшавянки», «Смело, друзья, не теряйте»... и других революционных песен прошла Суворовскую улицу, повернула на Мельничную улицу, дошла до Александровской и там рассеялась. Было около 250 демонстрантов, а провожающей публики тоже было около 300 человек. Демонстрация произвела громадное впечатление как на участников, так и на постороннюю публику. Только об этом и говорят в городе, и эта демонстрация разрастается до фантастических размеров в устах общества Нужно заметить, что обе демонстрации не были организованы, а были случайные. Принимала в них участие только интеллигентная молодежь. Арестован никто не был. Только после демонстрации прибыла полиция и, в тщетных поисках за демонстрантами, обходила всю ночь патрулями город. На другой день давалось еще раз «На дне», и полиция, уверенная в демонстрации на этот раз, приняла чрезвычайные меры: билеты на галлерею не продавались и на каждого зрителя из публики было чуть ли не по 3 шпиона. Опера была также наводнена полицией, но, разумеется, никакой демонстрации не произошло, и взбешенная полиция арестовала 5 чел. студентов, которые говорили между собою, обвиняя их в том, что они сказали, что прокламации на этот раз не были; конечно, полиция принуждена была их сейчас выпустить. В ту же ночь были произведены обыски и арестован бывший студ. Браун и студ. Лекке Ожидаются в скором времени массовые обыски.

Письмо из Тифлиса. В № 53 газеты «Кавказ» появилось правительственное сообщение о манифестации 23 февраля. По обыкновению оно совершенно лживо. В нем нельзя найти и отдаленного намека на истинный характер манифестации, на повод, который ее вызвал.

Желая ознаменовать годовщину 19 февраля, рабочие решили в этот день выйти на улицу и, сплотившись под знаменем с надписью на трех языках: «Долой самодержавие», «Да здравствует социализм», с пением «Марсельезы» пройтись по улицам города. Но, наученные горьким опытом, рабочие для самообороны вооружились кизилевыми, и, как справедливо глаголют полицейские уста в сообщении, тяжелыми палками. Вследствие недоразумения, возникшего между различными группами рабочих относительно времени манифестации (а не вследствие бдительности полиции, как говорит сообщение), рабочим, числом около 6.000, не удалось собраться в одном месте, и только небольшая группа манифестантов в 12¼ час. выкинула знамя на углу Армянского базара и с криком «Долой самодержавие!» (а не «ура») бросилась к Армянскому базару. Здесь два офицера, отставной полковник Агаев и поручик Тифлисского полка Искандер-хан, сопровождавшие похоронную процессию, были приняты за административных лиц, и толпа, предполагая, что попали в полицейскую засаду, револьверным выстрелом и палкой поранила их. При криках толпы «долой самодержавие» усиленный наряд полиции на Эриванской площади в панике бросился в противоположный угол Эриванской площади, призывая свистками казаков на помощь. Поле битвы осталось за манифестантами. Когда выехали со двора военного штаба казаки, то демонстрация уже была окончена. Но администрации надо было искупить свой позор. Стали бить без разбору всех находившихся на улице. Казаки и полиция группами от 5 — 10 нападали на одного и, избив, волокли в участок, где продолжали свою зверскую расправу. Бойней распоряжались жандармский ротмистр Лавров и полицмейстер Ковалев. Они приказывали рубить и сечь направо и налево, не щадя ни женщин, ни детей. 10 казаков выволокли из подвала, что под магазином Чичкина, служителя в белом фартуке и стали его так жестоко бить, что дворники и те вступились за несчастного. Ковалев, под'ехавший в это время, любовался этой картиной. Казаки врывались в частные дома и, стегая обывателей нагайками, под угрозой смерти требовали выдачи манифестантов. Три женщины были жестоко избиты сперва на улице, а потом в участке. Мальчик 14 лет был тяжело ранен в голову шашкой городового; полиция выпроводила его из участка без перевязки, не оказав даже первоначальной помощи. Арестовано в этот день было до 150 человек. Из них теперь осталось в Метехском замке 42 человека.

«Сообщение» обо всем этом не говорит ни слова. По уверениям правительства, сами манифестанты били всех, кто попадался им на глаза. Что это ложь и гнусная клевета, видно из того, что за исключением упомянутых двух офицеров, одетых в военную форму, а потому принятых за врагов, нет ни одного изувеченного или просто побитого рабочими гражданина. Будь это не так, полиция, без сомнения, уцепилась бы за такой факт для агитации против нас.

Мы же, со своей стороны, можем выставить сотни избитых и изувеченных администрацией граждан.

Помощник главноначальствующего, Фрезе, заменявший его в то время, требовал предания арестованных манифестантов военному суду за поранение двух офицеров, но прокурор, к чести своей, отклонил это требование, заявив, что невозможно установить такую ответственность арестованных. Тогда Фрезе написал об этом донесение главноначальствующему, и, по настоянию последнего, министр юстиции вытребовал от прокурора все это дело к себе.

Пока на арестованных наложены административные взыскания, тюремное заключение от одной недели до 3-х месяцев, и сверх того относительно них ведется дело в жандармском порядке. Таковы результаты демонстрации.

Вот уже второй раз улицы Тифлиса обагряются кровью рабочих. Но это обстоятельство еще сильнее воодушевит нас ненавистью к врагу, еще теснее сплотит для борьбы с деспотическим царизмом и наш голос еще тверже и громче прокричит: «Долой самодержавие! Да здравствует грядущая революция!»

Тифлис. После манифестации 23 февраля начались усиленные аресты и обыски. Арестованы 23 и 24 февраля интеллигенты: Джибладзе, Джугели три брата, фельдшер Чичуя, Долиеси, Цибадзе, ученик Учительского института Ляпин, ученик железнодорожного училища, ученик художественного училища и около 25 рабочих. Освобождены фельдшер Чичуя, один наборщик и один рабочий. Выпустили прокламации «К гражданам», которые разбрасывались повсюду. В армянском соборе прокламации были

переданы одному простолюдину со словами, что это «патриаршее благословение». Тот, не подозревая, выкрикивал: «патриаршее благословение!» и раздавал направо и налево. Прокламации были разобраны и читались с большим интересом, очень уж любит тифлисец даровое чтение... В этот же день (вечером) 23 марта в театре Артистического общества, в бенефис одного из любимцев тифлисской публики, сверху посыпались прокламации «К гражданам». Для администрации это было такой неожиданностью, что полицмейстер Ковалев и жандармский ротмистр Лавров кинулись исполнять роль театральной прислуги и быстро очистили весь пол. В театре был и помощник Голицына заместитель его — Фрезе, который возмутился промедлением, разругал администрацию, результатом чего явилось глубокомысленное совещание Ковалева и Лаврова: откуда сыплются прокламации? После тщательного осмотра здания театра решили, что прокламации... могут явиться т о л ь к о из отверстия над электрической люстрой. Такое гениальное открытие было принято к сведению, и администрация театра получила предупреждение: в случае появления прокламаций в театре, отвечать будет она.

В и л ь н о, 29 марта. Гимназисты-евреи (ст. классов) наших обеих гимназий были приглашены на сионистское собрание. Последнее происходило на квартире Гольдберга (соучастник фирмы «И. Б. Сегаль», сионист-«демократ»), организатора кружков рабочих сионистов. Когда, однако, этой зимой произошла стачка в магазине «И. Б. Сегаль», он с остервенением, достойным лучшей участи, преследовал служащих этого магазина и действовал заодно с полицией. Об этой стачке и о роли в ней Гольдберга, как сиониста-демократа, каким он себя считает, много уже писалось. На этом собрании Г. оправдывался против нападок, сыпавшихся на него со всех сторон за его поведение во время стачки. Каково же было изумление гимназистов, когда на следующий день инспектор 2-й гимназии показал двум гимназистам, говорившим против сионизма, чуть ли не дословно записанные их вчерашние речи! Последствия не замедлили обнаружиться: всем присутствовавшим на собрании гимназистам 2-й гимн. поставили т р о й к и по поведению и внесли имена их в кондуитный журнал. На одного из них, уч. VII класса, это наказание, равносильное потере всякой надежды увидеть русский университет, так сильно подействовало, что он 26 марта во время большой перемены в гимназии же выпил изрядную порцию нашатырного спирта и в страшных мучениях скончался на следующий день. Фамилия этого гимназиста — Б о р к о н.

28 марта его хоронили. В 4 ч. процессия, сопровождаемая целой оравой полицейских, тронулась. За катафалком шли товарищи с венками (от всех мужских и женских уч. зав.), за ними гимназисты несли гроб с покойником весь дальний путь. Огромная толпа людей — «весь город» — присоединилась к процессии. Преобладала, конечно, молодежь. Сначала все шло благополучно. Прошли часть Завальной, повернули на Трокскую, затем на Немецкую и Большую. Дойдя до Стеклянной, полиция потребовала, чтобы процессия повернула на Андреевскую — обычный путь еврейских похоронных процессий. Но товарищи хотели непременно пройти мимо 2-й гимназии. Полиция, однако, хотела непременно настоять на своем, так как по главной части Большой ул. проходить е в р е й с к и м похоронным процессиям б е з у с л о в н о з а п р е щ е н о *, и направила катафалк к Андреевской ул., уверенная, что процессия последует за катафалком. Но гимназисты продолжали свой путь, не обращая внимания на весь этот маневр. Полиция, не ожидавшая совершенно такого оборота, потеряла голову и бросилась уже прямо к кладбищу, чтобы там сконцентрировать свои силы. Еврейская похоронная процессия без катафалка (он остался позади), почти дети, идущие с такой тяжелой ношей через самую оживленную часть города, огромная толпа людей, — все это производило очень сильное впечатление. Наше еврейское кладбище расположено в очень живописной местности. Недалеко от него две довольно высокие горы под углом образуют ущелья. И вот здесь-то покойника ожидали почести, которых в России еще, кажется, никакому еврею никогда не оказывали. Представьте себе следующее: впереди полицмейстер Майер в полном параде (в тот же день утром хоронили какого-то генерала), его помощник, его правая рука Снитко и целый сонм приставов, их помощников, околоточных надзирателей и городовых, а за ними понятые и отряд казаков с начальником во главе... Процессия в удивительном порядке идет своей дорогой...

Вот мы на кладбище. Над покойником производят последний обряд и через полчаса товарищи отдают ему последний долг, несут его к «вырытой заступом яме глубокой»... Между тем казаки, под предводительством своего начальника, успели осмотреть поле предстоящей битвы и попрятались под кусты в одиночку недалеко от могилы... Последняя окружена приставами и полицейскими, за ними громадная толпа, окруженная понятыми и охраняемая казаками... Гробовое молчание... Всякие речи запрещены... Кантор читает молитву и распорядитель по требованию полиции обращается к публике: «Погребальный обряд кончен, прошу всех расходиться». Никто не трогается с места... Так простояли минут десять вместе над свежей могилой, и было что-то торжественное и великое в этой зловещей в своей безмолвности тишине... Тронулись все вместе в обратный путь... Опять мирное торжественное шествие, теперь уже сопровождаемое казаками... Так спокойно дошли до центра города и разошлись по разным улицам.

Я вам пишу под непосредственным впечатлением вчерашней демонстрации, равной которой по своей грандиозности Вильна еще не видала. Она показала все бессилие местной власти бороться против демонстрации. Ей пришлось сконцентрировать все свои силы на кладбище, чтобы при первом крике «долой самодержавие!» или в этом роде, броситься на беззащитную толпу и растерзать ее, пользуясь тем, что спасаться не могло бы быть никакой возможности... А, между тем, публика, даже не сговорившись (про смерть гимназиста узнали только в день похорон), сумела сплотиться в огромную массу и своим безмолвием и спокойствием произвести такое сильное впечатление на город. И нам кажется, что такие «мирные» демонстрации по своему впечатлению не менее сильны, чем «шумные».

В о р о н е ж. После погрома 1897 г. до последнего времени здесь не велось местной революционной работы. Даже широкая волна революционного движения 1900 и 1901 гг. не захватила нашего города. С осени 1902 г. картина начала меняться: заседания сельскохозяйственного комитета, речи Мартынова и Бунакова, приезд Зиновьева, допросы, учиненные им земским деятелям, аресты и высылки некоторых из них, — все это внесло оживление в тусклую жизнь нашего города. В конце ноября вышли прокламации образовавшегося местного Комитета Р. С.-Д. Р. П. 19 февраля по городу были распространены прокламации с.-рев., а на заводах — листок соц.-дем. «Кассы Борьбы» (независимой от Комитета организации). 1 марта «Касса Борьбы» выпустила второй листок о терроре к организованным рабочим. Выпуск каждого листка вызывал оживленные разговоры и споры. В дебатах принимали участие даже обыватели, чему не мало способствовала безнаказанность выпусков: не было не только арестов, но и обысков. Однако, оказалось, что «жив курилка». Нашествие иноплеменных (иноплеменных — в буквальном смысле слова, так как для обысков было вызвано много жандармов из других городов) произошло в ночь с 14 на 15 марта. Обыски производились от 3 часов ночи до 2 час. дня; возобновились в ночь с 15-го на 16-е, продолжались с 16-го на 17-е, 17-го вечером были обыски в губ. зем. управл. Из всех щелей повыползли шпионы, и по ночам, кроме обычных в это время «отходников», можно было видеть жандармских офицеров, в сопровождении своры полицейских, идущих на свой не менее грязный промысел. Число обысков * установить трудно; во всяком

---

* Такова та «веротерпимость», обеспеченная «основными законами», о которой говорится в царском манифесте. Р е д.

* Обыски были почти исключительно среди учащейся молодежи, преимущественно среди учеников и учениц здешних фельдшерских школ.

случае, число их не так велико, как можно было бы судить по времени, в продолжение которого они производились. По одному выражению, жандармы делали обыски — словно «рыбу ловили». Закинут удочку и ждут. Сделают несколько обысков, отдохнут, поедят, потом снова принимаются, и так днем, ночью и вечером. К некоторым приходили два раза. Ночью ничего не находили, придут днем — кое-что и найдут. Арестовано 5 человек: Иванов, Ширкин, Арефьев, Онисимов, Городничев. Все, кроме последнего, уже выпущены. Во время обысков вызывающе и грубо держал себя ротмистр здешнего жандармского упр. Федоренко. Полковник Глоба вел по обыкновению свою хитрую политику. Этому жандарму удалось завоевать симпатии не только обывателей, но и некоторых либералов. Ну, еще бы! Делают, напр., по его распоряжению обыск у одного из учащихся здешних учебных заведений. Учебное начальство, после этого, увольняет воспитанника. Естественно, не правда ли? Полковник узнает об этом и начинает хлопотать о приеме ученика обратно, ездит к директору, попечителю, и вот вам тема для разговоров в том роде, что Глоба служит лишь временно, что он прекрасный человек, что он удерживает неистовые порывы прочих своих коллег по управлению и т. п. Однако, все это не мешает ему делать некоторым лицам предложения о поступлении, попросту говоря, в провокаторы. Полковник выражался, конечно, более иносказательно.

В разгар паники, 21 марта, «Касса Борьбы» выпустила третий листок «К рабочим воронежских железнодорожных мастерских» по следующему поводу: после ноябрьской забастовки, сопровождавшейся арестами и высылками, в Т. хорецких ж.-дор. мастерских освободилось много мест, и вот начальник здешних мастерских Безобразов предложил котельщикам отправиться в Тихорецк, обещая платить вместо 70 к. в день, которые они получают здесь, 1 р. 50 к Благодаря особым условиям в выдаче заработной платы, полный дневной заработок, как здесь, так и там, оказался почти одинаковым. Несколько котельщиков отправились в Тихорецк, но, узнав там, в чем дело, вернулись обратно. В прокламации раскрывались происки Безобразова и указывалось на необходимость солидарности среди рабочих в борьбе с правительством и капиталистами.

Вологда. Недавно по деревням у крестьян произведен целый ряд обысков. У некоторых найдена литература. По этому поводу возбуждено дело и сделаны обыски в уездных городах: Грязовце — у бывшего ученика земледельческого училища, и в В. Устюге — у какого-то фельдшера (найдена литература). Оба обысканные привлечены как обвиняемые, хотя и не арестованы. Нелегальная литература производит на крестьян сильное впечатление и читается нарасхват.

В марте вышли приговоры: статистику Зюкову — 3 г. надзора с воспрещением жительства в губ.: Петербургской, Московской, Полтавск., Таврич., Саратовской (Зюков арестован в Вологде в августе 1902 г. и обвинялся в хранении и распространении литературы); затем находившимся в Вологде под особым надзором студенту Ракову (арестован в Спб. на демонстрации 3 марта 1902 г. как знаменосец и при этом сильно избит) — 3 г. Вост. Сибири; бывш. моск. студ. Сергею Щербакову — 3 г. Вятск. г. и его жене Софье Щ-ой — 2 г. Вят. губ. (Щербаковы арестованы по москов. соц.-дем. делу). Весной 1901 г. Щербаков арестован вторично в Вельске, Волог. г., где он был в ссылке. Против него возбуждено было дело по обвинению в пропаганде среди товарищей по ссылке — рабочих. Есть довольно веские данные предполагать, что поводом к этому обвинению послужил донос политического же ссыльного Барановича (чиновника из Вильны). Если это даже и не его рук дело, то, во всяком случае, предупреждаем товарищей от всяких сношений с этим господином, так как это личность безусловно сомнительная (теперь, он, кажется окончил ссылку, которую последнее время отбывал в Астрахани). По этому же Вельск. делу обвинялся рабочий Воткевич, сосланный в Вельск по виленскому делу; ему теперь тоже вышел приговор — вменено в наказание предварительное заключение (4 месяца).

Появление манифеста вызвало среди вологодских крестьян оживленные толки, один другого нелепее. В одном селе поп читал манифест в церкви в продолжение 1½ часов, и ни он сам, ни его слушатели ничего не поняли. Одни говорили, что наследник родится, другие — что будет война, третьи — что земли прирежут, а четвертые — «купчую землю у крестьян отнимут, потому, значит, по нынешним временам простому человеку хода не дают». Среди обывателей Вологды манифест вызвал своей неопределенностью и комичным тоном то же недоумение; в общем, почти никто ничего не понял, вынесли только впечатление, что в нашем отечестве что-то неладно.

Недавно через Вологодскую тюрьму прошли трое сосланных в Вологодскую г. рабочих: Карл Гоппе (из Варшавы), Медведев (из Нижнего) и Ступников. При отправлении партии Медведев повздорил с конвойными, за что они заковали его в кандалы, а так как он сопротивлялся, то избили. Все это происходило на тюремном дворе на глазах уголовных арестантов.

В Вологду на 4 года прибыл этапом и тоже в кандалах бывший рабочий Александровского завода в Петербурге Иван Пресняков. Он был арестован в сентябре 1902 г. в Калужской губ. за пропаганду среди крестьян. Когда он сидел в тюрьме в г. Жиздре, с ним произошел следующий инцидент. В камеру к нему явился посетивший Жиздру калужский губернатор и стал его убеждать, что не годится читать запрещенные книжки и сидеть за это в тюрьме. Пресняков ответил на это: «Вы виноваты в том, что я попал сюда. Если бы ваш брат-начальство не грабили да не обманывали народ, то мне не надо было бы вести пропаганду». Никогда, повидимому, не слыхавший такой смелой речи, губернатор вылетел из камеры как ошпаренный и закричал: «Он сумасшедший! Его надо лечить! Разве можно больных держать в тюрьме!». На другой день Пресняков отправили в Калугу в психиатрическую лечебницу, где он и пробыл два месяца.

Известны следующие приговоры: Хавскому, землемеру, 5 л. Вост. Сибири (арест в Петерб. летом 1901 г. по делу о террористическом сообществе); рабочему Солдатову по батумскому делу 1902 г. — 5 лет Арханг. губ.; портнихе Булатовой по нижегор. соц.-дем. делу 1901 г. — 3 года Волог. губ.; Дрешеру, рабочему из Варшавы, 3 г. Волог. губ.; бывш. студенту духовной академии Синайскому по орловскому соц.-дем. делу 1902 г. — 3 г. Волог. губ.; Ивану Серебрякову по делу Харьковск. соц.-дем. Комитета — 3 г. Волог. губ.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Обозреватель событий в Финляндии нередко просто теряется перед обилием материала, доставляемого ему лихорадочной деятельностью жалкого Николая II, или, вернее, его достойных сподвижников. Последние, чуя приближение конца своего преступного хозяйничания, торопятся ничего не уступить и тем увеличить свою и так уже беспредельную виновность, когда они раньше или позже очутятся на скамье подсудимых перед своим грозным судьей — представителями всего русского народа.

2 апреля (нов. ст.) царю «благоугодно было» сместить уважаемого и любимого профессорами и студентами вице-канцлера Гельсингфорсского университета известного ученого Т. Рейна, которому, как известно читателям (см. № 33 «Искры»), было в январе предложено подать в отставку, от чего он вполне справедливо отказался. Он пришелся не по вкусу Плеве — «канцлера» университета — за то, что он не согласился принять какие-либо меры по отношению к студентам, отказавшимся подчиниться царскому «закону» о воинской повинности, и вообще не способствовал каким-либо беззакониям. На его место назначен один из главарей консервативной,

оппортунистической старо-фенноманской партии профессор Даниельсон, особенно угодивший русскому правительству своими брошюрами и статьями в главном органе этой партии «Unsi Snometar», в которых он со свойственной старо-фенноманам недальновидностью говорил о необходимости подчинения новой политике, о вреде пассивного сопротивления и т. под. Когда-то этот самый Даниельсон в своих действительно ценных научных произведениях горячо полемизировал с пионерами обрусения Финляндии. Не трудно предвидеть, куда направляется новый курс по университетскому вопросу в Финляндии. До сих пор финляндские студенты, пользующиеся, подобно заграничным, всеми благами академической свободы, не имеют никакого понятия о «студенческих беспорядках». Плеве, видимо, хочет явиться просветителем их в революционном духе. Студенты грандиозными, единодушными овациями и чествованиями своего бывшего начальника показали всю свою любовь к нему. Проф. же Даниельсон еще в феврале получил строгое предостережение, подписанное 87 университетскими преподавателями, приглашавшими его следовать по стопам предшественника, отличавшегося истинной гуманностью, патриотизмом и преданностью конституции. Насколько русским опричникам подчас бывает стыдно признаться в подобных подвигах, доказывает продолжительное замалчивание «Фин. Газ.» отставки вице-канцлера, про предстоящий добровольный уход которого она несколько времени тому назад усердно распускала нелепые слухи.

В прошлой статье мы сообщали о разгроме выборгского и вазасского гофгерихтов. 10 уволенных чинов первого во внушительных выражениях, внесенных в протокол заседания, протестовали против произвола. Как судьи, они, по финляндским законам, несменяемы без законного приговора суда. В виде протеста немедленно подали в отставку пять членов того же гофгерихта.

Все усилия русских властей и финляндского сената, как мы уже знаем, направлены на проведение нового «закона» о воинской повинности. Между прочим, главное финляндское управление по делам печати еще в январе разослало цензорам опубликованный на-днях в «Fria Ord» [12] секретный циркуляр, в котором предписывается не пропускать никаких известий относительно воинской повинности, имеющих целью «вести пропаганду в видах пассивного сопротивления», т. е. сообщающих об отказах подчинения куропаткинскому изделию. Все же известия противоположного характера цензоры должны разрешать печатать. Не логично ли на самом деле? Упомянутое учреждение, со своим начальником — идиотом Кронгельсом во главе, доходит иногда в своем рвении до любопытнейших курьезов. Вот некоторые статистические данные, свидетельствующие об усердии жандармов-цензоров за 1902 г.: прекращено навсегда и временно приостановлено 13 газет, «управлением» об'явлено 16 предостережений, генерал-губернатором — 5. Запрещено отчасти или всецело 16 книг финляндских авторов и 104 иностранных; конфисковано 7.996 отдельных нумеров иностранных газет и журналов. За первые три года бобриковского разбоя цензурные кары были еще значительнее. Гонения на пользовавшуюся до того времени сравнительною свободой периодическую прессу вызвали возникновение и свободное распространение свободной оппозиционной, так наз. «нелегальной» печати, о которой раньше никто в Финляндии не имел никакого представления.

Бесцеремонный грабеж финского народа начался с водворения Бобрикова в Финляндии. На-днях последнему удалось добиться от царя значительного увеличения жалования финляндских губернаторов: в трех губерниях оно теперь доведенно до 24.000 марок, а в остальных до 22.000 марок, через 5 и 10 лет оно будет увеличено на 10%. Русским помпадурам, видимо, хочется жить в свое удовольствие на финляндские деньги. Независимо от этого постоянно усиливался штат канцелярии генерал-губернатора многочисленными «чиновниками особых поручений», т. е. особыми сыщиками и шпионами, увеличивались жалования всех русских ташкентцев, начиная с самого сатрапа, учреждались тайные фонды и т. п. Но всего этого мало русским опричникам: недавно утвержден новый штат канцелярии генерал-губернатора и пр. Бобриков однако не позабывает награждать и покорных сенаторов: по его предложению, сенату поручено составить проект увеличения сенаторских жалований. Царь, видно, щедр на награбленные им народные деньги. На-днях сенат получил проект ежегодного ассигнования из финляндской казны средств в общегосударственное казначейство на военные расходы. Размер этой суммы будет впредь определен министром финансов, министром-статс-секретарем Финляндии (Плеве) и финляндским сенатом. Подобный проект был категорически отклонен чрезвычайным сеймом 1899 г., а теперь он осуществляется административным, следовательно противозаконным, путем. Недавно, по царскому повелению, неслыханно усилены средства на содержание гельсингфорсской полиции.

Этой мерой опричники надеются успешно противодействовать «крамоле»!

С каждым часом все наглее и наглее становится деморализованная за последние годы финляндская полиция, находящаяся под особым покровительством царских слуг (см. № 36). В ночь на 11 марта (нов. ст.) без всякого повода был самым коварным образом арестован несколькими городовыми в кафе один адвокат и насильно отвезен в участок. Здесь, по приказанию полицейского комиссара, его со связанными в ручные оковы руками бросили в темную камеру, где он пролежал до следующего утра. В 8 часов ему развязали сильно распухшие руки, но его снова заперли без пищи и питья в той же камере, и, наконец, в 4½ часа поп[олудни] комиссар-самодержец смилостивился и отпустил узника, об'яснив ему, что он был арестован за «оскорбление при исполнении обязанности комиссара, а вместе с тем и всей полиции и чести формы». Этот «блюститель порядка» угрожал при этом привлечением к ответственности «виновного». На самом же деле все «оскорбление» сводилось к тому, что пьяный комиссар хотел во что бы то ни стало в кафе сблизиться с незнакомым ему адвокатом, который оказал ему отпор. Вот до какой степени довела полицейских полная безнаказанность, гарантируемая им осенними указами. Пострадавший мог бы подтвердить свою жалобу показаниями двух свидетелей, но вряд ли начальство комиссара допустит привлечение его к суду.

В г. Ганге недавно учреждена полицейская камера. В начале марта (нов. ст.) сильно подгулявший секретарь

полиции, ревизуя паспорта эмигрантов перед отходом парохода, вдруг без всякой причины пришел в ярость и начал рвать паспорта. Делу не помогло и вмешательство бургомистра, и многим пассажирам пришлось поэтому отложить свое путешествие. Паспорта, между тем, были выданы по всем правилам, причем было соблюдено даже и недавнее стеснительное распоряжение сената об ограничении срока паспорта юношам, не отбывавшим еще воинской повинности. Неделю спустя при отходе парохода повторилась подобная же история лишь с той вариацией, что полиция задержала попросту паспорта некоторых пассажиров, несмотря на то, что они были выданы подлежащими губернаторами. Здесь уместно сказать несколько слов об эмиграции. В № 33 мы приводили статистические данные по этому вопросу. Главная причина ужасной эмиграции—царский разгром Финляндии и в частности новый «закон» о воинской повинности [13]. Все истинные и влиятельные финляндские патриоты всячески стараются удержать деревенскую молодежь, намеревающуюся покинуть родину. Между тем, «Фин. Газ.» имеет нахальство уверять, что «злонамеренные агитаторы» насильно посредством обмана увозят из Финляндии эту молодежь, желая, якобы, напугать русское правительство.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. 17 марта (во вторник) рабочие фабрики тов. Механич. производства обуви (Спб., Заставная, 15) прекратили работу вследствие понижения расценков на 50% (при разговоре с рабочими один из директоров мотивировал понижение хозяйственными соображениями). Первая забастовала в три часа дня отделочная мастерская, где большинство рабочих мужчины; они проникли в другие мастерские и везде остановили работы. В 4 часа было прислано 50 казаков. Рабочие разошлись. На другое утро женщины взялись за работу, но мужчины набросились на них с криком «ура». Мастера грозили, что в случае отказа взяться за работу по указанным расценкам правление выпишет заграничных рабочих. Раздраженные рабочие начали бить мастеров и одного избили довольно сильно. В среду рабочие собрались на фабрику, но за работу не взялись. Об'явился фабричный инспектор и, выслушав требования, заявил, что они не будут удовлетворены. Рабочие заявили, что в таком случае они не будут работать. В тот же день градоначальник приказал выдать им расчет. От предложенного расчета молодые рабочие отказались, равно как отказались от немедленной денежной помощи со стороны рабочей организации. 26 марта забастовщики рассчитаны. Начальник мастерских Спб.-Варш. жел. дор. Копьев призывал к себе рабочих по 2—3 человека из малярного отделения (за входящими сторож запирал дверь на ключ) и сообщал им «по секрету», что будут понижены расценки, в виду массы безработных и желания увеличить контингент рабочих мастерских. Других отделений пока не трогали. Понижены расценки на Обуховском заводе.

Тверь. Мануфактура Морозовых — это целый городок. На ней работает до тысячи рабочих. Для них выстроены громадные казармы. Есть больница. Есть прекрасная школа, большая библиотека с читальней, которой могут пользоваться рабочие. Есть чайная с театром, вмещающим до 1.500 зрителей, лучшим в городе. Наконец, под руководством известного деятеля по народному образованию Вахтерова, уже второй год функционирует торговая школа. Все эти учреждения возникли на средства Морозовых. Денег не жалели: все они устроены в большом масштабе и вполне доступны рабочим. «Чего же лучше?» скажет, может быть, иной просвещенный и гуманный «друг рабочего класса». «А — все же не даром — ответит ему знающий поближе здешние дела скептик, — кн. Сумбатов для своей пьесы «Джентльмен» выбрал прототипом одного из совладельцев фабрики Ивана Абрамовича Морозова. Не даром в Твери не удается поставить этой пьесы, ибо администрация фабрики скупает все билеты... Как под внешним лоском культурного европейца в сумбатовском городе много азиатской дикости, так и весь блеск образовательных учреждений «Тверской мануфактуры» не мешает разглядеть картину грубейшей эксплоатации, практикуемой фабричной администрацией, — возмутительных порядков, ею сознательно поддерживаемых!.. Вот подлинное письмо рабочего о порядках прядильного отделения: «Директор Иван Семенович Балашов сбавил расценок до такой степени, что хватает только на самое скудное содержание. Помощник директора Балыков, слепой в очках, но в то же время очень хорошо видит и разглядывает те книги, по которым рабочие вызываются за порчу утка и поломку машин, хотя бы это и произошло не по вине рабочих, и очень щедро штрафует их за это рублями и полтинниками. Мастер Рудольф Гунцигер, пузатый и обрюзглый, как сосновый пень. С рабочими обращается очень ужасно, напр., прядильщиков, первых и вторых мальчиков ругает самыми отборными площадными словами, а ставильщиков бьет, когда к нему кто приходит по какому-либо делу. Притесняет заболевших рабочих в записках (не выдает записок) для отпуска в больницу.

«Если рабочий пришел в сортир, да застанет его мастер, то он или обругает или отдует, а то запишет его к директору или его помощнику. Эти два негодяя штрафуют беспощадно. Нет никаких очередных книг для переводки рабочих, когда они с низшей должности переводятся на немного высшую. Этой переводкой занимаются мастера: Зарайский, Сидоров, Плевна. Вот эти-то наушники Гунцигера и занимаются при переводке рабочих обирательством чистыми деньгами и вином. Ни один рабочий, начиная со ставельщика, не повысится, пока этим наушникам не пропоит 5—6 руб. Не проработает он и 2-х часов, как является к нему второй сорт наушников, — подмастерья, напр., Цыган, Николюшкин и др., предлагая без стеснения обычное, вошедшее в законную силу, выражение: «нельзя ли смазать, а то заскрипит?», и рабочему волей-неволей приходится пропаивать и этим 1—2 руб.

Прядильщик не уходит из рук даже шорника, такого же рабочего, как и он сам. Если шорник получит водку, то поставит на станок новый ремень, а если нет — придется работать старым, который рвется через каждые две смены. Машины разбиты и часто разлаживаются. За простой не платят, а подмастерье без водки налаживать не придет.

Жалоб же от рабочих на подмастерьев и смотрителей не принимается. Куда ни приди рабочий — к директору, помощнику или мастеру, — везде он слышит одно и то же: «У меня там есть люди, они распоряжаются». И все идет по-старому. У ткачей дела обстоят не лучше. Пользуясь угнетенным положением рынка и угрожая увольнением, фабричной администрации удалось сильно понизить расценки против того уровня, который был достигнут стачками еще при старом директоре Алянчикове. Осенью Балашов еще урезал заработок на 3—5 руб. в месяц. Не брезгают грабить ткачей исподтишка, напр., переменяя наборные колеса или называя данный сорт товара именем другого, хуже оплачиваемого. Усердного исполнителя он нашел в лице мастера Федора Маркова. По его инициативе прекращен отпуск ткачей в предпраздничные дни и стали штрафовать за разные поступки, за которые прежде не штрафовали.

За время кризиса вместе с экономическим благосостоянием ухудшилось и правовое положение рабочих Морозовской фабрики. В июне месяце прошлого года, против желания комитета и организованных рабочих, прядильщики устроили стачку. Она была проиграна отчасти потому, что полиция прибегла к выселению стачечников из хозяйских квартир. Вообще, наши опричники усердно, но неудачно

разыскивают крамолу, которая свила себе, повидимому, прочное гнездо среди морозовских рабочих. Было несколько арестов, до 40 обысков, ничего не давших. Делались повальные обыски в казармах. Наушников и добровольных шпионов, старающихся выследить связи комитета, развелась прóпасть; таков мастер Любашев, усердно рыскающий по портерным и готовый — по собственным словам — в случае надобности сделаться «социалистом до последней крайности».

(Ал. Ив. Гусев)

Либава, 27 марта 1903 г. Неделю тому назад, в ночь с 20 на 21 марта, Либава была точно обсыпана прокламациями на латышском, русском и еврейском языках, в размере одной тысячи. И на углах улиц, по дворам и — что самое главное — в фабриках и мастерских, где они произвели столь большое впечатление, в особенности латышские, которые были отделаны печатным шрифтом, чего либавцы еще не запомнят. Прокламации распространялись на следующих заводах: в проволочном заводе (1.300 раб.), в Либаво-Роменской железнодорожной мастерской (600 раб.), в маслобойне (300 раб.), в линолейном заводе (100 раб.), в паровой мельнице Берента, жестяной фабрике Баегерта и в целом ряде других мастерских. Полиция и жандармское управление совсем остервенели по поводу этого. Городовые только тем и занимались с 4 часов утра, что срывали и руками, и ножами, и зубами приклеенные прокламации. Уже на следующий день ходила масса переодетых жандармов и верховых городовых, ожидая, не случится ли что-нибудь снова. Приказано околоточным надзирателям до двух часов ночи обходить свои участки: они следят за квартирами подозрительных политических и даже у их окон подслушивают разговоры. Таким образом, распространение прокламаций удалось очень хорошо: так, например, в Либаво-Роменской железнодорожной мастерской всем удалось прочесть расклеенные прокламации. Радуются тому, что основался комитет, ведающий нужды рабочего класса.

Происходили и ничего незначащие аресты: арестовали одного литовца в железнодорожной мастерской за чтение прокламации, он освобожден после пары дней; кроме того, в цирке, где опять частное лицо 22 марта разбросало пачку прокламаций, задержали сына одного либавского буржуа за чтение прокламации, упавшей перед его носом. Жандармы сделали допрос и толстовцу Ландеру, обвиняя его в том, будто бы прокламации составил он, что они — продолжение того письма, которое он написал Бекеру еще до устройства в честь его манифестации. У страха глаза велики. Говорят, что было арестовано пять человек, которые в настоящее время опять освобождены.

Астрахань. Минувшая зима для нашего, связанного с водным транспортом рабочего населения была временем особенно жестоким. С закрытием навигации, когда пароходы длинной лентой вытянулись вдоль берегов уснувшей на зиму реки, для пароходных «рабочих рук» началась страда зимняя — ремонт судов. Масса безработных хлынула к пунктам зимней наемки. Счастливцы закабалились на условиях, продиктованных хозяевами (даже умелые слесаря становились «не рядясь»). Скоро механические заводы, утроивающие и учетверяющие на зиму свой рабочий состав, захлопнули ворота перед ищущими «хозяина». Прекратилась наемка и у более мелких судовладельцев, работающих (чужими руками) на открытом воздухе, и на местной бирже все еще оставалась толпа изголодавшегося люда. «Народ ропщет» — таков был единодушный отзыв близких наблюдателей. «Жить нечем, суда нет, правды нигде нет». — «Да, это так, но делать что же?» — «А что? камни скоро будем выворачивать и пойдем на богачей». Слышались первые смутные отклики народной борьбы, чувствовались напряженное ожидание и искание...

Прошла зима... Никаких серьезных «оказательств» народного движения не наблюдалось; но сердитое народное настроение царские слуги хоть одним ухом, видно, уловили. И вот выписываются тысячи экземпляров книжки небезызвестного генерала Богдановича «Русскому народу на добрую память», снабженной на 1-й странице пастырским благословением Иоанна Кронштадтского. Началась патриотическая выучка с рабочих зав. Нобель. 26 февраля в неурочное время раздался свисток. Рабочие были собраны вместе и перед ними предстал некий «член общества хоругвеносцев» Ширвахов (конторский служащий общ. «Кавказ и Меркурий»). Раздаче брошюры предшествовало краткое «слово», через неделю вышедшее в виде печатного листка. Брошюры, — уверяет оратор, — он получил «от его пр-ства Е. В. Богдановича, которому-де поможет бог (и казна) издавать такие назидательные брошюры». Ознакомление с «назидательной» генеральской «доброй памятью» должно, по мнению хоругвеносца, отшибить у рабочих память на все унижения и муки, которыми наградили их нынешние хозяева жизни, и научит их «повиноваться властям и не вдаваться в распространение мнений лживых людей, которые всеми мерами стараются совратить с пути темный народ». «Беда вам, если посмеете требовать и добиваться силой, — кричит рабочим речистый Шервахов: — попадете в руки правосудия за свои неведомые дела, за что все должны нести кару законную, утвержденную велением монарха нашего». Рабочие «могут легко своего достигнуть», ежели будут клянчить у механика, начальника завода, либо «в крайнем случае!» у фабричного инспектора. Стара побасенка! веками, чай, клянчили! Ника Милуша — тот «всегда старается умиротворить свою страну»... «разве ему, государю, приятно, чтоб были смуты?» (чего уж приятного!), «надейтесь на начальников», и «будем трудиться во всех своих делах, кому что предназначено» (кому пахать и сеять, кому кушать) и «тогда все будет хорошо» (тому, кому и ныне недурно) «и смирно... и да будет с нами бог»... попы, полицейские кулаки и цепкие хозяйские лапы. Аминь! О впечатлении этой затеи на слушателей дает понятие история благодарственной телеграммы Богдановичу. Предложение отправить телеграмму было встречено молчанием. Когда вопрос был поставлен ребром, несколько разрозненных голосов ответили: «согласны», большинство опять молчало. Были еще раз собраны рабочие, на этот раз предстал перед ними заводской инспектор с готовой телеграммой в руках. Снова вопрос о согласии и еще раз молчание большинства. На уклончивое пассивное сопротивление навязываемой мерзости пока еще хватило и того смутного чувства протеста, которое успело проникнуть в рабочую массу отсталого района. Не хватило его на более решительную защиту своей чести: на следующий день обратились к рабочим с требованием подписать текст телеграммы, и, насколько знаем, не посмел отказаться ни один. Раздавались брошюрки и рабочим общества «Кавказ и Меркурий».

Прохоровский рудник (близ Юзовки).

Углепромышленники и их агенты (директора, управляющие) преследуют единственную цель — наживу. Ею обусловливается подбор служащих на рудниках, отношение к полиции, инспекции и т. д. Для достижения ее все средства хороши, начиная от удаления служащих, которые не могут всецело проникнуться этой целью, вплоть до подкупа. Расходы, потребные на это, считаются производительными — шахтер, опутанный со всех сторон, оплатит их сторицею. И как мы видим, расчет этот вполне правилен. Служащие на рудниках доходят до полного обезличения и готовы делать все, что им ни прикажут. Не касаясь при этом инженеров, штейгеров и пр. (как отзываются их угодливость и усердие на шкуре рабочих, всякому шахтеру известно); я приведу два примера из деятельности рудничных врачей. Так, на челковском руднике, когда увечный рабочий обратился к врачу рудника Я. С. Гуровичу с просьбой выдать ему свидетельство, тот ответил буквально следующее: «Пожалей меня, голубчик; выдам я тебе свидетельство, меня с рудника прогонят, обратись к другому». Его преемник на том же руднике Аксюк оказался еще подлее. В прошлом году он выписал из больницы 4 рабочих, получивших увечье на работе и притом недолеченных (экономия в харчах?!). Калеки отказываются уходить прежде, чем им будут выданы свидетельства. Аксюк велел вынести их койки, и больные валяются на полу. На следующий день он лишает их пищи. Больные голодают целые сутки. Наконец, врач приглашает уряд-

ника и калек удаляет из больницы. И только после вмешательства инспекции (по заявлению рабочих) их требования более или менее удовлетворяются. Но и этой угодливости для углепромышленников недостаточно, не у всех ведь так много усердия, как у Аксюка. Они стараются заинтересовать служащих материально в усиленной эксплоатации шахтеров (прибавкой жалованья, процентами). Проценты инженерам и штейгерам назначаются от увеличения добычи угля и от удешевления его стоимости. Как это отражается на шахтере (не говоря уже о понижении платы, сокращении числа рабочих, обременении оставшихся и т. д.), свидетельствует тот факт, что число несчастных случаев на шахте вслед за назначением премий там, где их раньше не было, сразу и быстро растет (экономия на стойках и пр.). В особенности это наблюдается там, где рабочие застрахованы. В этом последнем случае нет и того задерживающего стимула, что придется раскошеливаться в пользу увечных. Перейдем к полиции. Начальник Таганрогского округа Кадников вместе с своим помощником занимается торговыми операциями. Он покупает десятками тысяч пудов уголь на рудниках и ему, как начальнику, делается скидка в 2—3 коп. с пуда против рыночной цены угля, и этот уголь продает на заводы вверенного ему округа по цене копейки на две выше рыночной цены; таким образом, каждый пуд угля дает ему 4 коп. чистого барыша, что при десятках тысяч пудов составляет порядочную прибавку к жалованью и процент к безгрешным доходам. Подведомственные начальнику округа полицейские чины — заседатели, надзиратели, урядники и пр. — поступают уже гораздо проще: они ежемесячно от заводов и рудников получают жалованье и в получении такового расписываются и с ними уже проще поступают; им платят и говорят приблизительно следующее: «смотрите, никаких затруднений руднику не причинять, сор из избы не выносить, а то жалованья лишу и начальнику округа сообщу: он вас уберет».

Теперь несколько слов о прочих правительственных чиновниках, так или иначе прикосновенных к горному делу — горной и врачебной инспекции. Во главе горной инсп. Обл. В. Донск. стоит начальник юго-вост. горного управления генерал Вагнер. Он имеет в своих поместьях дубовые леса и поставляет на крупные рудники «в вверенной» ему области (например, в екатериносл. горнопром. общество, иначе рудник Буроса) дубовые стойки для крепления в шахтах. Стойки его не всегда имеют установленные размеры, но, выйдя из лесов Вагнера, уже беспрепятственно идут в шахты, а там, что бог даст, может и не будет обвала: а если и задавит 2—3 человека, — не беда, новые на их места найдутся. Начальник южн. горн. управления Зеленцов будет еще чище. Он берет «хабар» в неприкрытом виде и нередко делает внушение подведомственным ему чинам горной инспекции: «никаких дел с углепромышленниками не возбуждать». Наблюдение за санитарным состоянием рудников (в Таганрогском округе) лежало на окружном враче Иванове. Инспектирует он таким образом. Приезжает на рудник, ходит по балаганам, нюхает в отхожих местах и помойных ямах и всюду находит вопиющие безобразия — до тех пор, пока не получит так наз. «прогонных». Так было, например, в прошлом году в Франко-Русском обществе. Был Иванов с «комиссией» и инженер Максимов все время увивался около него и хватался за свой карман, ожидая благоприятного момента. Наконец, комиссия куда-то разбрелась (осталось только двое своих служащих, а их стесняться не стоит), Максимов вынимает пакет и протягивает его Иванову со словами: «Вот, ваше превосходительство, вам прогонные». — «Я еще не ваше превосходительство, да и прогонные от казны получаю». — «Ну, а это, пожалуйста, от нас». — «Благодарю», и при этом Иванов положил пакет к себе в карман (этот Иванов недавно получил повышение, — назначен областным врачом Уральских заводов и там уже, как первое лицо в своем ведомстве, вероятно, сорганизует свои поборы на более правильных началах). Таким образом, подобравши под масть себе служащих и купивши всю администрацию и инспекцию, углепромышленники творят на своих рудниках, что хотят. Их надувательству и издевательству над шахтерами нет границ. Всякий протест со стороны рабочих, будь он самый мирный и законный, остается без всяких результатов. А на случай коллективных протестов (беспорядков и так наз. «бунтов») у них есть еще другие средства в запасе. Тут уже они выступают не поодиночке, а организованно (скопом) — существуют ежегодные «с'езды углепромышленников юга России». На этих с'ездах они обсуждают свои общие дела — ходатайствуют перед правительством о разных льготах и подачках. Здесь же решаются вопросы и о том, как бороться с шахтером, если он паче чаяния вздумает бунтовать. Так, года три тому назад (см. протоколы с'езда горнопромышл. Юга России) они решили ассигновать около 100.000 р. единовременно и около 40.000 ежегодно на расквартирование и содержание войск в горном районе и обратились с этой целью к правительству. Мотивировка этого ходатайства самая наглая — им нужны войска, как они выражаются, «для правильного течения промышленной жизни». Услужливое для капиталистов правительство, конечно, не отказало в этой просьбе и дало в распоряжение казаков.

Иллюстрацией того, каким образом достигается это «правильное течение промышленной жизни», служит усмирение беспорядков на прохоровских копях в окт. 1900 г. Начались они из-за понижения заработной платы. В 6 час. утра рабочие собрались около шахты № 10 и дали тревожный гудок. В шахту не полезли и потребовали директора. Во время переговоров с ним надзиратель с урядниками и полицейскими на лошадях врезались в толпу женщин и ребят, находившихся поодаль. Послышались крики: «Что мы будем разговаривать в то время, когда бьют наших жен и детей!», и толпа немедленно обратила в бегство полицию и начала разбивать лавку, контору, дома служащих и пр.; к полудню разошлись. После полудня прибыла сотня казаков и начальник округа Клунников. Вечером в тот же день загудели тревожные гудки и на прочих шахтах, принадлежащих прох. общ. На следующий день на шахте № 10 над предполагаемыми зачинщиками (по списку полиции) была экзекуция по распоряжению Клунникова и под его наблюдением. После экзекуции казаки с начальником округа во главе отправились на № 27, где били нагайками всех оказавшихся на улице. По дороге туда им встретилась партия мужиков с котомками, идущих на заработки. Клунников закричал им: «Стой, бунтовщики!» — далее следует непечатная брань. Напрасно «бунтовщики» утверждали, что они только что приехали и идут со станции. Клунников скомандовал: «Всыпать им, с... с...м» — и «всыпали», а затем арестовали. Когда явившийся через неделю следователь, по рассмотрении паспортов, убедился, что они действительно не могли принимать участия в беспорядках, и робко заявил Клунникову, что напрасно-де их выпороли, тот ответил: «Ну, так пусть это им будет авансом». На вопрос, заданный этому следователю, почему он не заносит в протокол всех этих безобразий, он ответил: «Попробуй-ка я это сделать, меня со службы выгонят, да и из пределов Таганрог. окр. вышлют в три дня». На прочих шахтах с небольшим числом рабочих, где рабочие не производили никаких беспорядков и не шли только на работу за пониженную плату, Клунников являлся со своими казаками, сзывая шахтеров, и под страхом порки немедленно отправлял их на работы.

Г. Луганск, Екат. губ. Завод Гартмана. Здесь работает около 3.000 рабочих. Прежде на этом заводе заработная плата среднего слесаря достигала 80—90 руб. в месяц. Но с появлением на нашем заводе начальника паровозо-строительного отдела Тауссопа заработки значительно понижены и едва достигают 35—40 рублей и если прибавить сюда те многочисленные штрафы, которыми начальство любит так щедро награждать рабочих, то станет ясным то раздражение со стороны рабочих, которое чуть не выразилось в убийстве Тауссопа. Луганский Комитет (он солидарен с Р. С.-Д. Р. П.) выпуском прокламации указал, что убийством делу не поможешь; разоблачив все проделки Т., он рекомендовал истинное средство борьбы за улучшение положения рабочего люда — стачку. Этим Комитет предупредил и уничтожил малейшую попытку совершить убийство. Но так как стачка, по некоторым конспиративным соображениям, невозможна в данном случае, то некоторым из организованных рабочих было решено поручить удалить Тауссопа другим способом, уже

испытанным и во многих случаях удавшимся. На следующий день, по решению, начальник Тауссоп честь-честью был вывезен на тачке, под мешком за ворота, под свист и крик «долой Тауссопа» многочисленной толпы. Но Таус. не оскорбился, да и начальство вместе с фабричным инспектором только посмеивалось, нарочно приняв эту проделку за шутку, и продолжали свои проделки. Комитет выпустил прокламацию «К рабочим завода Гартмана», где предупреждал рабочих, а также и Тауссопа, что если его проделки не прекратятся (понижение расценков, грубое отношение к рабочим), то пусть рабочие готовятся к стачке и ждут комитетского листка. Таус., повидимому, струсил и на следующий день вывесил следующее об'явление:

«В виду распространившихся слухов о том, что расценки на сдельную работу будут понижены на 20%, я считаю нужным предупредить, что расценки на сдельную работу могут быть сбавлены лишь с разрешения фабричной инспекции. В случае же мастера будут самовольно сбавлять, — прошу немедленно заявить мне об этом.

Начальник паровозо-строительного отдела Тауссоп».

В данное время на заводе практикуется такого рода тактика: рассчитывают тех рабочих, у которых есть хоть что-нибудь неблагонадежное — более длинный волос, и начальство решает, что они из «этих — социалистов». А взамен их принимают безработных по очень низкой заработной плате 75 — 85 коп. Далее переполнили городовыми и шпионами весь завод. Да, кстати. Тауссоп боится показываться на улице и выходит не иначе, как под прикрытием двух «ангелов-хранителей», а возле квартиры оставляют пост.

Не дремлет и «бдительное око» наших помпадуров: они под 1 апреля произвели нападение на город Луганск. Но наши «радетели» жестоко ошиблись в расчете. Желая подкосить «крамолу» в корне, производили обыски у людей, совершенно непричастных, и этим только их озлобили против себя.

В тюрьме до 1 апреля сидело 5 человек: И. И. Яковлев, А. Н. Крупницкая (акушерка) и три отбывающие.

ИЗ ПАРТИИ

К 1 мая Организационный Комитет выпустил из партийной типографии и распространил 300.000 майских прокламаций трех текстов.

Нами получены листки, изданные по поводу кишиневских злодейств Киевским, Одесским и Харьковским Комитетами Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и Кишиневским Комитетом социал-демократической организации.

В Киевском листке (заглавие: «Кому нужны еврейские погромы»), полученном 16 апреля, констатируется:

1) что в Кишиневе для устройства погрома и возбуждения кишиневской голытьбы были посланы полицейские агенты (приметы одного из них — лицо, опаленное серной кислотой; он теперь в Киеве);

2) что в Кишиневе были разбросаны прокламации полицейского происхождения, где упоминались все басни о кровавых еврейских жертвоприношениях;

3) что губернатор (уже после погрома) угрожал богатым евреям еще большим избиением, если они будут упорствовать в своих утверждениях о преступном поведении власти». Далее говорится о признаках того, что «полиция подготовляет погромы также и в других местах и в то же время занимается шантажем, вымогая угрозами погромов взятки с евреев, как, например, на-днях в Аккермане, где полицмейстер потребовал у богатых евреев взятку в 600 р. под угрозой устройства погрома». В заключение говорится: «В виду того, что в Киеве полиция подготовляет еврейский погром, Киевский соц.-дем. Комитет отменяет демонстрацию, назначенную им на 20 апреля, и приглашает товарищей защищать евреев в случае возникновения погрома». Такие приглашения к самой энергичной защите должны делать, по нашему мнению, комитеты всех городов, в которых полиция имеет хоть какие-нибудь шансы устроить погром.

«Подготовление погрома» киевской полицией заключается по полученным нами известиям, между прочим, в распространении листка, напечатанного «с разрешения духовной цензуры», «с ликом Спасителя сверху», в котором рассказывается, как где-то когда-то евреи ворвались в дом благочестивого христианина, начали там бесчинствовать, стали резать икону, из которой показалась кровь, и т. д. Говорят, такие листки продаются за 1½ коп. на базаре. Мало того, распространялась еще гектографированная прокламация, в которой «православные христиане» призываются «взяться за евреев».

Депутатам от евреев, явившимся к Новицкому, этот последний ответил, что если в майской демонстрации будут участвовать евреи, то он не даст ни одного городового для усмирения погрома. Ответ той же депутации полицмейстера Цихоцкого был (если это возможно) еще отвратительнее: полиция будет защищать евреев, если они сами не будут защищаться. Рядом с картиной понятной паники, охватившей еврейское население, корреспондент упоминает и о более отрадном явлении: еврейская молодежь устроила «Комитет самообороны», который насчитывает уже до 900 членов и деятельно вооружается. Нам хотелось бы думать, что в обороне евреев, в случае погрома, примет энергичное участие и русская учащаяся молодежь. Кроме чувства, которое должно толкнуть революционно-настроенную часть нашей молодежи, броситься на защиту жертв от палачей, ее могла бы побудить к этому потребность загладить позорное участие молодых негодяев (семинаристов, гимназистов и даже студентов!) в кишиневских злодеяниях.

Кроме вышеупомянутого листка, нам доставлены еще следующие издания Киевского Комитета за февраль и март месяцы: 1) «Голос киевских рабочих» — 3 февр.; 2) № 8 «Киевского соц.-дем. листка» — 22 февр.; 3) «Ко всем киевск. извозчикам» — 8 марта; 4) «Царский манифест» — 9 марта; 5) «Ответ на „Голос киевск. рабочих“» — 5 марта; 6) «Голос организованных жел.-дор. рабочих» — 12 марта; 7) № 9 «Киевск. соц.-дем. листка» — 21 марта.

Ростов н/Д, 6 апреля (от Донск. Комитета). Все время, прошедшее со дня окончания стачки в мастерских Влк. жел. дор., Донской Комитет вел широкую политическую агитацию среди всех слоев населения Ростова и прилегающих местностей. Им было распространено более 20.000 воззваний, посвященных всестороннему обличению существующего строя; так, им были изданы воззвания: «О 200-летии печати», «Кто придушил нас», «О самодержавии», «Как правительство грабит народ», «Предательское освобождение», «Отчет о деятельности Комитета за 1902 г.». 22 февраля Комитетом были организованы три сходки рабочих, на которых присутствовало более 400 человек; на сходках были произнесены речи о падении крепостного права, о предательском характере освобождения, об аграрной программе русской социал-демократии и о пропаганде в деревне. 1 марта снова были организованы три сходки, посвященные истории революционного движ. в России, деятельности партии «Народной Воли» и оценке террора, как средства борьбы с самодержавием. На одной, самой многолюдной, сходке была произнесена еще речь о взаимоотношении социальных классов в России. Противопоставивши «террористической» борьбе отдельных революционеров с правительством стройную борьбу рабочей армии и выяснивши цель и значение демонстраций, ораторы на всех трех сходках призвали рабочих на демонстрацию в воскресенье 2 марта. Сходки разошлись с пением революционных песен, привлекших внимание ростовской «охраны», благодаря которой в настоящее время степь бдительно охраняется казачьими раз'ездами. В настоящее время Комитет ведет энергичную майскую агитацию; выпустивши воззвание «О демонстрации», «О суде над тихорецкими рабочими», «Ответ книжке Богдановича», Комитет приступил к изданию майских листков. В ночь под Пасху распространено 4.000 листков «О социализме», призывающих готовиться к празднованию 1 мая. 1 апреля, несмотря на все препятствия, удалось устроить две сходки из 250 и 120 человек, на которых произнесены были речи о социализме и политической борьбе. «Демонстрация» учащейся молодежи 23 марта произвела сильное впечатле-

ние на рабочих, очень жалевших, что не узнали о ней заблаговременно. Сильный спрос на нелегальную литературу, в десять раз превышающий ее предложение.

Саратовский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. о своих действиях за истекшую зиму извещает:

После присоединения к Комитету Сарат. соц.-дем. ремесленного Союза и соц.-дем. членов Об'ед. Группы соц.-рев. и соц.-дем., Комитетом был составлен общий план работы в Саратове. В числе задач Комитета на первый план была поставлена пропаганда и агитация среди местного рабочего населения. Предполагалось, между прочим, упорядочить и более приспособить к организационным целям кружковую пропаганду Комитета. Комитетом был намечен курс из девяти лекций для кружков. В задачу этих лекций ставилось выяснение слушателям положений научного социализма и программы Росс. С.-Д. Р. П. Далее предполагалось, что лучшие силы из слушателей этих кружков будут намечаться во время кружков занятий и с ними будут вестись отдельные занятия как по теоретическим, так и по вопросам тактики и организации; в результате чего должны были вырабатываться вполне сознательные работники революционного дела — основа и фундамент местной организации. На практике, однако, оказалось, что курс девяти лекций (на деле их число сводилось даже к пятнадцати) проводить не удавалось. Он оказался слишком велик и слушатели то и дело менялись, не выслушивая его до конца, а недостаток квартир и частые их провалы при усиленной слежке страшно затрудняли собрания. Приходилось урезывать программу, сжиматься, и, довольно большое по Саратову, число кружковых рабочих (до 200 чел.) сильно сократилось. На первый план выдвинулась необходимость широкого распространения популярной революционной литературы, как необходимого условия поднятия политического сознания в рабочей массе. Распространение литературы должно было также пополнить и пробел в пропагандистской работе Комитета, образовавшийся после уменьшения числа кружков. К сожалению, у Комитета не было в распоряжении достаточного количества популярной партийной литературы, и все попытки получить ее извне долгое время не увенчивались успехом. Этой потребностью в литературе в значительной степени обусловливалось развитие издательской деятельности самого Комитета, и листки последнего носят поэтому не только агитационный, но пропагандистский, популяризаторский характер. За зиму Комитетом были изданы прокламации и листки: «Ко всем сарат. жителям» — 300 экз., «К рабочим конки» — 200 экз., «К рабочим мельницы Шмидта» с прилож. Устава раб. кассы — 100 экз., «Обвинительный акт по делу о саратовских демонстрациях» — 600 экз., прокламации о суде — 3.000 экз., «Ко всем сарат. рабочим» (о крестьянских волнениях) — 650 экз., «К солдатам» — 2.000 экз., «К рекрутам» — 2.000 экз., «Что же делать?» (по вопросу о терроре) — 2.000 экз., «Россия — тюрьма» — 1.500 экз., «Варфоломеевская ночь» (об арестах на 1 ноября) — 600 экз., «Извещение о приговоре над демонстрантами» — 600 экз., «Судебная трагикомедия» — 1.500 экз., «О суде» — 600 экз., о том же — 2.000 экз., «К рабочим завода Бэринга» — 600 экз., «Открытое письмо в „Искру“» (напечатанное в № 32) — 200 экз., «О ростовских событиях» (по поводу правительственного сообщения) — 600 экз., о том же две перепечатки из «Искры» — по 600 экз., речь Заломова (из «Искры») — 600 экз., речь Быкова — 1.500 экз., «О налогах» — 600 экз., «19 февраля» — 3.000 экз., «О манифесте» — 1.500 экз., стихотворение — 600 экз., «О златоустовской бойне» — 1.500 экз. Кроме того, были распространены в количестве около 4.000 экз. листки Спб. Комитета партии №№ 2 — 7 и листок «Что такое политическая свобода?». В то же время Комитет распространял, помимо чтения в кружках, и отдельные брошюры.

Возгоревшаяся полемика между соц.-дем. и соц.-рев. поставила кружки в новые условия: со стороны слушателей настоятельно ставились требования о раз'яснении различия между соц.-дем. и соц.-рев. Главными вопросами кружковых занятий стали вопросы о выяснении программы росс. с.-д. и отличия ее от программы соц.-рев., вопросы о терроре, классовой борьбе и пр. Спрос на соц.-дем. литературу сильно растет как в городе, так и в деревне, где у Комитета до прошлого года было еще мало связей. И Комитету до сих пор далеко не полно удается удовлетворить эти требования.

За последние 6 мес. Комитет израсходовал на местные нужды 1.139 руб. 55 коп., передал на партийные дела 495 руб.

Одесский Комитет тоже издал в марте листок «Царский манифест 26 февраля» и в апреле «Воззвание ко всем» о той «смуте», на которую жалуется тот же манифест. Его воззвание «К обществу» по поводу кишиневских злодейств, совершенных под руководством полиции, заканчивается словами: «Пусть те, кому дорого человеческое достоинство, свобода, даже жизнь, придут к нам на помощь. В настоящее время быть только зрителем — стыдно, даже более того — преступно. Кто не противодействует, тот содействует». Листок констатирует, что как в Кишиневе, так и в самой Одессе жандармерия распространяла через своих агентов прокламации против евреев «с разжигающими дикие инстинкты толпы картинками».

Тем же Комитетом изданы о тех же событиях «Письмо очевидца» и еще одно воззвание — оба печатные. — Кишиневский Комитет издал майское воззвание (печат.). — Елизаветградский — прокламацию о положении рабочего класса в России; союз горнорабочих издал листок о стачках и «бунтах» (4.000 экз.), о первом мая (8.000 экз.) и — в 4.000 экз. — призыв к празднованию 1 мая. — Брянский Комитет издал также майское воззвание. — Соц.-дем. группа в гор. Александровске, Екатеринославской губ., — два листка крестьянам села Вознесенки.

Николаевским Комитетом изданы: 1 янв. — № 6, 1 февр. — № 7 и 1 марта — № 8 газеты «Наше Дело», очень богатой материалом из жизни местных рабочих. Газета (в две страницы большого формата) прекрасно отпечатана.

Саратовский Комитет издал (на мимеографе) по поводу златоустовской бойни листок под заглавием «Шестой расстрел рабочих». — Листок Уфимского Комитета о той же бойне, озаглавленный «К гражданам», отпечатан в «Урал. соц.-дем. тип.». Сверх того, издан еще один листок о том же событии и «Письмо очевидца». — Сибирский Комитет выпустил из своей типографии к майскому празднику четыре прокламации разного содержания. Сверх того, отдельное воззвание издано им к солдатам и казакам. О майском же празднике издано воззвание Ц. К-ом учащихся средне-учебных заведений.

Томск. Вышел переизданный № 34 «Искры» в количестве 150 экз., распространен по всей Сибири.

Вышло в количестве 300 экз. переизданное «Что случилось?» из первой книжки «Зари».

Группа рев. соц.-дем. об'единилась с Сиб. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Киев. 7 апреля взяты: студенты — А. Гуревич, В. Бланки, И. Берлин, И. Прилежаев, Ф. Тимофеев; политехн. Ф. Казанский, акуш. Фрумина, ученица зубовр. школы Анна Лувищук, женщ.-врач Лидия Пекар; интеллигенты: Е. Диккер, Ольга Бланки, Сара Альтшулер, Ева Черняк, Екат. Кузнецова, Екат. Лисс, Софья Любимцева, Анаст. Кузнецова, Над. Волкова, учитель Бабицкий, токарь Ив. Полозев, типогр. Федор Короленко, наборщ. Ив. Любимцев, рабочие: Мария Толмачева, Федор Алексеев; 8 апреля: инт-ты Королева, Леонтина Гринфельд, Берта Жинжерова, Алекс. Берлин, Веньям. Гринфельд; 13 апреля: токарь М. Пружинин, литейщ. Захарий Круцев, слесарь Р. Ефимов, портные Г. Каган, Ю. Златин, литейщ. М. Жижин, заготовщ. Г. Гальперин, столяр И. Райцен, маляр Пав. Глозман, слес. Арон Романовский и Григ. Колтунов, модистка Анна Грицевич, электротехн. Григ. Гусаков, учен. зубовр. школы Школьников, ученица акуш. школы Р. Мунвез, политехн. Вольский, Темкин, Маркович, Кауфман; 14-го — студ. Д. Потемкин и В. Зеленко. По слухам, арестовано около того же времени 10 офицеров и отвезены в С.-Петер-г. — Екатеринослав. В середине апр. арестованы 18 человек, в том

числе г-жа Вульфович и В. Цедербаум. — Петербург. В начале апреля взята типография «Рабоч. организации» и склад изданий; 18 апреля были массовые аресты. — Одесса. Взят доктор Богомолец. — Москва. Арестован Сладкопевцев, при нем взято оружие и адрес домовладельца Киреевского. Последний арестован и у него же арест. какая-то дама. Сладкопевцев увезен в С.-Петербург.— Ярославль. Опять аресты (на страстной или Пасхе). Арестовано человек 26, большею частью учащаяся в средне-учебных заведениях молодежь. Арестован во второй раз Соболев, ст. и Нина Дидрикиль. — Кронштадт. Арестовано 20 матросов и 2 офицера. — Казань. Арестовано 16 человек. — Красноярск. В марте арестованы: Влд. Иков, рабочий Мацкевич, ссыльная Т. Аркусская.

Уфа. В ночь на 24 марта арестованы три интеллигента и один рабочий. В Уфимскую тюрьму из Златоуста привозят интеллигентов и рабочих. Штат жандармов увеличен.

Приговорены: по нижегородскому делу 1901 г.: Мария Тихомирова — 3 г. Вятск. г., Анд. Войткевич и портниха Анна Булатова — 3 г. Вологод. губ.; по петербургскому делу — Павел Торецов — 3 г. Арх. губ., по петербургскому делу «Искры» (дек. 1901 г.) сосланы на 5 л. в В. Сибирь: г-жи Рубинчик и Минская; на 3 г. в Вятскую — Екатерина Гуро, Соболева, Зайцев.

Прошли через Красноярск сосланные в В. Сибирь: Давид Кац и Хаим Закон (по делу Бунда 1901 г.) — до приговора, екатеринославск. демонстранты А. Дворецкий (5 л.), Х. Ерманок (5 л.) и Роза Гольдберг (4 года), Алекс. Яндовский из Кишенева (4 г.).

Бежали из Восточной Сибири: 1) Р. Заславская, сосланная из Москвы на 3 г. по делу о перевозке «Искры»; 2) бывш. студ. Серг. Антропов и 3) раб. Викт. Ногин — нелегальные, арестованы в 1901 г. по петербургскому делу «Искры» и сосланы до приговора после годичного заключения и 4) Абрам Гаккельман из Пинска (по делу 1901 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Вышла новая брошюра «В казарме» (из наблюдений солдата социал-демократа).

От редакции: Неожиданные события в Кишиневе побудили нас несколько изменить содержание выпускаемого номера. Благодаря этому, приуроченный к 1 мая обзор событий революционного года пришлось отложить до следующего номера, который, если обстоятельства позволят, будет нами выпущен до обычного двухнедельного срока.

Из Парижа: в февр. 100 фр., в марте 300 фр.; от «своего» 50 фр. Из «ь» (мягк. зн.): сборы 125.10 фр., за литер. 75.30 фр., от консума 34.40 фр., на изд. запис. Л. Дейча 44 фр., на попул. лит. 34 фр., всего 317.10 фр. Из Л. через М-ую за лит. 200 мар., пожертв. от N 10 мар., от Отского 1 м. и от Спорящих 1 м. С берегов Женевск. оз. по подп. л. № 56 — 55 фр. Из Вены за литер. 44 фр., из М-ка 200 мар., из М. за литер. 39 фр. Из Цюриха: за литер. 65 фр. и 5 р. от П. Из Брюсселя: 82 фр. и в Сибирск. касс. 3.50 фр. От Македонца для златоустовцев 5.60 фр. Из Нью-Йорка 25 долл. Из Новочеркасска чрез Сем. Троф. 5 руб. Через «Южный Рабочий» поступило на технические нужды Орган. Ком.: от Х. — 175 руб., от У. — 125 руб., от 11 — 250 руб., от 27 — 200 руб., от Z. — 250 руб., от Жоржа — 100 руб., от 33 — 150 руб., от 49 — 100 руб. Всего 1.350 руб. Получено крысой с 20/III по 6/IV: от милых сердцу 10 руб., долг племяши 10 рубл., от молодого комитета 15 руб., от N. N. N. — 79 руб., Спб. — 215 руб., от головотяпов — 50 руб. Всего 379 руб. Получено: от Аспида Васьки 100 руб., от Пушкина и Мартышки 80 руб., через Надю 60 руб., от ветра 60 руб., 2 фунта за литер. из Лондона. В пользу арест. собрано в Лейпциге 9.50 мар., в Дрездене — 16 мар. От «не-искровца» для Орг. Ком. 50 руб., из L-а — 170 мар., через Надю 25 руб., от Георгины Гали 210 руб., от Надежды Вас. 100 руб., от Певуна 11 руб., через Надю 65 р., от Пионы 14 руб., от Рузи 60 руб., от Жана 10 руб., сбор через N. 13 руб., от ребенка 20 р., от Воронежск. с.-д. «Кассы борьбы» 100 р., из Сиб. для «И.» 350 мар., от № 10 — 13 р.

В почтов. ящ. № 38 вкрались след. опечатки: от женевской группы напечатано: 13.20 фр., должно быть: 132.20 фр.; из М-а напечатано 14 фр., должно быть: 24 фр.

Памятник на могиле М. А. Бакунина. Группа наших соотечественников, живущих в Швейцарии, взяла на себя почин постановки памятника на могиле покойного М. А. Бакунина, похороненного в Берне. Эта группа просила нас напечатать воззвание, написанное ею по этому поводу. К величайшему нашему сожалению, недостаток места не позволит нам исполнить эту их просьбу. Мы вынуждены ограничиться напечатанием адреса, по которому лица, живущие за границей, могут отсылать свои пожертвования. Вот этот адрес: Herrn Monumentoff, Russischer Leseverein, Bern, Schweiz. Пожертвования могут быть передаваемы также через редакцию «Искры».

Нам остается прибавить, что, несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов М. А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память их должна быть дорога даже для их противников. Вот почему «Искра» вполне готова содействовать предприятию г. Монументова и его товарищей.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Последние Известия»—информационный бюллетень заграничного комитета Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунда). Всего вышло 256 номеров (1901—1905 гг.).

Прим. 2. Дегаев Сергей — артиллерийский офицер. В партию «Народной Воли» вступил в 1880 г., был членом ее Исполнительного Комитета и военного центра. Арестованный в декабре 1882 г. в Одессе, становится провокатором. После фиктивного побега, устроенного ему инспектором секретной полиции Судейкиным, выдает полиции ряд членов военной организации партии. В 1883 г. Дегаев сознается Исполнительному Комитету «Народной Воли» в предательстве и по поручению последнего организует успешный террористический акт на Судейкина.

Прим. 3. Вандервельде Эмиль (р. в 1866 г.)—бельгийский социалист, ревизионист, крупнейший лидер II Интернационала. Во время империалистской войны первый социалист, вошедший в буржуазное министерство.

Прим. 4. «Народная Воля» — газета. См. прим. 7-е к № 26 «Искры».

Прим. 5. Тэн Ипполит (1828 — 1893) — известный литературный критик, теоретик искусства и историк Великой Французской Революции. Многотомный исторический труд Тэна распадается на три части: «Старый порядок», «Революция» и «Новый порядок». Последняя часть осталась незаконченной. «Воинствующий консерватор» по своим политическим убеждениям, Тэн, особенно под влиянием Парижской Коммуны, дал пристрастное описание событий революции, отрицательно рисуя деятельность якобинцев и эпоху революционного террора.

Прим. 6. Речь идет об известной книге швейцарского профессора А. Туна «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland», переведенной на русский язык В. Засулич под названием «История революционного движения в России». Характеристика Туна дана Л. Дейчем и Г. Плехановым в предисловии к этой книге.

Прим. 7. «Народовая Демократия» — влиятельная польская националистическая партия. Возникла в 1888 г. в виде «Польской Лиги», на с'езде в 1897 г. переименована в «Народово-Демократическую Партию». Об'единяла в своих рядах значительную часть помещиков, буржуазии и интеллигенции. Вначале ставила своей целью создание независимой Польши, в дальнейшем, в связи с ростом пролетарского движения в Польше и укреплением связей между польской и русской буржуазией, партия быстро правеет и становится реакционной. С 1919 г. приняла название «Народно-Национального союза». В настоящее время является партией промышленной буржуазии.

Прим. 8. Речь идет о конституции 20 апреля (3 мая н. ст.) 1791 г., принятой Великим Сеймом Речи Посполитой.

Прим. 9. П. П. С. — Польская Социалистическая Партия — возникла в 1892 г. П. П. С. стремилась к воссозданию пролетариатом независимой польской республики из русской, австрийской и германской частей Польши, путем вооруженного восстания против царизма и террористической борьбы. Партия об'единяла в своих рядах националистически настроенную мелкую буржуазию, революционную интеллигенцию и некоторую часть польского пролетариата. В 1906 г. П. П. С. раскололась на два крыла: правое («правица») и левое («левица»). В 1919 г. из правого крыла возникла нынешняя П. П. С.; из Соц.-Демократии Польши и Литвы и левого крыла в 1918 г. образовалась Польская Коммунистическая Партия.

Прим. 10. П. С.-Д.—неточное обозначение Соц.-Дем. королевства Польского, основанной в 1893 г. из Союза польских рабочих (1888 — 1889) и остатков так называемого второго «Пролетариата» (основан во второй половине 80-х годов). В 1900 г. партия об'единилась с Рабочим Союзом Литвы, приняв название С.-Д. К. П. и Л.

С.-Д. К. П. и Л. была революционной пролетарской партией. Начиная с 1905 г., она сближается с партией большевиков, несмотря на некоторые разделявшие их разногласия (по национальному и аграрному вопросам). С 1912 г. — после раскола в С.-Д. К. П. и Л. — одна часть партии («разломовцы») еще более сблизилась с русскими большевиками. В 1918 г. С.-Д. К. П. и Л. об'единилась с «левицей» П. П. С., образовав Коммунистич. Рабоч. Партию Польши, нынешнюю К. П. П.

Прим. 11. «Пролетариат» — Польская Социалистическая Партия (PPS Proletariat, так назывался третий «Пролетариат», который не следует смешивать с партией «Пролетариата» 80-х годов) — образовалась в результате развала П. П. С. в 1900 г. Ее программа, как и руководящие статьи ее печатных органов, отражает отсутствие цельного мировоззрения у ее идеологов. Марксизм здесь уживался с субъективной социологией.

В области политической партия «Пролетариат», не отказываясь от задачи восстановления Польши, ближайшими целями ставила себе демократизацию государственного строя России на началах децентрализации и предоставления Польше широкой автономии. Партия «Пролетариат» стояла за сближение с русским революционным движением и отстаивала террористические методы борьбы. В аграрном вопросе партия отстаивала национализацию земель на основе выкупа.

В революции 1905 г. «Пролетариат» не играл большой роли, а после ее поражения партия распадается (1907 — 1909 гг).

Прим. 12. «Fria Ord» — «Свободное Слово» — нелегальный орган финских и шведских буржуазных конституционалистов, боролся против нарушения финляндской конституции. Выходил в Стокгольме в 1899—1905 гг. Печатался на финском и шведском языках.

Прим. 13. Речь идет о призыве 1903 г., когда царское правительство призвало в Финляндии всего 190 человек, только для пополнения гвардейского батальона, вопреки уставу 1878 г., по которому призыву подлежало 2.300 ч.

Это нарушение прав финляндцев в отношении национальных войсковых частей вызвало протест и волнения в Финляндии (описание последних см. в № 33 «Искры»).

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 40 15 МАЯ 1903 ГОДА № 40

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГОД.

(1 мая 1902 г.—1 мая 1903 г.)

Революционный год, закончившийся нынешним майским праздником, принадлежит к числу наиболее богатых такими событиями, которые не проходят бесследно для рабочего движения.

Целый ряд грандиозных конфликтов между трудом и капиталом развернулся в течение истекшего года. Никогда еще за один год не происходило столько так называемых «генеральных» стачек — стачек, устраиваемых пролетариями целой отрасли производства во всей стране или всех отраслей в одном районе.

Майский праздник прошлого года справлялся пролетариатом под гнетущим впечатлением крупной неудачи, только что понесенной бельгийскими рабочими во всеобщей стачке апреля 1902 г., представлявшей одно из грандиознейших выступлений международного пролетариата. Не успели замолкнуть толки о бельгийской всеобщей стачке, устроенной для борьбы за всеобщее избирательное право, как в Швеции началось такое же движение и с той же целью, на этот раз увенчавшееся частичным успехом. С этого момента более или менее «всеобщие» стачки сменяют одна другую в разных концах цивилизованного мира.

Всеобщая стачка марсельских рабочих, громадные стачки углекопов в Соединенных Штатах и во Франции, стачка сельскохозяйственных рабочих в Галиции, всеобщая стачка в Женеве, ноябрьская стачка в Ростове-на-Дону и его районе, январская стачка в Голландии, мартовская там же и, наконец, генеральная стачка в Риме — таков итог революционных выступлений международного пролетариата за последний год, поскольку мы не выходим из сферы непосредственной экономической борьбы. А совсем на-днях в далекой Австралии имела место всеобщая стачка железнодорожных рабочих.

«Всеобщая стачка» представляет довольно элементарное средство классовой борьбы пролетариата и отнюдь не может считаться тем единоспасающим средством, каким его провозглашают анархисты и не освободившиеся от их влияния социалисты в разных странах. Концентрируя всю боевую энергию революционного пролетариата в той именно сфере, где буржуазия неизмеримо сильнее его, противопоставляя колоссальной материальной силе капитала пассивный отказ от работы, предполагая для своего успеха такую степень организованности, которая недостижима при капитализме, — так называемая всеобщая стачка представляется методом борьбы, в большинстве случаев заранее обреченным на неудачу, таким методом, который, развивая громадную энергию массового движения, растрачивает бо́льшую ее часть крайне непроизводительно.

Но если, как средство борьбы за непосредственное освобождение пролетариата или за увеличение его прав в современном обществе, всеобщая стачка является средством неполным, односторонним и неэкономным, то велико ее значение с и м п т о м а т и ч е с к о е, т. е. ее значение как показателя нарастающей, концентрирующейся и неудержимо проявляющейся революционной энергии класса, идущего к своему окончательному освобождению. А то, так сказать, упражнение чувства классовой солидарности и революционного самоотвержения, которое для широкой массы рабочих связано с всеобщей стачкой, является хорошей школой дальнейшего социалистического развития этой массы.

Да, всеобщая стачка есть элементарное средство борьбы рабочего класса, оказывающееся недостаточным почти каждый раз, когда ставкой в данном акте борьбы является нечто хотя бы немного большее, чем интересы капитала одной какой-либо группы буржуа. Как только ставка превышает этот невысокий уровень, перед об'единенным всеобщей стачкой пролетариатом встает «богкапитал» во всем своем величии, во всей своей бездушной, бесчеловечной и беспринципной силе, буржуазное общество в его целом, одушевленное одним интересом — интересом чистогана, преследующее одну только цель самосохранения и пред'являющее к пролетариату одно требование—требование покорности. И вот почему те грандиозные конфликты труда с капиталом, которые именуются всеобщими стачками, приобретают громадное значение, разоблачая истинный характер буржуазного общества.

Это разоблачение становится тем поучительнее и тем плодотворнее оно действует на классовое самосознание пролетариата, чем более резко противоречат разоблачаемые факты тем идеям, которые в предшествующий период с особенной силой работали над затемнением пролетарского сознания. Всем известно, что именно последние годы отличались поистине необузданным распространением идей о так называемом «социальном мире» между имущими и неимущими, который якобы подготовляется совершающимся якобы «притуплением противоречий», характеризующих капиталистическое общество. Оперируя с немногочисленными фактами, характерными не для всего капиталистического развития, а только для тех его моментов, когда промышленность находится в периоде процветания, новейшие апостолы «социального мира» похоронили марксову «догму» о постоянном развитии социальных противоречий и о непримиримости классовых интересов в современном обществе, об'явили социальное освобождение пролетариата возмож-

ным без потрясения самых основ буржуазного строя, провозгласили, что при демократическом режиме формы пролетарской борьбы могут «смягчиться» в виду якобы распространяющегося при таком строе среди всей «нации» признания за рабочим движением права на существование. С наступлением промышленного кризиса все карточные домики, построенные проповедниками «социального мира» и их легковерными последователями из числа социалистических оппортунистов, мгновенно развалились, и капиталистический строй вновь предстал во всем своем великолепии. О том, как демократические страны идут навстречу «социальному миру», поведали пролетариату солдатские ружья, выставленные против стачечников демократической государственной властью Франции и Швейцарии, Голландии и Бельгии. Исключительные законы в Голландии и подсказанные грубыми классовыми интересами драконовские судебные приговоры в Бельгии и Женеве показали еще раз, какое реальное значение имеет для классового движения пролетариата демократизация государственной власти. При рукоплесканиях большей части буржуазии голландские государственные деятели провозгласили и провели в жизнь принцип, согласно которому право стачек кончается там, где затрагиваются существенные интересы буржуазии в ее целом, и этот принцип был тотчас же перенесен на германскую почву в речи прусского министра; в Англии — этой прославленной всеми социал-реформаторами и оппортунистами стране «социального мира» по преимуществу — в Англии простыми судебными решениями у тред-юнионов отнимается право пропаганды стачки и на них же возлагается ответственность за убытки, причиненные капиталистам стачками... Более того: на «девственной» почве австралийской демократии всеобщая стачка железнодорожных рабочих побуждает правительство внести в парламент проект поистине «каторжного» закона против стачек. Оказывается, что, пока современный социальный строй — несмотря на политический прогресс — обеспечивает классовую диктатуру буржуазии, до тех пор все отвоеванные пролетариатом у буржуазии политические позиции, все свободы и права каждую минуту могут быть отвоеваны обратно; что только революционная организация и революционный отпор пролетариата являются гарантиями сохранения этих прав. Пролетариат видит, что в современном капиталистическом обществе право «экономической борьбы» признается за ним лишь до тех пор, пока он не воспользуется этим правом для нанесения буржуазии сильных ударов. И вот почему демократическая свобода, далекая от того, чтобы смягчать классовые конфликты, напротив, доводит их до наиболее острого выражения, поскольку с бьющей в глаза яркостью констатирует неизменность пролетарского бесправия перед классовой диктатурой буржуазии. И вот почему «социальный мир» есть вредная и пустая фраза, а грозной действительностью является «война на жизнь и смерть».

Право на стачку является основным условием сколько-нибудь успешной экономической борьбы пролетариата. Таким же основным условием для борьбы политической является избирательное право. Много слышали мы в последние годы (особенно во Франции) сказок о том, что при всеобщем избирательном праве для пролетариата пропадает необходимость готовиться к завоеванию классовой диктатуры, что при всеобщем избирательном праве за пролетариатом обеспечена возможность достаточного и все растущего влияния на государственную машину. Истинную цену всем этим сказкам мы могли определить в прошлом году, когда германский пролетариат воспользовался своим избирательным правом для того, чтобы дать решительное сражение аграрной реакции, предпринявшей опустошительный набег на карманы всей бедной части населения. Стоило только всеобщему избирательному праву оказаться действительно серьезным оружием в руках пролетариата, защищающего интересы культуры и всех трудящихся, — чтобы в Германии был поставлен на очередь вопрос об упразднении этого права, об отнятии политических прав у неимущих, о водворении пролетариата за пределы буржуазной «легальности». Германский пролетариат должен был убедиться, что охраной его политических прав в современном строе является только его готовность дать революционный отпор всякой реакционной попытке, а эта готовность к успешной оборонительной войне прямо пропорциональна его готовности к войне наступательной, к борьбе за государственную власть, к борьбе за социальную революцию. Буржуазное общество до тех пор только допускает участие пролетариата в своей государственой власти, пока это участие не затрагивает основных интересов руководящих в современном обществе политических сил. За этими пределами никакая «легальность» не может удержать представителей буржуазного общества от перенесения борьбы на «грубо-материалистическую» почву, где решает сила.

Перипетии борьбы германского пролетариата против таможенного законопроекта показали также, как химеричны в свободных странах надежды на изменение взаимных отношений между социалистической и либеральной, т. е. между пролетарской и буржуазной, демократией. Эти надежды, составлявшие центральный пункт политики социалистических оппортунистов, снова посрамлены поведением немецкой буржуазной демократии в таком именно вопросе, где дело шло не специально о классовых интересах пролетариата, а об интересах всей демократической части нации, где, следовательно, буржуазно-демократические партии могли бы, не поступаясь интересами своих буржуазных избирателей, вести политическую борьбу против реакции рядом с пролетариатом. На деле, за вычетом ничтожной кучки либералов, группирующихся около Барта, немецкие «свободомыслящие»[1] всячески тормозили борьбу социалистов и кончили тем, что предали их. Поставленные между партией реакции и партией пролетарской революции, буржуазные демократы еще раз проявили свою политическую бесхарактерность, свою неспособность отстаивать дело свободы, отстаивать те самые идеалы, которые некогда были провозглашены их отцами. Дело защиты интересов культуры, интересов громадного большинства народа целиком падает на революционный пролетариат.

В Бельгии либералы изменяют движению в пользу избирательной реформы в тот именно момент, когда их помощь, обещанная пролетариату, могла бы быть полезной, и, когда общее дело — борьба против клерикального врага — оказывается проигранным вследствие их измены, они же

малодушно предают ярости победителей борцов рабочего класса. В Голландии либералы почти в полном составе участвуют в травле стачечников-рабочих, помогают проводить исключительные законы, кричат: «распни его» капиталистам, увольняющим тысячами «своих» наемных рабов. В Англии либералы изменяют тред-юнионистам, когда последние требуют ограждения прав стачки. В Женеве «радикальное» правительство высылает военную силу против забастовщиков. Везде та же картина.

Везде организованный пролетариат в борьбе за интересы своего класса противостоит всему буржуазному обществу, которое, несмотря на раздирающие его внутренние разногласия, является единым, когда затронуты существенные интересы частной собственности. «Класс против класса» — таково в конце концов положение вещей в свободном европейском государстве, и, чем свободнее, чем демократичнее его форма, тем резче в известный момент выступает этот основной факт современной жизни. И перед логикой этого факта как карточные домики разлетаются все построения оппортунистов, увлеченных софизмами буржуазных пророков. Бернштейнианская идиллия разрушается грубой капиталистической действительностью, и она — этот лучший учитель — проясняет пролетарское самосознание и его революционизирует.

Болезни, привитые рабочему движению бывшим еще недавно в полном разгаре оппортунистическим «кризисом», понемногу исцеляются. Сильный удар нанесен оппортунизму бельгийскому уроком всеобщей стачки; германский пролетариат снова переживает период революционного под'ема; идея неумолимой классовой борьбы прививается к швейцарским социалистам; недавно еще «реформистская» в большей своей части итальянская рабочая партия[2] постановляет, наконец, разорвать компрометирующую связь с буржуазным правительством, а французский сознательный пролетариат все теснее сплачивается около революционно-социалистической партии[3], предоставляя Мильеранам и Жоресам ту среду лавочников, которой интересы они в сущности представляют. И не менее глубокая «размежевка» быстро происходит в нашем отечестве, где все силы пролетарского движения все решительнее становятся под знамя революционной «марксистской» социал-демократии, в то время как социализм оппортунистический, вопреки своему злоупотреблению революционной фразой, все яснее разоблачает свою сущность, сущность мелкобуржуазного «демократизма».

Русским революционерам приходится вести отчаянную, неслыханную борьбу за введение в России тех конституционных учреждений, которые существуют в Западной Европе и которые, как мы упоминали, отнюдь не являются фактором, «смягчающим» классовые противоречия и классовую борьбу. Русский пролетариат берет на свои плечи всю тяжесть борьбы за демократию, хорошо зная, что демократический режим облегчит дальнейшее развитие тех основных «устоев» современного общества, которые вырывают все более глубокую пропасть между неимущими и имущими, между пролетариями и собственниками. Когда в зап.-европейских странах велась борьба за основные демократические вольности, тогдашние революционеры глубоко верили в то, что демократия создаст действительное «равенство», что она положит конец классовому гнету и классовой борьбе. Эта вера наполняла энтузиазмом сердца тогдашних борцов, она сделала тогдашних демократов революционерами по духу, она дала выходцам из буржуазии ту идейную и моральную силу, которая позволила им увлечь за собой все живые элементы народа, которая сплотила весь народ в революционную армию.

Революционеры современной России лишены этой наивной веры европейских людей недавнего прошлого. Современным русским революционерам известно то, что оставалось закрытым для их исторических предшественников. Они знают, что свержение «старого порядка» будет не концом, а всего лишь прологом великой социальной борьбы; что демократия не уничтожит, а, наоборот, разовьет до конца классовые противоречия нашего общества.

Старые иллюзии невозможны в наши дни; они и не нужны революционному пролетариату, ибо там, где он их разделял в известную эпоху, ему много стоило освобождение от их чарующей власти. Чтобы бороться всеми своими силами за демократию, пролетариат отнюдь не должен видеть в ней к о н е ч н у ю ц е л ь своих стремлений; с неменьшей страстностью будет он за нее бороться, если будет считать ее ближайшим этапом на пути к своему полному освобождению. Но другие социальные слои, заинтересованные в демократическом перевороте, находятся в ином положении: их классовые интересы будут всцело удовлетворены более или менее полной демократизацией политических форм современного социального строя. Дальнейшее общественное развитие несет этим слоям упадок их социального значения, и они не могут связывать свои идеалы с этим развитием. Для этих демократических слоев поэтому борьба за политическую свободу не может не отравляться мыслью о том, «что же дальше?». В свойственном каждому борющемуся классу инстинктивном стремлении достичь максимума революционного напряжения представители этих слоев страстно хватаются за всякую представляющуюся им возможность создать себе ту иллюзию, которая 50 или 100 лет назад спаяла армии революционных борцов на Западе.

В короткое время мы пережили целый ряд таких попыток со стороны русской демократии выработать такую политическую «формулу» своего движения к свободе, которая устранила бы этот проклятый для нее вопрос — «что же дальше?». В бернштейнианстве пыталась она снова возвести в перл создания политический строй развитого капиталистического строя, «смягчающий» классовые противоречия и устраняющий классовую борьбу. В новейшем якобы «идеализме» ее представители ищут такой идеологии, которая бы освятила либеральные свободы как «самоцель» и принизила бы значение революционных требований социализма... В «революционном авантюризме» крайнее крыло этой демократии ищет таких форм политической борьбы, которые ослабили бы ее связь с классовыми задачами пролетариата.

Тщетны все эти попытки бороться с об'ективным ходом вещей, перемещающим центр русской революции в среду именно пролетарского движения. С силой революционной стихии движение русского пролетариата разрушает старые и не дает сложиться новым иллюзиям демократии; в виду обнаженной классовой борьбы в свободных странах Европы чахнут, не успев расцвесть, все побеги новых демократических идеологий. Революционно-

концентрирующая сила всех демократических паролей оказывается ничтожной, и всякая идеологическая борьба против революционного социализма, не создавая новых революционных центров, только расслабляет общенациональное движение против царизма. Быстро свершает свое развитие русское бернштейнианство, посеяв среди известной части рабочих семена «легализаторских» стремлений, культивируемых ныне полицейской реакцией, а в политической жизни растворившись в умеренном, неспособном к борьбе либерализме. Быстро вянет и блекнет революционизм фразы, и временный его успех ничем не отражается на общей борьбе с царизмом, кроме посеянного там и сям скептицизма, кроме достигнутой кое-где дезорганизации боевых сил революции. И новейшее «идеалистическое» движение не успевает еще оформиться, как уже явно для всех, желающих видеть, его адепты являются проводниками политического индифферентизма и политической дряблости. Русский революционер нашего времени не может проявить свой активный протест против существующего режима, становясь под знамя борьбы с революционным социализмом. Поскольку он сам не становится социалистом, он может остаться борцом, лишь признавая над собой гегемонию пролетарского движения. Только следуя за революционным пролетариатом, русская демократия может успешно работать над сокрушением ненавистного царизма. Понимание этой истины, несомненно, проникает в широкие круги демократической интеллигенции по мере того, как мужает и проявляет свою зрелость русское рабочее движение.

Истекший революционный год дал в этом отношении не мало. Понемногу сошло на-нет либерально-земское движение, приостановилось в своем развитии самостоятельное движение студенчества, обнаружил свое бессилие терроризм, свой неоправданный оптимизм — новейшее революционное крестьянофильство. Только революционный пролетариат шел по восходящей линии, постепенно ускоряя темп своего развития. Сормовский[4] и Саратовский[5] процессы, ноябрьские события в Ростове-на-Д.[6], февральские и мартовские демонстрации[7]—показали, что революционность пролетариата неустанно растет даже в моменты сравнительного политического затишья. Растет и организованность его авангарда — русской социал-демократии. Вместе с расширением агитации и распространением ее на все новые слои пролетариата шла весьма интенсивная внутренняя организационная работа, которой удалось уже сделать много для упрочения партии и усиления ее политического влияния. Недалекое будущее завершит первую, труднейшую часть этой важной работы, и об'единенная Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия во главе руководимых ею народных масс поведет всесторонний и планомерный поход на твердыню самодержавия.

Русская демократия за последние только годы испытала не мало политических «увлечений», в результате которых остался осадок разочарования. Только пролетариат не обманул ничьих революционных надежд. Содействовать успеху его движения — дело простого политического расчета всех тех, кому дорога политическая свобода. Бороться в его рядах — единственный исход для революционера, желающего неразрывно связать борьбу настоящего с высшими идеалами человечества.

[Л. Мартов]

ТАРТЮФЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОРАЛИ[8].

С появлением так называемой «партии» так называемых социалистов-революционеров в нашем революционном движении заняло видное место революционное декламаторство и фразерство, чуждое лучшим временам нашего движения. Русский революционер как будто бы перестал стыдиться фразы, как будто бы разучился отличать пафос, согретый глубоким чувством, от пафоса вымученного, ходульного, неискреннего. Как просто держались те герои революции, те деятели 70-х годов, которые так дороги нам, ушедшим далеко от них в своих политических взглядах! И как мизерны, как пошлы нынешние их «подражатели»! То, что первый раз в истории было трагедией, во второй раз оказывается фарсом!

Герои политической драмы всегда нравственны в глубоком смысле слова, а потому не любят много говорить о нравственности. Герой фарса любит «нравственные» разговоры. Он, подобно грибоедовскому герою,

> Когда о честности высокой говорит,
> Каким-то демоном внушаем, —
> Глаза в крови, лицо горит,
> Сам плачет, и мы все рыдаем,

конечно — кроме тех, кто смеется.

Солжет — и, закатив глазки, прочтет «предику» о «правде-истине»; распространит клевету — и, бия себя в грудь, скажет прочувствованное слово «правде-справедливости»; пустит змеиный шип ненависти — и распространится о согревающей его пустое сердце «братской» любви; осрамит дело революции опереточным выступлением — и напомнит о «славных традициях». Он плодит неверие в научное знание, презрительно третирует теорию и апеллирует к инстинкту; это не мешает ему говорить медовым голосом о «критической мысли». Он спекулирует на взвинченность настроения своей революционной аудитории, он строит свой временный успех на нетерпеливости незрелых умов, на благородном, но непродуманном порыве неустановившихся характеров, — это не мешает ему с пеной у рта и со слезою в голосе говорить о тех, кто развращает «малых сих»... И, заражая революционную атмосферу миазмами базарной рекламы, шумихой фраз и бездельным пустословием, он походя кивает на работников пролетарской революции, благочестиво благодаря своего господа за то, что не сотворил его таким, как иные прочие.

Год тому назад «революционные беллетристы» сделали неудачную попытку поделиться славой, которая досталась юному герою, воспитанному русским социал-демократическим движением. Уличенные на месте, наши Удушьевы и Репетиловы наговорили много фраз о своей нравственности и «приказали» себе не отвечать на неудобные вопросы, задаваемые им социал-демократами. «Но соблазн был велик» — трудно было удержаться от того, чтобы еще раз погреться в лучах чужой славы, чтобы еще раз покозырять мертвым телом в борьбе с пролетарским социализмом... Еще не омывшие срама, которым покрыла их неудавшаяся попытка «пристроиться» к делу 2 апреля, они помещают две «юбилейные» статьи, в которых с бесцеремонностью, отличающей эту породу политических деятелей, брызгают в социал-демократию действительно чистой кровью С. В. Балмашева.

Чего стоит, например, эта милая фраза в № 22 «Рев. России»: «Пусть... содрогнется сердце всякого борца за свободу, если он не всего себя отдает делу, если не всю силу своих мышц (!), не всю энергию своих нервов он напрягает в борьбе, — и на нем лежит часть ответственности за то, что еще проливается кровь, еще не стали лишними эти жертвы. Пусть еще более жгучим стыдом содрогнется (!) сердце тех, кто расстраивает ряды борцов, кто увлекается междоусобными счетами, кто жертвует фракционному самолюбию интересами общего дела, парализуя силу и единство общего натиска — они вдвойне повинны в каждой лишней капле пролитой крови, как бы ни отходили они в сторону, умывая руки наподобие Понтийского Пилата... Пусть прозвучат в их ушах убийственным укором те же евангельские слова: «кровь его на вас — и духовных детях ваших».

Социалисты-революционеры, как известно, «ужасно» не любят «междуфракционных» распрей; они «с болью в сердце» «вынуждены» отвечать своим заблудшим «братьям»... Их ум цепенеет при мысли, что нашлись в революционной среде люди, усомнившиеся в истинности заявлений никому неведомой «боевой организации», люди, предположившие, что революционер может солгать. И, утирая слезы угнетенной невинности, они, никого не называя, инсинуируют насчет тех, кто под влиянием самых низких мотивов («фракционное самолюбие») «расстраивает ряды борцов». С душевным прискорбием они констатируют, что русская социал-демократия обрызгана кровью Балмашева.

Разумеется, что после этой грязной выходки «Рев. Россия» должна была омыться в пучине революционной декламации и возвышенной морали. «Только революционный социализм, — говорит она, не смущаясь, — эта вечная правда нашего времени, в которой нераздельно и неразрывно слились правда-истина и правда-справедливость, может наполнять душу человека таким беззаветным энтузиазмом, таким очистительным пламенем. Но он должен наполнять им своих приверженцев, ибо иначе он выродится, он загрязнится, его кристальная чистота замутится наслоениями, не имеющими ничего общего с истиной. Мы верим, конечно, что социализм может пробивать себе дорогу даже при самых неблагоприятных условиях. И там, где незрелое состояние общего движения, культ вождей, игра их самолюбия, слепой отталкивающий фанатизм неофитов и братоубийственная ненависть сектантов покрывают корой мелких раздоров великое и могучее движение, — рано или поздно эта кора отпадет, отомрет, и слепы будут те, которые за этой грубой и грязной корой не увидят здорового, могучего ствола». Словом, возблагодарим господа за то, что он не сотворил нас такими, как эти многогрешные «сектанты».

Незаконно присвоив себе подвиг Балмашева, революционные беллетристы думают, что заставят забыть о неудаче своей попытки присвоения тем, что фамильярно называют его «нашим Степаном» или просто «Степаном». И, не смущаясь впечатлением, которое должно вызвать такое запанибратство, они вновь закатывают глаза и (в № 23) заявляют: «Все теснее и теснее связывали мы свою судьбу с памятью о нем — и теперь всякое прикосновение к этой священной (!) памяти нечистых рук болезненно отражается в нашем сердце». Мы, конечно, менее сентиментальны, но, признаемся, и нас коробит «прикосновение нечистых рук»...

№№ 22 и 23 «Рев. России» полны всякого рода инсинуаций против социал-демократии, против ее органов и комитетов.* Именно в виду этого «Рев. Россия» «пользуется случаем сообщить своим читателям» о новом протесте против «Искры», ею полученном от ссыльных, среди которых были и «социал-демократы» (те, очевидно, которые забыли золотое правило Белинского[9]: «я жид и с филистимлянами за один стол не сажусь»). «Об'единенные» протестанты толкуют о «практикуемой теперь „Искрой“ братоубийственной полемике, возбуждающей в читателях крайне тяжелое чувство горечи, глубокого негодования и брезгливости».

Называть ложь и мистификацию своими именами, разоблачать шумиху фраз и развенчивать опереточную революцию — это «братоубийственная полемика». Инсинуировать о том, что кровь Балмашева падает на голову русской социал-демократии, это — служить «правде-истине и правде-справедливости». Нет ли здесь какой-то несообразности, господа?

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАЙСКИЕ ДНИ В РОССИИ.

Первое мая в Сибири. Томск. Недавно мы снова пережили великие минуты, снова учащенно билось сердце и замирало при виде совершавшихся событий... Первое мая (18 апреля) Томск достойно отпраздновал.

Томское рабочее движение еще молодое, хотя начало его и относится к 1898 году. До последнего года оно захватывало 3—4 типографии, слегка один завод и 3—4 мастерские. В общем организованных рабочих было немного. За последний же год повелась массовая агитация, захватившая решительно все городские и ближайшие к городу заводы, более крупные мастерские, различные промышленные заведения, строительных рабочих и чернорабочих, некоторые парикмахерские, булочные и проч. Местный Комитет Р. С.-Д. Рабочей Партии старался использовать в целях агитации различные более значительные события русской жизни и все, имеющие какое-либо агитационное значение, из местной жизни. В начале 1902 года он выпускал прокламации еще в ограниченном количестве на гектографе, к концу перешли к мимеографу, а с начала нынешнего года к станку. Выпускались прокламации к рабочим вообще и к рабочим той или иной отрасли труда в частности, к гражданам и бюллетени о событиях русской жизни (по «Искре»)). Кроме того Комитетом организовано

* И даже против учащихся среднеучебных заведений, тяготеющих к социал-демократии. От последних требуется «сознательно-продуманное отношение к нашей социально-политической программе», каковой программы еще ни один смертный не видел. Нашему Тартюфу «вдвойне больно» видеть, что «начинающая жить революционной жизнью молодежь» подпадает влиянию «антиреволюционной проповеди», направленной против затушевывания классовых противоречий и серьезных партийных разногласий. И все это, собственно, потому, что революционные гимназисты критически отнеслись к «программе» тех гимназистов от революции, которые зовут к «об'единению» всех и каждого под знаменем «партии социалистов-революционеров».

было несколько постоянных кружков, в которых велись занятия с рабочими, устраивались сходки и вечеринки, где читались рефераты и произносились политического характера речи. Помимо своих прокламаций Комитет распространял значительное число прокламаций Сибирского Союза-Комитета Р. С.-Д. Р. П., [10] особенно интенсивно работающего за последнее время. Широкая революционная деятельность не прошла бесследно, и в настоящее время среди местных рабочих заметно крепнет сознательное революционное настроение. Большую воспитательную роль сыграли и две демонстрации, бывшие 18 и 20 февраля, тем более, что последняя к концу превратилась скорее в рабочую демонстрацию, когда большая толпа (до 1.000 чел.), состоявшая главным образом из рабочих, продолжала революционные возгласы, пение, речи, чтение прокламаций, когда отбит был арестованный рабочий, когда администрация и полиция ушли по требованию демонстрантов, сопровождаемые насмешками и свистом. С тех пор рабочие стали ждать того дня, когда они сами устроят демонстрацию, и таким днем, естественно для всех, было первое мая (18 апреля). За последние три дня до 18 апреля в городе было распространено до десяти тысяч прокламаций. Везде только и слышны были разговоры о предстоящем рабочем празднике. Находились, конечно, и скептики, не верившие в возможность со стороны рабочих что-либо устроить. Местным Комитетом было выпущено три прокламации своих: подготовительная майская (несколько измененная статья из № 5 «Южного Рабочего»), к железнодорожным и строительным рабочим. Кроме того были распространены прокламации Сибирского Союза-Комитета: «Зачем нам нужна политическая свобода?», подготовительная майская (обе с рисунком «пирамид»), о демонстрациях, к солдатам и казакам, первомайская (больше 3.000 шт.) и карточки с требованиями. Все прокламации были отпечатаны на бумаге пяти цветов (преобладал красный).

Решено было отпраздновать первое мая (18 апреля) демонстрацией и забастовкой. Успешно провести план празднества Комитету помешали такие условия, которые едва ли где еще имели место: это — глубокий снег, покрывающий окрестности города, и грязь по колено на улицах. Комитету не было никакой возможности устроить большую сходку, пришлось ограничиться небольшими сходками на квартирах рабочих. Устраивая демонстрацию, Комитет надеялся только на самих рабочих; на студенчество же, поддержанное 20 февраля рабочими, особенно нельзя было рассчитывать, так как значительная и вместе лучшая часть его раз'ехалась уже из Томска.

18 апреля забастовали 4 завода, 4 или 5 мастерских с количеством рабочих от 25 до 35 чел. каждая, несколько мелких ремесленных заведений и рабочие на одной каменной постройке. На нескольких заводах, мастерских, во всех типографиях и на многих постройках имела место лишь частичная забастовка. Во многих домах прислуга ушла с полдня и возвратилась ночью, заявляя хозяевам, что «сегодня наш праздник». С 12 час. дня улицы приняли необычный вид: на них появились в значительном количестве рабочие, из них многие были одеты по-праздничному, масса любопытных обывателей; шныряли шпионы, городовые, жандармы. К двум часам тротуары с обеих сторон Почтамтской ул. на протяжении нескольких кварталов были покрыты густой толпой гуляющих. Тут же была вся полиция. Среди толпы можно было видеть возбужденные лица рабочих. Демонстрация однако не начиналась. Говорили, что Комитет ждет больше публики. Около трех часов вдруг в одном месте выделилась группа человек в 30, запела революционную песню, выкинула красное знамя с надписью «Долой самодержавие!» и двинулась по улице. Публика оставалась на тротуарах, не решаясь пристать, другие рабочие рассыпались отдельными группами и не успели примкнуть. Полиция, как стая гончих, бросилась на демонстрантов, завязалась схватка, и трое были арестованы. Знамя было спасено. Толпа росла и к четырем часам передвинулась к центру города. Уговоры полицейских и угрозы ни к чему не вели. Новые попытки арестов не удавались, толпа отбивала. Из толпы все чаще и чаще стали раздаваться возгласы, покрываемые громким «ура». Но открытая массовая демонстрация началась лишь в 8-м часу, когда рабочие с горы от почтамта, усиленные несколькими сотнями типографских и строительных рабочих, вдруг побежали вниз. Полиция вообразила, что рабочие бросились на нее, и мгновенно исчезла с улицы, тем более, что только перед этим рабочие избили пом. пристава 5-й части, околоточного и городового за вторичную попытку арестовать выслеженного интеллигента. Спустившись с горы, демонстранты выстроились, выкинули знамя и с песнями двинулись к 5-ой части, где сидели четверо арестованных днем. Окружив часть, демонстранты потребовали освобождения арестованных. Перепуганные полицейские солгали и сказали, что арестованные увезены в 3-ю часть; к ней и направились демонстранты. Было уже около 9 часов вечера, стало темнеть. Теперь демонстрантов было около 5.000 чел., в том числе студентов сравнительно немного. Громкие песни и громовое «ура» доносились как говорят, до окраин города. Строительные рабочие и чернорабочие принимали деятельное участие, при этом пели «Дубинушку» на свой лад, между прочим — один куплет своего собственного сочинения, что они за студентов пристанут и Кухтерину (местный Крез, высылавший своих мясников бить студентов 18 февраля) плохо станет. По дороге к третьей части находится большой мост. На нем была сделана остановка, которой воспользовались, чтобы произнести речи. Ораторов слушали в глубоком молчании. Только после второй речи несколько чернорабочих просили указать, что им делать, чтобы не было теперешних худых порядков... Полиция стояла и тоже молчала. Было совсем темно. Вдруг над головами блеснул яркий, все сразу осветивший электрический свет фонарей. Перед демонстрантами оказались солдаты. Солдаты бросились на толпу с прикладами, полиция — с обнаженными шашками, об'ездные — с нагайками (об'ездные заменяют у нас казаков); но рабочие, кинувшиеся было бежать, остановились и осыпали нападающих градом камней. Солдаты и полиция отступили. Демонстрация кончилась, хотя громадные толпы народа не расходились до двух часов ночи; пришлось разгонять солдатами, которых вызвано было две роты. За ночь полиция еще захватила несколько человек, так что всех арестовано 36 человек. Из демонстрантов пострадали двое: одному рабочему городовой отсек шашкой два пальца, сильно побили одну женщину и изрезали шашками на ней одежду. Из полиции пострадали: пом. пристава 5-й части избит и вывален в грязевой канаве, сильно избиты два околоточных; помощнику пристава второй части проломили камнем голову; от камней пострадали пять городовых, один об'ездной; зашиблено несколько солдат.

Весь город взбудоражен, повсюду бесконечные толки о всемирном рабочем празднике. Рабочие довольны, что праздник прошел «как должно», досадуют, что не удалось отбить всех арестованных товарищей. Демонстрация несомненно оказала громадную услугу в деле политического воспитания местных рабочих масс.

Тифлис, 27 апреля. Пишу вам, только что возвратившись с демонстрации. По решению Кавказского Социал-Демократического Рабочего Союза [11] майская демонстрация в один и тот же день должна была произойти в трех центрах Кавказа (Тифлис, Баку, Батум). Тифлисский Комитет назначил на сегодняшний день; до сих пор велась энергичная пропаганда и господствовало среди рабочих небывалое воодушевление. Демонстрировать должны были по назначению на Головинском проспекте, но, оказывается, полиция разнюхала план демонстрации и поэтому в назначенный день Головинский проспект был запружен войсками, казаками и дворниками (скажу в скобках, что большое число дворников турецкие армяне, которые играют самую гнусную роль); ими же занят был весь Солдатский базар. Видя такое положение вещей, к утру же переменили план действий; сперва назначили местом демонстрации Эриванскую площадь, чтобы, двинувшись отсюда, пройти мимо дворца, но и этот план оказался несостоятельным; тогда моментально был дан сигнал рабочим собраться перед артистическим театром, где полиция до последнего городового отсутствовала. К 11¾ час. утра один из рабочих развернул шелковое знамя с вышитыми надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!»,

«Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Возле знамени начали быстро собираться демонстранты, вначале число последних было 400, а затем с каждой минутой все более и более это число росло. Демонстранты начали рядами двигаться по противоположному направлению проспекта, к казенному театру; толпа все увеличивалась. Рабочие двигались вперед с возгласами «ура!», «долой самодержавие!» и, таким образом достигнув до кадетского корпуса и завернув на Саперную ул., начали расходиться. Полиция очень поздно узнала, что она была обманута, и всю свою злобу выместила на двух-трех десятках отставших позади рабочих; началось жестокое побоище, дворники работали дубинами. Ужасная была картина!

Итак, тифлисская демонстрация удалась. Арестовано много рабочих. Обыски и аресты продолжаются.

Б а к у. Майская агитация велась здесь усиленная. Было два больших загородных рабоч. собрания. Распространены майские листки на русском, армянск. и груз. языках: от Ком. Кавк. Союза и местн. Ком. Настроение со времени демонстр. 2 марта повышенное. Были две забастовки: трамвайных служащих и на табачн. фабрике Мирзабек'янца (800 раб.), обе успешные; все требования были удовлетворены на 2-ой день забастовки. Демонстрация назначена была Кавк. Союзом на 27-ое одновременно с Тифл. и Батумск. На Парапете группа рабочих человек в 300 в 11½ час. выбрасывает красное знамя (бывшее уже теперь 3-й раз в бою) при криках «ура», «долой самодержавие!»; на этот призыв со всех прилегающих веером к площади ул. посыпались рабочие и с громкими криками, размахивая высоко над головой палками, ринулись к знамени; тысячная толпа демонстрантов направилась по Великокняжеской ул., чтобы с нее повернуть на Николаевскую ул; в начале Никол. демонстранты встречают еще одну группу, которая выбросила знамя революции. На Петровской площ. при общих криках «ура» и «долой самодержавие», полные ликования и энтузиазма, демонстранты с шестью красными знаменами * направляются по Николаевск. ул. Толпой руководил рабочий (он не арестован). Нигде по дороге не видно ни казаков ни городовых: последние разбежались при приближении демонстрантов.

Толпа все растет да растет. Полагаю, что в процессии по Николаевской ул. принимало участие до 10 тыс. челов., рабочих было от 3—5 тысяч. Состав толпы демократический, чем она резко отличается от толпы, наполнявшей улицы 2 марта. Циркулирующие по городу слухи, что будут стрелять, удержали любопытных в комнате. Демонстранты уже дошли до губерн. сада и думали уже рассеяться, но в это время взвод городовых преграждает им дорогу вытянутыми вперед обнаженными шашками, и сейчас же раздается один залп за другим; толпа рассыпается по соседним улицам. Оказывается, стреляли холостыми. Городовые и казаки начинают свою расправу над неуспевшими скрыться. Несколько десятков арестованных и 12 чел. раненых шашками. Нагайки казаков и кулаки и шашки городовых избивают усмиренного неприятеля. Но, повидимому, демонстранты счастливо избегнули страшного кровопролития. От главнокоманд. на Кавказе получен был приказ стрелять и дать такую острастку, чтобы «впредь не повадно было». Полиция, зная заранее план демонстрации, устроила засаду: казаки и полицейские должны были пропустить демонстрантов и выскочить только тогда, когда хвост демонстр. будет у Красного Креста; главное войско было под предводительством губернатора ниже губерн. сада у д. Арамянца; демонстранты оказались бы тогда запертыми — спереди пехотой, сзади казаками и полицией. Пехота должна была открыть огонь, заставить всю массу (кроме убитых!) повернуть назад, и здесь храбрые казаки ударили бы в нагайки. Можете себе представить, как хитрый полководец потирал руки от гениальности своего плана; но полицейский взвод поусердствовал немного и дал залп, когда передние ряды дошли до Кр. Креста, и тем расстроил весь план кампании, а губернатора лишил, вероятно, ордена и «сердечн. спасиба». В 5 ч. дня демонстрация повторилась в другом конце города — на Телеф., Станиславск., Балах. и Каспийск. ул. — с знаменами и песнями; там был убит городовой, ранен серьезно пристав (вчера говорили, что он умер), избиты городовые и шпики. Прибывшие казаки избили демонстрантов и публику, но в общем победа здесь осталась на стороне рабочих.

В Балаханах (промысловый район в 12 в. от Баку) в 7 ч. веч. возле Темфийск. стана было выкинуто знамя, возле которого собралось около 3-х тысяч человек; демонстр. с песнями направились к вокзалу, прошли одну улицу и хотели было уже рассеяться, как из засады выскочили казаки; они были встречены градом камней; полицмейстер, получив удар камнем, ускакал, а казаки, не предупредивши толпу, открыли огонь; демонстранты рассыпались по соседним дворам и промыслам, оставив на месте 5 чел. ранен. и одного убитого. В городе во время демонстрации на Николаевск. ул. был схвачен полицейским один знаменосец; по словам пристава, никакими усилиями нельзя было его заставить выпустить знамя, и только когда они шашкой нанесли ему несколько ран на руке они могли воспользоваться добычей. 18 апреля наборщики праздновали первое мая, так что ни одна газета не вышла 19-го.

(Файнберг)

К у т а и с. (Из частного письма.) Ты не можешь себе представить, что происходит теперь на Кавказе. Скажу о том, что я вижу и слышу в Кутаисе... Все готовятся к 1-му мая, — говорят, что будет «бунт». Особенно об этом говорят чиновники и больше всех их жены; они думают, что хотят избить чиновников и богачей. Такое заключение они выводят из разбрасываемых по городу в присутственных местах и рассылаемых разным лицам прокламаций. Трусливая фантазия чиновников и купцов рисует многое, чего никогда наверное не снилось нигде манифестантам. Говорят, что 1 мая должны быть большие манифестации во всех крупных центрах Кавказа. 18 апреля была манифестация и столкновение с полицией в сел. Кулаши (Кут. губ.). В Гурии (Кут. губ.) крестьяне пока не тронули ни одного клочка дворянской земли; обрабатывают только свою. Что-то похоже на крестьянскую стачку в духе Толстого. Губернатор ездил уговаривать крестьян, но ничего не вышло. Мальчишки уже на улице играют в «бунт». Вообще мы быстро двигаемся вперед.

Р о с т о в - н/Д. Не везет нашей полиции! Только что улеглось волнение после неожиданной удачной демонстрации 2 марта, как снова полиция очутилась в дураках. В ночь под 26-ое на Темернике, в самом городе, на Верхней улице, состоялась сходка с целью обсуждения демонстрации 1 мая. Присутствовали около 200—250 человек. Ярко освещала луна ряды рабочих, расположившихся полукругом: на светлом фоне выпукло выделялась фигура оратора, могучий голос которого разносился во все стороны. Он говорил о празднике 1 мая, о его значении, развивал план демонстрации; он призывал рабочих Владикавказской дороги быть в первых рядах демонстрантов. После короткой речи подняли флаг и с пением «Марсельезы» прошли по всей Верхней улице.

Снова оратор остановил демонстрантов, снова призывал их к борьбе с правительством. И еще два раза пошли демонстранты, распевая «Варшавянку».

В заключение оратор упомянул о том, что полиция хочет опозорить праздник первого мая еврейскими погромами, и призывал рабочих защищать евреев. «Смерть ворам и убийцам!» — такими словами рабочие выразили свое отношение к погромщикам.

Так разошлись.

В это время в городе была тревога. Из театра вызвали всех властей, пролетели казаки, (кажется) двинули пехоту, но на Темернике все уже было тихо.

В городе масса толков и слухов; обывательская фантазия разыгралась.

Характерен для понимания движения правительством тот факт, что при первой тревоге раньше всего занялись охраной отделения Государственного банка.

---

* Остальные четыре были подняты при соединении двух групп демонстрантов.

Предмайская агитация идет усиленно! За апрель месяц выпущены следующие прокламации: 1) ответ на брошюру генерала Богдановича, 2) о социализме, 3) о политической свободе, 4) что такое демонстрация, 5) хроника борьбы с самодержавием, 6) к военным, 7) по поводу кишиневского погрома, 8) к береговым рабочим, 9, 10) майские листки Организационного Комитета и 11) (может быть) в день первого мая будет разбрасываться листок, выясняющий значение праздника.

Каждый листок выходит в количестве 5.000—6.000, кроме к военным (600) и к береговым рабочим (еще не вышел). Листки Организационного Комитета напечатаны в количестве 9.000 и 10.500. Частью разосланы в другие города (Таганрог и др.). Сильных провалов нет, аресты среди рабочих исключительно благодаря провокаторам (предполагают троих).

Из интеллигентов за апрель арестованы Итин и Щербинин. Обвинение пред'являют на основании положения об усиленной охране.

Николаев. Незадолго до 1 мая здесь были распространены предмайские и майские прокламации «Организационного Комитета». На всех крупных заводах решено было праздновать 1 мая однодневной забастовкой. Но еще до 1 мая здесь были распространены прокламации «Кишиневской Соц.-Дем. Орган.» о кишиневском погроме. Прокламация эта произвела на рабочих огромное впечатление. А тут еще в Николаеве начали распространяться слухи о готовящемся и здесь погроме. Полиция усердно поддерживала эти слухи, указывая на рабочих как на громил. Полиции очень хотелось каких-нибудь коллективных действий рабочих. Ей очень хотелось крови. Здесь еще свежо воспоминание погрома 1899 года, устроенного полицией. А что он был устроен тогда полицией, служит доказательством то, что еще задолго до него местный жандармский подполковник Дремлюга обещал, что евреи будут разгромлены.

В виду этого рабочие решили в день первого мая рассыпаться по городу и, если погром начнется, то из еврейского немедленно превратить его в погром полиции. Может быть кое-кому интересно будет знать, что рабочие здесь почти сплошь христиане.

Полиция начала готовиться к 1 мая. Днем и ночью дежурили батальоны в полной походной форме, готовые выступить против «внутреннего врага». Уже заранее было указано каждому офицеру, какое место в городе он должен занять. У самого большого завода — «Французского» была устроена полицией засада. Распространивши по городу слухи о том, что рабочие, празднуя 1 мая, хотят в этот день разгромить евреев, полиция этим старалась в глазах населения смешать рабочих с громилами и заслужить одобрение населения, если она, полиция, пустит в ход против рабочих военную силу в случае демонстративного празднования 1 мая.

И в публике упорно циркулировали слухи, что начальство против рабочих принимает меры, что празднующих рабочих будут увольнять с заводов, что градоначальник по самому малейшему поводу пустит в ход солдат.

Наступило 1 мая. Один из самых больших заводов на юге России, «Французский», не работал. Также совершенно не работал Черноморский завод. В мастерские Адмиралтейства не явилась половина рабочих. Перечисленные три завода—единственно большие здесь. Имеются еще несколько мелких заводов, но и там были празднующие. Город имел очень праздничный вид. Рабочие с самого утра разгуливали по городу, по бульвару. Днем рабочие собирались за городом. В одном месте одним рабочим была произнесена речь. Это первый случай празднования майского праздника большинством николаевских рабочих.

Вильно. Здесь в большом количестве были распространены майские листки Бунда и Польской Соц. Партии. Листки Орган. Комитета не успели распространить в большом количестве. Демонстрации не было. Охрана была невероятная. Были случаи, что люди не могли попасть в собственные квартиры: «не велено ни впускать ни выпускать», — говорили дворники. Последних снабдили дубинами. На Завальной ул. 19 апреля в 10 часов утра пыталась было собраться группа чел. в 30, но тотчас же прискакали казаки и разогнали.

Смоленск. 26 апр. рабочие (больше 300 ч.) собрались верст за 7 от города, в лесу, праздновать 1 мая. Было оживленно, весело; местными интеллигентами (членами Комитета) было произнесено несколько речей на различные темы (о первомайском празднике, о социализме, о политической свободе и т. п.).

Около часа, когда уже некоторые стали расходиться, собравшихся известили, что несколько человек арестовали на дороге. Публика была встревожена и стала расходиться по разным направлениям. Одна часть (86 ч.), которая проходила мимо кладбища, была окружена солдатами и арестована. Большую часть арестованных составляют еврейские рабочие, схвачен один гимназист. Никто, кроме гимназиста, еще не выпущен; у арестованных были произведены обыски, и вчера был допрос. Пока еще ничего неизвестно. Смоленск встревожен этим неслыханным здесь погромом. Полиция вся на ногах; некоторых интеллигентов губернатор высылает из Смоленска в глухие уездные города; выданы уже проходные свидетельства с требованием о немедленном выезде.

Либава. 17 апреля здесь распространен в 800 экземплярах майский листок на латышском языке; кроме него в 150 экз. листок на жаргоне — издание Бунда — и листок Организационного Комитета. В ночь с 30 на 31 марта здесь арестовано 20 человек, из них большинство выпущено уже; осталось в тюрьме всего семь лиц: портнихи Левинсон и Шлез и пять рабочих. Сидевший в местной тюрьме с сентября 1902 г. портной Медниц, арестованный на вокзале с 20 еврейскими прокламациями, переведен в Газенпотскую тюрьму — сырую, темную, вонючую яму.

АНТИСЕМИТСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОГРОМЫ.

Кишиневские ужасы на первое время смутили-было антисемитов. Они попробовали сделать вид, что и им не чужды человеческие чувства, что и они далеки от одобрения подвигов наемных убийц, обагривших улицы Кишинева кровью евреев, преданных властями. «Новое Время» — в виду нападок некоторых газет на Крушевана — заговорило даже о необходимости особой осторожности в такой момент, когда страсти возбуждены, о необходимости для печати содействовать «умиротворению». Старая лиса почуяла, что в русском и европейском обществе сочувствие жертвам и негодование против убийц достигло высокой степени, и постаралась сбросить с себя ответственность за случившееся.

Но в России общественное мнение ничего не значит перед «усмотрением» правительства. А правительство Плеве слишком незнакомо с тем, что называют стыдом и совестью, чтобы не попытаться помощью утроенной наглости скрыть факт своего позора. Перед лицом возмущенной Западной Европы Плеве выступил со своим «раз'яснением», которое по своей лживости, по своему провокаторскому характеру может фигурировать в первом ряду этого рода произведений «литературы».

Евреи первые начали драку 6 апреля, евреи первые ранили русского 7 апреля, — такова в изложении г. Плеве, согласно данным «расследования» обер-шпиона Лопухина[12] история погрома. И, вместе с приказанием, обращенным к властям — не допускать новых беспорядков, г. Плеве запрещает евреям вооружаться для защиты.

Чтобы не было никакого сомнения в том, что правительство хочет новых погромов, г. Плеве дает предостережение «Праву» и «Восходу» за их статьи о кишиневских злодеяниях и приостанавливает розничную продажу «Новостей» и «Волыни».

Антисемитская пресса поспешила пойти навстречу столь ясно определившимся желаниям начальства. В номере от 9 мая «Новое Время» печатает провокаторскую корреспонденцию, в которой вся вина за погром сваливается на евреев: они грабят молдаван, они довели их до отчаяния, они нападали, они стреляли. Правда, они же и пострадали, но... все сведения об истязаниях, произведенных погромщиками, оказываются ложными. Правда, убито два грудных младенца, но... но они убиты нечаянно собственными матерями, когда те спасались от толпы. Мы не шутим: так напечатано в «Новом Времени». Остается узнать, не сами ли евреи вбивали гвозди в черепа евреев, не они ли выкалывали глаза — всё случаи, официально засвидетельствованные врачами?

«Новое Время» сознательно готовит новые погромы, распространяя новую ложь. Шайке Суворины[13] и Крушевана мало кишиневских жертв: им нужны новые. А русское общество, к стыду своему, не сумело до сих пор уничтожить эту гнойную язву нашей жизни — продажную антисемитскую прессу. Русское общество вяло кое-где выражает свое отвращение к подвигам антисемитов, устраивающих погромы; на решительный протест его нехватает. Резолюция литераторов в Петербурге крайне бледна и тщательно прячет жало, направленное против правительства. И люди, которые в любом европейском городе не смели бы выйти на улицу, люди, с ног до головы обрызганные кровью, могут выступать с гордо поднятой головой.

Харьковские студенты и рабочие в свое время наказали реакционера Иозефовича; петербургское студенчество, а с ним и вся передовая интеллигенция в 1899 г. пригвоздили к позорному столбу того же Суворина, когда он выступил в роли защитника полицейской нагайки. Почему же теперь ничего не слышно ни о чем подобном? Почему Суворин и Крушеван еще не наказаны?

Кстати: правда ли, что в самое последнее время Крушеван получил 50.000 рублей казенной субсидии?

[Л. Мартов]

Правда ли это? В итальянской социалистической газете «Avanti» и в английском консервативном «Times» напечатано — со слов «одного русского корреспондента» — приводимое нами ниже «совершенно секретное» письмо Плеве к бессарабскому губернатору фон-Раабену.

Если сообщение это верно, — а мы не имели еще возможности проверить его достоверность, — то оно появилось очень кстати, в тот самый момент, когда русское правительство — этот зарвавшийся игрок — сделало попытку спутать карты европейского общественного мнения, уволив генерала фон-Раабена и таким образом свалив свою собственную ответственность на местную администрацию. В статье, посвященной кишиневскому погрому, мы уже указывали истинного виновника дневного разбоя — русское центральное правительство. Приводимое нами письмо, помеченное 25 марта, т. е. составленное за две недели до погрома, является лучшим подтверждением высказанного нами обвинения. Дух Плеве или — по не лишенному остроумия выражению кронштадтского «чудотворца» Иоанна (см. письмо, напечатанное в «Новостях») — «дух дьявола» царил над толпою кишиневских убийц, и рука его, обагренная кровью златоустовских, тихорецких и других бесчисленных жертв, милосердно опускалась перед теми, кто замучивал еврейских детей и насиловал еврейских женщин. Почему? В ответ на этот вопрос небольшую частицу правды выбалтывает теперь «совершенно секретное» письмо фон-Раабену. Мы даем перевод этого письма с английского текста газеты «Times»:

Мин. Вн. Дел. № 341.
Канцелярия министра. Совершенно секретно.
25 марта 1903 г.

Г. бессарабскому губернатору.

До сведения моего дошло, что во вверенной вам губернии готовятся обширные беспорядки, направленные против евреев, главным образом, эксплоатирующих местное население. В виду всеобщего беспокойного настроения городского населения, ищущего исхода, а также и в виду того обстоятельства, что, несомненно, нежелательно слишком строгими мерами вселить враждебные правительству чувства в незатронутое еще (революционной) пропагандой население, ваше превосходительство не преминете прибегнуть, для немедленного прекращения возможных беспорядков, к мерам увещания, отнюдь однако не обращаясь к оружию.

В. Плеве.

Еще о кишиневском погроме и о роли в нем правительства.

За две недели до событий содержатель трактира «Москва» Алексей Григорьев получил анонимное письмо с требованием распространить прокламации, которые ему будут скоро доставлены, иначе он будет убит; за неделю до Пасхи эти направленные против евреев прокламации ему были доставлены, и он распространил их среди посетителей трактира. Прокламации, надо полагать, напечатаны в типографии «Бессарабца». Хотя губернатору и заявлялось об этом, но трактир был закрыт полицией только на первые три дня Пасхи.

Из числа интеллигентов, руководивших громилами, упоминают еще инженера Балинского, студента Малая, двух гимназистов Львовых с отцом — смотрителем военного госпиталя.

Начальник охраны жандарм барон Левенталь заявил: «Этим погромом русский народ (!) ответил на еврейский социализм». Говорят, что командир корпуса Мылов, посетив Кишинев, резко порицал офицеров за их поведение. Следствие ведется следователями Фрейгангом и Давидовичем самым пристрастным образом: они отказываются записывать в протоколы показания потерпевших против должностных лиц; поэтому избитые отказываются от дачи показаний.

Еще до погрома в Кишиневе полиция в гор. Аккермане собирала с евреев деньги на охрану их в случае погрома. Собрано до 2.000 рублей.

В гор. Бельцах на Пасху на заборах появилась прокламация, звавшая «бить жидов, пьющих кровь народа».

[Л. Мартов]

Киев, апрель. Киев в административном отношении находится сейчас в полной анархии, что — в виду хаотических слухов, паники, путаницы понятий и отношений — еще более затрудняет положение вещей. Драгомиров, го-

ворят, выезжает из Петербурга 18-го или 20-го, Трепов назначен сенатором и свои полномочия передал барону Штакельбергу (вицегубернатор, круглый дурак, специалист по порке крестьян), так что, вероятно, вершить все будет из подполья Новицкий, а на улице полицмейстер Цихоцкий (двоюродный брат балерины Кшесинской). Евреи посылали депутацию: 1) к Новицкому с просьбою предупредить погром; ответил: «Вам известно, что 20-го назначена демонстрация. Если в ней не примут участия евреи, ни один волос не упадет с их головы; если примут — я не дам ни одного городового в их защиту»; 2) к Штакельбергу; тот ответил: «Во всяком случае мы не допустим погрома до таких размеров, как в Кишиневе»; 3) к Цихоцкому; тот сказал: «Если евреи сами не будут защищаться, полиция их защитит». Богатые евреи с Александровской улицы (Подол — торговые еврейские кварталы, где ютятся во множестве киевские еврейские ремесленники, где больше всего и босяков) поднесли приставу Подольского участка несколько тысяч рублей с просьбой не допустить погрома. Тот деньги положил в карман и говорит: «При теперешних обстоятельствах я ни за что во вверенном мне участке не могу ручаться. Во всяком случае советую вам три дня не выходить на улицу». До чего в виду сказанного доходит паника, можно судить по следующему: в Коммерческом банке имеются особые именные ящики в несгораемых шкафах для хранения ценных бумаг — ящики, обычно пустующие. Директор банка говорил вчера, что теперь они не только заняты собственниками, но что последние продают своим соплеменникам углы в ящиках. У ломбардов позавчера были густые толпы еврейской бедноты, стягивавшей туда свои пожитки на сохранение; бросалось в глаза обилие швейных машин. Молодежь еврейская устроила «временный комитет самозащиты и самообороны», просит демонстраций не устраивать. Насчитывает говорят, в своих рядах до 900 челов.; вооружились. Среди учащихся многие вообще запаслись револьверами — «на всякий случай». Аресты ежедневные на улицах, по домам. Позавчера ночью арестована рабочая сходка, вчера — вечеринка интеллигентов (50 чел.). В лесу захватили шесть рабочих собраний.

Киев. Как сообщалось в прошлом номере, Комитет отменил назначенную на 20 апреля демонстрацию, так как узнал, что полиция готовит на этот день погром евреев. В изданной 27 апреля прокламации «Почему была отменена демонстрация 20 апреля?» Комитет рассказывает о том, как полиция распространяет слухи о готовящемся погроме. Между прочим «на Пристани и на Крещатике распространялись брошюры, в которых на евреев возводятся всякие небылицы, причем распространявший их агент религиозно-просветительного общества выкрикивал: „средство от жидов!"».

Пристав Подольского участка и полицмейстер Цихоцкий получили от еврейской буржуазии крупные взятки. Полицмейстер принял «мзду» под предлогом употребления поднесенных ему денег (от 6 до 10 тысяч) «на усиление штата полиции». Констатируя, что самодержавие отказывает евреям в охране их элементарнейших прав, Комитет пригласил всех граждан выразить свой протест против правительственного антисемитизма участием в майской демонстрации, которую он перенес на 4 мая.

Комитет сообщает нам, что его агитация против политики «погромов» принесла плоды. «Все еврейское население, что ни час, революционизируется. Спрос на наши листки о погромах громадный. Некоторые, даже мирные евреи хранят их как святыню». Прокламации о кишиневских зверствах и отмене демонстрации в один день разлетелись по городу. Комитетская типография издала их три тысячи, но они переиздавались «Комитетом самообороны», который для этого работал в четыре смены.

Насколько нам известно, помещенные в № 23 «Рев. Росс.» нападки на Комитет за отсрочку демонстрации лишены всякого основания и лишний раз свидетельствуют о недобросовестности столь же бессильной, сколько и претенциозной «партии».

Одесса. Погром в Кишиневе страшно поразил всех. К чести еврейской молодежи, нужно сказать, что она готовилась постоять за себя в Одессе и, нужно полагать, постояла бы. Жаль только, что «Комитет национальной обороны» воспользовался для своих целей помещениями, отведенными полицией для «независимых». Сионисты на почве погрома усиленно зовут в Палестину, отвлекая евреев от борьбы с самодержавием. Местный Комитет Росс. С.-Д. Р. П. выпустил прокламацию о погроме «К обществу» в 2.500 экз.; половина их была разбросана перед театрами. Кроме того, о погроме была выпущена прокламация к массе в 3.000 экз. Несомненно, погром сыграл огромную агитационную роль. Всюду только и говорят о преступлениях полиции и правительства.

Ялта, 30 апреля. Ходят упорные слухи о предстоящем в мае месяце еврейском погроме. Семейств тридцать зажиточных евреев покинуло уже город. Еврейская мелкота, не имеющая возможности следовать за богатыми, живет в непрерывном страхе, неуверенная, что первый встречный уличный мальчишка, которому придет в голову фантазия бросить в еврея камнем, не подаст сигнала к поголовному избиению. Насколько напряжена атмосфера, показывает такой факт: проходят по городу местные солдаты, и сейчас же разносится слух, что на случай погрома прибыли войска — то из Севастополя, то из Феодосии.

С.-Петербург. 18 апреля в Доме предварительного заключения около 12 часов дня все политические заключенные вывесили в окнах знамена, и вся тюрьма огласилась пением «Варшавянки», а затем «Марсельезы». Начальство совершенно переполошилось, выбежало на двор, не зная, какие меры принять против демонстрантов. После пения раздались крики: «Да здравствует 1 мая!», «Долой самодержавие!» и прочие революционные возгласы, покрытые восторженными «ура» не только политических, но и уголовных. Вечером того же дня после молитвы уголовных снова были выкинуты знамена, причем все окна были освещены свечами (своего рода иллюминация), и снова политические запели «Марсельезу» и «Варшавянку», раздались снова революционные возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» и пр. На следующий день тюремное начальство известило жандармов, по распоряжению которых большинство политических лишено свиданий, переписки на месяц. Всех заключенных (политич.) насчитывается до 150 человек; 22 апреля выпущены взятые по делу «Искры» в ноябре: Шапошникова, Городинский, Шнеерсон (был привезен из Киева), а раньше Левитская, Краснуха.

Петербург. 14 апреля на Петербургской стороне по Больш. проспекту, д. № 67, на кв. медички Барановой арестовано около 25 чел. Среди арестованных большинство медичек, 4 рабочих: Богданов, Коркин, Янкельсон, Авильянов, ст. Дюбуа, служащая в о-ве «Надежда» Шнеерсон Ф., Д. Шнеерсон, курсистки: Денисова, Соболева, Косач и др. Полиция хватала всех, кто только поднимался по этой лестнице: напр., взяли какого-то суб'екта, шедшего из бани, женщину с ребенком, из любопытства заглянувшую. Аресты не прекращаются. На-днях арестованы две сестры Дмитриевы — лесгафтички, шесть студ.-технологов, рабочий Стернин. Взяты две типографии.

В городе ходят слухи о несостоявшемся покушении на Николая. Рассказывают, что какой-то студент поджидал

---

* От ред. Кстати о сионистах: нам сообщают, что эти господа уклонились от участия в митинге, созванном парижскими профессорами в целях протеста против кишиневских зверств. Мотивировка: они не желают портить своих отношений с правительством российского султана. Парижские сионисты оказались в хорошей компании: либеральные профессора «Высшей русской школы» тоже не приняли участия в этом митинге. Мотивы, конечно, столь же шкурного свойства.

его на Екатерининском канале, но шпион обратил на него внимание и отобрал револьвер. За достоверность не ручаюсь. Не полиция ли распространяет подобные слухи перед 1 мая?

Москва. Русское правительство с постоянством, достойным лучшей участи, проявляет свое «сердечное» отношение к учащейся молодежи. Под шумок бесконечных разговоров всяких комиссий и подкомиссий о школьной реформе правительство исподволь «реформирует» те учебные заведения, организация коих не соответствует его зубатовским требованиям. Как образчик того, чего может ждать в этом направлении русское общество, сообщаем следующий проверенный факт. Существует в Москве школа садоводства при даче Студенец, много лет тому назад пожертвованной царем в вечную собственность Российскому Обществу Садоводства. По высочайше утвержденному уставу этой школы директор ее каждое трехлетие избирался советом Р-ого О-ва С., директор с утверждения совета (совет тоже избирается членами Общества) назначал инспектора, который от себя приглашал преподавателей. При такой организации школа эта, причисленная к разряду низших учебн. заведений, но насчитывавшая среди своих воспитанников немало молодых людей в призывном возрасте, была свободна от замораживающего влияния учебного округа и с появлением в среде преподавателей людей с передовыми взглядами стала быстро развиваться. В течение нескольких лет прежде отупелые, совершенно невежественные ученики, оканчивающие пятилетний курс школы чуть ли не безграмотными, изменились до неузнаваемости: установилось вполне доверчивое отношение их к лучшим преподавателям, с неудержимой силой пробудился в них интерес к вопросам науки и общественной жизни, и мало-по-малу лучшие ученики активно примкнули к разным фракциям того общественного передового движения, которое за последние годы широкой волной охватило Россию. Как водится, с первыми ростками новой жизни в школу проникли и сыщики. Сначала их стали замечать во дворе и в саду школы, затем распространились слухи, что они проникли и в среду учеников. Подозрение высказывалось против ученика Румянцева на том основании, что он поддерживал оживленные сношения со своим дядей, который состоит агентом охранного отделения. Других доказательств его виновности добыть не удалось. Как бы то ни было, но с весны 1902 г. для школы наступило тяжелое время. Началось с своевременно сообщенного ареста преподавателя С. И. Опенченки. С этим временем совпала начатая друзьями школы в Р. Общ. С. выборная агитация против прежнего консервативного совета, тормозившего развитие школы. Агитация эта закончилась победой либеральной партии и переменой всего состава совета; директором школы был избран проф. моск. с.-хоз. института С. И. Ростовцев, вицедиректором присяжн. поверенн. А. Н. Марков. Очень спешно был произведен выпуск учеников 1902 года, чтобы дать возможность закончить курс ученикам, над которыми собиралась гроза. Успели как раз во-время, так как вскоре после экзаменов несколько садоводов выпуска 1902 г. были арестованы (Никифоров и др.) и высланы из Москвы. Но и этим не ограничилось правительство, не оставлявшее с тех пор школы своим милостивым вниманием. Был произведен повальный обыск в пансионе школы, в классах, учительской комнате и по всей площади сада, но ничего найдено не было. Во время обыска и на допросе ученики, даже младшие, держали себя молодцами. На вопрос жандармов, куда чаще всего ходили выпускные ученики, малыши указали им на прилегающие к саду давно заброшенные каменоломни, где ученики летом устроили себе отхожее место. Жандармы бросились туда, стали рыться под камнями и были очень неприятно поражены находкой. Затем стали тягать учеников на допросы. Но так как жандармы, не доверявшие воспитателям, доставляли повестки непосредственно ученикам и обязывали молчанием перед учебным начальством, то директор, ссылаясь на устав школы, по коему ученики не имеют права выходить из пансиона без особого всякий раз разрешения инспектора, своей властью прекратил это хождение учеников на допросы. Далее по настоянию жандармов были уволены из школы 3 ученика, но, благодаря заступничеству директора, они вскоре были приняты обратно. На нападки жандармов ученики ответили демонстрацией: были изрезаны и перепачканы царские портреты в рекреационном зале. Тогда, очевидно, решено было приняться за школу во-всю. В январе было получено распоряжение об увольнении немедленном всего штата преподавателей и замене его новым (кроме директора и инспектора). Наконец, в конце февраля с. г. президент Р. Общ. С. Цабель, созвав экстренное собрание совета Общества, об'явил ему, что в соседней комнате сидит чиновник особых поручений от Протасова-Бахметева, привезший с собою проект нового устава школы с требованием утвердить его. Проект уничтожал в школе всякие следы самоуправления и передавал школу в ведение учреждений Марии Федоровны. На предложение Цабеля члены совета, преимущественно немцы-садоводы, ответили горячим протестом. Присяжный поверенный Марков в своей страстной речи напомнил собранию, что совет существует для свободного суждения о нуждах Общества, а не для подписания того, что прикажет свыше начальство, которое, если хочет, может отнять у Общества привилегии, но подписание самому себе смертного приговора несовместимо с достоинством Общества. Совет громадным большинством отверг проект. Чиновник особых поручений немедленно уехал обратно в Петербург, и через две недели было получено следующее административное распоряжение: 1) высочайше пожалованная дача Студенец вместе со школой отбираются в ведение учреждений Марии Федоровны, за Обществом оставляется лишь право избрания попечительного совета о школе, т. е. благотворительного учреждения; 2) директор отныне не избирается, а назначается ведомством учрежд. М. Ф., им же утверждаются и учителя школы; 3) в текущем году ученики двух старших (4-го и 5-го) классов выпускаются одновременно без дипломов; дипломы могут быть ими получены: первыми — через два года, а вторыми — через год, если они представят к тому времени свидетельство о благонадежности от полиции, удостоверение от садового заведения о том, что они все это время практически занимались садоводством, и аттестат о хорошем поведении от хозяев; в противном случае они лишаются дипломов. Для выяснения всей гнусности последнего распоряжения необходимо еще указать, что большинство кончающих эту школу обыкновенно садоводством не занимаются, а продолжают свое образование в других учебных заведениях или сдают экзамены на звание учителя. Практическую подготовку они уже получили: каникул в этой школе нет, все лето ученики работают в саду школы, а зимою в оранжереях; принимают и заказы на работы в чужих садах. В довершение всего носятся упорные слухи, что будут распущены и все ученики младших трех классов, а осенью будет произведен новый прием учеников — совсем как при разжаловании впавшего в немилость полка. Такие проявления самодержавного самодурства большей частью проходят незамеченными, так как совершаются они под сурдинку, особенно когда гнев обрушивается на безответную низшую школу. Считаем нравственным долгом своим доводить о подобных фактах до сведения русского общества, чтобы оно воочию убедилось, как русский царь любит и отечески печется о детях своих верноподданных.

Москва. Сообщу вам последнюю милость властей к изгнанным из Сибири студентам (им запрещено проживать в пределах ее). К сожалению, не могу списать дословно (слишком много сердечного попечения) и потому передаю самую суть подлинника.

Властями замечено, что возвращенные высочайшим распоряжением и расселенные вокруг Москвы (как волки вокруг овчарни) постоянно являются туда, проживают и ведут агитацию «с целью вновь устроить беспорядки на политической почве». Посему приказывается местным властям неослабно следить за оными агитаторами и о выезде их сообщать немедленно, по возможности — телеграммой. Московским же властям считать их появление достаточным основанием для ареста и заключения.

Дальше приложен список непринятых в университет и возвращенных из Сибири, всего человек триста. В Москве

арестовали 12 января возвратившегося студента Карякина и только что выпустили на поруки под большой залог (5.000 р.). Говорят, еще арестован возвращенный прис. повер. Волков. Арестовали студ. Карпачева, тоже возвращенного и принятого в университет, — но выпустили. Вот вам и милость царская — зачешешься!

Еще надо прибавить, что полиции не особенно-то удается ее система, а то еще много уехало бы «на дачу».

Уже два раза провокаторы старались устроить беспорядки, понимая, конечно, что они вышли бы мизерными и полиции можно было бы проявить свою распорядительность.

Появились «охранные» прокламации преступного содержания — первый раз перед 19 февраля (сопровождались арестами). Другой раз они приглашали на сходку в среду 27 февраля (?), чтобы поддержать петербуржцев, заявивших, что теперь учиться невозможно.

Прокламация подписана N-ским землячеством, которого при расследовании и подлежащем рассмотрении не оказалось.

На сходку явилось около 50 человек, и, — несмотря на усиленное приглашение неизвестных студентов во что бы то ни стало устроить беспорядок и несмотря на все обвинения в трусости, — сходка разошлась мирно. Очевидно, полиция думала, что при теперешнем настроении ей легко заметить всех главарей (а их-то на ее разочарование и не было).

Начальство старается! Копия с секретного письма начальника штаба Кавказского военного округа наказному атаману Кубанского казачьего войска от 26 февраля 1903 года за № 639.

Военный министр в письме своем к командующему войсками округа от 21 января с. г. за № 62 сообщил мне нижеследующее:

«По полученным из Департамента Полиции сведениям, за последнее время наблюдается усиленное стремление со стороны разных революционных групп к организации противоправительственной пропаганды в войсках. Последняя выражается в попытках распространения среди солдат и других военных чинов нелегальных изданий, которые для этой цели рассылаются в войсковые части по почте или, что наблюдается гораздо чаще, подбрасываются в казармы, дворы при них и другие места, находящиеся в исключительном ведении военного начальства.

«Однако, несмотря на принимаемые чинами Отдельного Корпуса Жандармов весьма энергичные меры к раз'яснению подобных событий, дознания о распространении революционных изданий в войсках обыкновенно прекращаются за необнаружением виновных. По имеющимся в Департаменте Полиции сведениям, в числе причин, вызывающих такой нежелательный исход дел, немаловажное место занимают некоторые обстоятельства, устранение которых зависит от самого военного ведомства.

«Из числа указанных обстоятельств прежде всего обращает внимание медленность, иногда весьма значительная, в уведомлении чинов Корпуса Жандармов военными властями о случаях обнаружения в местах их исключительного ведения преступных по содержанию сочинений. Такая медленность происходит очень часто вследствие того, что местное военное начальство производит — вопреки 1035 12/13 ст. Уст. Угол. Судопр. — своими средствами расследование, которое затем передается в надлежащее жандармское управление, иногда же об'ясняется тем обстоятельством, что нижние чины не всегда своевременно доносят кому следует о найденных ими нелегальных изданиях. При этом нельзя не упомянуть, что начальники некоторых воинских частей, из боязни скомпрометировать свою часть, намеренно скрывают и уничтожают находимые в подведомственных им местах революционные листки, прокламации и т. п. Далее, при производстве некоторых дознаний было установлено, что распространение нелегальных изданий можно было бы предупредить, если бы вездѣ признавалось одинаково необходимым иметь сменных дневальных при входах в казарменные дворы и вообще в места, служащие исключительно для военного ведомства. Наконец, представляется весьма желательным установление особо тщательного надзора за помещениями, где находятся нижние чины из евреев, а равно и за вещами последних, так как практика показывает, что эти солдаты поддерживают обыкновенно сношения с местным еврейским населением, из среды которого выходит вообще не мало лиц, занимающихся революционной пропагандой. Вследствие вышеизложенного, военный министр приказал подтвердить, в интересах ограждения армии от преступной пропаганды, по войскам округа: 1) чтобы начальники отдельных частей отнюдь, под опасением строгой ответственности, не позволяли себе уничтожать или каким-либо образом скрывать от надлежащих властей находимые в подведомственных им местах революционные листки и вообще издания нелегального характера; 2) чтобы о случаях обнаружения в местах, состоящих в их исключительном ведении, преступных по содержанию сочинений они без всякого замедления сообщали бы подлежащим чинам Отдельного Корпуса Жандармов, так как по закону производство дознаний по государственным преступлениям за исключением лишь случаев, точно указанных ст. 1035/12 Уст. Угол. Судопр. возлагается именно на офицеров этого корпуса; 3) чтобы нижним чинам вновь была подтверждена и постоянно напоминаема обязанность их немедленно представлять по начальству все находимые ими нелегальные издания; 4) чтобы при всех входах в казарменные дворы и вообще в места, находящиеся в исключительном ведении военного начальства, были наряжаемы дневальные из расторопных и грамотных нижних чинов, на обязанности которых лежало бы следить за всеми отдельными лицами, входящими и выходящими из этих дворов и помещений, опрашивать, буде встретится в том надобность, о звании их, о цели прихода, с отметкою о том, а также о времени их прихода и ухода в особую книгу, представляемую ежедневно дежурному по части офицеру; 5) чтобы ближайшее начальство за нижними чинами из евреев и их вещами, в виду обстоятельств, указываемых в сообщении Департамента Полиции, имело особо тщательный и неослабный, хотя и негласный надзор.

«Обо всем вышеизложенном имею честь сообщить, по приказанию командующего войсками округа, вашему превосходительству для зависящих распоряжений о неуклонном исполнении всеми начальствующими лицами вышеприведенных мер, предписанных его превосходительством военным министром».

К пропаганде в армии. За подписью «офицера русской армии» нам прислано сообщение о том, что в марте в Киеве была распространена гектографированная прокламация «К русским офицерам». Прокламация обращает внимание офицеров на недостойность их положения «усмирителей» освободительного движения. Прокламация подписана «Союзом для пропаганды в войске».

Красноярск, апрель 1903 г. Вакханалия полицейской и жандармской разнузданности в нашем городе все продолжается и растет.

В марте нас осчастливил своим приездом фон-Валь, явившийся для личного расследования томского побоища и совершивший, воспользовавшись случаем, экскурсию по Сибири. Следы этого проезда сказались в Красноярске усиленной погоней за «революционными бациллами». А так как здешние специалисты весьма еще плохо осведомлены в бактериологии, то естественно, что они по глупости хватают первых попавшихся им лиц...

Вскоре после последних мартовских арестов и обысков, приехал в Красноярск прокурор судебной палаты Яраков. Этот выученик школы гг. Муравьева-Плеве решил навести окончательно ужас на город и «революционеров». Он распорядился об аресте ссыльного Икова, у которого нашли одну прокламацию; он призвал к допросу фельдшерицу, у которой нашли текст адреса томичам, причем был до крайности груб («вы все врете», «плетете чорт знает что» и пр. милые выражения так и сыпались с уст г. прокурора); невесте Икова, пришедшей узнать об участи жениха, г. Яраков тоже наговорил дерзостей, заявил, что школа распущена, что он приехал «подтянуть» и пр. и пр. Эта поучительная поездка немедленно дало плоды.

25 марта вечером идет по улице один здешний рабочий. Вдруг слышит сзади крик, шум. Оглядывается:

к нему бежит какая-то фигура, которая в нескольких шагах от него стреляет в воздух и свистит. Это — пикетчик. На его свист и выстрел сбегаются другие стражи: парня арестуют, приводят в участок. Пикетчик пред'являет две прокламации, найденные им на улице, и об'ясняет, что, хотя он и не видел, чтобы арестованный бросил эти прокламации, но так как было поздно, а он шел по улице, то пикетчик представил его в участок. Рабочего привлекают к дознанию в порядке 251 ст. и отправляют в тюрьму, где, за неимением места, его помещают вместе с уголовными, отбирают его платье, одевают в арестантский костюм и пр.! Тут ясно сказывается дух фон-валевской политики в Вильно и Зап. крае вообще, когда сторожа и городовые из-за награды хватали всех на улице и тащили в участок как распространителей прокламаций. Ни при личном ни при домашнем обыске у арестованного ничего не нашли. Но так как он в прошлом году привлекался по той же статье (дело его еще не решено в Питере), то его и теперь держат...

В начале апреля арестуют фельдшерицу Натанзон, уже находившуюся под следствием по 251 ст. Новое обвинение (по той же статье) основывают на том, что она будто бы отправляла с вокзала в Читу и Омск посылки, которые при вскрытии (!) оказались с прокламациями. Пред'явили ее свидетелям (жандармам, конторщикам и проч.). Говорят: «Не она». Тогда жандармерия, воспользовавшись тем, что в городе есть ссыльная Аркусская, очень похожая лицом на фельдшерицу, освобождает последнюю и арестует Аркусскую. Свидетели расходятся в показаниях, тот говорит «она», другой «не она», третий «похожа» и т. д. и т. д. Но ее оставили в тюрьме и привлекли по 251 ст. 2-ой части. Зачем? Почему? Разве потерявшие голову холопы азиатского самодержавия отдают отчет в своих поступках? На вокзале они арестуют и обыскивают бывшего ссыльного, приехавшего откуда-то в Красноярск, ничего не находят и отпускают. Зачем это сделали? Наверное, сам жандармский ротмистр не знает: просто в его отупевшую голову залетела шальная мысль: «дай, дескать, обыщу», — и обыскал.

«Ну, а что же общество? Что делает дирекция школы, над ученицами которой так безнаказанно издеваются представители прокуратуры с г. Яраковым во главе и жандармерия с ротмистром Шпарковским под началом?» О! обществу за этот месяц было много работы: оно усиленно под шумок сплетничало, создавало целые легенды, уверяло пресерьезно, что «типография» — в фельдшерской школе (к удивлению, это не ирония над полицией, а серьезное убеждение всех либеральных кумушек местного «культурного» общества!) и т. д. и т. д. «Общество», поверившее вместе с г. полицмейстером, об'явившим после манифеста 26 февраля об издании русской конституционной хартии, о скором водворении «гарантии личности», это общество, увидав, что основы русской конституции — плеть и застенок, конечно, струсило и начало показывать кукиш в кармане. Гг. врачи и дирекция школы, конечно, лишь выдали себе testimonium paupertatis (свидетельство о бедности)! Они трепетали за школу, забыв о привлекаемых ученицах, сидящих по участкам, и пр. То, что страдают девушки, ни за что ни про что попадающие в тюрьмы, что гибнут молодые силы, — это до них не касается! Либерал всегда любит делать так, чтобы его карман и его репутация благонамеренного фрондера оставались целы! Конечно, о каком-либо протесте никто и не заикнулся; среди всеобщего трепета («а вдруг и меня в часть?») спокойно распоряжались гг. Яраковы, Шпарковские и прочие гады нашего государственного болота. Пусть бы дело шло только об арестах среди ссыльных: «чужестранцы» — действительно чужды даже наиболее либеральным кумушкам (в Ачинске от ссыльной девушки перебегали на другую сторону, затворяли двери дома ачинские столпы либерализма); но дело идет о дочерях и сыновьях этого общества! Комитет настоятельно призывал все обшество прийти на помощь революционному движению рабочих. Общество ясно доказало свое банкротство и неимение самых элементарных понятий о чести, достоинстве и т. д. Оно в бесконечный раз выдало наиболее молодых и лучших своих членов гг. гасителям мысли и слова в России.

Астрахань. Педагоги-сыщики. При местном управлении калмыцким народом есть пансион, в котором заботливое правительство призревает обучающихся в городе детей калмыков-кочевников. Кроме старших воспитанников — учеников гимназии и реального училища, есть и малыши, для которых здесь построено училище. Пансионом и училищем заведует некто Авров, бывший классный наздиратель реального училища. Этот господин, отличавшийся на прежнем поприще склонностью к сыску и доносам, устроил для своих питомцев такой режим, который довел их до открытого протеста. Скаредное и унизительное для мальчиков оберегание каждого карандаша и листа бумаги, «экономия» на обеде воспитанников, грубое и презрительное обращение, а с наиболее беззащитными — маленькими — и ручная расправа, — в таких формах проявилось здесь «сердечное попечение». Все это было поставлено на вид г. Аврову в письме, поданном ему прямо и открыто одним из пансионеров с подписью: «Все». Юные мечтатели оптимистически рассчитывали, что, выяснив надзирателю его негодность, они заставят его уйти. Но гг. Авровы стыда не знают. Письмо передано по инстанциям с подлежащими комментариями «главному попечителю калмыцкого народа» местному губернатору Газенкампфу. Тот поручает одному из чиновников управления Сусскому произвести дознание о бунте в стенах пансиона, и на основании составленного доклада (образ Аврова, по данным доклада, конечно, сиял белее и чище мела, а мальчики рисовались злостными бунтовщиками) последовала попечительская резолюция: двух гимназистов, выставленных организаторами «бунта» (писавшего письмо и подавшего), исключить не только из пансиона, но и из гимназии. Только вмешательство гимназического начальства, возмутившегося, что его учеников исключают без его согласия, смягчило участь обреченных, и полное исключение было заменено временным и ссылкой в степь под надзор местного попечительства. Среди гимназистов, русских товарищей ссылаемых, явилась-было мысль вступиться за товарищей и отправить депутацию к губернатору, но мысль эта заглохла, также и намерение поднести опальным в знак сочувствия фотографическую группу. Начальство раз'яснило гимназистам, что ценит их сочувственное отношение к товарищам, но отношение это может быть «дурно истолковано». В настоящее время один из «преступников» уже водворен в новом месте жительства, высылка другого — 14-15-летнего мальчика — отложена за его болезнью. Отосланный в степь был аттестован губернатору директором как один из лучших учеников, никогда не проявлявший бунтарских наклонностей, притом как талантливый музыкант (крупная сила, по отзыву музыкального училища).

Тифлис. Неспокойное настроение отразилось и на наших среднеучебных заведениях. Поводом послужило какое-то требование учащихся 1-й мужской класс. гимназии министерского праздника, которое выразилось очень буйно: били скамьи, стекла; в результате 6 чел. уволены из гимназии. Ученический кружок стал выпускать листки, требуя возвращения товарищей. Услужливое жандармское управление пришло на помощь «воспитателям»: начались повальные обыски среди гимназистов, находили у многих прокламации «К гражданам». И вот «враги отечества», «нарушители общественного порядка и спокойствия», гимназисты 4—5 класса сажаются в Метехский замок, запугиваются всеми средствами, имеющимися в руках жандармов; часть выпускают, другая занимает их места.

А «воспитатели» не только не стесняются, но даже усиленно помогают в плодотворных трудах жандармскому управлению. Да и кто эти воспитатели? Характеристика их приблизительно известна многим по характеристике учителя В. В. Агапьева и в прокламации прошлого года; можно дополнить ее указанием на плодотворную деятельность директора Александровского учительского института Стрелецкого, который делал обыски на квартирах учеников вместе с жандармским полковником. В 1-й мужской гимназии учитель древних языков Соловьев посвятил целый урок в 7-м классе восхвалению действий администрации, с восхищением описывал, как городовые били одну

из участниц демонстрации, молодую девушку, старался внушить своим слушателям преклонение перед идеей власти и указывал на себя, в каком священном трепете находился он, видя, как Александр III милостиво разговаривал с его отцом. Вообще эта гимназия замечательна своим подбором педагогов.

Учитель русского языка Забежкин попал в литературу за довольно странное упражнение: он учил учеников (русских) дразнить воспитанников-армян по-латыни (армяшка соленый). В армянской газете «Ардзаган» описывали воспитательные приемы Забежкина под видом корреспонденции из Ростова. За такое разоблачение газета поплатилась. Забежкин преподает словесность в тифлисском землемерном училище. В марте месяце, войдя в старший класс на один из своих уроков, Забежкин заметил в классе волнение; он сел на кафедру и приготовился начать урок. Один из учеников поднялся, подошел к кафедре и стал перечислять все «достоинства» Забежкина как преподавателя и человека. Забежкин выбежал из класса, позвал директора и об'явил ему, что оставляет учебное заведение, не обращая внимания на усиленные просьбы последнего. Следующий урок в том же классе был директора, — с ним повторилось то же самое; после обличительной речи его проводили шиканьем и свистками. Предупредительный воспитатель юношества, учитель математики Хевсуриан поспешил на помощь с двумя городовыми; ученик (обличитель) высказал директору удивление по поводу присутствия в здании учебного заведения полиции, сказал, что не желает больше оставаться в учебном заведении и берет свои документы. Забежкин на другой день явился в училище на уроки, но во всех классах его встретили свистом, шиканьем, и он был принужден оставить это место.

Ташкент. 27 марта. Пропаганда социалистических идей нашла себе почву и в наших палестинах, где два года назад нельзя было ничего ожидать.

За последнее же время и у нас начинаются обыски, и у нас правительство изволит с корнем вырывать молодые деревья. Летом, на удивление всех ташкентцев, у ссыльного Шендрикова был произведен среди бела дня обыск (в 3 ч. дня) гг. полицмейстером, 2 приставами и 2 околоточными. Нашли «Исповедь» Толстого и... обрадовались. Занесли в протокол и отослали ее в Департамент Полиции.

Теперь же, недавно, гимназическое начальство пронюхало, что среди гимназистов циркулируют какие-то журналы (издаваемые гимназистами) и листки.

Начали по вечерам производить обыски — у гимназистов главным образом. Обязанность сыщиков исполняли губернатор Корольков, инспектор Яхонтов, директор Преображенский и прокурор (теплая компания!). В результате арестовали студ. Михина. Последний сидит еще и теперь в тюрьме. Говорят, что на допросе одного гимназиста спросили, где он взял нелегальную литературу. Он ответил прежде: «Купил на базаре», а потом, увещанный начальством, говорит: «Студент Михин дал». Кроме того, один гимназист 6-го класса исключен, а четырем ученикам 7-го и 8-го классов поставили по 4 по поведению в «четвертных свидетельствах». Гимназисты решили поколотить за это свое начальство: через несколько дней были избиты помощники классных наставников, выбиты окна у француза и грека. Директору генерал-губернатор Иванов предложил подать в отставку. Ждут нового директора, который общими силами с полицией и некоторыми учителями начнет изгонять крамолу за пределы Каспийского моря.

Настроение среди гимназистов бодрое. Чувствуется недостаток в литературе.

Границы. Хронику удавшихся побегов «политических» из рук палачей самодержавия мы можем дополнить новым небезынтересным фактом, происшедшим за самое последнее время.

В одном местечке жандармский унтер получил по телеграфу приказ арестовать человека с определенными, указанными в телеграмме приметами, если бы таковой там появился. Жандарму действительно удалось задержать подходящего человека. Он нанял возницу и вез свою добычу в ближайший город. По дороге арестованный обильно угощал цареву собаку водкой и пивом: все-таки напоить его не удалось. Но жандарм ведь тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо, в особенности после того, как он принял в желудок изрядное количество материи. Поэтому естественно, что он должен был слезть с повозки и удалиться на несколько шагов. Возница воспользовался случаем и тоже слез. Отчаянная решимость блеснула в голове арестованного. Он дернул вожжи. Лошади тронулись. Возница подскакивает, но несколько бешеных ударов по спине лошадей заставляют их скакать во всю мочь, и повозка помчалась, сопровождаемая криком возницы и жандарма. Справившись с костюмом, жандарм послал в догонку беглецу четыре пули, из которых одна его легко ранила. В первое время беглец раны вовсе не ощущал. Она, к счастью, не помешала ему довести бегство до конца и теперь, когда наш товарищ в безопасности, она быстро заживает. Надо полагать, что после такой неудачи жандарм вовсе не сообщит своему начальству о случившемся. Поэтому и мы не будем сообщать подробностей этого дела, чтобы не помешать товарищу в дальнейшей работе.

Еще один! Петр Глебович Ярков — таково имя одного из московских провокаторов, «работающих» в пролетарской среде. Нашему местному Комитету удалось достать копию с документа, подписанного этим Иудой. Документ носит заглавие: «Думы. Повесть о том, как у меня образовалось собственное мировоззрение, выстраданное мною и стоившее мне очень и очень много». Адрес: «В московское жандармское управление, прилагается при прошении». Писано из московской губ. тюрьмы 27 мая 1902 г. Рассказав о том, как его «совратили» социалисты и как он в тюрьме «в своем заблуждении искренно и чистосердечно раскаялся», облив помоями своих прежних товарищей, Ярков заявляет: «Как только я выйду на волю, я поставлю себе за правило, вменю в обязанность всю свою жизнь бороться с этим общественным злом», — т. е. с рабочим движением. «Первою и главною моей целью будет искоренение самых вредных личностей, распространяющих на русский народ свое тлетворное влияние». Проклиная социалистов, автор однако мало сожалеет о своей ошибке: «она сослужила хорошую службу, была для меня практической школой и вывела на настоящую дорогу».

Голос был услышан, и Петр Ярков носит теперь на своем лице каинову печать. Остерегайтесь, московские товарищи!

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Не трудно было при чтении новых беззаконных указов Плеве и Николая II, предоставивших Бобрикову диктаторскую власть в Финляндии, предвидеть, что обер-палач немедленно приступит к энергичным мероприятиям против «крамолы». Несколько дней спустя после опубликования «высочайших» рескриптов, в ночь на 9 (22) апреля и в этот день в Финляндии было произведено несколько неслыханных в этой стране обысков и нескольким лицам приказано в течение семи дней оставить свою родину. Финляндская полиция и русские жандармы вели себя при производстве обысков даже еще грубее и наглее, чем их братия обыкновенно действует в подобных случаях у нас. Первыми жертвами царского террора пали наиболее выдающиеся представители финляндской интеллигенции — представители шведской [14] и младо-фенноманской [15] партий.

В Финляндии и в заграничной прессе стало немедленно известно 11 человек, не понравившихся Бобрикову, 29 же апреля появилось официальное сообщение, перечислившее семь лиц. Пока назовем лишь этих «агитаторов». Вот они: директор банка граф Маннергейм, адвокат И. Кастрен, книготорговец В. Хагельстам, крупный помещик

барон М. фон-Борн, консул Е. Вольф, фабрикант Р. Вольф и юрист А. Фелльман. Все эти лица открыто неоднократно протестовали против царских преступлений, и теперь они отнесены русскими опричниками, разумеется—совершенно произвольно, к «кагалу», ибо такого никогда не существовало в Финляндии. В следующей статье мы сообщим некоторые интересные подробности о первых жертвах царского произвола в Финляндии. Повсюду многочисленная публика проводила их с цветами, пением и громким «ура!». Особенно грандиозными были проводы на гельсингфорсском вокзале, наполненном туземными и русскими сыщиками. Читатель не должен понимать выражение «первые жертвы» в буквальном смысле, так как до сих пор в Финляндии пострадала так или иначе масса лиц. Эти же финляндские граждане изгнаны из Финляндии на основании диктаторской власти Бобрикова, тогда как раньше многие лишились мест, пенсий и т. п.

Спасение Финляндии теперь мыслимо лишь при свержении самодержавия в России.

[В. М. Смирнов]

17/30 апреля.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Тверь. (Вагоностроительный завод Анонимного общества.) Плохо идут дела нашего завода! Выстроили его в годы грюндерской горячки, оборудовали, пустили в ход, снабдив казенными заказами; но скоро он сел на мель. Сильно задел его кризис, не стало заказов. Сильно повредила ему «несчастная случайность». Осенью 1900 года завод сильно пострадал от пожара. Были даже основания подозревать поджог, т. к. перед тем на заводе шло брожение, надвигалась стачка. От пожара пострадал, правда, и хозяйский карман, но хуже всего пришлось, конечно, рабочим: из 3.000 с лишком чел. было рассчитано более половины, а оставшиеся на своей шкуре узнали всю прелесть резко изменившихся условий труда... Среди заводских рабочих не мало заволжских и затверецких (так называется часть города) мещан. Многие владеют домишками. Есть крестьяне, почти порвавшие связи с деревней, есть и такие, которые каждый праздник идут домой на побывку. Хоть уровень жизненных потребностей рабочих завода, как рабочих обученных, и выше, напр., тверских ткачей, но сила сопротивления их не велика. Причиной тому, быть может, отчасти разнородность состава рабочего персонала, отчасти общее угнетенное состояние. Среди рабочих существует даже мнение, что заводская администрация будет рада стачке и прикроет завод, и многие завоевания, сделанные ими в те времена, когда завод нуждался в рабочих руках, прахом пошли... Так, прежде по субботам работали только до 3 час. Теперь работают до вечернего свистка. Расценки понизились вдвое-втрое. Штрафы приняли безобразно широкие размеры: штрафуют за 3 минуты опоздания, куренье во дворе, питье чая сидя. Отношение начальства становится все хуже: обходятся с рабочими грубо, все норовят подвести под расчет. Особенно скверной славой пользуются мастера Ренан и Браке, заправские хозяйские холопы. Последний — специалист грабить рабочих посредством т. наз. «проработки». Существует она на заводе давно, но Браке ее бесспорно усовершенствовал.

Состоит она в следующем: плата за работу полагается сдельная, но для общего месячного заработка существует граница в форме «цеха», «цеховой» платы. Если работы много, то, налегая, рабочий вырабатывает «проценты» — коп. 40 — 50 на рубль (сверх «цеха»), но сполна ему излишка не выдают. Если же работы мало, то, несмотря на все старания, ему «цеха» не выработать; недостающая же сумма вычитается из процента следующего месяца.

Был такой случай. За недостатком работы одну партию столяров здания Ж. заставили гулять. Другой же партии из 45 чел. дали сдельную работу. Было ее так мало, что мастер убедительно просил не торопиться. При сдаче оказалось, что «цеху» у рабочих 950 руб., а на сдельной плате они выработали всего 460 руб. Значит, оказалось «проработки» 490 руб.

Затем на место этой партии вышли гулявшие столяры. Они получили работы на 1.500 руб. Сдали работу и эти столяры. Оказалось, что — по расценочной табели — каждый рабочий выработал процентов коп. 60 на рубль. Но из этого излишка ничего рабочим не попало: весь он пошел на покрытие «проработки» другой партии. Нагло ограбленные рабочие пригрозили жалобой фабричному инспектору. В ответ на это уволили 5 человек. Вытребованный же инспектор переговорил с мастером и отказался вступиться за рабочих, ибо он-де условий заводской работы не знает. Рабочие обратились в суд.

В другом здании рабочие по обшивке вагонов железом заработали в месяц 40 коп. на рубль; выдали им всего коп. 5—10. Они пошли к Браке с претензией; тот нахально увернулся.

Вот какие милые порядки на французском заводе!..

[Ал. Ив. Гусев]

Тверь. Мануфактура Берга. О нашей фабрике найдется что порассказать! Много на ней порядков, которые всей своей тяжестью давят на плечи рабочего. Вместо законных 11½ часов, рабочий день тянется 12 час.; паровую пускают утром и после обеда раньше минут на семь, а останавливают позже. Если же паровая остановится по какой-нибудь причине, например из-за поломки, то приходится отрабатывать за 2 часа в течение полумесяца ежедневно минут по десяти лишнего. Бывают такие «курьезы». Во время проезда через Тверь наследника, фабрику по распоряжению директора остановили, всем рабочим велели приодеться и встретить наследника криком «ура». Прождать рабочим пришлось часа 2½, — и тотчас по проезде их вызвали свистком на работу. За пропущенное же время директор велел отрабатывать целый месяц по 15 мин. ежедневно. Другими словами: за свои патриотические чувства фабрика взяла с каждого рабочего часа по 7 мин. лишних дарового труда. — Машины заставляют обметать на ходу. В случае же увечья фабрика не отвечает, так как при поступлении с каждого рабочего берется расписка, что претензии на пособие иметь не будет. Станки стоят так тесно, что даже привычному человеку надо итти с опаской. Много увечий, гораздо больше, чем, например, на Морозовской фабрике. Известны несколько случаев выкидыша беременными работницами, после того как их «потрепало» приводом машины. В прядильной заставляют чистить станки два раза в неделю, не во время работы, а в обед. Конечно, ни гроша за это не платят.

Основу и уток дают худой, а бракуют очень усердно, либо ставят кресты за плохую работу. Тем, у кого их много, грозит немедленный расчет. Зато установлена целая скала премий за усердие. Введена она теперешним директором. О нем даже песенка сложена: «Наш Василий Яковлевич Кук произошел много наук и стал он больше понимать, как с рабочих шкуру драть».

Штрафы — безобразные. Пишутся они за малейший пустяк и с'едают порой половину заработка. Часто бывает так: приходит мальчик из конторы, берет книжку и уносит для вписывания штрафа, — а рабочий даже не может добиться, за что его оштрафовали. Большинству рабочих приходится жить в хозяйских казармах. Там рабочие всецело в руках хожалых, которые чувствуют себя господами положения. Хожалый Григорий дерется и преследует женщин. Помощник его Василий ходит с плетью и бьет рабочих. Из-за одного такого подвига он даже под суд попал, но директор пригрозил обычным расчетом — и те помирились с обидчиком. Жить в хозяйских квартирах скверно. Вот как описывают их сами рабочие: «Каморка—

длиной 8 арш., шириной—5. Окно — одно, глухое, вентилятора нет; есть какие-то отдушины, которые не действуют. И в эту каморку набивают 7—8 человек с платой по два рубля в месяц! Воздух всегда спертый и душный. Утром встаешь совсем больной. Пол каменный, сырой, постоянно простужаешься. Продукты, за неимением места для хранения, приходится держать в каморках, отчего там стоит зловоние. Дети не переносят всего этого и очень мрут. Но всего безобразнее отношение администрации к рабочим. Брань, побои — заурядное явление. Женщин страшно преследуют с легкой руки директора Кука, который смотрит на них как на свой гарем. Особенно отличаются по этой части мастер Крамптон, его помощник Дубровский, хожалый Григорий». Есть и свои домашние шпионы и наушники, вроде конторщика Шанина, подмастерья Гордеева и др. Стоит отметить еще историю фабричной библиотеки. Основана она рабочими, на их средства и с большим трудом: дирекция долго не разрешала ее, пока рабочие не догадались выбрать Кука попечителем. Тогда он разрешил ее, но поместил где-то в подвале. Заведует ею Дубровский и выдает хорошие книги служащим, а рабочим — всякую дребедень. Да и то не просто, а с издевательствами...

Уровень развития рабочих невысок. Подавляющее большинство — женщины. Тем не менее можно указать на кое-какие успехи на арене борьбы с фабрикантом. Так, опасаясь повторения волнений (смотри № 19 «Искры»), фабрику остановили в четверг, на масляной дают отпуски рабочим без затруднений. 24 декабря был распространен на фабрике листок местного комитета; он произвел некоторую сенсацию. Одновременно был распространен среди общества бюллетень, в котором были «пропечатаны» фабричные порядки. После этого наезжали санитары и устранили кое-какие из более вопиющих безобразий. Недавно зашевелились и работницы, ходили к директору. Тот им набавил по 2 коп. на кусок и отменил вычеты за баню. Но настроение — попрежнему напряженное. Показателем его может служить факт покушения на Кука. 2 марта рабочий Степан Сергеевич Логинов, рассчитанный и оскорбленный им, ранил его выстрелом из револьвера. Логинов сам отдался в руки полиции. Комитет распространил по поводу покушения прокламацию, в которой вновь указал на то, что борьба должна быть массовой, чтобы быть успешной. Прокламация была хорошо принята рабочими.

Заводы «Никополь» и «Русский Провиданс» (близ г. Мариуполя). Кризис тяжело отозвался и до сих пор дает себя чувствовать на наших заводах. «Провиданс» в мае и июне рассчитал до 500 ч. При этом расчете произошла маленькая забастовка листопрокатчиков. Им предложили проработать 10 дней, а получить за 15. Рабочие отказались и требовали немедленный расчет с уплатою за 2 недели вперед. Приехал мариупольский полицмейстер и уговорил рабочих получить немедленный расчет с уплатою за 5 дней вперед. Рабочие согласились. В начале 1903 г. некоторые отделения вновь пущены в ход, но заработная плата понижена. «Никополь» сокращал рабочих постепенно, в декабре же закрыл доменное отделение и уволил до 300 ч., и тогда же рабочие заволновались, требуя выдачи 2-месячн. жалованья и квартир до марта бесплатно. Заводоуправление отказало и предлагало выдать 2-недельную зар. плату. Рабочие решили послать Плеве телеграмму. С телеграммой было очень много хлопот. Местная почт. контора отказалась послать ее. Ходили в город и кой-как послали, но ответа на нее не было. Заводоуправление забеспокоилось и набавило рабочим бесплатный проезд на родину. Изголодавшиеся «доменные» (большинство серое крестьянство) согласились и раз'ехались. Вообще рабочих осталось на наших заводах меньше половины. Заработная плата понижена везде, где меньше, где больше; так, например: в листопрокатном цехе «Никополь» зараб. плата срезана уже 4 раза за время (5 лет) существования завода, в механическом цехе она упала до половины и больше по сравнению с прежней. Премии и аккорды понижаются произвольно каждым начальником цеха или мастером. Увеличилась напряженность труда: где раньше было 3, теперь 2 чел. Громадное число рабочих об'ясняет кризис тем, что правительство отдало заказы за границу. Общая картина голодной России им недоступна. Безработица очень сильно индивидуализирует рабочих, и, как мало культурные люди, они иногда делают подлости, чтобы удержаться на месте. Рабочие «Ник.», так наз. «муфторезы», воруют сталь у рабочих другого цеха или покупают, как и точилки, за свои деньги, и все боятся протестовать против такого безобразия, меж тем как эти «муфторезы» — наиболее интеллигентные и в 1899 г. они первые заявили забастовку. Благодаря тому обстоятельству, что расчетные книжки рабочих всегда хранятся в конторе завода, бывали такие случаи злоупотреблений на «Никополе»: рабочему задним числом проставляют расчет, и юридически рабочий при требовании — в случае немедленного расчета — двухнедельной заработной платы теряет возможность доказать свой иск на суде. Рабочий день — 10-12 час. в сутки, смотря по роду работ. Никопольские «муфторезы» благодаря аккордной (сдельной) плате сами себе удлинили рабочий день: на ночной смене они вместо нормированных законом 10 час. работают 11 — 12½ час. Праздничная работа обязательна на доменных, коксовых печах, листопрокатном, трубном. В листопрокатном отделении «Никополя» выходили несколько раз очень крупные недоразумения с заводоуправлением из-за праздничных работ, но дело кончилось тем, что теперь листопрокатчики работают по воскресеньям и свыклись с этим. Обращение начальства с рабочими на наших заводах сносное, но есть отвратительные исключения. Так, на «Ник.» есть начальник трубного отделения Тиль, страшно грубое животное, не один раз допускавший кулачную расправу с рабочими и однажды чуть не убивший одного рабочего, ударив его ногою в половые органы. На «Ник.» же в листопрокатном отд. мастер Мечинский не пропускает, чтобы кого-нибудь не обругать или не оштрафовать. Большинство «никопольской» администрации таково, как мастер механического цеха Шишковский, который мягко стелет, да жестко спать. На «Провидансе» отличается начальник бессемеровских и мартеновских цехов Шацман, недавно избивший одного десятника за то, что он жег в жаровнях крупный по его, Шацмана, мнению кокс. Хорош также вице-директор «Провиданса» Туманов, рассчитавший избитого десятника и еще 4 рабочих, видевших, как десятник защищался от побоев Шацмана, и не помогших ему избить десятника до смерти. Штрафы на наших заводах очень значительны, но об'явления о размере и движении сумм штрафного капитала не вывешиваются. Наши школы — неважные. На «Провидансе» учитель Михайловский бьет детей. Библиотеки для рабочих до сих пор нет. На «Ник.» за последнее время собираются что-то устроить в этом роде, но улита едет, когда-то будет. Рабочие (очень мало) выписывают «Бирж. Вед.», «Ниву», «Родину» и прочую ерунду. Много читается лубочной литературы. Развлечений разумных нет, пьянство развито очень сильно. Несчастные случаи — не редкость. Взрыв домны на «Ник.» 9 июня 1902 г. произошел благодаря небрежности администрации, которая в союзе со страховыми обществами, где застрахованы рабочие, страшно эксплоатирует увечных рабочих; особенно в этом деле отличается врач Яновский, прохвост 96-й пробы. Этот врач снял также у «Ник.» больницу с подряда и оказался на высоте подрядческого призвания. Лечение же больных идет спустя рукава; так, рабочего Змиевского этот эскулап, делая операцию, заразил дифтеритом, отчего тот и умер.

Врач «Провиданса» Медалье тоже очень халатно относится к своей больнице, больше думает о шахматах и преферансе, чем о больных. На-ряду с больницами хромает и санитария; в выстроенных при заводах колониях, как и в самых заводах, отхожие места и выгребные ямы устроены так плохо, что зловоние, особенно летом, заражает весь воздух колонии, буквально нечем дышать. Грязь в колониях, особенно на «Провидансе», невылазная. Вода от дождей застаивается на улицах и гниет, распространяя миазмы.

Экономия заводоуправления «Ник.» доходит до того, что в жаркое летнее время заводский водовоз развозит воду по квартирам рабочих только 2 ведра на семейство. Из-за воды происходят целые сражения между женщинами.

Плата введена за все: за дрова (17 к. за пуд щепок), за уголь, за квартиры, меж тем как, когда заводы строились, то во многих газетах все эти вещи в об'явлениях обещались рабочим бесплатно. Коротка, видно, память у заводоуправления. Нельзя ли ее немножко встряхнуть, братцы!

Из Донецкого бассейна.

Мариуполь. (Отчет «летучего отряда» Соц.-Дем. Союза горнозаводских рабочих). Рабочие заводов «Никополь» и «Провиданс» настроены очень революционно. Распространенная в конце марта прокламация № 7 «Как шахтеры и заводские рабочие боролись за свою свободу» (в 1.000 экз.) произвела очень хорошее впечатление, хотя об'яснение форм политической и экономической борьбы для большинства осталось непонятным. Из стихотворений и песен, напечатанных в прокламации, больше всего понравились «Сказка о попе и чорте» и стих. «Пролетарий», которые заучивались наизусть. Любопытно отметить одно явление: когда прокламации разбрасывались по домикам рабочих, то их жены, обыкновенно поднимающиеся раньше своих мужей, подбирали прокламации и жгли их. В виду этого, местной организацией решено было распространить прокламации по мастерским заводов, что и удалось выполнить: из всех прокламаций попало в руки полиции едва 50 штук. В конце прокламации № 7 было написано, чтобы рабочие не давали прокламаций в контору и полицию. Один мастер механического цеха приставал к рабочим, чтобы они ему дали прочесть; но так ему никто и не дал, хотя они признавались ему, что прокламации у них есть.

У рабочих, подозреваемых в неблагонадежности, были произведены обыски, но без всякого успеха для полиции. Распространять прокламации в самом Мариуполе теперь почти невозможно, так как сторожей и полиции масса на всех улицах и закоулках.

Юзовка. В ночь с 28 на 29 марта была распространена прокламация № 7. Во время разброса полиция захватила двух ремесленников — Рутуайта и Липкина, прогуливавшихся на Рабочей улице, и, хотя при них ничего не нашли, их арестовали и отправили в местную кордергардию. На квартире одного из арестованных жил какой-то частный поверенный, у которого произвели обыск и тоже арестовали. Поверенного продержали пять дней и выпустили, так как ничего компрометирующего не оказалось, ремесленников же отправили в Бахмутскую тюрьму. Нахальство полиции и произвол не имеют границ. Арестуют и обыскивают вполне благонамеренных людей: так, обыски были у всех «сионистов», библиотека которых по распоряжению полиции закрыта. Среди заводских рабочих идет глухое брожение.

Рыковский рудник. В конце марта были распространены прокламации (№№ 2 и 4) в количестве 500 штук. Шахтеры многого в прокламациях не понимают, но все-таки прокламации их интересуют. На этом руднике эксплоатация идет во-всю. Особенно отличается по части «выжимания соков» из рабочих некий Леве, архипрохвост 96-ой пробы.

Макеевка. Директор Генерального Общества трубопрокатного и сталелитейного завода в Макеевке обещал всякому, кто поймает разбрасывателя, 100 руб. за голову, но пока 100 руб. никому не выданы, так как поймать разбрасывателя довольно мудрено.

Ялновский рудник. Здесь распространены прокламации «Пауки и мухи» и «Кто наши враги» в числе 500 штук. Отношение рабочих к прокламациям неопределенно.

Волынцево (Петровские заводы). В конце марта удалось распространить около 600 экз. «Пауки и мухи» и «Кто наши враги». Полиция страшно встревожилась, и теперь там военное положение. Вечером нельзя поздно ходить по улице, сейчас же забирают в кутузку.

Ростов-на-Д. Из изданных Донским Комитетом двух воззваний мы узнаем о стачках, начавшихся в средине апреля на двух местных фабриках. На бумажной фабрике Панченко рабочие и работницы потребовали отмены воскресных и праздничных работ, десятичасового рабочего дня, повышения заработной платы с 60 до 80 коп., вежливого обращения и прекращения практиковавшегося со стороны фабричной администрации специфического преследования женщин-работниц. Только на-днях приказчик Сечевой рассчитал работницу за отпор, данный ею на его приставания.

Администрация фабрики пыталась прекратить стачку, выслав на работу персонал другой своей фабрики. Воззвание Комитета убеждает рабочих не изменять товарищам.

На картонной фабрике Перельмана и Манусевич часть рабочих забастовала 17 апреля. Стачечники требовали повышения заработной платы на 20%, десятичасового рабочего дня для взрослых и девятичасового для детей, прекращения перевода часовой стрелки и опять-таки вежливого обращения. Чем кончились обе стачки, нам пока неизвестно.

Петербург. Движение среди фармацевтов.

После годового слишком перерыва снова мы встречаемся с признаками движения среди пролетариата петербургских аптек. Помеченный январем с. г. листок, подписанный «Спб. Комитетом социал-демократической организации фармацевтов», сообщает о возникновении этой организации и зовет товарищей по профессии поддержать ее. Сверх общеполитических требований социал-демократии, Комитет намечает следующие пункты профессиональных требований: 1) Поднятие уровня общего и специального образования фармацевтов и удешевление его. 2) Отмена аптечной монополии. 3) Двухсменная система работ. 4) Упразднение хозяйского пансиона и установление минимума заработной платы. 5) Нормировка аптечной работы в смысле установления количественного максимума №№ на каждого ассистента. 6) Учреждение постоянного третейского суда обязательного характера с официальной юрисдикцией и выборными от аптекарей и фармацевтов-рабочих для разбора недоразумений между последними и хозяевами. 7) Государственная пенсия для престарелых и неспособных к труду фармацевтов и их семейств.

Комитет ставит своей целью «создание единого всероссийского союза рабочих-фармацевтов». Он констатирует полный неуспех зубатовских попыток, выразившихся в образовании «Северного Общества» фармацевтов. В мае месяце аналогичное воззвание было издано социалистической группой фармацевтов в Белостоке.

Самара. За несколько дней до Пасхи здесь была стачка булочников. Требовали 12-час. рабочего дня, освобождения от работы по воскресеньям и отдельных от мастерских спален. Стачка прекратилась через два дня при содействии полиции, арестовавшей нескольких булочников.

Феодосия (Крым). В последнее время Феодосия пробудилась от своей спячки. На табачной фабрике Стамболи три раза были разбросаны прокламации и два раза на улице. На фабрике Стамболи арестовали одного рабочего. Его обвиняют в распространении прокламаций. Полицмейстер рвет на себе волосы от негодования. Носятся слухи, что даже керченские прокламации печатаются здесь. И вот, желая искоренить крамолу с земли феодосийской, полицмейстер начал действовать. Город кишмя-кишит шпионами. Первого марта представители здешней социал-демократии устроили вечеринку, на которой было около 20 рабочих. Читали рефераты по поводу события 1 марта. Целью вечеринки было, главным образом, об'единение имеющихся сил интеллигенции и передовых рабочих для более успешной борьбы с давящим нас гнетом. Воодушевление было большое, пели песни. Все это происходило под самым носом у полицмейстера. Недавно здесь был интересный арест. Идут по улице молодой человек и девица. За ними во весь дух скачет, подняв полы, полицмейстер Романовский и городовой. У памят-

ника Александра III они нагнали их и тут же арестовали. Девицу через несколько часов отпустили, а молодой человек скрылся на следующий день.

Гомель. Если я не ошибаюсь, сведения о гомельском движении в первый раз появляются на страницах «Искры». Мне хотелось бы поэтому познакомить читателей «Искры», хоть в кратких чертах, с историей этого движения, являющегося во многих отношениях типичным для городов Западного края. Как и всюду в «черте оседлости», гомельское рабочее движение развилось из кружков для самообразования, преследовавших первоначально чисто культурные цели. На субботних полулегальных групповых чтениях Тургенева, Короленко, Мачтета очень скоро выяснилось, насколько восприимчив средний еврейский ремесленник к революционной пропаганде. Достаточно было появления одного энергичного, беззаветно преданного делу революции человека, и характер субботних собраний совершенно изменился, и на них зазвучали совсем другие речи. Гомельское рабочее движение многим обязано этому человеку, и я считаю нелишним сказать о нем несколько слов. Прослуживши некоторое время почтальоном при гомельской почтовой конторе, Исаак Захарин уезжает на несколько лет за границу, работает слесарем на крупных заводах Лондона и Нью-Йорка, проникается там учением социализма и возвращается на родину с одной мыслью, для одной цели — служить делу социализма у себя дома. У него мало знания, он не особенно разбирается в людях, но зато он ни о чем не думает, кроме революции, ничем не занимается, кроме нее. Благодаря его настойчивости формируются кружки пропагандистов, устраивается нелегальная библиотека, ежемесячные сборы, и закипает успешная борьба гомельских ремесленников за сокращение рабочего дня до 10 час. Гомельские жандармы в то время (годы 1894 — 1896) отличались еще первобытной невинностью по части «корней и нитей», и работа велась совершенно открыто. Помню я, как на улице передавали друг другу литературу, как на бульваре громогласно велись теоретические и тактические споры. Но всему на свете бывает конец, и в 1896 г. И. Захарин очутился в тюрьме, где скоро заболел душевной болезнью. Больного его держали в заключении больше года и выпустили совершенно помешавшимся. Часто можно встретить теперь на улицах Гомеля его печальную фигуру с блуждающими глазами, с торопливыми движениями и бессвязною речью о давнопрошедших тяжелых временах, когда еще не все были социалистами, когда еще существовали тюрьмы и жандармы. Он воображает, что коллективистический строй уже наступил. После ареста Захарина работа не прекратилась. Образовался соц.-дем. комитет, вошедший в Бунд. Развились и окрепли профессиональные организации и боевые кассы. Работа велась более экстенсивно, чем интенсивно. Рабочие проникались началами солидарности и товарищества, приучались ценить организацию и уметь защищать ее, подымалось революционное настроение, рос их энтузиазм и жажда борьбы, но делалось очень мало для распространения и укрепления социалистического сознания.

Чувствовался недостаток в интеллигентных руководителях, в людях с интересами теоретического и программного характера. Этим об'ясняется то обстоятельство, что среди тысячи рабочих, в той или иной мере причастных к движению, вы насчитаете не более двух-трех десятков людей, имеющих ясное представление о социализме. Здесь бывали, напр., такие курьезы, что в соц.-дем. комитете участвовали... анархисты. Между прочим, некоторое время членом Гомельского Комитета был Карпович (летом 1899 года), признававший в то время социал-демократическую программу. За последнее время деятельность местной организации значительно оживилась. Уже более месяца здесь работает хорошо поставленная типография. За март месяц ею выпущено до 7.000 прокламаций и листков: по поводу 1-го марта, две злободневные прокламации, одна к крестьянам, одна об убийстве провокатора в Бобруйске, одна к интеллигенции и одна по поводу златоустовской бойни. Прокламации читаются всюду и везде: в парикмахерских, в ресторанах, на улице. Полиция рвет и мечет, разыскивая типографию; по улицам днем и ночью расхаживают патрули солдат с заряженными ружьями, за поднадзорными по пятам ходят сыщики, люди из общества возмущаются «демократами», местные чинодралы из судейских не погнушались бы явиться в роли спасителей отечества и стараются вынюхать местопребывание типографии. Особенным усердием отличается в этом патриотическом деле бывший учитель гимназии, а теперь мировой судья, А. Мельников. Тем не менее, несмотря на все препоны и преграды, гомельские рабочие фактически обладают свободой слова и свободой сходок. Часто здесь устраиваются массовые собрания до 1000 человек, сильно развита партийная дисциплина: достаточно было одной прокламации, чтобы более 1000 человек бросило работу, выражая свою солидарность с златоустовскими рабочими. Об этой политической забастовке, о местном обществе, о работе среди крестьян, о настроении публики — в следующий раз. Рид.

Балта, 7 апреля. Вчера мы были поражены небывалым у нас зрелищем, произведшим на всех весьма сильное впечатление. В пятницу на улице был арестован рабочий (печатник) Ривелис и отвезен в тюрьму, где он и выслушал приговор (Ривелис жил прежде в городе Одессе, где был арестован), по которому его осудили на 4 года Восточной Сибири. В воскресенье с утра по городу распространился слух, что Ривелиса увозят с конвоем в 3 ч. дня. К этому времени к местной тюрьме, которая за все время своей жизни не видала в своих стенах политических преступников, стали стекаться интеллигенты и рабочие, чтобы еще раз повидаться с товарищем, выросшим вместе с нами и на глазах наших отцов. Уже во время прощания Ривелиса с родными можно было заметить волнение в толпе. Когда старший конвойный закончил свою инструкцию и конвой сделал первый шаг, совершенно неожиданно для всех нас раздались крики: «Долой самодержавие» и «Прощай, товарищ, павший жертвой царского произвола». Эти возгласы были дружно поддержаны громкими криками «ура». На лицах всей толпы было написано сочувствие товарищу. Незначительный состав полиции не мог остановить волнения, и шум продолжался около 20 минут. Наша импровизированная демонстрация обошлась без жертв. На другой день местной группой социал-демократов была выпущена прокламация, посвященная товарищу Ривелису. Антиправительственные возгласы и распространенные сегодня прокламации сильно воздействовали в смысле агитации на нашу массу. Буржуазное общество сильно взволновано. Полиция грозит выслать из города всех «социалистов».

Мест. Паричи, Могилевск. губ. С осени 1902 г. рабочее движение захватывает и наше глухое местечко. Начинаются стачки ремесленных рабочих. Первыми стали бастовать портнихи. В результате стачечного движения повсеместное сокращение рабочего дня до 12 час. (прежде он обыкновенно составлял 16—18 часов, а перед праздниками и все 24!) и улучшение в обращении хозяев с рабочими: в область прошлого отошли ругань и побои, царившие еще недавно.

Сейчас же после первой стачки к нам приехал из Бобруйска жандармский офицер в сопровождении тов. прокурора и целой своры жандармов. Были обыски, не давшие ничего для жандармов. Тем не менее, 6 интеллигентов и 3 работницы были отданы под надзор. Набег жандармов оказал благотворное действие: они успели восстановить против себя и рабочих и так называемое «общество».

Вслед за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочий день которой здесь, как и везде, ничем не ограничен. В одно прекрасное утро 25 служанок бросили работу и демонстративно прошлись по улице. Ни угрозы, ни слезы (!) хозяек не помогали: прислуга требовала, чтобы в 9 час. вечера она освобождалась от работы и чтобы мойка белья не входила в круг ее обязанностей. Через два дня почти все хозяйки сдались, к остальным был применен особого рода «террор», сломивший и их сопротивление. Этот «террор», к которому раньше прибегали и ремесленные рабочие, заключался в выбивании всех стекол в домах.

В праздник «Пурим» здесь была небольшая демонстрация. По случаю свадьбы рабочего на улице собралась толпа, провожавшая новобрачных из синагоги. Проходя мимо казенных учреждений, толпа кричала «Долой самодержавие!» и т. д. Крики эти испугали земского начальника, который бросился стремглав в свой дом и забаррикадировался. Полиция в тревоге и требует присылки казаков (!!). Нужда в литературе во всем нашем районе невообразимая. Каждая брошюра берется прямо с бою. — 30 апреля здесь на собрании читался реферат о программе социал-демократии, о развитии революционного движения в России, об аграрной программе соц.-рев. и о терроре.

Одесса. В апреле здесь забастовали гладильщики — 150 человек. Требовали увеличения поштучной платы. Некоторые хозяева сдались. Рабочие стойко и сознательно отстаивали свои требования.

Из Златоуста. Список здешних шпионов: 1) Андрей Федоров Жижин; 2) Китов (переодетый жандарм), русый, 42 л., покупает старое железо; 3) Алексей Евг. Щергин (переодетый жандарм); 4) Степан Лукашев, мастер; 5) Вас. Рябов; 6) Ник. Стариков; 7) Дмитрий Рябов, полиров. мастерск.; 8) Иванов, инструмент. мастерск.; 9) Вас. Середонин; 10) Пав. Прохоров, столярн. маст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ГОЛЛАНДИИ.

(Окончание.)

Мы уже упоминали, что правительство своими мерами недвусмысленно давало понять рабочему классу, что оно готовит ему жестокий удар. В виду этого соц.-демокр. депутат Трельстра внес 1 марта в палату запрос по поводу общего положения дел. Запрос был составлен в очень умеренных выражениях. Трельстра просил правительство отложить обсуждение законопроектов против стачек до того момента, когда станут известными результаты расследования, о котором упоминалось в правительственных же проектах (расследование должно было коснуться условий труда железнодорожного персонала).

Однако, министр отказался итти на уступки. Правительство во что бы то ни стало решило отнять у железнодорожных рабочих их права еще прежде, чем будут надлежащим образом расследованы их жалобы.

Оставалась надежда на то, что обсуждение предложенных правительством законопроектов будет отложено хоть до после Пасхи. В этом случае агитация и давление со стороны организованного пролетариата могли бы, может быть, вынудить у правительства дальнейшие уступки; с другой стороны, значительно улеглась бы буря возмущения среди господствующих классов, которые, находясь в более спокойном состоянии духа, согласились бы отложить обсуждение дополнительных статей уголовного кодекса до появления в свет результатов расследования. До конца марта никто не думал, чтобы обсуждение новых проектов могло начаться раньше пасхальных каникул, т. е. раньше начала мая.

Что же случилось? В конце марта внесены были правительственные законопроекты в измененном виде. Либералы немедленно отшатнулись от общей оппозиции. Вся их пресса разразилась восторженными гимнами в честь клерикального правительства, которое было настолько разумно, что послушалось советов либеральной партии и несколько смягчило «кары», назначенные за стачку на железных дорогах (вместо 6 лет — 4). Все лицемерие либеральной оппозиции ярко сказалось в этой внезапной перемене фронта. Министр-президент Кийпер, конечно, не замедлил воспользоваться этим обстоятельством и решил ковать железо, пока горячо. Когда 1 апреля палата вновь собралась, то ей было заявлено, что публичное обсуждение «каторжных законов» начнется уже в ближайшие дни. Такая поспешность нарушала обычный порядок обсуждения всяких новых проектов и законов. Оппозиция наших товарищей не имела никакого результата. Они и часть демократов вотировали против предложения правительства, но подавляющее большинство палаты было за него. Коварная тактика правительства теперь стала всем ясна. Оно решило дать улечься первой буре народного возмущения и показать вид, что оно якобы не намерено так уж торопиться со своими проектами, как это предполагали рабочие. И вот, в тот момент, когда агитация несколько ослабела, оно стремительно, как хищное животное, ринулось на свою добычу, уверенное в победе. В четверг, 2 апреля, представители организаций и ферейнов, примкнувших к Комитету обороны, снова собрались для обсуждения положения дел. Поражение было почти неминуемо. Обсуждение законов уже началось и в несколько дней могло окончиться. Перед рабочими стоял выбор: или ограничиться борьбой в парламенте и передать руководство ею соц.-дем. депутатам, или же избрать путь внепарламентской борьбы, т. е. вступить во всеобщую стачку. Комитет обороны решил прибегнуть к стачке. Против стачки был товарищ Ондегест, председатель союза железнодорожных рабочих. Он указывал на серьезные последствия и большие жертвы, которые могла за собою повлечь стачка. Правда, он сам два месяца тому назад издал знаменитое воззвание к членам своего союза с призывом ко всеобщей стачке, но положение дел с тех пор значительно изменилось. Железнодорожные общества приняли свои меры, организовали союзы из штрейкбрехеров, создали из «благонамеренных элементов» целые кадры, которые обязались никогда не бастовать; с другой же стороны, обещанием различных личных преимуществ, наград, повышений и т. п. они лишили профессиональный союз известного контингента членов, конечно, из числа более нерешительных, слабых или просто эгоистичных. В то же время христианские союзы пошли навстречу этим стремлениям железнодорожных обществ и стали пополнять свои ряды всяким сбродом.

Поведение христианских союзов во всей разыгравшейся борьбе является одним из самых печальных эпизодов ее. За немногими исключениями эти своеобразные «христиане» являлись форменными предателями своих борющихся товарищей и с чисто собачьей преданностью к своим правящим единоверцам об'являли себя за «каторжные законы».

С другой стороны, железнодорожные общества могли рассчитывать на поддержку правительства. Вооруженная сила была готова по первому знаку занять все пассажирские и грузовые вокзалы, все переходы через рельсы и затруднить, таким образом, всякие сношения между бастующими и небастующими рабочими (что фактически и случилось в первый день стачки).

Все эти явления, конечно, не остались без влияния на союз железнодорожных рабочих: число членов его, правда, уменьшилось не очень значительно, но боевой дух его сильно упал. Часть членов была запугана абсолютным запрещением оставлять свои жилища, некоторые были вовсе смещены, другие переведены на низшие должности, в то время как членам христианских ферейнов оказывалось всякое покровительство и пропаганда их всячески поощрялась.

На собрании 2 апреля заявления Ондегеста, представителя соц.-дем. в Комитете обороны, оспаривались другими членами Комитета, которые смотрели более оптимистически на положение вещей и хотели во что бы то ни стало провести стачку, что им и удалось. Решено было сначала об'явить стачку только железнодорожных и портовых рабочих.

Решение пока должно было остаться тайным, начало же стачки приурочили к 5 апреля. В ночь с 4-го на 5-ое оказалось, однако, что власти были предупреждены. В первый же день стачки выяснилось, что настроение среди железнодорожных рабочих было уже не то, что 3 января. Амстердам, на который все, в том числе и Ондегест, особенно рассчитывали, выставил довольно много охотников продолжать работу. Сообщение, правда, было затруднено, но оно не прервалось совершенно. И именно это обстоятельство, что из Амстердама продолжали отходить поезда по различным направлениям, сильно обескуражило рабочих, занятых в других пунктах сообщения, как Гаарлем, Гаага, Роттердам, Утрехт, где стачка была почти

всеобщей. На второй день стачка разрослась, и на севере и востоке положение было в этом отношении довольно хорошее. На юге, где преобладает католическое население, бастовали лишь в отдельных местах. Беда была еще в том, что среди машинистов стачка далеко не была столь общей, как ждали; между тем очевидно, что именно их участие имело бы решающее значение, раз стачкой имелось в виду прервать всякое сообщение в стране. Далее железнодорожные общества немедленно послали всем забастовщикам на дом извещения об увольнении их, что произвело удручающее действие на жен рабочих. Среди рабочих оказалось довольно много изменников общему делу. Студенты и инженеры предлагали свои услуги также в качестве рабочих. Правительство дало в распоряжение железнодорожных обществ своих солдат не только для целей охраны, но и для железнодорожной службы, так что, хотя и в ограниченных размерах, но движение поездов шло попрежнему. Сношения между стачечниками различных мест были очень недостаточны, хотя и было организовано сообщение путем велосипедов. Стачечники решили не прибегать к услугам железнодорожных поездов, на которых заняты были штрейкбрехеры, а телеграфам они не особенно доверяли. Руководящий комитет был плохо осведомлен о положении дел вне Амстердама. Стачка портовых рабочих повела в Амстердаме ко всякого рода замешательствам в портовом деле, и следствием ее было то, что все занятые в порту рабочие (до 4.000) были просто выброшены предпринимателями на мостовую.

Стачка солидарности, в которую вступили портовые рабочие Роттердама, приняла совершенно неожиданные размеры, и этот факт является, несомненно, одним из главных моментов в истории этой борьбы.

В среду, 8 апреля, было очевидно, что палата в четверг закончит прения по поводу проектов. В дебатах участвовали лишь одни социал-демократы; последние не пожелали однако прибегнуть к обструкции, так как стачка была слишком слаба и не могла произвести соответствующего давления на парламент. Чтобы помочь железнодорожным рабочим и скрыть слабость их стачки, Комитет обороны решил об'явить в среду днем генеральную стачку во всех отраслях промышленности. В Амстердаме забастовали рабочие по алмазу (наилучше организованные во всей Голландии) и строительные рабочие. Общей стачки пекарей и типографов не удалось устроить. Из рабочих, занятых в городских предприятиях, только отдельные категории (газовые рабочие и рабочие по очистке города) бросили работу. Вне Амстердама стачка охватила лишь отдельные отрасли производства в крупных городах (строительное дело, обработка металлов, типографское дело). Забастовка в них была либо общей, либо частичной. Нет сомнения, что на следующий день, 10 апреля, стачка получила бы большее распространение. Но в четверг днем закон был уже принят во второй палате, в пятницу он поступил на рассмотрение первой палаты, в субботу он был бы уже распубликован в «Государственном Указателе» и таким образом вступил бы немедленно в законную силу. Стачка железнодорожных рабочих должна была быть к субботе закончена, иначе всем ее участникам, всем стачечникам, всем членам центрального и местных комитетов, всем тем, кто говорил или писал для движения, грозило долголетнее заключение в тюрьме. В виду этого комитет в ночь с 9-го на 10-е решил отменить всеобщую стачку, направленную против нового закона. В пятницу утром это решение было предано гласности, и, хотя в некоторых местах рабочие отказались было вначале прекратить забастовку, но в конце концов все движение к Пасхе прекратилось.

Центральный комитет голландской социальной демократии опубликовал 21 апреля воззвание ко всему интернациональному пролетариату с просьбой о поддержке забастовщиков. В этом воззвании сказано следующее: «Если бы весь рабочий класс имел избирательное право, если бы он получил политическое воспитание, употребляя это право как оружие в политической борьбе, если бы, далее, между рабочим классом в целом и социал-демократической фракцией существовала тесная связь, то очень вероятно, что можно было бы избежать этой отчаянной борьбы вне парламента. Ответственность за эту борьбу падает раньше всего на господствующие классы, которые держат все еще большую часть рабочих в положении политически безгласных и таким образом потворствуют разным анархическим и бунтарским склонностям в рабочем движении. Далее ответственность за происшедшее лежит на нынешнем реакционном правительстве и буржуазных партиях, которые пожелали как можно успешнее провести свой каторжный закон и поставили перед рабочими дилемму: либо совершить акт отчаяния, либо позволить поработить себя без протеста. Голландские рабочие вступили в борьбу без достаточной профессиональной организации и политического воспитания, но они боролись геройски. Теперь вся буржуазия упивается бешеными восторгами власти и только и думает о мести организованному пролетариату. Дирекция железных дорог временно рассчитала 1.600 чел., и во всех тех производствах, где происходила забастовка, насчитываются многочисленные жертвы: рабочие лишаются куска хлеба за свой гражданский протест против порабощения. Нищета велика, и голландские рабочие одни не могут оказать достаточной поддержки своим пострадавшим товарищам. В этой нужде мы обращаемся к вам, товарищи, с просьбой откликнуться. Голландская соц.-дем. в этой борьбе шла рука об руку с профессиональными союзами и она их теперь не оставит на произвол судьбы. Правда, рабочие совершали ошибки; они вступили в борьбу слабо вооруженные; средства, употребленные ими, не соответствовали их фактической силе; но они доказали с очевидностью, что лучшие добродетели пролетариата — боевой дух и гордость — присущи им. Подумайте над тем, что наша борьба интернациональна и что мужественное сопротивление одной части пролетариата удержит, может быть, капиталистический класс в вашей собственной стране от нападения на права рабочих. Помогите нам, чтобы мы могли поддержать наши жертвы и с новым мужеством и новой верой в свое дело приняться за организационную работу. Несомненно, что поражение голландского пролетариата можно было раньше предвидеть. Слишком слабым и разрозненным ринулся он в бой: часть рабочих, находясь под влиянием духовенства, совершила гнусную измену по отношению к своим братьям; но движение в целом имеет свою поучительную сторону. Долгие годы общественная жизнь в Голландии была как в тумане, и, когда соц.-демократы проповедывали истины социализма, то противники называли их «догматиками», чуждыми понимания действительности. Даже рабочие сомневались. Благодаря внезапной вспышке классовой борьбы, все, что было скрыто в течение ряда лет, ярко выступило наружу, и в том пожаре, который уничтожил часть нидерландских союзов, ясно обрисовались силуэты рабочего класса и буржуазии. Мы увидели, что рабочий класс гораздо слабее, чем он сам о себе думает в упоении только что одержанной славной победы; но мы заметили и его мужество и его непреклонную готовность отстаивать свои права. Ныне рабочий класс видит самого себя в настоящем свете и знает, чего ему недостает. Профессиональное движение должно теперь отказаться от преувеличенной оценки своей силы и направить все усилия на организационную работу. Мы видели и буржуазию и буржуазное государство в их истинном виде. Мы видели, что правительство прибегло к грубой силе, чтобы провести реакционные законы, и было поддержано всеми партиями в этом благородном деле. Мы видели, как «национальное» правительство демократического государства давало обществам своих солдат не только для охраны железных дорог, но и для замены стачечников, и эти солдаты оставались на местах рассчитанных, выброшенных за стачку рабочих еще целые недели после окончания стачки. Мы видели, как буржуазная пресса старалась выставить мужественных железнодорожных рабочих как самых худших злодеев и как либеральные и христианские листки подстрекали железнодорожные общества не давать никому пощады. Они, страшно сказать, находили закон еще не достаточно суровым, а четыре года тюрьмы слишком мягким наказанием. Они желали виновных и их семьи наказать перспективой голодной смерти или ссылкой в Ост-Индию для отбывания там принудительной военной службы. Мы видели капитал во всей его холодной жестокости, его мнимое христианство в отвратительной наготе. Государство представилось нам могучим орудием закабаления рабочего

класса, подавления в нем стремления к смертному греху «покушения на дивиденды капиталистов».

Правительство и буржуазия дали нидерландской соц.-демокр. громадный материал для пропаганды, и нужно думать, что она сумеет его использовать в целях привлечения всего пролетариата Голландии в ряды революционной социал-демократии.

ПЕРВОЕ МАЯ В ФУРМИ.

1 мая 1891 г., согласно постановлению международного конгресса 1889 г., французский пролетариат вторично праздновал первомайский праздник.

Стоявшее во главе Франции так называемое «министерство республиканской охраны» г. Констана мобилизовало все свои полицейские и военные силы против мирных манифестантов. По всей Франции подверглись манифестанты нападению диких орд, в Лионе и Марсели произошли довольно крупные схватки, но событие, отметившее 1891 год кровавым пятном на страницах истории Третьей республики, это — избиение рабочих в Фурми, где девять мертвых и несколько десятков раненых пали под ничем не вызванными выстрелами республиканской армии *.

3 мая того же года над общей могилой девяти погибших товарищей рабочие Фурми поклялись никогда не забыть той крови, которая навсегда отделила их от буржуазии, и до сих пор они верны этой клятве.

Репрессии однако не ограничились одним кровопролитием. Министерство «республиканской охраны» решило судом преследовать наиболее энергичных агитаторов, и буржуазное правосудие присудило некоторых из них, — в том числе и одного из первых французских социал-демократов, зятя Маркса, Лафарга,[16] — к году тюрьмы. Урок, данный таким образом французским рабочим, не прошел для них даром, но принес совершенно другие плоды, чем ожидал, вероятно, г. Констан. В 1892 г., при общих выборах в палату депутатов, рабочие Фурми выбрали своим представителем сидевшего тогда еще в тюрьме Лафарга, а еще через несколько лет они завоевали муниципалитет своего городка, который до тех пор был в руках патронов.

С первых же дней своей деятельности социалистический муниципалитет постановил воздвигнуть памятник на общей могиле девяти жертв 1 мая 1891 г. и, в виду крайней незначительности своего бюджета (в Фурми насчитывалось в 1891 г. около 16.000 жителей, а теперь всего около 13.000 жителей), решил открыть публичный сбор среди французского пролетариата. Понимая, что этот памятник будет вечным укором, memento mori буржуазии, и что он постоянно будет напоминать пролетариату об его революционном долге, правительство поспешило запретить эту подписку, и муниципалитет был предоставлен своим собственным маленьким силам.

И вот в начале апреля этого года французская социалистическая партия (об'единенные гедисты и бланкисты) обратилась к социалистическим партиям всех стран с предложением прислать делегатов на открытие этого памятника.

Социалисты всех стран откликнулись на это приглашение. Германские, американские, английские, польские, испанские, итальянские социал-демократы, Союз русских социал-демократов прислали адреса, Заграничная Лига русск. рев. социал-демократии, бельгийская рабочая партия, партия соц.-рев. прислали делегатов.

В субботу 2 мая, накануне манифестации, состоялся митинг, на котором присутствовало около полторы тысячи рабочих. За час до начала маленький местный театр был переполнен, густая толпа не нашедших уже места заняла площадь. Полиция отсутствует, и порядок в этой толпе образцовый. Стройные мощные звуки «Интернационала», дружные возгласы «да здравствует социальная революция!» одни нарушают тишину всегда столь спокойного городка и заставляют запоздавших несколько делегатов прибавить шагу.

Появление их на трибуне встречается громом рукоплесканий; но совершенно невозможно описать восторженный прием, сделанный красному знамени Российской Социал-демократической Рабочей Партии, которое привез и внес на трибуну делегат Загр. Лиги русской революционной социал-демократии.

Говорило на этом митинге около пятнадцати ораторов Делегат Лиги, Ремэ, принес французскому пролетариату привет русского рабочего класса, который борется с самодержавием, чтобы, свергнув его, ринуться в последний бой с буржуазией. «Когда российское самодержавие — этот спинной хребет европейской реакции — падет под мощным ударом рабочего класса, Европа увидит стройную армию русского организованного пролетариата, готового пойти под красным знаменем российской социал-демократии, развевающимся на этой трибуне рядом со знаменем Французской Социалистической Партии, на решительный штурм буржуазного общества».

Но что придает этому митингу и всей манифестации их крупное значение, это не речи, не слова, произносившиеся с трибуны, — это та глубокая сознательность, организованность и дисциплинированность, которые проявила рабочая масса. Трибуна и зала слились в одном общем чувстве. Каждое слово, произносившееся с трибуны, было точным выражением мысли 1½-тысячной толпы, в течение нескольких часов с одинаковым вниманием и полной сознательностью выслушивавшей всех ораторов. Корректность толпы проявилась в особенности, — как на этом митинге, так и во время манифестации на кладбище, — в ее отношении к бестактным и неуместным выходкам мэра Кузен-Корбьера, бывшего члена партии, отошедшего к «реформистам». В двух своих довольно пространных речах г. Кузен-Корбьер пытался доказать, что, и уйдя в ряды оппортунизма, он остался искренним социалистом и что во всем виноваты «сектанты», не пошедшие за ним по пути «сотрудничества классов». Презрительное молчание толпы, давшей ему говорить, ни разу не прервав его, не поддавшейся ни на одну из его провокационных выходок, было ему должным ответом.

На второй день с утра начали с'езжаться делегаты, так как многие из них, как напр. Лафарг, Вальян и др., смогли приехать лишь в самый день манифестации. В три часа кортеж двинулся из центра города и, пройдя по главным улицам, направился к кладбищу. Впереди несли венки, за которыми следовали делегаты иностранных социалистических партий и провинциальных федераций.

За развернутыми красными знаменами областных федераций и Р. С.-Д. Р. П. шла густая толпа местных и приехавших из окрестностей членов партии и манифестантов. В числе делегатов обращали на себя внимание рядом с Лафаргом депутаты Вальян, Делори, Констан и Дюфур, несколько мэров и муниципальных советников со своими шарфами, а также старик Блондо, дочь которого, молодая девушка, была одной из жертв первомайского избиения 1891 года.

Улицы полны народа, члены партии узнаются по металлическому жетону, который блестит почти во всех петличках. Полиции так же мало, как и накануне, но у ворот города стоит 145-й пехотный полк (тот самый, который так метко стрелял в рабочих Фурми в 1891 г.), приведенный сюда под предлогом маневров, и целая бригада жандармов, а на телеграфе всю ночь дежурил чиновник, чтобы передавать возможные приказания комиссара.

Маленькое кладбище было запружено народом, так что делегатам пришлось энергично действовать локтями, чтобы добраться до трибуны, воздвигнутой рядом с памятником. Памятника в собственном смысле слова нет: скромных средств муниципалитета хватило только на то, чтобы над общей могилой павших товарищей устроить небольшой палисадник с металлической оградой и поставить две мраморных доски, которые сохранят память о кровавом событии и не дадут умереть именам жертв, покоящихся в братской могиле.

Перечислить все речи нет возможности. Ораторов было около 20 человек. Общее содержание всех речей сводится к указанию на огромное политическое значение этой манифестации, которая не так имеет целью почтить память павших в бою товарищей, как лишний раз под-

* Характерная особенность: офицер, приказавший стрелять (капитан Шапю), получил орден при министерстве Вальдек-Руссо — Мильеран.

черкнуть непримиримость международного пролетариата с существующим буржуазным строем и его боевую готовность.

После речей, по предложению Делори, мэра гор. Лилля, секретаря северной федерации партии, присутствовавшие в молчании разошлись, и стоящим наготове полицейским и военным силам не пришлось на этот раз проявить на деле свою ненависть к освободительному рабочему движению.

Цель манифестации была достигнута. Около семи тысяч человек присутствовало на кладбище, было прислано около пятидесяти делегатов, представлявших 12 областных федераций и 20 муниципалитетов. Адресами и делегатами были представлены 21 федерация и более 20 муниципалитетов. К этому надо еще прибавить несколько синдикатов, кооперативных товариществ и целый ряд отдельных, входящих в состав партии, групп. Вся буржуазная пресса, обыкновенно систематически замалчивающая все проявления растущего самосознания французского рабочего класса и его организации, отметила манифестацию 3 мая. Французская социалистическая партия заставила заговорить о себе. Что же касается «реформистов», то они по этому поводу показали, как им дорого и важно рабочее движение само по себе, а не поскольку оно приносит им личные выгоды: из всей парижской прессы «La Petite République», орган Жореса и Мильерана, была единственной газетой, не сказавшей ни слова о грандиозной манифестации пролетариата в Фурми. В ней появилось лишь краткое замечание о том, что «при открытии памятника жертвам избиения 1891 г. в Фурми мэр Корбьер произнес блестящую социалистическую речь»!

Нам же манифестация Фурми должна лишний раз доказать, что неправы те, которые утверждают, будто французы «органически неспособны к организации». Очистившись от пришедших было к ней чуждых ей элементов, партия французского пролетариата стала тем лишь сильнее, выдержанность ее классового характера от этого только выиграла. Лучшим доказательством ее роста и сознательности организованного ею пролетариата служит тот факт, что ни г. Кузен-Корбьер в Фурми, ни г. Каррет в Рубэ, ни даже такой видный и популярный деятель, как бывший депутат Зеваэс в Гренобле, отошедшие за последние годы от французской рабочей партии, никого не увлекли за собой. Партия Геда, Лафарга и Вальяна,[17] об'единившая французский пролетариат вокруг знамени революционного марксизма, медленно, но уверенно растет и составляет надежный оплот социальной революции во Франции.

ИЗ ПАРТИИ

Ко всем российским социал-демократическим организациям.

Товарищи! Условия политической борьбы чрезвычайно усложнились. Местные организации часто не в силах справиться с задачами, пред'являемыми ходом событий. Об'единение всех революционных социал-демократических организаций в единую централизованную партию — насущнейшая задача настоящего момента. «Организационный Комитет» Р. С.-Д. Р. П. в России и за границей взял на себя инициативу этого об'единения. Общепартийный с'езд — дело не особенно отдаленного момента. В виду этого особенно важно, чтобы все революционные соц.-дем. группы выяснили свои взгляды на программу и задачи партии, определили свое отношение к существующим в революционной среде течениям. Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих с своей стороны полагает, что за последние 2 года направление, представленное «Искрой» (и «Зарею»), по праву завоевало себе в соц.-дем. кругах доминирующее положение. Из всех революционных соц.-дем. органов «Искра» наиболее полно и ярко сформулировала главные задачи российской социал-демократии и ее программу; «Искра» наиболее удачно наметила основные принципы и план партийной организации. Ее настойчивое подчеркивание важности всесторонней политической агитации, ее резкое осуждение так называемого «экономизма» навсегда покончили с периодом идейного разброда. Особенно плодотворна борьба этого органа со всякими попытками затемнить основные принципы социал-демократии, его неустанное подчеркивание классового и в то же время общенационального характера рабочего движения, его энергичный протест против попыток внести в наше движение буржуазные элементы. Если мы находимся в настоящее время накануне действительного, а не фиктивного об'единения партии, то главная заслуга в этом принадлежит «Искре». И это создало «Искре» фактическое положение руководящего органа партии.

Товарищи! Поскольку все мы принципиально солидарны с «Искрой», мы обязаны в интересах дела и нашей партии признать за нею формально то положение, которое создалось фактически! Пора признать «Искру» нашим руководящим органом!

Сознавая всю важность скорейшего об'единения местных организаций вокруг центрального органа партии, «Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих», отказываясь впредь до созыва с'езда от обсуждения некоторых частных разногласий своих с «Искрой», воздерживается от критики тех или иных ее недостатков и, приветствуя заявление большинства Комитетов, присоединившихся к «Искре», об'являет ее своим руководящим органом. 18 апреля 1903 года.

Комитет Соц.-Демократ. Союза Горнозаводских Раб. (Юга России).

Екатеринославский Комитет просит поместить в «Искре» следующее заявление.

Всего два года прошло со времени появления «Искры», и за этот сравнительно короткий промежуток времени ею сделано не мало. Ожесточенная борьба с экономизмом и свойственным ему шатаньем в области мысли и практики, яркая критика других не социал-демократических течений, борьба с националистическими увлечениями в нашей партии, уменье будить мысль революционеров, призыв к широкому размаху революционной работы — вот славная и вместе с тем сложная и трудная работа, выполняемая все время «Искрой». И если теперь мы можем с надеждой смотреть на предстоящий с'езд партии, надеяться, что об'единение наше будет не фиктивным, а вполне действительным, если мы можем думать, что мы накануне создания партии со строго научной программой, политически целесообразной тактикой и прочной и крепкой организацией, то во всем этом мы в немалой степени обязаны «Искре»: ее настойчивый и страстный призыв к об'единению, выяснение основ истинно социал-демократической тактики и программы, энергичный протест против всякого замалчиванья и неопределенностей — все это подготовило, вернее — создало почву для об'единения. Жизнь, действительность — лучший учитель, и она нам показала, как много верного и глубоко правдивого провозглашалось на страницах «Искры» и «Зари». Но ликвидация периода раздробленности, кустарничества, шатанья и разброда еще не совсем закончена: борьба еще ведется, и потому определенное выражение своего отношения к этой ликвидационной работе со стороны каждой социал-демократической организации имеет немаловажное значение. Екатеринославский Комитет, руководствуясь вышеупомянутыми соображениями, считает необходимым заявить о своей полной солидарности по всем вопросам программы, тактики и организации со взглядами «Искры» и «Зари» и о признании «И.» и «З.» своими руководящими органами.

Перед 1 мая распространены два воззвания «Военно-революционной организации» — к офицерам и к солдатам. Последнее говорит подробно о златоустовском побоище и призывает солдат не стрелять в рабочих.

В прокламации, изданной по поводу кишиневских зверств, Донской Комитет говорит:

«Слушайте, граждане, что задумала полиция в Ростове! В день первого мая, в день нашего мирного праздника свободы, она хочет обагрить улицы Ростова кровью беззащитных евреев, она готовит еврейский погром.

«Среди толпы, в кабаках, на берегу она зовет бить евреев, так как евреи идут против царя, так как евреи — враги народа...

«Товарищи! Выступая за правое дело, мы возьмем под свою защиту всех угнетенных, всех, кто страдает от нашего врага — правительства; мы возьмем под свою защиту евреев!

«Вы, граждане, сознательные и передовые рабочие, с презрением оттолкнете гнусные предложения полиции — вы не пойдете бить евреев.

«Но есть толпа, есть люди забитые, не знающие, куда итти, с кем бороться: те люди могут послушать полицию, могут пойти на евреев. Товарищи, мы не допустим этого! Помните, как в Тихорецкой станице рабочие выступили в защиту поруганной чести незнакомой женщины. Они поднялись как один человек, они разнесли в щепки полицию.

«Товарищи, ростовская полиция готовит еще худшее дело. Стремясь опозорить праздник первого мая, она угрожает жизни сотен беззащитных людей.

«Товарищи, мы не дозволим этого!

«Открыто и смело возьмем мы под свою защиту евреев, мы грудью своей отразим нападение опьяненной и подкупленной толпы и полиции.

«И горе ей! Пусть она знает, что в этот решительный день мы сведем старые счеты!

«Пусть она знает, что в этот решительный час выльется на нее долго накоплявшиеся народное возмущение и злоба.

«Граждане ростовские рабочие, в нашей жизни еще не было такого великого часа!

«В нашей власти теперь показать всему миру, что мы боремся за правду и справедливость, что боремся за права всех обиженных, не различая ни племени ни веры.

«...Если мы услышим, что бьют евреев, мы все, как один человек, пойдем защищать их.

«Мы расправимся с полицией за все ее преступления, мы отомстим за кишиневские зверства!».

С января по апрель Одесским Комитетом были выпущены следующие листки: 1) К рабочим и работницам фабрики Вальтуха. 2) К приказчикам. 3) Ко всем рабочим и работницам пробочных заводов г. Одессы. 4) К рабочим и работницам сахарного завода Бродского. 5) Ко всем рабочим и работницам табачных фабрик. 6) Ко всем рабочим (по поводу демонстрации ж.-д. рабочих при отправке товарищей из тюрьмы). 7) 19 февраля. 8) Ко всем рабочим типографий. 9) К пекарям г. Одессы. 10) Ко всем «О манифесте 26 февраля». 11) «Воззвание». 12) Письмо из Томска. 13) К обществу (о погроме). 14) К рабочим (о погроме).

В апреле Петербургским Комитетом изданы листки: 1) К рабочим фабрики Мельцера. 2) О собрании «Зубатовского» общества. 3) О манифесте 26 апреля. — Екатеринославским Комитетом изданы листки, посвященные манифесту 26 апреля и майскому празднику.

На Кавказе перед 1-м мая была распространена в большом количестве прокламация «Кавказского Социал-Демократического Рабочего Союза», организовавшегося из слияния трех комитетов партии (Баку — Батум — Тифлис). Прокламация обращается, между прочим, к кавказским крестьянам, приглашая их «выйти из жалких деревушек и притти 1 мая в города». Прокламация раз'ясняет крестьянам, что спасение их — в присоединении к пролетарскому движению.

Тульский Комитет Р. С.-Д. Р. П. просит нас передать его сочувствие еврейским пролетариям, которые сотнями и тысячами гибнут в борьбе с современным капиталистическим порядком и на которых с особенной силой обрушивается гнет всероссийского самодержавия с его гнусной полицией и гнусными органами печати — «Бессарабцем», «Новым Временем», «Светом», «Московскими Ведомостями» и т. п. — этими проводниками начал самодержавия, православия и народного невежества, этими фактическими виновниками так называемых «еврейских погромов».

Центральный Комитет Польской Социл-Демократии издал воззвание к рабочим по поводу кишиневского погрома и правительственных провокаций в том же духе на Литве.

«Берегитесь, рабочие и работницы! — говорит Центр. Ком., указывая на последствия погромов: — не становитесь орудием в руках подлых слуг царизма во вред рабочему делу и для торжества царского угнетения.

«Рабочие и работницы! Отразите маневры правительства, направленные против дела свободы!.. Религиозные и национальные распри — гибель рабочему делу, и правительство нуждается в них, чтобы заставить нас молчать и держать нас в рабстве.

«Не позволяйте убивать евреев. И, если в случае новых антисемитских беспорядков правительство еще раз проявит бездеятельность, возьмите сами на себя защиту своих братьев — еврейских рабочих, защиту народа, преследуемого правительством. Восстановляйте порядок, раз правительство вызывает беспорядки.

«...Наше спасение, спасение рабочего народа — в классовой борьбе всего рабочего класса, включая и еврейских и русских рабочих, против царского ига и против эксплоатации».

Митинги протеста против правительственных и антисемитских злодеяний в Кишиневе были организованы в русских колониях Парижа, Монпелье, Льежа, Женевы, Лозанны, Берна, Гейдельберга, Лондона, Цюриха, Кётена и Берлина.

На собрании в Париже, созванном Лигой Рев. Социал-Демократии [18] и состоявшемся под председательством В. И. Засулич, принята 400 присутствующими резолюция, клеймящая русское правительство и выражающая надежду на то, что организованный пролетариат воспрепятствует царизму в деле натравливания одной части населения на другую. К этой резолюции присоединилось собрание в Монпелье; аналогичные резолюции приняты и в других колониях.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В моей брошюре «Очерк петербургского рабочего движения девяностых годов» имеется несколько замечаний по поводу одного собрания в Петербурге зимою 1897 года, на котором велся спор об участии рабочих в тогдашнем Союзе Борьбы и которое было описано товарищем Лениным в его «Что делать?». В настоящее время, благодаря личному свиданию еще с одним участником этого собрания и после выяснения дела в личной беседе с товарищем Лениным, я считаю необходимым заявить следующее:

Что касается до деления споривших на старых и молодых, принимавших впоследствии участие в «Рабочей Мысли», то товарищ Ленин и сам признает, что это его деление не вполне точно *.

С своей стороны я согласен с тем, что петербургское массовое рабочее движение 1896—97 годов и в особенности столь неожиданная и величественная летняя стачка 1896 года и организованная январская стачка

---

* Именно: неточность моего деления состоит в том, что «молодой», как оказалось, защищал тогда (в споре) «старых», а один «старый» — «молодых».

Прим. Ленина.

1897 г., потребовавшие крайнего напряжения всех сил нашего Союза, конечно, оставили свой след и на нашем миросозерцании в виде, быть может, переоценки значения стачечного движения. Это, разумеется, дает товарищу Ленину некоторое право искать в сказанном времени начало зарождения так называемого «экономизма». Но по моему мнению то, чем мы тогда в действительности увлекались, нельзя назвать «экономизмом». Мы увлекались первыми проблесками самосознания и самодеятельности широкого круга рабочих, их стремлением к организованности и к активной борьбе; а отсюда логически вытекало наше стремление непременно организовать при Союзе группу рабочих-агитаторов, из среды которых Союз мог бы также пополнить свои силы. Впрочем, я теперь убедился, что наши прежние споры насчет положения агитационной группы в Союзе в значительной степени должны быть об'яснены некоторым взаимным непониманием, и я думаю, что дальнейшее выяснение прежних разногласий пора давно сдать в архив, дабы не тратить на него сил и времени, необходимых для успеха нашей общей работы.

Петербуржец [К. Тахтарев]

Вышли новые издания: 1) Н. Ленин. К деревенской бедноте. (Опыт популяризации соц.-дем. программы). 2) Унтер-офицер. Рассказ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С.-Петербург. В середине мая, по сведениям Красн. Креста, арестовано до 400 чел. рабочих.

В Самаре в ночь с 15-го на 16-е апреля были обыски и аресты. Взяты: Алексеев, Ариева (вып.), Бекенский, Губанов, Егоров, Медведков студ., Медведков частн. пов., Клыков раб., двое Морозовых раб., Гурьянов раб., Полек раб. (вып.), Эрн. Попова акушерка (выпущена через 2 дня), Полянский студ., Протопопов, Свидерский, Шепелев раб., Шепеляев раб., 6 булочников, 2 рабочих жел.-дор. мастерских, 1 заготовщик обуви Сапожников (вып.) и еще один рабочий.

Москва. Лица, сидящие в Таганской тюрьме: по московскому делу: Теодорович, Вейнштейн, Мещеряков, Гурвич (женщ.), Бирон (женщ.), М. А. Олигер (женщ.), Акулова. По делу Белостокского с'езда: два Когана, Гурвич, Зельдов. Одесситы: Красненская, Захарова, Розенфельд (женщ.), Гринблад, Кашнир, Бернштейн, Рудовский, Барышник (женщ.). Из Нижнего: Данилов, Комолов, Кузнецов, Никифоров, П. Гусев, Авдеев. По другим делам: Прозим, Град, Давыдов, Контарин, Рогова, Михалевский.

Саратов. Арестованы в Сердобском уезде: Степанов, Гусев и учительницы Натр и Андреева; обвиняются в пропаганде среди крестьян. В Ртищеве взято 12 рабочих (в феврале), в связи с этим в Саратове были обыски и арестован раб. Дацкевич. В Аткарске арестована одна фельдшерица. В ночь на 21 марта в Саратове арестованы: раб. Громадный, Лукьянов, Нерсидов, Пав. Гусев, Вера Кесслер, Николаев (увезен в Казань) и Ткачев. Обыски у Календа, Плотниковой, Смирнова и др.

Новочеркасск. В ночь с 15 на 16 апреля был обыск у бывш. студ. Петерб. универс. В. П. Литова (сослан теперь на 3 года в Арханг. губ.); на следующую ночь сделан обыск у его брата студ. Харьк. ун. в Харькове.

Ярославль. В конце апреля были распространены первомайские прокламации Северного Союза. — Арестованы студенты Кучеров, Иконников, Немоловский и др., всего до 8 человек. Обыск у бывшего студента К. Крылова.

Минск. В ночь с 13 на 14 состоялось под городом собрание «Бунда», нагрянула полиция и переписала 160 человек, из них арестовано 60 человек.

Лодзь. В ночь с 13 на 14 здесь было произведено много обысков и арестов преимущественно среди «Бунда». Арестовано около 100 человек, главным образом, рабочие.

Бежали: из Иркутской губ. (село Верхнеострожское, Балаганского уезда) 17 апреля и благополучно прибыл заграницу Самуил Шапиро, сосланный на 4 года в Вост. Сиб. по ковенскому делу 1901 г.; Давид Кац, нелегальный, сосланный недавно в Сибирь после двух лет тюремного заключения (дело Бунда).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Недостаток места препятствовал нам до сих пор напечатать нижеследующее воззвание, содержанию которого мы, конечно, сочувствуем всей душой.

Касса «Помощь Эмигрантам» в Цюрихе.

Все больше разгорающаяся борьба России с самодержавным строем вызывает многочисленные побеги, вследствие чего политическая эмиграция из России приняла систематический характер. Всем известно, насколько тяжелы для эмигрантов материальные условия существования. В виду этого, для возможно целесообразной постановки дела помощи эмигрантам, в Цюрихе образовалась касса «Помощь Эмигрантам», которая согласно § 1 устава имеет целью оказывать материальную помощь лицам, эмигрировавшим из России по политическим условиям. Сюда относятся: а) политические преступники, бежавшие из тюрем, из мест ссылки и из-под надзора полиции; б) лица, эмигрировавшие за границу в виду грозившего им ареста по политическому делу.

Примеч. Касса «Помощь Эмигрантам» оказывает помощь нуждающимся эмигрантам, подходящим под § 1, без различия партий и организаций, к которым они принадлежат.

Идя навстречу настоятельной потребности, касса «Помощь Эмигрантам» просит всех сочувствующих откликнуться.

Адрес: Zürich, Hegibachstrasse, 22, Herrn Otto Lang.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Axelrod, Vogelsangstrasse, 9, Zürich.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Свобомыслящая Народная Партия»—образовалась из прогрессивной партии после ухода из нее национал-либералов (1867 г.). В 1884 году в свободомыслящую партию снова влились левые элементы национал-либералов. Мелкобуржуазная по своему составу, свободомыслящая партия наиболее полно сохранила традиции немецкого либерализма: она выступала за свободу торговли, против милитаризма, за введение всеобщего избирательного права и т. д. Одновременно с этим свободомыслящие очень резко выступали и против социализма, и на решающих перебаллотировках всегда отдавали голоса правым, вплоть до консерваторов. С начала XX века партия переживает упадок, в 1910 г. она об'единяется с «Свободомыслящим Союзом» и «Немецкой Народной Партией» в «Прогрессивную Народную Партию».

Прим. 2. Итальянская Социалистическая Партия была организована на конгрессе в Генуе в 1892 году. На этом конгрессе произошло разделение различных течений итальянского рабочего движения: реформисты-парламентарии, руководимые Турати-Прамполини, отмежевались от анархосиндикалистских элементов различных оттенков. На конгрессе в Реджио-Эмилия (1893 г.) партия приняла название «Социалистическая Партия Итальянских Рабочих», а на конгрессе рабочих в Парме (1895 г.)—была переименована в «Итальянскую Социалистическую Партию».

С самого возникновения итальянская партия была реформистской и оппортунистической. Центр тяжести своей деятельности она видела не в руководстве революционным движением рабочего класса, а в завоевании парламентской арены и в легальном давлении на правительство для получения различных уступок.

В 1901 г. социалистическая фракция парламента вступает в соглашение с либеральным министерством Цинарделли по вопросу о голосовании военных кредитов. Одновременно социалистическая партия прилагает все усилия к тому, чтобы затруднить стачечную борьбу рабочего класса, достигшую в начале девятисотых годов большого напряжения.

В 1903 г., после прихода к власти Джиолитти, последний предложил один из портфелей в своем министерстве лидеру парламентской фракции партии Турати. Отказавшись от этого предложения, Турати свой отказ мотивировал тем, что «пролетариат не созрел еще для этого опыта». Это обстоятельство, очевидно, имеет в виду автор статьи.

Прим. 3. Речь идет об образовании в 1902 г. на Реймском конгрессе «Социалистической партии Франции». В лице гедистов и бланкистов партия об'единила в своих рядах революционные элементы французского социалистического движения, выступившие против «мильерандизма» и оппортунизма. Их противники, руководимые Жоресом, образовали на конгрессе в Туре (1902 г.) «Французскую Социалистическую Партию». В апреле 1905 г. на Парижском об'единенном конгрессе обе партии слились под названием «Социалистическая партия, французская секция рабочего Интернационала».

Прим. 4. О Сормовском процессе см. № 29 «Искры»: «Нижегородские рабочие на суде».

Прим. 5. О Саратовском процессе см. № 37 «Искры»: «Политический процесс» и № 32 — «Из деревни. Саратов».

Прим. 6. О ноябрьских событиях в Ростове см. корреспонденции и статьи в «Искре»: № 29—«Борьба ростовских рабочих», № 30 — «Ростов-на-Дону», № 31 — «Ростов-на-Дону», № 32 — «Значение Ростовской стачки» и № 36 — «Обвинительный акт».

Прим. 7. О февральских и мартовских демонстрациях—см. корреспонденции в «Искре»: № 34—«Варшава», «Томск», «Вильна»; № 36 — «Новая демонстрация в Ростове-на-Дону», «Томск»; № 37 — «Снова кровь», «К Ростовской демонстрации 2 марта», «Баку», «Баку 2 марта», «О демонстрациях в Тифлисе», «Томские события», «Трагедия в Златоусте»; № 38 — «Ростовская демонстрация 2 марта».

Прим. 8. Тартюф — герой известной комедии того же названия французского драматурга Мольера. Имя Тартюфа стало синонимом ханжества и лицемерия. О спорах вокруг террористического акта С. Балмашева — см. прим. 1-е к № 20 «Искры».

Прим. 9. Белинский В. Г. (1811—1848)—знаменитый критик и публицист, положивший теоретическое и практическое начало русской литературной критике. Подчеркивая тесную связь литературы и искусства с социальной действительностью и отстаивая наиболее передовые демократические идеи своего времени, Б. стал одним из учителей революционной интеллигенции второй половины XIX века.

Прим. 10. «Сибирский Союз Росс. С.-Д. Р. П.» возник в 1901 г. Он состоял из 7 человек: трех в Иркутске, одного—в Красноярске, двух в Томске и одного, об'единявшего путем раз'ездов их деятельность. Несмотря на потребность в об'единении и руководстве местными социал-демократическими группами в Сибири, «Союз», в виду преобладания в нем экономистов, фактически работой этих организаций не руководил. Отказ от экономистских взглядов, а затем и переход к активной руководящей деятельности «Союз» начал осуществлять только в конце 1902 г. В январе 1903 г. «Сибирский Союз» издал манифест, в котором всецело присоединился к позиции «Искры». Делегатами «Сибсоюза» на 2-й с'езд были Л. Д. Троцкий, Посадовский и В. Мандельберг.

Прим. 11. «Кавказский Социал-Демократический Рабочий Союз» образован на первом с'езде кавказских соц.-демократических организаций в Тифлисе в феврале или марте 1903 г. На с'езде были представлены делегаты из Тифлиса, Баку, Батума, Кутаиса, Гуричиатуры, Гори и Хашури. С'езд единогласно принял политическую линию «Искры». В состав избранного с'ездом «Кавказского Союзного Комитета» вошли Миха Цхакая, Ф. Махарадзе, С. Джибладзе, И. Сталин-Коба, Аршак Зурабов и др. С'езд избрал трех делегатов на II с'езд партии: Кнуньянца, Топуридзе и Зурабова. См. о «Союзе» в № 50 «Искры» «Письмо в редакцию».

Прим. 12. Лопухин, А. А. (р. в 1854 г.) — директор департамента полиции при Плеве. В 1906 г., во время суда над Петербургским Советом Рабочих Депутатов Лопухин прислал защитнику Грузенбергу два письма, изобличавшие погромную деятельность правительства. В 1908 г. он подтвердил сперва Бурцеву, а потом представителям Ц. К. партии с.-р. провокаторскую службу Азефа, за что был в 1909 г. осужден на поселение в Сибири.

Прим. 13. Суворин А. С. (1834—1910)—журналист, вначале либерал, потом редактор антисемитской газеты консервативно-дворянских кругов «Новое Время».

Прим. 14. Шведская партия (шведоманы)—финляндская партия землевладельческой аристократии, финансовой и промышленной буржуазии. Как показывает ее название, партия была тесно связана с шведскими элементами страны. Весьма консервативная по своей программе, эта партия, под влиянием руссификаторской политики царизма, становится оппозиционной и связывается с русской либеральной буржуазией. После революции 1905 года партия быстро правеет и ее старое ядро образует новую «шведскую народную партию».

Прим. 15. Младо-фенноманы — финские радикалы. Самая левая из финских буржуазных партий. В национальном вопросе отстаивала права финского языка и финской культуры, боролась с царским правительством.

Прим. 16. Лафарг П. (1842—1911)—наряду с Гедом, один из влиятельнейших руководителей социалистической партии Франции. Участник Парижской Коммуны, видный деятель Интернационала, активный участник испанского социалистического движения. Л. является в то же время автором ряда книг, популяризующих марксизм в различных отраслях знания, и памфлетов, бичущих капитализм.

Прим. 17. Речь идет о «Социалистической партии Франции» (см. прим. 3-е). Вальян Эдуард (1840—1915) — старейший деятель социалистического движения во Франции. Участник Парижской Коммуны, руководил ее бланкистско-якобинским крылом. После поражения Коммуны, находясь в эмиграции, эволюционировал от бланкизма к марксизму. После создания об'единенной социалистической партии (1905 г.) В. стоял на ее левом фланге, занимая революционную позицию в основных тактических вопросах. Во время войны В., подобно большинству вождей II Интернационала, становится социал-патриотом.

Прим. 18. «Лига Русской революционной социал-демократии» — заграничная организация, ставившая себе задачу распространения идей революционной социал-демократии. Фактически Лига была заграничной организацией сторонников «Искры». Образовалась Лига в 1901 г., после неудачи так называемого «Об'единительного с'езда» заграничных организаций (4—5 октября 1901 г.). После II с'езда партии Лига превратилась в оплот заграничного меньшевизма.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 41 1 ИЮНЯ 1903 ГОДА № 41

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ И НАШИ ЗАДАЧИ.

Особенный характер кишиневскому погрому 6-7 апреля придает, во-первых, выдающееся в нем участие известного сорта «интеллигенции»; во-вторых, «выдающаяся» роль, сыгранная в нем представителями русского правительства.

Не то, чтобы в богатой истории еврейских погромов было совершенно внове участие представителей «общества» и государства. Нет! Слишком известно, что в эпидемии погромов, вспыхнувшей в 1881 году, немаловажную роль сыграла гнусная пропаганда таких публицистов, как Суворин, Озмидов[1] и тому подобные Крушеваны; что значительная часть буржуазного «общества» рукоплескала погромам и кричала «ату его» по адресу разоряемого и избиваемого еврейского пролетария; что министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев[2] несомненно вводил в программу своей «народной политики» поощрение погромов и что его чиновники немало способствовали раздуванию их. И с этой стороны, следовательно, кишиневский погром мало отличается от имевших место прежде. Но в то время как в начале 80-х годов реакционеры из «общества» и правительство пользовались для своих целей начавшимся стихийным движением крестьянских и городских масс, в настоящее время они искусственно и, несомненно, вполне сознательно, с хладнокровным расчетом, разжигают племенную и религиозную борьбу для того, чтобы отвлечь народные массы от социального и политического протеста, на путь которого они уже начали вступать.

В начале 80-х годов никакого политического движения народных масс в России не было, налицо было только смутное и совершенно не оформленное брожение темных еще масс крестьянской и городской бедноты, питавшееся материальной нуждой и обострявшееся политическим возбуждением, которое было создано гулом революционной борьбы. Взяв под свою плохо скрытую защиту погромы, правительство графа Игнатьева стремилось окончательно отрезать революционеров от народной массы, с одной стороны, а от либеральной части общества — с другой.

Плеве, получивший свое политическое воспитание именно в школе Игнатьева, и в этом случае показал себя жалким эпигоном, рабски копирующим те средства, которые 20 лет тому назад имели некоторый успех. Те орудия, за которые 20 — 25 лет назад правительство хваталось под влиянием инстинкта, Плеве и К⁰ пытаются теперь применять «с заранее обдуманным намерением» — и терпят позорное поражение. 25 лет назад правительство, действовавшее под влиянием слепой ярости, жестокими мерами толкнуло революционную партию на путь террора и, оторвав ее от народной массы, в несколько лет ее задушило. В настоящее время правительство провоцирует террор жестокостями, заимствованными из арсенала Мезенцевых[3], Лорис-Меликовых[4] и Тотлебенов[5], но оторвать революционеров от народной массы ему не удается и не удастся. 20 лет назад Лорис-Меликов пытался заигрывать с либералами, не задумываясь серьезно о том, что из этой политической комедии выйдет и как потом разделаться с принятыми на себя обязательствами. Нынешние Лорис-Меликовы заранее обдумывают свои роли в затеваемой ими комедии, заранее дают обещания, чтобы никогда их не выполнять; но когда дело доходит до выполнения «хитроумного» плана, они пугаются ими же самими вызванных невинных либеральных манифестаций, забывают и перепутывают свои роли, не слушаются суфлера из «Нового Времени», выпускают в средине действия на сцену жандарма, которому полагалось выйти в последнем акте, и опускают занавес при гомерическом смехе публики. Жалкие актеры! Они слишком хладнокровно-подлы, чтобы «от нутра» разыграть пьесу, так бойко сыгранную их более невежественными, менее опытными, но зато и более наивно входившими в роль предшественниками. Но они — к счастью для России — достаточно невежественны, политически невоспитаны и реакционно-тупы, чтобы провалиться при первой же попытке поставить на сцену более сложное «комедийное действие», требующееся при нынешних трудных обстоятельствах.

Не иначе подражают своим предшественникам наши нынешние правители и в деле раздувания антиеврейского движения. Первое же выведение на сцену «народа» в роли душителя евреев ознаменовалось такими гнусными явлениями, провокаторская роль полиции, военных, губернских и центральных властей выяснилась так недвусмысленно, что эффект, произведенный кишиневскими неистовствами, уж наверное не оправдал надежд петербургской шайки. И если кишиневский погром не останется единичным явлением, если преступления, совершенные 6 — 7 апреля, повторятся еще где-нибудь, то во всяком случае той цели, которую ставили себе Плеве с братией, они не достигнут.

Эта цель очевидна: отвлечь внимание народных масс от борьбы с самодержавием, озлобить политически неразвитую часть населения против революционеров, внушив ей ужас перед всяким «уличным» движением, создать для социал-демократии моральные и технические препятствия в развитии демонстрационного движения и, наконец, мобилизовать все реакционные силы, которые можно было бы двинуть в бой против ре-

волюционного пролетариата и идущей рядом с ним интеллигенции.

В свете этого несомненно совершающегося очень быстро процесса мобилизации реакционных сил новые погромы приобретают особенно важное значение.

Самодержавие классическое, самодержавие, уверенное в своем материальном могуществе, требует от своих подданных лишь «смирного» поведения. Самодержавие разлагающееся вынуждено отказаться от собственного принципа, согласно которому всякое политическое «оказательство», хотя бы в благонамеренном смысле, считается наказуемым и недопустимым «нарушением государственного порядка». Самодержавие разлагающееся вынуждено пытаться силе сознательно-революционных элементов народа противопоставить общественную же силу, силу организованных его агентами темных, продажных и по природе своей реакционных элементов. И если неаполитанский «король-бомба» [6] для борьбы с итальянскими революционерами вступал в сношения с простыми разбойниками, фигурировавшими в роли «народа», то агенты царского самодержавия вместе с добровольцами реакции из клики Крушевана не стесняются организовывать боевые дружины наемных убийц и простых грабителей, которых не трудно найти «на дне жизни» — в трущобах большого города.

Организация реакционных лавочников, приказчиков и темных босяков под флагом, на котором написано: «бей жидов!», является естественным дополнением к той организации темных рабочих, которою, с легкой руки Зубатова, занимаются жандармы, попы и «националисты» из общества. Боевые дружины для избиения евреев превращаются за пределами черты оседлости в отряды мясников и извозчиков для избиения «студентов» и рабочих-демонстрантов, как это было в Саратове 5 мая 1902 г. и в Томске 19 февраля 1903 г. Реакционная проповедь газет, издаваемых Крушеваном, дополняет ту, которая ведется генералами Богдановичами, Иоаннами Кронштадтскими, отцами Петровыми, сыщиками Слеповыми и другими ораторами зубатовских собраний. И единение «общества» с «народом», так блестяще проявившееся на улицах Кишинева, в Петербурге происходит в «Русском Собрании» [7] и в аристократических салонах, куда приглашаются «самые настоящие» представители рабочих из числа сыщиков охранного отделения.

Реакционные силы мобилизуются по всей линии. Всюду провокатор и жандарм является их организатором, продажный журналист и проституирующийся поп — их «идейными» вдохновителями, а невежество, умственная темнота и зоологические инстинкты — спайкой, посредством которой разношерстные социальные элементы образуют «народную толпу».

Усложняя революционную борьбу и вызывая новые жертвы, эта реакционная мобилизация в конечном счете только приближает развязку. Продукт и симптом разложения самодержавия, она не может задержать этого процесса, обусловленного действием об'ективных законов исторического развития. Если она и может на одном полюсе сгустить мрак политического невежества, обострить реакционные антикультурные чувства и настроения, — то на другом полюсе она содействует накоплению в удвоенной мере революционных чувств и «мятежных» настроений, расчищает политическое сознание и усиливает революционную активность. Собрав под свои знамена десятки и сотни прежде индиферентных, а отныне активно-реакционных элементов, эта демагогическая политика в то же время толкает в ряды борцов за освобождение тысячи людей, стоявших дотоле вне политической борьбы. Реакционная вакханалия, разыгрываемая царскими министрами, к несчастью для них, имеет перед собою сплоченные кадры рабочих — социал-демократов, и это обстоятельство заранее обрекает на позорный неуспех их преступный поход. Если в еврейском мещанском населении под влиянием кишиневского погрома кое-где раздались шумные голоса о том, что в погромах виноваты социалисты и особенно еврейские пролетарии, если навстречу этим воплям пошла гнусная реакционная пропаганда сионистов [8], фигурирующих в роли патентованных представителей «еврейской нации», которые не постыдились воспользоваться психологическим влиянием погрома на темную массу, чтобы внушать ей политическую пассивность — т. е. союз с самодержавием, союз с кишиневскими убийцами, — то, с другой стороны, та часть еврейской буржуазии, которая сохранила еще какие-либо гражданские чувства, стала вооружаться и готовиться к отпору приводимым полицией бандам. В добрый час! Если это вооружение не понадобится вам для обороны против громил, то оно пригодится для поддержки русских, польских и еврейских пролетариев, когда они дадут решительное сражение царизму. Ибо только падение царизма даст евреям гражданское равноправие.

Лучшая часть еврейской интеллигенции и буржуазии оказалась солидарной не с реакционерами-сионистами, а с русскими социал-демократами, которые при первых вестях о событиях в Кишиневе стали готовиться к сопротивлению антисемитским бандам. С удовольствием констатируем мы, что наши южные комитеты без колебаний приняли ту тактику, которую мы, с своей стороны, рекомендуем в № 39 «Искры». Уже теперь сказались результаты этой тактики. Престиж социал-демократии и русского пролетариата сильно поднят в глазах обывателей, открылась новая широкая сфера для политической агитации, и правительство вынуждено несколько сократить пыл своих агентов. Опасность погромов, конечно, еще не прошла, но уже теперь можно сказать с уверенностью, что в выигрыше оказалась социал-демократия и что новая попытка погрома покроет правительство двойным позором и поражением. Русские рабочие бок-о-бок с еврейскими будут отстаивать жертвы антисемитской травли. Там, где правительство сеяло ветер, оно пожнет бурю.

Мобилизация реакционных сил содействует мобилизации сил революции. Но для успешной мобилизации по первому призыву жизни и, в частности, для успешной борьбы с эпидемией погромов требуется единство действий всех социал-демократических рабочих.

Единство же действий всего лучше обеспечивается единством организации при единстве программы. Мобилизуясь по всей линии, реакционные силы в каждом отдельном случае своего проявления выступают организованно, действуют по общему плану и всей своей массой обрушиваются на ту или иную часть населения, враждебного самодержавному «порядку». Для успешного

отпора погромам отнюдь не достаточно сил еврейского пролетариата, как склонны, повидимому, думать некоторые недальновидные люди. Весь российский пролетариат должен в той или иной мере принять участие в той гражданской войне, которая организуется правительством. И только при участии в ней всего российского пролетариата эта война перерастет те рамки, в которых стремится удержать правительство; только в этом случае она станет эпизодом в борьбе между старой и новой Россией.

Можно судить поэтому, насколько уместна попытка органа Загр. Комитета Бунда использовать погромы для целей пропаганды организационного сепаратизма и — в этих видах — для подрыва доверия еврейских рабочих к русской социал-демократии. В № 126 «Последних Известий» мы читаем:

«Ведь, стыдно сказать, до сих пор одна лишь «Свобода» [9] выпустила брошюру о евреях, а «Искра», не жалевшая бумаги для очернения «Бунда», до сих пор не нашла возможным выпустить хоть что-нибудь на эту тему. Русские комитеты больше интересуются просвещением еврейской массы и освобождением ее от предрассудков, выпуская, например, прокламации о сионизме, чем искоренением дикого антисемитизма. Быть может, такое внимательное отношение к еврейской массе и делает им честь, но нет сомнения, что с революционной точки зрения это большой минус. Нужно надеяться, что эта ошибка наконец будет, хотя и слишком дорогой ценой, сознана». Под «слишком дорогой ценой», как следует из текста, надо понимать цену кишиневского погрома и событий, им вызванных.

Мы не станем здесь спорить о том, повинна ли русская социал-демократия вообще и «Искра» в частности в забвении одной из своих задач — борьбы с антисемитизмом. Это завело бы нас слишком далеко, хотя и показало бы, что «Бунд» целиком неправ в своем легкомысленно брошенном обвинении. Скажем только, что главным средством борьбы с антисемитизмом, как вообще с реакционными силами, является революционное просвещение народной массы и организация ее передового элемента — пролетариата. Поскольку русская социал-демократия организует пролетариат и через посредство этой организованной силы воздействует на широкие круги населения, — она делает все более невозможным сколько-нибудь широкий разлив «погромного» движения. Если же социал-демократия в настоящее время еще не располагает достаточными силами, чтобы оказывать свое революционное воздействие равномерно на все слои населения, если поэтому антисемитская демагогия имеет еще кое-какую возможность натравить на евреев те или другие элементы пролетарской массы, то отсюда может вытекать один только вывод: необходимо энергично работать над усилением нашей партии, над такой концентрацией всех ее сил, которая позволила бы вытеснить реакцию даже из самых отсталых сфер населения наших городов и деревень. А чтобы достигнуть этой цели, наша партия должна иметь в своем распоряжении все социалистические силы, к какому бы племени они ни принадлежали, каким бы языком они ни говорили. А это значит, что всякий социал-демократ в России должен не отграничивать поле своей революционной работы одним районом или одной частью населения одного района, но побольше сил отдавать всероссийской социал-демократической организации. В силу этих соображений мы, русские социал-демократы, понимающие интересы нашего дела, боремся против тех тенденций к эгоистическому обособлению своего собственного «гнезда», которые так рельефно проявляются в «Бунде». В силу этих соображений мы и не жалеем бумаги для «очернения» Бунда, как последнему угодно называть нашу принципиальную борьбу с его национализмом, стоящим в коренном противоречии с принципами социализма. Что же касается борьбы наших комитетов с еврейским сионизмом, то, подобно самому Бунду, они не могут от нее отказаться, раз что сионизм отвлекает от рабочего движения известные довольно культурные слои еврейского пролетариата. В этом отношении сионизм представляется более, так сказать, близким противником социал-демократии, чем антисемитизм, который, повторяем, ведет за собой только совершенно темные в культурном и политическом отношении элементы русского населения. Иначе говоря: сионистское движение непосредственно гораздо более грозит развитию классовой организации пролетариата, чем антисемитизм, и, так как для нас, социал-демократов, не существует «избранных» и «неизбранных» народов, то мы никак не можем отказаться от задачи борьбы с «предрассудками еврейской массы». Бунд, повидимому, хотел бы, чтобы эта задача была признана его специальной монополией. Русские социал-демократы уже потому не могут на это согласиться, что эту задачу «Бунд» выполняет далеко неудовлетворительно: на место разрушаемых форм еврейского национализма он развивает другие — на место «предрассудков» сионистского национализма он сеет предрассудки национализма революционного *.

В сердитом замечании корреспондента «Последних Известий» имеется одна верная мысль — это та, что борьба с антисемитизмом может быть по плечу только русской (или, вернее, всероссийской) социал-демократии. В этом отношении он прав и совершенно неправы авторы брошюры «П. П. С. об еврейском рабочем движении», когда (стр. 19) говорят: «хотя борьба с антисемитизмом является прежде всего задачей христианских (?) социалистических партий, но даже в этом отношении (курсив подлинника) еврейские рабочие не должны ни на кого полагаться. Еврейский пролетариат должен взять борьбу против антисемитизма в свои руки».

---

* Пример: на стр. 13 брошюры «Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении» [10] можно прочесть: «Разрешить еврейский вопрос Р. Р. S. [11] хотела не с точки зрения еврейского пролетариата (курсив подлинника), а с своей польской (курсив наш) точки зрения. Она не могла и не хотела понять психологии еврейского пролетариата и пыталась внести в его движение свою польскую (курсив наш) психологию». Только с точки зрения откровенного национализма еврейский или какой-либо другой вопрос допускает различное решение в зависимости от «еврейской», «польской» и т. д. точки зрения. Хороши бы мы были, если б, например, вопрос о свержении самодержавия решали «с русской точки зрения» и противополагали это решение какой-нибудь «немецкой точке зрения»! Наши русские националисты ничего лучшего не желали бы, как признания, что требование равноправия евреев, выдвигаемое социал-демократией, есть решение вопроса с «точки зрения еврейского пролетариата». Для социал-демократии не существует русских, польских, еврейских точек зрения, она знает только точку зрения мирового пролетарского движения.

Позор, что в руководящем органе социал-демократической организации («Arbeiter Stimme» [12]) могут печататься строки, проникнутые такой националистической враждебностью к «чужим» пролетариям! Неважно, какие полемические выходки со стороны П. П. С. побудили «Arbeiter Stimme» написать эти строки; важно, что мысль, здесь выраженная, высказана в такой общей форме, что может служить символом веры для любого «сиониста-социалиста».

Как легко еврейскому пролетариату взять борьбу с антисемитизмом «в свои руки» — это видно, между прочим, и из фактов последнего времени. Если полицейское подстрекательство к погромам могло быть чем-нибудь остановлено, то только реальной угрозой со стороны русских рабочих оказать сопротивление громилам. Если реакционно-паническое настроение среди евреев могло быть чем-нибудь успокоено, то только активным вмешательством русских пролетариев на их защиту. В номере 128 «Посл. Изв.» сообщается, что в Бердичеве майская агитация «Бунда» вызвала — в виду кишиневского погрома — сильную тревогу в буржуазных кругах и сильное озлобление их против социал-демократов, и что появление прокламации Орг. Комитета несколько успокоило евреев, так как они убедились, что революционное движение не есть «чисто еврейское» движение. Мы полагаем, что бердичевские евреи совершенно правы. Если б революционный отпор антисемитским громилам стал делом одних евреев-социалистов, то, как бы ни был он успешен, он только обострил бы взаимные отношения между пребывающим в темноте русским и еврейским населением: «беспорядки» сохранили бы для широкой публики тот характер племенной вражды, какой они носят сейчас. Напротив, если бы против громил выступили об'единенные русские и еврейские пролетарии, «беспорядки» сразу перешли бы на другую почву, на почву политическую. А для того, чтобы это стало возможно во всех случаях, когда это необходимо, социал-демократы-евреи должны всемерно (гораздо более, чем они до сих пор это делали) работать для того «общерусского дела», упоминание о котором вызывает истерику у некоторых «патриотов» своей «фирмы».

Работать для общерусского дела — не значит отказаться от работы по развитию классового самосознания еврейских пролетариев «черты оседлости». Для «общерусского дела» эта последняя работа далеко не лишена значения, и никогда русские социал-демократы не предлагали бундовцам бросить ее. Работать для «общерусского дела» значит только везде и всегда содействовать проведению в жизнь той «общерусской точки зрения», которая есть точка зрения мирового пролетарского движения, не знающего идейных перегородок между эллинами и иудеями. Работать для «общерусского дела» — это значит покинуть нелепую и реакционную точку зрения «самостоятельной национальной рабочей партии» *, раз'единяющей пролетария-еврея от поляка и русского, создающей искусственный антагонизм между такими работниками пролетарской революции, которые связаны

* В листке «Автономия или федерация» мы читаем: «...мы никогда не говорили ни о „независимой политической партии еврейского пролетариата", ни о „федеративной связи" Бунда с Российской Партией». Между тем на стр. 14 вышецитированной брошюры сказано: «Партия, желающая об'единить всех рабочих данной страны, возможна только как федеративный союз национальных рабочих партий... На эту точку зрения стал наш IV С'езд». Читатель видит, что у некоторых людей слово «никогда» не имеет такого категорического смысла, какой ему приписывается обычным словоупотреблением.

«ОРТОДОКСАЛЬНОЕ» БУКВОЕДСТВО.

Н. Рязанов посвятил целых 302 страницы критике нашего проекта программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии *. Это, конечно, очень хорошо, и я первый похвалил бы его за трудолюбие и поблагодарил бы за внимание к нам, если бы его критика проливала хоть немного нового света на наши программные вопросы. К сожалению, именно этого-то она и не делает. Рязанов [13] ничего не выясняет и очень многое запутывает. Его критика бесплодна, как девственница, посвятившая себя богу. К тому же она невыносимо мелочна и манерна. Она чрезвычайно сильно напоминает мольеровских «précieuses ridicules» [14]. Можете судить поэтому, как отрадно читать и как приятно разбирать новое произведение Рязанова! Это поистине мука, нечто вроде докучливой зубной боли.

Да не подумает однако читатель, что я плохо отзываюсь о книге Рязанова просто в отместку за его критику: «вот, мол, тебе; ты нас критикуешь, а мы над тобою смеемся». Совсем нет! Если бы мы даже и отличались мстительностью и если бы мы способны были мстить за критическое отношение к нам со стороны товарищей, то и тогда сочинение Рязанова не внушило бы нам мысли об отместке; представляемый им род критики нам совсем не опасен, потому что всякий мало-мальски чуткий читатель, наверно, тотчас же заметит в ней полное отсутствие серьезного и вдумчивого отношения к предмету. Притом, что касается собственно меня, то если бы я и был лицеприятен в своих литературных отзывах, то я скорее был бы склонен хвалить, чем хулить книгу Рязанова. Он часто с большим одобрением ссылается на мои сочинения, а в одном месте даже причисляет меня к лучшим теоретикам современного социализма. Это, согласитесь, очень большой комплимент. До такой степени большой, что я даже испугался и с беспокойством спросил себя: откуда мне сие? Уж не написал ли я чего-нибудь педантического? Уж не похож ли и я на мольеровских précieuses ridicules? Но меня до некоторой степени успокоило то соображение, что Рязанов одобряет меня далеко не во всех отношениях. Он хвалит собственно только прежние мои произведения, а то, что написано мною в «Заре» и «Искре», не удостаивается его одобрения. По правде сказать, я не равнодушен и к прежним своим работам, и мне было бы очень неприятно убедиться в том, что, например, моя книга «Наши разногласия» или мои статьи, напечатанные в «Социал-Демо-

* См. его книгу: «Материалы для обработки партийной программы. Выпуск II. Проект программы „Искры" и задачи русских социал-демократов. Издание группы „Борьба". Женева, 1903».

единством конечной и ближайших классовых задач. Работать для общерусского дела в теснейшем слиянии с русским пролетариатом — значит для еврейского пролетариата самым действительным образом ковать оружие, которым будет окончательно разбито ярмо, тяготеющее над русскими евреями.

[Л. Мартов]

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ «СТРАТЕГИЯ».

6 мая, в городском парке в Уфе, убит несколькими выстрелами из револьвера уфимский губернатор Богданович. Мстительница-пуля свела счеты с человеком, за два месяца перед тем приказавшим дать залп в мирную толпу бастовавших златоустовских рабочих.

Без сомнения, у многих революционно настроенных людей забилось учащеннее сердце при известии о том, что у русской революции одним врагом стало меньше. Смутное чувство невольно говорило о каком-то удовлетворении, как когда-то то же чувство заставляло приветствовать карающую немезиду в сорванном бурей флагштоке, убившем — во время спуска броненосца — начальника петербургского охранного отделения, полковника Пирамидова. Но пуля, покончившая с губернатором Богдановичем, не стихийный флагшток, а партийный тактический прием, и, как таковой, подлежит нашему анализу, свободному от безотчетных влечений возмущенного сердца, анализу — с точки зрения целесообразности.

Выстрел в Богдановича должен был явиться эпилогом той драмы, которая разыгралась в недрах златоустовского рабочего движения. Вот почему перед нами прежде всего встает вопрос: что же дал этот выстрел рабочему движению в Златоусте?

Почти нетронутая пропагандой, — немногие единицы не в счет, — совершенно неорганизованная масса рабочих на казенном заводе в Златоусте всколыхнулась в начале марта этого года при известии о том, что вводятся новые расчетные книжки, сводящие на-нет те немногие права и привилегии, которыми она пользовалась согласно манифесту 1861 г.

«Не может этого быть», — сказали себе рабочие и пошли странствовать по начальству. Они обращались по всем инстанциям: к исправнику, полицмейстеру, к председателю заводского приказа, к горному начальнику. Они не перестали ходить и надеяться даже и тогда, когда выбранные ими уполномоченные были взяты и посажены в тюрьму. «Было только видно, — пишет лицо, командированное Орг. Ком., — что толпа ошеломлена поведением властей и сосредоточенно хочет уяснить себе их поведение». Сняв шапку, говорила толпа с губернатором: «Ваше превосходительство, явите божескую милость, отмените новые правила». И только поразивший своею неожиданностью залп произвел, наконец, переворот в головах златоустовцев.

«Рабочее население затихло снаружи, — сообщает тот же корреспондент, — но смотрит волком, и внутри его горит бушующее пламя. „Что они с нами сделали? за что? — говорят более экспансивные. — Разве мы хотели буйствовать? Да если бы мы хотели это сделать... нас не выбили бы из этой ямы в течение года“. „Бунтовать! — говорят другие: — да нам достаточно было взять несколько гранат, и от солдат осталось бы одно пустое место. Сами мы ведь делали гранаты-то... Нам стоило только крикнуть, и в один миг мы могли бы разобрать весь арсенал“»... (см. «Искра» № 39).

крате», грешат в сторону того смешного литературного педантизма, который так пышно цветет на страницах книги Рязанова. Но и тут мне во-время пришла в голову одна очень успокоительная мысль. Именно, я сказал себе, что если Рязанов нашел нужным похвалить мои прежние работы и с недоумением пожать плечами по поводу позднейших, то это обстоятельство не имело никакого отношения к содержанию и достоинству тех и других. Нет,

> . . . Умысел другой тут был:
> Хозяин музыку любил...

Не потому хвалит Рязанов мои прежние произведения, что в самом деле находит их хорошими, а просто потому, что ему надо похвалить их по некоторым причинам вполне постороннего и притом совершенно «музыкального» свойства. Стало быть, мне нечего и огорчаться его похвалою.

Но какую же «музыку» любит Рязанов? В данном случае ему нравится вот какая.

Ему, изволите ли видеть, хочется доказать, что прародительница русской социал-демократии, группа «Освобождение Труда», стояла на правильной точке зрения до тех пор, пока не была введена во искушение змием-искусителем Лениным. Он сожалеет об ее грехопадении, но вместе с тем дает понять, что признает существование смягчающих ее вину обстоятельств и, — буде она, раскаявшись, восстанет против змия,—готов даже стереть главу оного. Он рекомендует нашей партии отклонить проект программы, выработанный редакцией «Зари» и «Искры», и принять старый проект. «Освобождение Труда» с соответствующими изменениями. Он, как видно, считает свое предложение крайне лестным для этой группы и надеется, что она станет его поддерживать. Такая «музыка» была бы очень приятна Рязанову. Но мы не имеем ни малейшего желания услаждать его слух.

Во-первых, Рязанов жестоко ошибся, вообразив, что критикуемый им проект программы был навязан нам, членам бывшей группы «Освобождение Труда», змием-искусителем. Змий-искуситель вообще никогда ничего не навязывал нам, а всегда действовал в идейном согласии с нами, как товарищ-единомышленник, нисколько не хуже нас понимавший великое значение правильной теории в нашем деле и нимало не склонный приносить ее в жертву практике. И если проект программы, предлагаемый нами российской социал-демократии, имеет свои недостатки, то за эти недостатки мы, — т. е. П. Аксельрод, В. Засулич и я,—ответственны ничуть не меньше, чем Ленин или какой-нибудь другой член нашей редакционной коллегии. Рязанов и иные проницательные «читатели», любящие посудачить насчет «Искры» и

И если никто не крикнул и если во взволнованной толпе не нашлось человека, который взял бы на себя почин в подобном действии, то об'ясняется это именно тем, что толпа собралась не демонстрировать, а просить и почтительно об'ясняться с начальством. До самого последнего момента рабочая масса доподлинно не знала еще, кто ее недруг, и только тогда, когда, наконец, она это узнала, когда солдатские пули заставили пройти ее эту кровавую выучку, ее мысль начала упорно работать над вопросом о том, что же делать, как не дать врагу вновь застать себя врасплох, как устроить ему достойную встречу, оказать надлежащий отпор.

Прежде темная, а теперь просветленная масса «смотрит волком», и внутри ее «бушует пламя» — нет более подходящего момента, нет более благодарной почвы для выступления партийного сеятеля. Подхватить и развить ее одиноко и вразброд идущие мысли о расправе с врагом, сосредоточить внимание над выработкой форм коллективной борьбы, подготовить ее к ответственной роли коллективного деятеля и дать необходимую организацию — вот те ясные и бесспорные требования, которые настоящее положение дел пред'являет всякой партии, желающей руководить рабочим движением. Рабочая масса в Златоусте проснулась и ищет путей, а в ответ на свои запросы она слышит выстрел, раздавшийся в Уфе «по постановлению боевой организации»; она слышит, что сама она еще не доросла до коллективного отпора, что толковать ей об этом по нынешним временам значит «заменять» «революционное дело» «революционной фразой» и что теперь этот психологически необходимый для нее отпор может дать только выстрел «боевой организации», спасающий ее таким образом от «подавляющего действия» «сознания собственного бессилия» (см. «Рев. Россия», № 24, «Террор и массовое движение»).

Масса была бессильна, — утверждают соц.-революционеры.

Масса была несознательна, — говорим мы. И только в этом заключалось ее горе. Но посмотрите: стоило пробудиться ее сознанию, чтобы эта масса сама заговорила о коллективной борьбе. Разобрали бы арсенал, начали бы метать гранаты, — говорили те самые златоустовцы, которые — не случайно — на страницах «Рев. России»[15] уже фигурировали — «убитые, безжизненные, подобные машинам, к которым приковал их рок», «подавленные отчаянием»; подавленные не потому, что «пало много жертв», а потому, что невыносимо «быть в борьбе только пассивной стороной и только получать удары, а не отдавать их». Эти мертвые тени, понятно, не могли обойтись без содействия «боевой организации». Но подлинные, живые златоустовские рабочие, как и все заводское население Урала, не нуждались в услугах «боевой организации» уже просто потому, что для устранения отдельных ненавистных им лиц заводской администрации они сыздавна практикуют свой собственный, самодельный террор. Зачем же им еще привозный? «Чуть ли не каждую неделю, — пишет один из корреспондентов с Урала (см. «Искра» № 38), — слышишь, что на том или другом заводе пущены в ход поджог, пуля, динамит или бомба. Иногда известия об этом проскальзывают даже в легальные газеты. Но, — прибавляет он же, — рабочая масса начинает сознавать, что этой борьбой отдельных лиц против отдельных проявлений гнета она не может хотя сколько-нибудь улучшить свое положение»... «Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе, дружно и солидарно» — это сознание, поистине великой важности для пробуждающегося пролетариата, начало делать в последнее время завоевания среди всех уральских рабочих;

«Зари», очень хорошо сделают, раз навсегда запомнив это мое категорическое заявление. Легенда о змие-искусителе, довольно усердно культивируемая теперь некоторыми любителями поэтического вымысла, должна быть окончательно оставлена.

Во-вторых, нынешний наш проект программы есть именно не что иное, как старый проект группы «Освобождение Труда», вновь изданный с соответствующими изменениями. Рязанов не одобряет этих изменений, но мы убеждены, что без них обойтись невозможно, и если бы наша партия поручила нам написать новую программу и при этом взять за точку исхода старый проект нашей группы, то мы немедленно и нимало не колеблясь восстановили бы, параграф за параграфом, проект, известный теперь под именем проекта редакции «Искры» и «Зари». Никакого другого проекта мы не могли бы написать по той простой причине, что всякий другой проект не так точно выражал бы наши взгляды.

Рязанов находит в проекте «Искры» и «Зари» большие и неуместные уступки так называемым критикам Маркса. Теоретическая часть проекта кажется ему составленной под сильным влиянием г. Бернштейна[16]. Но она кажется ему такою единственно вследствие того, что он не понимает, в чем заключается существенное содержание так называемого теперь ортодоксального марксизма. В своем правоверии он не идет дальше слов и выражений, и когда ему попадается в разбираемом им проекте какое-нибудь непривычное для него слово или выражение, он вопит: «Караул! Измена марксизму! Чего смотрит Плеханов? Почему он не разит оппортунистического змия — Ленина?» Такая приверженность к ортодоксии по-своему даже трогательна, но в то же время она высоко комична. Она поистине ждет своего Мольера.

Вот пример. Рязанов прочитал в неприятном ему проекте следующие строки: «Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала».

Эти строки приводят Рязанова в большое негодование, потому что он открывает в них «канупер», как называл вредные идеи один цензор у Некрасова. «Почему программа говорит о расширении области господства капиталистических отношений, когда можно было просто сказать о росте или развитии капитализма?—ехидно вопрошает он. — Не потому ли, что рост капитализма

оно — мы уже видели — проникло после бойни и в среду златоустовской массы. И вот, как раз в этот критический период пролетарских исканий, когда на очереди стояла замена стародавних приемов индивидуальной расправы более или менее планомерными действиями коллективного целого, раздался выстрел в Уфе и тем самым была сделана попытка передвинуть опять внимание находящейся в брожении массы от новых, поставленных самою жизнью, задач к устарелой методе отомщения отдельным лицам. И если при вести о гибели Богдановича сгущенная атмосфера в Златоусте хотя сколько-нибудь разрядилась, то разрядилась она в успокоительное чувство удовлетворенной мести, а не в действенный призыв к таким формам борьбы, при которых и самая неудача лишь служит толчком для подготовки массы к дальнейшим действиям. Так, знаменитые ноябрьские стачки в Ростове и на станции Тихорецкой были подавлены и подавлены со многими жертвами. Но они явились исходом для грандиозного под'ема в настроении масс, нашедшего себе выражение и в демонстрации 2 марта[17], и в многочисленных агитационных собраниях, и в беспримерной литературной деятельности Комитета. Поэтому естественно, что всякий, кому истинно дороги интересы «массового движения» и кто на деле, а не только в пылу полемической схватки, действительно отстаивает выдвигаемые этим движением организационные и тактические задачи, с недоумением будет слушать разговоры, ведущиеся в связи и по поводу уфимского события, — о террористических актах, «опирающихся» якобы «на нужды этого (массового) движения» и его «дополняющих». Воистину гг. социалисты-революционеры не могли выбрать момент менее удобный для таких рассуждений! Но еще с бóльшим изумлением он услышит утверждение, что неподготовленная к открытому сопротивлению масса «имеет другой способ отпора — путем выделения специальной террористической организации»... Это говорят — всё по поводу того же события — люди, которые только что перед тем утверждали, что златоустовские рабочие оказались неспособны защитить себя сами, что они угнетены сознанием собственного бессилия и что именно потому к ним на помощь поспешила всероссийская «боевая организация». Теперь же выходит, что на один и тот же террористический акт есть уже два претендента: «боевая организация» «партии» соц.-рев. и «специальная террористическая организация», выделенная массой! И это забавное qui pro quo случилось с нашими газетными террористами, все благодаря их тяготению — на словах — к массовому движению!

После златоустовской бойни, — говорят соц.-революционеры, — чувствовалась необходимость «в интересах массового движения доказать, что революционное движение в России достаточно сильно и решительно для того, чтобы не оставить без ответа и безнаказанными таких вопиющих злодейств над рабочим народом».

Знакомые мотивы! Мы уже слышали их из уст соц.-рев. Качура. «И народ и правительство, — писал он, — должны знать, что революционеры не позволят проливать народную кровь... Я верю, что ей (боевой организации) удастся заставить правительство не бороться с нами кнутом и кулаком; я верю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движение могло свободно развиваться» (см. «Рев. Росс.» № 10).

Мы желали бы, чтобы эти слова обученного соц.-революционерами рабочего Качура сохранились в памяти читателя и чтобы он помнил их особенно тогда, когда ему придется услышать, будто некие злонамеренные люди «клевещут», утверждая, что террористические

означает рост пролетариата, т. е. экспроприацию самостоятельных производителей sans phrases, а слова „расширение области производства“ и т. д. отличаются большой „гибкостью“ и дают возможность лучше охватить живую действительность?» (стр. 21 — 22). На этот ехидный вопрос ответить очень не трудно. Если бы мы почему-нибудь избегали говорить о «росте пролетариата» и об экспроприации самостоятельных производителей sans phrases, то мы не сказали бы, что усовершенствование техники превращает часть мелких самостоятельных производителей в пролетариев. Раз мы сказали это, то ясно, что говорить о росте пролетариата мы ни капельки не боимся. А если мы считаем нужным прибавить, что в зависимости от капитала, кроме того, попадают многие из тех мелких производителей, которые еще не успели стать пролетариями, то нужна вся педантическая наивность Рязанова, чтобы увидеть в этом прибавлении уступку оппортунистам. На самом деле тут не уступка, а нечто прямо противоположное. Оппортунисты, — вместе с Рязановым, — измеряют рост капитализма ростом пролетаризации производителей. А мы говорим, что они, — т. е. оппортунисты и Рязанов, — употребляют неточную меру, потому что местами мелкие производители, которые, повидимому, сохранили свою самостоятельность, а потому и не могут быть причислены к пролетариям, на самом деле все-таки попадают в зависимость от капитала. Стало быть, рост капитализма совершается быстрее, чем это кажется оппортунистам (и Рязанову). Вот что говорят не понравившиеся нашему критику строки. Где же в них оппортунизм? Где страх перед г. Бернштейном? Ничего этого в них нет и следа. А потому нимало мы не боимся и тех насмешек, которыми осыпает их наш критик. Мы знаем, что эти насмешки — плод теоретической беспомощности Рязанова, запомнившего известные «ортодоксальные» выражения, но не понявшего смысла «ортодоксального» марксизма. На его насмешки мы ответим ему словами поэта:

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мне прискорбно видеть в ней
Несчастье твоего рассудка
И счастье памяти твоей.

А почему мы называем упомянутую зависимость мелких производителей от капитала более или менее явной, более или менее полной, более или менее тяжелой? Нет ли тут какой-нибудь уступки оппортунистам? Нет, и эти строки написаны нами не потому, что мы хотели отступить перед оппортунистами, а, напротив, потому, что мы считали нужным и возможным принудить их к отступлению. Пока зависимость мелкого производителя — например крестьянина — от капитала не бьет еще в те

тенденции соц.-революционеров ни в коем отношении, кроме вредного, к массовому движению не стоят. А теперь мы обратим его внимание на приведенную выше цитату и спросим: неужели уфимский «террористический акт» «доказал» или мог доказать сколько-ниб. сознательным рабочим какую-либо «силу» революцион. движения в России? Среди мутных вод самодержавно-бюрократического моря в террористические сети, наконец, заплыла второстепенная рыбешка. Спрашивается, дает ли это право говорить рабочей массе об удаче ловцов, о «доказанной» «силе» «революционного движения» в то самое время, когда главные зубастые щуки, — и это не случайно, да и всех не переловишь, — свободно гуляют на просторе? Через год после министра Сипягина — один из бесчисленных клевретов самодержавия, губернатор Богданович! На этом невозможно построить даже и той сенсации, которую — худо ли, хорошо ли — могла в течение некоторого времени поддерживать в «обществе» покойная «Нар. Воля»: ведь удары ее шли crescendo, по восходящей линии, закончившись первым марта *. Не о силе революционного движения говорит рабочим массам выстрел в Уфе, а, наоборот, о его дезорганизующей слабости. Истинно-революционное движение, опирающееся на массы, когда оно в самом деле будет настолько сильно, чтобы врагов своих казнить или миловать, уже, конечно, направит свои усилия не на охоту за отдельными представителями проклятого режима (имя же им легион!), а на планомерную атаку этого режима. Но у нас в России пока еще нет революционной партии, которая не то что представляла бы собой казнящую или милующую «силу», а даже просто — сплоченный организм, единообразно и правильно действующий, подчиняясь единому центру. Российская соц.-демократия делает за последнее время величайшие усилия для того, чтобы, наконец, после многолетней работы, превратиться в подобный организм. Но как прикажете охарактеризовать тех писателей, которые, отправляясь от такой эфемериды, как «партия» соц.-революционеров, до сих пор не заявившая себя буквально ни одним коллективным «действием», развязно ссылаются — в подкрепление террористической тактики — на действующие армии с их полками, «отрядами», различными видами оружия и всенаправляющими полководцами? *

* Что геройская, «отчаянная» борьба русских революционеров конца семидесятых годов в свое время изумляла и заражала Европу своим «воодушевлением и самоотверженностью», об этом — и только об этом — говорит Каутский в своей статье «Славяне и революция», ни словом не касаясь вопроса о целесообразности систематического террора. Но тот же Каутский, вскоре после выстрела Карповича [18] и мартовских событий 1901 г. [19] писал (см. № 30 «Neue Zeit» [20] за 1901 г., статью «Die neue Bewegung in Russland»):

«Мы надеемся, что выступление пролетарской массы на арену борьбы придаст движению ту силу, которая сделает террор устарелым и вредным средством борьбы. Правда, приемы борьбы царизма такие варварские, что почти неизбежно вызывают с противной стороны террористические действия. Уже и теперь можно отметить несколько таких актов. Но от разрозненных поступков отдельных лиц до систематического террора целой партии путь еще длинный, и мы надеемся, что новое революционное движение настолько превзойдет по силе и зрелости своего предшественника, что не будет вынуждено итти этой мучительной дорогой».

Кажется, ясно и недвусмысленно, но это нисколько не мешает гг. социалистам-революционерам — для подкрепления своих доводов — всуе призывать имя Каутского.

* Поэтому нам более чем странно слушать обычный припев соц.-революционеров, будто их террор находится под «контролем» партии, другими словами — того бесплот-

---

близорукие глаза, которые существуют главным образом затем, чтобы не видеть, она неохотно принимается во внимание социалистическими оппортунистами и апологетами капитализма, и попавший в нее производитель продолжает считаться самостоятельным. В виду этого факта, — хорошо известного всем тем, которые знакомы с современной социально-политической литературой, — мы сочли нужным напомнить, что более или менее скрытая зависимость есть все-таки зависимость и что ее возникновение знаменует собой расширение области господства капиталистических производственных отношений. Это напоминание показалось опасным новшеством Рязанову. Но что же нам делать? Нам попрежнему остается только скорбеть о том, что его память счастливее его силы суждения.

А почему мы говорим, что указанная зависимость бывает более или менее полной и тяжелой? По причине, тождественной с только что приведенною. Зависимость «самостоятельного» производителя от капитала обыкновенно не принимают во внимание, пока она не очень тяжела или не дошла до своего крайнего предела. Поэтому и в статистических расчетах, приводимых для опровержения «марксовой догмы», производители, еще не успевшие попасть в полную и тяжелую зависимость от капитала, фигурируют обыкновенно в качестве самостоятельных. Мы своей формулировкой напоминаем о том, что это не более как апологетический софизм, а Рязанов кричит об измене ортодоксии единственно потому, что в ортодоксальных программах других стран он с подобной формулировкой не встречается. Нам прискорбно, очень прискорбно видеть это счастье его памяти и это несчастье его рассудка.

«Что значит увеличивать „хозяйственное значение“?» — продолжает ехидничать Рязанов.

На этот вопрос, свидетельствующий об его полной научной невинности, тоже очень легко ответить.

Если прежде стоимость годового продукта крупных предприятий составляла половину стоимости годового продукта данной нации, а теперь составляет три четверти ее, то хозяйственное значение названных предприятий увеличилось. Неужели это не ясно? Неужели это не просто? И неужели Рязанов не знает, что по мере того, как растут производительные силы буржуазного общества, хозяйственное значение крупных предприятий все более и более увеличивается? Если в самом деле не знает, то я советую ему обратиться, например, к германской статистике: он найдет там по этой части очень поучительные данные.

А какой ценой покупается это увеличение хозяйственного значения крупных предприятий? Ответ и здесь прост и ясен: ценой уменьшения значения средних и мелких

«И в войнах, — говорят они, — наряду с отрядами, напирающими густым строем, бывают и раскинутые цепи застрельщиков, и смелые диверсии небольших дружин добровольцев-охотников. И смешон был бы тот полководец, который во имя какого-то абстрактного... «массового принципа» стал бы отрицать всякие виды... военной тактики, кроме прямолинейного наступления густыми колоннами, сомкнутым строем всей „массы“ войска».

Но, без всякого сомнения, был бы нисколько не смешон, а преступен тот — с позволения сказать — «полководец», который в момент начинающейся мобилизации народного ополчения, когда еще нет дисциплинированного войска и так много хаотического возбуждения, вздумал устраивать «сражения» — с двумя-тремя «охотничьими отрядами». А затем по меньшей мере странно — и возможно лишь крайне условно — сравнивать революционную партию, действующую при данных в России условиях, т. е. в период, подготовительный к народному восстанию, — с армией на войне. Армии, идущей в битву с врагом, приходится прежде всего задаваться вопросом о том, как рациональнее распределить, истратить, развернуть свои наличные силы. Нечто совершенно другое представляет собой партия, опирающаяся на массы в своем развитии. Можно сказать: до окончательной схватки с врагом она одерживает свои главные победы — над сознанием рабочего народа. Вся ее тактика, каждый ее шаг рассчитан не столько на то, чтобы непосредственно сломить неприятеля, сколько на то, чтобы массовыми движениями подготовить из необученной толпы своих сторонников крепкие кадры победоносного войска. Но этого мало: каждым своим коллективным действием партия, будоража толпу, до тех пор индиферентную, призывает эту массу к участию в действии. Лишь по нужде принимает она — до времени — сражения от врага, предпочитая, как буры в войне с англичанами, своими вечно тревожащими маневрами держать его в постоянном напряжении.

Этого не понимают и не могут понимать наши «социально-революционные» противники. Потому-то и играют они такую «своеобразную» роль в демонстрациях — этих типичных проявлениях массового действия. Сегодня они готовы кричать об их непригодности, а завтра — делать попытки звать неготовую толпу — на штыки неприятеля, чтобы тотчас же затем — под впечатлением неудачи — опять взывать к спасителю-террору. На их языке это называется — разносторонностью!

Гг. соц.-революционерам показалось, что уфимский выстрел удобный случай для того, чтобы пристегнуть свое имя к пролетарскому массовому движению. Ну,

---

чего существа, которое следует золотому правилу: кто в лес, кто по дрова. Кстати, для того чтобы доказать «невозможность» для «террористического отряда» «оторваться» от массы и «превратиться в самодовлеющее предприятие», соц.-революционеры, нимало не смущаясь, проводят параллель между ним и «любой типографской и транспортной группой». Эти смелые люди забывают или сознательно игнорируют одно: типографская или транспортная группа по самому своему характеру группы, имеющей дело с отдельными подготовительными стадиями революционного «производства», ни в коем случае не может зажить самостоятельной жизнью, не переставая быть типографской или транспортной группой. Совершенно другое дело — «террористический отряд»: он не только может, но он всегда имеет тенденцию развиться в «самодовлеющее предприятие», о чем и говорят нам факты прошлого.

предприятий. При этом возможны, разумеется, самые различные комбинации. Может случиться, что число как мелких, так и средних предпринимателей не изменится. Может тоже случиться, что оно увеличится в большей или меньшей степени*. Может, наконец, случиться и то, что число производителей одного из этих разрядов увеличится, а число производителей другого разряда уменьшится. Так, например, в Германии за время от 1882 до 1895 г. число мелких предприятий (с 1—5 лиц.) уменьшилось на 186.285, а число средних (с 5—50 лиц.) увеличилось на 54.458. Но это последнее обстоятельство, — т. е. увеличение числа средних предприятий, — не помешало уменьшению их значения в хозяйстве страны**.

Если уменьшение этого значения сопровождается относительным ухудшением положения производителей даже в том случае, когда их число возрастает, то можно догадаться, что́ происходит в том случае, когда это число уменьшается. «Трудно себе представить, — справедливо говорит Каутский в своей «Эрфуртской программе», — более жалкое, более бедственное существование, чем то, какое ведет мелкий ремесленник или мелкий крестьянин, конкурирующий с крупным производством». Число мелких производителей уменьшилось в Германии в периоде 1882—1895 гг. именно потому, что часть их не выдержала конкуренции крупного производства (между тем как другая попала «в более или менее полную» и т. д. зависимость от капитала, см. выше). Но победа крупного производства над мелким знаменует собой именно рост хозяйственного значения крупных предприятий. Судите же после этого о глубокомыслии Рязанова, с самодовольным ехидством вопрошающего нас: «Неужели постоянное усовершенствование техники ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей только потому, что увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий?» (стр. 22).

Наш глубокомысленный и едкий Рязанов не унимается: «Мелкие самостоятельные производители вытесняются — кем?» — ехидно вопрошает он. Но читатель

---

* Пусть извинит мне Рязанов за частое употребление слово «более или менее». Я знаю, что он, при своем решительном характере, очень их недолюбливает. Но как обойтись без них, не превращаясь в метафизика, рассуждающего по формуле: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого»?

** То соображение, что хозяйственное значение предприятий данного разряда может уменьшиться, несмотря на увеличение их числа, обыкновенно не приходит в голову апологетам капитализма и критикам Маркса или замалчивается ими. Наша программа напоминает о нем. А Рязанов, по своему обычаю, не разобравши дела, кричит: «измена!».

что ж? Если на минуту допустить эту связь и признать за ними «роль» в движении, то это будет лишь «роль» — не лишенных усердия дезорганизаторов.

[Старовер-А. Потресов]

ПОЛЬСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ О «БУНДЕ».

В № 4 журнала «Przegląd Robotniczy»[21] в заметке, подписанной Р. Л., дается оценка изданной Бундом брошюре «Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении». Приводим ту ее часть, которая посвящена позиции Бунда.

«Брошюра Бунда обнаруживает, как нам кажется, некоторое шатание в вопросах организационных вообще.

«Авторы брошюры обосновывают необходимость отдельной самостоятельной еврейской партии в Польше и в России двоякими аргументами. Во-первых — специальными политическими задачами, вытекающими из исключительного положения евреев в русском государстве. „Еврейский пролетариат, — говорят они, — не составляет исключения среди пролетариата всех других наций. На-ряду с общими требованиями пролетариата тех наций, среди которых он живет, он имеет еще свои собственные национальные требования, свои собственные исторические задачи". Такой задачей, по мнению Бунда, является достижение гражданского равноправия для евреев в России. Во-вторых, „пролетариат каждой нации имеет свою выработанную историей психологию, свои традиции, привычки и т. п...", что также делает, по мнению авторов брошюры, необходимым создание самостоятельной партии, которая „должна быть проникнута его (данного пролетариата) идеалами, понимать его психологию".

«Нам кажется, что оба аргумента недостаточны для обоснования необходимости „самостоятельной еврейской партии".

«Что касается первого пункта, то мы полагаем, что товарищи „бундовцы" ошибочно считают достижение гражданского равноправия евреев специальной политической задачей еврейских социалистов. Наоборот, уничтожение исключительных законов против евреев заключается в программе как польской, так и русской социал-демократии, стремящейся к политической свободе для всех „подданных" царя, без различия национальности, пола и вероисповедания, точно так же как „черта оседлости" и другие варварства царизма по отношению к евреям представляют собою лишь одно из проявлений господствующей реакции.

«Если бы специальные исключительные законы, касающиеся известных групп пролетариата, могли служить основанием для отделения их в самостоятельную партию, то мы в Германии пришли бы к выводу, что земледельческий пролетариат, живущий под господством пресловутого Gesindeordnung (положение о прислуге), должен создать самостоятельную социалистическую партию с целью завоевания себе равноправия.

«В действительности дело обстоит не так. Собственно сущность социал-демократической партии составляет то, что по отношению к разрозненным групповым и временным интересам пролетариата она представляет общие и постоянные интересы рабочего класса в каждом государстве, и это соединение всех частичных стремлений класса в одну программу действий есть одновременно лучший оселок и лучшее подтверждение этих стремлений. Если интересы известной группы пролетариата могут по природе своей составлять только программу этой группы и не могут быть обоб-

---

согласится, что отвечать на этот вопрос совершенно излишне: дело ясно и без того. Мы предпочитаем потолковать с Рязановым о кризисах. Тут мы можем услышать от него нечто в самом деле пикантное.

В нашем проекте программы показано, каким образом технический прогресс изменяет производственные отношения современного общества к невыгоде пролетариата. Вслед за этим мы говорим: «Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся соперничество этих стран на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающих количествах. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя в свою очередь еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса».

Эти строки приводят Рязанова в очень веселое настроение духа. Он, как говорится, просто покатывается со смеху и непрерывно блещет шутками. „Назвался груздем, полезай в кузов", — острит он. „Более или менее острые кризисы" и „более или менее продолжительные периоды промышленного застоя" могут только еще „более или менее" разорять мелких производителей, еще „более или менее" увеличивать зависимость наемного труда от капитала и т. д. Этот вывод, конечно, „более или менее" нелеп, но виноваты тут „более или менее" нелепые посылки» (стр. 33).

Очень хорошо! Остра твоя, конечно, шутка! Но чем же именно нелеп тот вывод, который подсказывает нам наш остроумный критик? Тем ли, что вредное влияние кризисов и периодов застоя на положение пролетариата и мелких производителей определяется в нем лишь как «более или менее» сильное? Нет! Это совсем не нелепость, это, — самая очевидная истина: кто же не понимает, что не все кризисы и не все периоды промышленного застоя одинаково вредно влияют на положение наемных рабочих и мелких производителей? Нелепость не здесь. Она заключается в том предположении, — молчаливо принимаемом в остроумной шутке Рязанова, — что, чем острее кризис, тем вреднее его влияние на положение указанных классов. Это предположение ни на чем не основано: при известных условиях менее острый кризис может оказаться более вредным для рабочих и для мелких производителей, чем кризис более острый. То же надо сказать и о периодах промышленного застоя. Их вредное влияние

щены как интересы пролетариата всего государства, то это может служить прямым доказательством, что в данном случае мы имеем дело со стремлениями, ошибочно почтенными за классовые интересы рабочих. Это относится, например, к требованию восстановления Польши *. Если же стремление известной группы пролетариата входит как составная часть в общую программу рабочей партии и может быть обобщено как требование всего пролетариата данной страны, то это — очевидное доказательство того, что мы имеем дело с известной частичной формой классового интереса. Таково положение вопроса о достижении равноправия для евреев путем свержения самодержавия. Поэтому, раз приобретение евреями прав гражданства не есть специальная задача еврейских социалистов, а задача, общая для них и для всех прочих борцов за политическую свободу в русском государстве, то специальная партия, построенная на основе этого требования, была бы с самого начала создана в расчете на измену, на предательство в решительный момент со стороны русского, польского и пр. пролетариата по отношению к делу еврейского пролетариата.

Такая предусмотрительность, весьма похвальная в частной жизни, могла бы однако в политической борьбе иметь место лишь относительно буржуазных партий, но отнюдь не относительно партии пролетариата, для которой дело гражданской свободы во всяком частичном проявлении есть ее собственное классовое дело. По правилу—hodie tibi, cras mihi **—рабочий класс вынужден бороться с реакцией во всех ее проявлениях и охранять свободу — даже для иезуитов, как мы это видим на примере немецкой социал-демократии. Тем менее поводов имели бы еврейские товарищи предполагать, что социал-демократия русского государства будет пренебрегать делом эмансипации евреев, если последние не отделятся для борьбы за нее в самостоятельную партию. Напротив, нам кажется, что путем тесного об'единения с другими социал-демократическими организациями в одну партию Бунд может гораздо успешней влиять в том направлении, чтобы наряду со всеми политическими требованиями обращалось в достаточной мере внимание на дело равноправия евреев, нежели тогда, когда это дело выделяется Бундом из совокупности требований как его, Бунда, монополия.

«Точно так же слабым кажется нам утверждение брошюры, что „если еврейский пролетариат захочет, чтобы права его (по достижении политической свободы) были действительными правами, если не хочет, чтобы они даны были ему из жалости, по добрым соседским чувствам, — он должен будет сорганизоваться и тогда в самостоятельную революционную партию“. Мы полагаем, что в данном случае еврейские товарищи являются жертвой простого недоразумения. Ведь при достижении политической свободы еврейский пролетариат не получит никаких специальных прав, для использования которых он должен был бы организоваться в особую партию. Политическая свобода будет в сущности уничтожением всяких исключительных законов о евреях, уравнением их в гражданских правах со всеми прочими; для пользования же общими политическими правами, казалось бы, еврейский пролетариат может наилучшим образом соединиться в общую партию со всем пролетариатом русского государства.

* Как известно, польская социал-демократия отрицает всякую связь между требованием отделения Польши и интересами польского пролетариата.

** Сегодня твоя очередь, завтра — моя.

не может быть измеряемо одной их продолжительностью. Оба эти молчаливые предположения действительно нелепы. Но они не наши: они сделаны Рязановым. Значит, и смеется Рязанов не над нами, а над самим собою.

Но это еще только цветочек, а вот ягодка — и довольно сочная. Со свойственной ему остротой и беспощадностью анализа Рязанов разбирает строки, относящиеся у нас к кризисам и периодам застоя, можно сказать — до самых мелких подробностей. Так например, услышав, что мы говорим о кризисах и о периодах промышленного застоя, он, нахмурив лоб, наморщивши чело, немедленно ставит нам следующий тонкий и, по его мнению, уничтожающий вопрос: «Какое значение имеет тут союз „и“? Противопоставляет или соединяет?» И он не берется отвечать за нас: «Трудно сказать определенно, — говорит он, разводя руками. — Мы можем только сказать, что „и“, поставленное между этими двумя понятиями, должно показывать, что авторы отличают кризисы от периодов промышленного застоя. Иначе они не сочли бы нужным выделить второе явление». Что верно, то верно! Мы в самом деле отличаем кризисы от периодов застоя и потому мы рукоплещем догадливости Рязанова. Но он недоволен нами; он сердится; он опять становится язвительным. «Для чего они это сделали? — спрашивает он, грозя очами, и насмешливо отвечает: — Для обстоятельности. И действительно, если явится какой-нибудь новый Бернштейн и докажет нам, что „более или менее острые кризисы“ уже исчезают, то у нас про запас останутся еще более или менее продолжительные периоды промышленного застоя! Мы таким образом победоносно парируем возможное возражение возможного Бернштейна. Но, к сожалению, мы при этом „фотографичность“, конкретность тож, покупаем на счет логики и научности» (стр. 32).

Вот оно как! Насчет логики и научности! Но не слишком ли это строго, наш остроумный критик? Почему вы вообразили, что мы убоялись возможного Бернштейна? Почему вы не хотите допустить, что мы просто-напросто хотели остаться верными действительному взгляду действительного Маркса? Возьмите действительный первый том действительного сочинения, называемого «Капитал», и там, на действительной 374-й странице действительного русского перевода (под редакцией г. П. Струве), вы найдете вот что:

«Эта громадная, дающая себя знать в толчках растяжимость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за производственной горячкой переполнение рынков, сокращение которых производит паралич. Промышленная жизнь таким образом превращается в последовательный ряд периодов среднего ожи-

«Так же обстоит дело и с другим аргументом: национальные особенности недостаточны для обоснования партийной обособленности. Психология, национальные различия обусловливают, разумеется, специальные способы агитации, но отнюдь не требуют образования особой партии. Психология рабочих на Урале или в Тифлисе в высшей степени отличается от психологии петербургского пролетария, не меньшая разница и между психологией баварского батрака и берлинского рабочего.

«Самым важным для социалиста национальным отличием является, без сомнения, язык, который вместе с специальной еврейской культурой требует специальной агитационной литературы и особой устной агитации, что делает необходимой такую организацию, как Бунд. Мы ничуть не сомневаемся, что те блестящие результаты, каких социалистическая агитация достигла в настоящее время среди еврейского пролетариата Польши, Литвы и России, были возможны лишь благодаря значительному приспособлению Бунда к среде, в которой он работал. Отсюда вытекает необходимость соответственной формы организации, которая бы обеспечила Бунду и на дальнейшее время самодеятельность в его агитации и достаточную свободу движений в пределах социал-демократической партии государства. Но мы полагаем, что такая свобода вполне осуществима внутри общей партии.

«Словом, с какой бы стороны ни брать вопрос, трудно обосновать необходимость совершенно отдельной еврейской партии практическими целями агитации или политической борьбы пролетариата. Такое обоснование могла бы дать лишь отдельная националистическая программа. Но Бунд сам не признает такой постановки вопроса, высказываясь — в противоположность „P. P. S“ — совершенно справедливо, что „свержение самодержавия есть общая задача всего пролетариата империи“ и что „общая борьба требует общей тактики и общей минимальной программы“, в выработке которой „должны участвовать все социал-демократические партии, которые борются против ига самодержавия“.

«Наконец, авторы брошюры выставляют общее положение, что „партия, желающая об'единить всех рабочих данной страны, без различия национальностей, возможна только как федеративный союз самостоятельных национальных рабочих партий“. В связи с этим мы находим теорию, что единица, лежащая в фундаменте международной организации пролетариата, — это национальная партия, второй этаж, если можно так выразиться, составляет федеративный союз национальных партий в каждом государстве, а связь этих федеративных союзов между собою представляет вершину здания.

«Во всяком случае следует заметить, что в современном социализме эта этнографическая теория международности вместо политической впервые выставляется Бундом. И в теории и в жизни организационную единицу социалистического пролетариата представляет в настоящее время не нация, а рабочий класс, живущий в известных общих государственно-политических условиях. Регулировка отношений национальных групп внутри этих партий есть только вопрос практических требований агитации, неодинаковых в различных государствах и в разное время. Федерацию, как принцип этих отношений, впервые провозгласил собственно Бунд Из практики же международного социализма, как и из принципов его, скорее можно было бы, наоборот, вывести, как принцип организации внутри каждого государства, как можно более строгую централизацию, особенно пригодную для

вления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя». Как вы думаете, глубокомысленный критик, — какое значение имеет тут союз „и“? Противопоставляет он или соединяет? Согласитесь, что это очень интересный вопрос, и не скажете ли вы нам, какого именно «возможного Бернштейна» боялся действительный Маркс, когда действительно отличал кризисы от периодов промышленного застоя?

Подумайте об этом, а мы пока отметим, как в том же (первом), так и третьем томе «Капитала», много подобных мест, не оставляющих никакого сомнения в том, что сам действительный Маркс страдал ненавистной вам «обстоятельностью».

До сих пор я восхищался счастьем памяти Рязанова и оплакивал лишь несчастье его рассудка. Теперь я скажу, что в злополучной борьбе его с союзом „*и*“ он был одновременно покинут и рассудком и памятью. И тут он потерпел окончательное крушение, погиб во цвете лет и несравненной литературной красоты. Рязанов может теперь воскликнуть, слегка видоизменяя слова пушкинского Олега и произнося их не с иронией, а с самой неподдельной меланхолией:

Так вот где таилась погибель моя,
Мне смертию «*и*» угрожало!

Бедный Рязанов! Мне, право, вас очень, очень жалко.

Вся книга нашего неугомонного критика написана в таком духе. Рязанов выдает себя за ортодокса, но занимается он просто-напросто буквоедством, причем, как мы только что видели, по временам очень сильно удаляется от ортодоксальной точки зрения. Оно и понятно: чтобы стать «ортодоксом», одной памяти на слова и выражения недостаточно: нужна способность к диалектическому мышлению, которой у Рязанова нет и следа. Увесистым плодом более или менее «ортодоксального» буквоедства Рязанова явились три сотни печатных страниц, решительно никому, — кроме самого Рязанова, да разве еще его группы, — ненужных и решительно ни на что непригодных, кроме разве служения очень ярким примером того, что иное дело критика, а иное дело буквоедство. Скучно возиться с буквоедством. Но... долг прежде всего, и в следующем номере я, по долгу службы, буду продолжать свой разбор более или менее «ортодоксальных» критических упражнений Рязанова.

Г. Плеханов.

наций, не отделенных территориально. Меньшее или большее применение федерализма является скорее в каждом отдельном случае уступкой в виду исключительных условий, как например, в Австрии».

Р. Л[юксембург]

ЕЩЕ О ТАРТЮФАХ.

Может быть, это слишком громко — Тартюфы; но, если прибавить: Тартюфы маленького роста и большой бездарности, — то будет приблизительно верно. Ибо Тартюф, старый католический Тартюф, был талантлив в лицемерии и его нравственный цинизм не был цинизмом бессилия. Другое дело — они, почтенные публицисты «Революционной России».

Они против полемики, — это значит, что они оставляют за собой право не отвечать, когда их уличают в мистификации, в извращениях, в популяризации буржуазной лжи...

Они против полемики, которая расстраивает братские ряды, поселяя «колобродство, нелепые умствования и раскол», которая на-руку гг. Плеве, которая вредит единой, священной, великой (много, очень много прилагательных) цели... которая — говоря кратко — полагает отчетливую грань между рекогносцировочным отрядом буржуазной демократии и партией пролетариата... И они с жадностью, которая внушается им их классовым инстинктом, хватаются за каждую рахитическую идейку, способную — на их взгляд — подорвать политический вес социал-демократии. Ее «догме» они противопоставляют свой самодовольный, свой молодцоватый скептицизм, ее «небоевой» тактике — свою революционную «мимолетность»...

«Мимолетность»... Вы помните краткую, но веселую повесть о скромных похождениях ростовской группы лиц, «тяготевших ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присвоивается имя «социал-революционных» («Рев. Росс.» № 15, «По поводу ростовских событий»)?

Как игриво переплетаются шаловливые звуки этой повести, поведанной «Р. Р.», с торжественными аккордами ростовских событий! «Образовалась было группа... Попробовала самостоятельно вмешаться... Попытка оказалась мимолетной»...

Увы, не в последний раз!.. Киевский корреспондент «Р. Р.» в № 23 этого органа излагает нам печальную повесть новой м и м о л е т н о с т и, разумеется — «резко-революционного характера».

Киевское сообщение, цель которого скомпрометировать Киевский Комитет нашей Партии, построено с глубоким знанием интимных пружин человеческого сердца. Читатель не сразу огорашивается суровыми нападками на социал-демократическую организацию, — нет, он проводится предварительно через длинные пропилеи, пред ним раскрываются светозарные возможности, и только потом, в конце, когда «психологический момент» подготовлен, читателю наносится решительный удар.

Первое письмо из Киева широкими смелыми мазками рисует «социально-революционную деятельность среди наших рабочих». «С начала весны наш комитет по 2-3 раза в неделю устраивает массовые собрания, небольшие — человек в 20-30, и более крупные — в 100-150 человек». «Темой была — необходимость устроить демонстрацию». Второе письмо рисует впечатление от кишиневских событий. Далее изложение событий, с чисто шекспировским расчетом, прерывается письмом «политических заключенных Киевской тюрьмы» к «товарищам на волю». Письмо представляет собою призыв к смелой, энергичной борьбе. Затем повествование снова вступает в права. «Еще перед 19 февраля Киевский Комитет Партии С.-Р. организовал целый ряд массовых сходок, на которых обсуждался вопрос о вооруженной демонстрации 19 февраля». И вот, несмотря на то, что «наш комитет» вел агитацию на целом ряде сходок, и не просто сходок, а массовых—в пользу демонстрации, и не просто демонстрации, а вооруженной,— 19 февраля ничего не состоялось. Почему? Не было, видите ли, достигнуто «необходимое для успеха согласие д р у г и х о р г а н и з а ц и й». Заметим это.

Так как «другие организации» бездействовали, то «рабочие прямо истомились в ожидании непосредственной борьбы». Даже пассивность с.-д. комитета не устояла: «считаясь с таким настроением, Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П. уже выпустил призыв на демонстрацию 20 апреля». А как же социалисты-революционеры? Разумеется, они были на пушечный выстрел впереди событий. «Что касается нашего Комитета, то он решил не только устроить (sic) демонстрацию, но и придать ей резко революционный характер, организовав серьезный отпор полицейским и казацким бесчинствам». Читатель, все еще находящийся в пропилеях, испытывает приступ радостного сердцебиения: С.-Д. Комитет, наконец, выведенный из состояния летаргии, решил устроить 20 апреля демонстрацию, а, главное, с.-р. тоже «решили устроить» 20 апреля демонстрацию и притом «резко революционного характера». Будет буря!

«Перед напором революционной энергии рабочих умолкает умеренный и осторожный голос колеблющихся, и мы решили в пятницу (18 апреля) распространить нашу первомайскую прокламацию, а в субботу — плакаты с призывом на демонстрацию 20 апреля».

«Пока что — все население Киева страшно взбудоражено. На лицах всех обывателей написана тревога, и в воздухе пахнет событиями». Все это, повидимому, в ожидании социал-революционных «плакатов». Будет буря!

Увы! Последнее письмо сообщает нам, что «события, которыми пахнет в воздухе», отменены. Кем? Властной рукой Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Опасаясь погрома, он отложил демонстрацию особым извещением.

Что же социалисты-революционеры? Они не разделяли этих опасений. Они находили, что отменить демонстрацию значит «склониться перед угрозами гг. Плеве». Они имели налицо «настроение рабочих — лучший залог того, что демонстрация будет носить резко выраженный антиправительственный характер», они имели за собой целый ряд массовых собраний (2-3 раза в неделю с начала весны), они назначили демонстрацию «с серьезным отпором», они уже заготовили «плакаты», они уже наполнили киевский воздух запахом событий... Уже все — все было готово. Но с.-д. Комитет отменяет демонстрацию, и социал-революционные «плакаты» (разумеется, «резко-революционного характера») остаются

неиспользованными. «Как это ни было тяжело, — повествует корреспондент, — пришлось отказаться от устройства демонстрации». Господа! Можно ли энергичнее расписаться в своем бессильном желании «самостоятельно вмешаться»? Можно ли ярче выставить свою «мимолетность»?

Вы утверждаете, что «масса средних рабочих, составляющая силу демонстрации, мало обращает внимания и не особенно ясно понимает фракционные различия». Вы утверждаете, что «рабочие прямо истомились в ожидании непосредственной борьбы».

Вы живописуете нерешительность и умеренность нашего Комитета, становящегося поперек дороги крупным событиям, — и вы неизбежно заставляете спросить: да почему же эти революционно-настроенные массы, мало обращающие внимания на «фракционные» различия, почему они не пошли за вами, за вами, которые были, остаетесь и будете представителями смелой революционной инициативы? Почему? Не потому ли, что у вас нет ничего, кроме вашего «резко революционного характера»: ни связей с пролетариатом, ни влияния, ни понимания задач массового движения? Спазматический революционизм — самое большее, на что вы способны.

Под острым впечатлением кишиневских событий, под градом чудовищных слухов, распространяемых полицией, Киев ждет погрома и приурочивает его к демонстрации. Власти готовятся зверски расправиться с демонстрантами под предлогом усмирения еврейского погрома*. Все сделано для подготовки этого погрома. Выйти в этих условиях на улицу — значило дать врагу сражение при специальных условиях, созданных врагом. Уклониться от этого сражения не значило признать себя побежденным. Это значило оставить за собой право выбрать более благоприятный момент. Конечно, великая победа — превратить подготовляемый погром в политическую демонстрацию. Но горькое поражение — дать врагу возможность превратить подготовляемую демонстрацию в еврейский погром. Переждать острый момент при таких исключительно неблагоприятных обстоятельствах — тактическая обязанность революционной организации, если, разумеется, она смотрит на демонстрацию как на средство политического воспитания масс, а не как на исход чувствам спазматического революционизма.

Вы старались сохранять на своей «демократической» физиономии мину снисходительного благодушия по адресу социал-демократии, выключив лишь из нее «Искру», как существо, которому все человеческое чуждо. Но ваша благодушная мина все чаще превращается в нетерпеливую гримасу досады: социал-демократия энергично отстаивает свой классовый характер от ваших «внефракционных» притязаний.

Киевский корреспондент «Р. Р.» выражает «полное недоверие с своей стороны к социал-демократическим деятелям, переносящим в Россию приемы руководителей организации «Искры» (№ 23).

Одесский корреспондент в том же № сопоставлят нравственную физиономию «Искры» с нравственной физиономией «независимцев» (очевидно — в целях уничтожения «междуфракционных различий»), и, наконец, сама редакция, «пользуясь случаем», сообщает из подполья читателю, что у нее есть в боковом кармане еще один протест от революционеров разных фракций против тактики «Искры»...

Ужас, ужас! Эфес горит, Дамаск пылает, тремя Цербер гортаньми лает:

гортанью киевского корреспондента, гортанью одесского корреспондента и коллективной гортанью братолюбивой редакции.

И, отведя душу триединым лаем, наш Цербер, «внутри раздираемый на части, извне замолчит», — а недели через две (к выходу нового №) снова заговорит, пожалуй, речью революционного Тартюфа о вреде идейных колобродств и о пользе мирного братолюбивого жития. И найдутся добрые души, которые прольют слезу.

[Н. Троцкий]

---

* См. листок Киевского Комитета: «Почему была отменена демонстрация 20 апреля?»

„БЛАГОРОДСТВА СВОЕГО НЕ СОБЛЮЛА".

К характеристике революционных нравов.

(Письмо в редакцию.)

«Дело, конечно, не в критике действовавших на месте революционеров, — писала «Рев. Росс.» «по поводу ростовских событий» («Р. Р.», № 15). — Не это важно и интересно, если отнестись к вопросу с точки зрения общих интересов революции, а не с точки зрения минутных расчетов междуфракционной (!) распри... И тот факт, что в ростовской стачке принимал участие Дон. Ком. Росс. С.-Д. Р. П., для нас поэтому есть лишний повод не вдаваться в критику его поведения и перенести центр тяжести в чисто общую и принципиальную постановку вопроса». Вот как благородны соц.-рев.!

Не будем же забывать об этом. Если «Р. Р.», заверив сначала, со слов своего корреспондента, что в Ростове во время стачки «образовался - было кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться и выпустивший прокламацию за подписью „Группа соц.-рев."», будет затем изливать потоки наиблагороднейшего негодования на т. Амвросия, на «Искру» и Д. К. за то, что это «преступное сообщество» осмелилось утверждать, будто эта прокламация была подписана «Дон. Ком.», а, следовательно, обвинять «кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться», в подлоге (см. № 20 «Р. Р.»); если «Р. Р.» будет проливать скорбно-благородные слезы по поводу попыток «забросать грязью» оратора Брагина, причислив его под шумок к лику соц.-рев. и тем самым пристегнув «партию» соц. - рев. к ростовским событиям, — то да охранит вас провидение от нечестивой мысли заподозрить, что вся эта «жесточайшая литературная истерика» понадобилась «Р. Р.», чтобы присосаться к ростовским событиям и прорекламировать за их счет «партию» соц.-рев. О, нет! Она только об «общих интересах революции» и заботится.

Предостерегши таким образом читателей от вполне возможных и естественных заблуждений, мы теперь можем со спокойной совестью перейти к истории с прокламацией, выпущенной «кружком, попытавшимся само-

стоятельно вмешаться», в количестве... нескольких десятков экземпляров (кажется, 30 шт.), отгектографированной так, что прочитать ее было невозможно, и, в довершение всех несчастий, разорванной рабочими без прочтения.

Тов. Амвросий и «Искра» утверждали, что злосчастная прокламация была подписана «Д. К.», а не «Гр. с.-р.». А Д. К. пишет следующее («Р. Р.» № 20): «Очень возможно, что она была подписана „Д. К.“, и труднее всего допустить, что она была за подписью „Гр. соц.-рев.“» *.

Эти «очень возможно» и «труднее всего допустить» особенно сильно взволновали «Р. Р.» и дали ей повод с удивительной бесцеремонностью вмешаться во внутренние дела совершенно чуждой ей организации и произвести Донскому Комитету допрос с пристрастием.

«Что очень возможно, господа? — кричит «Р. Р.». — Что вы принимаете в свою организацию людей, легкомысленных до способности совершить подлоги? Что вы, когда вам не удается установить грязного обвинения, отделываетесь разными „очень возможно“ и „труднее всего допустить“?».

Успокойтесь, гг. редакторы, умерьте нежножко ваше благородство и постарайтесь выслушать следующее.

Д. К. основовывал свои утверждения на том, что, во-первых, «о существовании в Ростове во время стачки соц.-рев. решительно ничего неизвестно» (а до стачки — смеем добавить — о них было известно лишь то, что в Ростове их никогда не было), и, во-вторых, как раз накануне выпуска прокламации один из членов «кружка, попытавшегося самостоятельно вмешаться», бегал по всему городу с целью «достать» печать Д. К., которая, надо думать, нужна была «кружку» не для того только, чтобы ею любоваться.

Но... предположим на время, что «Искра», т. Амвросий и Д. К. составили злостный комплот с целью «забросать грязью» «кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться», обвинив его в подлоге. И посмотрим, к каким выводам мы придем при таком предположении.

До 4 ноября, как уже указывалось, в Ростове-на-Дону не было совсем никаких соц.-рев. Но в ночь с 4 на 5 ноября — по безапелляционному утверждению «Р. Р.» — в Ростове-на-Дону совершилось таинство рождения и крещения новой «Группы соц.-рев.» **. В таинствах однако оказалось очень мало таинственного, потому что о новорожденных мы могли бы сказать словами Фамусова: «Ба! знакомые все лица». Какие же это в самом деле новорожденные, когда еще вчера они были в нашей социал-демократической организации? «Р. Р.» старается уверить нас, что новорожденные «тяготели ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присваивается имя „социал-революционных“». Но мы не можем согласиться с нею, потому что новорожденные не только никогда не «тяготели», а, наоборот, очень категорически высказывались против «взглядов и метода действий, которым теперь обычно присваивается имя „социал-революционных“». И мы упорно продолжаем думать, что, если уж в ночь с 4 на 5 ноября что-нибудь и произошло, то во всяком случае не рождение, а скорее всего «внезапное перерождение», которому «теперь обыкновенно присваивается имя» — измена.

Да не подумает читатель, что выражение «измена» употреблено для «игры слов» или в пылу полемического задора. Пусть читатель сам судит: в соц.-дем. организации состоят «товарищи», которые никогда не проявляли склонности к «социал-революционному методу» и, наоборот, всегда относились к нему отрицательно. И вдруг, в одну прекрасную ночь, они с головокружительной быстротой «перерождаются» в соц.-рев. и делают «попытку самостоятельно вмешаться», т. е. выступить со своим собственным «благородством и нервностью»... то бишь программой и тактикой против комитета как раз в том момент, когда необходимы дружные и единые действия. Это уже не легкомыслие, о котором писал товарищ Амвросий; это измена — и факты говорят нам, что она была подготовлена заранее.

А факт таков: еще задолго до стачки один из членов «кружка, попытавшегося самостоятельно вмешаться» (и, кажется, именно это и есть «товарищ, принимавший участие (?!) в движении»), состоя в организации Д. К. пропагандистом, в то же время тайно от организации и со всякими предосторожностями находился в деятельных сношениях с соц.-рев., получал от них литературу и даже приступил к устройству в Ростове-на-Дону одного крупного «социал-революционного» предприятия. Никакому сомнению не подлежит, что этот соц.-рев. в соц.-дем. маске прокрался в нашу организацию с благородной целью разрушить этот никуда негодный Д. К. и воздвигнуть на его развалинах новое и, конечно, не в пример сод.-дем., прекрасное здание «социализации, кооперации и боевой организации» (иначе зачем ему было так «законспирировать» свои сношения с соц.-рев.?).

Не знаем, какое имя «теперь обычно присваивается» такому «методу действий», но очевидно, что «минутные расчеты междуфракционной распри» тут не при чем и что этот «метод действий» наиболее соответствует «общим интересам революции».

И, однако, Д. К. не решился утверждать, что «кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться», совершил измену (а именно это-то и старается доказать «Р. Р.»). Д. К. и в мысль не приходило, чтобы прокламация могла быть подписана иначе, как соц.-демократами. Но затем, когда злостная прокламация — по категорическому утверждению «Р. Р.» — превратилась в капитальнейший пункт ростовских событий, несмотря на ее заверения, что необходимо «перенести центр тяжести в чисто общую и принципиальную постановку вопроса», тогда уж и Д. К. начал сомневаться *. В самом деле,

---

* Где и в чем противоречие между тем, что утверждают т. Амвросий и «Искра», и тем, что утверждает Д. К., где противоречие, о котором с торжеством и «во всеуслышание» возвещает «Р. Р.»?

** «Р. Р.» настолько осведомлена насчет этого деликатного обстоятельства, что знает даже адрес и имя хозяйки квартиры, где таинства совершались.

* Большим курьезом звучит претензия «Р. Р.» к тов. Амвросию, что тот «поет с чужого голоса», утверждая, что злосчастная прокламация была подписана «Д. К.». А она-то с чьего голоса поет, как не с голоса своего корреспондента? Или она, быть может, будет утверждать, что это голос не чужой? Но тогда, стало быть, она также повинна в «методе действий» «товарища, принимавшего участие (?!) в движении»?

не проявилась ли в его организации самая подлинная измена?

Мы боимся, что, прочитав все это, всякий беспристрастный читатель задаст себе тревожный вопрос: как бы с «Р. Р.» не произошло такого же греха, какой случился с одной весьма благородной девицей, которая «благородства своего не соблюла».

Члены Д[онского] К[омитета]:

Амвросий [Мочалов], Зека [Захар Михайлов], Иван [И. Ставский] и *Павел [С. И. Гусев].*

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Как царское правительство готовится к революции. В доставленном нам приказе по войскам Одесского гарнизона (от 7 апреля 1903 г.) читаем:

«Для предупреждения и прекращения могущих быть в гор. Одессе беспорядков и волнений, от войск гарнизона устанавливается периодически особый наряд дежурных частей, которые должны находиться в полной готовности к немедленному выступлению по непосредственному вызову градоначальника, обращенному к командирам отдельных частей войск. При вызове градоначальником дежурных частей по телефону требовать сообщения секретного ключа.

«Районы действий дежурных частей, определяемые нарядом, есть только примерные. Точное же указание места, куда должны следовать дежурные части, будет указываемо градоначальником по вызове. О вызове дежурных частей градоначальником тотчас же должно быть донесено непосредственно мне, в штаб округа, и сообщено и. об. гор. коменданта. Вызов прочих частей войск (кроме дежурных) может быть сделан не иначе, как по распоряжению начальника гарнизона. Распоряжение это может быть передано тремя способами: письменным приказанием, телефоном (требуя ключ) и вывешиванием сигналов на городских каланчах (днем — красный флаг; ночью — красный фонарь). Для принятия приказания, переданного сим последним способом командирам отдельных частей, установить постоянное наблюдение за каланчами. В случае, если обстоятельства вынудят для предупреждения или прекращения возникших в городе Одессе беспорядков вызвать все войска гарнизона, то при этом предписываю принять к непременному исполнению и руководству следующее: 1) на этот случай город разделяется на два отдела: восточный и западный. Граница между обоими — по Преображенской и Приморской ул., причем обе эти улицы входят в восточный отдел. Восточный отдел делится в свою очередь на 5 участков: №№ 1, 2, 3, 4 и 5, западный же — на 4 участка: 6, 7, 8 и 9. Кроме того, особый участок № 10, не входящий в состав отделов и учреждаемый лишь на период года с 1 мая по 1 октября».

За сим следует определение границ всех десяти участков и распределение военных сил между ними. Из последнего мы узнаем, что против одесских граждан мобилизуется около старот пехоты, две артиллерийские батареи, несколько сотен казаков и состав пехотного юнкерского училища. Крепостной артиллерийский батальон «по получении распоряжения о вывозе войск для охранения порядка» должен выслать караул (не менее взвода) к минному складу, «а остальной части изготовиться к выступлению по первому приказанию».

Сборными пунктами назначены: 1) памятник герц. Ришелье, 2) Греческий базар, 3) угол Польской улицы и Польского спуска, 4) Старый базар, 5) угол Канатной и Б. Арнаутской, 6) Ново-Базарная площадь, 7) угол Градонач. и Старо-Портофранковской, 8) угол Госпитальной и Мясоед. ул., 9) Лагерная площ., 10) Михайловская площадь. Резервы собираются на Привозн. площади, Старо-Конной площ. и Старо-Сенной площ. Юнкера должны стоять у ст. Куликово-Поле и у госпиталя. Полевые жандармы определяются сторожить дворец.

Далее идут распоряжения о наряде фельдшеров и врачей, о снабжении солдат боевыми патронами и веревками и о распределении команды над войском.

§ 13 гласит: «Начальники участков по прибытии на сборные пункты немедленно должны назначить соответственные караулы ко всем казенным зданиям, находящимся в участке, а именно: ко всем военно-окружным управлениям, к казначейству, государственному банку, почтово-телеграфной конторе и пр., а при необходимости — к большим частным складам вин, магазинам оружия и т. д.». Войсковой склад и пороховые погреба должны охраняться усиленными караулами.

«Со штыками все можно сделать, только сидеть на них нельзя», — эти 100 лет тому назад сказанные умным реакционером слова следует припомнить слугам самодержавия. Последнее уже теперь опирается только на одни штыки. Но нет лучшего способа пробудить к политической жизни солдат и офицеров, как эти постоянные приказы быть готовыми к расстрелу сограждан, как эти тщательно разработанные стратегические планы кампании против «внутреннего врага». Социал-демократы не дадут правительству желанного повода выполнить эти планы при условиях, неблагоприятных для народа: они не примут генерального сражения до тех пор, пока военная дисциплина и солдатская пассивность не будут в корне подорваны. Они заставят правительство расшатать эту дисциплину, дезорганизовать и деморализовать войско этим постоянным напряжением, этой постоянной тревогой ожидания тех событий, когда невольный раб самодержавия должен выступить в роли палача своих собратий. Мы воспользуемся этим лихорадочно-тревожным ожиданием для того, чтобы проникнуть в казармы и во вражеском лагере подготовить засаду врагу. И когда час генеральной битвы наступит, всякий лишний батальон, выведенный против народа, будет означать новый пункт, на котором самодержавию будет грозить поражение.

Старайтесь, господа, старайтесь! Выполняйте ту часть подготовительно-революционной работы, к которой вы наиболее пригодны: сейте в войсках тревогу и неуверенность, дезорганизуйте их, показывайте им, что вы сами неуверены в завтрашнем дне! Уничтожайте в них веру в ваше всемогущество, озлобляйте их мелочностью вашего сыска, свирепостью вашего преследования солдатской и офицерской крамолы, недоверием к войску, которое так ярко проявляется в ваших секретных приказах! Подготовляйте войско к моменту революции.

Балансировать на кончиках солдатских штыков — еще можно в течение известного времени. Ерзать на них, как это делает русское правительство, очень рискованно...

Петербург, 9 мая. Последний месяц, «майский», прошел в этом году сравнительно спокойно. Комитет решил демонстрации не устраивать, так как было известно, что полиция приняла угрожающие меры, а между тем и настроение масс не обещало в этом году сколько-нибудь внушительной демонстрации, так что пошли бы одни организованные рабочие и, конечно, стали бы жертвами полиции. Кроме того, за несколько дней до 18 апреля арестованы были чуть ли не в одну ночь три типографии, где, между прочим, взяты уже приготовленные майские прокламации «Искры» и Организац. Комитета; в то же время в стбботу 12 апреля арестовнао собрание в 30 чел., где было много посторонней публики, но было также несколько рабочих.

Тем не менее, Комитет успел издать на ротаторе (усовершенствованный мимеограф) 13 тыс. прокламаций (10 тыс. «Искры» и Орг. Ком., 3000 своих, приглашавших к забастовке) и распространил их в 20-х числах апреля. Больше всего можно было ожидать забастовки 1 мая на Обуховском заводе, где настроение у рабочих было очень боевое; на предмайском собрании (таких собраний, человек в 20—30, было в этом году несколько в разных районах) представители обуховцев настаивали даже на демонстрации. Но начальник завода ловким маневром избежал забастовки: он первый предложил рабочим праздновать этот

день, и они, застигнутые врасплох таким неожиданным предложением, спокойно разошлись *. Забастовали в этот день резиновая мануфактура, фабрика механического производства обуви, завод Вестингауза и, кажется, еще кой-где. Во всяком случае Мещерский с полным правом писал тогда, что «этот день, слава богу, прошел благополучно». В конце апреля и начале мая было арестовано несколько курсисток, около 20 рабочих на Путиловском заводе, несколько рабочих с Васильевского острова, с Обуховского завода (человек 20, из них один с красным знаменем) и еще в нескольких местах.

Теперь обыватели ждут каких-то грозных событий 16 мая, в день 200-летия Петербурга. По городу ходят самые чудовищные слухи, вплоть до того, что будут бросать в народ бомбы. О каких-то прокламациях, будто бы приглашающих к вооруженному восстанию в этот день, говорят давно и упорно, и это заставляет предполагать, не было ли тут, действительно, какой-нибудь провокаторской штуки. Полицейским творчеством отдает и другой упорный слух о готовившемся покушении на Николая. Полиция настроена, во всяком случае, нервно. Войска до сих пор не уведены в лагерь и остаются в городе.

Кроме майских листков Спб. Комитет распространил за последнее время прокламацию о златоустовской бойне, о царском манифесте и прокламацию Орг. Ком. о ростовской демонстрации 2 марта. Распространено было также довольно много «Искры» с 29 до 37 №. Деятельность Комитета значительно ослаблялась до сих пор обилием существующих здесь революционных организаций. Так, кроме соц.-рев., имеющих кой-где среди рабочих незначительные связи, здесь действовал еще Комитет Рабочей Орган. (или «Союз Борьбы»), теперь повидимому почти исчезнувший, затем небольшая группа лиц, отколовшаяся от Комитета вследствие чисто личного честолюбия и самозванно выпускавшая иногда листки тоже за подписью Спб. Комитета, хотя ее не признают ни Орг. Ком., ни один из местных Комитетов партии. Теперь у нее нет почти никаких связей; тем не менее она разослала на-днях по почте листок к обществу о кишиневском погроме с тою же подписью. Кой-где распространен был также майский листок «Революц. соц.-дем. группы Воля» (ею изданы еще листок к солдатам и брошюра «Боевая тактика»).

Наконец, на некоторых фабриках появилась прокламация «Независимой рабочей партии», чрезвычайно любопытное произведение, авторы которого, наверное, не зубатовские агенты, не за страх, а за совесть стараются одурачить рабочих уверениями, что им удастся развить сильные экономические организации и даже участвовать в законодательстве под сенью самодержавного правительства.

Москва. Майские прокламации Организационного Комитета и «Искры» были удачно распространены на фабриках и заводах, а 27 апреля были брошены с галлереи в Малом и Новом театре. Среди рабочих было задержано всего 7 чел. — притом безусловно не из числа членов организации. В театрах ар[естован] никто не был. Все прокламации были подобраны публикой. Арестованные в 1902 г. по делу о пропаганде среди солдат 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка: Альшанский, Гольдблат, Никольский, Аносов, Батурина и Соколов — преданы военно-окружному суду по обв. в преступлении, предусмотр. 2 ч. 250 ст. ул. о наказ. (известие вполне достоверное).

Н.-Новгород. Местным комитетом, по примеру прошлого года, было решено устроить и в нынешнем году демонстрацию 1 мая. Подготовка к ней, помимо обсуждения вопроса в пропагандистских и организационных кружках, выразилась в распространении специальных майских листков и устройстве агитационных собраний. Из листков были распространены: 1) листки орг. «Искры» и Орган. Ком. в количестве 3000 экз., 2) листки Орг. Ком. (маленькие) в 4000 экз. 3) листок комитета с первомайскими требованиями (все требования, сжато формулированные и раз'ясненные, были соединены в одном листке и они же были изданы — каждое отдельно — для разбрасывания во время демонстрации в количестве 3000 и 1500 экз.), 4) листки, посвященные обзору событий текущего года, — 1600 экз., 5) специально призывной с указанием места и времени демонстрации, 6) листок к солдатам нижегородского гарнизона. Последний вызвал сильнейшее возбуждение в солдатской среде. Офицеры, потерявшие голову, не отбирали листков. По заявлению солдат, немногие из них стали бы стрелять в толпу. На агитационные предмайские собрания приглашались не только затронутые пропагандой рабочие, но и совершенно еще несознательные. В общем на всех собраниях перебывало до 500 рабочих. Об этих собраниях было известно в Сормове. Многолюдность собраний и условия местности гарантировали почти полную их безопасность. Подобные же собрания устраивались и в городе. Рабочие шли на них охотно. К сожалению, в последние дни перед 1 мая несколько собраний по разным причинам не могло состояться. Эти собрания сильно поднимали настроение, заставляли много говорить о себе в Сормове (часто приходилось слышать пожелания, чтобы подобные же собрания устраивались и в мирное время), страшно беспокоили полицию, которой сильно не нравилось шарахаться ночью по лесам. Один помощник пристава, который должен был отправиться в подобную экспедицию, на коленях со слезами умолял полицмейстера уволить его от такой прогулки: «У меня, — говорит, — жена, дети...». Был послан другой, который обладал большим полицейским мужеством.

Демонстрация состоялась в Сормове 1 мая в 8 веч. Группа рабочих, числом около 60 человек, во главе с организатором, присланным местным комитетом, прошлась несколько раз по главной улице Сормова с тремя знаменами, на которых были надписи: «Да здравствует свобода, долой самодержавие, да здравствует 8-часовой рабочий день, да здравствует международная социал-демократия, да здравствует Росс. С.-Д. Р. П., да здравстует всемирный рабочий праздник 1 мая!». Толпа тысяч в десять сплошной массой залила улицу, двигаясь за социал-демократами с боков и сзади, но не сливаясь с ними; присоединялись лишь отдельные лица. Демонстранты разбрасывали прокламации, за которыми выбегали отдельные лица из толпы, хватали их и пускали их по рукам. Было разбросано так около 2000 экз. Пройдя несколько раз улицу с пением песни «Дружно, товарищи, в ногу», демонстранты после краткой речи руководителя рассеялись в толпе.

На месте арестов не было. Конные полицейские врезались было в кучку демонстрантов. Пристав кричал: «Расходитесь по домам, кому тут делать нечего. Сечь будем!» Толпа бросилась бежать. Женщины, дети закричали, началась суматоха. Один урядник ударил рабочего плетью. Тот закричал: «Чего ты дерешься?» — «Я тебе еще не так задам, с... с...» — ощетинился было урядник, повернув к нему лошадь. В это время из группы демонстрантов раздался голос: «Бей их, негодяев!» Бросившаяся было бежать толпа остановилась, на мгновение замерла и потом с гиком и свистом бросилась на конную полицию. Полицейские попробовали-было выдержать натиск, но, сообразив, что для них это может кончиться весьма печально, во весь карьер помчались прочь — лишь пыль взвилась столбом... Толпа бросилась преследовать их.

Это был единственный момент, когда толпа слилась с соц.-демократами. Минуты через три по окончании демонстрации по улице мчались казаки, полиция, жандармы. Минут через десять прибыл батальон пехоты. Но демонстрантов уже не было.

Нельзя отрицать влияния на успех демонстрации массовых арестов перед 1 мая. В общем было арестовано около 100 чел. на квартирах, на улицах, в лесу и т. д. Обысков же было бесконечное множество. Детальный план демонстрации, заранее разработанный, пришлось по причинам, о которых мы не находим возможным здесь говорить, снова переработать почти на самом месте действия. Благодаря этому была потеряна связь между самыми обязательными участниками демонстрации, многие из которых и не приняли в ней участия. Отмена нескольких

---

* Между тем на другом берегу Невы ждали наготове солдаты, чтобы в случае надобности немедленно двинуться на пароходиках на Шлиссельбургский тракт.

агитационных собраний перед самым 1 мая, широкое распространение слухов о переполнении Сормова войсками и казаками отозвались неблагоприятно на настроении организованных рабочих и отчасти послужили причиной необходимости заново переработать план демонстрации. В самом городе демонстрации не было. Полиция и жандармерия ждали ее и здесь. Рыскали везде, арестовывали отдельных лиц из рабочих и интелл. молодежи, которые пели революционные песни. Из Марьиной рощи (место праздничных гуляний и чаепития мирных обывателей), где, как предполагает полиция, часто бывают собрания рабочих, в 4 ч. дня 1 мая выгнали решительно всю публику. Как сознаются сами исполнители мудрого предписания (чины полиции), чувствовали они себя очень гнусно, маршируя лесом под градом ругани самоварной публики. Аресты продолжаются и после 1 мая. Тюрьмы переполнены, но жандармы с грустью сознаются, что никакого существенного урона комитету и рабочим организациям они не могли нанести. Крамола остается по-старому, и по старому им нужно хлопотать об уничтожении ее к возможному приезду сюда, в Нижний, Николая.

Тверь. В ночь на 18 апреля весь город, рабочие слободки, фабрики и заводы были засыпаны листками Организационного Комитета. Полиция с ног сбилась, собирая и конфискуя их. До сих пор, однако, их ходит масса по рукам, не говоря уже о рабочих, но даже среди обывателей. Всю эту неделю каждую ночь находят некоторое количество листков разбросанными и раскленными: стараются какие-то неизвестные добровольцы. Было подброшено и в казармы гренадерского полка несколько пачек листков. Хотя много было конфисковано переполошившимся начальством, но — как нам достоверно известно — среди солдат листки циркулировали. Пока ни обысков ни арестов нигде не было. Впрочем, один «распространитель» едва не попал в полицейские лапы: ночной сторож накрыл его в ту минуту, когда он наклеивал прокламации на стену тюрьмы. Но задержанный не потерялся, ударил его камнем и скрылся. Среди обывателей идут разговоры о «бунте». — Недавно по совершенно случайному поводу арестован журналист В. М. Шулятников, проживавший в Твери под надзором.

Тула, 1 мая было собрание рабочих в 60 человек, а 4 мая, в воскресенье, было собрание в 120 человек с красными знаменами, речами, песнями, которые заранее репетировались. Одушевление большое. Полиции ничего не было известно.

Самара. Еще задолго до 1 мая в нашей богоспасаемой Самаре стали ходить слухи, что в этот день будет «бунт», демонстрация, еврейский погром. Слухи эти на некоторых наших мирных обывателей (особенно евреев) нагнали такой страх, что они сочли за лучшее на этот день совсем уехать из Самары на дачи или даже в другие города. А купцы-евреи отправили к губернатору депутацию с просьбой защитить их. «Все меры приняты, будьте покойны», — ответил он им. И, действительно, полиция не дремала. Хоть и двух недель еще не прошло с набега башибузуков, поведшего за собой арест 26 чел., как в ночь с 20-го на 30-е вновь было забрано 32 чел.—большей частью не имевших никакого отношения к «красному призраку». (Все они через пять дней были выпущены. Говорят, местное жандармское управление просило у деп. пол. разрешения продержать этих лиц еще неделю, но ему было отказано). Кроме того, все участки были переполнены рабочими и босяками. Всего, говорят, было забрано 1.050 чел. Переодетые босяками, шпионы сновали всюду, сообщая, куда следует, о всех мало-мальски подозрительных «скоплениях народа». Из Сызрани были вызваны войска, и две роты всю ночь с 30 апреля на 1 мая и весь день 1 мая, стояли у памятника Александру II и около тюрьмы. По городу дефилировали артиллерийцы и казаки с нагайками, которыми они внушительно помахивали... О полиции и говорить нечего: она была везде — на всех углах, в конках, в театре. Понятно, обывателей такое небывалое оживление не мало интриговало, и многие из них отправлялись смотреть на демонстрацию, но, кроме демонстрации полицейских, так ничего и не видали... Самарский Комитет 30 апр. и 1 мая распространил в массе «предварительные» и майские прокламации «Искры», а также местный майский листок, в котором, в виду еще недостаточно окрепших сил самарских рабочих, им предлагалось обождать с выступлением на улицу до более благоприятного случая, отпраздновав на этот раз великий день 1 мая тайными собраниями и забастовкой и, кроме общих требований росс. рабочих — «8 час. раб. дня и политической свободы», выставлялись кое-какие частные требования — повышение расценка, удаление некоторых нежелательных мастеров и пр. 1 мая забастовали, кроме мелких ремесленных мастерских, заводы Лебедева и Журавлева, жел.-дор. мастерские и депо. Вышеуказанные требования увеличения расценка и пр. были кое-где удовлетворены. Все это мало, очень мало по сравнению с успехами других русских рабочих, но, вспоминая, как недавно началась в Самаре соц.-дем. работа, видишь, что некоторые результаты ее уже ощущаются и, вероятно, недалеко то время, когда и здесь рабочие выйдут на улицу, чтобы отпраздновать вместе великий всемирный пролетарский праздник.

В другой корреспонденции сообщается:

Спокойное и ровное течение нашей самарской жизни давно уже нарушилось частыми и неожиданными нашествиями жандармов: с тех пор как Сам. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. заявил открыто о своем существовании и целым рядом прокламаций стал чутко отзываться на нужды местного рабочего населения, жандармы стали энергично рыскать по городу, решив сразу искоренить начавшую распространяться «крамолу». Чем энергичнее действовали жандармы, чем больше обысков и арестов они производили, тем деятельность Комитета становилась в свою очередь все сильнее и сильнее: в апреле Комитет сорганизовал стачку булочников, которая окончилась полной победой для последних. Забастовало 600 чел. Ясное понимание своих требований и полная товарищеская солидарность дали в результате то, что на четвертый день после забастовки все выставленные требования были удовлетворены: повысили заработную плату, уменьшили рабочий день, обещано было хозяевами устроить отдельные спальни для рабочих и значительно улучшить условия жизни подростков. Комитет выпускал прокламацию за прокламацией, а жандармы все искали и искали... Но вот наступил канун 1 мая; по всему городу стали упорно циркулировать слухи, что 1 мая будет не то избиение евреев, не то бунт рабочих, который должен кончиться убийствами, насилиями и разделом имущества богатых. Наши самарские обыватели привыкли к тихому, мирному образу жизни, не на шутку испугались и целыми семействами стали покидать Самару: кто спешит на поезд, кто на пароход, а кто в первоклассную гостиницу Ивановых. Упорнее всего носился слух о еврейском погроме, и среди еврейского населения заметно было такое угнетенное настроение, какого им у нас еще никогда не переживалось. Перед всеми живо и ясно рисовались эти душу раздирающие картины кишиневского еврейского погрома, эти несчастные жертвы невежественной, озверевшей толпы, и всякий, кто только мог, удирал от этого ужасного, рокового, всеми допустимого момента еврейского избиения. На лицах прохожих лежал отпечаток грусти, волнения и тайного страха перед завтрашним днем. Полиция старалась всеми силами распускать и поддерживать эти слухи: городовые заходили в еврейские лавочки и советовали не выходить 1 мая на улицу, так как вашего брата, мол, бить будут... Чем же было вызвано такое настроение, почему полиция распускает такие слухи? Причина очень простая: рабочие хотели во что бы то ни стало устроить демонстрацию, и так как всякая политическая демонстрация вызывает сочувствие со стороны различных общественных слоев, то полиция поспешила напугать население, чтобы оно или совсем убралось из Самары, или сидело дома и не показывалось на улицу. Жандармы работали изо всех сил: ими были приняты всевозможные меры. Были вызваны солдаты и казаки с нагайками и боевыми патронами. Массовые аресты начались еще за несколько дней до 1 мая. Людей хватали без всякого

разговора, и в тюрьму попали такие лица, которые с революционной деятельностью ничего общего никогда не имели и не имеют. В погоне за Комитетом жандармы дошли до безграничного нахальства и бесстыдства и заставили говорить о себе во всех слоях общества. Дело обошлось не без курьезов. Так, например, нам известен такой безусловно верный факт. Один плотник в красной рубашке возвращается домой обедать. «Ты куда?» — останавливает его городовой, подозрительно рассматривая цвет его рубашки. «Я обедать иду», — отвечает изумленный рабочий. «А зачем ты в красной... Пожалуй-ка в кутузку...». И рабочий очутился в участке, где его ждали все прелести заключения. Таких курьезов было много. Тюрьмы и все участки были переполнены. В тюрьме сидело 112 человек, а по участкам число задержанных дошло до 800. Несмотря однакоже на такие решительные меры, жандармам не удалось достичь своей цели: Комитет остался цел и невредим и выпустил несколько прокламаций, в числе которых была также и первомайская, которую рабочие ожидали с нескрываемым нетерпением. В своей прокламации Комитет призывал рабочих отпраздновать этот день бросанием работ и тайными собраниями. Считая организацию еще недостаточно окрепшей, Комитет счел необходимым воздержаться от демонстрации, несмотря на то, что боевое настроение рабочих неудержимо толкало их на улицу. В железнодорожных мастерских и на заводе Лебедева рабочие бросили работу и в то время, когда в прошлом году оштрафовали за самовольное празднование 1 мая, в этом году не только не было штрафов, но не было даже гудка, призывающего рабочих на работу. Рабочие собирались кружками, говорили о своих нуждах, обсуждали способы борьбы с нашим правительственным гнетом и произволом. На улице же не было никакого движения. Казалось, что все 100.000 население вымерло... Напуганные обыватели боялись показываться на улицах и провели этот день в страхе и волнении. Только казаки, показывающиеся то в одном, то в другом месте, нарушали эту необыкновенную тишину и своим частым появлением как бы напоминали жителям, что в их лице сосредоточена та сила, которая подавит всякий бунт. Теперь наш город принял свой обычный вид: жители успокоились. 6 мая казаки и солдаты были отозваны, из тюрьмы освободили 60 человек, и только остальные заключенные продолжают еще чувствовать все последствия жандармского произвола.

Харьков. В день 1 мая с самого утра все казенные винные лавки не были открыты. Приходилось слышать вопросы: почему это монополька закрыта? Ответ на это каждый вопрошавший получал точный: рабочие сегодня бунтуют, сегодня первое мая и т. д. Обращали на себя внимание возбужденные лица многочисленных околоточных, их парадная форма и т. д. Общие ожидания обывателями «событий» — от демонстрации до еврейских погромов — омрачались скверной погодой: дождь лил целый день. На деле обывательские ожидания не оправдались — событий никаких не было; было зато нечто, что запечатлело этот день в памяти и дало определенное нравственное удовлетворение от сознания, что день первого мая отмечен нашим азиатским правительством как день, в который ему напоминают о его преступлениях, в который за них сводят с ним счеты... Отправился я первого мая часов в 6 вечера, — время, когда рабочие шабашат, — в местность, расположенную вблизи паровозостроительного завода, и, пока прошел несколько кварталов, повстречал до полусотни различных чинов полиции, роту солдат в полном походном вооружении, казачьи патрули. От знакомых узнал, как приготовились полицейские власти подавить всякую попытку праздновать первое мая. С 5 час. утра в паровозостроительный завод введена была полиция и расставлена по местам; кругом завода по дворам, в помещении неработающего завода бельгийского общества расположились казаки, солдаты. Весь наличный харьковский гарнизон — 2 резервных батальона, Оренбургский казачий полк были мобилизованы (и напоены водкой), и каждый воин был снабжен 30 боевыми патронами, а штыки были наточены; всего войска было наготовлено до 2 000 чел. Заводская администрация была спокойна — ее выручала не столько вся эта правительственная сила, сколько стихия; особенно последняя радовала. К тому же завод давно подготовлялся к празднованию рабочими своего праздника — удалялись из рядов рабочих наиболее сознательные, для предупреждения проноса в завод прокламаций установили обыски приходящих на работу. Этой очистке завода помог и бывший в середине апреля пожар, уничтоживший механическую мастерскую и повлекший расчет 700 чел. рабочих, причем всем женщинам выдавался бесплатный проезд до дому, куда затем настоятельно и гнали получивших билеты. Обыски и аресты рабочих за неделю до первого мая поражали всякого обывателя тех мест. Завод усилил отправку паровозов в Китай, назначая проводниками к ним тех, кто по мнению администрации мог быть зачинщиком, вожаком. И, несмотря на всю такую травлю, революционеры-рабочие действовали прекрасно: распространялись листки и прокламации как Харьковского соц.-дем. Комитета, так и предмайские и майские Орган. Комитета. Нет ни одного, — смело так можно думать, — ни одного рабочего, который бы не знал, о чем говорят эти листки, бороться против каких врагов они зовут, в ком и в чем причина гнетущего зла... Полиция и войска в день первого мая наглядно еще раз показали, кому они служат и против кого идут... Рабочей демонстрации не было, была демонстрация полиции. Но как жалко выглядели все эти представители власти перед гордым и смелым смехом мимо идущих рабочих, смехом, заставлявшим отворачиваться всех примерных слуг царя!.. Когда я возвращался обратно в город в 10 час., то повстречал полторы сотни казаков, возвращавшихся в свои казармы из другой части города (из жел.-дор. мастерских) — они были безмолвно мрачны.

Одесса. 18 апреля город имел праздничный вид. На каждом посту стояли: один надзиратель, двое городовых и три или четыре дворника. Около всех ворот сидели дворники и осматривали каждого входящего. На Новом Базаре в корпусе стояла казацкая сотня наготове. Во всех участках были наготове казаки. Солдаты с первых дней Пасхи еще не отдыхали. Никуда их не выпускают. Каждый раз у них делают обыски. Офицерам приказано пореже уходить из дому и, в крайнем случае, сказать денщику, куда уходят, чтобы в случае надобности могли их найти. Тех, которые служат четыре недели, просили не отлучаться из казармы. Некоторые из них обратились к полковнику с запросом, почему хотят лишить их свободного времени. Он на это ответил: «Видите ли, если вы будете на улице, то можете оказаться в рядах бунтовщиков, и убитых из вас примут за убитых солдат». Отсюда видно, как готовилась администрация к празднованию 1 мая (18 апреля). Обысков и арестов почти не было до 18 апреля. Зато 18 апреля полиция работала целый день. С раннего утра во многих трактирах (наших революционных клубах) появились шпионы и расселись по столикам. В 9 час. утра в несколько трактиров по Б. Арнаутской явилась полиция. Обыскивали всех. У многих нашли листки. Арестовали больше ста человек. Многих арестовали на улице по указанию шпионов. В этот самый день, когда полиция так безобразничала в городе, издевалась и била арестованных в полицейских застенках, в тюрьме праздновали 18 апреля. Из всех окон камер, где находятся политические, были вывешены красные знамена. Целый день произносились революционные речи: о значении 1 мая, о программе социал-демократии и друг. Слышны были революционные песни. Тюремная администрация, смотревшая до сих пор сквозь пальцы на «вольности» политических, как-то: пение революционных песен, речи на различные темы и проч., не могла допустить, чтобы такое преступление, как празднование 1 мая на виду у всех, осталось безнаказанным. Всех политических лишили на месяц свиданий. В городе некоторые рабочие праздновали 18 апреля. В ночь на 27 апреля были обыски и аресты. Арестовали 30 человек рабочих. 1 мая (русск. стиль) много рабочих не работало; на крупных заводах не работали более сознательные рабочие, кто половину дня, кто целый день. Многие по личной инициативе устраивали маевки. Одно собрание было арестовано в Пересыпи. Оно указано

было самими жителями, которые видели, как собирались. Теперь явились целые группы добровольных сыщиков, «патриоты еврейского народа», которые обвиняют социалистов-евреев как виновников погромов. Близ этой сходки находятся резницы, около них хлебные амбары, где ютятся еврейские маклера. По наущению полиции резники и маклера били арестованных. Их били на улице, их били и в участке; многие упали в бесчувственном состоянии. Ночью их отправили в тюрьму. После первого мая начали освобождать ежедневно по пяти-шести человек из тех, которые были арестованы три-четыре месяца тому назад.

О майской демонстрации в Тифлисе (27 апр., см. № 40 «Искры») нам пишут: «За несколько недель перед 27 апреля администрация, уверенная в своих успехах, подавляла движение массовыми обысками и арестами. Для нашего полицмейстера Ковалева подавление движения было делом «чести» и карьеры: не раз уж ему доставалось за неумелые и несвоевременные действия администрации. К майской демонстрации он стал готовиться с 23 февраля (после февральской демонстрации): каждое воскресенье все были наготове, скверы и сады целый день заперты — «по случаю неспокойного состояния», как ответил один городовой любопытному обывателю. За два-три воскресенья перед демонстрацией назначались «мирные» прогулки по Головинскому проспекту, что бесило до крайности администрацию, заставляя ее целыми днями быть в напряженном состоянии и не имея возможности выместить злобу на виновниках тревоги; к чести демонстрантов, последние вели себя как нельзя лучше, не давая ни малейшей возможности придраться.

За несколько дней перед майской демонстрацией (27 апреля) в городе появились «листки»; всего в эти дни на Тифлис пришлось около 40 тыс. экз. Вышли прокламации Кавказского Союза, местные, картины: «Пролетариат и самодержавие», «Солдатская песня». Все прокламации выходили на трех языках: русском, армянском и грузинском, а скоро необходимо будет писать и на четвертом — татарском. Надо помнить, что сознательное движение в Тифлисе очень молодо; рабочие в первый раз вышли на улицу в мае месяце 1901 г., 23 февраля 1903 г. второй и 27 апреля третий раз. Сравнительная неудача 23 февраля об'яснялась тем, что администрации хорошо был известен план демонстрации, выработанный местной организацией. На этот же раз удалось сохранить план в тайне до последнего часа. Администрация, уверенная, что местом сборища назначена Эриванская площадь и Солдатский базар, оберегала площадь, не пропуская туда никого и оттесняя собирающийся народ в обратную сторону, по направлению к Артистическому обществу, как бы помогая успеху демонстрации. Уже к 10 час. утра замечалось небывалое оживление на улицах города. Рабочие в одиночку и группами стекались к Головинскому проспекту — к месту, назначенному для демонстрации. Чудный весенний день, оживленные лица рабочих с цветами в руках — все это придавало проспекту небывалый вид. Гулянье продолжалось около двух часов, рабочие постепенно начинали стягиваться к назначенному пункту, против Артистического общества. Чувствовалось уже какое-то нетерпение, у каждого в глазах так и читалось: «Когда же начнется?». Надо заметить, что администрация, хотя и уверенная в своем успехе, все же не поскупилась как можно лучше обеспечить его: на всем протяжении проспекта, во всех больших дворах спрятаны казаки, полиция, войско и дворники. Как полагается, всех «чинов» было гораздо больше демонстрантов. Следует отметить, что директор первой мужской гимназии, к стыду своему, позволил спрятать во дворе гимназии резерв дворников.

Около 11½ час. толпа заволновалась, часть отделилась и выбежала на середину улицы; с криком «ура» со всех сторон стекались рабочие, бросая красные билетики с напечатанным четверостишием Пушкина: «Самовластительный злодей...». Демонстранты тесно окружили центральную группу, и в ту же минуту красное шелковое знамя, обшитое золотом, красиво развеваясь, высоко поднялось среди улицы. Толпа в 400-500 чел., тесно окружая знаменосца, с восторженными криками двинулась по направлению к казенному театру и, дойдя до Театральной улицы, свернула направо и начала постепенно расходиться. Во всех действиях рабочих замечалась удивительная сдержанность и организованность, чему, главным образом, нужно приписать удачу демонстрации. Масса гуляющих с любопытством следила за этой картиной, которая, несмотря на свою непродолжительность, оставила глубокое впечатление. «Что же делала полиция, где она была в то время?» — невольно возникает вопрос. Администрация во главе с пострадавшим «либералом» Ковалевым была окончательно одурачена. Готовясь к майской демонстрации чуть ли не за два месяца, она не смогла раскрыть плана демонстрации и, предполагая, что демонстрация будет на Эриванской площади, все свои силы сосредоточила в этом месте. Когда же началась демонстрация, растерявшиеся городовые начали усиленно свистать, а сами бросились бежать в противоположную от манифестантов сторону. Шествие демонстрантов уже спустилось к Саперной ул., когда подоспели казаки и войско, прилетел раз'яренный неудачник Ковалев со своей свитой: ему только и оставалось вымещать бессильную злобу, и он раз'езжал взад и вперед, руководя действиями полиции и сам пуская в ход кулаки. Дико было смотреть на человека, у которого на левой стороне мундира университетский значок, а в правой руке казацкая нагайка, которою он очень умело расправлялся. Выхваченных из толпы били до потери сознания и отправляли в участок. Арестованных 63 чел., из них 30 выпущены, а 33 подвергнуты аресту на три, два и один месяц. Избитые дворниками хотят начать судебное преследование, многие вызвались быть свидетелями; в числе последних указывают на нескольких офицеров, но, насколько верен этот слух, не могу сказать. Могу подтвердить, что один офицер заступился за манифестанта, за что и был арестован.

Баку, 3 мая 1903 г. Кончаю свое сообщение о здешней демонстрации 27 апр. (см. в № 40). До демонстрации взято свыше 20 человек, преимущественно рабочих; из интеллигентов взяты: ст. Хундадзе (рец.), Абрам Эйзенберг (тоже), Дроздовский (быв. ссыльный). Как видите, это не предупредило демонстрации. В Балаханах демонстрация началась в 7 час. вечера. Когда полиция и казаки бросились отнимать знамя, рабочие встретили казаков (свыше сотни) градом камней. Раздался залп без всякого предупреждения, после чего толпа рассеялась. Убит наповал один рабочий, тяжело ранены пять (лежат в больнице). У одного раненого пуля прошла навылет через голову, входное отверстие — в затылке, выходное — на лбу (значит, раненый убегал); из раны сочится мозг, — больной безнадежен, если уже не умер. Остальные раны — осложненные огнестрельные переломы голени и бедер, и исход ран сомнителен. Раненые все — туземцы: 3 армяне, 1 лезгин, 1 грузин (парикмахерский подмастерье, не успевший закрыть свою лавочку). Повидимому, самая стрельба была тенденциозна; по крайней мере, один казак проговорился: «стреляли в туземцев, своих все-таки жалко». Неизвестно только, был ли такой приказ начальства, или казаки сами так надоумели, как не известно, по чьему приказу стреляли. Раненых, лечащихся амбулаторно, — 12 чел. Ранены также один казак и один полицейский. Озлобление рабочих — сильнейшее, и надо ожидать актов мести начальству. Что касается городской демонстрации (утренней), то подтверждаются слухи об адском плане истребления демонстрантов. Ничем не мотивированная паника, наступившая после холостых выстрелов взвода городовых, и вызванное ею бегство без малейшей попытки сопротивления расстроили этот план. Тяжело раненых в городе нет; число всех раненых точно неизвестно, но, должно-быть, не меньше 20 — 25 *. Вечерняя демонстрация в городе в 5 ч.: относительно нее точных сведений до сих пор дать нельзя. Повидимому, толпа разбилась тут на несколько частей, которые одновременно демонстрировали на Телефонной, Станиславской

* Особенным зверством отличился тут пристав Шамшиев.

и Б. Морской. На Станиславской произошел следующий инцидент. Какой-то неизвестный суб'ект вдруг стал швырять камни в окна, послышался звон разбитых стекол; произошло смятение, но сознательные рабочие опомнились, стали против окон и заявили, что ни за что не допустят диких выходок. Тут же выкинуто было красное знамя — и демонстрация приняла стройный характер. Говорят, установлено, что это был дворник, и даже — что он крикнул: «бей жидов!». (Я лично не считаю установленным последний факт.) Перевес сил тут оказался на стороне демонстрантов. Пристав Гогоберидзе с одним городовым устремился на толпу с револьвером в руке, но, получив удар камнем в голову, ретировался. Озлобленная толпа с криками: «нас били, так теперь мы будем бить!» жестоко избила городового и изранила его его же шашкой (он лежит в больнице). Демонстрация вызвала во всем городе небывалое возбуждение. Во всем городе только и разговоров, что про первое мая. Слухи один другого фантастичнее, один другого нелепее стали циркулировать по городу. Кишиневские события окрасили эти слухи специфическим цветом. Поддерживаемые, повидимому, внушениями из полиции, стали усиленно циркулировать слухи о готовящейся национальной резне: евреи ожидали избиения евреев, армяне — армянского погрома и т. д. К 1 мая старого стиля был выпущен на русском и армянском языках второй майский листок Организационного Комитета (3.000). После демонстрации сразу выяснилось, что будет чуть не всеобщая майская забастовка, публика же ожидала новой демонстрации, сопровождаемой национальной резней. Последние слухи, к счастью, не оправдались, но забастовка вышла грандиозной. Во всем городе, в Черном и Белом городках, на Баилове и Биби-Эйбате и в Балаханах подавляющее большинство рабочих бастовало; работали только буровые, где рабочие почти исключительно — татары *. Успеху забастовки много способствовал террор, овладевший буржуазной публикой. Заводская администрация не оказывала ни малейшего давления на забастовщиков, боясь актов разрушения. Город 1 мая имел необычайный вид. Полиция и войско наготове; большинство лавок и магазинов заперто. На улицах много рабочих в праздничных одеждах, но все удивительно чинно и стройно. Рабочие праздновали маевку за городом. Атмосфера в городе какая-то особенная; даже в банках, на бирже и в конторах не слышно больше слов: «нефть», «мазут», — их вытеснили слова: «демонстрация», «прокламация», «Кишинев» и пр. Все говорят, что так длиться долго не может. «Мы живем накануне революции» — можно услышать теперь из уст буржуа. Оппозиционно-настроенная еще по национальным мотивам, буржуазия открыто выражается: «Зачем я буду удерживать своих детей? Пускай идут!».

Майским движением воспользовались рабочие отдельных заводов для выставления своих частных требований. Бастовали и выиграли стачку рабочие табачной фабрики Мирзабекянца. В общем 1 мая не работали почти все квалифицированные рабочие и часть неквалифицированных.

[Файнберг]

Юрьев. Перед 1 мая были распространены листки на эстонском яз.. Это повлекло за собою обыски и аресты. Известны фамилии ар[естованных] следующие: бр. Рождественских, Серговского.

О празднованиии 200-летия Петербурга. Тревожное время переживаем теперь мы, русские... Всюду проникает «крамола», революционное настроение охватывает даже самые отдаленные уголки нашей родины, и правительству «постоянно приходится быть настороже», как говорил сам Зубатов... Что же удивительного, что правительство деятельно начало «готовиться» к празднованию 200-летия нашей столицы, тревожно прислушиваясь ко всем слухам... Еще за месяц до празднеств по городу начал ходить слух о готовящемся бунте на Невском, в котором примут участие рабочие и студенты. В последние дни до празднеств о «бунте» говорили как об окончательно решенном деле, указывали, где бунт должен начаться, и т. д. Многие чиновники и вообще буржуа перед 16 мая выезжали из города, другие в этот день совершенно не выходили из дому. Среди простого народа ходили еще более «ужасные» слухи: напр., утверждали, что Петербургскую сторону «взорвут с четырех сторон», ту же участь предсказывали и новому Троицкому мосту... Более мирная часть говорила, что будут бить только богатых и полицию... Наконец, известная часть публики (дворники, швейцары и т. п.) утверждала, что будут бить «жидов». Этот слух усердно поддерживала полиция. Известно из достоверных источников, что полиция разослала некоторым евреям-купцам гектографированные «извещения» с предупреждением о готовящемся погроме. Словом, весь Петербург ожидал нечто «ужасное»... Правительство тоже усердно начало «готовиться». Во-первых, департамент полиции обратился к фабрикантам и заводчикам с приказанием удержать рабочих от празднеств и, в крайнем случае, назначить тройную плату. Считаю весьма интересным отметить следующий факт: на тех заводах и фабриках, где администрация вывешивала об'явление, что 16 и 17 мая на заводе будут итти работы обычным порядком и пропустившие эти дни будут оштрафованы, — там все рабочие настояли на праздновании 16 мая. Наоборот, там, где администрация сама предлагала праздновать, — рабочие отказывались от празднеств (напр., патронный завод Сименса и Гальске. «Если мы сами захотели бы праздновать, тогда и праздновали бы, а так не хотим», — отвечали рабочие одного завода мастерам). Говорить о «военных» подготовлениях правительства, я думаю, дело излишнее: они стали столь обычным явлением у нас на Руси!.. Таково было настроение города перед 16 мая, первым днем празднеств. (Я позабыл сказать, что в ночь на 16-ое в городе были массовые обыски и значительные аресты, что еще более встревожило обывателей). Но вот, наконец, наступил столь ожидаемый день... Улицы очень мало украшены, кое-где красуются юбилейные флаги, исключение составляет Невский — место «бунта»... Читая газеты, можно подумать, что в городе творилось «великое торжество», что его императорское величество встречали «восторженным ура» и пр. и пр. К счастью, ничего подобного не было: только вечером по Невскому гуляла толпа, жаждавшая поглазеть на иллюминацию, которая... была отменена. Затем самого царя встречали «восторженным ура» лишь дворники да шпионы, которых в настоящее время насчитывают до нескольких тысяч... Я лично присутствовал при проезде Николая из Исаакиевского собора — и буквально кричали «ура» лишь отдельные «личности», о принадлежности которых к охранному отделению не трудно догадаться хотя бы по физиономиям. Вообще участие в празднике принимало лишь само правительство со всей сворой полицейских чиновников...

На следующий день, т. е. 17 мая, все украшения и пр. были сняты, а празднества отменены.

С.-Петербург. Недавно здесь разнесся слух о покушении на Николая, причем передавали, что покушался какой-то студент-медик. В действительности произошла следующая история. На одной из пересекающих Фонтанку улиц ожидался проезд Николая. В это время проходил какой-то рабочий, держа в руке два свертка. Шпионы почему-то обратили на него внимание и начали следить. Рабочий же этот направился в поблизости находящийся трактир, где встретился с каким-то приятелем и передал ему один из своих свертков, что вызвало еще большее подозрение со стороны шпионов. Выйдя из трактира, рабочий направился по той же улице и случайно, вынимая платок из кармана, выронил оттуда находившийся при нем револьвер. Конечно, его немедленно арестовали и через несколько часов отправили на допрос. Рабочий этот показал, что находившийся при нем револьвер он взял исключительно лишь в виду того, что живет на окраине города, а возвращаться туда ему придется поздно вечером, что не совсем безопасно. Были наведены справки, рабочий оказался вполне благонадежным и вскоре был освобожден.

---

* Впервые выпущена была майская прокламация на татарском языке, к сожалению лишь в 100 экз.

О поездке шефа жандармов в Томск и Иркутск из достоверного источника передают следующее. После демонстрации, бывшей в Томске и вообще в Сибири, фон-Валь решил лично отправиться в Сибирь для искоренения крамолы. По приезде в Томск он узнает, что центр крамолы находится в Иркутске и там-то процветает «центральная» тайная типография. Немедленно скачет туда подстреленный шеф жандармов и к ужасу своему узнает, что к крамоле причастны даже «лица, состоящие на государственной службе». Узнает... Вы думаете — от полицейских чиновников? О, нет, он получает сведения из первоисточников, чуть ли не от самих крамольников... Дело в том, что в Иркутске существует какой-то драматический кружок, среди членов которого существует вражда. Когда приехал фон-Валь, одна особа из числа членов этого кружка, сильно враждовавшая с инженером Оглоблиным, начальником какой-то железнодорожной ветви, встретившись с фон-Валем, собиравшим непосредственно в «обществе» сведения о крамольниках, указала на Оглобина, как на одного чуть ли не из вожаков. Шеф немедленно обратился за справками—и оказалось, что большая часть служащих у Оглобина политические... Сомнения в неблагонадежности уже не могло быть, и фон-Валь стремглав летит в Петербург с докладом к фон-Плеве: крамола найдена. Однако, даже Плеве усомнился и посоветовал фон-Валю лично обратиться к Николаю, а последний, как и подобает самодержцу, немедленно приказал уничтожить крамолу. Оглоблину немедленно телеграфировали явиться в Петербург и попросили подать в отставку. Между тем Оглоблин, узнав о причине такой немилости, отправился к Хилкову и доказал, что все политические служащие, находящиеся на его ветке, приняты по рекомендации самого Пантелеева (ген.-губ.), что последний не замедлил подтвердить. Теперь Оглоблин снова водворен на старое место, а фон-Валь помчался в Сормов, где 1 мая была демонстрация. Желаем ему такого же успеха!

Петербург. 18 мая в Предварилке об'явлена голодовка. Выставлены следующие требования: 1) ускорение следствия; 2) улучшение пищи; 3) освобождение четырех товарищей из карцера и 4) уничтожение карцера, как наказания. Поводом к последнему требованию послужило избиение до смерти одного уголовного, сидевшего в карцере. Начало голодовку мужское отделение (более 100 человек), на следующий день присоединилось и женское. Когда же стало известно об убийстве уголовного, то буквально вся тюрьма присоединилась к протесту. В понедельник (второй день голодовки) заключенные потребовали прокурора, но тюремщики отказались известить его. Тогда произошел «настоящий» бунт: выбивали стекла в окнах, выбрасывали вещи, кричали и пр. Немедленно была вызвана конвойная команда, и почти около каждой камеры стоял часовой. Вскоре появился прокурор, а вслед за ним приехал «по приказанию Николая» великий князь Владимир Александрович. Весь этот день в Предварилку никого не впускали, и какое значение имело это «высочайшее посещение», пока не известно, но сегодня голодовка продолжается. По городу распространены листки по поводу голодовки.

«Единение царя с рабочими». Социал-демократическая организация «Труд» в Москве сообщает о том, как царь на Пасху принимал «депутацию рабочих» (зубатовцев).

«Нами получено следующее сообщение от одного из депутатов зубатовской организации к царю. Вот приблизительно его рассказ, за достоверность которого мы ручаемся:

«В депутаты к царю большинство из нас избрано по рекомендации охранного отделения. Перед представлением нас несколько раз возили в охранку, допрашивали, снимали, дали список слов, которые мы должны были сказать. Если мы скажем хоть одно лишнее слово, то нам грозили Сибирью, каторжными работами, Петропавловкой и т. д. Перед тем, как итти к царю, мы были собраны в охранное отделение, куда приехал Трепов и повел нас во дворец. Мы сказали все, что нам велели. Царь спросил Слепова, как его фамилия; он сказал: «Слепов». Царь его спросил, не он ли пишет статьи, говорил, что они очень хороши, и благодарил. После этого нас представили Плеве. Плеве взглянул на нас как на мальчишек и ни слова не сказал. Губернатор приглашал нас к себе завтракать, но мы не поехали, а поехали с Богдановичем в „Славянский Базар". Богданович угостил нас, а затем сказал, что дает нам всем по 5 руб., причем оказалось, что некоторые не получили. Теперь мы из-за этого переругались. Затем были с визитом у губернатора и провожали на вокзал Богдановича. Когда стали открывать у кареты дверь, он испугался и выскочил в другую».

Москва. Царь среди своих «верноподданных». Для охраны царя во время его пребывания в Москве были согнаны сюда сыщики из С.-Петербурга, Киева, Варшавы и др. мест. Сыщики же составляли банды для встречи царя криками «ура!». В свободное от службы время городовые в рваной босяцкой одежде сновали среди толпы для той же цели. Солдаты и казаки были наготове и прятались во дворе генерал-губернатора, в Охотном ряду, во дворе губернского правления (близ Иверской) и др. местах.

Все без исключения чиновники охранного отделения получили после того награду, городовые — месячный оклад жалованья. Телеграф работал беспрерывно, сообщая то из одного, то из другого города о выезде в Москву какого-либо «подозрительного» лица. По приезде в Москву таковое арестовывалось. Сыщики спали по два часа в сутки.

Политический процесс. Обвинительный акт о крестьянине деревни Летошник, Рогнединской волости, Рославльского уезда, Смоленской губернии, Климе Сампсонове Фролове, 21 года, обвиняемом в государственном преступлении.

В ночь на 14-е и 15-е мая 1902 года, в городе Екатеринославе и в прилегающем к нему поселке Нижнеднепровск-Амур, по преимуществу в местах, где проживали заводские рабочие, неизвестными злоумышленниками были разбросаны в значительном количестве по улицам, в палисадниках и во дворах печатные листки с воззваниями от имени «Екатеринославского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» под заглавием: «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава». На обратной стороне этих листков, в дополнение к воззваниям, от имени того же комитета и за его красной мастичной печатью, были отпечатаны, под заглавием: «По поводу полученных нами сведений о сечении демонстрантов», два столбца текста, в которых частью в совершенно ложном виде изложены действия административных властей, предпринятые для предупреждения и прекращения бывших волнений и беспорядков.

В воззвании и в об'яснительном дополнении к нему, между прочим, об'является, что, несмотря на предпринятые полицией предупредительные меры, политическая демонстрация, устроенная в честь рабочего праздника 1 мая, состоялась в Екатеринославе 5 мая, в 6 часов вечера, на проспекте против театра и около тюрьмы и была ответом рабочих на аресты, сеченье крестьян и прочие «безобразия правительства»; что они, социал-демократы, смеются над тупой и бессильной злобой «самодержавного правительства» и «твердо верят, что красное знамя пролетариата и демонстрации скоро зажгут великий пожар, который сотрет с лица земли самовольно распоряжающееся русским народом правительство», после чего «над родиной воссияет святая свобода». «В борьбе с революцией тираны нашей родины ухватились за старое, испытанное средство: за розгу». «Царь — главный заправила всех этих сечений, главный тиран, угнетающий русский народ». «Царское правительство окончательно забыло всякую честь и совесть, не останавливается ни перед какой жестокостью и подлостью, чтобы задавить народ и уничтожить борцов за свободу». «Самодержавное правительство напрягло свои силы для борьбы с революцией, но и революция должна напрячь все свои силы». «Пусть все поймут и глубоко почувствуют,

что господство кнута и розги поддерживается только самодержавным царским правительством и что русский народ только в беспощадной борьбе с ним обретет себе права свободного человека».

Всех таких воззваний, разбросанных в ночь на 14-е и 15-е мая, было собрано полицией в пределах Днепровской, Троицкой, Брянской и Соборной полицейских частей г. Екатеринослава и в пос. Амур-Нижнеднепровск 294 экземпляра. Лица, разбросавшие эти воззвания, дознанием не были обнаружены, но в 5 часов утра, 15 того же мая, в помещении Брянского завода г. Екатеринослава был задержан в момент разбрасывания таких же точно воззваний служивший на заводе смазчиком крестьянин Клим Сампсонов Фролов.

При производстве формального дознания выяснилось, что Фролов задержан при следующих обстоятельствах.

По показанию свидетелей: городового Вацлава Богдановича, десятских доменного цеха Евсея Зайцева и Егора Воейкова и весовщика того же цеха Спиридона Володина, все они около 5 часов утра 15 мая, в ожидании смены на заводе рабочих, которая должна была последовать в 5 час. утра, находились в помещении доменного цеха Брянского завода, причем первый свидетель стоял в самом помещении цеха, а последние трое сидели в будке № 1. Зайцев, сидя подле окошка, первый увидел, как неизвестный ему рабочий вошел в помещение цеха и, крадучись, стал пробираться к отделению, где шла работа ночной смены рабочих, и, дойдя, таким образом, к под'емной машине, вынул из-под мышки несколько сложенных бумажек и бросил их вверх; это видел и Богданович. Подозревая, что неизвестный бросил воззвания, Зайцев и Богданович бросились преследовать этого рабочего, а за ними вслед побежали Володин и Воейков; последний успел подобрать разбросанные бумажки, оказавшиеся сложенными вчетверо печатными воззваниями, такими же точно, как и описанные выше воззвания. Преследуя неизвестного рабочего, свидетели загнали его в угол стены, вышиною более двух сажен, откуда выхода не было; но неизвестный взобрался на стену и, вооружившись камнем, приготовился бросить им в свидетелей. Чтобы предупредить это намерение, Володин схватил кусок шлаку и бросил в него, после чего неизвестный свалился со стены и упал на рельсы проходящего внизу пути. Когда подбежали к нему, то оказалось, что при падении он сломал ногу и не мог без посторонней помощи подняться. Около него лежали разлетевшиеся воззвания, кроме того неизвестный вынул из карманов пиджака еще пачку в несколько десятков штук таких же воззваний. Этот рабочий оказался служащим на Брянском заводе смазчиком, крестьянином Климом Сампсоновым Фроловым. Привлеченный в качестве обвиняемого в разбрасывании в помещении доменного цеха Брянского рельсопрокатного завода преступных воззваний для распространения их среди рабочих с целью возбудить последних к бунту или явному неповиновению власти верховной, крестьянин Клим Фролов признал себя в том виновным и об'яснил, что вечером 14 мая, когда он стоял на улице пригородного селения Новые Кайдаки около своей квартиры, к нему подошел неизвестный молодой человек и обратился с просьбой разбросать утром 15 мая в доменном цехе завода пачку прокламаций, обещая уплатить за труд 2 рубля. Согласившись исполнить эту просьбу, Фролов получил от неизвестного пачку прокламаций, сложенных вчетверо, и 2 рубля. Хотя с неизвестным он разговаривал около 20 минут, но не спросил, кто он такой и как его зовут. Дома Фролов развязал пачку и пересчитал прокламации: их оказалось 100 штук. На следующий день рано утром, за час до прибытия смены рабочих, он явился в доменный цех завода и стал разбрасывать прокламации, но был замечен служащими на заводе, которые погнались за ним, чтобы задержать, но Фролов, убегая, упал со стены и при падении сломал себе ногу.

К дознаниям политического характера Фролов ранее сего не привлекался и содержался по сему делу под стражей с 15 мая по 23 августа 1902 года.

На основании изложенного крестьянин деревни Летошник, Рогнелинской волости, Рославльского уезда, Смоленской губернии, Клим Сампсонов Фролов, 21 года, обвиняется в том, что для того, чтобы распространить в г. Екатеринославе среди рабочих Брянского рельсопрокатного завода сто экземпляров воззваний, в коих не только дерзостно порицался установленный государственными законами самодержавный образ правления, но и выражалось явное возбуждение к неповиновению власти верховной и к восстанию против нее, он, заведомо, около 5 час. утра 15 мая 1902 года явился в доменный цех названного завода с пачкой об'ясненных воззваний, но успел разбросать там около под'емной машины таких воззваний только несколько штук, потому что был замечен и задержан.

Преступление это предусмотрено 1 и 2 п.п. 251 и 1 и 2 п.п. 252 ст. Улож. Наказ. А потому и на основании 2 ч. 1030 ст. Устава Уголовн. Судопроизв. обвиняемый Клим Фролов предается суду Харьковской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен в г. Харькове, марта 14 дня 1903 года. Прокурор Харьковской Судебной Палаты Хрулев. Верно. Секретарь Четвериков.

Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию: обвиняемый 1) крест. Клим Сампсонов Фролов; свидетели: 1) казак Аристарх Георгиев Серков; 2) крест. Семен Васильев Сулима; 3) пот. поч. гражд. Василий Андреев Яновский; 4) колл. секр. Леонид Густавович Осташевский; 5) запасн. рядовой Илья Павлов Ульянов; 6) Варфоломей Алексеев Зарубенко; 7) отст. унт.-офицер Емельян Яковлев Дреня; 8) городовой Вацлав Куприанов Богданович; 9) крест. Евсей Петров Зайцев; 10) крест. Спиридон Ананьев Володин; 11) Егор Федоров Воейков.

* * *

Повидимому, новая тактика правительства имеет целью терроризировать р я д о в ы х революционной армии, чтобы затруднить для партии дело организации рабочих масс и агитации среди них. Демонстранты и разбрасыватели прокламаций привлекаются на скамью подсудимых и караются «по всей строгости» драконовских законов, в то время как организаторы движения попрежнему подвергаются административной ссылке. Разумеется, новые расчеты правительства потерпят такое же фиаско, как и все предыдущие. «Героический» дух до такой степени овладел уже широкими кругами народа, что никакие жестокие приговоры не лишат нас, социал-демократию, всей той массы «пособников, покрывателей и попустителей», без которой мы не могли бы развивать широкую и планомерную агитацию.

П о з о р н ы й ф и н а л. Один из обвиняемых по делу о нижегородской демонстрации 1 мая 1902 г., столяр Михайлов (автор одной из опубликованных речей) получил в с. Ирбее, Енисейской губ., где находился в ссылке, полное помилование и возвращение всех отнятых приговором прав. Помилование является результатом покаянного прошения, поданного Михайловым еще в пересыльной тюрьме. Вполне понятно возмущение, вызванное поступком Михайлова среди его бывших товарищей. 23 же апреля на улице с. Ирбей Михайлов получил пощечину от сосланной по тому же делу Синевой в присутствии всех политических и местных крестьян. Как нам пишут, в селе сильное возбуждение: большинство крестьян разделяет негодование политических.

Ч е р н ы й к а б и н е т московского почтамта помещается во втором этаже. В с е поступающие в почтамт письма поднимаются под'емной машиной и поступают в распоряжение чиновников черного кабинета. Один из них отбирает письма с п о д о з р и т е л ь н ы м и ф а м и л и я м и, другие — письма с п о д о з р и т е л ь н ы м и п о ч е р к а м и, третьи раскладывают остальные письма небольшими кучками и выдергивают наудачу по несколько писем из каждой. В с е о т о б р а н н ы е т а к и м о б р а з о м п и с ь м а п р о с м а т р и в а ю т с я.

С а р а т о в, март. В последнее время в городе и губернии крупных полицейских погромов не было. Но зато изо дня в день возникают мелкие, несвязанные друг с другом

дела. Происходят отдельные аресты и обыски. Усиленные штаты жандармерии и полиции в городе и губернии «работают» во-всю.

Манифест 26 февраля в Саратове, как вероятно по всей России, оценен по достоинству и в широких слоях публики вызвал только смех и негодование. Попытка г. Плеве повторить иудушкину политику своего учителя Толстого, политику лжи, вероломства и одурачивания народных масс, в настоящее время не может удасться. История и в этом отношении не повторится. Последний манифест — это крик Иудушки, уже чувствующего, что сила и власть уходят от него. Даже администрацией манифест был встречен насмешками и недоумением. Рассказывают, что и. об. губернатора г. Азанчевский в день получения манифеста, на просьбу одного земского деятеля об'яснить ему некоторые места манифеста, стал уверять, что телеграф сильно исказил и перепутал текст. «Не могли же написать там такую бессмыслицу!» — утверждал г. Азанчевский. Среди крестьян манифест породил массу толков, и в иных селениях крестьяне ухитрились истолковать его в смысле черного передела.

Число аграрных преступлений в губернии сильно растет, практикуются постоянно поджоги, причем крестьяне стали прибегать к усовершенствованным приемам для поджогов: подкладывают к строениям медленно горящие фитили с порохом, начиняют им поленья и пр. В уездных тюрьмах Вольска, Аткарска и Сердобска сидят крестьяне, арестованные за аграрные преступления. Их решено судить, как простых поджигателей, окружным судом при закрытых дверях. В г. Петровске в скором времени предстоит процесс восьми крестьян, обвиняемых в поджогах и др. аграрных преступлениях, направленных против помещика Ермолова. Судебным следователям по таким делам предписано не приобщать к следствию прокламаций, местных нелегальных листков, которые обыкновенно распространяются при этом среди крестьян. Во многих селениях Сердобского, Петровского и Саратовского уездов крестьяне в настоящее время испытывают сильную нужду, цынга и тиф свирепствует в деревнях, но газетам говорить об этом, конечно, запрещено.

Крайне упрощенные приемы административного воздействия дошли до того, что здесь стала практиковаться административная высылка как средство для сведения личных счетов. Так, из г. Балашова высылают частного поверенного А. П. Феологова, человека уже пожилого и совсем непричастного к крамоле, только за то, что он не поладил с земскими начальниками. Те произвели надлежащее давление на и. об. губернатора Азанчевского, который распорядился выдворить Феологова из Саратовской губернии — за то будто бы, что у него было какое-то собрание. Можете себе представить, что будет у нас твориться, когда наконец по желанию манифеста окончательно водворится сильная власть и начнут процветать нравственные начала под сенью самодержавия.

Местный соц.-демократический комитет продолжает отзываться на общественные события прокламациями. Так, им в последнее время выпущены 1000 экземпл. прокламации по поводу 19 февраля, по поводу манифеста и «Шестой расстрел рабочих» о златоустовской бойне. Жаль, что Комитет в своих воззваниях по временам не пользуется более мелкими событиями и интересами местной жизни, которые удобны для агитации среди рабочих. Так, например, необходимо обратить внимание на печальное положение железнодорожных рабочих, которые, кстати сказать, представляют здесь единственно сплоченную массу в 4.000 человек. Нужно также использовать в целях агитации безобразное обращение жандармов с рабочими. Когда арестуют в Саратове рабочих, то обыкновенно их сажают не в тюрьму, а в полицейские части и там морят голодом, выдавая по 6 коп. кормовых, лишают свидания и обращаются очень грубо. Все эти меры употребляются жандармами с целью получить нужные им сведения от людей, обессиленных голодом и лишенных товарищеской поддержки. Иногда жандармы арестуют рабочих по самым незначительным делам и держат в частях по целому месяцу. Например, 19 февраля в народной аудитории арестовали раб. Першина, Затонского и еще четырех только за то, что они побили шпиона, слишком грубо об'яснявшегося с одним из распорядителей аудитории. Арестованных продержали более месяца в части и только недавно трех из них перевели в тюрьму. Крайне необходимо и желательно, чтобы Организационный Комитет наконец об'единил и организовал многочисленные группы социал-демократической партии и взял на себя общее руководство делами, издание и снабжение местных комитетов литературой и прокламациями по вопросам и событиям, имеющим значение для всей России: тогда местная пропаганда и агитационная работа пошли бы значительно успешнее.

Ростов н/Д. 10 мая 1903 г. (Частное). В течение марта, апреля и начала мая Ростов подвергся значительной чистке «неблагонадежных элементов». Уступая свое место вновь прибывшему жандарму Карпову (прибыл из Харькова), Артемьев вместе с ним и сыщиком Верещагиным (нач. охранки), получившим строгий наказ отыскать ненавистную типографию Д. К., произвели массовые аресты и обыски. Обыскивали буржуев, пролетариев, интеллигенцию, молодых, стариков и детишек. Арестов масса. Брали, как водится, по малейшему подозрению, нахватали и детишек. Ниже мы сообщаем часть фамилий арестованных, о которых возможно было получить сведения из тюрем. Арестованными наполнили тюрьмы: Ростовскую, Таганрогскую, Новочеркасскую, Каменскую, Нижне-Чирскую, Хоперскую и Усть-Медведицкую. На помощь комитету в его революционной деятельности правительство назначило в Ростов окружным начальником и начальником местного гарнизона, который пополнился батальоном Феодос. полка, — ген.-майора Абрамова. Его кипучая деятельность перед первым мая, военные приготовления, словно перед атакой города неприятелем, его речи за Темерником в рабочих кварталах, на берегу Дона к береговым рабочим, а также к гуляющей публике в день первого мая с демонстрированием нагаек — являются прекрасным дополнением к прокламациям комитета, кстати — появлявшимся в небывалом количестве. Абрамов — характерный представитель нашего самодержавия. Как и оно, он не смотрит дальше своего носа. Его цель в данный момент сохранить престиж власти, в данный момент поддержать «порядок». Каким способом и какими средствами это делается, над такими вопросами он не задумывается. Нагоняя страх на обывателя в данный момент, он вместе с тем вскрывает и показывает сущность той почвы, на которой зиждятся «коренные основы нашей государственной жизни». Раньше эти основы познавались из прокламаций и нелегальных книжек, теперь они познаются из жизни и доступны поэтому большей аудитории.

В течение марта и апреля арестованы: Чернышенко, Сабинин, Миндлин, Столкарц, Борохов, Гриненко, Давидов, Я. Браиловский, Васильев, А. Браиловский, Ботвинников, П. Швейцер (реалист), Ляхов, М. Швейцер, Клестов (литератор), Подлетов, Итин, Синицын, Заикин, Сенин, Федотовский, Абратов, Борисенко, Локерман (брат и сестра, оба выпущены), Скрынников (сотр. местн. газ.), Плесков (средне-техн.), Н. Альбов, Колосков, Станчинский, Лихтер, Полтава, Охнянский (вып.), Анна Логачева, Марковская, Сущенко (вып.), Мария Нагель, Иванов, Клещев (вып.), Кацман (гимназистка, выпущена), Величко, Кравченко, Позняков, Емельянов (вып.), Скоробогатов, Рейзман (вып.), Щербинин (бывш. семин.).

Кроме этих лиц, есть масса арестованных, фамилии которых нам не удалось установить, так как, куда их порассовали — аллах ведает.

В ожидании погрома. Из Прилук, Полтавской губ., пишут, что и здесь на 1 мая ожидался погром. В значительной мере панику усиливала полиция, на этот раз — своей излишней «распорядительностью». Не только заарестовали до 50 мужиков, виновных в произнесении угроз по адресу евреев, но еще и высекли их, когда они стали требовать своего освобождения. Возмутительная экзекуция еще более взволновала крестьянское население и озлобила его против евреев. В Прилуки послано полторы сотни казаков и полторы пехоты. Эти военные силы пришлось однако отправлять для подавления иного

рода беспорядков: в с. Сгуровке крестьяне пытались переделить земли помещика Кочубея. Местное еврейское население вооружается.

Напротив, в Херсоне, как пишут, крестьяне по поводу кишиневского погрома поговаривают о том, что бить надо не евреев, а помещиков. Местный Комитет издал прокламацию о погроме.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Со времени нашего последнего письма палачи Финляндии успели «широко» воспользоваться новыми «законами» жалкого клятвопреступника. Мы первыми готовы воздать должное удивление их энергии, направленной к порабощению культурной и доселе свободной страны.

Отставки и приказы подать в отставку за последние недели бесчисленны. Разгромив финляндские суды второй инстанции, гофгерихты, обрусители, разумеется, также вопреки финляндским законам, приступили теперь к опустошению низших судов. 5/18 мая приказано в течение трех дней подать в отставку двум членам гельсингфорсского ратгаузского суда. На-днях состоялось «высочайшее раз'яснение» сентябрьского указа об увольнении административным порядком финляндских чиновников. Этот «закон» распространился теперь и на училищное ведомство. Бобриков уволил почтенного ректора улеаборгского финского лицея М. Розендаля за его участие и председательство на ноябрьском с'езде представителей пассивного сопротивления в Гельсингфорсе (см. № 34). Словом, нет возможности больше перечислять всех увольняемых финляндских чиновников, оставшихся верными своей древней конституции. Должности вновь замещаются старо-фенноманами и русскими «уроженцами». Старо-фенноманская партия попрежнему «спасает» отечество. Трое новых губернаторов-финляндцев (старо-фенноманов) нисколько не уступают пяти русским помпадурам: они являются такими же ревностными исполнителями предначертаний Бобрикова и такими же доносчиками. Близорукие старо-фенноманы не подозревают того, что царские опричники, покончив с финляндскими «крамольниками», выплатят черной неблагодарностью своим нынешним союзникам. Часть старо-фенноманов вскоре после первых высылок дошла до такой подости, что начала призывать своих сограждан к выдаче тех «агитаторов», которые действуют оппозиционно из своих личных видов. Главный орган консервативной партии «Uusi Suometar» не постыдился напечатать подобной статьи и повторять ругань «Финляндской Газеты». Эта партия, заигрывающая с Плеве, имеет приверженцев и среди финляндских студентов, главным образом в лице сынков сенаторов и др. карьеристов. Десять подобных молодцов обратились в марте к своим товарищам и др. молодым лицам призывного возраста с «тайным циркуляром», в котором они убеждают обычными старо-фенноманскими софизмами подчиниться новому «закону», признавая в то же время его «незаконность». Этот циркуляр является до некоторой степени подложным, так как пять его авторов не подлежат воинской повинности, а в нем говорится, что все они подчиняются «закону». Этот циркуляр составлен по вдохновению одного сенатора Сальмана и нынешнего вице-канцлера финляндского университета проф. Даниельсона, имевшего счастье часто лицезреть обер палача Плеве. Это реакционное воззвание вызвало протесты со стороны большей части студентов. Преступной агитацией старо-фенноманов и всевозможными беззакониями царского правительства об'ясняются менее благоприятные результаты пассивного сопротивления нынешним призывам воинской повинности, хотя и эту весну во многие присутствия не является ни одного новобранца, или является лишь незначительный процент. Ликования «Ф. Г.» были слишком преждевременны. В прошлом году призывы совершались по прежним порядкам, тогда как теперь правительство не останавливается ни перед какими мерами, чтобы терроризировать юношей. В некоторых местах их ловили хитростью, в других насильно приводили городовые и солдаты и т. п. Кроме того, арестовано несколько так наз. «агитаторов», осмелившихся призывать молодежь к подчинению конституции, а не преступному «закону» г. Куропаткина. Точные цифры результатов деятельности призывных присутствий мы приведем впоследствии, когда будут получены сведения относительно всех или большей части общин и когда «официальные» статистические данные будут проверены надежными исследователями.

Бобриков не замедлил ополчиться против «вредных учений», на что он получил кулачное «право» по новой инструкции. Он приказал назначить комиссию для «исправления» учебников географии и истории Финляндии, по которым учились десятки поколений финляндских детей. В этих учебниках, представьте себе, даются ложные сведения о положении Финляндии в Российской державе.

Обыски, аресты и высылки в Финляндии теперь в полном разгаре. Кроме семи высланных в апреле (по нов. ст.), о которых было сообщено «официально», в мае уже высланы выдающийся редактор главного органа младо-фенноманской партии Эркко из Гельсингфорса, адвокат Прокопе из Таммерфорса, двое братьев — редактор и делопроизводитель торговой фирмы — Блуфельт из Куопио и управляющий банковой конторой Хикио из Нейшлота. Кроме того, находившийся в Швеции знаменитый финляндский законовед, бывший сенатор Л. Михелин получил через русского посла в Стокгольме запрещение возвратиться на родину. О всех этих лицах «Фин. Газета» пока благоразумно молчит. Большая часть высланных из Финляндии принадлежит к числу самых видных общественных деятелей и сеймовых депутатов. Сенатор Михелин, барон фон-Борн, Кастрен, Эркко и др. являлись столпами во многих сеймах. Комичны поэтому попытки старо-фенноманов отстоять сейм, на котором больше не могут присутствовать наиболее видные депутаты. Понятно, эти старофенноманы надеются на торжество своей партии на будущих сеймах! Барон фон-Борн, один из наиболее крупных финлядских землевладельцев, подал в сенат написанное на имя царя заявление, в котором он, указывая на незаконность принятых против него мер — обыска и высылки из Финляндии, просит привлечения себя к законному финляндскому суду. Подобные заявления он подал прокурору сената и нюландскому губернатору, известному опричнику Кайгородову. После от'езда г. Борна в Швецию в его имении был произведен аукцион для получения с него штрафа в 5500 мар., к которому было незаконно приговорено общинное

управление Перно, где он был председателем, за отказ подчиниться новому «закону» о воинской повинности. За первую корову покупатель заплатил 5.600 марок, и аукцион был прекращен. Ленсман (вроде нашего станового), сделавший опись имущества г. Борна, получил в награду 1.200 марок.

Сенатор Мекелин вышел в отставку еще в 1890 году, когда Александр III начал в Финляндии обрусительную политику. Он приобрел европейскую известность своими трудами по государственному праву Финляндии, профессором коего был много лет в Гельсингфорсском университете. Александр II пожаловал ему дворянство, а его достойный внук теперь высылает его из Финляндии. В зависимости от самодержавных деспотов не прочны, как видит читатель, ни конституция, ни царские обеты.

На-днях в датских, норвежских и шведских газетах напечатано прекрасное стихотворение маститого норвежского писателя Бьернсона, посвященное Финляндии («при получении последней почты из Финляндии»). В нем Николай II называется «палачом» и датский народ призывается не пускать этого палача впредь на датский берег. К сожалению, мы не можем в стихах перевести этого превосходного норвежского стихотворения.

P. S. Сейчас мы узнали о приказании управляющему частной банковой конторой в г. Ловиче Фабрициусу выехать из Финляндии.

8/21 мая 1902 года. *[В. М. Смирнов]*

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. На заводе Паля происходит в настоящее время весьма характерная борьба. Администрация завода совершенно уничтожила ночные работы, но в то же самое время увеличила на два часа рабочее время, т. е. заставляла работать до 9 ч. вечера. Рабочие решили начать борьбу и вот уже в течение трех дней все, как один человек, бросают работу в 7 ч. веч. Весьма возможно, что это послужит поводом к стачке.

В Кронштадте происходят крупные аресты среди матросов. Офицер Герасимов, сильно скомпрометированный в этом деле, узнав о предстоящем аресте, покончил жизнь самоубийством. Товарищи его устроили торжественные похороны. Арестованные матросы находятся в предварилке.

С.-Петербург. 3 мая работницы фабрики Максвеля в количестве 150 чел. заявили требование о повышении платы с куска (получали 60 коп. с куска) и все двинулись на квартиру директора. Директор сильно перетрусил, отказался выйти, передав через прислугу, что пусть явятся к нему после человек 15, и он с ними переговорит. Работницы продолжали требовать, чтобы к ним явился директор. Наконец последний отважился выйти к работницам, и в результате, под угрозой стачки, директор повысил плату с куска до 80 коп. — В средине мая началась стачка на фабрике Воронина. 18 мая к ней примкнула фабрика Лебедева (1000 рабочих).

Бахмут, Екатеринославской губ. Среди здешнего ремесленного пролетариата в последнее время заметно стремление к борьбе. После стачки в одной из портняжных мастерских были выпущены две прокламации: одна — об общем положении пролетариата, другая — о манифесте 26 февраля. Недавно появилась третья прокламация под названием: «Налоги. С кого они берутся и на что тратятся». Последняя прокламация возбудила оживленные толки как среди пролетариата, так и в буржуазной среде. Местная буржуазия в большом переполохе. Забеспокоилась и полиция. Она произвела обыски у рабочих, но безуспешно.

Вышний Волочек. (Прохоровская мануф.). 1 мая началась стачка. Положение там, повидимому, очень серьезное, так как туда поскакали губернатор и нач. жанд. упр. В самой Твери началась на одном заводе стачка, но туда нагнали массу войска, и она прекратилась. На фабрике Морозова тоже стояли с 1 мая войска. Согласно другому известию, стачка охватила несколько фабрик. Возбуждение было очень сильное: толпы рабочих ходили по улицам. Оратор, присланный Тверск. Ком., свободно говорил речи. Теперь арестовано 20 рабочих.

Чернигов. 2 марта здесь забастовало 130 ремесленников-портных. Портняжное производство здесь очень раздроблено: на мастерскую приходится 3—5—10 рабочих, большинство мастерских имеют не более 4—5 рабочих. В ремесле господствует «посредническая» форма промышленности: из 130 стачечников 80 являются «посредниками», т. е. берут работу у хозяев за поштучную плату, причем часть этой работы выполняют сами, а другую сдают от себя другим рабочим. Таким образом посредники являются наполовину хозяевами, наполовину рабочими, и согласить их интересы с интересами наемных рабочих не так-то легко. Более крупные магазины часть работы производят наемными рабочими, получающими помесячную плату. Таких «месячников» у нас человек 50. Преобладают, следовательно, у нас «посредники» — самый неблагоприятный для организации элемент. Тем не менее стачка удалась как нельзя лучше. Руководили стачкой сами же рабочие, выработавшие такой план: бастовать должны были только посредники с требованием повышения заработной платы. Когда они выиграют, «месячники» должны были требовать сокращения рабочего дня. На деле месячники выставляли свои требования (12-час. раб. день и два часа на обед и завтрак) еще до конца стачки посредников. Стачечники проявили прекрасную дисциплину, чем не мало удивили своих хозяев. Вообще стачка очень интересовала черниговских обывателей. Стачка кончилась победой рабочих через неделю. Один хозяин-доносчик был избит рабочими. Полиция вмешалась в стачку, арестовала 15 рабочих и продержала их несколько дней; только против одного из них возбуждено политическое дело, а трое высланы в уездные города.

27 марта у нас, за подписью «Черниговской группы соц.-дем. рабочих», распространены две прокламации: «Ко всем рабочим и работницам г. Чернигова» и «Ко всем малярам».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Из Берна за март и апрель 353 фр., из них за литературу 150 фр., из Б. К. 41 фр., пожертв. К. У. Л—уба и П. 28 фр., от О. Ю. 100 р., из К-о через Л-ва для О. К. 50 р. от Смоленца в пользу арестованных 5 р., из Лондона 2 ф. 10 шилл., из Парижа в апр. 250 фр. и от приятеля 200 фр., от Мани 25 фр., от Юлия: за литер. 30.60 фр. и для «И.» 55 фр., из Лозанны за май 110 фр. От Томского Ком. на «Искру» 10 р. Из Цюриха: с реферата 75 фр., за литер. 65 фр., член. взнос 10 фр. Из Женевы за апрель и май 176.70 фр. Из Берлина: собрано в Гейдельберге 60 мар., по подп. листу 64,80 фр. Из Сибири по подп. листу № 41 на изд. попул. соц.-дем. литературы: от Nemo 7 руб., от X—X 10 + 15 руб. От товарищей на прогулке 10,34 фр. От В. на «Искру» 30 фр., на издание записок Дейча 50 фр. От «Ижицы»: на «Искру» 5 фр., на помятник Бакунину 5 фр., для Эмигр. Кас. 5 фр., от Цюрих. Сиб. Кассы для А-а 42 фр., от Женев. Сиб. Кассы 40 фр. Из Парижа за май 950 фр., от кружка соц.-дем. на «И» 10 р.

Адрес № 22 отменяется.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Озмидов М. П. (1837—1897) — издатель черносотенной газеты «Новороссийский Телеграф», занимавшейся усердной травлей инородцев.

Прим. 2. Игнатьев Н. П. (1832—1908), граф,—после убийства Александра II (1881 г.) сменил Лорис-Меликова (см. прим. 4-е) на посту министра внутренних дел. Не имея никакой определенной программы внутренней политики, Игнатьев ограничивался эффектными либеральными фразами в духе своего предшественника. В 1882 году, когда правительство открыто стало на путь реакции, был заменен гр. Толстым.

Прим. 3. Мезенцев Н. В. (1827 — 1878) — шеф жандармов, один из самых жестоких слуг царизма. 4 авг. 1878 г. убит известным революционером Степняком-Кравчинским.

Прим. 4. Лорис-Меликов М. Т. (1825 — 1888) — председатель «Верховной распорядительной комиссии по борьбе с революционным движением» и министр внутренних дел в конце 1880 г. и в начале 1881 г. Отражая растерянность правительства перед революционным террором, Л.-М. заигрывал с либеральными элементами общества и, пытаясь их склонить на сторону правительства, выступал с неопределенными обещаниями конституционных реформ. В период развернувшейся после 1 марта реакции заигрывания Л.-М. с либералами оказались несвоевременными, и он вынужден был уйти в отставку. Министерство Л.-М. получило в печати ироническое название «диктатуры сердца».

Прим. 5. Тотлебен Э. И., граф. (1818 — 1884) — военный инженер, прославился в Севастопольскую кампанию и при осаде Плевны. В 1879 г. был назначен одесским ген.-губ. и вел жестокую борьбу с революционными народниками.

Прим. 6. Неаполитанский «король-бомба» — неаполитанский король Фердинанд II, прозванный так за бомбардировку восставшей против него в 1848 г. Мессины.

Прим. 7. «Русское Собрание» - первая открытая реакционная политическая организация, зародившаяся в Петербурге осенью 1900 г. Лозунгами «Р. С.» были — «самодержавие, православие и народность».

Прим. 8. О сионистах — см. прим. 17-е к № 38 «Искры».

Прим. 9. О «Свободе» см. прим. 4-е к № 26 «Искры».

Прим. 10. Брошюра «Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении» вышла в Лондоне в 1903 г. Издание Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. Перевод с еврейского, стр. 19.

Прим. 11. О П. П. С. — см. пр. 9-е в № 39 «Искры».

Прим. 12. «Arbeiter Stimme» («Голос Рабочего»)—центральный орган Бунда (1897—1905), выходил подпольно в России. Всего вышло 40 №№.

Прим. 13. Рязанов (Гольдендах) Д. Б. (р. в 1870 г.) — коммунист, один из старейших социал-демократов, организатор первых рабочих марксистских кружков в Одессе. После пятилетнего заключения в «Крестах» эмигрировал за границу. В начале 900-х гг. один из организаторов заграничной литературной соц.-дем. группы «Борьба». Выступал с резкой критикой проекта программы партии, составленного редакцией «Искры». Один из лучших знатоков Маркса и Энгельса, Рязанов в настоящее время является директором организованного им Института К. Маркса и Фр. Энгельса при ЦИК СССР.

Прим. 14. Мольер Жан-Батист (1622 — 1673) — французский драматург и автор ряда классических комедий. «Precieuses ridicules» («Жеманницы»,) — название известной комедии М., в которой высмеивается фальшивая ученость.

Прим. 15. «Революционная Россия»—центральный орган партии соц.-рев. На его страницах были впервые формулированы тактические основы деятельности эсеров. Богатый фактическими корреспонденциями из России, журнал имел широкое распространение. «Искра» в лице Ленина и Плеханова вела беспощадную идейную борьбу с «Р. Р.».

Прим. 16. Бернштейн Эд. (р. в 1850 г.) — старый деятель германской соц.-демократии, редактор нелегального центрального органа партии в эпоху исключительных законов против социалистов. В конце 90-х годов выступил с книжкой «Предпосылки социализма», в которой подверг теоретической ревизии (пересмотру) философские, экономические и политические основы революционного марксизма.

Б. утверждал, что историческое развитие не увеличивает, а уменьшает пропасть между пролетариатом и буржуазией и социализм будет достигнут не революцией, а постепенной эволюцией, мирным врастанием в капитализм. Выступление Б. послужило исходным пунктом широкой и резкой полемики в среде международной соц.-демократии и привело к оформлению ортодоксального и ревизионистского крыльев в партиях II Интернационала.

Прим. 17. О демонстрации 2 марта — см. № 38 «Искры».

Прим. 18. Речь идет об убийстве с.-р. Карповичем в 1901 г. министра народного просвещения Боголепова. Боголепов был убит за жестокие репрессии к участникам студенческого движения.

Прим. 19. «Мартовские события 1901 г.» — демонстрации студентов и рабочих в Харькове, Белостоке и Петербурге, происшедшие 4 марта (19/II). Наибольшей по количеству участников и своему политическому значению была демонстрация в Петербурге на Казанской площади. Демонстранты были жестоко избиты. Около 1500 человек было арестовано.

Прим. 20. «Neue Zeit» — «Новое Время» (1883—1922) — центральный теоретический орган германской соц.-демократии. Редактором до начала мировой войны был К. Каутский. В журнале принимали участие; Ф. Энгельс, А. Бебель, Лафарг, Р. Люксембург, Фр. Меринг, Г. В. Плеханов и др. виднейшие участники международного рабочего движения.

Прим. 21. «Przegląd Robotniczy» — напечатано неправильно, нужно: «Przegląd Socyaldemokratyczny» — центральный орган С.-Д. П. и Л., выходил в Швейцарии.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 42 15 ИЮНЯ 1903 ГОДА. № 42

ТРАГИКОМЕДИЯ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.

Он убит — этот глупый, маленький король, герой кафешантанных мотивов и краткого, но полного самых неожиданных приключений царствования! [1] Всегдашнее орудие интриг, игрушка в руках карьеристов, он сам — выродившийся потомок воинственного свиновода — десять лет «играл» в конституцию, тасовал, как колоду карт, ее параграфы, «сдавал» и вновь отбирал их у своих «верноподданных» и, вначале под опытным руководством шантажиста-отца, а потом за собственный страх и риск вел «игру» наверняка — в безответной крестьянской стране, где так много разноцветных политиканов и нет совсем *народного* движения. И он бы еще долго «играл» среди разоренного народа, покорно несущего бремя растущих долгов и налогов, если бы несколько неловких ходов не поставили его в противоречие с тем деликатным механизмом, при посредстве которого осуществляют свою — «божьей милостью» — власть самодержцы всего мира, великие и малые, как прикрытые конституционными формами, так и те, что, не стесняясь, выставляют напоказ наготу своего самодержавия. Он посмел, в угоду своим фаворитам, третировать ее величество — военно-бюрократическую клику, т. е. безумец преступил тот предел, который безнаказанно преступать не дано ни одному самодержцу. И клика расправилась с ним — на глазах равнодушного народа. В одном из закоулков дворца, где он тщетно искал спасения, он пал, пронизанный десятками пуль, среди шумной толпы разгоряченного вином офицерства. Его тело и тело изуродованной Драги это храброе воинство выбросило за окошко, и там, во дворе, они долго оставались лежать, с размозженными черепами, перед домом русского посольства.

Военная клика торжествовала «победу» в Белграде. «На следующий день, — говорит один очевидец, — на улицах было много пьяных; офицеры и солдаты расхаживали, обнимаясь, и пели песни. Около десяти часов утра какой-то группой офицеров был отдан приказ, и дома расцветились флагами. Все утро магазины были закрыты, зато бойко торговали рестораны. В одном из них виднелся спокойно сидящий за кружкой пива заправило ночного геройства — полковник Мишич. Все были довольны, и у всех на устах был — Карагеоргиевич».

Король убит, но да здравствует король, и если нет короля, его надо выдумать. В состав военно-бюрократической системы обязательно входит «помазанник» власти, носитель ее престижа. Не годится один, подойдет другой, но кто-нибудь *должен* непременно найтись — во славу системы. И это тем легче, если кандидат на власть давно уже ждет призыва, пристально следит за каждым шагом противника и исподволь ткет паутину.

Князь Карагеоргиевич усиленно поддерживал сношения с сербскими политическими деятелями, ездил за последнее время несколько раз из далекой Женевы в близкую Вену, виделся — как предполагают — с разными лицами на самой границе Сербии и, во всяком случае, был тесно связан — по собственному же признанию — с партией своих сторонников, которая во всей стране образовала комитеты и энергично готовилась к перевороту. В самом предприятии принимало участие около ста офицеров. Между ними были делегаты почти всех гарнизонов. Они организовали ночную «экспедицию», они с оружием в руках сформировали «временное правительство» и они же — под звуки взводимых курков — заставили членов скупщины одного за другим «единогласно» прокричать имя нового господина.

Трагедия монархической власти окончилась, начиналась комедия. По ступенькам опустелого, забрызганного кровью трона подымалась опять «божией милостью» фигура. И эта фигура, воздымая очи горе, благодарила «провидение», «сподобившее» ее «милостью и волею божией» «занять престол» ее «славных предков» и посылала свое «королевское одобрение» скупщине за то, что та «присоединила глас свой к гласу всевышнего» и «в полном согласии с ним» облекла ее властью. И она же, вопрошая, взирала на своих венценосных коллег: что скажет монархическая Европа, что скажет самодержец России?

А положение было своеобразное. Удары, направленные против Александра и Драги, именно потому, что это были удары взбунтовавшейся *власти* против ее носителя, неизбежно в корне подрывали основы монархизма, лишая монархию последнего отблеска былого обаяния. Как быть? Терпеть ли в XX веке на троне лицо, по дороге к власти перешагнувшее через труп соперника, или во имя задетого принципа поднять чреватый последствиями вопрос о международном давлении? Но пока Европа размышляла, из Петербурга пришел уже лозунг — Россия возобновляла дипломатические отношения с новым сербским правительством, Николай II посылал свои «искренние пожелания» новоиспеченному властителю. «Авантюрист, приглашенный принять корону из окровавленных рук изменников», — так, позабыв осторожность, выражался о новом величестве «гражданин» Мещерский [2], — обнимался по телеграфу с самодержавным представителем дома Романовых.

И в то самое время, когда газеты Европы, обрадовавшись случаю, изливали потоки негодующего красноречия на действующих лиц белградской катастрофы, официальная и официозная пресса России проявляла необыкновенную сдержанность. Орган министерства иностран-

ных дел, «Journal de St.-Petersbourg» лаконично выражал лишь «сожаление» о происшедшем «кровопролитии». «Новое Время», источив две-три крокодиловы слезы, хлопотало, главным образом, о том, как бы выгородить партию руссофилов-радикалов, очутившуюся после переворота у кормила «временного правительства», от соучастия в перевороте. Говоря об отрадном факте быстрого введения «порядка» в стране, оно в то же время писало: «Об'яснять это тем, что радикальной партии было хорошо известно о готовящемся перевороте... нет оснований. Скорее можно предположить, что необходимость изменения существующего порядка вещей за последнее время стала сознаваться всеми, вследствие чего план действий... создался сам собой, без всякого предварительного уговора». И газета, кстати, не забыла перечислить все грехи Обреновичей и все достоинства «более национальной династии» — Карагеоргиевичей. И только уже после того как австрийский император в своей телеграмме категорически заявил о необходимости наказания заговорщиков, русское правительство спохватилось и задним числом заговорило о невозможности «попустительства». «Клятвопреступники, запятнавшие себя позором цареубийства», должны потерпеть возмездие. Король Петр произведет «расследование». Так значилось в «правительственном сообщении»,—и, как по мановению режиссерской руки, лицедеи русской прессы стали усиленно работать над тем, чтобы локализировать общественное внимание на кучке исполнителей, искусно отводя его от тех, кто благоразумно стоял за кулисами исторической сцены. А между тем «законно» избравшая короля скупщина «благодарила» в то же время — за понесенные труды — всю армию, руссофилы-радикалы делили свою власть с ночными убийцами, и на всем этом «комедийном действии» отражалась гигантская тень умывающего руки, как Пилат, российского самодержавия. Истории еще придется сказать свое слово о неизвестном прологе белградской трагедии. Но уже теперь нескромность показаний иного «свидетеля» нет-нет да и бросит неожиданный свет в эту темную сферу тайных воздействий. Так, например, по словам нововременского корреспондента, была одна причина, «ускорившая катастрофу» последнего представителя из дома Обреновичей. Сознавая «шаткость своего положения», король Александр будто бы вел в последнее время переговоры с Австрией «для заключения» особого «договора». Австрия обязывалась поддерживать сербского короля, Сербия становилась в положение «австрийской провинции». Понятно, эти переговоры «не были тайной для более серьезных и влиятельных деятелей и сербских патриотов». Понятно, «они усмотрели большую государственную опасность в этих происках», и понятно, — прибавим мы от себя, — если свидетельство это верно, русская государственная машина, почуяв своего традиционного конкурента на Балканском полуострове, не осталась в положении безучастного зрителя.

Как бы то ни было, заняв в отношении к сербскому перевороту исключительное положение в концерте европейских держав, русское правительство проявляло лишь обычные черты своей «реальной» политики, свободной от какого бы то ни было «принципа» и имеющей всегда в виду интересы настоящей минуты. Самодержавию нет дела до того, что с монархической власти где-то сорван остававшийся идеалистический покров. Двуглавый орел покровительственно держит свою лапу над властью, рожденной в шуме военного пронунциаменто, что не мешает однако этой хищной птице, исподтишка производящей воровские набеги, лицемерно кричать о наказании цареубийц.

Цареубийц! Россия не мало видала их за последние двести лет: графа Орлова, душившего Петра III ради прекрасных глаз Екатерины; графа Палена, Зубова, Беннигсена, всю ту сотню молодых офицеров, которые в достопамятную ночь 11 марта 1801 года лихорадочно искали — по всем концам Михайловского замка — спрятавшегося за экраном императора. И когда они его нашли, они расправились с ним точь-в-точь современные сербы — свалили ударом кулака, топтали его тело ногами, душили его собственным шарфом. Павел был убит. Путь расчищен: сын Павла взошел на престол. Заговорщики высоко несли свои головы и званым обедом отпраздновали свое торжество. Таково было воспетое поэтом — «дней Александровых прекрасное начало».

И однако современный самодержец России может спать спокойно, не боясь своих присных: эра дворцовых переворотов в России прошла[3], но прошла не потому, чтобы военно-бюрократическая клика не была способна теперь поднять руку на неугодного ей представителя, а потому, что она хорошо сознает или инстинктом чувствует, что такой переворот в современных условиях России неизбежно превратился бы в революцию. И чем выше поднимаются волны общественного движения в стране, тем меньше остается возможности для клики рисковать потрясениями. Хочет она того или нет, она спаяна с своим представителем в одно нераздельное целое. И это целое, что дальше, то больше, уходит все в напряженную, отчаянную борьбу с непокорным рабочим народом.

А надежды народа — не в интригах двора и междоусобной бюрократической сваре. Все огромное здание самодержавного строя, не один лишь его коронованный орнамент, должно пасть, подмытое волной революционного под'ема.

И современным борцам за свободу России нечего делать в коридорах дворцов, их место — на улицах, на площадях несчетных русских городов, среди возмущенного народа!

[Старовер-Потресов]

КИШИНЕВСКАЯ РЕЗНЯ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.

(Перевод с немецкого.)

Редакция «Przegląd Socyaldemokraticzny» (Орган Социал-Демократии Русской Польши и Литвы) предложила мне высказаться по поводу кровавой бойни в Кишиневе. Не легко, удовлетворяя этому желанию, удержаться от выражения вполне понятного чувства отвращения перед ужасающими зверствами. Трудно думать спокойно и трезво о событии, одна весть о котором леденит кровь в жилах и в то же время разжигает нашу ненависть к его виновникам. Кроме того, всякому нерусскому трудно понять особенности положения еврейства, с одной стороны, и антисемитизма в России — с другой.

Уже западно-европейский антисемитизм есть крайне сложное явление. Сами антисемиты, — поскольку они вообще раздумывают над своими действиями, что с ними случается довольно редко, — стоят на почве расовой теории: в своей ненависти к евреям они видят закон природы; еврейская раса, по их мнению, уже от природы своими особенностями обречена на то, чтобы внушать всякому не-иудею чувство ненависти и желание ее преследовать. Еще более мистична точка зрения либерального филосемитизма, видящего во вражде к евреям только продукт народного безумия. В противоположность этим воззрениям все более и более распространяется воззрение социалистическое, рассматривающее современное антисемитическое движение как часть классовой борьбы, как продукт борьбы разоряющихся народных слоев, доведенных до отчаяния. Погибающее ремесло борется с крупной промышленностью и посредничеством; мелкие торговцы—против крупных торговых домов; запутавшийся в долгах крестьянин—против ростовщика и торговца, в особенности торговца скотом и зерном. Падение этих слоев все более и более выбивает их молодое поколение из прежней (отцовской) колеи и гонит в ряды интеллигентных профессий, вызывая уже теперь переполнение этих профессий. Все эти слои настраиваются враждебно против еврейства, являющегося в их глазах представителем торгового и денежного капитала, в то же время выделяющего и в ряды интеллигенции многочисленные и подвижные элементы. Уничтожение (Niederschlagung) еврейства представляется этим слоям лучшим средством положить конец их собственному бедственному положению.

Это об'яснение западно-европейского антисемитизма нашего времени должно быть признано правильным, но его недостаточно, так как возникает вопрос, почему же именно евреи являются избранными представителями торгового и денежного капитала и интеллигенции. Имеем ли мы дело действительно с особенностью еврейства, и вытекает ли эта особенность из его расового характера? Она не есть нечто кажущееся, а существует в действительности, но, зависит ли она от характера еврейской расы, можно было бы решить, только зная в точности, что такое собственно раса. Но нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера.

Мы застаем евреев в Палестине владетелями горной области, с известного момента оказавшейся недостаточной для того, чтобы обеспечить своим обитателям такое же удовлетворительное существование, каким пользовались их соседи. В подобных условиях народ обращается либо к грабежу, либо к выселению. Так, шотландцы прибегали вначале к первому, впоследствии — ко второму выходу. После долгой борьбы с соседями на путь выселения вступили и евреи. Но горные страны с их замкнутыми долинами кладут глубокий отпечаток на их население; не легко приспособляясь к новой среде, оно и на чужой стороне не изменяет наследственным обычаям и нравам и не только не чувствует себя там хорошо, но все время стремится на брошенное место. Выходцы этих стран идут за пределы родины не затем, чтобы там оставаться, но только затем, чтобы возможно скорее возможно больше скопить богатства и вернуться с ним на родину. Не как оседлые земледельцы или основатели городов идут они в чужие страны, но как наемные авантюристы, подобно жителям Аркадии в древности, швейцарцам — в средние века и албанцам в Турции — в наше время, — либо как торговцы: таковы евреи, позднее — шотландцы, теперь — армяне. Мы видим, что одинаковые условия развивают у народов различных рас одни и те же особенности, одни и те же черты. Но помимо этой особенности, общей у евреев с другими горными племенами, в течение исторического развития евреев постигла судьба, какую ни одному народу не пришлось переживать: это — изгнание их с их собственной родины. На своей родной земле еврейство было истреблено и с тех пор живет на чужбине многочисленными колониями выходцев. Таким образом евреи перестали существовать как нация, так как нация немыслима без определенной территории. Они стали племенем, единственным (если не принимать во внимание мелких племен, лишенных всякого исторического значения, как цыгане), живущим как чуждый пришлец среди чуждого ему населения, с сильно развитым тяготением к родине, но лишенным ее; беззащитным, как пришлец, повсюду, часто только терпимым, часто преследуемым, не имеющим прибежища, где оно не было бы бесправно, где оно могло бы находить покой и безопасность. Наконец, это было единственное племя, в котором отсутствовал земледельческий элемент, — племя, скоро уже два тысячелетия живущее исключительно в городах, а где оно в немногих случаях решалось обосновываться в деревнях, существовавшее и там городскими промыслами. Торговля деньгами и товарами и интеллигентные профессии, то есть такого рода деятельность, которой уже и раньше занимались эмигрировавшие с родины их выходцы, стали теперь единственными источниками существования для всего еврейства. В течение средних веков, с их тенденцией к сословному разделению классов и занятий, фактическое ограничение евреев известными занятиями и местностями приняло форму ограничений юридических. Следствием этого было то, что у оторванного от массы населения еврейства развились его особенности гораздо в большей степени, чем то соответствовало бы его природе; эта замкнутость обострила и углубила обособляющие его черты и прибавила к ним целый ряд новых. Евреям было запрещено смешиваться с деревенским населением, свежая крестьянская кровь которого постоянно обновляла физически прочее городское население, правда — внося в него в то же время элементы духовной неподвижности и отсталости. Этим было затруднено развитие их физической силы, но тем быстрее шел рост их интеллигентности и умственной живости. Не удивительно, что и теперь еще, когда в Западной Европе пали все правовые перегородки между евреями и остальным населением, мы находим евреев в особенно большом числе и особенно преуспевающими среди капиталистов и интеллигенции. Столь же мало удивительно и то, что умственно неразвитые слои населения, — сюда относится значительная часть интеллигенции, идущей в учебные заведения только в погоне за хлебом, а не из-за жажды знания, — что эти слои, стесненные капиталом и переполнением либеральных профессий, видят в евреях не только олицетворение гнетущих условий, но и исключительную причину своих бедствий.

Но для России это об'яснение антисемитизма кажется мне недостаточным. Там, например, не наблюдается перепроизводства интеллигенции, а скорее, наоборот, недохватка интеллигентных сил. Этому надо приписать то, что в России учащаяся женщина находит себе горячий прием как помощница, в противоположность Германии, где мужская часть интеллигенции настроена по отношению к ней враждебно, видя в ней конкурентку. В Западной Европе одни и те же слои интеллигенции являются и наиболее ограниченными противниками женского образования и ожесточенными врагами евреев.

Но в России еврейство охватывает не только по преимуществу капиталистов и представителей интеллигентных профессий, как в Западной Европе, но и все городские классы, также ремесленников и пролетариев, в их числе беднейших из бедных. Как могла народная ярость обрушиться на этих последних?

Для того, чтобы об'яснить русский антисемитизм, надо принять во внимание не только особенности еврейского населения, но также и своеобразное положение всего русского народа.

Люди, живущие в примитивных — традиционных — отношениях, отрезанные от всего мира, видят в самих себе меру всего человеческого. Их среда, их мышление, их язык — представляется им чем-то естественным, и, наоборот, все отклоняющееся — противоестественным, отвратительным. Поэтому такие люди обычно относятся к чужим недоверчиво и даже враждебно, несмотря на отсутствие противоположности интересов, не считают их за людей с теми же человеческими чувствованиями и не останавливаются ни перед какими жестокостями по отношению к ним, жестокостями, которые в применении к своим — людям той же расы — показались бы всякому ужасными.

Менее всего эта враждебность относится, конечно, к тому чужестранцу, с которым приходится сталкиваться случайно и который так же быстро исчезает, как и появляется. Как курьез, он может возбудить гораздо больше любопытства, чем нерасположения. Где, наоборот, чужестранец чужд настолько, что отличается от массы населения обычаями, верою, языком и всем обличьем и где в то же время он является не случайным гостем, а соседом, с которым население постоянно сталкивается и стоит в тесном экономическом общении, носящем по общему правилу враждебный характер в обществе, основанном на экономических противоречиях, где недоверие и нерасположение постоянно обостряются всякого рода столкновениями на почве ежедневных вынужденных сношений, — там эта враждебность к чужакам легко принимает опасные формы.

В восточной Европе это относится к евреям, но нечто подобное мы может наблюдать и в других местах, где на одной и той же территории живет несколько различных племен. Добрую часть национальных конфликтов в Австрии и в Турции можно приписать именно инстинктивному отвращению некультурного населения к чуждым ему соседям. Так, в Соединенных Штатах, на юге, ненависть к неграм часто выливалась в формы, подобные еврейским погромам в России.

Чем может быть устранена эта враждебность?

Только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это — единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности. Но она является продуктом тысячелетнего развития, и ассимиляция с прочим населением не создается одним ударом. Пока же эта обособленность существует, только одно средство мы можем ей противопоставить — это просвещение народных масс. Конечно, просвещение следует понимать не в смысле излияний перед народом своего мо-

«ОРТОДОКСАЛЬНОЕ» БУКВОЕДСТВО*

Неумолимый Рязанов не ограничился тем, что прочитал нам строгую и в то же время ехидную нотацию по поводу «союза *и*». Он подверг своему критическому разбору весь наш взгляд на основную причину промышленных кризисов и об'явил его неудовлетворительным и не «ортодоксальным». Маркс и Энгельс смотрели на этот предмет, по его словам, совсем не так, как мы. Мы и здесь уклонились от ортодоксии, убоявшись г. Бернштейна и его единомышленников. Но мы уже знаем, что у Рязанова рассудок гораздо слабее памяти; мы видели кроме того, что даже и память изменяет ему подчас самым вероломным образом. Посмотрим же, не напутал ли он чего-нибудь и в общей теории кризисов.

Чтобы как можно скорее уличить нас в ереси, Рязанов прямо и решительно ставит нам вопрос о том, чем обусловливается перепроизводство, проявляющееся, — как говорит наш проект программы, — в более или менее острых кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя. Наш проект отвечает на этот вопрос, говоря, что перепроизводство представляет собою неизбежное следствие технического прогресса (т. е. развития производительных сил) в буржуазном обществе, производственные отношения которого, уже и сами по себе крайне невыгодные для рабочего, все более и более изменяются в пользу капиталиста, причиняя этим относительное, а местами даже и абсолютное, ухудшение положения пролетариата. Но именно этот ответ и не нравится нашему будто бы ортодоксальному критику, именно против него-то и направляет он острый нож своего критического анализа. Самым первым и, как ему кажется, самым неопровержимым доводом против нашего взгляда служит у него следующая выписка из второго тома «Капитала»: «Сказать, что кризисы происходят от недостатка способных платить потребителей, будет простым тождесловием. Капиталистический строй не знает иного рода потребления, кроме платящего, исключая лиц, пользующихся общественным призрением, и мошенников. То, что товары не находят сбыта, означает только, что они не находят покупателей, способных заплатить за них, т. е. не находят потребителей (предполагая, что товары покупаются, в конце концов, для производительного или личного потребления). Если же этому тождесловию придать вид более глубокой основательности, сказав, что рабочий

* См. фельетон № 41 «Искры».

рального возмущения против антисемитизма, этого позорного пятна нашего времени. Мир чувствований человека не изменить путем увещаний. Поскольку он вообще изменчив, а не замкнут в рамках врожденных свойств, — его создает сама жизнь. И кто хочет изменить этот мир человека, тот должен внести новое содержание в его жизнь. Точно так же и там, где ненависть к евреям глубоко вкоренилась в народное чувство, она может быть устранена лишь просвещением, вносящим новое содержание в народную жизнь.

Если некультурного человека и его чужака-соседа не разделяют глубокие классовые противоречия, то его враждебность к последнему легко исчезает по мере того, как расширяется его горизонт и он проникается воззрениями и потребностями, прежде ему чуждыми, как скоро он перестает принимать перешедшее к нему от отцов за нечто непреложное, по мере того, как он научается видеть в этом духовном наследии тормоз своему развитию. Одним словом — по мере того, как из человека примитивного, живущего бессознательной жизнью, по готовым меркам, вырабатывается мыслящий революционер. Революционное мышление делает человека терпимым ко всякому чужестранцу, не-врагу, и только просвещение, способное пробудить в народной массе революционное сознание, сможет победить ее антисемитизм, поскольку он является лишь инстинктивным чувством враждебности, результатом первобытной ограниченности кругозора.

Наряду с ассимиляцией еврейства, революционное сознание массы есть лучшее противоядие против антисемитизма. Уже с давних пор в Западной Европе всякий класс, революционно настроенный, стремившийся избавиться от пережитков прошлого, не только не проявлял вражды, но, наоборот, выступал с симпатиями к еврейству. Соответственно этому самые глубокие и смелые мыслители еврейства постоянно воспринимали революционное сознание своего времени, что однако для них было возможно только тогда, когда они порывали с традициями еврейства и становились на почву общеевропейского культурного развития. Эта тесная связь между революционным чувством и эманципационными стремлениями еврейства не осталась незамеченной правительством разных стран, в том числе и русским. Поэтому-то оно ненавидит и преследует еврейство ничуть не менее революционных течений и делает все возможное, чтобы раздуть и усилить в населении ненависть к евреям. И правительство поддерживает эту ненависть не только тем, что отрезывает народу все пути к просвещению, которое могло бы внести в народную жизнь новое содержание,—оно мешает всякому сближению коренного населения с еврейским, не допускает их смешения и своими действиями прививает народным массам убеждение, что еврей бесправен, что он стоит вне закона и вне общества. И когда народные массы, доведенные нуждою до отчаяния, выливают его в диких вспышках, слуги царя направляют народное возмущение на еврейство. Евреи служат как бы громоотводом для тех бурь, которые скапливаются над головой самодержавия. Погромы и избиения евреев есть единственное народное движение, разрешенное русским правительством.

Когда год тому назад градоначальник г. Одессы, граф Шувалов, узнал о предполагаемой на 1 мая демонстрации, он призвал к себе еврейских рабочих и пригрозил им, что он обратит демонстрацию в еврейский погром.

В этом году кишиневская резня возникла как раз во-время, чтобы помешать празднованию 1 мая. В Киеве наши русские товарищи в своей прокламации прямо говорят, что в виду настоящего настроения народных масс они отказываются от демонстрации 1-го мая

класс получает слишком незначительную долю своего собственного продукта и что беде можно помочь, увеличив долю его участия, вследствие чего повысится его заработная плата, то на это придется только заметить, что кризис каждый раз подготовляется как раз таким периодом, в продолжение которого заработная плата вообще повышается и когда в действительности рабочий класс получает большую долю в той части годичного продукта, которая предназначена для потребления. Такие периоды должны были бы, наоборот, предотвратить кризисы с точки зрения этих рыцарей «простого» здравого смысла. Следовательно, оказывается, что капиталистическое производство заключает в себе условия, независимые ни от доброй воли, ни от злого умысла, допускающие сравнительное благосостояние рабочего класса только на короткое время и которые бывают всегда только буревестниками кризиса».

Рязанов думает, что эта цитата разом ниспровергает весь наш взгляд на основную причину кризисов. Но он думает так единственно потому, что, запомнив некоторые термины Маркса, он не понял ни его экономического учения вообще, ни только что приведенной цитаты в частности.

Какой вывод вытекает из этой цитаты? Тот, — и только тот, — что капиталистическое производство в самом себе заключает условия, независящие от воли людей и роковым образом ведущие к кризисам. Этот вывод сделан самим Марксом, и его, разумеется, трудно было бы оспаривать. Но этот вывод ни крошечки не опровергает нас, потому что мы никогда и не утверждали противного. Ведь наш проект именно и говорит, что те условия, при которых развиваются производительные силы в капиталистическом обществе, неизбежно (т. е. независимо от воли людей) ведут к перепроизводству. Не противоречит нашему взгляду и то замечание Маркса, что ссылка на отсутствие способных платить потребителей не об'ясняет происхождения кризисов. Мы очень хорошо знаем, что — не об'ясняет, так как весь вопрос в том и заключается, чем вызвано отсутствие названных потребителей. Кто хочет ответить на этот вопрос, тот должен показать, в какой причинной связи находится это отсутствие с общим характером и развитием производственных отношений в капиталистическом обществе. Наш проект немногими словами обнаруживает эту причинную связь. Он показывает, что развитие капиталистических отношений роковым образом (т. е. опять-таки независимо от воли отдельных лиц) ведет к относительному, а иногда и абсолютному обеднению пролетариата. И здесь, — как и повсюду, — наш проект

и призывают киевских рабочих защищать евреев при могущих возникнуть еврейских беспорядках.

В Кишиневе рабочие также пытались защищать евреев, но они были разогнаны вооруженной силой, той самой вооруженной силой, которая спокойно смотрела на грабителей и убийц; и не кто иной, как полицейские, предводительствовали шайками громил.

Евреи в России имеют только одного верного друга — это революционное движение. Оно одно деятельно работает против антисемитизма, раз'ясняя массам их истинные интересы и показывая им их истинных врагов; еще сильнее подрывает оно антисемитизм тем, что выводит массы из их узкого кругозора, прививает им новые потребности, новые воззрения, общие всем культурным людям, будь то еврей или не еврей, — наконец тем, что совместной работой об'единяет в общей классовой борьбе еврейских и нееврейских рабочих.

Напротив, сионистское движение может только усилить вражду к евреям в народных массах, поскольку оно увеличивает обособление еврейства от остального населения и все более делает евреев чуждым племенем, которому нечего добиваться на русской почве. Этим оно помимо желания играет в руку царизму, и потому правительство терпело его до сих пор. Теперь, конечно, большинство сионистов излечится от надежд, возлагавшихся ими на царя.

Не подлежит никакому сомнению, что главным виновником кишиневских убийств является русское самодержавное правительство; косвенно оно виновато тем, что умышленно держит народные массы в невежестве, тщательно изолируя их от остального мира и от всяких новых «идей»; прямым же виновником оно является в лице своих местных органов, которые были деятельными подстрекателями массы в кишиневском погроме. Но существует и другой виновник этих ужасов. Уже давно русский царизм пал бы под тяжестью своих прегрешений, если бы он не находил себе постоянно моральной и финансовой поддержки в Западной Европе. Правительства наиболее передовых культурных государств Европы поддерживают систему, плодящую такие позорные явления; Французская республика вступает с царизмом в союз, «товарищ» Мильеран целует ему руку. Не менее услужливой перед царизмом выказала себя и «большая» пресса Европы, и при любезном содействии правительств и прессы западно-европейские финансисты всячески старались, чтобы русский царь при каждом займе получал ровно столько, сколько ему было нужно для того, чтобы отсрочить банкротство своего режима. Эта пресса и этот финансовый мир, — а ведь о переполнении этих сфер иудеями так много кричат наши антисемиты, — прекрасно знают, кого они поддерживают. Ведь царизм никогда не делал тайны из своей вражды к евреям, и достаточно часто он проявлял ее разными законными и незаконными преследованиями евреев. И если, несмотря на это, финансисты всегда приходят на помощь царизму с новыми миллиардами, то этим они ясно доказывают, что капитал и его слуги плюют на всякую гуманность там, где им в перспективе виднеется прибыль; они доказывают также, как мало значит принадлежность к одной расе, как мало евреи России могут ожидать от еврейского капитала Западной Европы. И пусть русское еврейство не даст себя обмануть теми воплями, которые теперь подняла капиталистическая пресса. Европейский капитал будет продолжать поддерживать царизм, как он поддерживает и румынское правительство. В позорном кишиневском событии часть вины падает и на безразборчивость интернационального еврейского капитала и его органов. Еврейская солидарность, солидарность евреев всех классов, становится пустым звуком, лишь только дело идет более чем о грошевой милостыне, лишь только

остается вполне верным учению Маркса, который категорически утверждает, что «последней причиной всех действительных кризисов остается всегда (заметьте, Рязанов, *всегда*) бедность и ограниченность потребления масс, противодействующие стремлению капиталистического общества развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»*. Пусть Рязанов потрудится доказать нам, что это категорическое утверждение Маркса хоть немного провиворечит тому, что сказано в нашем проекте.

Рязанов хорошо и сам знает, что никакого противоречия тут нет, и он предвидит, что мы, — если найдем нужным с ним спорить, — укажем ему именно на только что приведенные слова Маркса. Поэтому он сам счел нужным процитировать их, сделав по их поводу следующее замечание: «Но из этого еще далеко не следует, что „основатели научного социализма“ могли бы удовлетвориться при об'яснении кризисов ссылкой на „распределение национального дохода“, на „несоответствие покупательной способности населения данной страны ее производительным силам“, на „относительное и даже абсолютное ухудшение положения рабочего класса“ и т. д.».

Я остановлюсь на этом замечании потому, что оно чрезвычайно хорошо характеризует «критическую» манеру и метод мышления Рязанова, если только можно говорить о методе мышления человека, привыкшего оперировать только словами.

Маркс и Энгельс не удовлетворились бы при об'яснении кризисов ссылкой на распределение национального дохода, на бедность масс и т. д. Допустим, что это так. Но ведь и мы не удовлетворяемся; ведь и мы идем дальше, показывая, каким образом распределение национального или, — если угодно, — общественного дохода обусловливается развитием производственных отношений. Почему же Рязанов об'являет нас «удовлетворенными»? Просто потому, что ему нечего сказать и что он «критикует» подобно тому непривлекательному герою в одной из комедий Плавта, который, попав в затруднение, восклицает: «Теперь я должен путать, этого требует положение дел!»

А кроме того, я спрошу Рязанова: где, в каком случае Маркс и Энгельс не удовлетворились бы ссылкой (разумеется, не искаженной, а правильно понятой) на распределение дохода и т. д.? Если бы они писали

* «Капитал», том третий, стр. 395.

приходится сообща выступать против могущественного противника.

Подлинной, действительной является лишь солидарность пролетариата всех языков, всех наций. В классовой борьбе социалистического пролетариата исчезает глубоко вкоренившаяся противоположность между неграми и белыми в Америке, между иудеями и «арийцами» в Европе.

Только в этой солидарности почерпнет еврейский пролетарий силу, способную дать ему защиту от его притеснителей. Чем сильнее будет социалистическое движение, тем менее может опасаться все еврейство в целом, что направленная по ложному пути ярость отчаявшихся народных масс обрушится на еврейское гетто вместо того, чтобы обратиться против своего истинного врага — самодержавия, этого защитника всякого варварства.

И пусть солидарность между еврейским и нееврейским пролетариатом в России сделается еще теснее, чем была доныне, — пусть она будет результатом этой ужасной кровавой кишиневской драмы, чтобы хотя не даром была пролита кровь несчастных кишиневских жертв.

К. Каутский.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЦИТАТЫ.

«Рев. Россия» [4] цитирует в 24-м номере несколько строк из одной моей статьи, писанной в 1890 году, причем снабжает цитату следующим вступлением:

«Правда, указываемая здесь статья написана давно — когда В. Засулич [5] еще не вступала в «Лигу русской революционной социал-демократии», [6] не знакомила немецкой публики (в журнале «Neue Zeit» [7]) с деятельностью русских террористов по известным статьям «Искры» и не составила себе мнения о терроре, которое находится в полном противоречии с исторической действительностью. Но тогда впечатления ее были живее, и тем ценнее, конечно, для нас ее прежние свидетельства».

Само свидетельство заключается в том, что: «геройская борьба террористов продолжала держать в возбужденном настроении значительное число мирных либеральных обывателей, отозвалась на офицерстве и глубоко волновала студенчество». Далее говорится, что «будь тогда в Петербурге возможное восстание, которое выставило бы на своем знамени требование свободы и созвания народных представителей, вышеупомянутые общественные элементы сыграли бы в нем ту же роль, какую играли в политических революциях Зап. Европы XIX века».

Эта статья, помещенная в первом номере журнала «Социал-Демократ», [8] под заглавием: «Революционеры из буржуазной среды», была направлена против общераспространенного тогда мнения, что революционность нашей интеллигенции составляет нечто небывалое в истории Запада, где «буржуазные революции делала буржуазия». Проводя параллель между нашей революционной молодежью и теми революционерами из буржуазной среды, которые подготовляли революцию и участвовали в восстаниях на Западе, я брала наше движение целиком, начиная с шестидесятых годов, когда оно захватило широкие слои учащейся молодежи. По моему мнению, студенчество — не только семидесятых, но даже шестидесятых гг. — было уже достаточно возбуждено, чтобы броситься в восстание. Но до «Народной Воли» [9] сперва безмерная идеализация крестьян, а затем и бакунизм могли бы внести отрицательную нотку в отношение революционеров (а под их влиянием и студенчества) к городскому восстанию за «буржуазную» свободу. У народо-

---

специальное исследование о кризисах, то, разумеется, им этой ссылки была бы недостаточно. Но там, где речь идет об указании последней причины кризисов, — а в нашем проекте она идет именно о ней, — они не только удовлетворились бы, но и на самом деле удовлетворялись названной ссылкой, что доказывается приведенным мною местом из третьего тома «Капитала», написанным Марксом и оставленным Энгельсом без всяких поправок и комментариев, как нечто совершенно очевидное и неоспоримое.

Рязанов упрекает нас в том, что мы не выяснили, чем отличается теория кризисов Маркса от теории кризисов Родбертуса [10]. Это — поистине комичный упрек: в проекте программы совсем не место заниматься историей экономических учений. Но что нашего указания на распределение национального дохода недостаточно для того, чтобы об'явить нас родбертусианцами, это ясно видно из следующих строк Маркса:

«Все количество товаров, — как та часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и та, которая представляет прибавочную стоимость, — весь продукт должен быть продан. Если это не произойдет или произойдет только отчасти, или лишь по таким ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочие и эксплоатируются, но эксплоатация их для капиталиста не реализируется... Условия непосредственной эксплоатации и условия реализации нетождественны. Они не только не совпадают во времени и в пространстве, но представляют собою совершенно различные понятия. Одни ограничиваются производительными силами общества, другие — соразмерностью различных отраслей производства и потребительной способностью общества*. Последняя же определяется не абсолютной производительною силою и не абсолютною потребительною способностью, но потребительною способностью на почве антагонистических условий распределения, сводящих потребление значительнейшего большинства общества к наименьшей величине, изменяющейся лишь в более или менее узких пределах**. Она ограничивается далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала, к производству прибавочной стоимости в более широких размерах... Поэтому рынок должен постоянно расширяться... Внутреннее противоречие пытается разрешиться расширением внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более она впадает

---

* Подчеркнуто мною.
** Подчеркнуто опять мною. Г. П.

вольцев же, отказавшихся от расчетов на крестьянское восстание, это отрицательное отношение потеряло силу.

Оценка террористического способа борьбы не входила в задачи статьи. О терроризме в ней говорится лишь мимоходом. Тем не менее, эта оценка все же проскальзывает в строках, непосредственно следующих за местом, цитированным «Р. Р.». Сказав, что ни либералам ни студеитам делать при терроре было нечего, я добавляю, что вызванное им взволнованное настроение «только исчерпывало, истощало нравственные силы интеллигенции. Упадок движения в восьмидесятых годах не может быть приписан одной ловкости полиции, — в нем играла несомненную роль нервная усталость самой интеллигенции». Последних строк «Рев. Россия», разумеется, не приводит, довольствуясь моим свидетельством о силе впечатления, производимого террором. Но ведь таких свидетельств она могла бы найти сколько угодно и в моих статьях в «Искре» или в «Neue Zeit». В последнем, например, я привожу целый ряд относящихся сюда восклицаний социалистов-революционеров, закончив его торжествующим вопросом одной прокламации: «Разве девять из десяти образованных русских людей не приветствовали с восторгом казнь Сипягина?».[11] И я подтверждаю все это: да, приветствовали, — да, террор неудержимо вызывает радостное чувство удовлетворения и торжества над врагом. Но, прибавляю, конечно, что, если бы все революционные силы, вызванные к жизни современным движением, поддались сладкому чувству этого фиктивного торжества и ложного удовлетворения и стали бы жаждать и ждать его повторения, то такое настроение снова привело бы к «истощению нравственных сил» и упадку движения — внезапному, если бы террор, идя crescendo, прекратился, лишь достигнув своего высшего пункта (1 марта 1881 года), — или постепенному, если бы террористические акты не усиливались, а только повторялись, производя постепенно все меньше и меньше впечатления. Об «истощении нравственных сил», отмеченном в первом номере «Социал-Демократа», в «Neue Zeit» говорится подробнее; но если бы «Рев. Россия» заглянула в другие книжки того же «Социал-Демократа», прекратившегося в начале 1892 г., то нашла бы в статье по поводу романа Степняка еще более подробное описание того же процесса истощения, в зависимости от силы производимого впечатления. Приведу несколько выдержек. Показав, что по самым свойствам террора активную роль в нем могут играть очень немногие, я продолжаю: «В остальной массе революционеров политические убийства возбуждали не подражание, а лишь страстные, но неосуществимые мечты и восторги. Но в то же время пред блеском террористических подвигов тускнели в ее глазах все другие отрасли революционной деятельности, — все, кроме террора, теряло постепенно всякую привлекательность, переставало считаться революционным. Таким образом самою силою производимого впечатления террор еще более суживал и без того узкий поток революционного движения... Страстные борцы стремились к самому лучшему, к самому революционному поведению... Царь был убит, но дальше в избранном направлении итти было некуда, делать нечего, и движение быстро пошло под гору... На этот раз, в противоположность погрому 74-го года, с арестом действовавших революционеров исчезла самая возможность возобновления сильного движения. У оставшейся молодежи не было в виду никакого привлекательного дела, никакой сколько-нибудь выполнимой программы, никаких цельных воззрений, — ничего, кроме мечты о подражании террористам» («Соц.-Демократ» № 4, стр. 103 — 6).

в противоречие с узким базисом, на котором основываются отношения потребления» *.

К чему ведет это противоречие? К перепроизводству. Ясно, стало быть, что при «об'яснении» перепроизводства ссылка на отношения потребления и распределения не только неизлишня, но прямо неизбежна: отказаться от нее значит не выяснить ничего в этом предмете, и нужно быть Рязановым, чтобы по ее поводу кричать об измене ортодоксии.

«Присущая капиталистическому способу производства тенденция абсолютного развития сил и находит себе выражение не в перепроизводстве средств потребления, а в перепроизводстве средств производства, — поучает нас Рязанов. — В этом перепроизводстве и нужно искать главную причину кризисов» (стр. 42).

Тэ-э-эк-с! Но... пусть по этому поводу опять говорит автор «Капитала».

«Между капиталистами, изготовляющими товары, служащие постоянным капиталом, происходит непрерывное обращение... которое прежде всего не находится в зависимости от личного потребления в том смысле, что никогда не входит в него, но которое однако в конце концов определяется им, так как производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но только потому, что капитала этого требуется более в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» *).

Как видно, говоря о кризисах, от личного потребления не уйдешь; а если не уйдешь, то не минуешь и того вопроса о распределении дохода в капиталистическом обществе, самая постановка которого заставляет Рязанова кричать: «Караул! изменили Марксу!» Нечего сказать, хорош ортодокс!

Прошу у читателя извинения за длинные выписки из «Капитала». Я нашел необходимым сделать их потому, что они, как мне кажется, исчерпывают вопрос и что из них видно, до какой степени были неверны Марксу те экономисты, которые пытались решить вопрос о рынках вообще и о кризисах в частности, отвлекаясь от отношений распределения. Революционная сторона марксовой теории кризисов состоит в указании на периодическое перепроизводство как на признак того,

* «Капитал», третий том, стр. 189 русского перевода. Этот перевод местами очень неудачен, потому я сделал кое-какие поправки в выписанных мною строках. Последние строки опять подчеркнуты мною.

* «Капитал», третий том, стр. 242. Подчеркнуто мною.

Ни «Искры» ни «Лиги» в 1891 году не существовало, и живость моих воспоминаний роман Степняка[12] мог только усилить, а, между тем, отрицательное отношение к террору едва ли выражено здесь слабее, чем в «Neue Zeit» или в «Искре». На самом деле, мой взгляд на систему политических убийств, предпринимаемых партией, сложился не теперь и не тогда, когда издавался «Социал-Демократ», а еще в то время, когда деятельность Народной Воли принадлежала не истории, а текущей действительности.

Тем не менее, между моими статьями в «Социал-Демократе» и теперешними разница, действительно, существует. Мой взгляд на террор не изменился, но мое отношение к Народной Воле, отразившееся в тоне статьи, так же сильно отличается от отношения к социалистам-революционерам, как отличаются от старых народовольцев их новейшие подражатели. Но здесь не место проводить параллель между ними — это потребовало бы отдельной статьи.

«Рев. Россия» утверждает, что, в противоположность террору Народной Воли, террор социалистов-революционеров окончится победой потому, что теперь массовое рабочее движение «уже есть и растет с каждым днем». С своей стороны, мы также убеждены, что террор социалистов-революционеров закончится совершенно иначе, чем народовольческий, что современное революционное движение переживет его и приведет к победе. Убеждены мы в этом потому, что организованную часть «растущего с каждым днем» массового рабочего движения составляет наша социал-демократическая партия, которая не допустит, чтобы сладкий яд фиктивного торжества и удовлетворения, вливающийся в сердца революционеров при известии об убийстве того или другого их врага, действовал без противоядия проверки чувства разумом, показывающим всю фиктивность и всю мизерность такого удовлетворения. Мы не дадим также социалистам-революционерам уверить всех и каждого, что «революционной борьбой», «отпором» и проч. следует считать только политические убийства и все другое чем-то почти позорным, требующим очищения выстрелами «Боевой Организации», не дадим — одним словом — вызвать того истощения нравственных сил, о котором я «свидетельствую» в статье, соблазнившей «Рев. Россию».

В. Засулич.

КТО ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ?

«Не за резкий обличительный тон получает „Искра“ протесты, а за извращение того, что ей не нравится», — вот открытие, сделанное некиим г. Круповым и обнародованное им в № 3 «Вестника Русской Революции» *[13]. На открытие это натолкнуло его второе издание брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов», в которой он усмотрел ни более ни менее как «историческую фальсификацию». В настоящее время, — говорит г. Крупов, — «задачи русских социал-демократов», как их понимает Ленин, признаются «большинством этих социал-демократов». Но 5 лет тому назад, когда он писал свою брошюру, они были чужды «социал-демократии» (?). Что же вытекает, — спрашивает себя, вероятно, читатель, — из констатирования этого факта? Если взгляды, несколько лет тому назад доступные пониманию только наиболее передовых единиц из нашей партии, стали теперь господствующими в ней, то это указывает только на то, что она сделала за эти годы значительный шаг вперед в своем политическом развитии. Но подобное

* «По поводу одной брошюры». Примечание на стр. 245.

что производительные силы капиталистического общества переросли свойственные ему имущественные отношения, т. е. его экономическую организацию. А по учению указанных экономистов выходило, что подобного перерастания нет и быть не может. Это их учение не только не обнаруживало основного противоречия развитого капиталистического общества, но, напротив, закрывало это противоречие рядами совершенно произвольно взятых примерных цифр, не менее произвольно построенных «схем» и ни на чем не основанных силлогизмов. Оно относилось к теории Маркса, как успокоительное утешение относится к грозному предсказанию. Рязанов нападает на нас именно с точки зрения этого учения. И это обстоятельство дает нам меру его «ортодоксальности».

Но пока довольно о кризисах, довольно о «серой теории». Поговорим о практических задачах нашей партии.

По мнению Рязанова, «Искра» из рук вон плохо решает эти задачи: здесь оппортунизм нашей редакционной коллегии дошел до апогея: здесь уступчивость бывшей Группы «Освобождение Труда» простерлась до того, что «старая революционная программа русской социал-демократии» оказалась целиком сданной в архив. Это поистине ужасно. И если этот ужас не придуман нашим беспощадным критиком, то надо признать, что бывшая Группа «Освобождение Труда», выработавшая «старую революционную программу русской социал-демократии», а потом сдавшая ее «в архив», по настоянию змия-искусителя, прямо-таки виновна в измене.

Но где ж не страшен прокурор?

Послушаем, на чем основывается обвинение.

Вот, например, Рязанову очень не нравится то место нашего проекта программы, в котором сказано, что в России, где капитализм уже сделался господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются остатки старого докапиталистического общественного порядка, препятствующие экономическому прогрессу и не допускающие всестороннего развития классовой борьбы пролетариата. По поводу этого места Рязанов принимается, по своему обыкновению, иронизировать.

«Что ей Гекуба? — восклицает он. — Каким образом в социал-демократическую программу попал экономический прогресс? И неужели, желая содействовать всестороннему развитию классовой борьбы пролетариата, мы должны способствовать экономическому прогрессу?» (стр. 211)*. Слово прогресс кажется

* Подчеркнуто Рязановым.

заключение могут или могли сделать только читатели, рассуждающие по обыкновенной человеческой логике. Г. Крупов не принадлежит к их разряду. У него своя, новая логика, которая привела его к следующему, совершенно неожиданному заключению, именно—что «воспроизведение брошюрки» является теперь, «так сказать, исторической фальсификацией» (стр. 281).

Это обвинение составляет исходный и центральный пункт гневной филиппики, с которой г. Крупов выступил в последней книжке «В. Р. Р.» против Ленина и всей нашей Лиги, как издательницы его брошюры. Как показывают ссылки г. Крупова на мое предисловие к первому изданию этой брошюры, не кто иной, как я, ввел его в соблазн воспользоваться указанным фактом для мотивировки и обоснования своего «протеста» против нас — во имя «исторической» правды. По злой иронии судьбы, именно мои замечания о незрелости нашего движения в момент выхода в свет первого издания брошюры послужили нашему противнику свидетельскими показаниями против моих товарищей.

Вот суть той части моего предисловия, на которую ссылается наш рыцарь исторической правды.

Автор названной брошюры «обращается главным образом к противникам из лагеря революционной интеллигенции»; он старается «рассеять укоренившиеся в них предрассудки и предубеждения против социал-демократии», «устранить господствующие» в их среде «недоразумения насчет практических задач, вытекающих из учений социал-демократии» *. «Преследуя эту цель, автор естественно должен был особенно подчеркивать те стороны и те моменты нашего движения, в которых тенденция к постановке и осуществлению этих задач проявляется, так сказать, стихийно, хотя пока еще в зачаточных формах». Но чем неуклоннее держался автор этой цели, тем сильнее внимание его было поглощено выяснением «задач, вытекающих из учений социал-демократии», изложенных в классических произведениях наших западных учителей и пропагандировавшихся в русской социал-демократической прессе, тем в большей мере должно было оставаться в тени изображение фактического хода и состояние нашего движения. Отсюда — в результате впечатление, как будто в брошюре «помимо воли автора отождествляется то, что должно быть, с тем, что есть, задачи и тактика, которые русская социал-демократия должна преследовать чтобы остаться верной духу своих учений», являются как бы уже господствующими в нашем движении.

Я считал нужным отметить несовпадение фактического состояния нашей партии с идеалом, практики ее — с «духом наших учений», с теорией, потому что как раз около того времени, когда брошюра (манускрипт) попала в наши руки, среди наших более молодых товарищей за границей начала обнаруживаться склонность к самообольщению достигнутыми результатами движения и проявляться стремление даже к возведению в систему, в принцип партийной «тактики», сужение содержания социал-демократической деятельности тесным кругом примитивных интересов и потребностей, «непосредственно ощущаемых и сознаваемых» наиболее отсталыми рабочими массами. Автор же, вырванный царскими слугами из сферы деятельности вскоре после основания Спб. «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса»,[14] унес с собой в тюрьму и ссылку совсем другие впечатления. В своей книге «Что делать?» он рассказывает, что пионеры периода сближения социал-демократии с массовым, стихийным движением рабочих, на почве их повседневных нужд и ближайших требований, «с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской

* Курсив сделан мной теперь.

Рязанову не только лишним, но прямо непозволительным в социал-демократической программе. Он напоминает нам, что Маркс «никогда не говорил об экономическом прогрессе, он говорит только об экономическом развитии» (стр. 212). Пример автора «Капитала», конечно, всегда будет в наших глазах очень поучителен, но, не имея привычки останавливаться перед словами, а стараясь усвоить скрывающиеся за ними понятия, мы попросим Рязанова припомнить предисловие к первому изданию первого тома «Капитала», в котором говорится, между прочим, что Германия, как и вся остальная континентальная Западная Европа, страдает не только от развития капиталистического производства, но и от недостаточного его развития. «Наряду с современными бедствиями, — утверждает Маркс, — нас угнетает целый ряд унаследованных бедствий, вытекающих из прозябания старых, отживших свой век способов производства, со всеми сопутствующими им явлениями. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых». Как полагает Рязанов, находил ли Маркс нужным содействовать устранению этих пережитков старого? А если находил, то почему оказываемся виновными в измене марксизму мы, стремящиеся к устранению до сих пор сохранившихся у нас в России многочисленных обломков докапиталистического порядка? Каким образом задача, бывшая обязательной и неизбежной в программе Маркса и его западно-европейских товарищей, стала неуместной и даже компрометирующей, попав в программу русских социал-демократов?

Но зачем понадобился вам экономический прогресс? — с горечью восклицает Рязанов. — Почему вы не говорите о развитии?

— Успокойтесь, почтеннейший! — отвечаем мы ему.— Вспомните, что мы стоим на диалектической точке зрения, а с этой точки зрения всякий процесс развития имеет два момента: возникновение и уничтожение, другими словами, — прогресс и регресс. Не будучи реакционерами, мы по необходимости склоняемся к прогрессу и считаем себя обязанными бороться со всеми теми явлениями и учреждениями, которые задерживают прогрессивное движение общественных отношений. Если бы мы думали иначе, то мы уподобились бы тем «истинным» немецким социалистам[15] сороковых годов, над которыми так едко смеялся «Манифест Коммунистической Партии» и с которыми у вас есть очень не мало сходства, обусловливаемого тем, что вы, подобно им, при вашей педантической любви к мудреным терминам, совершенно неспособны к диалектическому мышлению, без помощи которого невозможно ни

социал-демократии вообще и задачу низвержения самодержавия в особенности» (стр. 21 — 22). Что с удалением основателей Спб. Союза широкие, соответствующие духу марксизма, практические тенденции далеко не были вытеснены из него так наз. «экономизмом», это видно хотя бы из отношения его, да и провинциальных комитетов, к литературной группе, отстаивавшей эти тенденции, к группе «Освоб. Труда», получившей от него и от них полномочие организовать представительство от русской социал-демократии на международном социалистическом конгрессе, состоявшемся в 1896 г. в Лондоне. В конце того же года группе «Освоб. Тр.», а затем, по ее предложению, «Союзу русских социал-демократов»,[16] как целому, поручена была функция постоянного представительства русской соц.-демократии перед западными рабочии партиями. Вообще до конца 1897 г. систематический, сознательный антагонизм со стороны практиков нашего движения против программы, излагаемой в брошюре, не проявлялся наружу. И в то время, когда Ленин писал ее, притом в местах, довольно отдаленных от поля практической деятельности, он имел серьезное основание думать, что движение органически, неуклонно развивается в направлении к тем широким перспективам, с которыми носились его пионеры.

С другой стороны, кроме социал-демократического, у нас около середины 90-х годов другого сознательно-революционного движения почти-что и не было. Народовольчество и народоправчество[17] в очень сильной степени потеряли свое влияние на молодежь, симпатии которой всё более и более переходили на сторону марксизма. Чтобы закрепить эти симпатии и обратить их в прочный источник активной революционной силы, для соц.-демократии очень важно было окончательно освободить умы, воспитавшиеся на традициях и литературе наших демократических противников, от тех предрассудков и предубеждений против практических учений социал-демократии, которые посеяны были в них этой литературой и практическими представителями старых революционных воззрений. В «узости», в пренебрежении конкретными наболевшими вопросами русской жизни обвиняли, как известно, не тех или других «практиков» движения, даже не социал-демократическую молодежь вообще, а «социал-демократизм» как таковой: ответственность за односторонности и недочеты движения, связанные с его незрелостью, с ранней степенью его развития, приписывалась самим принципам и программе социал-демократии. Но под влиянием относительно быстрых успехов нашей партии, на почве массовой агитации и видимого умирания старых фракций, естественно было питать надежду на то, что с этими предубеждениями легко будет справиться—путем мирного положительного выяснения, с одной стороны, действительных задач соц.-демократического движения, как они логически обусловливаются его учениями и неоднократно были формулированы в изданиях, редактировавшихся группой «Осв. Тр.», а с другой — политического значения фактической агитации и пропаганды социал-демократов — несмотря на зародышевые формы той и другой. Вот подлинные слова Ленина, прямо указывающие цель, которую он поставил себе, принимаясь за свою брошюру.

«Именно в этой области», в области практических вопросов социал-демократизма, «господствует, кажется нам, больше всего недоразумений и взаимного непонимания, препятствующего полному сближению с социал-демократизмом тех революционеров, которые в теории отрешились вполне от народовольчества». «Поэтому нам кажется особенно своевременной попытка раз'яснить практические задачи социал-демократии и изложить те основания, по которым мы

решить, ни правильно поставить революционные задачи нашего времени.

До какой высокой степени простирается неспособность Рязанова покинуть точку зрения метафизика, рассуждающего по формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого», видно из следующего примера.

В рецензии, написанной мною на книгу анонимного автора «Россия накануне двадцатого столетия»[18] и напечатанной в «Заре», я характеризовал русских либералов известного разряда словами: «умные и образованные, честные и неподкупные». Эта характеристика кажется Рязанову чрезвычайно забавной. Он постоянно возвращается к ней и каждый раз, можно сказать, покатывается со смеху. Особенно комичным кажется ему то обстоятельство, что к либералам указанной категории я причислил и неизвестного автора рецензированной мною брошюры, очень отрицательно относящегося к Чернышевскому[19] и его единомышленникам. Рязанов твердо убежден, как видно, в том, что такое отношение к нашим великим просветителям возможно только со стороны глупых, необразованных, бесчестных и подкупленных людей. Такое убеждение свидетельствует об его большом уважении к людям, действительно заслуживающим большого уважения. Но оно же обнаруживает его поистине ребяческую наивность, его полную неспособность понять диалектику чувств и настроений, порождаемых общественной борьбой. Сам Чернышевский хорошо понимал эту диалектику, и потому он с большим сожалением посмотрел бы на своего ребячески-наивного защитника.

Наше отношение к либералам вообще очень не нравится Рязанову. Он видит в нем одно из самых ярких доказательств нашего оппортунизма. И он охотно выдвигает вперед это мнимое доказательство, зная, что эта сторона наших тактических взглядов до сих пор плохо понята той частью русских социал-демократов, которая еще не вполне разделалась с предрассудками «экономизма». Здесь, как и везде, Рязанов не раз'ясняет вопроса, а только запутывает его. Поэтому я считаю не безынтересным на нем остановиться.

Наше отношение к различным политическим партиям, существующим в современной России, может быть определено словами «Манифеста Коммунистической Партии», гласящего: «Коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений»*. При этом само собой понятно, что наше сочувствие каждому данному общественному движению тем сильнее,

* Подчеркнуто мною.

считаем ее программу наиболее рациональной из трех наличных программ, а возражения против нее основанными в значительной степени на недоразумении» *.

Таким образом сама задача, выдвигавшаяся перед автором обстоятельствами данного момента, требовала сосредоточения его внимания на выяснении принципиальных практических взглядов и программы социал-демократии, а никак не на характеристике фактического состояния нашего юного движения в этот момент. Вернее, в выяснении этих взглядов и этой программы и состояла его задача, фактическое же изображение выходило из рамок этой задачи. Но указание на отсталость русской социал-демократии сравнительно с ее историческими задачами — оказалось нужным через год после того, как брошюра была написана, когда внутри и на периферии нашей партии начал формироваться консервативный элемент, стремившийся на неопределенное время задержать ее на достигнутой ею ступени развития.

Такова историческая подкладка и действительный смысл брошюрки, с одной стороны, и вышеприведенных строк из моего предисловия — с другой. Посмотрите теперь, какой смысл они получили в переводе на язык г. Крупова, выступившего против нас на защиту попранной-де нами «исторической» правды.

«Итак,—восклицает он,—главная задача брошюрки— борьба против революционной интеллигенции». Как видите, обращение Ленина к противникам в интересах «полного сближения» с ними наш рыцарь правды подменил войной против революционной интеллигенции. Ну, а на войне, как известно, уже не до выяснения «недоразумений», тут уже все усилия направлены к тому, чтобы истребить, уничтожить врага. A la guerre comme à la guerre. На этом основание г. Крупов смело заявляет, что если автор «Задач» «утверждает от имени социал-демократии, что последняя смотрит так-то и делает то-то, а не должна, по его мнению, так поступать, то эти неверные и суб'ективные утверждения приходится об'яснить чрезмерным полемическим увлечением» (стр. 280, курсив мой). Однако он настолько великодушен, что готов, «пожалуй, согласиться с Аксельродом, который говорит в своем предисловии, что автор „помимо воли" отождествляет „то, что должно быть, с тем, что есть"». Другими словами: что автор не преднамеренно, не тенденциозно выдвинул на первый план принципиальные задачи «социал-демократизма», т.-е. всего нашего направления, а не куцые представления о них наших политических младенцев. Но — слаб наш правдолюбец против соблазна уличить своего противника в сознательном «извращении» фактов! Недаром же он действительную задачу брошюры подменил фиктивной, противоположной. И вот он на той же странице, которую я только что цитировал, спешит сделать более решительную вылазку: «Мы не последуем за Аксельродом еще дальше в область психологических экскурсий и не будем допытываться, вполне ли мимовольно автор неверно изображал действительность, или же сознательно (курс. мой), ad majorem gloriam русского социал-демократизма вносил суб'ективное освещение в факты. Дело минувшее и темное». Но, если по отношению к первому изданию могут быть еще некоторые сомнения, то о них и речи быть не может по отношению ко второму изданию. Между тем и другим лежит период «экономизма». Поэтому, «перепечатывая теперь без изменения», «старую брошюрку о „Задачах"», Загр. Лига Русской Рев. Соц.-Демократии поступает уже никак не «помимо», а вполне по своей воле и грешит сознательной неверностью фактам

* «Задачи», стр. 2. Под тремя программами автор подразумевает: народовольческую, народоправческую и социал-демократическую.

чем глубже и серьезнее его революционное значение. Но революционной в полном и самом глубоком значении этого слова является теперь только партия пролетариата, только социал-демократия. В сравнении с ней все остальные партии могут быть признаны революционными только отчасти, только в известных, иногда довольно узких пределах. Не умея стать на точку зрения пролетариата, революционеры других партий поневоле вносят в свою социально-политическую пропаганду и агитацию элемент узкости, ограниченности. Поскольку этот элемент приходит в противоречие с нашей пропагандой и агитацией, постольку он вносит путаницу в умы рабочих, постольку он является консервативным или даже реакционным, и постольку мы считаем себя обязанными бороться с ним, что называется, не на живот, а на смерть, не смущаясь упреками, сыплющимися на нас по этому поводу со стороны некоторых наивных читателей и слушателей. Этим об'ясняется наша, всем известная и столь многих возмущающая, «страсть к полемике». Но именно потому, что эта «страсть» обусловливается нашей крайней революционной точкой зрения и только ею, мы, не смущаясь никакими «догмами» и никакими «схемами», отдаем должное даже самым упорным и решительным нашим политическим противникам, если они, не пытаясь затемнять классовое самосознание рабочих, делают хоть сколько-нибудь решительные шаги в борьбе с ныне существующим порядком вещей. И потому мы кажемся «оппортунистами» некоторым не по разуму усердным защитником «ортодоксии». Таково наше общее отношение к другим партиям. А что касается в частности либералов, то мы, видя в них представителей буржуазии, относимся к ним совершенно так, как относились Маркс и Энгельс к германским либеральным буржуа конца сороковых годов прошлого века. «В Германии, — говорит «Коммунистический Манифест», — коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против средневековой поземельной собственности и мелкого мещанства... Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата».

Рязанов сам хорошо понимает, что и в этом отношении мы верно следуем примеру Маркса и Энгельса, и потому он об'являет, что Маркс и Энгельс ошибочно поняли политическую роль, предстоявшую тогда немецкой буржуазии. Не

(курс. мой). «Воспроизведение брошюрки теперь является, так сказать, исторической фальсификацией»*. Таковы квинт-эссенция и окончательный вывод из тех лжетолкований, которым г. Крупов подверг брошюрку о «Задачах» и мое предисловие к ней. А дальше идут разные жалобы на «ортодоксальных» марксистов, на огорчения, обиды и несправедливости, вечно причиняемые ими своим буржуазно-революционным противникам.

Для того, чтобы окончательно доказать свой обвинительный тезис, нашему рыцарю исторической правды пришлось извратить слова и мысли тех, против которых он выступил в защиту этой правды. Мы уже видели, как он подменил действительную цель брошюры другою, противоположною, и как, на почве этой подтасовки, попытка Ленина «раз'яснить» нашим противникам д е й с т в и т е л ь н ы е задачи нашего движения превратились под пером г. Крупова в показывание нами нашего товара лицом, в «неверное» изображение действительности—во славу «русского социал-демократизма». Но для обоснования этого утверждения наш рыцарь, правда, старается уверить читателей—а быть-может и самого себя—в том, что в брошюре речь идет о «Задачах», впервые открытых и формулированных ее автором, что задачи эти «пять лет тому назад» являлись своего рода только-что открытой Америкой, что они, одним словом, были тогда совершенно чужды социал-демократии и составляли личное частное достояние Ленина. Г. Крупова злит и раздражает недоумение Ленина по поводу «крайне распространенного мнения, будто русская соц.-демократия отодвигает назад политические задачи», в то время как они давно и многократно «излагались уже в заграничных брошюрах и книгах группы „Освоб. Тр.“. Редактировавшийся этой группой популярный сборник («Работник» [20]) был предпринят по инициативе и издавался при нравственной и материальной поддержке активных элементов социал-демократии в самой России. А в этом сборнике с первой страницы до последней, на разные лады, по поводу различнейших вопросов и событий, систематически пропагандировались те именно задачи, изложению которых посвящена брошюра Ленина. Следовательно, по крайней мере, часть представителей нашего движения уже «пять лет тому назад» разделяла взгляды последнего на наши задачи. Наглядным показателем уровня политического развития наиболее передовых элементов русской соц.-демократии в начале 1898 г. является известный Манифест, принятый ею на своем первом с'езде. Нужно ли еще говорить о том, что Манифест этот стоит на той же почве, как и брошюра Ленина? А еще до с'езда, в декабре 1897 г. появился № 2 «Рабочей Газеты» [21], опять-таки выдвинувшей на первый план задачи, о которых трактует цитируемая г. Круповым брошюра. Газета эта поддерживалась всеми или по крайней мере большинством социал-демократических кружков и фактически являлась органом партии. Отчего же г. Крупов, защитник исторической правды, так тщательно обходит молчанием все эти факты? Да оттого, что они уничтожают центральный пункт, главный базис его филиппики (или пасквиля?)—обвинение Ленина в том, что, он-де свои частные измышления выдавал за коллективное достояние соц.-демократии. Не правда ли, Ленину следовало бы поступить наоборот? Излагаемые им взгляды интернациональной и русской соц.-демократий выдать за свое собственное открытие и скромно провозгласить себя соц.-демократическим Колумбом? Но ведь в этом случае вы бы, г. Крупов, лишились базиса для изобличения Лиги в «исторической фальсификации». Вам же хуже было бы. Приспособляя мои слова к своей обличительной цели, г. Крупов выбрасывает из них все, что является для него камнем преткновения

* См. «В. Р. Р.», стр. 281.

вдаваясь в рассмотрение этого исторического вопроса, я ограничусь тремя небольшими замечниями.

Во-первых, если наше отношение к либеральной буржуазии ошибочно, то выходит, что мы ошибаемся в довольно недурной компании, т. е. в м е с т е с а в т о р а м и «К о м м у н и с т и ч е с к о г о М а н и ф е с т а».

Во-вторых, весьма достойно замечания то обстоятельство, что для того, чтобы доказать наше о т к л о н е н и е от о р т о д о к с и и, Рязанову понадобилось о б в и н и т ь в о ш и б к е с а м и х Маркса и Энгельса.

В третьих, ошибка, которую навязывает нам наш критик, не имела бы никакого практического значения даже в том случае, если бы она существовала на самом деле. Ошибка эта заключается, по словам Рязанова, в том, что мы п р е у в е л и ч и в а е м прогрессивную роль нашей буржуазии. Положим, что мы действительно преувеличиваем ее. В чем же заключаются вредные практические последствия такого преувеличения? Перестаем ли мы, вследствие этого, развивать в умах рабочих сознание противоположности их интересов с интересами буржуазии? Стремимся ли мы хоть немного ослабить совершающуюся у нас борьбу классов? Кто знаком с нашими изданиями и кто не захочет принять греха на свою душу, тот скажет, что ничего подобного никогда не было и что мы всегда резко и решительно отстаиваем классовую точку зрения пролетариата. Н а ш и б у д т о б ы п р е у в е л и ч е н н ы е о ж и д а н и я о т б у р ж у а з и и н и н а в о л о с н е о т к л о н я ю т н а с о т т о й л и н и и, п о к о т о р о й м ы п о ш л и б ы, е с л и б ы т а к и х о ж и д а н и й с о в с е м н е б ы л о. А потому и упрекать нас за них значит плодить совершенно бесплодные пререкания по такому вопросу («ожидания»), при решении которого нет никакой возможности применить сколько-нибудь точный метод. Я знаю, что именно этими «ожиданиями» об'ясняется та наша будто бы ересь, что мы хотим, как выразился товарищ Ленин, итти в о в с е к л а с с ы о б щ е с т в а. Именно в этом желании и усмотрели некоторые наши критики измену пролетариату. Но здесь мы опять видим, что люди оперируют с л о в а м и, не уяснив себе обозначаемых ими п о н я т и й. Когда идеологи французской буржуазии XVIII столетия «шли» в аристократическую среду, вербуя там борцов за новый общественный порядок, изменяли ли они т о ч к е з р е н и я с в о е г о к л а с с а? Нет, тут никакой измены не было, а был совершенно правильный политический расчет (или, если хотите, инстинкт), приводивший к еще более прочному утверждению той же самой точки зрения. А будет ли изменой, если идеологи пролетариата пойдут в «высшие» классы с целью найти там средства и силы, способные служить интересам со-

на пути к этой цели. Он цитирует мое указание на то, что из характеристики (в брошюре) задач нашего движения выносится впечатление, как будто оно уже осуществляет их, но благоразумно ставит в цитате три точки на место слов, оттеняющих органическую, неразрывную связь этих задач с самой сущностью социал-демократизма. Я говорю там, что русская социал-демократия должна преследовать задачи и тактику, на которые указывает брошюра, «чтобы остаться верной духу своих учений», излагавшихся, как отмечает Ленин, «много раз» в нашей литературе. Но слова эти (подчеркнутые) назойливо напоминают г. Крупову, что брошюра излагает не личные взгляды автора, а общие воззрения социал-демократии, а потому — прочь их, как показание, подрывающее весь фундамент его обличительного произведения! Избавившись таким «об'ективным» путем от неприятного показания, он вдруг с наивностью ребенка задает такой вопрос: «Если этот последний (Аксельрод) признал, что задачи и тактика русской социал-демократии, как они изложены в брошюре, не соответствуют действительности, то спрашивается, о каких же „предрассудках и предубеждениях“ против социал-демократии говорит он тут же, на той же странице своего предисловия? Называть реальные обвинения русских соц.-дем. в узости, в отодвигании на задний план политич. задач, предрассудками, т. е. не признавать, что упреки, адресованные социал-демократии, имели основание, и в то же время внушать читателю, что они были беспочвенны („предрассудки“),—это такая странная логика, которой, пожалуй, никакой диалектикой не об'яснишь» (стр. 280).

О, святая простота! Вы не знаете, о каких «предрассудках и предубеждениях» я говорю? Вы только прикидываетесь, что не знаете. Я говорю о тех самых предрассудках и предубеждениях, которые плодила и распространяла ваша «народовольческая» и вообще демократическая пресса против учений наших западных учителей против «социал-демократизма» вообще и против программных и тактических воззрений, пропагандировавшихся в нашей литературе вплоть до того момента, когда редакция изданий заграничного «Союза русск. соц.-дем.» перешла из рук гр. «Освоб. Тр.» в руки других лиц, в частности. Я говорю о предубеждениях против самых принципов социал-демократии, которые сеяла ваша пресса, начиная с «Вестника Нар. Воли»[22], «Своб. России» и кончая статьей покойного Лаврова[23] в № 4 «Лет. Лист. Нар. Воли»[24]. И вы сами, в своей же статье, не стесняетесь повторять те же, говоря вашими словами, «реальные (?!) обвинения русских социал-демократов». Вот этим-то предрассудкам и предубеждениям и противопоставлены в брошюре действительные, а не фальсифицированные задачи нашего движения.

Целый ряд извращений и подтасовок понадобился г. Крупову для того, чтобы обосновать свой, в сущности нелепый, обвинительный тезис, гласящий, что, «перепечатывая теперь без изменений эту старую брошюрку», Лига «грешит сознательной неверностью фактам» и является виновницей «исторической фальсификации». Каким «фактам», «фальсификацией» чего? Ведь брошюра не содержит в себе очерка нашего движения, и автор не обещал дать в ней такой фактический очерк. Она излагает только принципиальные задачи движения во всем его целом. А задачи эти, по признанию самого г. Крупова, именно в последнее время вошли в общее сознание массы социал-демократов. Так в чем же, какие изменения по существу могли быть сделаны? Автор иллюстрирует свои мысли кое-где примерами из практики нашего движения в конце первой и начале второй половины 90-х годов. Практика эта, соответственно зародышевому состоянию партии, отличалась еще примитивными формами. Но, во первых, факты рабочего или социал-

---

циал-демократии? Кажется, что и тут никакой измены не будет; кажется, что и это «хождение» будет делом политического расчета. Стало быть, с принципиальной точки зрения тут и толковать не о чем. Остается вопрос практической возможности. Существуют ли в «высших» классах России такие средства и силы, которые могли бы сослужить хорошую службу нашему движению? Да, они пока еще существуют в очень значительном количестве, и было бы очень, очень жаль, если бы мы не сумели воспользоваться ими. Далее, существуют ли в нашей собственной среде такие лица и даже целые группы лиц, которые, не имея возможности действовать в среде пролетариата, могли бы однако завязать прочные и выгодные для нас связи в так называемом обществе? Такие лица несомненно существуют. Стало быть, и с этой стороны вопрос решается очень просто: «хождение» во все классы общества — в указанных пределах — и возможно и обязательно. И пусть не смущает нас при этом мысль об измене нашему принципу. Измена вызывается совсем другими причинами. Изменить пролетариату можно, ни на минуту не выходя из его среды. Для этого надо только утратить ясное представление о границе, отделяющей его интересы от интересов других классов. Но что касается этой утраты, то не пропаганда «Искры» и «Зари» может способствовать ей. Ведь мы прославились своей «страстью к полемике» именно потому, что всегда и везде, резко и беспощадно отстаивали классовую точку зрения пролетариата.

Читатель видит отсюда, как далеки «Искра» и «Заря» от намерения сдавать в архив «старую революционную программу русской социал-демократии». Если такая программа существовала, — и она действительно существовала, — то «Искра» и «Заря» явились ее лучшими и надежнейшими защитниками. Они безбоязненно отстаивали ее в то печальное время, когда против нее со всех сторон раздавались вопли настоящих оппортунистов и теперь, когда, — благодаря этим органам, — дело этих оппортунистов совершенно проиграно; теперь, когда, — опять-таки, благодаря им, «Заре» и «Искре», — в нашей социал-демократии окончательно восторжествовало революционное направление,—обвинять их в измене «ортодоксии» значит собственной рукой писать себе свидетельство об умственной бедности или же спекулировать на умственную бедность иных читателей по тем или другим чисто-личным соображениям.

На этот раз довольно.

Г. Плеханов.

демократического движения, несмотря на свою недостаточно яркую политическую окраску, все-таки представляли тогда единственные и, во всяком случае, наиболее яркие проявления накоплявшейся революционной энергии в стране. А во-вторых, и сам Ленин отмечает и подчеркивает зачаточный характер движения. «Русская социал-демократия», говорит он, еще выходит только из «зародышевого состояния»: «Она только начинает развивать свою практическую деятельность» (стр. 22). Между первым и вторым изданием брошюры лежит период так наз. «экономизма». Но этот факт отмечает сам Ленин в своем предисловии.

Но в том-то и дело, что защита «исторической» правды является для г. Крупова лишь маской или средством в борьбе с революционной социал-демократией. Попытка его изобличить Ленина и всю Лигу в «исторической фальсификации» есть не что иное, как особый «полемический» прием для отражения беспощадной атаки нашей прессы на буржуазно-демократические элементы и тенденции в русском революционном движении. На первой же странице своей статейки он спешит заявить, что брошюрка Ленина «написана с полемическими целями и идет навстречу тому полемическому настроению, которое обуяло в последнее время некоторую часть русских соц.-демократов». Он знает слабую струнку своих читателей — антипатию к «нетоварищеским приемам полемики „Искры“» — и спешит прежде всего коснуться этой больной струнки, чтобы сразу обеспечить себе восприимчивую психологическую почву в кругу читателей для «протеста» против «исторической фальсификации», на раскрытие которой он выступил. Кто знаком с брошюрой Ленина, знает, что в ней-то именно меньше всего полемики, а «резкого обличительного тона» в ней и тени нет. Но «полемические цели» являются необходимой предпосылкой, психологическим и логическим базисом для превращения брошюры в «историческую фальсификацию». Без этой предпосылки было бы нелепо и прямо невозможно положить в основу этого обвинения тот факт, что Лига переиздала теперь произведение, «пять лет тому назад» возвышавшееся над уровнем политического сознания большинства русских соц.-демокр. И вот наш рыцарь без страха и упрека, во имя «исторической» правды, на защиту которой он ополчился, об'являет брошюру, писанную в безусловно примирительном духе, с прямо выраженной целью расчистить путь к полному взаимному сближению наших противников в революционной интеллигенции с нами, эту именно брошюру он об'являет своего рода орудием, направленным против всей революционной интеллигенции вообще, пущенным в ход для смертельной, истребительной войны с нею. Да, г. Крупов своеобразно любит и защищает историческую правду.

Ради справедливости считаю нужным указать на одно смягчающее его вину обстоятельство. Если я некоторыми своими замечаниями ввел его в соблазн выступить в роли обличителя Лиги, то Ленин столь же ответственен за то, что он усмотрел в брошюре об'явление войны революционной интеллигенции. В своем действительно воинственном (нечего уж греха таить) предисловии Ленин замечает, что «русской социал-демократии придется еще посчитаться с направлениями», подобными народовольческому или народоправческому. Ну, не ясно ли как божий день, что задачей брошюры является «борьба против революц. интеллигенции»? Если принять во внимание, говорит г. Крупов, «что предисловие занимает всего пять с половиной страниц малого формата, то можно судить о том, как усиленно агитирует автор против врагов и какой он горячий вояка» (стр. 282). Если же он такой «вояка» и «усиленно агитирует против врагов», то само собой разумеется, что брошюра, написанная им «пять лет тому назад» и обращенная *к* революционной интеллигенции, идет теперь «навстречу полемическому настроению» и об'являет войну против революционной интеллигенции.

Мне пришла в голову очень заманчивая идея. «Манифест Коммунистической Партии» написан был Марксом и Энгельсом не только с явно «полемическими целями», но и с прямо выраженным намерением поднять пролетариат на беспощадную войну против всего буржуазного общества, включая и буржуазно-революционную интеллигенцию. Кроме того, в период его появления в свет взгляды Маркса и Энгельса были, действительно, только что открытой ими идейной Америкой и являлись их личным достоянием, доступным только очень немногим единицам даже в самом Союзе Коммунистов [25]. А между тем Маркс и Энгельс писали свое великое произведение от имени целой партии коммунистов. Т. е., говоря словами г. Крупова, они «неверно изображали действительность» во славу своей партии. Точно так же, — следуя своеобразной логике г. Крупова, — нужно признать, что, «перепечатывая» Манифест в позднейшие времена, когда идеи его уже не были «новыми и чуждыми социал-демократии» (т. е. Коммун. Партии), последняя грешила «сознательною неверностью фактам», «перепутывая старое с новым, лишая читателя перспективы».

Что скажете на это, г. Крупов? Не правда ли, ведь очень соблазнительная штука была бы поднять знамя протеста во имя исторической правды, против всей социал-демократии? Советую вам подумать над моей идеей: с «Манифестом Коммунистической Партии» в руках, уличить всемирную социал-демократию в «исторической фальсификации», а ее теоретических отцов — в том, что они вносили «суб'ективное освещение в факты» — «во славу своей партии» и на зло врагам, то бишь «революционной интеллигенции».

Партия пролетариата всюду развивалась путем самокритики. Русская социал-демократия не составляет в этом отношении исключения. И не «социалистам-революционерам», еще ни разу не проявившим хотя бы слабой попытки критически отнестись к прошлому и настоящему своей партии, умеющим только молиться «теням прошлого» и прикрывать ублюдочное существо своего направления ссылками на «славные традиции», не им упрекать нас в стремлении «представить прошлое в неверном освещении». Не к лицу им, слепым апологетам «прошлого», делать нам такие упреки. В их устах они звучат до крайности комично и — неискренно.

[П. Аксельрод]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербург. 19 мая в Дворянском собрании был отпразднован столетний юбилей Лесного института. Вход был по билетам. Присутствовали почти все студенты-лесники, служащие и профессора Лесного института, масса лесных и иных генералов, депутации от высших учебных заведений России и т. п. Ермолов открыл собрание речью. Дойдя до места, где об'являлась величайшая милость, — Ника разрешил называть Лесной институт «императорским», — он провозгласил «ура». Очевидно, лавры, пожатые Куропаткиным в Медицинской академии, не давали спать Ермолову. Но в ответ раздались оглушительные свистки сознательной части студентов, покрывшие аплодисменты и восторги генералов и студентов-распорядителей. Масса молчала, подчиняясь постановлению сходки 17 мая, где было единогласно решено ничем не выражать своего отношения к подачке свыше. Потешно было видеть звездоносцев и лентоносцев, изо всех сил старавшихся, преодолевая растерянность, заглушить свистки. «Мерзавцы, негодяи, мы их почтили своим присутствием, а они вон что!», «ну, удружили!» — и тому подобные восклицания раздавались всюду. Дальше уже все было скомкано. Министр дрожащим голосом закончил речь. Один из профессоров скороговоркой перечислял перечень лиц и учреждений, приславших приветствия и телеграммы; когда очередь дошла до телеграммы Клейгельса, перепуганный директор, видя начинавшийся свист и хохот, дернул несообразительного профессора за рукав. Продефилировали депутации, и Ермолов закрыл собрание. Музыка, приготовленная для гимна, ушла ни с чем. Особенно огорченным оказался «честный маклер» движения 1899 года — Федор Платонович Никитин, директор лесного департамента: «Мы знали, что вам эта милость будет неприятна, поэтому постарались устранить гимн», заявил он в частной беседе. В заключение же были пропеты два куплета рабочей «Марсельезы», окончательно ошеломивших начальство.

Петербург, 21 мая. Вот прошли и юбилейные дни (16, 17 и 18 мая), которых многие почтенные буржуа ожидали с неподдельным страхом; прошли, конечно, по-казенному «благополучно», но по-казенному же сухо и глупо. На «торжества» пускали только «избранных» по билетам; думские юбиляры изрядно угощали себя и своих гостей на общественный счет, причем берлинский бургомистр, «прогрессист» и «свободомыслящий» Киршнер, трогательно чокался с всемирно-известным палачом Валем... На фабриках и заводах, не исключая и казенных, работали все эти дни, боясь выпустить рабочих на улицу, а по вечерам отвлекали их «патриотическими» гуляньями. На одном из таких гуляний, в Александровском парке, возле Народного дома, произошел любопытный инцидент. В толпе вдруг кто-то (по всей вероятности, жулик) крикнул, судя по газетам: «тигр убежал из зоологического сада!», а по рассказам некоторых очевидцев, что-то вроде «бунт!». Произошла паника. Толпа изломала железную решетку парка, несколько человек получили увечья. Но газеты умолчали о том, что немедленно прискакали казаки, которые оставались и после успокоения толпы, до конца гулянья, а также о том, что тотчас после этого происшествия какие-то ораторы, не стесняясь присутствием полицейских, говорили возбужденной толпе, что причиной паники был студент, бросивший в народ бомбу. Здесь держатся упорные слухи, что перед 16 мая ходил по рукам гектографированный листок с приглашением «бить жидов», но нам не удалось достать его.

Наш Комитет выпустил по поводу двухсотлетия Петербурга две прокламации: одну — к рабочим (распространено около восьми тысяч экз.) и другую — к обществу, распространенную среди общества и студенчества в числе 2.500 экз.

Юбилей Петербурга послужил и для полиции поводом предпринять новый набег. 14 мая произведено множество обысков и арестов, причем большинство среди бела дня и вечером; некоторых брали на улице. Во время этих арестов забрано немного литературы и около 1.500 листков Комитета «К обществу» (это были запасные, сверх распространенных двух с половиной тысяч).

С.-Петербург. В Доме предварительного заключения политические тщетно добивались ускорения дела. Все их настаивания на допросе о скорейшем следствии не приводили ни к чему; тогда они, сговорившись, 17 мая выбили у себя в камерах стекла (на мужском отделении). Явились надзиратели и по приказу товарища прокурора повели некоторых в карцер. Об этом узнали уголовные. В одной из общих камер они высадили дверь, устроили баррикады из коек, матрасов. Были вызваны войска. Надо сказать, что еще раньше, т. е. числа 13-го, было получено начальниками тюрем распоряжение Клейгельса о том, куда обращаться, если в тюрьмах произойдут какие-нибудь беспорядки в торжественные дни юбилея. К выборгским «Крестам» были приписаны казармы Московского полка, а Д. П. З. следовало обращаться в казармы Преображ. полка, где стоял какой-то армейский полк. Так и было сделано. Войска явились к Дому, но тем временем там был уже водворен порядок. Вслед за солдатами явился в предварилку великий князь Владимир Александрович на извозчике, явился после какого-то завтрака в полку (вероятно, по случаю 100-летия этого полка), весьма сильно угостившись, и заявил, что он никогда не одобрял вызова войска в таких случаях, что начальство само виновато, если арестанты бунтуют, и приказал солдатам удалиться. Войско ушло. Владимир отправился по тюрьме, приказал освободить арестованных из карцера и пришел на женское отделение, где пожимал руки заключенным политическим. Дальше он не путешествовал, так как его убрали. Позднее в тюрьму приезжали Плеве и Муравьев. Последний был весьма недоволен, что Владимир Александрович вмешался в распоряжения товарища прокурора и, как говорят, жаловался царю, который высказал порицание Владимиру. В предварилке была голодовка, которая кончилась удовлетворением главных требований, а именно: отменили карцер, обещано улучшение пищи, ускорено следствие.

27-го выпустили А. И. Паромову и П. Ф. Куделли. 15 мая арестованы рабочие Павлов и Выходцев, сидели 10 дней и выпущены; 18-го взят Козлов, после 7 дней выпущен. Шишлов сидит до сих пор.

Циркулирует слух об избиении надзирателями в предварилке уголовного, который по дороге в больницу умер.

Петербург. Недавно здесь была издана (на мимеографе) прокламация «Петербургского Комитета (?) Партии Социалистов-Революционеров» по поводу убийства Богдановича[26], где об'является, что убит он был двумя членами «Боевой Организации» за Златоустовскую бойню[27] и что подобная же участь ожидает всех преступников против народа.

К счастью, на этот раз лица, убившие Богдановича, благополучно скрылись; к счастью для них, конечно, но также и для нас, социал-демократов, так как мы можем теперь спокойно обсуждать это событие, не боясь грозных окриков: «как, опять над свежей могилой павших товарищей!» и т. п. всем надоевших ламентаций.

Итак, прежде всего любопытно, что этот полумифический Петербургский Комитет социалистов-революционеров вдруг оживился и заговорил, как только в воздухе запахло террором, хотя и очень далеко от Петербурга. Это еще раз подтверждает мысль, не раз высказываемую «Искрой»: соц.-рев. чувствуют почву под ногами только в атмосфере террористических актов, только эти акты вызывают и воскрешают их к жизни. Затем, указанная прокламация обещает ни больше, ни меньше, как перестрелять всех преступников против народа. Но если «Боевая Организация» будет это делать так часто, как до сих пор, т. е. по одному «преступнику» в год, да если еще из двух «преступников» одного будет «спасать случайность», то нам придется очень

долго ждать революции... Убийство Богдановича вызвало очень мало разговоров в обществе. Как видно, вкус к террору уже притупился.

Кронштадт. В Кронштадте предпасхальное и пасхальное время ознаменовалось двумя из ряда выходящими событиями: одним — на политической и другим — на праздничной подкладке. На вербной неделе в Кронштадт нагрянули жандармы во главе с прокурором, произвели обыск и почти во всех казармах военных матросов, нашли много литературы и взяли всего около 20 матросов и двух офицеров. Вот фамилии некоторых: Новиков, Заплаткин, Гриценко, Синильников. Все сначала были заключены в Кронштадтскую крепость в секретные номера, а теперь в С.-Петербурге, офицеры — в Петропавловскую крепость; ходят слухи, что кого-то из них уже повесили. Вызваны эти аресты были тем, что уже издавна матросы, отличаясь довольно высоким уровнем развития и страшной ненавистью к своему непосредственному начальству, всегда искали и имели связи с социал-демократами; приток литературы к ним никогда не прекращался. За последнее время С.-Петербургский Комитет, имея эти связи, доставил туда довольно много социал-демократической литературы. Кроме такого «преступного» чтения, у матросов не переставала существовать самобытная кружковая организация. Руководители выходили из среды самих матросов. Матросы рассказывают о каком-то взятом теперь морском офицере, отпустившем на все четыре стороны в Америке всю команду со своей миноноски и жившем в России под нелегальным видом. Но это только слух, хотя очень характерный. Другому событию правительство очень старается придать политическую окраску, хотя это не особенно легко. Дело разыгралось на почве постоянной вражды между матросами и армейцами. Начало было совершенно случайно: один матрос не отдал чести «кондуктору», тот хотел его забрать и отправить с обходом (обход составляется из армейцев), но за него вступились товарищи матросы; первым получил оплеуху старший обхода; это и открыло между ними целое сражение; очень сильно пострадал «кондуктор». На шум сбежалось много матросов (это было на второй день Пасхи) и армейцев; один армейский офицер, желая усмирить дерущихся, выхватил саблю и бросился в середину, но был сбит камнем в голову и сильно поколочен; его унесли на носилках. Была вызвана рота солдат и выстроена в боевой порядок, но на первое предостережение несколько сот матросов с камнями и криком «ура» кинулись на нее и не дали произвести залпа. Прибыли еще войска, приехало какое-то высшее начальство. Было приказано опять стрелять, но залп не испугал матросов: когда они увидали, что в передних рядах упало несколько человек, они опять с тем же криком бросились на солдат, почти у целой роты были отняты ружья и началась драка прикладами и штыками. Интереснее всего, что сами призванные для усмирения войска перестали слушаться команды. Это все ясно показывает, что не особенно велико обаяние слов: «смирно» да «равняйсь». Появление командира (?) было встречено не особенно деликатными словечками и градом камней. Были слышны возгласы негодования: «Довольно ты нас замучил, мучитель!», «ты и так уже заморил команду». Действительно, для иллюстрации режима привожу одно только наказание: один матрос за то, что забыл на судне в определенный час потушить свою свечку, было отдан под суд и приговорен к шести месяцам тюрьмы. Видя, что ни солдаты ни матросы не слушаются команды, начальство решило пустить в ход холодную воду, но и тут толку не вышло: избили только пожарных да изрезали рукава. Приближалось время поверки, и свалка мало-по-малу стала стихать. Возбуждение продолжалось всю неделю. Было много еще стычек. Теперь придумали такую меру: по четным числам выпускают армейцев, а матросов держат взаперти в казармах, а по нечетным — наоборот. В результате матросы и до сих пор не отдают чести армейским офицерам и обратно. Убитых 6 чел., раненых: тяжело — два армейских офицера, 12 солдат и восемь матросов.

Варшава. (Поправка). В № 39 «Искры» помещено описание майской демонстрации в Варшаве, как видно не со слов очевидцев и лиц, принимавших непосредственное участие в организации демонстраций. Демонстрация в Уяздовских аллеях была устроена П. П. С. По словам очевидцев, число демонстрантов здесь было незначительное. Развернули красное знамя, которым вскоре овладела полиция. Демонстрация на Маршалковской была устроена совместно Бундом и П. С.-Д. Этими же организациями были разбросаны по городу приглашения на польском и еврейском языках к участию в демонстрации. Число приглашений на польском было свыше 6.000. «Пролетариат» в своем воззвании приглашал рабочих к празднованию 1 мая совместно с Бундом и П. С.-Д. Демонстрация на Маршалковской была очень удачна. Два знамени (одно Бунда, другое П. С.-Д.) долго развевались над головами демонстрантов. Знаменосцы не попали в руки полиции. И в других частях города демонстрировали рабочие Бунда и П. С.-Д., благодаря чему действия полиции были парализованы, а демонстрация приняла большие размеры.

Из Белостока сообщают: 1 мая были здесь и в окрестностях разбросаны прокламации Ц. К. С.-Д. П. и Л. На многих фабриках не работали. Демонстрации решено было не устраивать.

Курск. В конце апреля закрыта «Курская Газета». Арестован редактор Богомазов, сотрудник Блюм. Арестован интеллигент, которого разыскивал департамент полиции и который приехал с юга на жительство в Курск. В разное время и по разным делам арестованы: учитель школы, землемер-ученик, два иконописца, крестьянин и солдат. Землемер и учитель освобождены, остальные сидят.

Витебск. Под впечатлением кишиневских событий местная интеллигентная молодежь, посещающая единственную здешнюю читальню Червинской, пред'явила последней требование прекратить выписку «Света»[28], «Нового Времени» и других реакционно-антисемитских газет. В виду отказа г. Червинской исполнить это требование, читальня подвергнута бойкоту.

Смоленск, 5 мая. Все это время Смоленск был на военном положении: день и ночь ходили и ездили патрули и, чуть что, забирали и отводили в участок. Обыватель находился в смятении, так как полиция распространяла слухи, что первого мая город подожгут «жиды» с двух концов. Теперь все начинает успокаиваться. Арестованных 26 апреля, за исключением пятерых, уже выпустили, часть выслали на родину. У интеллигентов обысков не было. Только четырех выдворили из Смоленска. 12 мая у возвращенного из Сибири московского студента В. Савкова был произведен в квартире, в саду и на дворе очень тщательный обыск. На дворе в сарае перебрали все дрова и перетрясли сено, но там ничего не нашли. В квартире же найдено три листка: отрывки прокламаций и выписки из «Искры». Кроме того, взяты «Дурные пастыри» Мирбо[29], несколько незначительных писем и книжка сберегательной кассы на сумму 393 р. с отцовскими деньгами. Через два часа его уже препроводили в одиночное заключение местной тюрьмы. Через неделю ему уже сделали допрос и выпустили под «особый надзор» за неимением достаточно основательных улик.

Муром, Владим. губ. Если бы вы знали, какое провинциальное болото представляет наш город! При самом в'езде в город, в улицы, заросшие бурьяном, непривычный человек вывихивал челюсти от зевоты и умирал от смертельной скуки, которая лилась из-под всех муромских подворотен,—изо всех окон. Муромских мещан вы сразу узнавали по их деревянным тупым физиономиям, по их мешкообразным фигурам, от которых пахло калачами, постным маслом, лошадьми и св. мощами. И вот в прошлом году в этом болоте проявилась крамола. Одна из бойких волн, бушевавших где-то там в «центрах», добежала до

погруженного в сон, мрак и грязь славного города Мурома, с шумом разбилась в нем и взбаламутила всю зеленую болотину — и кончились прекрасные дни Аранжуэца. Бедные муромские жандармы! В один базарный день по всем муромским заборам и облупившимся домам были расклеены прокламации от... «Киевского Комитета»(!). Крестьяне, съехавшиеся на базар, и обыватели с большим любопытством читали эти неведомые раньше бумажки. Муромские церберы не имели никакого понятия о прокламациях, они вряд ли могли бы их отличить от тех афиш, которые расклеивают изредка появляющиеся в Муроме для увеселения купцов и мещан — разные самородные «престидижитаторы» и «глотатели раскаленных щипцов». Прокламации провисели на заборах целый день и были прочитаны всеми желающими. Только вечером выспавшийся после сытного обеда жандармский полковник, прогуливавшийся по благоустроенным проспектам города Мурома, усмотрел к своему ужасу на обывательских заборах крамолу и моментально приказал соскрести позорные пятна с незапятнанных до тех пор заборов. Но крамола уже зарождалась. Скоро с муромским жандармом стряслась другая беда. Так как его, как и всех его сослуживцев, начальство периодически знакомило с новинками нелегальной литературы, то у него составилась немалая библиотека оной. От скуки и безделья он давал под секретом почитывать особенно пикантные вещицы своим добрым знакомым, которые тайком читали их, предварительно тщательно занавешивая окна (от кого!). Такой противоправительственной пропагандой вредных идей муромский жандармский полковник Зворыкин занимался несколько лет. Но, как известно, в результате всякой подпольной деятельности неизбежно следует «провал». Как ни твердо, казалось, было поставлено дело распространения нелегальной литературы, а и оно «провалилось» стараниями муромского врача Доброхотова. Последний как-то раз в клубе разругался из-за карт с Зворыкиным и в пылу ссоры погрозился донести на него, и на следующий день действительно написал донос в департамент полиции. Немедленно приехала комиссия. Картина получилась трагикомическая: доброхотным жандармом оказался врач Доброхотов, а государственным преступником — жандармский полковник Зворыкин. Жандарм полетел с своего места, а на его место назначили... не докт. Доброхотова (это было бы вполне естественно), а нового полковника, который стал искать крамолу. После его визита к гражданам Мурома (не по делу службы, а так, в гости) последние тщательно осматривают передние и те комнаты, где он сидел, так как ходят упорные слухи, что он занимается тайным подкидыванием прокламаций с целью создать крамолу, так как в Муроме ее, действительно, мало. Неспокойно стали теперь жить муромские мещане и купцы. Последние два-три года и в промышленном отношении Муром стал оживляться — построена большая льнопрядильня, открылось несколько механических и др. заводиков. Савва Морозов хочет строить большую ткацкую и красильню... В гнилое муромское болото вливается свежая проточная вода... А какая была невероятная глушь!

Крым. Ялта. Господа Романовы в лице Александра Михайловича заняты не только приобретением в частную собственность больших участков земли за бесценок у гаспринских татар, но и незаконными захватами городской земли вдоль главной улицы города (Набережной), правда, уже не в частную собственность, а в собственность портового правления, нужную ему для устройства в нашем городе каботажной пристани. Городское самоуправление у нас не особенно, казалось бы, благоговеет перед знатными представителями портового правления — оно затеяло процесс. Суд решил дело в пользу города. Вот тут-то в лице двух гласных и вылило наше управление свои верноподданнические чувства. Эти гг. гласные доказывали городу необходимость уступить в ведение портового правления городскую землю, мотивируя это тем, что неудобно отказывать «такому уважаемому и почтенному лицу», как Александр Михайлович. Не убедили эти речи, как видно, одного только гласного—писателя С. Я. Елпатьевского [30], который заявил, что гласные обязаны соблюдать интересы города, а не уступать вору, хотя и почтенному. Как и следовало ожидать, местный исправник в сообществе с жандармским ротмистром послал донос министру внутренних дел. Елпатьевского таскали на допросы. Чем кончится эта история — пока неизвестно.

Ростов н/Д. Предварительное следствие по делу о демонстрации 2 марта [31] закончено. Судебный следователь заявил, что дело будет слушаться вне очереди особой выездной сессией Харьковской судебной палаты. Обвиняемых всех 9 чел.; обвинение пред'явлено по 264 ст. Улож. о наказ. Помимо этого, к тем же лицам пред'явлено обвинение по 318 и 252 ст. Улож. о наказ. Так что, если кто-либо будет оправдан в судебном заседании, то, по заявлению судебного следователя, будет по всей вероятности арестован в порядке административном. Вновь подтверждается жалкая комедия «с гласностью» при закрытых дверях. Передают, что Ростовская, а также Новочеркасская тюрьма переполнены. Приходится садить по нескольку человек в общие камеры. В одиночках в Новочеркасской тюрьме сидят: Столкарц, Собина, Подлетов, Ляхов, Чернышев, Васильев, Борохов, Браиловский, Ботвинников и Давыдов. В общей — девять человек и две политические женщины. Столкарц и Борохов обвиняются по делу 2 марта. Ляхов, Браиловский, Подлетов и Ботвинников по 2 ч. 252 ст., Швейцер по 252, Васильев по 252 и 318, Чернышев по 318. Настроение у всех хорошее. Революционные песни не смолкают. Ведется успешно борьба с тюремным начальством. Под угрозой начатой голодовки тюремное начальство и прокурор уступили и большинство выставленных требований удовлетворено. В Ростовской тюрьме сейчас содержатся 20 чел.

Баку. События, следовавшие за 2 марта, показали, как велико было значение мартовской демонстрации для местного движения. Ряды борющегося пролетариата заметно погустели, увеличились денежные средства Комитета, организационная работа пошла более усиленным темпом. Вместе с тем настроение рабочих поднялось настолько, что возникли крупные стачки даже среди малосознательных рабочих: так, перед Пасхой забастовали кондуктора и кучера на конках, требуя сокращения рабочего дня, который до сих пор продолжался у них около 19 часов; требования забастовавших были удовлетворены, вследствие чего рабочие распределились на две смены, по 9 час. каждая. Далее вспыхнула стачка на крупной табачной фабрике Мирзабек'янца (800 чел.); рабочие стояли так дружно, что через два дня требования их были удовлетворены.

18 апреля наборщики всех местных газет отказались от работы, так что на следующий день не вышло ни одной газеты, и идея майского праздника пропагандировалась, таким образом, в широкой публике. Такое настроение дало возможность Комитету сорганизовать новую демонстрацию 27 апреля. Для подготовки к этой демонстрации было устроено Комитетом несколько массовых собраний от 100 до 700 человек, а также выпущены листки. За некоторое время перед демонстрацией вышел печатный листок, по 1.500 экз., на русском и армянском языках, разбирающий правительственный манифест от 26 февраля. Далее было выпущено в количестве 400 экз. на русском языке печатное воззвание к солдатам и казакам, где им раз'ясняется смысл политических демонстраций и рабочего движения вообще. На Пасхе был выпущен гектографированный листок на русском языке к безработным по поводу их безуспешного ходатайства перед губернатором о приискании работы. Перед демонстрацией были распространены: предварительная прокламация Организационного Комитета, печатная, на русском (2.900 экз.), армянском (2.100 экз.) и грузинском (1.000 экз.) языках, прокламация Кавказского Соц.-Дем. Рабочего Союза, также на трех языках, по 2.100 экз. и, наконец, за день до демонстрации на русском и армянском языках призыв на предстоящую демонстрацию со стороны Комитета; кроме того, в первый раз было выпущено сто штук гектографированных листков на татарском языке, в которых татары также приглашались на демонстрацию. Для разброски на демонстрации Кавказским Союзом были присланы рисунки с соответствующими надписями.

Демонстрация в организационном отношении была выполнена по заранее выработанному плану, по размерам же

превзошла все ожидания (описание демонстрации 27 апреля см. в №№ 40 и 41 «Искры»).

Демонстрацию можно считать вполне удавшейся. Организация нисколько не пострадала; хотя и было много арестованных, но все больше из зрителей, ядро же демонстрантов осталось нетронутым. Арестованные, в числе 47 чел., по постановлению губернатора приговорены к отсидке от трех недель до трех месяцев; между арестованными есть один дворник. 1 мая было отпраздновано всеобщей забастовкой; в этот день были закрыты не только все городские заводы и мастерские, но даже в Балаханах на промыслах никаких работ не производилось. Хозяева настолько были терроризованы недавней демонстрацией, что не оказывали никакого сопротивления. Учащиеся средних школ ознаменовали этот день тем, что не явились на занятия. Весь город находится в сильном возбуждении. Идея социализма приобретает все больше и больше сторонников.

Тюрьма переполнена. Сидят 95 человек.

Бакинский Ком. Кавказск. Соц.-Дем. Раб. Союза Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Олекминск, 15 апр. 1903 г. Поручик Рейхардт, сопровождавший партию политических ссыльных, главным образом московских студентов, весною 1902 г. от Александровской тюрьмы до Якутска, предан Иркутскому военно-окружному суду за допущенные им нарушения правил конвоирования арестантов. На-днях допрашивались по этому поводу олекминские ссыльные, бывшие в партии, и местная администрация, последняя — по поводу демонстрации, устроенной в Олекминске при отплытии паузков из Олекминска в Якутск.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Саратовской губ. До самого последнего времени здесь жили, ничего не слыша, ни о чем усиленно не думая. Здешний мужик, если и ворчал о неправде и издавал какие-либо звуки протеста, то это было ворчание в полусне, в забытьи и вращалось вокруг излюбленной идеи, что вот-де помещики и чиновники скрывают от царя правду и не дают ему, батюшке, осчастливить народ свой. Все надежды на лучшее будущее отливались в форму томления по царском манифесте о «прирезке» или переделе, или просто приурочивались к таким событиям, как рождение наследника. За какие-либо два-три последних года картина начинает меняться, повидимому, очень резко. Раскаты революционного движения фабрично-заводских рабочих, полтавские события, саратовская демонстрация (один из мужиков этого села сам видел ее), рассказы и письма односельчан-рабочих в Баку и Саратове, случайно привозимые ими с собой на родину книжки нарушают сон деревни; мужик утрачивает свою политическую невинность, он уже с открытыми глазами может внимательно всматриваться в события политической жизни городов и чутко прислушивается к непонятным кличам и лозунгам, к новым речам. Идея царя-батюшки, отечески пекущегося о благе народа своего, — идея, которою жили здешние крестьяне спокон веков, меркнет и, повидимому, готова погаснуть в уме мужика навсегда. Так об'ясняют свое пробуждение сами крестьяне. Я был здесь всего один день и видел человек десять крестьян. Одного из них все это так сильно поразило, что он и сам не рад. «Раньше, — жалуется он мне, — жилось как-то спокойнее, ничего не знал и ни о чем не думал, а теперь как-то неспокойно на душе, тяжело на сердце стало: все думаешь, мысли разные высокие в голову лезут, а понять хорошенько сам не можешь, а об'яснить здесь некому и книжек таких интересных мало...» Интерес к событиям и вопросам «политики» настолько возрос, что здесь даже старики хотят учиться грамоте, чтобы самим читать нелегальные книжки. По словам тех, с которыми приходилось говорить, из 800 душ этого села наберется разве только 30 — 40 безучастных, остальные же — кто более, кто менее сознательно — все с жадностью слушают и читают о том, как социалисты и городские рабочие добиваются «своих прав и лучшей жизни». Из писем рабочих односельцев здесь хорошо осведомлены о ростовской стачке и даже о майской демонстрации 1903 г. в Баку. Достойно внимания то, что такой интерес не ограничивается одним любопытством; наоборот, здешний мужик хочет активно приобщиться к политическому движению. Я побывал здесь не по собственной инициативе, а по желанию самих же крестьян; через одного своего рабочего в Саратове они из'являли желание повидать кого-либо из социалистов из Саратова, они предлагали даже побыть у них месяца два, на время полевых работ (в это время крестьяне все живут в поле). Среди наиболее сознательных (человек 10 — 15) здесь, без всякой указки со стороны, образовался даже род организации с целью приобщать деревню к городам, добывать книжки и заводить связи с окрестными селами. По словам участников этой группы, им уже удалось сноситься со всеми селами верст на 50 в окрестности. Случайно попадавшая к ним литература обходила каждый двор по порядку, а когда прочитывалась всеми, то передавалась в следующие соседние селения. Часто чтение нелегальных книжек происходит прямо на улице, при большом стечении народа. Насколько здесь, в общем, крестьянская масса относится ко всему этому сознательно, говорит следующий любопытный факт: в одной, смежной с этим селом деревне крестьяне нарочно выбрали себе в старосты такого человека, который читает запрещенные книжки. Выбор был вполне сознательный, и не только крестьяне однообщественники, но и соседи не нарадуются на своего нового старосту. «Вот человек, — говорили мне, — за „это дело“ пойдет куда угодно, хоть на виселицу».

Прошлою осенью многие отцы брали с сыновей, отправляющихся в солдаты, торжественные клятвы отнюдь не стрелять в рабочих и крестьян, если будет приказ начальства: «тогда лучше и глаз ко мне не показывай», — напутствовали крестьяне своих детей при отправке в набор. Интересно отношение к манифесту об отмене круговой поруки. Раньше он вызвал бы целый ряд фантазий, теперь отношение к нему самое трезвое: «Ха, ха, ха, — смеются крестьяне, — чего, чего он (т. е. царь) не выдумает, чтобы провести нашего брата; написано, написано так, что сразу, пожалуй, и не поймешь, ха, ха, ха. Теперь каждый будет платить за себя! Да разве раньше у нас кто платил за других?». Знают о существовании партий социалистов-революционеров и социал-демократов и очень интересуются разницей между ними. Представление о ходе борьбы у них, в общем, такое: необходимо восстание, совместно с рабочими, а до тех пор больше пускать в оборот книжек да заводить знакомства с другими местами и выжигать помещиков. За последнее средство (поджоги) стоят очень упорно и справляются о более удобных средствах для этого.

Крестьянское движение на Кавказе. (Из письма рабочего). В селе Анджало, в Сириачкони и во всех местах на берегу Риона почти все земли принадлежат помещикам-дворянам. У них арендуют землю большей частью мингрельцы (аренда уплачивается частью собранных с земли продуктов). Когда три крестьянина мингрельца начали пахать, то к ним подошли четверо гурийцев и говорят: «Бросьте сейчас же работу и передайте всем вашим соседям, чтобы с сегодняшнего дня никто не смел работать у помещиков». Когда те начали сопротивляться, то гурийцы схватили кинжалы и отрезали двоим уши, а одному нос и таким образом заставили их бросить работу. Узнав это, все соседи бросили работать. Когда уездный начальник по просьбе помещиков собрал крестьян и спросил их, почему они бросили обработку полей, то они ответили: «Мы больше не хотим работать на господской земле, мы хотим то же, что и гурийцы». До сих пор еще все поля по берегу Риона остаются необработанными.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Обер-палач Финляндии Бобриков [32] «широко» пользуется данными ему царем, или вернее г. Плеве, новыми полномочиями. Со времени нашей последней статьи приказание покинуть Финляндию получил бывший сенатор

Л. Грипенберг, вышедший в отставку вместе со всеми лучшими членами финляндского Сената в 1900 г. при обнародовании трех беззаконных «законов» Николая II. Сенатор Грип. — автор нескольких талантливо написанных политических брошюр (легальных); в прошлом году он опубликовал за своей полной подписью в «нелегальной» финляндской газете «Fria Ord» статью, в которой он подверг резкой критике раболепство нынешнего финляндского Сената. Вот, вероятно, главная причина его ссылки. Маститый финляндский законовед, бывш. сенатор Л. Мехелин, недавно лишен назначенной ему Александром III пожизненной пенсии. Об его изгнании я писал в прошлый раз. Эта участь, повидимому, предстоит всем неприятным Бобрикову и К⁰ лицам, имеющим пенсию. Появление жандармов для производства обыска и вручения приказания выехать из Финляндии директору банка в Ловизе Фабрициусу послужили причиной моментальной смерти от разрыва сердца 90-летней почтенной г-жи Маяндер, близкой знакомой г. Ф. Эта старушка как раз в то время сидела у себя под окном и, увидев царских опричников, — она жила в одном доме с г. Ф., — упала мертвой на пол. «Финл. Газ.» ограничилась до сих пор сообщением лишь о первых, благоразумно умалчивая о дальнейших высылках, общее число коих достигает уже 15-16. В мае в разных местах Финляндии был произведен целый ряд обысков, причем в Гельсингфорсе у одного литератора цензором-доцентом Вайнио конфискован огромный склад «нелегальной» шведской литературы (в числе прочих изданий здесь найдено много экземпляров шведского перевода превосходных мемуаров кн. Кропоткина [33]). Удача агентов Бобрикова в последнем случае об'ясняется доносом. За последнее время в Финляндии появилось немало доносчиков. Главари старо-фенноманской партии [34] не постыдились открыто возвести донос, при некоторых обстоятельствах, в гражданский подвиг! Невольно мы вспоминаем теперь сказанные года три тому назад одной интеллигентной финляндкой наивные слова: «Все финляндцы одинаковые патриоты. На всех финляндцев смело можно положиться». Я скептически покачал тогда головой, но все же я тогда еще не мог себе представить, что вскоре целая партия окажется ненадежной и превратится в правительственную партию. Преступной агитацией старо-фенноманов и всевозможными коварными и жестокими мероприятиями агентов самодержавия в Финляндии об'ясняется довольно неудачный для оппозиции исход нынешнего призыва, точный отчет о котором мы дадим по окончании деятельности «призывных присутствий». Недальновидные «политики» и «дипломаты» старо-фенноманской партии добиваются во что бы то ни стало от финского народа добровольного отказа от самого могучего средства борьбы с российским самодержавием за политическую свободу — от средства, которого страшно боялись азиатские палачи. Высланные из Финляндии лица принадлежат к двум партиям: либеральной шведской [35] и демократической младо-фенноманской [36]; все они — по своему происхождению — представители высших, зажиточных классов, т. е. они — «господа», «бары». Но мы очень ошиблись бы, если бы мы подумали, что Бобриков и прочая братия церемонятся с представителями рабочего класса и крестьянства, с которыми они, бесспорно, все время заигрывают. Эту весну в разных местностях Финляндии было арестовано немало мнимых «агитаторов» по вопросу о воинской повинности, среди которых были, главным образом, рабочие и интеллигентные крестьяне. Обращение с подобными «политическими арестантами» поражает своей жестокостью даже и нас, русских борцов, неизбалованных делекатным обхождением наших держиморд. Так напр., у одного зажиточного крестьянина недалеко от г. Котки в мае был произведен самый основательный, но не давший никаких результатов, обыск, после которого хозяину заковали руки в оковы и отвезли сначала в Котку, где городовые вели его по городу, точно разбойника, в оковах, а затем в г. Выборг. К двум арестованным рабочим в Гельсингфорсе на допросах в полиции применялись чисто русские коварные приемы, чтобы их заставить выдать сообщников. Но оба эти рабочие оказались стойкими борцами за свободу, и через неделю они были освобождены. Подобные случаи ясно показывают всему фабричному и крестьянскому пролетариату, насколько он может полагаться на своих благодетелей — Бобрикова, Дейтриха, [37] Кайгородова [38] и пр., являющихся и «кормильцами» и «освободителями» его «от гнета» эксплоататоров-помещиков. Русским властям кажется недостаточным изгнание финляндских благородных граждан из отечества, они стараются всячески мстить им и после их от'езда. Мы сообщали в последней статье об аукционе в имении барона Борна, от которого они не могли иначе добиться незаконного штрафа за отказ в подчинении «закону» Куропаткина о воинской повинности. На следующий день — 13 мая (н. ст.) — в его имении был произведен второй обыск, во время которого «блюстители порядка» ломали замки и пр.; они в трех больших ящиках увезли частную переписку барона с его женой и т. п. По прикизанию так наз. губернатора Кайгородова была закрыта в Гельсингфорсе издательская фирма, носившая имя высланного бывшего книгопродавца Хагельстама, но фактически принадлежавшая давно акционерному обществу. Вот несколько примеров грабежа и разбоев русских опричников в Финляндии, конституции которой, гарантирующей личную неприкосновенность всем гражданам, так недавно еще присягал наш «благополучно царствующий Ника-Милуша. Таково «царское» слово! Отставки попрежнему сыпятся, словно из рога изобилия, на всех порядочных финляндских чиновников; теплые местечки уготовляются русским ташкентцам. В нынешнем письме мы в нескольких словах расскажем о весенних рабочих демонстрациях, состоявшихся 1 июня (нов. ст.) в некоторых финляндских городах. Особенно грандиозным рабочий праздник был в Гельсингфорсе. Финляндская рабочая партия избрала по разным соображениям (климат и др.) начало июня для рабочих демонстраций, тогда как интернациональный рабочий праздник 1 мая финляндские рабочие празднуют торжественными заседаниями своих союзов. В этом году 1 мая рабочие, по крайней мере в Гельсингфорсе, во всех промышленных предприятиях были освобождены от работы. Демонстрация 1 июня (второй день Троицы) в общем ничем не отличалась от прошлогодней. Обрусители Финляндии, разыгрывая роль друзей народа и не желая слишком озлобить против себя организованных рабочих, с разными ограничениями допускают в Финляндии рабочие демонстрации, отличающиеся, разумеется, мирным характером. Впрочем, в этом году были отменены демонстра-

ции в Бьернеборге и Котке «против желания рабочих», как осторожно выражаются подцензурные финляндские газеты, В Выборге на демонстрации не произносилось речей, а читались отрывки из «Эрфуртской программы» (допущенной цензурой в Финляндии), декламировались стихотворения и т. п. В одном лишь Таммерфорсе полиция разрешила рабочим оркестрам играть в самом городе, тогда как в Гельсингфорсе, Або и др. такая роскошь допускалась за городом. Но возвратимся к гельсингфорсской демонстрации. В девятом часу на огромной Железнодорожной площади собрались со своими роскошными красными знаменами до 56 различных союзов и обществ — всевозможных общих и профессиональных, мужских и женских союзов рабочих и несколько обществ трезвости. Построившись по четыре человека в ряд, в том порядке, который определили по жребию главные распорядители демонстрации за несколько дней и опубликовали заблаговременно в рабочих газетах, члены союзов с особыми демонстрационными значками со своими руководителями, повсюду заметными, благодаря своим широким красным лентам, с двумя оркестрами, хорами и 17 знаменами во главе, в $9^1/_2$ час. торжественно двинулись по главным улицам финляндской столицы в соседний лес. Масса публики повсюду с любопытством глядела на грандиозное зрелище. Картина на самом деле была величественной. Полиция сопровождала демонстрантов якобы для поддержания порядка, но рабочие сами соблюдали образцовый порядок. В процессии участвовало до 6.000 человек, а на месте праздника собралось до 15.000 чел. Здесь были устроены особые эстрады для ораторов, дешевые буфеты и пр. Финские и шведские рабочие поместились в разных местах на живописной горе, покрытой сосновым лесом. Участие многих представителей финляндской интеллигенции в процессии (напр. до 20 студентов) и в рабочем празднике свидетельствует о возникновении за последнее время живого интереса в интеллигентном финляндском обществе к рабочему движению и социализму вообще. На празднике было произнесено несколько превосходных речей об общем избирательном праве (в Финляндии, благодаря старинной сословной организации народного представительства, высокому имущественному цензу и т. п. «лестнице голосов», рабочие не имели на сеймах своих представителей), о 8-часовом рабочем дне, о борьбе с пьянством и пр., декламировались и пелись социалистические стихотворения и песни и т. п. Но ораторы не смели в своих речах освещать нынешнего печального состояния родины, — на это, конечно, не последовало полицейского разрешения. В общем демонстрация имела большое просветительное значение: огромные массы просвещались учением социализма и проникались чувством солидарности интересов интернационального пролетариата. Подобные демонстрации, но в меньших размерах, состоялись в Таммерфорсе, Або, Выборге и Ганге. *[В. М. Смирнов]*

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. 10 мая на бумагопрядильной фабрике Воронина, что на Выборгской стороне, началась стачка. Там работает около 800 чел., из которых мужчины составляют лишь незначительное меньшинство. Множество злоупотреблений давно переполнило чашу терпения рабочих, но в данном случае поводом к забастовке было выставленное ими требование о прекращении работ по субботам в два часа вместо шести (это уже введено на Невской ниточной мануфактуре). В субботу, 10 мая, рабочие не пошли на обед, а оставались на фабрике до 2 часов, после чего разошлись. На фабричном дворе собралась толпа, приехал фабричный инспектор, но переговоры не привели ни к чему, так как хозяин не хотел уступить. В понедельник было у рабочих небольшое собрание (человек 20 — 30), на которое наш Комитет послал двух ораторов. Они обсуждали с рабочими способ ведения стачки, а затем говорили речи на общие политические и социальные темы, говорили о необходимости организации, советовали читать нелегальную литературу и т. д. Речи были встречены очень сочувственно. После того было еще 2-3 таких же собрания, и на них приступлено к организации фабричного комитета. В пятницу Комитет распространил там изданный по поводу стачки листок, в 300 экз. Между тем, волнение передалось соседней фабрике Лебедева, где рабочие выставили аналогичное требование (когда к Лебедеву приехал фабричный инспектор и начал убеждать рабочих, из толпы ему крикнули: «рассказывай сказки у Воронина!»). Полиция произвела несколько арестов среди рабочих. Комитет поддерживал рабочих во время стачки деньгами. У Лебедева рабочие добились исполнения своего требования. У Воронина же после того, как часть рабочих получила расчет, остальные принялись за работу на прежних условиях.

С.-Петербург. С завода Лесснера. (Из письма рабочего). 24 марта здесь были распространены прокламации. По этому поводу приезжал фабричный инспектор и имел собеседование с рабочими, которые жаловались ему на сбавку расценков, на слишком продолжительный рабочий день и на обыски. Последние, по его словам, быть может, будут отменены — вопрос этот теперь разрабатывается. Через год или два он посулил и сокращение рабочего дня. Что касается до расценков, то на это воля хозяйская. Поговорил о рабочих старостах, которых-де предполагается установить по выбору рабочих для ведения переговоров с хозяином и для контроля за штрафным капиталом. В заключение «предостерегал от тех людей, которые наталкивают на политическую борьбу: дескать, это дело вам неподходящее и царями вас не выберут, а только будете представлять из себя пушечное мясо».

Кострома, 25 мая. На бумаготкацкой фабрике Бельгийского Акционерного Общества заработок ткачей всегда был крайне низок (не больше 30 — 35 коп. в день). После Пасхи они решили перейти с поденной платы на сдельную, надеясь вырабатывать больше. Вместо этого заработок пал до того, что 15 коп. стали считаться солидным заработком. Заработок взрослых женщин не превышал 9½ коп. в день (!). Помимо того, администрация стала переводить с менее сложных работ на более сложные, сохраняя прежний расценок. Рабочие обратились к фабричному инспектору, но тот заявил, что «это не его дело». В ночь на 1 мая были распространены местным Комитетом майские листки. 5 мая рабочие оставили работу и толпой человек в 500 отправились к губернатору, требуя его вмешательства. Тот предложил им уйти на фабрику и выбрать депутатов. Рабочие отказались, боясь, что их арестуют. 6 мая губернатор был на фабрике и говорил с рабочими. Рабочие потребовали увеличения расценков и удаления одного из директоров, человека очень грубого. 7 мая ждали обещанного губернатором ответа, но его не последовало, и рабочие отправили к нему депутатов. 8 мая пронесся слух, что рабочие, отправленные к губернатору в качестве депутатов, арестованы. Часов в 11 толпа рабочих, человек в 500, собралась около фабрики товарищества; среди них было много женщин. Произошла первая стычка с полицией. Какой-то пристав вступился за избитого рабочими директора, замахнулся шашкой на одного из стачечников. Тотчас его избили и отбросили в сторону. Отправились к губернаторскому дому. Оказалось, что губернатор уехал. Крик «да здравствует свобода!» был здесь подхвачен гром-

ким «ура!». Рабочие через весь город прошли к тюрьме освободить арестованных, но тюремная администрация уверила их, что рабочих депутатов (арестовано 15 чел.) у нее нет. Шествие отправилось дальше. Около полицейского управления раздалось «ура!» и взвилось красное знамя; пели «Марсельезу», по рукам ходили прокламации, женщины выкидывали красные платки. Отбить знамя полиции не удалось, но около часу дня ей удалось разогнать толпу. Началась дикая расправа. В избиении приняли участие подоспевшие солдаты (несколько рот). Рабочих били, связывали веревками и отправляли в участки и губернское управление. Избиение продолжалось в губернском управлении на глазах присутствовавших тут чинов местной администрации... Здесь имел место такой эпизод: приводят женщину в последней стадии беременности. Жандармский полковник Кемпе грубо ее спрашивает: «как твоя фамилия?», та отвечает: «сам брал, сам и должен знать фамилию» (так отвечали многие рабочие). «Я тебя в тюрьме сгною, такая-сякая!». «Не боюсь тюрьмы, все равно на воле с голоду умирать». В ответ на такую «дерзость» работница получает от озверелого Кемпе пощечину. Даже иссушенные сердца чиновников не выносят такой сцены: один из них поднял на Кемпе руку и хотел его ударить, но его удержали и вывели в нервном припадке. Двое других, бледные и в слезах, покинули комнату. К 15 мая арестованных было 60 рабочих и 2-3 интеллигента.

Имевшая место стачка-демонстрация особенно интересна, во-первых, тем, что главная роль в ее организации принадлежит самим же рабочим, а во-вторых, ярким проявлением в ней тех особенностей переживаемого момента, которые простую мирную стачку неминуемо превращают в настоящую политическую демонстрацию. Впечатление от бывшей демонстрации громадно. Ярославским Комитетом выпущена прокламация об этих событиях.

Рабочие Зотовской мануфактуры одновременно потребовали введения некоторых улучшений. Им тотчас же уступили. Несколько ранее была в Костроме же стачка на Кашинской фабрике — требовали увеличения заработной платы. Помирились на компромиссе, но рабочие оказались обманутыми.

* * *

Следующие, более новые сведения, заимствуем из одного частного письма: «... 8 мая рабочие устроили по городу манифестацию со знаменем, песнями и прочими аттрибутами. Прошли через весь город, отбиваясь от полиции и жандармов, до острога, где много сидит их товарищей, и обратно. Примыкали к демонстрации и посторонние лица, арестованы двое студентов. Во время манифестации были многие жестоко избиты, и одна женщина восемнадцатого числа от побоев умерла в больнице. Вызванные войска не принимали участия в усмирении, благодаря сдержанности губернатора. После этого до 19 мая все было спокойно. В этот же день к стачечникам по окончании работ примкнули рабочие других фабрик—Кашина, Зотовых и Чумакова. Квартиры администрации фабрики были разгромлены, полиция и жандармы смяты. Приехавшего для увещания губернатора встретили градом камней. Фабрика была занята войсками. На рассвете другого дня полиция принялась за аресты: вламывалась в дома и забирала всех. Тюрьма, части и кладовые полны арестованными, жестоко избитыми и, говорят, даже оставленными без пищи.

«С этого дня схватки идут каждую ночь. Все фабричные кварталы страшно озлоблены. К рабочим выходят на помощь ремесленники и мелкие торговцы. Третьего дня полуроту солдат, пошедшую на штыки, встретили таким градом камней, что солдаты опрометью бежали на фабрику. У восставших имеется более 20 охотничьих ружей и много отнятых у полиции револьверов. Мостовая на Солдатской и Власьевской улицах разобрана и камни пошли в качестве оружия. Убито несколько жандармов, сильно избит один офицер. На фабрике, говорят, было четыре трупа рабочих, кроме того, на улицах многие получили смертельные раны. Убит один лавочник во дворе своего дома выстрелом городового через забор. Сегодня ночью были слышны залпы.

«Виновники беспорядков, бельгийцы-директора, по настоянию губернатора, убрались из Костромы. Что будет дальше, не знаю, но если правда половина того, что рассказывают про действия жандармов и полиции, то вряд ли скоро утихнет озобление рабочих, теперь направленное исключительно против этих мерзавцев. Рабочие терпят большую нужду».

* * *

Из третьего сообщения о тех же событиях:

В январе 1903 г. была сделана попытка понизить заработную плату; это вызвало забастовку части рабочих в половине марта, но дело было улажено мирным путем и довольно скоро. Кроме того, были выписаны на фабрику новые машины для узорчатого тканья, на которых костромские непривычные к ним ткачи вырабатывали очень мало: так, при расчете посдельно получили за 2 недели по 1½ руб. Вначале рабочие хотели уладить дело мирным путем и отправились к губернатору, но его не оказалось дома, тогда пошли к вице-губернатору, тот вышел и поговорил с ними, но никаких результатов рабочие не добились.

Утром 20 мая войска выступили из Костромы в лагери. В Костроме два батальона — один из них уехал в Ярославль, другой в Нижний-Новгород; осталась только конвойная команда. 20-го же, около 9 часов вечера, рабочие с Б. М. начали собираться на улице недалеко от фабрики, к ним присоединились рабочие с соседних двух фабрик т-ва бр. Зотовых и т-ва Костр. льняной мануфактуры, так что образовалась толпа около 5.000 человек; прежде всего прервали телеграфное и телефонное сообщение с городом (фабрика стоит на окраине города), потом выбрали камни из мостовой, запаслись кирпичами с находящейся недалеко постройки, и все это полетело в здания, принадлежащие фабрике, перебили все окна. В одиннадцатом часу прибыла конвойная команда и отряд городовых. На другой день прибыли обратно в Кострому две роты, на третий еще одна. Беспорядки продолжались по вечерам с девяти часов еще 22-го и 23-го. Солдаты стреляли в воздух, но все-таки есть раненые с той и другой стороны—у рабочих было несколько револьверов. Ранено несколько человек, совсем непричастных к делу. В настоящее время фабрика охраняется солдатами. Аресты рабочих продолжаются. По некоторым сообщениям, 21-го на улице был выкинут красный флаг.

Тверь. Тверским Комитетом майские листки О. К. были распространены дважды: и по старому и по новому стилю. В оба раза их было распространено до 7.000. Из «распространителей» с поличным никто задержан не был, но на другой день было произведено среди рабочих до 15 обысков и арестовано 5. Двое, впрочем, были скоро освобождены. Рабочая организация не задета. От иных форм празднования Комитет отказался по достаточно веским причинам. По отзывам широкой публики листков было «чрезвычайно много», «везде они есть». Среди рабочих они вызвали брожение. На Морозовской и Берговской мануфактурах стали поговаривать о стачке. Тогда Комитет выпустил листок к рабочим фабрики Берга. Полиция немедленно приняла ряд мер, набили все этажи городовыми. «От станка не давали отойти», — передавали рабочие. На этой мануфактуре большинство — женщины, элемент консервативный. Стачка не вышла.

Вообще и обыватели и власти ждут «бунта». Поднимался вопрос о том, чтобы совсем не уводить войск в лагерь, и оставлена двойная охрана. Листки попали и в деревни, вызвали много разговоров все о том же «бунте». По содержанию, разумеется, эти листки туда не вполне подходят.

Майские листки были распространены также и в Новоторжском уезде на писчебумажной фабрике Кувшинникова и стеклянном заводе. Произвели они громадное впечатление не только на рабочих, но и на всю округу. Дом весьма непопулярного земского начальника Полторацкого весь был заклеен ими. Наезжали туда «голубые», но ничего не нашли. Но самый крупный успех достался на долю Вышнего Волочка. Там находятся три бумагопрядильных мануфактуры. Две из них прохоровские, на одной (так называемой «Таболке») 3.500 рабочих, на другой («Солдатке») около 900, большею частью женщины. Третья мануфактура принадлежит Рябушинскому, на ней до 4.000 раб. Порядки на них издавна царили безобразные... Не довольствуясь

«нормальным» рабочим днем, фабрики пускали паровую раньше, останавливали позже, выгадывая ежедневно по ¾ ч. лишнего. Расценки систематически понижали, особенно с 1901 г., ссылаясь на промышленный кризис. Были и другие милые особенности в выдаче заработной платы, которые сильно раздражали рабочих. Так, литейный мастер получал жалованье не от конторы, а из цеховой платы всей мастерской (конечно, львиную долю). Или, например, подносчики основ за подачу их ткачихам не получали жалованья, должны же были брать «из рук» 5 коп. Штрафы брали беспощадно за все, что можно. На Прохоровской мануфактуре с 1898 г. накопилось 16.000 рублей штрафного капитала. Пособия же из него выдавали таким образом: в книжке писали 10 р., а выдавали рубля 2 — 3. Штрафовали за неявку на работу по болезни (хотя при фабрике врача нет, выдать свидетельство некому): называли такие пропуски «пьяными» днями. Грабили рабочих на браковке, на товарах потребительной лавки, обмеривали при приемке куска ткани аршина на четыре, а то и на семь. Последнее обстоятельство установлено фабричным инспектором и прокурором. Возмутительно было отношение администрации к рабочим. Директор Рябушинской мануфактуры Ганьшин, пробыв всего три месяца, успел снискать общую ненависть. Грубо обходился с рабочими мастер механической на Прохоровской мануфактуре Кудрявшев. Мастер Степанов и директор Горожанский (Прохор. ман.) не давали прохода красивым работницам, «завели свой гарем», по выражению рабочих... Но со времени большой стачки в первой половине 90-х годов ни одна попытка борьбы не потревожила покоя хозяев и властей. В январе 1903 г. был там арестован рабочий Смирнов, проживавший по нелегальному паспорту.

В апреле Тверской Ком. имел сведения, что в Вышнем Волочке неспокойно. В ночь на 1 мая он распространил там свыше 500 шт. майских листков. Они произвели сильное впечатление. «На улицу!» раздалось на всех трех фабриках. Сперва забастовали прохоровские прядильщики (первого числа); второго к ним присоединились ткачи и Рябушинская фабрика; третьего мая забастовали мастеровые. До четвертого мая рабочие большими толпами собирались на площади перед фабрикой и сообща выработали свои требования, не подпуская полицию. Главные требования были: 1) девятичасовой рабочий день, под праздники восьмичас.; 2) отчетность в штрафных капиталах; 3) повышение заработка на 20%; 4) устройство библиотек при фабриках и некоторые другие, более мелкие. Рабочие забастовали замечательно выдержанно и спокойно. Как водится, прилетели все власти, стали убеждать рабочих стать на работу, те стояли на своем. Вызвали шесть рот войска и перевели весь город на военное положение. Везде ходили патрули, останавливали и опрашивали проезжающих. Небывалое зрелище представлял Волочок в свои «майские дни». Весь город говорил о стачечниках; сочувствие обывателей на их стороне.

Войска скоро убрали, а рабочим об'явили расчет. Стали гнать с хозяйских квартир, высылать под конвоем старост по деревням. Но рабочие вновь возвращались, настроение среди них держалось твердое, боевое. Товарищ, которому Комитет поручил исследовать положение дел на месте, вынес превосходное впечатление. «Не сдадимся, будем бороться до последней крайности», слышал он на каждом шагу *.

С 8 мая Прохоров пошел на уступки, сначала мелкие. Рабочие не сдались. В тот же день среди стачечников были распространены листки Комитета с призывом продолжать стачку. Они сильно поддержали настроение. 14 мая Прохоров вывесил новые уступки, подписанные фабр. инспекцией: повысил расценки на 15%, дал обещание не притеснять отпусками, пред праздниками кончать не в десять час., а в шесть. Но прядильщики уперлись, требуя платы за сбавленные часы рабочего дня. 14 мая появились вторично листки Комитета. 18-го Прохоров удовлетворил последнее требование, и с 19-го фабрика пошла. На уступчивость его сильно повлияла вынужденная остановка его большой ткацкой фабрики при ст. Подсолнечной, которая работает пряжей с «Таболки».

Рябушинские рабочие сдались 14-го, выиграли пустяки — повышение заработной платы на 5% и облегчение штрафов.

Но Прохоров поступил, как заправский мошенник. Видя, что рабочие истомились продолжительной стачкой (его служащие раз'езжали во время стачки по городу и просили закрыть рабочим кредит во всех лавках), числа 21-го он об'явил, что «никаких уступок им не будет», и убрал об'явление об уступках. Рабочие 22-го опять забастовали. Но борьба была им уже не под силу, и они на другой день сдались. До чего велики были лишения их во время стачки, видно из того, что среди них констатированы случаи цынги.

На этот раз вышневолоцкие рабочие проиграли битву капиталу. Но они поймут зато, что одна экономическая борьба не даст надежной гарантии их праву на человеческое существование. Их неудача, надругательство Прохорова открыли многим из них глаза. И если мы прибавим к нашему счету удивительную выдержку и дисциплину, которую они проявили, то не будет большой смелостью сказать: от «майских дней» в Вышнем Волочке не так уже далеко до «ноябрьских дней» в Ростове!

P. S. В корреспонденции из Твери в № 39 «Искры» грубая ошибка: на Морозовской мануфактуре не до тысячи рабочих, как ошибочно напечатано, а до двенадцати тысяч рабочих.

Одесса. 1 мая в железнодорожных мастерских забастовали 278 рабочих, из них 150 с семьями устроили маевку за большим вокзалом. Явился околоточный с городовыми и потребовал разойтись, так как «не полагается» и «траву мнете». Рабочие ответили, что не буйствуют, и владелец дачи разрешил сидеть на траве. Околоточный удалился, оставив стражника. Пели революционные песни и говорили речи о «независимых». В 12 часов полиция приказала запереть все ворота. На улице задерживали подозрительных. Между прочим, задержали двух евреев и, когда на вопрос «откуда?» они ответили «из Кишинева», полиция избила их и отправила в участок. Около двух часов на балтской дороге стали собираться рабочие, созванные социалистами-революционерами на собрание. Появилась конная полиция, которая задержала 29 человек. В то время как их вели по Московской улице, толпа евреев-лавочников набросилась на арестованных (из них 19 человек евреи) и нещадно избила их, при этом убит булочник Дмитрий Казагранде. У кожевенного завода толпа рабочих сделала попытку отбить арестованных, но околоточные и городовые угрожали стрелять. Один рабочий с криком «долой самодержавие» ударил околоточного по лицу и вместе с другими был отправлен в участок, где многих страшно избили. По городу 1-го и 3-го расставлены войска. Сионисты выпустили листки, в которых доказывают, что правительство не при чем в Кишиневском погроме, что евреев ненавидят все, что им нечего мечтать о равенстве... и нужно итти к ним, сионистам.

P. S. В каменоломнях из 2.000 рабочих работали едва 200 человек. На кожевенных и стекольных заводах не работало большинство. Бастовали многие ремесленные мастерские. «Независимые» выпустили листки, в которых приглашали работать, чтобы показать, кто стоит за правительство. Листки раздавали на глазах у полиции.

Белосток. 19 и 20 мая у нас были внушительные манифестации. В первый день еврейских праздников толпа в 600 человек, возвращаясь с собрания, торжественно прошлась через городской лес, где бывает обыкновенно больше народу, чем в самом городе, и по некоторым улицам с песнями «Вихри враждебные», «Падение Бастилии» и с криками «долой самодержавие», «да здравствует социализм», после чего все мирно разошлись. На следующий день в лесу состоялось массовое собрание из двух-трех тысяч человек. На обратном пути повторилось то же, что в предыдущий день. Вся масса представляла собою одну сплошную стену. Красиво было смотреть, как вся эта масса шла в полном порядке, как один человек. Из всех

---

* Арестовано было 14 «вожаков». На добычу жандармы шли не иначе, как под охраной взвода солдат.

домов выбежали смотреть на эту процессию. Полицейские боялись подходить к толпе и прятались.

Орша. В субботу, 30 мая, состоялось собрание рабочих в лесу, в восьми верстах от города. Говорили несколько ораторов из интеллигенции и из рабочих на разные темы. Собрание продолжалось от часу дня до девяти вечера, после чего все отправились в город с революционными песнями и возгласами. Настроение было приподнятое, возбуждение сильное, особенно у сочувствующей интеллигенции.

Здесь стачка столяров; бастуют 37 человек. Требуют обратного приема товарищей, уволенных в качестве «зожаков» движения, сокращения рабочего дня и пр. Нужда сильная. Сочувствующая интеллигенция помогает стачечникам.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОБЕДА В ГЕРМАНИИ

16 (3) июня состоялись в Германии выборы в рейхстаг. Они доставили новую победу германской социал-демократии, а, след., и всему делу международного социализма, во главе которого стоит великолепно организованная, дисциплинированная и об'единенная строго-выдержанной программой германская рабочая партия.

События последнего года и, главным образом, борьба против таможенного законопроекта, которую вели в парламенте социал-демократы, придали особое значение нынешним выборам. Реакционное большинство рейхстага приняло проект об увеличении пошлин на ввозный хлеб, т. е. законопроект об обложении всего городского населения налогом в пользу помещиков и достаточного крестьянства. Парламентская борьба соц.-демократии, которая прибегла к обструкции, не увенчалась успехом: законопроект прошел благодаря ряду грубых насилий со стороны большинства, прошел при содействии большей части буржуазных либералов (свободомыслящих), которые прекратили борьбу против пошлин из предательских избирательных расчетов, — чтобы не лишиться на выборах поддержки аграриев и реакционеров в тех случаях, когда им приходится выбирать между либералами и социалистами. Соц.-демократы, оставшись одни в борьбе за кровные интересы всей неимущей части населения, были всячески очерняемы в глазах избирателей: имущие классы, католическое и протестантское духовенство и сам император приняли участие в травле социалистов. Император Вильгельм старался особенно много: вопреки всем конституционным обычаям, он призывал рабочих покинуть, наконец, соц.-демократию, суля им всякие милости и соблазняя мыслью о «чисто-рабочих» депутатах, которые будут представлять подлинные интересы рабочих и которым обеспечено благоволение начальства.

Опираясь на недовольство широкой массы населения таможенным законопроектом, на разочарование в либералах, которое испытала масса буржуазных избирателей в виду их измены, — соц.-демократия развернула широкую агитацию во всех концах Германии. Но, сосредоточив борьбу на вопросе о таможенных пошлинах, соц.-демократия не покинула строго-классовой точки зрения, не оставляла в тени своих социалистических задач. В бой она выступила независимо от всех других партий, выставляя кандидатов во всех избирательных округах, даже в тех, где она не имела шансов провести своего кандидата. Подсчет социалистических голосов ей важен ничуть не меньше, чем такой практический результат, как ослабление реакционного большинства рейхстага.

Этот подсчет голосов, доверяющих свое политическое представительство революционной партии пролетариата, совершается в Германии более тридцати лет и позволяет с математической почти точностью судить о развитии классовой борьбы в Германии, о приближении социалистов к окончательной победе.

В первом парламенте Германской империи (в 1871 г.) соц.-демократы имели за собой (в круглых цифрах) 120 тыс. избирателей, в восьмидесятых годах (1881 г.) — 310 тыс., в начале девяностых годов (1890 г.)—1430 тыс. В нынешнем году за них подано три миллиона (3.008.000) голосов, приблизительно около трети всего населения, имеющего право голоса. За пять лет, прошедших со времени последних выборов (1898 г.), партия возросла на 900 тысяч голосов, т. е. на 42%. Этот постоянный прирост создается из новых сотен тысяч пролетариев, оторванных капитализмом от собственного хозяйства в земледелии и ремесле; из отчаявшихся добиться чего-нибудь при современном строе крестьян и ремесленников; из пробудившихся впервые к сознательной политической жизни наиболее отсталых слоев рабочего класса в городе и деревне; наконец, из той части демократической интеллигенции и буржуазии, которая покидает либералов, видя их полную неспособность бороться за дело свободы, и переходит к социалистам, как единственной партии будущего. Рост организации сознательной части пролетариата и рост ее влияния на все угнетенные и недовольные слои населения — вот о чем говорят нам эти красноречивые цифры.

Еще красноречивее звучат цифры, показывающие рост партии по отдельным районам Германии. Во всей Пруссии соц.-дем. голоса возросли за 5 лет с 1.142 тыс. до 1.647 тыс., т. е. на полмиллиона, или на 43%; в Берлине с 155 тыс. до 218 тыс. (41%), а в провинции Бранденбург (район Берлина) с 162 тыс. до 242 тыс. (50%). В Вестфалии и Рейнской провинции — в том промышленном районе, где до сих пор соц.-демократия была представлена всего слабее, благодаря тому, что масса рабочих до сих пор находилась под влиянием ловких католических попов и на выборах неуклонно голосовала за партию центра (клерикалы), в этом районе соц.-демократия с 189 тысяч голосов выросла до 346 тыс. т. е. на 83%. Наконец-то, пробита крупная брешь в твердыне самой зловредной и самой сильной реакционно-буржуазной партии центра, — единственной, которая еще пользовалась влиянием на часть рабочего класса! В Баварии число соц.-дем. голосов поднялось с 138 тыс. до 212 — на 52%, в Бадене — с 50 тыс. до 79 тыс. (58%), в Виртемберге — с 62 тыс. до 100 тыс. (61%): в этих земледельческих районах мелкие крестьяне, отчаявшись в помощи со стороны правящих классов, переходят понемногу на сторону партии пролетариата.

Но всего внушительнее, всего грознее рост социалистического движения в Саксонии — этой самой промышленной части Германии, этой колыбели германского соц.-демократического движения. Здесь уже в 1898 г. за соц.-демократию было подано почти триста (299) тыс. голосов — около половины всего числа избирателей. Те-

перь за нее подано 443 тыс. (возрастание на 48%). За социал-демократов подано на 150 тыс. голосов более, чем за все прочие, т. е. чем за все буржуазные партии. Большинство саксонского населения высказалось за социализм точно так же, как большинство населения Берлина, Гамбурга и многих других крупных городов Германии.

Если бы в германском парламенте политические партии были представлены соответственно количеству голосов, поданных на выборах, социал-демократия имела бы более $^1/_3$ депутатов (130 чел.). Но благодаря неправильному распределению избирательных округов, сельские округа выбирают по одному депутату на 15 — 20 тыс. избирателей, городские же — по одному на 50, а то и все 100 тыс. Поэтому число социал-демократов в парламенте будет значительно меньше указанной цифры. Пока с первого раза избрано 56 социал-демократов, из них 15 в таких местах, где прежде были избираемы депутаты иных партий. В столице — Берлине из 6 округов в пяти сразу прошли социал-демократы и только в одном, самом богатом, округе Берлина либералы еще надеются отбить у социалистов место в парламенте. 12 (25) июня состоятся перебаллотировки в тех округах, где с первого раза ни один кандидат не получил абсолютного большинства (т. е. более половины всего числа голосов). В этих округах перебаллотировка происходит между теми двумя кандидатами, которые в первый раз собрали каждый больше голосов, чем остальные. Таких округов осталось 180, из них в 121-м выборы будут происходить между соц.-демократами, с одной стороны, и буржуазными кандидатами — с другой. Вероятно, после перебаллотировок соц.-демократы выиграют еще 20 — 30 мест в парламенте, так что общая их численность будет 80 с лишним*. До сих пор их было всего 58.

Мы постарались дать картину той победы, которую наша партия одержала на германских выборах. К подробностям этого события мы еще вернемся, когда избирательная борьба закончится. Здесь еще раз отметим, что победа 3 июня есть победа всего пролетариата целого мира. Чем быстрее растет сила социал-демократии в Германии, тем ближе тот момент, когда второе по величине и значению европейское государство станет действительно свободной страной, страной, вполне демократической. Будет ли эта перемена в Германии достигнута «мирным» путем, или германские правящие классы постараются задержать рост пролетарского влияния каким-нибудь государственным переворотом и тем вызовут революционное восстание германского народа, — в том и другом случае падение реакции в Германии и превращение ее в свободную демократию окажет громадное влияние на внутренние дела всех европейских стран и — прежде всего — России.

Социалистические партии всех стран понимают всемирное значение победы германской социал-демократии и выразили это материальной поддержкой, которую они оказали немецким товарищам на ведение избирательной агитации. По соглашению с Орг. Ком. редакция «Искры» внесла от русской соц.-демократии 500 мар. (250 руб.) в избирательный фонд германских товарищей.

[Свиягин]

* Статья была набрана, когда телеграф принес известие, что после перебаллотировок число избранных соц.-демократов дошло до 82.

ИЗ ПАРТИИ

От Сибирского соц.-дем. Союза (письмо в «Искру»). Товарищи! В январе 1903 г., как вам уже известно, Сиб. Союз заявил себя Комитетом Партии, выразил свою полную солидарность с «Искрой» по вопросам теории и практики революционной борьбы и признал эту газету своим руководящим органом. После этого заявления, напечатанного в собственной типографии Союза, агитационная деятельность организации выразилась в след. К первому марта был выпущен листок № 1, по поводу казни Александра II, раз'ясняющий, за что был убит царь-«освободитель» и кто такие были его убийцы. Заканчивается он указанием, что теперь, когда на историческую сцену выступил истинно-революционный класс — русский пролетариат, под знаменем революционной социал-демократии, ему предстоит и он способен совершить иное дело: казнить не царя, а русское самодержавие. В этом же месяце выпущен листок № 2 с перепечатанным из «Искры» заявлением Организационного Комитета. В этом листке Союз выражает свою искреннюю радость по поводу этого события и свою готовность всеми силами способствовать начинаниям Орг. Комитета. В марте же месяце выпущено еще четыре листка: № 3 — перепечатка тайного циркуляра ген. Сухотина с послесловием от Союза; № 4 — к гражданам: о томской демонстрации 18 февраля; № 5 — о царском манифесте 23 февр.; № 6 — под названием «Царская памятка», представляющий краткий доклад царю о соц.-дем работе, о рабочем движении по линии сибирской магистрали и томской демонстрации 20 февраля (в дополнение к верноподданническому докладу г. Витте о постройке великой Сибирской дороги). В следующем месяце, апреле, Союзом распространено семь прокламаций, которые все являются приуроченными уже к первому мая (18 апр.). Прокламация № 7 написана на тему: для чего нам нужна политическая свобода; № 8 — о международности соц.-демократического движения и о том, что предстоящее политическое освобождение России есть акт международного значения (как № 7, так и № 8, с картиной, изображающей в малом виде известную «пирамидку»); № 9—к обществу, в виде письма с требованием добровольно освободить от работы в день 18 апреля всех служащих по найму (красные); № 10 — о демонстрациях: что такое демонстрации и для чего следует их устраивать (напечатана в типографии Красноярского Комитета); № 11 — на тему: что такое первое мая, его происхождение и празднование; № 12 — к солдатам, по поводу первого мая; № 13 — первомайская (последние три изданы на красной бумаге). В дополнение к № 13 Союзом было издано более шести тысяч карточек с первомайскими требованиями. Всего же прокламаций, не считая только что упомянутых карточек, типографией Союза выпущено, начиная с 1 марта по 18 апреля, не менее 40.000 экз. Распространены они были (за исключением некоторых) в городах: Омске, Томске, Красноярке, Иркутске, Чите и во многих местах по линии Сиб. жел. дороги. Комитеты за это же время, в свою очередь, выпустили по несколько листков на местные и общие темы (техника: в красноярском и томском комитетах — типографии, в иркутском — ремингтон через мимеограф, в читинском — гектограф). Всеми комитетами — вскоре по выступлении Сиб. Союза с новым программным заявлением—были выпущены каждым свое особое заявление с выражением солидарности с принципиальными положениями, высказанными Союзом (подробные отчеты комитетов пока еще не получены Союзом).

Самыми выдающимися событиями надо считать, конечно, томские демонстрации: 18 и 20 февраля, и особенно 18 апреля, а затем огромное оживление среди учащихся средней школы, вызванное, без сомнения, ничем иным, как деятельной революционной работой сибирских соц.-дем. комитетов (уже известная вам история в Чите, забастовка Промышленного училища в Иркутске, история, подобная читинской, в иркутской мужской гимназии, забастовка жел.-дор. училища в Красноярске и некоторые другие).

День первого мая (18 апреля) повсюду прошел в напряженных ожиданиях и приготовлениях полиции, жандарме-

рии и войск. Тысячи листков и масса различных первомайских инцидентов чрезвычайно популяризировали пролетарский праздник по Сибири. Открытое выступление на улицу томских рабочих в день первого мая ясно показывает, что соц.-дем. агитация в Сибири упала на плодородную почву. Томскими демонстрациями заложен прочный фундамент для революционного дела в Сибири, и нашим комитетам предстоит много трудной, но славной работы. К сожалению, и у нас в Сибири, как это было почти повсюду, под'ем революционного настроения породил массу кустарей и кустарнических предприятий. Всевозможные соц.-дем. группы, кружки и органы вырастают, как грибы, лишь для того, чтобы в самом же скором времени прекратить свое существование по независящим обстоятельствам. Правда, в этих «независящих обстоятельствах» пока еще весьма мало фигурирует воля местной полиции и жандармов, но не надо быть пророком, чтобы предсказать близкое исчезновение старо-сибирской полицейской патриархальности. И тогда — наша раздробленность, наша (совсем недостойная революционера) страсть: непременно создать хоть плохое, да «свое», может оказаться (да, пожалуй, и оказывается уже) на-руку только полиции и шпионам.

Пользуясь настоящим случаем, мы со страниц «Искры» призываем всех товарищей, живущих в Сибири и желающих принять активное участие в разгорающейся борьбе, прежде чем начинать дело на собственный риск и страх, обращаться к существующим уже соц.-дем. комитетам и примыкать к ним, входя с ними в те или другие соглашения. Работы слишком много, и для всякого искренно жаждущего дела найдется обширнейшее поле для приложения его сил, избавляя его в то же время от храброго, но безрассудного выступления в бой против врага, закованного в железо, с простой дубиной.

Сиб. Союз-Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии всеми силами будет стремиться об'единить и централизовать революционную работу в Сибири под знаменем революционной соц.-демократии и превратить эту работу из местной, кустарнической, замкнутой в себе и разрозненной — в общерусскую, преследующую не местные узкие цели и задачи, а служащую, первым и главным образом, на пользу организации Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Сиб. Союз, вполне признавая авторитет Орган. Комитета, признает за ним право и на общепартийные функции, причем организацию местной работы считает необходимым возможно скорее поставить в теснейшую связь и живую зависимость от деятельности Орган. Комитета.

Сиб. С.-Д. Союз-Ком. Росс. С.-Д. Р. П.

Отчет кассы Союза: поступило с февр. 1903 г. по 18 апреля 1.141 р. 25 к.; израсход. 1.392 р. 80 к.; итого дефицит 251 р. 55 к. Из этих денег в орган. «Искры» и в Орг. Ком. 200 руб. Тип. Союза за это время издано: «Речь Алексеева» 1.500 экз., «С чего начать», статья из № 4 «Искры», 5.000 экз. и 45.600 прокламаций.

Заявление. Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса. С.-Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Мы заявляем, что: 1) группа лиц, выступившая из нашей организации осенью 1902 г., о чем она тогда же выпустила заявление за подписью Комитета Рабочей Организации и впоследствии 16 № «Рабочей Мысли», и 2) группа лиц, выступившая из нашей организации в конце февраля 1903 г. и выпустившая листок о кишиневских событиях (на мимеографе), майский (печатный) и еще некоторые за подписью С.-Петербургского Комитета, не имеют права, не нарушая постановлений с'езда 1898 г., присваивать себе первая — названия Союза Борьбы, а вторая — названия С.-Петербургского Комитета.

Май 1903 г.

С.-Петербургский Комитет.

Одесса. В течение апреля Ком. распространил прокламации: «Письмо из Томска» — 4 тысячи, «Манифест 26 февраля» — 4 тысячи, «О политической свободе» — 2½ тысячи, «О погроме» и «К обществу» — 2½ тыс., «К рабочим» — 4 тыс., майских Организационного Комитета — 9 тысяч, майских Одесского Комитета — 10 тысяч, «О погроме» Кишиневского Ком. — 1½ тыс., «О независимых» — 4 тыс. В мае: первого, поздравление, с 1-м мая — 5 тыс. и 14 мая «О самодержавии» — 1 тыс. Всего 50½ тысяч листков.

Поправка. В предыдущем номере, в статье «Польские социал-демократы о Бунде», вкралась ошибка: вместо «Przeglad Robotniczy» надо читать «Przeglad Social-demokraticzny» — название органа польских товарищей.

Вышли новые издания Лиги:

1. Л. Мартов. Рабочее дело в России, второе переработанное издание.
2. К. Каутский. Социальная реформа и революция

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Петербург. В мае в Доме предв. закл. сидело 271 политических, в Литовск. замке 5, в Петропавловск. креп. 16, в Выборгск тюрьме 43, итого 332 чел., из них 252 мужчин и 80 женщин. В течение апреля арестованы: бестуж. Абрамович, врач Ю. Алякритская, раб. Андронников, студ. Б. Альман, Влад. Аксбергер, Екат. Аминицкая, курс. Софья Беленькая, Ревекка Бурд, мед. А. Баранова и В. Вавилова; рабочие Д. Вавилов, А. Васильев и Эд. Вальтер, Елиз. Гарина, мед. Вал. Григорьева и Людм. Громозова, студ. Герасимов, Зин. Дешина, Роман Грибовский, Л. Драшинский, мед. Евстифеева, лесгафт. Ольга Куликова, мед. О. Косач, раб. Каргин, Д. Клебанова, Д. Кулашин, Калашников, Рахиль Крин, Коноплянников, Коноплянникова, лесг. Ляпидова, мед. Е. Малых, И. Митрофанов, Вас. Марков, Н. Медведников, М. Маслова, лесг. Н. Медведева, А. Моргулис, горн. Николаев и Никитин, М. Никитина, лесг. Пигат, раб. Пчельников и И. Покотов, Пиратинский, Полютис, Потылицына, Плюснин, раб. Равенко, Анна Рейхбаум, три брата Розенберг, Анна Рабинович, раб. Ив. Рощин, гор. Суздальцев, Андр. Славянов, мед. В. Соболев, студ. В. Соколов, раб. Стерних, студ. Тер-Махаянц, лесг. Тончевская, студ. Фраткин, Хабаров, студ. Хохлов, сестры Шнеерсон, братья Штейман, наборщ. Шофман, Яков Эпштейн, рабочие Белов, Богданов, Вересов, Ведерников, Карчевский, Макеш, Морозов, Михайлов, Некрасов; матросы Сафронов и Николаев. В крепости сидят офицеры Григорьев и Васильев, нелегальн. раб. Петерсон (один из деятелей «Сев.-русс. раб. союза» 1878 года), Завадский, Альтовский, Буланов, Крейнерт, Крайгер — из Саратова, Красовский, Меленчук, Серяков, Виноградов, Флегонтов (с апреля 1902 г.) и Ременникова. — Тифлис. К концу апреля в Метехском замке находилось 39 политич. заключенных, в том числе 8 интелл. и 31 рабочий. Некоторые сидят два года и больше, как, напр., Ипполит Франчески, 34 лет (с 10 мар. 1901 г.), Виктор Курнатовский, 36 лет (с 21 мар. 1901 г.), раб. Эрасто Чатладзе, 30 лет (с 16 апр. 1901 г.), раб. Влас Миладзе, 29 лет (с 8 ноября 1901 г.). 13 апреля арестованы: Виталий Блок, бывш. гимназ.; Георгий Телия, Иван Дурглишвили, Абрам Михадзе, Варлам Бакуа, Симон Гейдеров, Давнис, Зах. Даржуания, Иван Дзадзамия, Шакро Казахишвили, Георг. Татузов, Леонтий Золотарев, Закомолдин — рабочие. — Екатеринослав. В мужской тюрьме заключенных 27 чел.: Н. Берман, Клим Фролов, Гр. Микулин, Евг. Беззаботный, Илья Нептуль, Абр. Бромберг, Дав. Броковский, М. Тарнапоруцкий, Вас. Ромашкин, Ф. Романенко, Кузьма Павленко, Марахонин, Штагаренко, Вацлав Левашкевич, Вульф Маркович, Борис Кулимович, Лисянский, Арк. Горбунов, Б. Закс, Сам. Рабин, Вл. Цедербаум, Наум Гарбузенко, Пав. Рубан, Ник. Тарач, Наум Вейсман, Ив. Лебединик (крест., привезенн. из Лозовой), Абр. Шнейдер. Увезен в Петербург — Слоним, в Вост. Сиб. — Вера Гурари. В женск. тюрьме сидят: Воротинова, Глюк, Пресс, Цейтлин, Кальманович. Из арестованных

8 апр. на кварт. у Кальманович освобождены: Вульфович, Файнберг, Златкина, Гинзбург, Сафьян; М. Лурье, арестованный у Иловайского, также освобожден. — Петербург. Арестованы 16 мая: редактор «Спб. Ведомостей» Шрейдер, Лукомский, статистик Пешехонов, Ник. Иорданский, присяжн. пов. Гуковский, студ. Шенк, Жозеф, Клейнборт, студенты-путейцы Измайлов, Кулачковский и Комаров; лесгафтички: Фонарева, Самохвалова, Ушакова. — Кострома. В начале мая арестованы статистики Савин и Метелкин (последний на улице с майскими листками). — Иваново-Вознесенск. Пришли приговоры по местному делу 1901 года. Они поражают своей суровостью: четверо рабочих сослано на 4 года в Восточную Сиб. (между ними Карякин и Володина), семь человек — в северные губернии на срок от 3 до 5 лет. — Ярославль. В средине мая в местной тюрьме было 15 политических заключенных. Против тюремных условий заключенные протестовали голодовкой. Местный Комитет выпустил листки к обществу с разоблачением подвигов жандармерии и прокуратуры. — Херсон. В ночь на 30 апреля арестована г-жа Певзнер с братом. Найдены гектограф и прокламации на еврейском языке. — Ст. Лозовая, Екатеринославской губернии. 6 мая арестован у нас чернорабочий Иван Лебединик, 17 л. Подозревается в распространении нелегальной литературы в окружных деревнях. Отправлен в Павлоград в тюрьму. Полиция ищет у нас Исаака Яковлевича Лисовского и Марию Животинскую. У нас таких не было, очевидно, предписание из губ. города. — Пермь. 3 апреля были обыски: у И. А. Матвеева, Ткаченко, Савельевой (все служ. ж. дор.) и у Костаревой (служ. губ. зем. упр.). Никто не взят. На 22 апр. обыски: у Н. Б. Скворцова (бывш. студ.), у Вологдина (бывш. студ., взят), у Шесырева (бывш. студ.), у Ткаченко (служ. ж. дор.), Еловиковой (обыск произведен в ее отсутствии), у Янкевича (служ. ж. дор., взят), у В. Поповой (уч. фельдш. курс., взята). 30 апреля взят Рутман (интелл.) и Фрайкин (фельдш. уч.), последний через неделю выпущен. 3 мая взят рабочий Нестеров, но вскоре выпущен.

Приговоры. По делу демонстрации в Кишиневе (в сентебре 1901 года) сосланы: акушерка Роза Барг, работница П. Шрифтейлик, братья Мичник, Роза Фукельман, Станислав Пржевальский, — на 4 года в Вост. Сиб.; Фортун. Каминский — 5 л. Вост. Сибири; Антонина Глоба, привлекавшаяся сверх того по киевскому делу и просидевшая 20 мес., на 6 л. в Вост. Сибирь. По делу 1902 г. в Кишиневе муж и жена Годлевские сосланы в В. Сиб. на 3 года. Нелегальный Сергей Цедербаум, арестованный в дек. 1901 г. в Ковне по делу «Искры», приговорен к ссылке на десять лет в Вост. Сибирь. Сосланы в Вологодскую губернию: Гоппе и Дрешер — рабочие из Варшавы; Штейгер — студент из Варшавы; по нижегородскому делу 1901 г. — рабочие Шамурова (муж и жена); Булатова, портниха; Булатов. В Вологодскую и Архангельскую губ. сослано около 25 рабочих по делам Орехово-Богородской рабочей организации и ростовской стачки 1902 г. На три года в Архангельскую губ. сосланы студ. Литов и курсистка Львова, оба из Петербурга. На 5 лет в Архангельскую губ. — рабочий Тимофей Орлов, по серпуховскому делу (был раньше в Вятской губ. по делу Моск. Раб. Союза). На 5 лет в Вост. Сиб. сосланы студ.-лесник Дмитрий Зайцев (дело Спб. Союза Борьбы IV 1901 г.) и Ольга Давыдова (Звездочетова) из Казани. В. Давыдов, студ. Казанского унив., по местному социал-демократическому делу приговорен к 3 г. надзора. По костромскому соц.-дем. делу 1901 г. приговорены: на 4 г. Вятской губ. — слесарь Егор Иванов; 3 г. Вятской губ. — фельдш. Дмитрий Востров, техник Александр Врублевский (предатель); 3 г. Архангельской губ. — статистик Н. Грацианский и народный учитель Ник. Насимович; к 3 мес. тюр. закл.: статистик Василий Соколов, приказчик Д. Прянишников, садовники И. Ф. Скрипкин и Коленцев; рабочие Ялгин, Василий Кулаков, Сергей Смирнов; чиновник Алексеев. 1 мес. тюрьмы — техник В. Федоровский. По тому же делу продлен на 1—2 г. срок ссылки ранее сосланным: портным Плугину (Вятск. г.), Н. Соколову (Казанская губ.); работницам М. Семеновой (Вятка) и О. Семеновой (Казанская губ.); рабочим С. Соколову (Самарская губ.) и Белову (Владивосток). Лев Хинчук (арестован в Москве в апр. 1902 г., ранее был в Якутской обл.) сослан в Вост. Сибирь до приговора. Бывший студ. Петербургского унив. Будрин, ар. нелегальным в 1902 г., сослан в Вологодскую губ. отбывать наказание по прежнему делу. Жена врача Шипулинская, жившая в Петербурге, сослана на 5 л. в Вост. Сибирь по делу об екатеринославской демонстрации 1902 г. Зельдов, дантист из С.-Петербурга, по делу «Белостокского соц.-дем. с'езда» сослан на 6 л. в В. Сибирь. Махайский (в Сиб. пробыл 8 лет) сослан на 6 л. в Якутск по делу об анархистской брошюре. Раб. Дзюбинская, судившаяся с участием сословных представителей (при закрытых дверях) за распространение майских листков Никол. Ком. (1902 г.), приговорена к ссылке на поселение в Сиб. с лиш. всех прав. Тому же наказанию за такое же «преступление» подвергнут Денисов, судившийся в Саратове. Раб. Селиверстов, суд. вместе с ним, приговорен к 3½ год. арест. рот.

В Якутске умер товарищ Ратынский, сосланный по делу Польской Соц.-Дем. Партии (1894 г.) на 6 лет (с 1897 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

«Декаденту». Проект не получен, адрес не годится.

Илье. Письма получены.

Получено: от мечтателя 50 руб., за литерат. из Лондона 2 ф., Ш., Мюнхен 25 рублей. Из Фрейбурга (саксонского) за литературу 61 ф. 55 с. От Цюрихской Сибирской Кассы для А—а 40 фр. От венки 10 крон. От Фриды через Матвея 12 фр. 30 с. Собрано в Шаи 7 фр. 50 с. Из Вены: за литературу 15 гульд., для Орг. Ком. от Бафа чер. Г. 5 гульд., для «Искры» от д. Р. С. 25 р., для О. К.: 1) от русск. рижск. с.-д. гр. 30 рубл., 2) от ворон. соц.-дем. гр. 80 р., 3) Анатолий Бреев получил и передал по назначению 2.100 руб.

В почтовый ящик № 41 вкрались следующие неточности: от «Ижицы» для Эмигрантской Кассы получ. не 5, а 10 фр., от Томского Ком. не 10, а 30 руб.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse)

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Речь идет об убийстве в Белграде 29 мая 1903 г. в результате офицерского заговора сербского короля Александра и королевы Драги (династия Обреновичей). Собравшаяся вскоре скупщина (сербский парламент) избрала королем Петра Карагеоргиевича.

Прим. 2. Мещерский, В. П. (1839 — 1914), князь — редактор-издатель газеты журнала «Гражданин», органа воинствующей дворянской реакции. Благодаря близости к придворным сферам, оказывал влияние на правительственную политику.

Прим. 3. Эпоха «дворцовых переворотов» — период 1725 — 1801 гг. В эти годы дворянская гвардия фактически распоряжалась царским троном, насильственно устраняя неугодных ей монархов и сажая на престол своих кандидатов. Здесь упоминается имп. Петр III, убитый гр. Орловым в 1762 году для освобождения престола Екатерине II, и Павел I, убитый в 1801 г., престол которого перешел к Александру I.

Прим. 4. О «Революционной России» — см. прим. 15-е в № 41 «Искры».

Прим. 5. Засулич, В. И. (1851 — 1919) — в революционном движении с конца 60-х годах сначала народница, затем социал-демократка. В 1878 г. выстрелом в петербургского градоначальника Трепова открыла период революционного террора. После раскола на Воронежском с'езде «Земли и Воли» (1879 г.) примкнула к группе «Черный передел». Находясь в эмиграции, вместе с Плехановым и др. положила основание группе «Освобождение Труда» (1883 г.). В начале 900-х гг. один из редакторов «Искры». После II с'езда В. И. примкнула к меньшевикам; в годы реакции солидаризировалась с ликвидаторами; в годы войны — социал-патриотка. К Октябрьской революции отнеслась отрицательно.

Прим. 6. О Лиге русской революционной социал-демократии — см. прим. 18-е к № 40.

Прим. 7. О журнале «Neue Zeit» см. прим. 20-е к № 41 «Искры».

Прим. 8. «Социал-Демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся в Женеве в 1890 — 1892 гг. Русским социал-демократическим союзом. Вышло всего 4 книги. Главное участие в «Соц.-Дем.» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

Прим. 9. О «Народной Воле» см. прим. 7 к № 26 «Искры».

Прим. 10. Родбертус-Ягецов, К. (1805—1875) — немецкий экономист, последователь классической школы политической экономии — был одним из главных теоретиков «Государственного («прусско-юнкерского, по выражению Маркса) социализма».

Прим. 11. Казнь Сипягина — убийство С. Балмашевым 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

Прим. 12. Речь идет о романе Кравчинского «Андрей Кожухов», которому В. И. Засулич посвятила статью в книге № 4 «Соц.-Демократа» за 1892 г.

Прим. 13. «Вестник Русской Революции» — «социально-политическое обозрение»—журнал, выходивший в Париже в 1901 — 1905 гг. Первый номер вышел как издание «группы старых народовольцев», а начиная со 2-го номера стал официальным органом партии с.-р., в которую вошла «группа старых народовольцев». Участие в журнале принимали: К. Тарасов, Л. Шишко, Ю. Гарденин (В. Чернов) и другие.

Прим. 14. Речь идет об аресте В. И. Ленина по делу Спб «Союза Борьбы» 9/XII — 1895 г. (ст. ст.).

Прим. 15. «Истинные немецкие социалисты» — мелкобуржуазные социалисты 40-х годов прошлого века, последователи Фейербаха и Прудона. Наиболее выдающимся их представителем был Карл Грюн. Сочувствуя пролетариату, «истинные социалисты» отрицали необходимость политической борьбы и политических свобод для рабочего класса, благодаря чему играли реакционную роль. Маркс и Энгельс говорят о них в «Коммунистическом Манифесте»: «Если „истинный" социализм стал таким образом в руках правительства оружием против немецкой буржуазии, то он и непосредственно представлял реакционные интересы, интересы немецкой мелкой буржуазии».

Прим. 16. О «Союзе русских социал-демократов» см. прим. 5-е № 1 «Искры».

Прим. 17. Партия «Народного Права» — мелкобуржуазная, народническая организация, основанная в 1893 г. Натансоном, Аптекманом, Черновым и др. Народоправцы отказывались от борьбы за социализм во имя об'единения всех оппозиционных и революционных сил низвержения самодержавия. Народоправцы были разгромлены правительством в апреле 1894 г. Большинство из них впоследствии вошли в партию с.-р. и народных социалистов.

Прим. 18. «Россия накануне двадцатого столетия» — книга, вышедшая в Берлине, в издании Гуго Штейница с подписью «Русский патриот». Автором книги был Б. Н. Чичерин (1828 — 1904) — профессор Московского университета, весьма умеренный либерал и ярый противник социализма.

Прим. 19. Чернышевский, Н. Г. (1828 — 1889) — по характеристике Маркса «великий русский ученый и критик, мастерски осветившей банкротство буржуазной политической экономии». В философии последователь материалистической философии Фейербаха. Выдающийся революционер и мыслитель, Чернышевский являлся руководителем революционного движения 60-х годов и идейно вдохновлял революционное движение 70 — 80 годов. Был арестован в 1862 г. и сослан в Сибирь и почти до самой смерти был лишен возможности непосредственно участвовать в общественном движении.

Прим. 20. «Работник» — непериодический сборник, издавался в 1896—1899 гг. за границей «Союзом русских социал-демократов», под редакцией группы «Освобождение Труда». Было выпущено всего 6 номеров.

Прим. 21. «Рабочая Газета» — издавалась нелегально в Киеве в 1897 г. Для издания этой газеты Киевский Союз Борьбы выделил особую группу «Рабочей Газеты». Вышло всего 2 номера. I с'езд РСДРП (1898 г.) признал «Рабочую Газету» центральным органом партии. После разгрома 8 марта 1898 г. избранного на с'езде ЦК и типографии, печатавшей «Раб. Газ.», попытку дальнейшего издания предпринял ЦК Бунда, предложивший сначала редактирование газеты, а затем сотрудничество в ней В. И. Ленину. Попытка Бунда возобновить издание «Раб. Газ.» не удалась.

Прим. 22. «Вестник Народной Воли» — революционное социально-политическое обозрение, выходило в Женеве в 1883 — 1886 гг. под редакцией П. Лаврова и Л. Тихомирова. Вышло 5 номеров. «Свободная Россия» — народническое издание, выходила в Женеве под редакцией Вл. Бурцева и Вл. Дебагорий - Мокриевича в 1889 г.

Прим. 23. Лавров, П. Л. (Миртов) (1823 — 1900) теоретик революционного народничества. Был членом «Земли и Воли», «Народной Воли», Первого Интернационала. Издавал за границей журнал «Вперед» (1873 — 1876), в котором призывал к «хождению в народ» для пропаганды идей социализма. В 1883 — 1886 годах был редактором «Вестника Народной Воли». Автор книги «Исторические письма», оказавшей большое влияние на русское революционное движение. Родоначальник так называемой «русской социологической школы».

Прим. 24. „Летучие листки народовольцев" издавались группой молодых народовольцев в нелегальной типографии в России, организовавшейся осенью 1891 г. Последний № 4 вышел 9 декабря 1895 г., в нем есть статья Лаврова «О программных вопросах».

Прим. 25. «Союз коммунистов» (1847—1851) — организовался в Лондоне из остатков немецкого мелкобуржуазного «Союза Справедливых», который постепенно становился все более пролетарским и интернационалистским. Новый устав и программу «Союз Коммунистов» принял на с'езде в Лондоне в ноябре—декабре 1847 г. при участии Маркса и Энгельса. От имени «Союза Коммунистов» был выпущен в 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической партии», написанный К. Марксом и Энгельсом. Разногласия между революционно-пролетарской частью союза, группировавшейся около Маркса, и мелкобуржуазной во главе с Виллихом и Шаппером привели к расколу и распадению Союза в 1851 г.

Прим. 26. Богданович Н. М. (1856 — 1903) — уфимский губернатор, был убит в Уфе 6 мая 1903 г. за расстрел рабочих в Златоусте с.-р. железнодорожным рабочим Дулебовым.

Прим. 27. О златоустовской бойне — см. корреспонденцию «С Урала» в № 38 «Искры».

Прим. 28. «Свет» — черносотенная газета, издавалась в Петербурге Комаровым.

Прим. 29. Мирбо Октав (р. 1850 г.) — известный французский писатель. В своих романах нередко критиковал современное капиталистическое общество, подавляющее и развращающее человеческую личность. «Дурные пастыри» — роман Мирбо, в котором он рисует, как власть капиталистов ведет рабочих к вырождению и бунту.

Прим. 30. Елпатьевский С. Я. (р. в 1854 г.) — народный социалист, врач, беллетрист, автор ряда бытовых набросков, путевых впечатлений, воспоминаний.

Прим. 31. О демонстрации 2 марта — см. в № 37 «Искры» «К ростовской демонстрации 2 марта».

Прим. 32. Бобриков Н. И. (1839 — 1904) — с 1898 г. генерал-губернатор Финляндии. Энергично руссифицировал край, почти совсем упразднил финляндскую конституцию. Убит 3 июня 1904 года финляндцем-террористом Евг. Шаумяном.

Прим. 33. Мемуары кн. Кропоткина — «Записки революционера» анархиста П. Кропоткина.

Прим. 34. О старо-фенноманах — см. прим. 15 к № 33 «Искры».

Прим. 35. О шведоманах см. прим. 14-е к № 40 «Искры».

Прим. 36. О младофенноманах см. прим. 14-е к № 40 «Искры».

Прим. 37. Дейтрих (1902 — 1905) — помощник финляндского генерал-губернатора. В 1905 году на него было неудачное покушение.

Прим. 38. Кайгородов — нюландский губернатор.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 43 1 ИЮЛЯ 1903 ГОДА № 43

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ПОМПАДУРИЯ. [1]

30 мая текущего года Николай II написал «Утверждаю» на новом документе, дополняющем и без того выразительный облик нашего «декадентского» правительства.

Документ этот называется «О порядке и пределах подчинения чинов фабричной инспекции начальникам губерний и о некоторых изменениях во внутренней организации ее».

Суть его состоит в том, что губернаторы становятся полными хозяевами фабричной инспекции, которая лишается последней тени самостоятельности, — и, с этой стороны, полная передача фабричной инспекции в ведение министерства внутренних дел, о чем не раз говорилось в печати, очень мало способна прибавить к последнему «повелению». Правда, институт фабричной инспекции пока еще остается формально составной частью министерства финансов, но «местные чины фабричной инспекции действуют под руководством губернатора (градоначальника, обер-полицмейстера)». Самое назначение на должность фабричных инспекторов производится по соглашению с губернатором. Ему же предоставляется право требовать от чинов фабричной инспекции представления очередных и срочных докладов по делам инспекции, и — что особенно важно — ему же дана власть отменять («в нетерпящих отлагательства случаях») противоречащие законам и интересам общественного порядка распоряжения чинов фабричной инспекции, с доведением о сем до сведения министерства финансов. Слишком ясно, что при таких условиях фабричный инспектор превращается в сущности в чиновника особых («фабрично-заводских») поручений при особе губернатора.

По закону фабричная инспекция, учрежденная в 1882 г. для надзора за применениями закона о работе малолетних, подчиняется, как известно, непосредственно департаменту торговли и мануфактур (министерство финансов).

Когда в 1886 г. поставлен был на очередь вопрос о расширении компентенции фабричной инспекции до общего надзора за «законностью в отношениях между фабрикантами и рабочими», общее собрание Государственного Совета, рассматривая соответственный законопроект, обсуждало, между прочим, вопрос о подчинении инспекции непосредственному губернскому начальству и пришло к тому выводу, что «столь коренное изменение в ее устройстве едва ли вызывается указанием опыта. Успешная деятельность инспекции в течение четырех лет со времени ее учреждения доказывает, что непосредственное руководство ею со стороны центральных ведомств, нисколько не колебля влияния губернского начальства, во многом обеспечило спокойное и согласованное с видами правительства применение закона о работе малолетних».

Но те условия, которые в 1886 г. обеспечивали относительно «спокойное и согласованное с видами правительства» применение законов, между прочим и узкая сфера ведения фабричной инспекции — совершенно изменились к 1903 г. Отделяющий эти два момента период времени составляет историю русского рабочего движения, — и вот ныне интересы «закона и общественного порядка» требуют того, что во имя их отвергалось 17 лет тому назад, — требуют полного подчинения фабричного инспектора губернаторской власти.

Связь нового полузаконодательного акта с «идеей русского четвертого сословия» несомненна. Этой связи способен не заметить разве только русский либерал, который в «социальной политике» самодержавия не усматривает ничего, кроме чередования моментов «государственной мысли» и «государственной бессмыслицы», который за законодательным экраном не видит борющихся социально-классовых сил, бросающих на экран свои прямые или обратные отражения.

Самый факт учреждения фабричной инспекции был, в известном смысле, актом «революционным»: он полагал в сущности конец лицемерным апелляциям к паточно-нагаечной патриархальности, якобы составляющей атмосферу наших фабрично-заводских отношений. Фабричная инспекция, как постоянный аппарат «миролюбивого соглашения сторон», означает признание нормальности частых, если не хронических, недоразумений между этими «сторонами». Самый факт возможности искать разрешения известных вопросов у надлежащей инстанции может стать и, конечно, становится для «серых» рабочих первым толчком к робким, неоформленным размышлениям в сторону «идеи четвертого сословия».

И в этом именно — состав преступления фабричной инспекции. Она виновата, она сугубо виновата в том, что стоит на пересечении враждебных интересов пролетариата и буржуазии. И как бы фабричный инспектор ни старался нейтрализовать социальные противоречия в интересах порядка, т. е. абсолютизма, классовые тенденции пролетариата сохраняют свою внутреннюю логику, глубоко-революционную, непримиримо враждебную самодержавию, — и они готовы, в том или другом случае, сделать и правительственного фабричного инспектора исходным пунктом своего развития.

И для нас новое правительственное распоряжение поучительно прежде всего в том отношении, что лишний раз показывает, как всякий правительственный орган, не непосредственно приставленный к охранению «об-

щественного спокойствия», т. е. не состоящий по министерству внутренних дел, может стать и становится ферментом, вызывающим политическое брожение.

Тут перед нами одно из бесчисленных проявлений полного взаимонепризнания интересов самодержавия и интересов общественного прогресса. Задача самодержавия — подчинить общественную жизнь, в целях «порядка и спокойствия», министерству внутренних дел. Задача нашей общественной жизни — использовать все, что имеется под руками, в целях «нарушения общественного спокойствия», — и в этом процессе жизнь стремится оторвать каждый орган, не непосредственно уполномоченный «тащить и не пущать», и сделать его виновником, обыкновенно невольным и бессознательным, но все же виновником тех или других общественных «беспокойств».

Земский врач, если он с интересом и преданностью относится к своему делу, неминуемо приходит к переоценке всех ценностей самодержавия с точки зрения интересов народного здоровья. Хроническое недоедание и острые голодовки, как один из результатов «внутренней политики», порка, как один из ее методов,— фатально ведут к физическому вырождению населения. И земскому врачу приходится либо превратиться в полицейского агента по медицинским делам, либо стать одним из элементов оппозиции. Земский агроном неминуемо приходит в столкновение с мероприятиями правительственного хищничества, ставящими непреодолимую преграду всем агрономическим попыткам повысить производительность крестьянского хозяйства. Агроному остается признать тщету своих культурных усилий при дальнейшем сохранении антикультурнейшего института — самодержавия.

Фабричная инспекция — незачем и говорить, что она не стояла и не могла стоять настраже нужд русского рабочего класса; но, поскольку она была призвана к наблюдению за нормальным ходом промышленной жизни, она приходила и не могла не приходить в лице своих органов в сравнительно частые столкновения с агентами полицейской власти. Промышленности нужен работоспособный, по возможности культурный пролетарий, — самодержавию нужен по возможности темный, забитый и запуганный подданный. Вот основа неизбежных трений, а значит и основа для законодательных актов в духе подчинения, ограничения и согласования.

Несогласованность органов, порождающая потребность в подобного рода мерах, вызывается, как мы видели, стихийным стремлением общественного процесса оторвать все не прямо полицейские члены правительственного организма и придать им сколько-нибудь культурное назначение. Такое явно злоумышленное стремление является в свою очередь результатом взаимонепризнания социальной эволюции и департамента полиции. А в конечном итоге несогласованности органов и взаимонепризнания эволюции и полиции является необходимость для самодержавия более непосредственно подчинить все жизненные функции и соответствующие им органы центральной нервной системе самодержавия, т. е. министерству внутренних дел. Такое подчинение делает опеку самодержавия еще более невыносимой для социального развития и тем самым заставляет самодержавие еще упорнее подчинять социальное развитие своей опеке.

Но так как всепредусматривающая централистическая полицейская опека становится технически все менее и менее возможной вследствие возрастающей сложности сталкивающихся интересов, то самодержавие вынуждено вплотную подойти к тому идеалу, который был определен еще Щедриным как децентрализованная помпадурия. Идеал этот был открыто возвещен в «золотых словах» последнего царского манифеста о «крепкой местной власти, пред нами ответственной».

Дореформенное самодержавие, цельно воплощенное Николаем и ранее его доведенное до абсурда Павлом, не знало этих противоречий. Оно считало себя правоспособным непосредственно полицейскими мерами разрешать все проблемы и утирать голубым обшлагом все слезы. При Павле оно стригло и брило подданных по официальному образцу и составляло для них словарь разговорной речи, при Николае оно заботилось о поэтических достоинствах баллад. Цензура должна была не только подстригать и предостерегать, но и «споспешествовать».

С банкротством николаевщины правительственная тактика меняется. Делается широкая попытка отделить чисто-полицейские функции от культурных, поручая последние либо органам общественного самоуправления и общественной самодеятельности (земства, думы, комитеты грамотности и пр.), либо специальным органам и чиновникам правительства (например, фабричные инспектора). Вместе с тем создаются полицейские нормы, за которые деятельность культурных органов не должна переступать и которые, по замыслу законодателя, должны явиться достаточными «гарантиями неприкосновенности» для принципов самодержавия*. Но жизнь сплошь и рядом наполняла эти «нормы» заведомо «тенденциозным» содержанием. Земская статистика, частная помощь голодающим, земское продовольственное дело, учебное дело— все эти, казалось бы, скромные отрасли культурной работы, обольщенные «хитростью» исторического «разума», оказываются сплошь политически «неблагонадежными». Даже земские больничные умывальники имеют, как известно, слегка якобинскую физиономию. В результате — самая скромная «автономия» культурных органов ведет за собой систематический полицейский поход против земств вообще, против земских «третьих» лиц (врачей, статистиков, агрономов и пр.) в особенности, против частных благотворителей, не заручившихся губернаторским рукопожатием, против целого ряда культурных и благотворительных обществ, — поход, ознаменованный такими героическими мерами, как закрытие столовых и упразднение «статистики»!

---

* Очень недавно с.-петербургский фабричный инспектор в своем секретном донесении управляющему отделом промышленности такими выразительными чертами характеризовал «политические» взгляды с.-петербургского градоначальника: «Закон должен поставить все организации в строго определенные рамки, соответственно целям каждой, и обратить внимание на полную гласность делопроизводства; никоим же образом, по его мнению, нельзя допустить в этом деле руководство какого-либо одного административного органа, в особенности же со стороны департамента полиции, деятельность коего, в силу особых условий, ей присущих, всегда может вызвать в публике нередко совершенно незаслуженные инсинуации».

Земские агрономы отдаются под надзор урядников. Университетская наука не выходит из-под контроля полицейской инспекции. Земства и думы превращаются в придатки губернаторских и градоначальнических канцелярий. И наконец фабричные инспектора поступают под опеку губернаторов. Те самые фабричные инспектора, которые в сущности представляют лишь оттенок общегосударственной полиции, которые ближе, гораздо ближе к кабинету фабриканта и жандармской канцелярии, чем к рабочей квартире, — и они оказываются способными принять решения, противные закону и общественному порядку!...

Это сосредоточенное недоверие жандармско-полицейского аппарата ко всему, что стоит вне его, прекрасно иллюстрируется законопроектом о фабричных старостах, к которому мы вернемся, когда (если?) он станет законом *. Теперь отметим лишь следующую основную черту законопроекта. Несмотря на то, что выбор рабочими старост происходит не иначе, как в рамках, очерченных фабрично-заводским управлением, и притом под назойливым контролем фабричной инспекции, которая, в свою очередь, поставлена теперь под ближайший контроль губернатора, — законопроект включает в себе такое предусмотрительное «примечание»: «Губернскому начальству предоставляется в тех случаях, когда по дошедшим до сего начальства сведениям рабочие, избранные в старосты, не удовлетворяют своему назначению (?), устранять их от исполнения обязанностей старост и до срока, на который они избраны». Таким образом уже здесь, в законопроекте, полиция вступает в единоборство с жизнью, которая уже достаточно зарекомендовала себя со стороны уменья обращать против самодержавия учреждения и установления, им же самим вызванные к жизни в целях собственного ограждения.

Комментарии осведомленного «Нового Времени» к «высочайшему повелению» 30 мая очень назидательны. Эта газета справедливо считает новое постановление «весьма характерным для руководящих идей настоящего времени». Правда, приходится признать, что в создаваемом ныне положении имеются «кое-какие щекотливые стороны»: чиновники министерства финансов ставятся в зависимость от чиновников министерства внутренних дел, что неминуемо создаст бюрократические «трения». Но «есть основание ожидать, — говорит газета, — что губернатор будет поставлен как представитель не одного ведомства, а высшей власти вообще»... Каждая губерния превратится в более или менее автономную помпадурию, управляемую твердой рукой губернатора, пред «Нами», т. е. перед министром внутренних дел, ответственного.

Итак, губернатор, властной рукой натягивающий на месте все «бразды», переступающий уверенной ногою все законы и отменяющий мимоходом распоряжения фабричной инспекции в высших интересах «общественного порядка», — и тот же губернатор, получающий из центра внушения по части своевременности избиения евреев — опять-таки в высших целях «общественного порядка», — таково последнее слово практики оглашенного самодержавия.

Но несмотря на весь свой поистине адский характер, эта практика обуздания общественной стихии имеет много общего с попытками диккенсовской героини задержать щеткой волны морского прилива...

О! конечно, мы знаем, что орудия, какими пользуется озверевшая российская власть, бесконечно грознее жалкой половой щетки. О! разумеется, мы помним, что всеочистительная «щетка» русского самодержавия снабжена острыми железными зубьями, которые при каждом новом правительственном эксперименте впиваются в тело, в живое тело русского народа... Но мы в то же время знаем, — и в этом залог нашей победы, — что и самой гигантской жандармско-полицейской щетке не дано задержать волны революционного прибоя!

[Н. Троцкий]

«ЖЕЛЕЗНЫЙ» С'ЕЗД.

Тупой угол — таков конечный пункт всех правительственных мероприятий последнего времени. Виновата ли в этом «смута» или таков уже злой рок самодержавия, но ему ничего не удается, и всеми своими крупными начинаниями оно только себя дискредитирует. Стараются в этой области одинаково все ведомства, и почти в то самое время, когда г. фон-Плеве кишиневскими зверствами обнаружил перед всем миром банкротство всей внутренней политики самодержавия, г. Витте вздумалось показать также несостоятельность своей финансовой политики. Конечно, умысел другой тут был. Но, на беду самодержавия, события не считаются более с его умыслами и результаты получаются совершенно противоположные тем, какие ожидал тот или другой его слуга.

Известно, что очень тесная дружба соединяла недавно министерство финансов с миром крупных заводчиков, дружба, до того тесная, что многие наивные люди делали отсюда какие-то выводы насчет существования у нас специфической буржуазной конституции. В это-то блаженное время расцвета русской промышленности при благосклонном содействии министерства финансов возникло множество всевозможных предприятий, среди которых было очень много и таких, которые не обладали почти никаким собственным капиталом и существовали исключительно благодаря кредиту. «На заграничных рынках, — писал в 1897 году, захлебываясь от восторга, официальный орган министерства финансов, — акции этих заводов, приносивших огромные дивиденды, от которых давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли так высоко, что достаточно было прибавить к названию фирмы „днепровский“ или „донецкий“, чтобы рассчитывать на легкий сбыт акций за границей. Промышленное настроение проникло во все слои населения юга России, отодвинув на второй план другие интересы. В последнее время рост промышленности отмечается не десятилетиями, но двумя-тремя годами. За два года юг России положительно изменил свою физиономию в промышленном отношении... Промышленность и торговля России так растут, что ни железные дороги ни южные порты не успевают удовлетворять всем требованиям». В особенном фаворе были горнозаводчики. Главным предметом изготовления южно-русских заводов были рельсы и железно-

* Газеты сообщают, что этот законопроект уже прошел в Государственном Совете.

дорожные принадлежности. При своем возникновении заводы запасались казенными заказами на несколько лет, а некоторые возникли даже при прямой денежной поддержке казны — частью в виде единовременной ссуды, частью в виде денежной премии с пуда выделываемых рельс. Заводчики получали огромные барыши, часто 50 — 70 коп. на пуд рельс. Железные дороги строились не потому, что в них чувствовалась надобность, а потому что существовали уже ранее заказанные рельсы. Надо думать, что министр финансов ожидал, что этот капиталистический рай будет продолжаться вечно, и он щедрой рукой раздавал казенные деньги, полученные путем займов за границей. Но точно так же само собой понятно, что за этой грюндерской горячкой наступил крах, который действовал тем разрушительнее, чем больше было в предыдущий период совершенно дутых предприятий. Сначала пытались отрицать существование общего промышленного кризиса и сваливали всю вину на биржевую спекуляцию (хотя, как мы отчасти видели, министр финансов и его органы не были чужды этой спекуляции), но зима 1899 — 1900 гг. принесла массу банкротств, приостановку многих производств, резкое падение цен, сильную безработицу, и теперь ни в характере ни в интенсивности кризиса нельзя было уже сомневаться. Само собою разумеется, что предприниматели, не стеснявшиеся выбросить на улицу тысячи голодных рабочих и свалить таким образом на пролетариат ответственность за «риск предприятия» (за каковую ответственность, по учению буржуазных экономистов, предприниматели и получают свою долю-прибыль), сами нисколько не были расположены платиться за свои грехи и завопили о правительственной поддержке. И правительство, которое за все время кризиса ничего не сделало для тысяч безработных, услышало мольбы нескольких десятков капиталистов и пришло им на помощь. Государственный банк открыл широкий кредит (в несколько миллионов рублей) металлургическим обществам, купил на несколько миллионов облигаций некоторых промышленных заведений и принял ряд мер для поддержания целого ряда предприятий, бывших на шаг от банкротства. Из сберегательных касс тратились огромные суммы на покупки облигаций, которые частными лицами покупались неохотно. Государственный банк оказался простым посредником для перевода денег из карманов плательщиков налогов в кошельки предпринимателей.

Но кризис продолжался слишком долго, и продолжать такую политику оказывалось невозможным. Тогда г. Витте изменил тактику: он был прежде «протекционистом», потому что хотел создать достаточно сильное внутреннее производство, которое могло бы удовлетворять нуждам страны; теперь же цель всех его стремлений достигнута, цены упали так низко, что они должны быть по плечу русскому потребителю, а промышленникам остается только приспособлять свое производство к потребностям страны. Уверениям министра, однако, не придавали никакой цены. Если министр действительно стремится к понижению цен, — рассуждали многие, — то почему он не отменит ввозных пошлин, которые в весьма сильной степени влияют на поддержание высоких цен? А горнозаводчики в свою очередь спрашивали себя, каким образом министр надеялся достичь понижения цен на плуги, молотилки, кровельное железо и т. п., когда, благодаря его заказам, заводы приспособлялись к изготовлению рельс, вагонов, паровозов и т. д.? Поэтому, когда на прошлогоднем с'езде южным горнопромышленникам было предложено обсудить меры к поднятию потребления железа, то они нашли, что лучше всего это можно сделать при помощи все тех же казенных денег, и потому решили: 1) ходатайствовать о том, чтобы процент по ссудам, выдаваемым Государственным банком земству на покупку железа, был понижен до четырех; чтобы в Государственном банке была введена новая операция, учет удостоверений, которые земства будут выдавать русским заводам в принятии от них на земские склады машин и железа; чтобы срок хранения на станциях железных дорог заводских изделий, предназначенных в земские склады, был продлен, и 2) учредить «Общество для продажи изделий русских заводов», т. е., попросту говоря, синдикат. Министр финансов как раз в это время вел агитацию (на бумаге) против синдикатов и картелей, но против «Общества для продажи» он ничего не мог иметь, и скоро цены на железо стали крепнуть. Это, однако, не увеличило сбыта, и заводы продолжали сокращать производство, а заводчики — вопить о казенных заказах.

Тут-то и задумал г. Витте созвать «с'езд по выработке мероприятий к возможно широкому распространению железа по России во всех его видах». Известно, что горнозаводчики и прежде имели свои собственные с'езды, на которых занимались (не без содействия министра финансов) своеобразной организацией производства и сбыта, т. е. сугубой эксплоатацией своих рабочих и потребителей. Но на этот раз на с'езд, кроме горнозаводчиков, были приглашены представители земств и городов: представителям промышленного капитала противопоставили представителей аграрных интересов. Казалось, что как г. фон-Плеве искал спасения от все более и более грозно наступающего крушения основ в борьбе рас, так и г. Витте решил в трудную минуту апеллировать к борьбе классов и посягательствам горнозаводчиков противопоставить нужды сельского хозяйства. Но г. Витте остался при печальном интересе: как ни смирны и кротки земские либералы, они не могли не сказать, кто истинный виновник сельскохозяйственных нужд. «Экономическая жизнь, — поучал г. Витте своих слушателей, — течет волнообразно: за прогрессом идет регресс, и обратно. Слишком повышательное движение металлургической промышленности нарушило равновесие и вызвало временное обратное движение. Кризис этот несколько затянулся. И это, между прочим, об'ясняется тем, что переход от высоких с давних пор цен, к которым возврата уже, конечно, быть не может, к ценам, более доступным для населения, только что совершился, и к нему необходимо приспособиться всему производству». Против подобных заявлений протестуют горнозаводчики; по их мнению, не предвидится «никаких признаков оживления промышленности, исключая, если будет усиленная постройка железных дорог, развитие отечественного судостроения и если последует несколько урожайных годов». «Паллиативные меры, — говорят они, — не помогут в данном случае, а необходимо оздоровление всего промышленного организма в самом его корне или, другими словами, необходимо решительное воздействие на истинную причину зла, которая состоит в полном несоответ-

ствии между производительной способностью заводов и потребительными средствами страны».

Господа железозаводчики не верят в возможность поднять народное потребление при данных условиях, а потому они требуют увеличения железнодорожного строительства и судостроения. Как люди практические, они не мечтают об изменении условий и хлопочут о правительственной подачке. «Если кому-нибудь нужна помощь правительства, так именно бедному, разоренному крестьянству», — возражают представители земств, полагая, что необходимо прежде всего стремиться к поднятию общего экономического и образовательного уровня народа, необходимо дать ему техническое образование, доставить дешевый кредит, понизить таможенные пошлины, необходимо... Но все это г. Витте уже выслушал недавно от сельско-хозяйственных комитетов. И он и все присутствовавшие понимали, что никаких таких мер правительство предпринять не может, что оно бессильно, что оно накануне банкротства, что собственно логический вывод из всего сказанного был бы крик «долой самодержавие!» Но так как представителей социал-демократии на с'езде не было, то он и был закрыт без соответствующих возгласов.

[Д. Кольцов-Б. Гинзбург]

ОБ АГИТАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ПАРТИИ.

(Письмо в редакцию.)

В настоящей заметке я хочу выдвинуть одну сторону в деятельнности нашей партии, которая в настоящий момент находится, так сказать, в полном загоне. Всякая политическая партия, которая хочет правильно развиваться, должна внимательно приглядываться к окружающему, должна чутко прислушиваться к нарождающимся потребностям. Никогда не застывая на раз принятых приемах борьбы и раз усвоенной тактике, она должна постоянно видоизменять ее сообразно вечно изменяющимся окружающим ее условиям. Мы не думаем, однако, предлагать теперь новых, доселе неизвестных приемов борьбы или какой-либо новой тактики: мы хотим только установить правильное соотношение между всеми признанными уже приемами борьбы, нарушенное за последнее время в практике нашей партии. Мы имеем перед собою опыт нескольких лет демонстрационного движения.

В настоящий момент можно считать законченным агитационный период 1902 — 1903 гг., достигающий у нас, как известно, в майском движении своего кульминационного пункта. Хотя мы не можем еще подвести всех итогов майского движения 1903 г., но главные черты его уже определились. И мы не можем скрыть от себя, что итоги эти не могут не вызвать у нас некоторого разочарования. Смотря по суб'ективным условиям, у одного это разочарование живее, у другого менее ощутительно. Но, будучи искренним и не ослепленным, никто не может отрицать наличности самого разочарования. Вызванные движением последних лет надежды были так велики, что факты последнего агитационного периода, хотя сами по себе и достаточно внушительные, далеко не в состоянии отвечать этим преувеличенным надеждам. Мы говорили о «прологе революции», а в это время напрягшее все свои усилия самодержавие успешно справлялось с нашими организациями. Ни в одном из старых центров рабочего движения, имеющих решающее значение в нашей борьбе, в Петербурге, в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, не удалось организовать хоть сколько-нибудь внушительной демонстрации за весь агитационный период 1902—1903 гг.

Чем об'яснить это явление? Причины его, конечно, сложны и в числе их не малую роль играет плохая организация наших комитетов. Но нельзя же в конце концов все сводить к недостаткам организации; нужно искать и более глубоких причин наших неудач. А эти более глубокие причины могут заключаться только в недостаточной сознательности рабочих масс; только эта недостаточная сознательность может об'яснить нам неуспех наших попыток вызвать широкое демонстрационное движение при отмечаемом всеми наблюдателями широком недовольстве и даже боевом настроении масс. Не можем же мы признать, что полиция, как бы совершенна она ни была, может успешно справляться с народной массой, ясно сознающей свои задачи и твердо решившейся бороться с врагом. Дело в том, что (за единичными исключениями) все наши демонстрации 1901 — 1903 гг. не были массовыми демонстрациями в настоящем смысле этого слова. В них, конечно, участвовали и рабочие, и просто городское простонародие, но они составляли незначительное меньшинство демонстрантов; большинство же составляла любопытствующая полусочувствующая публика. Именно с последней, отчасти малосознательной, отчасти политически дряблой частью демонстрантов научилась теперь справляться полиция. Немногочисленные сознательные и решительные демонстранты оказались изолированными и, следовательно, бессильными. Все наши демонстрации последних лет, за немногими исключениями, были, по красивому выражению «Искры», демонстрациями кучки «героев» перед «толпой». «Герои» прохаживались перед «толпой», махали своими знаменами и кричали «долой самодержавие». Толпа безмолвствовала. Это не были демонстрации толпы, и в этом — причина их слабости.

Опыт последних лет, нам кажется, повелительно предписывает нам признать следующий вывод «Искры»: демонстрации небольшой кучки «героев» перед «толпой» отжили свое время; демонстрации должны стать массовыми или их вовсе не должно быть. Но как сделать демонстрации массовыми, как вовлечь «толпу» в движение и превратить ее в «героев»? «Искра» только намечает ответ на этот вопрос, указывая на пример Ростова, но не высказывает его ясно. Попробуем это сделать. История нашего движения знает только следующие массовые движения: петербургская забастовка 1896 г.[2], майское движение в Риге, Либаве и Харькове в 1898, 1899, 1900 годах[3], обуховская оборона 1901 г. (май)[4], ростовское движение 1902 года (ноябрь)[5] и демонстрация 2 марта[6] там же и, может быть, еще майское движение этого года в некоторых глухих углах России. Истинно массовым движение у нас становилось только тогда, когда социал-демократическим организациям удавалось связать общие задачи нашей партии с насущными интересами и нуждами рабочей массы и тем вовлечь ее в борьбу. Первые годы, под влиянием, отчасти, теории «стадий», стачечное движение оставалось до конца на почве чисто экономической борьбы, имея, тем не менее,

громадное значение в деле политического воспитания массы (так было с петербургской забастовкой 1896 г.). Впоследствии стачечное движение стало все больше приобретать политический характер, переходя в открытую борьбу с самодержавием — в борьбу политическую. Майский праздник пролетариата сыграл в этом отношении крупную роль. Классовый характер майского празднества и, вместе с тем, его всеобщность сделали его отличным орудием для вовлечения широкой рабочей массы в политическую борьбу. С одной стороны, по своим мотивам он понятен всякому неразвитому рабочему, с другой — как демонстрация целого класса он неизбежно превращается в борьбу политическую: самодержавие может еще мириться с отдельной стачкой на заводе или даже в целом районе, но ни в каком случае не может примириться с общеклассовым праздником пролетариата; оно всегда будет подавлять его грубой силой и тем будет превращать его в политическую демонстрацию даже тогда, когда рабочие этого не хотели бы. Классовая борьба (речь идет о борьбе действительно целого класса) есть всегда борьба политическая. Мне нечего разъяснять здесь необходимую связь классового движения пролетариата с борьбой политической — это азбука русской социал-демократии, усвоенная ею на заре массового движения. Именно понимание этой необходимой связи профессиональной борьбы рабочих с политической борьбой рабочего класса, сознание, что «профессиональное движение — общая основа социал-демократического движения» (Каутский, «Эрфуртская программа» [7]) создало силу и значение русской социал-демократии. Благодаря этому пониманию, русской социал-демократии удалось пробудить от спячки и вывести на широкую арену политической борьбы русский рабочий класс и тем рассеять нависший над Россией густой мрак реакции восьмидесятых и начала девяностых годов. Пробуждение к политической жизни рабочего класса вызвало оживление и других слоев русского народа, начиная от студенчества и кончая крестьянством, и в результате — открытая революционная борьба 1901 — 1903 гг. Это небывалое в России движение, этот открытый вызов самодержавию, всеобщее, казалось, сочувствие демонстрантам вскружило всем голову, и наиболее увлекающиеся заговорили уже о «штурме на самодержавие», о «прологе революции». Пора отказаться от этого неосновательного и вредного увлечения, пора перестать глядеть на действительность через розовые очки, пора признать суровую действительность. Только видя слабости нашего движения, мы сумеем их устранить. Как некогда успехи экономической чисто профессиональной борьбы вскружили головы слабым умам, создав уродливую теорию «стадий» и грубый экономизм «Рабочей Мысли» [8], так теперь первые успехи политической агитации и демонстраций привели если не к забвению, то к более или менее полному игнорированию в агитации необходимой классовой основы нашего движения. Дальнейшие успехи на этом пути невозможны без обращения самого серьезного внимания на эту классовую основу. Политическая агитация приняла у нас за последнее время слишком абстрактный характер, слишком мало связывалась с конкретной жизнью и повседневными потребностями рабочей массы. Вследствие этого наша деятельность понятна преимущественно более сознательным слоям рабочих и мало понятна народным низам, широкой массе необученных рабочих. Наша политическая агитация временами превращается в голую политическую декламацию. Без вовлечения в движение этих низов нельзя создать массового политического движения. Только расширением основания нашего движения, путем пробуждения к самостоятельной жизни народных низов, можно вновь сделать сильной нашу партию. В этой работе нельзя игнорировать профессиональных интересов рабочих и профессиональной борьбы. Мы должны вновь пробудить широкое массовое профессиональное движение, мы должны организовать массовые забастовки и затем превратить это движение в сильную политическую демонстрацию. Блестящим образцом подобной тактики может служить ростовское движение прошлого и этого года. В соприкосновении с народными низами мы должны приобрести ту недостающую нам силу, которая даст нам возможность — надеемся, в недалеком будущем — совершить не словесный, а действительный натиск на самодержавие.

Говоря это, мы вовсе не хотим отказаться от политической агитации, имеющей своим исходным пунктом явления общерусской жизни, все равно, имеют ли эти явления непосредственное отношение к экономическим интересам рабочих или нет: это было бы возвращением к временам «экономизма», к счастью уже окончательно пережитым. Мы хотим только установить правильное соотношение между тем и другим видом агитации. Что мы не преувеличиваем указанных недостатков движения, может показать пример деятельности хоть Тифлисского или Бакинского Комитетов. О первом можно еще сказать, что ему мешает недостаток сил после провалов последних лет; о втором этого сказать нельзя. Между тем, за все время своего существования Бакинский Комитет, как и Тифлисский за последний год, не выпустил ни одного профессионального листка, не организовал ни одной стачки*. Стачки, конечно, бывали и здесь, но комитет не использовал их для того, чтобы вызвать общее движение бакинского пролетариата и затем превратить такое движение в борьбу политическую. Нам могут сказать, что профессиональной борьбе мешает в настоящее время кризис; но успех частичных забастовок в Баку (у Мирзабекянца, Коночникова, Рысева и Ляпина) противоречит этому, а возможность общих забастовок доказывается примером Ростова и Златоуста. К тому же кризис не вечен, и надо быть готовым к другой экономической кон'юнктуре. Надо, следовательно, выяснить требования для различных профессиональных групп и затем начать агитацию на их почве. Возьмем для примера Балаханский район. Жизнь там до того неприглядна, она так гнетет рабочего, что непонятно, как рабочие переносят эти условия без протеста. Насколько мне известны эти условия, платформа для агитации там готова: это — установление трех 8-часовых смен вместо двух 12-часовых и вывод рабочих жилищ из пределов промыслов, устройство рабочего городка. Нам кажется, агитации на почве этих требований обеспечен там успех. К тому же такая агитация явилась бы лучшим орудием в борьбе с зубатовщиной, широко раскинувшей теперь свои сети: перед лицом

* Батумский Комитет составляет в этом отношении исключение; не потому ли маленький Батум может себя поздравить с массовой демонстрацией 9 марта текущего года?

массового рабочего движения рассеются, как дым, все лживые обещания зубатовских агентов, вся политика его «сердечного попечения». Мы не боимся в настоящее время возврата к экономизму, мы считаем его окончательно похороненным; мы уверены, что теперь возможно использовать всякую массовую забастовку в целях политической агитации. Для указанной задачи, нам кажется, необходимо правильно распределить работу между местными и общими организациями. Общеполитическую агитацию должен вести Центральный Комитет нашей партии и районные союзы, где они существуют; местные комитеты, конечно, тоже будут работать в этом направлении, но они не должны забывать из-за этого дела профессиональной борьбы и использования ее в партийных целях. Для успешного достижения этих двух задач нужно, конечно, усиление центральных организаций, чтобы местные могли затем уделять больше внимания второй задаче. Приведем небезынтересный факт: перед маем Бакинский Комитет должен был издать прокламации о безработице, но мог выпустить только пару сотен листков на гектографе, так как типография была занята майской литературой. Момент был очень удобный, но он утерян. Мы, следовательно, не думаем отказываться от нынешних политических демонстраций, видя в них громадное приобретение последних годов; там, где возможно, их надо устраивать; майская, например, демонстрация уже пустила корни в рабочей массе и будет очень полезна для всего нашего движения. Но неудача их не станет подвергать нас в уныние, если комитеты не будут существовать только для того, чтобы раз в год организовать демонстрацию, если они будут чувствовать, как растут и крепнут силы революционной армии в общении с народными низами. И, окрепнув в этой работе, мы — будет ли то через 3,5 или 10 лет — выступим на штурм самодержавия, на этот раз уже во главе победоносной массы.

[Файнберг]

* * *

От редакции: Печатаем это письмо, чтобы обратить вниманйе товарищей на действительно важный вопрос и вызвать всестороннее обсуждение его. Автор совершенно правильно считает одним из важнейших недостатков нашего нынешнего движения, недостаточно «массовый» его характер. Практика последних демонстрационных попыток подтверждает его мысль. В значительной степени прав он и тогда, когда рекомендует более усиленную агитацию на почве чисто-профессиональных нужд отдельных слоев рабочего класса, как средство расшевелить пассивные элементы рабочей массы. «Экономическая» агитация еще долго будет играть роль такого средства, и «Искра» постоянно указывала на необходимость для соц.-демократии не оставлять без внимания профессиональное движение рабочих, издавать брошюры и листки для отдельных профессий, создавать, где можно, районные или общерусские профессиональные организации — ячейки наших будущих свободных профессиональных союзов, организовать «фабричные обличения» (кстати сказать, сильно хромающие за последние годы по сравнению с периодом «экономизма»). И несомненно, что некоторым нашим комитетам следовало бы обратить больше внимания на эту сторону соц.-дем. работы. Не прав наш автор, когда, говоря об агитации на почве «насущных интересов и нужд» рабочих масс, он, повидимому, отождествляет их всецело с профессиональными, «экономическими» интересами. Столь же насущными и столь же осязательными для остальных слоев рабочего класса (равно и крестьян) являются интересы рабочих, как граждан, как потребителей, как плательщиков налога и т. д. Если недостатком нашей политической агитации является зачастую ее слишком абстрактный характер, то более конкретный характер ей следует придать, обращая больше внимания на все те явления общественно-политической жизни, которые самым непосредственным образом задевают сознание политически-отсталого населения. А такие явления имеют место и вне сферы профессиональных интересов. То или другое распоряжение городской думы, поведение того или другого полицейского сатрапа, тот или иной случай проявления «классового правосудия» наших судов — все это такие же поводы для плодотворной местной агитации, как и случаи проявлений фабричного гнета. Нам думается, что причины недостаточного успеха агитационной кампании последнего года в тех или иных местах чаще следует искать не столько в игнорировании поводов для «экономической» агитации, а скорее в недостаточной широте размаха той агитации, которая велась. Лишь в немногих пунктах комитетские прокламации распространялись в количествах, обеспечивающих их проникновение во все слои рабочей массы; а где это условие было налицо, там зашевелилась, действительно, масса рабочих, хотя бы все выпущенные прокламации носили характер «политический» (пример — те же Баку и Тифлис).

Мы хотели бы сказать несколько слов по поводу отношения автора к майской демонстрации. Мы вполне понимаем, насколько соблазнительна идея приурочить рабочие демонстрации и стачки ко дню 1 мая, когда соц.-демократия имеет возможность синтетически выразить в массовом пролетарском акте и социалистическую цель движения, и политический, антицаристский его характер, и связь его с профессиональными нуждами отдельных групп рабочего класса. Революционное значение нашей майской агитации стоит вне сомнения. Не надо, однако, заблуждаться относительно возможности строить всю тактику нашей «уличной» борьбы на подготовлении к майским демострациям. Социально-революционный характер майского праздника ставит пролетариат в этот день в условия, наиболее неблагоприятные для таких политических действий, ближайшая цель которых — политическое воспитание и обучение организуемых нами масс. Майский праздник есть прежде всего смотр армии труда, а устраивать маневры под перекрестным огнем нарочито мобилизированных и поставленных на страже неприятельских батарей едва ли целесообразно. «Быстрота и натиск» — необходимое условие для победы, а о них нельзя говорить в применении к тактике нашей революционной армии, когда неприятель заранее знает, в какой день мы выйдем на улицу, и имеет возможность всесторонне изготовиться к сражению. Поэтому, хотя мы и должны быть каждый раз наготове воспользоваться всяким благоприятным условием, чтобы демонстрировать в майские дни, но приурочивать все революционные надежды к этим дням было бы ошибочной тактикой.

К вопросу о демонстрациях и нашей тактике мы еще вернемся в ближайшем будущем. А пока поблагодарим автора за его содержательное письмо и еще раз выразим надежду, что партия обратит на него все то внимание, какого оно заслуживает.

ОТВЕТ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ».[9]

(Письмо в редакцию.)

С чувством «глубокой боли и стыда» видит «Рев. Россия», как «только что начинающая жить революционною жизнью молодежь» «вступает в революционные ряды под определенное фракционное знамя» — знамя пролетарского социализма. И «Рев. Росс.» ополчается на брань; она посвящает целую статью «движению среди учащихся средне-учебных заведений», стараясь вконец уничтожить «скороспелую и самоуверенную» программу Южно-Русской Группы и противопоставляя ей «междуфракционную» программу других организаций учащихся. «Девизом движения молодежи, — говорит «Рев. Россия», — всегда служил клич: „К свету!“, стремление к развитию, к знанию... Это стремление — по самому существу своему — свободное, выражающееся, прежде всего, в критическом пересмотре всяких догматов, традиций, которые навязываются юной индивидуальности семьей, школой, церковью, окружающей средой. Эта критика, при существующих общественных условиях, неизбежно, сама-собой, ведет к выработке социалистически-революционного миросозерцания». В большинстве случаев это бывает действительно так (на это мы и указали в своем издании «К вопросу о программе», за которое стало стыдно «Рев. России»). Но есть ли хоть тень этого «социально-революционного миросозерцания» в программах тех организаций («С.-Петербургской» и «Союза молодежи»), на которые ссылается «Рев. Россия» для подтверждения своей мысли? Долго искали мы в этих программных заявлениях подобного миросозерцания и так и не нашли его. В изданиях С.-Петербургской организации (мы знакомы с нею по трем ее воззваниям и одному № ее органа «К свету!») мы не нашли ни слова о социализме, о русском рабочем движении... Мы видели в них исключительно стремление «к свету», «к самообразованию и самовоспитанию», — а о том, что это самообразование и самовоспитание должно послужить нам лучшим оружием в борьбе за принципы социализма, мы не услышали от С.-Петербургской организации ни слова. Но зато мы встретили в ее воззваниях восхваление царя-освободителя, понявшего будто бы с высоты трона нужды русского народа и отвратившего от России потоки крови; о том же, что для блага России необходимо вконец уничтожить этот трон,—С.-Петербургская организация не сказала ни слова. Правда, приведенная «Р. Р.» цитата из № 2 «К свету!» показывает, что организация эта приняла более «ясно выраженный революционный характер», чем в своих первых изданиях, но и до сих пор она не идет далее идеалов русских либералов, также восхваляющих Александра II. — «Одним из характерных по общности пунктов, являющимся важнейшим стимулом к об'единению, — говорит С.-Петербургская организация, — служит стремление развить среди молодежи дух товарищества и впоследствии связать существующие организации и кружки в единый всероссийский союз». Ту же цель преследует, очевидно, и «Союз Молодежи». Кому и для чего нужно это об'единение? Оказывается, что это необходимо для борьбы за... академическую свободу! — «Совещание, образовавшее союз, пришло к заключению, что для того, чтобы добиться академической свободы, необходимо сорганизовать учащуюся молодежь еще на гимназической скамье и подготовить ее к правильной, сознательной планомерной борьбе, — и в виду того постановило: образовать среди воспитанников средне-учебных заведений особую организацию, которая занялась бы подготовкою молодежи к предстоящей ей борьбе за свои права». «Так как совещание не считает возможным для учащейся молодежи добиться при современном казарменно-полицейском устройстве России каких-нибудь крупных уступок своими собственными силами, то поэтому постановило: оказывать действующим в России партиям посильное содействие деньгами и подготовкою учащейся молодежи к революционной деятельности, и потому совещание поручило Центральному Комитету союза завязать сношения с революционными партиями в России». Можно ли найти здесь, повторяем, хотя бы слабую тень *социалистически-революционного* миросозерцания? «Союз Молодежи» не считает своею задачей пропаганду среди учащихся социалистических принципов, — он готовит из нее борцов не за политическую свободу, за права *народа*; он считает достаточным подготовить молодежь к борьбе за академическую свободу, за «*свои* права». Итак, имеют ли эти организации хоть какую-нибудь социалистическую окраску, если даже с самодержавием они только потому готовятся бороться, что его падение принесет им «академическую свободу»? Необходимо ли и возможно ли при таких условиях об'единение всех организаций учащейся молодежи в России? Существует ли у организаций учащихся средних школ, как таковых, такое «общее дело», чтобы в его интересах нужно было бы их безусловное об'единение, несмотря на все программные разногласия? Мы понимаем еще, что такое «общее дело» *изредка* может найтись у студенчества (забастовки, демонстрации). Но какое «общее дело» может быть у нас, учащихся средних школ, как таковых? Не «активная ли борьба с учебным режимом», не об'единенный ли протест против «невыносимо-душной обстановки нашего просвещения»? Но ведь сам «Союз Молодежи» признал, что мы не добьемся ничего собственными силами... Или это «общее дело» есть подготовка к «общему делу» студенчества? Но не все организации удовлетворятся таким «делом». «Союз Молодежи» распустит свои организации, лишь только русский рабочий класс завоюет ему академическую свободу; то же сделает, пожалуй, и «С.-Петербургская организация», когда «дома с заколоченными дверями и окнами» превратятся в свободные школы; наша же Группа и «Харьковский Союз» говорят молодежи, что при низвержении самодержавия не прекратится борьба за торжество «социально-революционного миросозерцания», наша Группа и «Харьковский Союз» — это зародыш будущей «молодой гвардии» социальной революции. Мы готовимся и готовим своих товарищей к борьбе в рядах рабочего класса. Вот что отличает нас от других организаций учащихся средн. школ... «Мы не можем достичь чего-нибудь собственными силами» и потому «мы оказываем посильное содействие деньгами и

подготовкою учащейся молодежи к революционной деятельности», — но не всем без разбора революционным партиям, как «Союз Молодежи», а только той, которая борется за освобождение того класса, в рядах которого мы стремимся работать. И, как первый студенческий с'езд, мы примкнули к социал-демократии именно потому, что под ее знаменем борется русский рабочий класс, потому, что из всех русских революционных партий только она есть партия революционного пролетариата. И «Р. Р.» ошибается, полагая, что при выработке нашей программы мы не отнеслись «сознательно и критически-продуманно и к ее социально-политической программе». Мы познакомились с отношением ее к рабочему классу, — детально познакомились с ее «аграрной» программой, — несмотря на всю свою сбивчивость и запутанность достаточно ясно указывающей на мелкобуржуазный характер ее стремлений, — мы сравнили деятельность Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. с деятельностью Качура, как члена «Боевой Организации», — и решили примкнуть к партии пролетариата — к русской социал-демократии.

Но «Рев. Россия» вообще не может представить себе «организацию учащихся, выработавшую себе определенную партийную политическую программу». «Несомненно, — говорит она, — руководители этих организаций могут внушить последним ту или иную партийную окраску, но заменит ли эта окраска самостоятельно выработанное мировоззрение, основанное на знакомстве со всеми основными течениями общественной мысли, — это вопрос, по меньшей мере сомнительный». Из этой цитаты легко видеть, как «Рев. Россия», вслед за Киевским Центральным отд., никак не хочет понять нашей точки зрения о пропаганде социалистических принципов, не переставая сравнивать «самостоятельно-выработанное миросозерцание» с какою-то вредною «окраскою». Пропагандируя необходимость террористической борьбы, последователи «Рев. России» знакомят, конечно, рабочих с мнениями противников террора, но они ведь оставляют за собой право утверждать искренность своего убеждения — о том, что только в «Боевой Организ.» — спасение русских рабочих. Если социал-демократическая организация приступает к пропаганде идей пролетарского социализма, — то она может одинаково беспристрастно знакомить рабочих со всеми течениями общественной мысли, начиная с доисторических времен и кончая «новейшим социализмом» гг. социалистов (?!) революционеров, — но отстаивает истинность только социал-демократического учения. И никто не сетует на нее за «сужение умственного кругозора» рабочего. Но когда отдельные организации, состоящие из учащихся, «выдающихся по своему развитию», «с вполне сложившимся миросозерцанием», начинают вести пропаганду идей пролетарского социализма, — тогда начинаются рассуждения о «самоуверенном определении путей саморазвития», об «умственном рабстве» и пр., — которыми занималось уже Киевское Центральное отд., поддержанное теперь «Рев. Россией». «Глубоко убежденные в истинности революционного социализма», мы, как и «Рев. Россия», зовем учащуюся молодежь к «ознакомлению со всей полнотой научной и общественной мысли», но мы оставляем за собой право указать молодежи, где во всех этих научных и «общественных» учениях плевелы и где пшеница, где она действительно найдет научное обоснование пролетарского социализма, а где — только громкие и красивые фразы.

Между прочим, «Рев. Россия» не преминула бросить тень на «программу» нашей Группы, указавши на то, что в своем воззвании «К вопросу о программе» мы будто бы только и делаем, что цитируем издания социал-демократической «фракции». С своей стороны, укажем «Рев. России», что лучше выражать свои самостоятельно-выработанные мысли правильными цитатами из «Искры», чем подпирать свою колеблющуюся программу неправильными цитатами из Маркса и Энгельса или уснащать свои статьи заведомо неверными цитатами из журналов семидесятых годов (статьи о «чигиринском деле»), как это делают гг. социалисты-революционеры.

20. V. 1903. Центральный Комитет
Южно-Русской Группы
Учащихся Средн. Школ.

P. S. Кстати, еще несколько слов о новой организации учащихся — о «Союзе Молодежи». «Рев. Россия» утверждает, что он образовался на с'езде представителей средне-учебных заведений. До сих пор мы не получили ни от «С.-Петербургской организации», ни от «Харьковского Союза», ни от Киевского Центр. отд., с которыми мы поддерживаем сношения, — никакого извещения об этом «с'езде». Кроме того, с самого февраля месяца ни мы ни «Харьковский Союз» не получали приглашения вступить в организацию этого «Союза Молодежи», несмотря на то, что найти нас не так-то трудно. Где же обретается этот «Союз», от каких это средне-учебных заведений были представители на его с'езде и с каким это несуществующим «секретариатом Студенческого Союза» собирается вступать «Союз» в федеративные сношения? Не раз'яснит ли нам это «Рев. Россия»?

ЗУБАТОВЦЫ В ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.

Если бы кто-нибудь предсказал Николаю I те меры, какими правительство его правнука будет отстаивать устои Российской Державы, непреклонный прадед, несомненно, отравился бы еще до Севастопольского погрома. И было бы отчего!

Правительство Николая I запрещало холопского духа писателям расточать подобострастные хвалы мудрости начальства: власть не нуждается в одобрении подданных. Правительство Николая II содержит на народные деньги целый ряд газетчиков и ораторов, назначение которых хвалить и хвалить премудрость властей до притупления перьев, до хрипоты в голосе...

Правительство Николая I имело силу и власть оставить народные массы без печатного слова, запрещая дешевые книги и газеты, способные, по словам графа Уварова[10], «привесть массы в движение».

Правительство Николая II оказывается вынужденным доказывать рабочим неизбежность «рабочего движения». И доказывать — как? Посредством нелегальных произведений, направленных против социализма. У нас под руками одно из таких произведений. Издано оно посредством машинки ремингтона. Место издания не обозначено, — но, судя по содержанию, — недалеко от охранного отделения. Подписано — «Группа сознательных рабочих». Простая ли это фальсификация, или к про-

изведению действительно приложили руку те «сознательные рабочие» зубатовской фабрикации, имена которых будут записаны историей русского рабочего движения в главе «О предателях», — не все ли равно?

Подпольное произведение, защищающее самодержавие от революционной критики, остается все таким же глубоким знамением полного внутреннего разложения «устоев» Российской Державы...

Основные положения теории полицейского социализма таковы.

С возникновением класса рабочих возникло и рабочее движение. «Эта борьба возникла естественно, сама собой, как борьба вновь народившегося класса, она вытекла из склада самой жизни и остановить ее нельзя ничем: она неизбежна и неудержима».

Но как бороться? Есть путь эволюции и путь революции, путь «планомерного восхождения» и путь «фантастических скачков». Но путь революционных скачков уже давно скомпрометировал себя в глазах всемирного пролетариата. Французские рабочие, например, произвели революцию, «весь Париж залили своей кровью, осиротили свои семьи и добились уничтожения правительства... а дальше... дальше: власть перешла к буржуазии и буржуазия сейчас же, для защиты себя от „буйных“ рабочих, кровью которых только что получила власть, издала закон, согласно которому, если толпа не рассеется по первому требованию, то вооруженные власти должны открыть против нее огонь. Простой народ увидел обман революционеров, но было уже поздно».

Уж, конечно, не мы, социал-демократы, будем защищать французскую буржуазию, ко́торая при помощи ружей заставляла, подчас заставляет и теперь рабочих расходиться, — но как вам покажется демагогическая наглость «теоретика» зубатовщины, который кивает на кровожадный эгоизм европейской буржуазии, забывая о Домброве, о Тихорецкой, о Кишиневе, о Златоусте, обо всех тех адских деяниях русского самодержавия, которые вызывают чувство ужаса даже у европейской буржуазии!

Итак, путь революции — не путь рабочего класса. Ему нужен союз с правительством и с «общественным мнением». Если бы мы не смотрели на все сквозь листы подпольных изданий (не забывайте, читатель, что это говорится в подпольном издании!), глазами наших самозванных учителей-революционеров, то знали бы, что правительство само идет нам навстречу; мы бы знали о том, что в некоторых больших городах рабочим, ставшим на путь экономического движения, разрешено уже устраивать союзы, иметь своих представителей» и прочее и пр. и пр.

Жаль только, что автор забывает прибавить, что эти «союзы» состоят под руководством провокаторов, что независимые «представители» рабочих немедленно арестовываются, и наконец, — а это главное, — что самый вопрос о рабочих «союзах» был поставлен правительством только под давлением революционного движения пролетариата.

Союз с «общественным мнением»! Опять-таки автор не поясняет, говорит ли он о мнении буржуазии, которая, как мы уже знаем, не прочь противопоставить пролетарским требованиям ружейные дула, или о мнении пролетариата, который, как, вероятно, известно автору, все решительнее и решительнее идет за «самозванными учителями-революционерами».

Критика социализма у нашего автора из рук вон плоха. «Что касается раздела всех благ, — говорит он, — то это уже совсем мудреное дело»: дома, видите ли неодинаковы, земля тоже в разных местах неодинакова, многих предметов (машин, что ли?) и вовсе «на всех не хватит». Как тут делить? «Много насилий, много страданий вызвал бы такой раздел, а равенства все равно не было бы: люди более способные, трудолюбивые, ловкие, сейчас бы выделились и стали быстро богатеть на счет остальных, и в результате получилось бы только „перемещение“ богатств от одних к другим».

Эх, г. Зубатов, надо бы поискать более приличного теоретика! Кто же в наши дни, когда всюду и везде распространены социал-демократические издания, не знает, что социализм не означает раздела земли и фабрик, что только мелкобуржуазные демократы вздыхают об «уравнительном» распределении земли? Социал-демократия требует перехода всех средств производства в общественную собственность. Такой переход, уничтожив товарное хозяйство, тем самым положит раз навсегда конец «обогащению одних на счет других». Нет, нет, совсем не достаточно служить в охранном отделении, чтобы «разнести» социализм по кускам!..

Подпольно-полицейское произведение заканчивается такой фразой: «Не верьте, братцы, что без труда можно чего-нибудь добиться, что с переменой правительства вдруг станет всем хорошо жить, — это гнусный обман, которым хотят только завлечь нас, чтобы воспользоваться нашей силой...» Мы, социал-демократы, прекрасно вооружены против такой демагогии. Мы не устаем повторять массам, что с переменой правительства далеко не «вдруг» станет всем хорошо жить. Мы не устаем твердить, что для нас политическая свобода значит свобода дальнейшей революционно-пролетарской борьбы за социализм. Мы не устаем работать над созданием самостоятельной пролетарской партии, которая и в момент грядущей «буржуазной революции сумеет отстоять пролетарские интересы от либерально-цензовых и буржуазно-демократических посягательств. И вот почему, между прочим, и в борьбе с зубатовской демагогией социал-демократия должна резко отделять себя от революционеров, склонных к буржуазно-демократической демагогии, от революционеров, способных говорить массам, будто «весь секрет» в том, чтоб «посадить царя на учет», будто после низвержения самодержавия наступит на Руси «мир» и «равнение». (См. «популярную» литературу «Аграрно-социалистической лиги» и «Партии соц.-рев.»).

Да, усердно работают зубатовские птенцы над развитием рабочего движения «в чисто-русском духе». Этой работе пора бы — в целях социал-демократической агитации — подвести кое-какие итоги. Сколько-нибудь полно и обстоятельно это можно сделать только в форме брошюры, — и мы пользуемся случаем, чтобы попросить товарищей, живущих на местах зубатовского «творчества», доставить нам все документы и сведения, характеризующие эту поистине непредвиденную полосу нашей «внутренней политики».

Самодержавие не дает места нашей революционной печати на вольном воздухе. И что же? Оно само оказывается вынужденным спуститься к нам в подполье... Милости просим, милости просим... Тут мы впервые померяемся «на равных правах»! — Словом против слова.

[Н. Троцкий]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ НА СУДЕ.

21 мая состоялось заседание Саратовской судебной палаты по делу о рабочих Денисове и Селиверстове, обвинявшихся в распространении майских прокламаций с призывом к демонстрации, состоявшейся в Саратове 5 мая 1902 г. Третий обвиняемый по тому же делу, рабочий же Тимашев, скрылся до суда. Защита доказывала, что обвиняемые, арестованные при расклейке прокламаций, могут быть признаны виновными лишь в подготовлении преступного действия, а не в участии в нем, как настаивал прокурор. Суд большинством пяти голосов против четырех согласился с прокурором и приговорил Денисова к ссылке в Сибирь на поселение, а Селиверстова — к $3^1/_2$ годам арестантских рот. Товарищ Денисов произнес на суде замечательную речь, которую приводим полностью.

Господин прокурор в своей обвинительной речи указал на то, что демонстрация 5 мая была следствием петербургских событий, т. е. казни Балмашева. Повидимому, прокурор незнаком ни с рабочим движением, ни с психологией масс. Я сам рабочий, и мое то или другое отношение к современному общественному строю сложилось под непосредственным влиянием окружающей среды. Далекими, но еще яркими образами вставало предо мной печальное прошлое, когда людей меняли на собак, когда рабочих по малейшему поводу секли розгами. И шли (говорил отец) рабочие на гауптвахту, и секли их там, нещадно секли; случалось, засекали до смерти. Случалось, что более непокорных рабочих прогоняли сквозь строй. Редкий человек мог пройти под ударами палок все зеленое солдатское поле; большинство из них, окровавленные, с оторванными кусками мяса, падали на половине пути, падали и умирали.

Так жилось рабочим в доброе старое время, не лучше живется и теперь. Все тот же гнет, все та же бедность, и хотя не секут их розгами, не убивают палками, но от этого не легче. Казацкая плеть и солдатская пуля вполне могут заменить розги и шпицрутены. Экономическое положение трудящихся масс также безотрадно. Живя по России, в Москве или в Баку, я видел, как ютятся рабочие в подвалах и конурах. Я видел рабочих, когда они, после тяжелого трудового дня, усталые возвращались в свои квартиры. Апатичные, вялые, они тупеют с каждым днем и к пятидесяти годам делаются стариками. Здоровье, бодрость, гибкость мышц и ума, — все пропало. Все убил длинный рабочий день, все исчезло в серой однообразной жизни. От человека ничего не осталось, одна лишь ходячая рабочая сила, способная работать, и только работать.

Я видел детей этих бедняков: исхудалые, в жалких отрепьях, они таяли в духоте квартир, в чаду заводской копоти.

Я видел безработных, людей, желающих только работать, потому что не иметь работы значит не иметь пропитания не иметь жизни. И тысячи, десятки тысяч рабочих, юноши и старики, женщины и мужчины не имеют жизни, обречены на смерть. И они умирают, медленно для постороннего глаза, голод почти незаметно сводит этих вышибленных из трудовой колеи рабочих в могилу. Да, такова доля рабочих, темными тучами окутана их жизнь. Эта печальная эпопея трудящегося люда не могла пройти для меня бесследно, она положила свой отпечаток на мое миросозерцание, она поставила меня во враждебные отношения к существующему строю, она заставила меня примкнуть к только еще начинающемуся рабочему движению, и я сделался сознательным борцом за дело освобождения рабочего класса. Рабочее движение, носившее в 90-х годах экономический характер, в настоящее время, благодаря кризису, отчасти репрессиям правительства, а, главным образом, благодаря большей зрелости рабочих масс, получило политическую окраску. Стачка заменилась демонстрацией; в одной из таких демонстраций, а именно — бывшей 5 мая в Саратове, я счел нужным принять участие. Я распространил в ночь на 5 мая прокламации, приглашающие всех рабочих и всех тех, кому дороги интересы пролетариата, придти выразить протест против современного положения вещей.

Демонстрация 5 мая была вместе с тем и майским праздником рабочих, и заключение г. прокурора о казни Балмашева, как о причине демонстрации, неверно. Майские демонстрации бывали и раньше и позже казни. Требования, выставляемые рабочими, имеют мало общего с Балмашевым. Террористический способ борьбы и программа партии, из рядов которой вышел Балмашев *, также чужды рабочему движению. В настоящее время рабочие выходят на улицу не бунтовать, не призывать городское население к оружию, нет! Они демонстрируют, они хотят показать господствующему классу, что дольше терпеть не могут, что они имеют право на лучшую жизнь. На знаменах, которые были в демонстрации 5 мая, были надписи: «Мы требуем 8-часового рабочего дня!», «Работы безработным!». Почему-то прокурор в своей обвинительной речи ничуть не упомянул об этих требованиях, а ведь меня, как выразителя интересов русских рабочих, эти требования больше касаются, чем других.

Восьмичасовой рабочий день необходим нам, рабочим, чтобы стать людьми; чтобы, кроме работы, оставалось время и на самообразование и на воспитание детей; чтобы не утомляться на работе до одурения; чтобы сберечь свои силы не до 30, не до 40 лет, а на всю жизнь, так как только и есть ценное у рабочих — это их сила; чтобы защитить рабочий класс от вырождения, ибо непосильный труд истощает организм. Да, защитить, а ведь право самозащиты существует и считается законным правом на всех языках, во всех уголках земного шара.

Надеюсь, что вы, господа судьи, не будете оспаривать это право и у нас, русских рабочих.

Другое требование было: «Работы безработным». Если первое требование было справедливо, то второе — тем более. Люди, которые своим трудом прокармливают господствующие классы, люди, создавшие и создающие все блага культуры, имеют большее право на пользование этими благами, чем те, которые пожинают их, не сеявши. И вот, имея это нравственное право, рабочие пока не пользуются им; они пока не говорят: «уйдите все, пожинающие плоды наших трудов». Нет. Они заявляют только: работы безработным. Дайте работы рукам, которые содержали и содержат прошедшие и настоящие правительства, дворян, фабрикантов, купцов и пр. не трудящиеся слои современного государства! Дайте работы людям, которые создали богатства другим, а сами терпят лишения!

Неужели вы, господа судьи, назовете людей, требующих работы, преступниками? Неужели вы осудите их на голодную смерть? Это было бы мало того, что несправедливо, но и жестоко, чудовищно жестоко. Требование политической свободы с прибавлением «долой самодержавие!» не есть только требование рабочих. Политическая свобода нужна и средним слоям буржуазии и людям сво-

---

* Товарищ Денисов, повидимому, не знаком с фактами, доказывающими, что Балмашев не вышел из рядов партии соц.-рев., о которой он здесь говорит. До самого последнего времени Балмашев был социал-демократом. От этого, конечно, не меняется оценка террористического способа борьбы и его отношения к рабочему движению.

Прим. ред.

бодных профессий, не говоря уже о миллионах крестьянства.

Но что может назваться свободой для них, то вовсе не обязательно послужит свободой и для рабочих. Политическая свобода для рабочих не есть цель, а одно из необходимых условий в деле защиты своих интересов, в деле завоевания лучшего будущего, поэтому исключительно политическое движение не может быть движением рабочих масс.

Я — социал-демократ. Считая, что социал-демократия, и только она одна, является истинной выразительницей интересов пролетариев вообще, и русских рабочих в частности, я считаю долгом следовать ее принципам, поступать согласно ее программе.

Одним из пунктов программы и есть требование политической свободы. Это требование не есть продукт каких-либо теоретических соображений; нет, оно вызвано жизнью. Причина возникновения этого требования так же глубоко лежит в рабочих массах, как глубоко внедрены причины, делающие русских рабочих социал-демократами.

Самодержавие сдавливает рабочее движение, самодержавие всеми средствами отстаивает милых его сердцу крупных капиталистов при столкновении их с рабочими. Самодержавие держит рабочих в черном теле: оно преподносит рабочим только темницы, казацкие плети да солдатские пули; оно наказывает за участие в тайных рабочих союзах, за стачки, за всякий протест, выраженный рабочей массой. Самодержавие ссылает лучших борцов за рабочее дело в Сибирь, в холодные, бесплодные тундры. Самодержавие стоит препятствием в деле пропаганды социалистических идей, в деле достижения рабочими социалистического строя.

Проповедуя социалистические идеи, социал-демократы надеются, что эти идеи, проникнув в народные массы, сделают возможным проведение в жизнь таких реформ, осуществление которых принесет благополучие не только трудящимся классам, но и всему человечеству. Для осуществления социальных реформ и требуется народное правление, ибо реформы и возможны только тогда, когда народ свои думы и свои желания воплотит в закон, чтобы этот закон применить к жизни.

Я участвовал так или иначе в деле борьбы за освобождение рабочего класса, считал и считаю свое участие правом, таким же правом, как право жить. Я думаю, что имею право и пропагандировать социалистические идеи и распространять брошюры и прокламации и призывать людей на демонстрацию. Это право зиждется на праве десятков миллионов людей. Вековой труд наших предков, будущее наших внуков — все это дает нам право бороться. Это право голодных крестьян, право измученных рабочих.

Право бороться — право человека!

«Искра» на скамье подсудимых. Арестованные в марте 1902 г. в Кишиневе товарищи Леон и Мария Гольдман, А. Шнойзман, Гриша (фамилия неизвестна) и Корсунская (все — рабочие) преданы суду судебной палаты по делу о типографии «Искры», взятой на квартире у Гольдманов. Типография была открыта случайно, благодаря тому, что Л. Гольдмана, который в Кишиневе жил по паспорту Ис. Римана, узнал шпион. Приведенный в участок, Гольдман был узнан приставом как обитатель квартиры в его участке. В квартире была найдена хорошо обставленная типография и 5.000 экз. только-что отпечатанной брошюры «Легальные союзы» (о зубатовцах). Л. Гольдман, по ремеслу слесарь, был в 1899 году арестован в Нижн.-Новгороде, где служил солдатом, и привлечен по делу литовской социал-демократии в Вильно. Весной 1900 г. он был выслан обратно в полк, но с пути бежал из-под конвоя и скрывался два года, пока несчастная случайность не предала его снова в руки жандармов.

Согласно непроверенным еще нами слухам, дело «Искры» уже разбиралось и якобы закончилось осуждением Гольдмана и его товарищей на восемь лет каторги.

Подсудимый в роли судьи. В странах свободных государственный деятель, который, пользуясь вверенной ему властью, совершил бы уголовно наказуемое преступление, должен был бы отвечать за него перед собранием представителей народа. В порабощенной России главный и самый злостный виновник кишиневских убийств не только не предан суду за свое преступление, но сам парадирует в роли судьи перед представителями еврейского населения. Г-н Плеве «милостиво» принимает еврейскую депутацию, явившуюся «просить и искать умиротворения, успокоения и защиты», он, только-что изобличенный английским Times'ом как автор известного письма к бывшему бессарабскому губернатору, фон-Раабену, нагло разговаривает с евреями об их собственной «вине» в совершившихся событиях. Подсудимый с удивительной развязностью играет роль судьи. Палач с истинно-самодержавным цинизмом подбадривает и в то же время осуждает жертвы своего живодерского таланта.

Аудиенция у Плеве происходила 11 мая. Гг. Гольдштейн, Вринберг и Кенигшац — выборные еврейской буржуазии в Одессе — указали Плеве — в пределах, конечно, «верноподданнического» тона — на роль кишиневских властей и Крушевана в подготовке и организации погрома, на то действие, которое должен возыметь известный иезуитский циркуляр Плеве, обвинявший евреев в том, что они вызвали столкновение; они отметили, что «все мероприятия местной администрации за последние годы в отношении еврейской массы — одно глумление», что в «Бессарабце», «с разрешения начальства, публикуется приглашение к пожертвованию в пользу семейств громил, и тут же официально воспрещается печатание воззвания о воспомоществовании тысячам обездоленных и погромленных евреев». Они просили Плеве издать новый циркуляр, который показал бы христианскому населению, что правительство намерено защищать жизнь и имущество евреев. Они просили, чтобы было произведено расследование о действиях кишиневской полиции и чтобы была «обуздана» антисемитская печать, натравливающая темную массу на евреев. Как будто бы «обузданием» хотя бы и подлой печати можно достигнуть просвещения сознания невежественных слоев народа!

Плеве в ответ на все эти ходатайства заявил, что издать новый циркуляр значило бы признать, что первый циркуляр «не возымел надлежащего действия». А, признав это, «власть признала бы как бы свою слабость, что, конечно, само по себе недопустимо».

Г. Плеве уверял, что он очень сочувствует пострадавшим, что он вовсе не враг евреев и намерен облегчить их положение, но тут же перешел к угрозам, смысл которых совершенно ясен и которые должны получить самую широкую огласку, дабы каждый знал, как современное русское правительство смотрит на свое отношение к целым миллионам народа.

«Ваша молодежь, господа, — сказал министр-убийца, — за последние 20 лет совершенно отделилась от вашей церкви и семьи; она ошибочно полагает, что Россия — дряхлый организм, который легко разрушить. Пусть она знает, что это — глубокое заблуждение. Россия — молодой, крепкий организм, и если мы иногда испытываем известные потрясения, как, напр., в данный момент на юге и юго-западе от разных рабочих союзов, «бунда» и проч., то это временные затруднения, быть может и сильные, но которые мы одолеем... Если мы убедимся, что антиправительственное движение в вашей среде не прекратится, не ослабнет, то мы не остановимся и перед крайними мерами, мы будем вынуждены избавиться от вас, и для этого мы, с одной стороны, облегчим для вас, по возможности, эмиграцию, а, с другой стороны, закроем для вас школы и вообще мы сделаем условия жизни для вас в России невозможными». «Прошу принять это не как угрозу (!!), а как указание на то, в какие условия могут поставить себя евреи».

Можно ли яснее дать понять, что г. Плеве принимает на себя полную ответственность за совершенные в Кишиневе грабежи и убийства и что он обещает евреям повторение насилий над их личностью и имуществом, если они не перестанут выделять из своей среды революционеров?

Сделать условия жизни евреев «невыносимыми» возможно для г. Плеве, тем более возможно, что эти условия уже теперь недалеки от того. Именно невыносимый характер этих условий толкает все растущую часть евреев в ряды революционеров. Усилить гнет, лежащий на евреях, значит — еще сильнее революционизировать их. Не поможет самодержавию и та паника, которую угрозы Плеве вызывали и будут вызывать в еврейском «образованном» и необразованном мещанстве. Правда, много гнусностей совершит это мещанство, много грязи всколыхнет в этом болоте новая политика Плеве. Уже теперь, как пишут нам из Кишинева, еврейское «обывательское» общество сплошь превращается в добровольных шпионов, думающих услугами жандармской полиции умолить разгневанные власти и предотвратить повторение погромов. Уже в Одессе еврейские лавочники били и истязали еврейских и русских рабочих революционеров. Подобное поведение еврейской буржуазии только ускорит процесс отделения еврейского пролетариата от нее, оно будет содействовать росту соц.-демократического движения среди еврейских рабочих, которые вместе с рабочими русскими станут деятельно готовиться к тому, чтобы силой отражать всякие попытки правительства убийствами, грабежом и насилием водворять начала самодержавия и «общественного порядка».

Комедия судебного следствия в Кишиневе. Местные судебные власти не хотели начинать следствие и никого не арестовывали. Убийцы гуляли на свободе, хвастали своими подвигами и угрожали евреям повторить еще раз погром. Местный следователь Давидович в статье, помещенной в «Бессарабце», старался доказать, что нельзя преследовать никого судом, так как индивидуальной вины здесь нет, а все происшедшее надо считать стихийным явлением природы. Только с прибытием из Одессы прокурора Поллана следствие началось. В несколько дней было арестовано свыше тысячи человек, так как виновные не скрывали своего участия в погроме, будучи убеждены, что они честно выполнили приказание начальства. Но как только г. Поллан выехал из Кишинева, положение вещей опять изменилось: часть лиц, ведших следствие, самолично участвовали в погроме, другие боялись быть слишком усердными, чтобы не вызвать неодобрения со стороны высшего начальства в Петербурге. Поэтому они принялись тушить дело. Главный следователь отказался от вскрытия и посещения трупов убитых под тем предлогом, что причина смерти известна. Было отдано приказание похоронить убитых как можно скорее. Полиция не давала фотографировать убитых и раненых. Очевидно, начальство стремилось к тому, чтобы нельзя было найти улик против отдельных лиц и чтобы пришлось приписать все преступление действию буйной толпы. Не только отказались исследовать места убийства, но были приняты меры к уничтожению всех следов преступления. Оставшимся в живых был отдан приказ очистить все жилища от всех следов убийства, и полиция строго следила за исполнением этого приказа. В доме убитого еврея Хацкелевича не успели все вычистить, так как вся семья, тяжело раненая, находилась в больнице, тем не менее, вдова была приговорена к тюремному заключению на один месяц. Оставались только показания свидетелей, но и здесь следователи постарались не выдавать убийц. Все следствие было подразделено на части, так что каждый следователь вел дело только по преступлениям одного рода: один занимался делами об убийстве, другой — о поранениях, третий — о грабеже, четвертый — о краже и т. д. Кроме того, свидетельство одного еврея считалось недостаточным и, таким образом, освобождены были многие, виновность которых подтверждалась свидетелями. А во многих случаях других свидетелей, кроме евреев, и не могло быть, так как дело происходило в закрытых помещениях. В каком духе ведется следствие, лучше всего доказывают следующие факты. Главному следователю г. Фреймату было доложено о двух случаях изнасилования, но он отказался внести это в протокол, говоря: «Это мелочи». Этот же господин допрашивал раненых в больнице и в протоколе совершенно изменил смысл их показаний. Фельдшерица, присутствовавшая при допросе, протестовала самым энергичным образом против подобного поведения. Господин Фреймат напустился было на нее и хотел ее напугать, но госпожа Неручева (фамилия фельдшерицы) приказала ему убираться, и у следователя нехватило храбрости явиться еще раз в больницу для дальнейших допросов, и он послал туда заместителя. Многие из участников погрома могли своими показаниями обличить организаторов, и потому они наскоро были освобождены следователями, хотя по закону последние не имеют права освобождать обвиняемых без разрешения прокурора.

Чтобы помешать евреям обжаловать эту комедию, администрация пользовалась теми правами, которые ей дает положение усиленной охраны, введенное якобы для защиты евреев. Так, два еврея, по фамилии Мучник, были посажены в тюрьму на один месяц по приказанию временного губернатора (г. Устругова, друга Крушевана) «за то, — говорит официальный приказ, — что они громко перед толпой евреев говорили на своем жаргоне против действий полиции». Даже еврейские врачи, дававшие правдивые показания о тех ужасных изуродованиях, которые они нашли на трупах убитых, подвергались преследованиям и угрозам со стороны администрации. Земский врач Дорошевский, давший корреспонденту «Новостей» подробные сведения о характере найденных им ран, должен был оставить службу в земской больнице.

Последствия погрома в Кишиневе. Привожу вам данные из одного частного письма по поводу того, что творилось и творится в Кишиневе. Корреспондент называет настоящее положение дел «продолжением погрома» и об'ясняет это так.

«Это „продолжение погрома“, т. е. обостренное попрание человеческих прав евреев, сказывается, напр., в том, что административные репрессии, направленные, якобы, к успокоению края, обрушиваются странным образом именно на евреев или лиц, ставших на их сторону.

«Так, на этих днях исполняющий должность губернатора вице-губернатор Устругов, пользуясь 20 ст. „Положения об усиленной охране“ (каковое введено по поводу погрома), устранил от должности земского врача Н. А. Дорошевского, известного своим гуманным отношением к евреям и пользующегося среди них громадною популярностью. Тот же Устругов, не довольствуясь уже предоставленными ему „Пол. об усил. охр.“ широкими полномочиями, 23 мая, вопреки как цензурному уставу (178 и 180 ст.ст.), так и „Положен. об охране“, отдал приказ о конфискации во всех книжных магазинах и на квартире книгоиздателя Брестона изданной последним брошюры, заключающей в себе исключительно текст проповедей Иоанна Кронштадтского (речь, а не письмо *) и епископа Антония, и разрешенной к продаже одесским цензурным комитетом. Исполняя этот приказ, городовые и околоточные целый день обходили все книжные магазины, лари и киоски и отбирали книжку, а также саблями соскабливали со столбов во множестве расклеенные с разрешения той же полиции об'явления о выходе этой брошюры. Эта полицейская демонстрация, произведенная почти накануне 25 и 26 мая, когда ожидалось повторение погрома, без сомнения, была понята широкими слоями городского населения как административное порицание тех элементарных гуманных мыслей по еврейскому вопросу, какие имеются в проповедях И. Кронштадтского и епископа Антония.

«Изданное и. д. губ. на основании „Положения об усиленной охране“ обязательное постановление, согласно которому иметь оружие впредь дозволяется только со специального разрешения губернатора, применяется таким образом, что до сих пор разрешение дается только христианам. В результате — обезоруживается после погрома именно та часть населения, на которую совершено было ужасное нападение.

«Пользуясь „Пол. об усиленной охране“, и т. д. губернатора посадил под арест на месяц двух евреев, сильно потерпевших от погрома, которые решились (громадное

---

* Как известно, в позднейшем письме Иоанн Кронштадтский взял назад свой протест против кишиневских событий.

большинство не решается) дать показания у судебного следователя против полиции (остроумный следователь поручает проверку этих показаний той же полиции)».

А вот что делается за пределами Кишинева: «17 мая на станции Раздельная некий еврейский юноша сделался случайным свидетелем того, как одетый в европейское платье господин (впоследствии оказавшийся Прониным, один из самых богатых людей в Кишиневе, крупный подрядчик, оказывал денежную помощь „Бессарабцу", едва ли не самый деятельный после Крушевана антисемит в Кишиневе, а по своим связям с рабочим людом — и самый опасный), окруженный почтовыми чиновниками (дело было в почтовом отделении), громко повествовал последним о причинах кишиневского погрома. По его словам, евреи вызвали озлобление в христианском населении тем, что убили с ритуальными целями мальчика в Дубоссарах, а 6 и 7 апреля первые напали на христиан. Возмущенный этой ложью, юноша вмешался в разговор и, в завязавшемся затем споре, заявил, что погром не был вызван нападением евреев, а был заранее кем-то подготовлен, так как до погрома еще были выпущены прокламации, призывавшие христианское население к избиению евреев. На возражения Пронина, что это неправда, юноша вызвался прислать тот номер «Спб. Вед.», где сообщалось об указанных прокламациях. После этих слов Пронин немедленно крикнул: «жандарм!», и когда тот пришел, сказал ему, указывая на юношу: «Арестуйте этого человека, он обещал прислать нам прокламации». И юноша был арестован и затем привлечен к дознанию по 251 ст. Ул. о наказ. (распространение преступных сочинений). В прокуратуре говорят, что дело об этом юноше будет прекращено, но не характерно ли, что из двух собеседников по поводу погрома арестовывается именно тот, кто говорит в защиту евреев?».

Как самодержавие готовится к уличным сражениям.

Нам доставлен весьма интересный секретный циркуляр Клейгельса, изданный перед 1 мая сего года. Рекомендуем всем товарищам внимательно ознакомиться с его содержанием.

Секретно.

Распоряжения для предупреждения и пресечения уличных беспорядков.

(К 1 мая и к 200-летию С.-Петербурга.)

1. Предлагаю чинам полиции всякие скопления публики рассеивать, приглашая расходиться, ссылаясь на мое Обязательное Постановление от 8 марта.

Неподчиняющихся — задерживать и привлекать к ответственности.

2. Если меры полиции окажутся недостаточными для восстановления порядка, вызываются войска, которым указывается цель и направление действия.

3. По восстановлении порядка, задержанные лица направляются в ближайшие к месту беспорядка полицейские дома, причем от сопровождающих чинов полиции требую полного самообладания и спокойного, сдержанного обращения.

4. Как скоро будет замечено движение рабочих в город в большем, чем обыкновенно, числе, остановить движение пригородных конок.

При возникновении беспорядков, в случае надобности, распорядиться остановкой движения конок по всему городу, вернувши вагоны в парки.

Приведение в исполнение этого распоряжения возлагается на местных приставов — по личному их усмотрению, сообразно с обстановкой, или же по получении о том распоряжения по телефону.

5. Лиц подозрительных, обращающих на себя особое внимание на улицах, направляющихся в центр города, задерживать и осматривать только полицейским офицерам, в скрытых от публики помещениях.

6. Вменить в обязанность дворникам — всех мальчишек, безобразников и нищих направлять во дворы, в пустые сараи, где держать их до восстановления порядка на улице.

7. До возникновения беспорядков единичных ослушников при задержании отправлять в ближайшие участки при достаточно сильных конвоях.

На случай надобности установить пикеты в ближайших домах.

Только при возникновении беспорядков.

8 а) Все винные лавки, трактиры, пивные и т. п. заведения закрыть; б) ворота домов закрыть и дворников со всеми подручными выставить у ворот.

9. Предупредить жителей о воспрещении находиться на балконах, крышах и у открытых окон в местах возникновения беспорядков.

10. Если бы в толпе кто-либо начал говорить речь, того непременно следует задержать.

11. Если бы где-либо был выкинут красный или иной флаг, то лицо, выкинувшее флаг, необходимо задержать во что бы то ни стало всеми имеющимися средствами.

12. Если на Невском проспекте публика и в ней угрожающий порядку элемент появится в таком числе, что начнет переходить на мостовую, то Невский проспект совершенно очистить от публики, закрыв выходы на него нарядами полиции и дворников.

13. Если бы собравшаяся где-либо толпа была разогнана, то часть конного наряда, следуя за разбегающимися, не допускает их вновь собираться в другом месте.

14. Начальникам дистанций все время быть осведомленными о происходящем на других дистанциях, поддерживая связь по телефону и велосипедистами.

15. Известившись о беспорядке в соседней дистанции, начальники соседних выводят свои наряды на границу дистанции, ближайшую к месту возникновения беспорядка, и в случае надобности помогают.

16. Обо всем происходящем немедленно докладывать мне по телефону.

17. Команды служителей при частях иметь собранными и наготове.

18. Гг. приставам высылать наряды своевременно.

19. Наряды высылать целыми командами.

Подписал: С.-П.Б. Градонач., Ген.-Лейт. Клейгельс.

Петербург. В конце марта на станцию Райвола был послан ящик с «Искрой» (приблизительно №№ 20 — 27). Вследствие непредвиденных обстоятельств, нельзя было его взять сразу. В конце апреля начальник станции г. Н. Вальман полюбопытствовал посмотреть, что находится в ящике, так долго залежавшемся, и, увидав содержимое, нашел нужным сообщить жандармским властям в Петербурге. К счастью для нас, это было узнано во-время, и пострадала лишь одна литература. В настоящее время ящик находится на станции Териоках под непосредственным наблюдением приставленных к нему полицейских властей. Пожелаем, чтобы случайное знакомство с «Искрой» послужило им на пользу. Кстати, несколько слов о доносчике г. Вальмане. Ему 50 лет и он более 25 лет прослужил на разных станциях между Белоостровом и Выборгом. Несколько лет тому назад он был оштрафован своим начальством за контрабандистскую деятельность. Теперь, видно, г. Вальман решил избрать «лучшую часть» — оказывать услуги жандармам. Как в свое время сообщалось в нашей газете, в ноябре на финляндской железной дороге было арестовано несколько человек с литературой соц.-революционеров. Эта катастрофа произошла по доносу трех низших служащих — Павилайнена, Миелонена и Розендаля. Двое первых были награждены жандармами, а высочайший шеф и друг последних, Николай II, наградил их еще к Пасхе в числе других служащих на финляндской жел. дороге. Видно, лавры этих предателей не давали спать г. Вальману.

Уфа. Убийство Богдановича было совершенной неожиданностью для полиции и жандармов, наслаждавшихся сравнительным отдыхом после многотрудных дней конца апреля и начала мая. Прокламации Орг. Ком., распространенные местным Ком. в ночь на 19 апреля (650 шт.) и на

30-е (800) произвели громадное впечатление как на рабочих, так и в особенности на охранителей общественного спокойствия.

По городу ходили разные слухи, иногда очень нелепые, распространявшиеся, очевидно, полицией и жандармами: говорили, напр., что рабочие будут бить чиновников и «жидов», поджигать обывательские дома и проч. Кишиневское побоище, как видно, научило наших захолустных администраторов новейшим приемам борьбы с крамолой. Накануне первого мая было расклеено за подписью губернатора обязательное постановление, запрещавшее сходки, собрания, хождение толпами по улицам и «не вызываемые необходимостью остановки», с обычными угрозами за неисполнение. Тут же все поголовно обыватели решили, что первого мая действительно произойдет нечто ужасное, и немудрено было решить, ибо почва для этого была прекрасно подготовлена самою же администрацией: попы громили с кафедр «сеятелей смуты», начальство средних и низших учебных заведений предупредительно сообщало учащимся о всемирном празднике рабочих, не советуя и даже прямо запрещая им показываться на улице в день первого мая.

Два-три еврея, говорят, обращались к губернатору с просьбой о назначении им специальной охраны; офицеры усердно и с великой тайной учили в казармах солдат забытым ими после 13 марта приемам «молодецкой расправы с бунтовщиками»; солдатам было роздано по 15 боевых патронов.

Венцом этой своеобразной пропаганды пролетарского праздника явилось названное выше обязательное постановление. Наступил роковой день. Солдаты, шпионы, полиция и жандармы были наготове. Здание Государственного банка, дом губернатора и пр. охранялись городовыми в полном вооружении. В сев. слободе (Софроновка, часть города, населенная рабочими) припрятано было, по слухам, несколько десятков казаков. Некоторые обыватели позапирали свои дома и закрыли ставни, и целые массы учащихся не явились на обычные школьные занятия. Демонстрация рабочих оказалась, таким образом, почти излишней, так как прокламации Орг. Ком. и агитация властей сделали свое дело, пробудив громадный интерес к соц.-дем. и рабочему движению среди самых широких слоев местного населения. Все происшедшее очень сильно подействовало на рабочих и в громадной степени приподняло их настроение. Спрос на соц.-дем. литературу сразу и сильно увеличился — просят после этого «почитать» такие люди, которые раньше ничем не интересовались. «На улице, по выражению рабочих, что ни человек, то крамольник». Словом, движение не по дням быстро растет и вширь и вглубь. Уже не за горами то время, когда забытая судьбой Уфа действительно будет в состоянии принять активное участие в освободительной борьбе русского пролетариата с самодержавием. В следующие дни город принял обычный будничный вид: школьники пошли в школы, обыватели принялись за дело и за «службу», солдаты сложили ружья в козлы, жандармы прекратили свои набеги на обывательские квартиры *, полицейские пристава избавились от беспокойного (и бесполезного) бодрствования под дождем и снегом на улицах и даже за городом, что пришлось им проделывать в течение целого ряда «майских» ночей.

Убийство Богдановича нарушило этот мирный покой и задало всем много работы. В среде администрации поднялась суматоха: губернатор убит, «вице» в отлучке, а полицмейстер Смирнов, как на грех, только-что уволен Богдановичем в угоду своей помпадурше. Временное правительство, с громадным трудом составленное из прокурора окружного суда, председателя казенной палаты, управляющего государственными имуществами и жандармского офицера Кременецкого (полковник Шатов был в отпуску), открыло свои заседания в здании полицейского управления, таская туда поминутно полицейских и жандармов и отдавая по телефону бестолковые приказания об обысках и арестах. 7-го была обыскана, дом за домом, вся Нижегородка (другая рабочая слобода), но безрезультатно, как и все дальнейшие обыски и аресты, причем, повидимому, обыскивающие более искали уральскую типографию, чем убийцу Богдановича.

8-го был арестован служащий в стат. отделении губ. зем. управы Морозов, который в момент убийства Богдановича гулял в парке и вместе с мальчиками-гимназистами на свою беду пустился в погоню за убежавшим неизвестным, убившим Богдановича. Несчастный не выпущен до сих пор и, говорят, сошел с ума. В ночь на 9 мая с большой торжественностью обыскано здание губ. зем. управы: целая рота солдат в полном составе оцепила ее кругом; четыре жандармских офицера и столько же полицейских приставов, масса городовых и жандармов перешарили все углы, разыскивая типографию. С этим инцидентом любопытно сопоставить следующий факт. Во время недавнего с'езда земских страховых деятелей в Спб. Плеве пригласил к себе председателя Уфимской губ. земской управы и с жаром, не слушая возражений, начал доказывать ему, что Уфимская губ. земская управа делается очагом революционного движения на Урале и что, напр., златоустовская история не обошлась без участия ее служащих. В заключение Плеве пригрозил, что «ни перед чем не остановится», подавляя крамолу. Надо надеяться, что описанный и последующие обыски, столь блестяще не оправдавшие ожиданий Плеве, заставят этого высокопоставленного и «всеведущего» палача переменить гнев к бедным уфимским земцам на милость и направить поиски за революционной «бациллой» на другой путь, где, без сомнения, сыщиков ждет не менее блестящий успех. В ту же ночь произведены обыски у двух чиновников Государственного банка, у одного лесного кондуктора, у заведующего складом сельскохоз. орудий губ. земства, у завед. оценочной статистикой, у помощника секретаря губернского управления и у завед. статистич. бюро губ. земства; у последнего искали «принадлежностей тиснения и склад нелегальной литературы».

Чем дальше шло время, тем нелепее и нахальнее становились охранители порядка. Так, архиерей из боязни, не спрятали ли в соборе динамита, просит администрацию произвести и там обыск, и к вящему соблазну «благочестивых» обывателей обыск, хотя и негласный, производится по всем правилам шпионского искусства. Может-быть, его преосвященство старался этим доказать свою благонадежность и непричастность к убийству златоустовского убийцы; доказать, что монахи, гулявшие в парке и перепуганные выстрелами, с неожиданной для самих себя ловкостью скакавшие для ускорения пути через каменную стену собора, что они не были подосланы им, «владыкой», для убийства Богдановича? Все, может быт; держится же в некоторой части обывателей оригинальное убеждение, что убийство губернатора есть дело рук бывших полицейских, весь штат которых, не исключая полицмейстера Смирнова, был раскассирован Богдановичем в угоду г-же Богдановой *.

Грубость и нахальство полиции дошли, наконец, до того, что обывателей стали останавливать и допрашивать прямо на улице — на том только основании, что, кажется, они «очень часто ходят по улице»; иногда и без всяких оснований остановленного вносят в список «подозрительных» и тащат туда, где он служит, там «удостоверяют» его личность показаниями сторожей и после этого оставляют в покое.

А вот, например, жандарм Кременецкий, на вопрос одного из «потерпевших» о причине обыска, ссылается на 29 статью «Положения об охране» (?) (обыск произведен без требуемого законом предписания прокурора), а в дальнейшем об'яснении грубо и нахально заявляет, что обысканный должен быть доволен тем, что его не взяли, — что законы для жандармов не имеют значения, так как у них свои законы... «Вы можете жаловаться куда угодно, — заканчивает Кременецкий, — и не отнимать у меня время по пустякам...».

---

* Перед первым мая арестованы два брата Каблуковых (раб. ж.-д. мастерских) и Тихонов (раб. из чайной развесной Вогау); кроме того, было по нескольку обысков и арестов в Катав-Иван вском, Усть-Катавском и Юриозанских заводах.

* Это та самая госпожа, для которой «отцы города» не пожалели 15 тыс. руб. на устройство парка перед ее домом, безжалостно, однако, оставляя вязнуть в непролазной грязи городских улиц плательщиков городских налогов.

В ночь на 14-е арестован бывший политический ссыльный, присяжный поверенный А. Плаксин, но через несколько дней выпущен; на 16-е арестован, после пятичасового обыска, состоящий под гласным надзором политический ссыльный В. Леонович. 16 мая из губернской земской управы и земского книжного склада забраны жандармами образцы всяких бланков и всех сортов бумаги (очевидно, для сличения с бумагой, на которой был написан «приговор», о существовании которого ходят упорные слухи). Наконец, 21-го здесь получена телеграмма с просьбой сообщить копии с нее в Самару и Красноярск. Из нее видно, что в Сызрани арестован некто Яков (дальше шифром), оказавшимся политическим ссыльным, бежавшим из Красноярска.

Нечего говорить, что все сообщения легальных газет о «симпатиях» и «оплакивании» Богдановича безусловно ложны. Наоборот, весть об убийстве встречена по внешности всеми крайне равнодушно; на-ушко же друг другу «либералы» и даже просто обыватели дружно шепчут: «туда ему и дорога», причем, конечно, и те и другие, как маленькие дети, забывают, что если Богданович бил «бичами», то заместитель его может оказаться специалистом по части «скорпионов». Как бы там ни было, но одни уфимские дворяне (точнее два-три проживающих в Уфе пресмыкающихся представителя этой интеллектуально и морально выродившейся породы содержанок правительства) пошли вразрез с общим настроением, возложив венок на гроб «доблестного героя долга». Даже невозможное издевательство самодержавного правительства над лучшим из «первенствующего сословия» не в состоянии изменить этих прирожденных лакеев! Убийство губернатора, конечно, совсем не походит на революцию, которая одна только может вселить в сердца этой публики на место исконной паразитской угодливости «спасительный страх».

Под шум, произведенный «казнью» Богдановича, представители от всех цехов железнодорожных мастерских, в количестве 15 — 20 чел., устроили собрание для обсуждения различных вопросов, связанных с организацией. Вообще, настроение рабочих не оставляет желать ничего лучшего. Несколько месяцев усиленной агитации произвели большую перемену в их отношении к революционерам и в их взглядах на политич. борьбу. Теперь можно смело сказать, что революционное движение среди рабочих имеет под собой твердую почву и ничем не может быть остановлено. Доказательством этому служит то обстоятельство, что произведенные аресты нисколько не ослабили деятельности Комитета, — напротив, систематическая агитация продолжалась, чем дольше, тем с большей энергией и успехом. 10 мая шесть человек из числа арестованных зимою — Васильев, Пшеничников, Мигунов, Асеев (рабочие железнодорожных мастерских), Лихачев и Дубинин (инт.) отправлены в Самарскую тюрьму. Администрация держала свое намерение в такой строгой тайне, что даже матери некоторых из арестованных узнали о нем всего за несколько минут до отправления их детей из тюрьмы на вокзал, и, тем не менее, весть об этом быстро разнеслась по железнодорожным мастерским, и перед вагоном, где сидели отъезжающие, собралось много рабочих. Арестованные были очень веселы, переговаривались между собой, улыбались знакомым рабочим и пели «Марсельезу» до тех пор, пока тронувшийся поезд не скрылся из виду. Их бодрый вид, веселое настроение произвели большое впечатление на провожавших товарищей.

В настоящее время штат жандармов увеличен здесь очень значительно — прибавлено 4 офицера и несколько нижних чинов. Для устройства сыска приехал начальник одесского (иные говорят — саратовского) охранного отделения и правез с собой будущего руководителя «министерства шпионов» и квалифицированных сыщиков. Последние под большим секретом явились сюда и внесли не малое оживление на улицы сонной Уфы.

На имя Богдановича уже после его смерти от директора департамента полиции Лопухина получилась бумага, извещающая об ассигновании одной тысячи рублей чинам златоустовской полиции «за умелое и быстрое подавление рабочих беспорядков». О принятии же на казенное содержание детей исправника Клюшникова, гласит, между прочим, этот «дорогой» документ, «будет сообщено особо».

Екатеринбург. 27 апреля в Екатеринбурге и на многих заводах среднего Урала были распространены местными соц.-демократами майские листки О. К. В Екатеринбурге они была также расклеены и разбросаны (в количестве свыше 150). Предлагались для распространения эти листки и Екатер. Ком. Уральского Союза, но тот, от распространения майских листков О. К. отказываясь вовсе (потому что он призывал на улицу, что в среднем Урале в настоящее время нежелательно), предлагал взять на себя распространение («с рук на руки») предмайского листка О. К. среди своих кружковых рабочих, ставя, однако, как «ультиматум» (!?), чтобы в Екатеринбурге листки не расклеивались и не разбрасывались. Мотивирован этот, более чем странный «ультиматум», конечно, оставшийся без всякого ответа, тем, что (в виду неконспиративной постановки дел у Союза) расклейка и разброска может привести к провалу *.

Листки вызвали много толков среди рабочих и, во всяком случае, подготовили социал-демократии почву для деятельности, до сих пор здесь, на среднем Урале, бывшей монополией, захваченной Уральск. Союз. соц.-рев. В двадцатых числах 1903 г. из здешней тюрьмы выпущены были: Казаков, рабочий с медных рудников (медн. рудники в 12 верстах от Екатеринбурга), и Каргополов, столяр из Верхне-Исетска. В ночь с 24 на 25 мая одновременно (в 8 час. веч.) были арестованы: Бушуева, княжна Долгорукова, Кабанова, Клещева, Павлинова, В. и К. Стрижевы, Ю. Стрижева, три брата Швалко (последнему 14 лет), Щелконогова, из рабочих (говорят арестовано до 18 чел.) известны фамилии только троих: Вяткин с Монетного двора, Моржаков с макаровской фабрики, Рубцов с той же фабрики, выдает. Было произведено много обысков: Бушуева, приезжая учительница, сестра арестованной, раб. Морозов и Мельников, Шарапов и многие другие рабочие.

28 мая по городу были разбросаны листки Уральского Союза.

Отовсюду здесь — из Уфы, Златоуста, Перми — только и слышишь: аресты, массовые аресты! Прямо душа болит. И всего обиднее, что публика приучается вести революционные дела революционно, конспиративно лишь после массы арестов и провалов! Екатеринбург кишит наехавшими жандармами и шпионами. В Нижний-Тагил также наехало много, и там скоро будут аресты.

Ставрополь-Кавказский. К иллюстрации того положения, что никакие законы не могут гарантировать справедливости там, где страна управляется группой чиновников с самодержцем во главе, привожу следующий факт. В начале 1901 года в городе Ставрополе-Кавказском во время постановки «Контрабандистов», пьесы, повсюду в России вызвавшей протесты лучшей части молодежи за проповедь ненависти и презрения к еврейской нации, поднадзорный Санжур выразил свой протест против постановки этой пьесы и против публики (главным образом, чиновной, с губернатором Никифораки во главе), устроившей овацию артисту-бенефицианту и поднесшей ему в подарок «наличными деньгами» что-то около сотни рублей. Санжур швырнул с райка бенефицианту медный пятак и крикнул на весь театр несколько соответствующих фраз. Тотчас же его схватили городовые, вместе с жандармами, пожарными и солдатами, в ожидании демонстрации занявшие в театре чуть не половину мест, и потащили в полицию, где и продержали несколько часов. Затем был составлен протокол и Санжур привлечен к суду «за нарушение порядка во время театрального представления». Санжур потребовал допроса в качестве свидетелей губернатора Никифораки и вице-губернатора Ключарева, обставив этот вызов всеми формальностями. Городской судья Весельчаков, слывший в городе за либерала, долго не решался беспокоить начальство и ставить его на одну доску с городовыми, шпионами и губернаторской кухаркой, вы-

---

* Свидетельство о бедности, выданное себе Екатер. Ком. Уральского Союза, как организации, было, очевидно, справедливо. В майских арестах у Союза была арестована гектография (во время печатания), мимеограф, краска, отпечатки, литература и т. д. в различных местах (25 мая).

званными со стороны полиции; наконец, настойчивость обвиняемого и отсутствие каких бы то ни было законных поводов к отказу вынудили его послать повестки. Послав повестки, он уведомил об этом Санжура. Местный помпадур, однако, счел за кровную обиду подчиниться закону и дал такую разноску судье, что тот потихоньку взял повестки назад, не пробовал больше тревожить начальство и приговорил Санжура к 4 дням ареста. Дело это, до сих пор еще не законченное, было уже в двух с'ездах и в губернском присутствии, но нигде, несмотря на постоянные требования обвиняемого, губернатор и вице-губернатор допрошены не были. Санжур защищался на суде, доказывая, что он порядка не нарушал, а протестовал против чиновничества с губернатором, полицмейстером, городовыми, жандармами и пожарными, устроившими неистовую юдофобскую демонстрацию в театре. Вместе с этим Санжур был привлечен к ответственности за оскорбление чинов полиции в прошении, поданном губернатору о незаконном удалении из театра и лишения свободы. В этом прошении Санжур издевался над полицией и администрацией, говорил о беззаконности и безобразии их поведения и требовал наказания виновных. Окружный суд приговорил С. к трем дням ареста, но судебная палата оправдала его, так как в прошении не было ни одного выражения, которое можно было бы подвести под статьи закона, а, главным образом, потому, что члены палаты в служебном положении выше членов окружного суда и считают нужным холопствовать перед более крупными административными единицами, чем губернаторы. Для окружного суда и губернатор «шишка» и, угождая ему, он на всякие подлости пойдет.

Как бы то ни было, поведение поднадзорного С., в течение целого года публично боровшегося с престижем полновластия полиции и «хозяина губернии», в своих официальных бумагах и судебных речах много раз высмеивавшего и оскорблявшего губернатора, не давало последнему покоя. И вот Никифораки едет в Питер и докладывает, что его власть дискредитирована, что для восстановления поруганных принципов нужны особые меры, и министр внутренних дел делает распоряжение о водворении С. за дерзкое поведение на 2 года под надзор полиции в город Ейск, Кубанской области. Вот как отправляется правосудие в нашем отечестве, где никакие суды присяжных не могут гарантировать справедливости и где всякий судья всегда может превратиться в губернаторского лакея.

В настоящее время поднадзорный С. из города Ейска скрылся.

Кормчий.

Офицер-убийца. В последнем, четвертом, номере нелегального журнала «Грузия», издающемся в Париже, сообщают о следующем факте. Среди белого дня на одной из шумных улиц Тифлиса был убит офицером некто Джавров, исключенный два года тому назад из тифлисской первой гимназии. Убийца-офицер был взят на гауптвахту и вечером того же дня выпущен на свободу. «В государствах, подобных России, — говорит „Грузия“, — где между войском и народом возведена глухая стена, в государствах, где армии даются на каждом шагу несправедливые льготы, там неизбежна между ними ненависть и столкновения.

«Русский военный воспитывается в изолированной среде: с самого детства ему внушают, что он чуть не украшение и гордость мира, существо, не похожее на остальных смертных. Блестящая внешность, лакированные сапоги, звенящие шпоры заменяют ему благородство и умственное развитие. И когда между офицером и гражданином происходят столкновения, „царский суд“ отличает военного, оправдывая его. Эти ненормальные условия военного быта создали рабский тип русского офицера, зверски грубого по отношению к своим подчиненным и безропотно-льстивого перед начальниками. Вот офицером подобного типа и был убит на-днях Джавров. Джавров, проходя по Головинскому проспекту, нечаянно задел плечом проходящего офицера. Взбешенный воин дал Джаврову пощечину, которую получил обратно с таким процентом, что был сбит с ног. В это время подбежал другой „защитник отечества“, крикнув товарищу: „Чего же вы смотрите! Восстановите выстрелом честь мундира!“ Сбитый с ног офицер, выхватив револьвер, сделал в Джаврова пять выстрелов, и Джавров пал тут же замертво, обагряя теплою кровью грязную мостовую улицы».

Прибавим, в свою очередь, что если общие условия милитаризма сами содействуют нравственному огрублению офицерства, то те функции палача и полицейского, которые выполняет все чаще и чаще русский офицер в наши дни, грозят вконец развратить эту корпорацию, если лучшие ее элементы не сплотятся между собой и не вступят в решительную борьбу с нынешним режимом.

Генерал Богданович и петербургские рабочие. Петербургский кабацкий «Листок» с умилением рассказывает об адресе, поднесенном царскому литературному лакею — ген. Богдановичу «обывателями Невской заставы, рабочими местных фабрик и заводов». По словам газеты, адрес «является наглядным доказательством душевной благодарности рабочего люда». Но тут же прибавляется, что среди подписей под адресом «много фамилий видных обывателей Невской заставы». Надо думать, что эти «видные» обыватели не принадлежат к числу наемных рабов капитала. Идея адреса — политическая. «Дай бог, — говорится в нем, — чтобы деятельность достоуважаемого Евгения Васильевича и впредь обеззараживала народную, особенно рабочую, массу от тлетворного влияния подпольных нашептывателей».

Читатель слишком хорошо знаком с характером всех новейших попыток выведения на сцену «простого народа» под знаменем «самодержавия и православия», чтобы не почувствовать сразу специфически-полицейского «подпольного» запаха и не справиться: «где же сыщик?», какая полицейская рука создала это новое благонамеренное произведение?

Вот что пишут нам по этому поводу:

... «Обратная сторона такова: За Невской заставой, в селе Михаила Архангела (у чугунного зав.), проживает некто Пруссаков, колпинский мещанин, человек без определенных занятий и, по отзывам одних рабочих, лично известный ген. Богдановичу и получающий от него места и занятия, а по отзывам других — просто сыщик. Этот-то Пруссаков и затеял поднести адрес и хлеб-соль генералу, собирая подписи под адресом в волостном правлении. При этом все расходы, как-то: покупка блюда, полотенца и пр. принадлежностей адреса, были взяты на себя Пруссаковым, так что рабочие, участвовавшие в поднесении, говорят, что удовольствие пообедать у генерала обошлось им всего в шесть копеек на проезд по конке.

«Под адресом собрано немногим более ста подписей, причем рабочих очень ограниченное число, да все более безграмотные старцы и трактирные завсегдатаи, остальные подписавшиеся — принадлежат к мелкой буржуазии тракта. Молодые и более сознательные рабочие теперь поднимают подписавшихся на смех».

Недостаточно поднимать на смех вольных и невольных участников этой глупой комедии: следует пользоваться ею для того, чтобы разоблачать полное ничтожество и нравственное бессилие тех, кто мошеннически злоупотребляет именем рабочих.

Смоленск. Мутные волны кишиневских событий дошли и подняли не малую тревогу среди здешнего еврейского и отчасти русского населения. Полиция в виду приближения майских дней решила играть на два фронта: среди еврейской буржуазии распускала слух о готовящемся со стороны русских рабочих еврейском погроме, требуя откупа за жизнь и имущество евреев. В русском же населении усердно распускались слухи о том, что евреи-богачи организуют целый отряд евреев, который подожжет город с трех сторон и, не дожидаясь погрома, бросится на грабеж и убийство среди русских. Но во всех этих слухах роль кровожадного чудовища неизменно играет пролетариат — русский или еврейский — безразлично. Так под прикрытием невежества и крайней трусости обывателя слуги самодержавия стараются выставить грабителем мирно настроенный пролетариат, ищущий только света и правды. Для таких мест, как Смоленск, который находится вне

черты еврейской оседлости, еврейское население является неиссякаемым источником дохода для властей всех чинов и цветов: право грабительства евреев получило здесь довольно точную оценку. В этом отношении наглость и бесстыдство полиции и администрации никогда еще не доходили до таких размеров, как при теперешнем губернаторе—Звегинцове. Этот гусь при первом же своем появлении здесь (в 1902 г.) высказал классическое изречение: в этом городе с 15-тысячным еврейским населением каждый полицейский чин может завести себе тройку, а на одной лошади ездить стыдно! Нужно, напр., евреям построить синагогу (вблизи православного храма, что запрещено), — банкир Шварц под видом изящного молитвенника подносит Звегинцеву 15 тыс. руб. от имени еврейского общества; нужно вогнать в законный порядок незаконный (для городов вне черты оседлости) коробочный сбор с бедноты, — банкир опять подносит мзду; нужно, чтобы полиция защитила евреев от погрома (а кстати и попугала пролетариев-социалистов!), — депутация с тем же банкиром во главе тащит еще (500 руб.) и т. д. без конца. Низшей братии, конечно, тоже дать можно, а не то самодержавие останется, пожалуй, без защитников!

Майский праздник прошел здесь не особенно благополучно для пролетариев. 26 апреля, когда часть (чел. 80) рабочих возвращалась с первомайской сходки, на них напал заранее приготовленный отряд солдат и полицейских. Большая часть оцепленных состояла из женщин, поэтому прорвать цепь и разбежаться не решалась, так как, вероятно, часть женщин все-таки осталась бы в руках стражи, пришлось итти всем в участок. После многих мытарств и издевательств все арестованные отправлены были в тюрьму. Многих жандармы таскали на допрос, но особенного успеха в этом отношении не имели. Наиболее интересен финал этой истории, именно речь жандармского генерала Громыки, которую рабочие, даже стоя перед генералом, не могли слушать без улыбки. Суть ее такова: «Я знаю, что вы хотели меня видеть для того, чтобы спросить, скоро ли я вас выпущу из тюрьмы. Много между вами есть совсем безвинных, и сами они не пошли бы против государя, да другие их побудили к тому. Я знаю, что к вам сюда понаехало много евреев и русских из других городов праздновать первое мая. Но что толку вам из этого первого мая? Знаете, когда мальчик шалит, то ему в первый раз скажут: „Ванька, не шали!", во второй — за ухо: „Ванька, не шали!", а в третий — розгой высекут. Разве и с вами так поступить? Да подумали ли вы о том, какая смута и раздор начнутся, если перестанут признавать царя? Пока мужика держат в ежовых рукавицах, то он и хорош, и почтителен, и подати платит исправно, а попробуй только пустить его на свободу, — он и пойдет тогда ломать и коверкать, как вот в Кишиневе. То же и с евреями: слов нет, они и трудолюбивы, и коммерцией умеют заниматься; они могут быть очень полезны для русских, но только тогда, когда их в кулаке держать! Что же мне делать с вами? Высек бы я вас, да жаль, что прошел тот век, когда можно было попотчивать розгами. Сослать в Сибирь? — так и та даже переполнена, да и там говорят: присылайте нам честных, а таких не надо. Послать на Сахалин? — там полно каторжниками. Остается только одно: привести к Ледовитому океану, посадить всех на льдину, да и пустить к чортовой матери! Ну, что же вы молчите? Каждому, небось, хочется получать по четыре рубля в сутки, да ведь этого нельзя! Ведь если попробовать отдать в ваше распоряжение завод или фабрику, то на другой же день начнется такая вражда, ссора и драка, что все прахом пойдет. Вы знаете... что когда Христос ходил по земле, то проповедывал... мм... мм... ну, правду, проповедывал любить... мм... мм... ну, ближнего своего, предсказывал, что не могут быть все равны между собой, а будут и больные и здоровые и бедные и богатые... вот и вы должны жить честно и не слушать своих врагов... Вы знаете, что государю стоит только сказать: миллион солдат — сюда! стой здесь! миллион солдат — туда! стой там!.. А впрочем, что я вам все это рассказываю? Я вижу, вы улыбаетесь, и мои слова к вам, что горох к стенке, не пристают».

На этом замечательная речь была прервана, и генерал после нескольких распоряжений удалился.

В тюрьме осталось только несколько человек, а остальные в тот же день были выпущены.

Местный Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии в течение апреля месяца выпустил три листка: по поводу златоустовской бойни, первомайский и по поводу ареста рабочих; листки гектографированы и в каждом издании 150—200 экз.

Борьба с «крамолой» в средне-учебных заведениях. «Центр. Комитет Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ» публикует в своем «Летучем Листке» (№ 4, от 25 мая 1903 г.) целый ряд фактов, характеризующих тот «режим», который устанавливается в якобы «обновленной» средней школе.

«Вот перед нами забытый даже министрами, благодаря своей непроходимой глупости, инспектор народных училищ Донского округа, О. П. Тихонравов, являющийся в Ростовское н/Д. городское училище просвещать учеников в духе „престол-отечества": „Зачем вам серьезные книжки читать, от них только вреда больше вам будет. Да и вообще, если увидите где-нибудь прокламацию, то сверните ее в трубочку и несите к учителю, а он уже сам вам скажет, что вам нужно и что не нужно из нее знать".

«К ученикам старших классов Таганрогской мужской гимназии ее директор, Гусаковский, обратился с такой речью: „Вам не безызвестно, господа, что к 1 мая готовятся беспорядки. Я не советую вам принимать в них участия, так как вы еще молоды, можете себе испортить жизнь, а убеждения ваши могут измениться. Даже такой революционер, как Герцен, под конец жизни примирился с самодержавием (?!!) и со многими фактами русской действительности, против которых боролся всю жизнь!"».

«Увещания» не помогают, и начальство переходит к мерам репрессии. Когда в Ростове н/Д. распространились слухи, что 14 мая будет демонстрация, директор среднетехнического училища Прасолов после молебна в училище «запер все двери на ключ и не выпускал учеников до 12 час. дня, чем заставил их уйти... через окно».

Начальница Мариупольской женской гимназии перед 1 мая советовала «даже в аптеку без разрешения не ходить». В том же Мариуполе «исключили за неделю до экзаменев двух гимназистов 8 класса за то только, что о них по городу идут слухи о „неблагонадежности"». Мало того: чтобы устранить «вредное влияние», заставили уйти из гимназии сестру одного из уволенных гимназистов и двух учеников 7 класса за то, что они «водятся с жидами».

«Летучий Листок» упоминает о целом ряде жертв этого режима «сердечного попечения». Здесь и самоубийства юношей, затравленных начальством, и нравственное убийство 16-летней гимназистки (в Ростове), которую жандармский ротмистр Карпов и его жена вынудили назвать имя товарища, давшего ей прокламацию, с которой она была арестована.

«Лет. Листок» констатирует, что «везде, где только заметны хоть проблески движения в рабочем классе, этом передовом борце за свободу, тотчас же начинается брожение среди учащихся, всегда отзывчивых на все лучшие, идеальные стремления своего времени».

7 июня Центральный Комитет издал воззвание «К учащимся выпуска 1903 г.», в котором раз'ясняет бесполезность «легальной» работы и зовет к революционной борьбе под знаменем социал-демократии.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Демонстрации в деревне. (Письмо рабочего из Тверского уезда.) 15 мая в с. Пречистом-Бору, Первитинской волости, бывает ярмарка, куда собирается крестьянская и фабричная молодежь для гулянья. Часа в два пополудни, в самый разгар гулянья, нашлась кучка крестьянской молодежи, которая запела революционную песню «Дубинушку» и тем привлекла большую толпу. Дело происходило на берегу р. Тверцы. Но вот из толпы послышался голос: «в село, в село!», и толпа, приблизительно около 200 чел., тесно-сплоченною стеною с разгоряченными лицами

и бодрым настроением отправилась туда. Шествие продолжалось восемь минут. Когда пропели «Дубинушку», то прокричали «долой царя!», и дружным эхом по окрестностям разливалось ура. Это шествие происходило на глазах урядника Лаврова, но из боязни, чтобы ему не попало колотушек, он не посмел унимать шествующую толпу. По этому поводу начались розыски лиц, руководивших толпой. Урядник 23 мая приехал в дер. Носово и допрашивал крестьян. Но те ему ответили, что ребят на ярмарке было много, — «мы не знаем, кто тут руководствовал». И в этот же день допрашивали в Пречистом-Бору четверых ребят: Ивана Иванова, Павла Екимова, Матвея Ефимова, Сергея Васильева, но те ответили то же самое, что и носовские мужики. При допросе участвовали попы Сергей Раевский и Иван Думашев, они показывали на тех ребят, которых совершенно не было. Духовенство совсем завралось. 28 мая приехал в Пречистый-Бор жанд. полковник Устинов и опять допрашивал этих же ребят, ничего от них не добился и, не составивши протокола, уехал обратно.

26 мая в дер. Городне, Новинской волости, в праздник Духов день собралось ребят человек 70 для гульбы. Около 3 час. пополудни с общего согласия порешили пройти по деревне с красным платком, привязанным на длинную жердь, на котором было написано мелом: «долой царя!» Пропели хором «Дубинушку» и после каждого куплета выставляли требования: «Долой царя, да здравствует земский собор! долой царские казенки! долой помещиков!». Шествие продолжалось минут 15, настроение хорошее, веселое.

31 мая в дер. Поддубок, той же волости, ходили по деревне и пели «Варшавянку», рабочую «Марсельезу», «Дубинушку».

25 мая в дер. Троице, Первитинской волости, 80 чел. ребят прошли по деревне и пропели «Мирской ходок» и «Дубинушку». Настроение было очень хорошее. В местечке Федяеве, Никулинской волости, бывает ярмарка и собирается молодежь. И там — в присутствии урядника — человек сто пропели «Дубинушку».

Монахи в роли эксплоататоров и палачей. Воронеж. В Воронежском уезде, в шести верстах от ст. Графской Ю.-Вост. ж. д., находится Толшевский мужской монастырь. Кругом него разбросано несколько небольших деревень-«хуторов»: Желдаевка, Лукичевка, Енин и др., составляющих Мало-Приваловскую волость. В Желдаевке около 20 дворов и 180 душ. Все крестьяне малоземельные и нужда из ряду вон выходящая. В Лукачевке в трех полях приходится всего-на-всего по 9 саж. на душу земли. Почва для аграрных волнений, следовательно, благодарная. Еще весной начался спор между монастырем и Желдаевкой из-за луга сенокосного. Некогда на месте луга была непроходимая топь, находившаяся в общем пользовании крестьян и монастыря, но потом всеми правдами и неправдами присвоенная себе монахами. Приблизительно 30 мая крестьяне из Желдаевки без дальних разговоров всем миром начали косить спорный луг. На месте «бунта» немедленно явились земский начальник и становой; ставши прямо против косцов, они начали их убеждать в священности и неприкосновенности чужой собственности, особенно же монастырской, принадлежащей богу. Крестьяне молча и усердно продолжали косить, как будто ничего не слыша и не видя перед собой; начальство поневоле отступало перед ними до тех пор, пока не убедилось в бесплодности своей проповеди. Дали знать губернатору, тот сейчас же явился с ротой солдат, выстроившихся в каре вокруг продолжавших заниматься своим делом косцов. Гробовая и зловещая тишина была прервана градом непечатной брани со стороны губернатора, такой грубой, какой один очевидец никогда не слыхал даже в казарме. После этой комедии прогремело: «шапки долой!». В это время монахи привезли несколько возов заранее приготовленных розог. В передних рядах толпы крестьян лицом к лицу с губернатором очутился престарелый георгиевский кавалер со своим знаком отличия, болтавшимся на рубахе. На него прежде всего обрушился губернаторский гнев: от страшного удара кулаком несчастный старик очутился на земле и лишился зуба. Это послужило сигналом. Тотчас же засвистели розги. Подвергаемые истязанию крестьяне не издавали никаких криков. Присутствовавший по долгу службы при экзекуции, врач Куберский щупал пульс у впадавших в беспамятство жертв и поощрял палачей. Отнесся к своему долгу этот лжеинтеллигент вполне «добросовестно»: каждый из «бунтовщиков» получил по 50 ударов, а на месте экзекуции остался целый ворох какой-то красно-бурой мякины от измочалившихся о мужицкие спины прутьев. Однако, врач Куберский из'являет притязание на либерализм и гуманность за то, что освободил от экзекуции 4 человек: 3 стариков и одного больного. Всего подвергнуто порке 15 чел., т. е. почти все домохозяева Желдаевки, числом 20. Двоих арестовали. Скошенная крестьянами трава сгнила от дождей. Крестьянам нельзя убирать ее, а монахи боятся. Мужики, судя по слухам, порешили монастырь сжечь, а монахов выкурить. В виду этого в Желдаевке, кажется, поставлены на постой солдаты...

Из Имеретии и Мингрелии. Прошлогодние движения гурийских крестьян отразились на соседних имеретино-мингрельских крестьянах. Последние тоже потребовали понижения ренты и уничтожения лишних податей (драмовых денег) в пользу попов, а также привлечения дворян к участию в отбывании сельских натуральных повинностей: работы на сельских дорогах, несение караула при церкви и т. п. Требования крестьян взбудоражили дворян-землевладельцев, и они обратились к полицейским властям. Первым забастовало Ецерское сельское общество. К нему присоединились селения: Кулаши, Ганири, Цхениши, Чагани, Сачилао, Гезати и др. Вскоре в Ецери прибыл уездный начальник (Дадишкелиани) и, после наглой ругани и угроз по адресу крестьян, заарестовал 8 чел. из них; крестьяне все же не согласились на старые условия. Затем с Пасхи среди крестьян в огромном количестве были распространены прокламации. С другой стороны, Дадишкелиани после праздничных попоек набрался храбрости и приступил к систематическому усмирению, но встретил дружный отпор. Рассерженный князь арестовал несколько человек, а одного, осмелившегося возражать, приказал проучить нагайками. Ободренные всем этим, двое молодых дворян с оружием в руках насильно заставили нескольких крестьян работать на земле кн. Микеладзе, но какой-то незнакомец в бурке явился к работавшим крестьянам и потребовал от них не мешать общему делу. Те прекратили работу. В ту же ночь была подожжена кухня кн. Микеладзе, где погибли и быки. На следующий день уездный начальник созвал сходку, заарестовал несколько лиц и об'явил, что убытки от пожара, в количестве 300 руб. за кухню и 150 руб. за быка, будут взысканы с сельчан. Крестьяне заволновались и один ответил, что в таком случае каждый дворянин подожжет свою обветшалую кухню, если за это с крестьян будут взыскивать вдесятеро дороже. Раздраженный таким ответом, уездный начальник приказал стражникам избить смельчака.

Сенакский уездный начальник тоже не отстает от других. Вместе с сенакским приставом он заарестовал несколько человек в сел. Сачилао. На-днях ожидается кутаисский губернатор. Дворянские шпионы составили длинный список «неблагонадежных».

По деревням совершаются поджоги; землевладельцы подвергаются побоям. В Сачилао подожгли складочный магазин, кукурузник Дидия, побили дворянина Кордзая. По этому поводу уездный начальник снова заарестовал несколько человек, одного, между прочим, только за то, что тот выписывал газету. Составителям корреспонденции известно, что поджоги и побои совершаются людьми, не принадлежащими к организации. (Из Лист. «Пролетариата» № 1, изд. Кавк. Союза Р. С.-Д. Р. П.)

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Неограниченный произвол царит с разрешения царя-батюшки в Финляндии. Его верные слуги подвизаются здесь во славу самодержавия; они не останавливаются

ни перед каким преступлением ни перед каким насилием. В Финляндии уже сказываются различные печальные, хотя и естественные, последствия нового жандармского режима. Часть населения быстро деморализируется: среди финляндцев является уже не мало доносчиков, выдающих тех благородных патриотов, которые призывают своих сограждан к борьбе с беззакониями русского правительства и финляндских изменников. Благодаря доносу, весною было арестовано несколько «агитаторов», раз'яснявших призываемым к отбыванию воинской повинности преступность нового «закона» г. Куропаткина. Правительственным агентам удалось посредством самого грубого обмана даже соорудить два «крестьянских» адреса один с 697, другой с 365 подписями. Последний, доставленный выборгскому губернатору Мясоедову, является адресом-доносом, в котором указывается много принадлежащих к различным классам лиц, которые «агитировали», «оказывали сопротивление властям» и т. п. Первый же адрес, доставленный Бобрикову и обращенный к царю, является выражением верноподданнических чувств, общей жалобой («резким протестом») на «сопротивляющихся властям» и ходатайством об улучшении положения безземельных. Этот адрес был вызван одним карьеристом, магистром (кандидатом университета) Нупала, рассказавшим бедным торпарям (мелким арендаторам) небылицы о вскоре предстоящем наделе землей. Этот суб'ект не постыдился за свои «хлопоты» взять по 1 — 2 марки от каждого подписавшего адрес. Подобные люди торжествуют теперь, а еще более ликуют царские опричники, подкупающие доносчиков и карьеристов. Эти жалкие «адреса» невольно напоминают нам те два грандиозные адреса-протеста с более чем полмиллионом подписей, с которыми вся финская нация обращалась к Николаю II в 1899 и 1901 гг.

В Гельсингфорсе 10 июня (нов. ст.) в призывное присутствие явилось из 692 призываемых 267 человек, или 38½%. В этот день было арестовано в Гельсингфорсе несколько интеллигентных рабочих, распространявших оппозиционное воззвание к новобранцам. Вообще в этом году призывные присутствия в Финляндии действуют с значительным успехом, за который обрусители обязаны, главным образом, агитации старо-фенноманской партии. К этому вопросу мы вскоре вернемся в одной из ближайших статей.

Правительственная анархия и диктаторская власть обер-палача Финляндии Бобрикова явились причиной следующего трагического происшествия. 8 июня (нов. ст.) в Берлине застрелился 47 лет от роду д-р философии Ю. Люлю, один из самых видных представителей младо-фенноманской партии: он получил из дому в этот день известие о том, что ему запрещено возвращение на родину. Д-р Люлю давно уже подвергался гонениям со стороны обрусителей. Еще в начале разбойнического похода опричников на Финляндию была прекращена издаваемая им в Выборге на финском языке демократическая газета. До самой смерти он состоял преподавателем в Выборгском реальном лицее; в Берлине покойный занимался эту зиму в психологическом институте, готовясь к профессорской деятельности в Гельсингфорсском университете. Во время его отсутствия в его квартире был произведен четыре раза обыск. Все эти события произвели угнетающее впечатление на д-ра Люлю, лишившего, наконец, себя жизни. Он в течение многих лет был председателем выборгского рабочего союза. «Финляндская Газета» благоразумно умолчала о смерти этого выдающегося финляндского гражданина и патриота.

Кроме упомянутых нами в прошлой статье социалистических демонстраций 1 июня (нов. ст.) в разных городах Финляндии, в этот день происходили рабочие демонстрации в гг. Вазе, Тавастгусе, Кристинентаде и др. Словом, финские рабочие превосходно отпраздновали свой рабочий праздник. «Фин. Газ.» и об этих даже разрешенных демонстрациях не заикнулась. Вообще она постоянно преспокойно замалчивает всякие неудобные для себя события, часто сочиняет зато она разные небылицы о небывалых вещах.

4/17 июня 1903 г. *[В. М. Смирнов]*

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Николаев. Только что закончилась здесь забастовка на двух крупнейших заводах: «Французском» и Черноморском, охватившая более 5.000 чел. и замечательная не столько по своим непосредственным экономическим результатам, сколько по обстоятельствам, сопутствовавшим ей, и по условиям, при которых она происходила. Тут мы встречаемся с редкой стойкостью, выдержанностью и единодушием рабочих, присутствуем на громадных собраниях, на которых произносятся рабочими содержательные речи, широко освещающие значение происходящего; встречаемся, наконец, с небывалым, чисто парламентским отношением к рабочим со стороны предпринимателей и начальствующих лиц, — явлением, свидетельствующим, что в рабочих признают силу, с которой приходится считаться.

Перехожу к фактам. 22 мая рабочему Крыжановскому, работавшему в механической мастерской «Французского» судостроительного завода, предложено было получить расчет за прогул одного дня. Услышав это от табельщика, Крыжановский отправился к инженеру Генкелю, начальнику мастерской, находившемуся тут же в мастерской, за об'яснениями. На вопросы Крыжановского Генкель отвечал площадной руганью, и дело дошло до того, что рабочий дал инженеру пощечину. Последний, выхватив из кармана револьвер, погнался за Крыжановским и выстрелил, но промахнулся, а споткнувшийся Крыжановский упал. Все это произошло так быстро, что рабочие обратили внимание на Крыжановского лишь тогда, когда тот поднялся и стал возмущаться: «Ах, негодяй! за одну оплеуху—стрелять!»* Когда удалившийся в контору Генкель увидел снова Крыжановского целым и невридимым, он опять погнался за ним с револьвером в руках. Но тут ему преградила путь кучка рабочих, которые бросились к нему с криком: «Бей мерзавца, который осмеливается стрелять в своих рабочих». Боясь серьезного оборота дела, Генкель бросился бежать и едва успел юркнуть в контору, как в догонку ему был пущен слесарный молоток. Быстро разнесся слух о случившемся, и вся механическая мастерская, как один человек, бросила работу и отправилась в контору требовать фабричного инспектора, прокурора и градоначальника. Через полчаса здесь были уже товарищ прокурора, судебный следователь, полицмейстер, градоначальник и друг. Вся эта компания, окруженная густой толпой рабочих, уселась во дворе завода, где думала приступить к следствию. Вдруг раскрываются ворота, и во двор

* Рабочими не был услышан выстрел за страшным грохотом в механической мастерской.

в'езжает фабричный инспектор в сопровождении шести конных городовых. Рабочие заволновались и потребовали немедленного удаления полицейских: «Здесь не воры, можете убраться туда, откуда явились!..» Градоначальник сейчас же велел удалить городовых. Затем, в виду начавшегося дождя, все общество (начальство и рабочие) отправилось в столовую, где и началось следствие. Тут на допросах рабочие вскрыли не одну язву, которыми так богата их жизнь. На следующее утро на заводе появились листки за подписью Николаевского Комитета Росс. С.-Д. Раб. Партии в количестве 900 штук, приглашавшие к забастовке и выставлявшие 14 требований: 1) удаления Генкеля, 2) оставления на заводе Крыжановского, 3) отмены оскорбительных и позорящих человеческое достоинство обысков, 4) отмены штрафов за опоздание, 5) отмены принудительных (путем угрозы расчетом и пр.) сверхурочных работ, 6) отмены принудительного участия в устроенной заводом кассе.

Механическая мастерская не приступила к работе, остальные ждали сигнала, и, как только он был дан, на всем заводе работа была прекращена. С этого, 23-го, числа рабочими всего «Французского» завода переживалось в продолжение нескольких дней редкое восторженное настроение. Они хоть и недолго, а все же пользовались свободой собраний, свободой слова и, пожалуй, свободой печати, так как во дворе завода собирались тысячами рабочие, произносились воодушевляющие речи, читались во всеуслышание и передавались на глазах у всего начальства сотни листков. Даже директору, на вопрос, чего рабочие хотят, был преподнесен отпечатанный листок с требованиями. Прибывший градоначальник предложил выбрать постоянных старост, согласно новому закону (о проекте которого сообщалось в газете), для улаживания «недоразумений». На следующий день, 24 мая, рабочие, воспользовавшись вчерашним предложением градоначальника, решили немедленно приступить к выбору старост (по два от каждой мастерской и по два кандидата к ним, всего человек 30). Выбранные тут же были представлены всем рабочим и некоторые из них произносили перед толпою в три-четыре тысячи человек речи на тему о значении старост при теперешнем нашем политическом режиме, о том, что при отсутствии свободы собрания, слова, печати, союзов, стачек значение их сводится к нулю и при нашем бесправии такие выборы являются только новой ловушкой для более сознательных и развитых рабочих. Когда директору были пред'явлены перечисленные в листках требования, дополненные некоторыми, на месте выработанными, он быстро разгруппировал их на три категории (моральные, экономические и личные) и на некоторые из них сейчас же обещал дать удовлетворение, насчет других обещал подумать, а об остальных не хотел и слушать, при этом наговорил много слащавых речей на тему о гармонии интересов: он-де хлопотал о рабочих, ездил в Петербург, клянчил, клянчил, выклянчил заказы — и вдруг такая благодарность. Рабочие ему ответили, что им дела нет до того, что он выклянчил, они для себя требуют. Узнав о происшедшем на «Французском» заводе, рабочие Черноморского завода (около 2.000 человек) тоже забастовали и пред'явили свои требования, у них тоже появился спрос на листки, которые в виду наступивших праздников (25, 26, 27 мая) были выпущены 28 мая. Одновременно с этим была выпущена прокламация «Ко всем рабочим» (2.000 штук), выясняющая значение стачки и указывающая на то, что успешная борьба за улучшение своего положения и освобождение от ига капитализма возможны только при полной политической свободе. Тут же выставлялись об'единенные требования рабочих «Французского» и Черноморского заводов. 27 мая (не работали) в столовой завода было собрание старост с директором во главе. Обращение директора с старостами было, как выразился один, вежливо до нахальства. Тут обсуждались все пункты требований, происходил живой обмен мнений. В результате директор согласился на следующее: 1) обыски отменяются, 2) по субботам работа до двух часов с получасовым перерывом на завтрак и с платой за целый день, 3) начальникам, мастерам и бригадирам вменяется в обязанность безусловно вежливое обращение со всеми рабочими, 4) за сверхурочное рабочее время, в противность установившемуся порядку, полуторная плата, 5) принудительное вступление в кассу отменяется, а вступившие могут в течение месяца выступить и др. Относительно Генкеля и Крыжановского директор заявил, что они не будут на заводе до суда, но плату будут получать, а там он посмотрит. Совсем неудовлетворенными остались требования: 1) повышение платы на 20%, 2) отмена штрафов за опоздание, 3) сокращение рабочего дня накануне праздников (кроме субботы) до двух часов и некоторые другие более мелкие. Когда в среду 28 мая рабочим «Французского» завода были пред'явлены результаты переговоров, они единодушно решили продолжать забастовку; то же на Черноморском заводе. На «Французском» заводе между тем были вывешены громадные печатные афиши, в которых «во избежание недоразумений» директор об'являл о сделанных уступках. Такие же афиши были выданы старостам в четверг 29 мая. Перед «Французским» заводом собрались рабочие «Французского» и Черноморского заводов, которые вместе с посторонней публикой составили толпу тысяч в 8 человек. Тут опять горячо обсуждался вопрос о забастовке, рисовались те бедствия, которые ждут рабочих при продолжительной забастовке, и тем не менее они твердо стояли на продолжении стачки, и если бы рабочие тут же разошлись, то при под'еме духа, который тут проявился, победа была бы, несомненно, гораздо полнее. Но тут дело приняло следующий оборот. Рабочие соглашались на некоторые уступки вроде того, чтобы повысить плату не всем рабочим, а, так сказать прогрессивно, обратно-пропорционально получаемой плате, получающим же выше 1 р. 50 к. оставить плату без изменения, и некоторые другие. Дальше же этих уступок старостам предписывалось не итти. Директор «Франц.» завода отказался дать что-либо, кроме того, что он уже дал, а директор Черноморского завода даже не принял старост. Тогда старосты, получающие хорошую плату (незаинтересованные в продолжении стачки и составляющие среди старост громадное большинство), стали вести закулисную агитацию за прекращение забастовки; и для того, чтобы вернее добиться своей цели, они постарались освободить рабочих от возбуждающего действия массовых собраний и от влияния немногих ораторов, поддерживавших настроение рабочих, разбив их по цехам, где рабочие подпали почти под их исключительное влияние. Таким образом им удалось добиться прекращения забастовки на «Французском» заводе. Рабочие Черноморского завода не соглашались прекратить забастовку. Тогда дирекция, воспользовавшись случаем, рассчитала всех рабочих (там теперь дела плохие), и после обратного приема 150 человек осталось за штатом. На «Французском» заводе рабочие недовольны большинством своих старост, оказавшихся не на высоте своего и без того невысокого положения; рабочие окрестили их «экономистами», благодаря которым рабочие Черноморского завода остались без поддержки.

Описанная стачка — первая крупная сознательно проведенная стачка в Николаеве. Она, несомненно, будет иметь громадное воспитательное значение для николаевских рабочих. За эти несколько стачечных дней политическое и классовое самосознание рабочих поднялось больше, чем это достигается за год агитацией. Воспитательное влияние ее, несомненно, не меньше влияния удачной демонстрации. Более всего приятно поражает выдержанность рабочих. Когда два рассчитанных (до этого) пьяных мастеровых побили мастера, то этот факт вызвал всеобщий протест. Когда разнесся слух, что к заводу идут солдаты, рабочие страшно переполошились, и некоторые старосты заявили директору, что, взявшись руководить массой, они слагают с себя всякую ответственность, как только на заводе появится хоть один солдат. Директор, пораженный выдержанностью рабочих, в увлечении крикнул: «Если солдаты явятся, я стану среди вас». Мы не ручаемся, конечно, что он исполнил бы свое обещание в критический момент; но это его увлечение показывает, в какой психической атмосфере он находился. В некоторых случаях во время речей дело почти доходило до криков: «долой такого-то старосту», который слишком усердно проявлял свою наклонность к экономизму. В одном цехе рабочие заявили старосте: «Нам надо выбрать другого ста-

росту — ты экономист, а староста должен быть политиком». Несмотря на любезность и парламентаризм градоначальника, в городе везде были наготове войска. Стачка оказала свое отраженное действие на другие заводы. Так, на заводе земледельческих орудий братьев Донских рабочие потребовали шабаша по субботам в два часа и немедленно получили удовлетворение. Брожение было и в мастерских военного порта и на заводе Уманского. Комитет не мог развить свою деятельность шире в виду того, что в типографии случилась заминка. Так, например, была приготовлена прокламация, всесторонне раз'ясняющая значение старост, но она, к великому сожалению, по независящим от Комитета обстоятельствам, не была напечатана. Весь город в эти дни только и говорил что о стачке. На бульварах, на улицах можно было услышать обсуждение, комментарии, искажения; создавались целые легенды... Среди рабочих сильно возрос спрос на литературу.

1 июня 1903 г.

Убийство шпиона. 1 мая за Нарвской заставой в Петербурге состоялось собрание 100 организованных рабочих, на которое проник шпион. Узнав об этом, рабочие тут же об'явили, что если участники собрания будут арестовываться, шпион будет убит. Вскоре после этого несколько человек была арестовано по обвинению в том, что участвовали на сходке. 26 мая шпион был найден убитым на глухой улице. Негодяю нанесено семь колотых ран. В момент убийства шпион имел в кармане приказ об аресте двух рабочих, за которыми он, повидимому, следил. Фамилия шпиона — Тулин.

Петербург. Неудачная забастовка максвелевских рабочих. (Спасская и Петровская мануфактуры.) Письмо рабочего.

У нас еще до 1 мая стали поговаривать о трехдневном гулянии в память 200-летия Петербурга. 14 мая на фабрике было об'явлено, что 16 мая не будет работы и нам заплатят дневной заработок. Конечно, рабочие были и этому рады. Но 21 мая нам роздали наши рабочие книжки, и мы увидали, что плата поставлена только в ¾ дневного заработка для большинства рабочих, а для слесарей — и того меньше (вместо 1 р. 80 коп. и 2 р. 50 к.—всего по рублю). Мы высчитали, что управляющий Фома Романов при таком расчете ограбил нас тысячи на полторы рублей. Некоторые мюльщики и ватерщики пошли к управляющему и стали говорить, что он поступил подло, и требовали еще прибавки. Но Фома Романов послал их «к чорту», а некоторых и в шею вытолкал. 23 мая человек 40 мюльщиков на Спасской мануфактуре бросило работу после обеда. Когда завертелась паровая, они стали бегать по этажам и кричали, чтобы не работали. Работа остановилась. Сознательных рабочих было мало и большинство бросало работу только потому, что мюльщики грозили порвать основу, если будут работать. Более смелые люди вышли во двор и стали кричать, что надо итти на другую (Петровскую) фабрику. Нашлось таких смельчаков немного: человек 40 мюльщиков, 10 женщин и девушек и человек 20 ткачей. На Петровской ничего не знали о нашей забастовке. Пришедших было слишком мало и они не могли остановить фабрику, как было в третьем году. Явилась полиция, стала сперва уговаривать нас, чтобы мы ушли на свою фабрику и работали, а когда мы не послушались, фабричный околоточный стал ругаться и даже ударил своей «селедкой» одного рабочего. Мы позвали петровских рабочих на свою фабрику, но никто не пошел за нами. Вернулись к себе, а у нас уже старший фабричный инспектор с помощником. Стал спрашивать, что нам нужно. Рабочие закричали: «долой управляющего» и еще многое кричали, но ничего нельзя было разобрать: кричали все вместе. Инспектор стал просить, чтобы мы выбрали нескольких депутатов для заявления требований. На это рабочие закричали: «Знаем мы вас — не в первый раз! Потом вы этим депутатам рот закроете, заберете!» Видит инспектор, что рабочие не глупы, и просит нас стать по группам: ткачей, прядильщиков и т. д. Рабочие выполнили это, и он стал опрашивать по отдельным группам, почему не работают. Ткачи указали на невыдачу сполна платы за 16 мая; на то, что основа и уток худые, шлихтуют худо старым станком, плохое освещение на фабрике и грубое обращение со стороны подмастерьев, словом, требуют того, без чего нельзя хорошо работать. И что ж? нас сосчитали за бунтовщиков, пригнали полицию! Все рабочие требовали увольнения управляющего; ватерщики просили лучшей пряжи и увеличения расценок. Инспектор сказал, что даст ответ 31 мая. Рабочие все-таки в этот день на работу не пошли, но на второй день возобновили работу, решив дожидаться 31 мая (суббота). В этот день на фабрике вывесили об'явление, что требования не будут исполнены. С понедельника (2 июня) все рабочие бросили работу, причем этот раз петровские начали. В этот день на фабрику приехал помощник инспектора, но его послали к чорту и обозвали трубочистом. Стачка длилась до четверга (5 июня). В этот день часть рабочих работала до обеда, так как был об'явлен расчет тем, кто не станет на работу в этот день. После обеда всех — работавших и неработавших — вызвали на фабричный двор, где собралось много полиции. Полиция погнала нас на работу, грозя расчетом всем, кто на это не согласится. В 5 часов все пошли на работу на старых условиях.

С.-Петербург. 22 марта начальник Варшавских железнодорожных мастерских, Копьев, пригласил в свой кабинет нескольких рабочих и об'явил им, что, желая увеличить штат рабочих, он не может давать более 30% (вместо прежних 90%) на рубль к цеховому жалованью, и при этом напомнил рабочим, что в настоящее время в Петербурге находится масса безработных... Рабочие ответили, что они только в том случае согласятся на понижение процентной платы, если цеховая будет повышена до 1 руб. 60 коп. (вместо прежних 1 руб. 20 коп.). Копьев, конечно, отклонил это условие, заявив, что больше 1 руб. 10 коп. — 1 руб. 20 коп. по цеху он платить не будет. В три часа дня во всех мастерских были вывешены об'явления о понижении платы наполовину; рабочие немедленно бросили работу, отказавшись принять новые условия. Первой остановилась отделочная мастерская, где большей частью работают мужчины; ворвавшись в другие мастерские, они остановили всю работу. Немедленно была вызвана полусотня казаков, которые беспощадно избивали рабочих нагайками... На следующий день рабочие пришли на завод, но за работу никто не принимался. Приехал фабричный инспектор и рабочие об'явили ему свои требования: сохранение прежних расценок и уменьшение рабочего дня. Инспектор грубо ответил рабочим, что требования их не будут удовлетворены, и увещевал приняться за работу. «Все равно не будет по-вашему», — говорил этот чиновник. «Нет, по-вашему не будет»,—ответили ему рабочие. Между тем озлобление рабочих достигло крайнего предела и, когда женщины, под влиянием инспектора, хотели было взяться за работу, рабочие бросились на них с криком «ура!» и сильно избили (около десяти раненых). Та же участь постигла и мастеров, которые издевались над рабочими и угрожали, что, если рабочие не возьмутся за работу по указанным в об'явлении расценкам, то они примут иностранцев. По приказу градоначальника было предложено получить расчет, но рабочие отказались его принять. Тогда приехал сам Клейгельс, расспрашивал рабочих об их недовольстве и обещал рассмотреть расценки. Во время стачки приходилось поддерживать только стариков, молодые же отказались от помощи.

Поправка. В № 32 «Искры», в статье «Неудачный дебют», в списке зубатовских агентов указан рабочий Егоров. Нами получено сообщение, что рабочий Егоров никогда зубатовцем не был и в настоящее время сидит в Выборгской тюрьме по делу Петербургского Комитета.

Кострома. О здешних майских событиях мы уже сообщали в № 42. Кое-какие новые сведения заимствуем из доставленного нам письма.

Последовавшие за демонстрацией 8 мая аресты и упорство хозяев окончательно взбесили рабочих. В конце-кон-

цов толпа 20-го вечером бросилась ломать забор и разбивать квартиры директора и других представителей фабричной администрации. Разгром, говорят, произведен страшный: выбили стекла, высадили рамы и двери, разбили всю мебель и т. д. Грабежа не было: рабочие ничем не хотели воспользоваться, но зато ничего не захотели оставить и фабрикантам. Озлобление страшное. Фабричных корпусов, машин и вообще ничего другого, кроме жилых квартир, не тронули. Администрация фабрики хотела бежать из города, но ее полиция до расчета с рабочими не выпустила и принудила переселиться в гостиницу. Для усмирения «бунта» были вызваны войска. (Надо заметить, что оба батальона уже ушли в лагерь, и в городе в тот день оставалось уже очень мало солдат. Гулявшие в тот вечер на бульваре наблюдали такую сцену. Музыка неожиданно оборвалась на какой-то пьесе и музыканты опрометью бросились бежать с эстрады; оказалось, что они получили приказ немедленно стать под ружье и итти к фабрикам.) Сначала пугали толпу холостыми залпами, затем, когда раздались возгласы, что солдатам не приказано убивать, что они не имеют права и т. д., было произведено несколько боевых выстрелов, которые и рассеяли толпу. Многих ранили. Упорно держатся слухи о 10 убитых, но администрация тщательно скрывает трупы... Затем разгромы и стычки с войсками повторялись в два следующие дня, главным образом по вечерам, после смены. Толпа уже стала отбиваться от солдат * камнями (разобрали мостовую на Солдатской улице), кольями и т. п. В толпе была масса рабочих и с других фабрик, кроме бельгийской. Рабочих охватило страшное одушевление и, как только кончилась смена, они целыми толпами бежали к «бельгийке». Останавливавшим обыкновенно отвечали: «там льется кровь, там наших братьев убивают!» Конечно, эти разгромы имели своим последствием массовые аресты. Дело, вероятно, будет разбираться, как уголовное, в судебной палате. Теперь, кажется, стало спокойнее, но работа на бельгийке еще не возобновилась. Попечительство о домах трудолюбия открыло временную столовую для безработных. До этого нужда и голод были страшные. Общество отзывалось туго, да и нельзя было сноситься с районом, оцепленным войсками. Всякого постороннего, появлявшегося на улице, немедленно забирали.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ В ГЕРМАНИИ.

На только что окончившихся выборах в германский рейхстаг соц.-дем. выставили своих кандидатов в 395 округах из всех 397. Во многих округах все буржуазные партии об'единились, выставив общего кандидата против соц.-дем.: так было дело во всех 23 округах королевства Саксонии, наиболее промышленной части Германии, где борьба с социал-демократами уже давно велась не на жизнь, а на смерть, и где на прошлых выборах соц.-дем. завоевали уже 11 округов; реакция в Саксонии вытеснила соц.-дем. из ландтага (местного парламента), введя избирательное право, ограничивающее права рабочего класса, и во время предвыборной агитации воздвигла настоящее гонение на соц.-дем. Собрания запрещались полицией по самым незаконным поводам, залы для собраний во многих местностях должны были браться социал-демократами буквально с боя, правда, некровопролитного; так, в Лейпциге рабочие должны были прибегнуть к многодневному бойкоту пива всех ресторанов, имеющих залы для собраний, и лишь после этого им удалось добиться разрешения получить залы для собраний; и это в больших городах! В маленьких и в деревнях соц.-дем. приходилось собираться под открытым небом, и то часто полиция запрещала собрания под тем предлогом, что малолетние, якобы, могут подслушать (по закону малолетние не могут присутствовать на политических собраниях). В 11 и 14 саксонских округах, где борьба велась особенно ожесточенно, было запрещено 33 соц.-дем. собрания.

Сильное агитационное значение имело особенно одно собрание в Саксонии, на котором должен был говорить депутат Гериш в каком-то местечке вблизи австрийской границы и богемских лесов; залы для собрания нельзя было достать во всей окрестности, народ собрался под открытым небом на пустом куске земли, но явившаяся жандармерия не допустила собрания, опираясь на закон о малолетних; раздраженные массы стали уже расходиться, как вдруг кому-то пришла в голову счастливая мысль итти к австрийской границе. С Геришем во главе двинулись все в Австрию — кустари, рабочие, крестьяне примыкали по дороге к невиданному зрелищу: собранию свободных граждан, бегущих за границу, чтобы иметь возможность воспользоваться правом, предоставленным конституцией. На границе, приветствованной криками ура, остановились, подождали отставших и отправились в лес; уселись во мху, и Гериш с большого камня громил в полуторачасовой речи реакцию в Германии; конец собрания был высоко-драматичен: все участники поднялись и клялись положить все свои силы в борьбе за рабочее дело. Саксонская жандармерия последовала за шествием, но держалась во время речи на почтительном расстоянии, не смея распоряжаться на чужой территории. Реакционеры имели в своем распоряжении и весь правительственный механизм; чиновники употребляли все средства влияния на избирателей; так, один губернатор в Саксонии приглашал особым оповещением всех желающих выбрать консерватора на совещание; кто не являлся, считался врагом отечества и заподозривался в сочувствии «красным»; фабриканты в некоторых местностях заставляли своих рабочих под угрозой отказа от работы обещать голосовать за кандидата буржуазных партий. В распространяемых летучих листках буржуазные партии не жалели самых нелепых клевет и обвинений для соц.-дем. Брошюры против соц.-дем., составленные в большинстве случаев писателями «свободомыслящей народной партии» при ближайшем участии ее вождя Рихтера и наполненные самыми идиотскими извращениями соц.-дем. учения, принимались с радостью всеми реакционными партиями; на распространение их в народе в сотнях тысячах экземпляров употреблялись даже и правительственные деньги; от Рихтера, некогда грозы реакции, были в восторте все реакционеры. Социал-демократы не остались в долгу: на каждую брошюру они отвечали брошюрой, партийная типография была буквально завалена работой, благо денег на предвыборную агитацию имелось вдоволь: несколько сот тысяч марок было пожертвовано рабочим классом Германии на эту борьбу, были взносы и из других стран: бельгийская партия, помня братскую помощь германских рабочих во время всеобщей стачки в Бельгии, устроила по всей стране празднества и отсылала вырученные деньги на борьбу в Германию; из Америки, Голландии, Швейцарии, России (редакции «Искры» и О. К.) тоже были взносы. Работали соц.-дем.

* Спешно вызвали из Ярославля весь батальон.

славно: начиная с Бебеля и Зингера, всех кандидатов и журналистов партии и кончая массовыми рабочими, распространявшими в миллионах экземпляров летучие листки, работали все, не покладая рук. Бебель — 62-летний старик — был вездесущ: сегодня он в Саксонии и говорит в один вечер на трех собраниях в Мееране, завтра около Хемница на поле перед собранием в 8.000 человек, потом мы его встречаем на Рейне в округах, являющихся издавна самым крепким оплотом центра; вот он в Крефельде, и зала ломится от дотоле неслыханного числа слушателей; вот он в Эссене на фабриках Круппа встречается и провожается восторженными криками толп народа, в Эссене, где коронованный агитатор, оказывающий социал-демократам такие услуги своими речами, Вильгельм произнес свою знаменитую речь, обвиняя социал-демократов в убийстве Круппа и призывая рабочих порвать с этими «жалкими людьми», недостойными носить имя германцев. Но не одними Бебелями сильна партия, она сильна стоящими за ней массами, строгой дисциплиной, организованностью, высоким идеализмом, царящим в массах, верой в близкую неизбежную победу, скромными работниками, выносящими с радостью все лишения, все оскорбления и гонения ради партии. Вот скромный распространитель листков: сегодня его арестуют и судят за, якобы, незаконное занятие промыслом в воскресенье, завтра крестьяне, сагитированные центровским попом, гонят его из деревни вилами и дубьем; вот в Данциге толпа католиков, выходя в воскресенье из церкви, избивает нескольких соц.-дем. чуть не до полусмерти; вот крестьяне отнимают листки и даже скупают их в окрестностях и устраивают костер из них; вот выкинутые на мостовую фабрикантом рабочие, заподозренные в распространении листков, и так без конца! Католическое духовенство очень умело пользуется своим положением духовных отцов и наставников: здесь один из ксендзов спрашивает рабочего на исповеди, кого он думает выбрать, рабочий говорит: «социал-демократа», поп грозит ему всеми муками ада, грозит лишить причастия; в другом месте на исповеди допытывают жену рабочего, какие газеты получает муж; в третьем месте заявляется в проповеди, что все, голосующие не за центр, будут прокляты и отлучены от церкви; в Крефельде обещается прощение всех грехов в течение 200 дней всякому, читающему ежедневно по три раза «Отче наш» за победу над соц.-дем., и каждому, голосующему за центр. «Вперед» [11] ядовито замечает по этому поводу, что отпущение грехов действительно необходимо, ибо помощь центру является очень и очень тяжелым грехом. Здесь ксендз отказывает фабриканту в причастии, так как он дает работу заведомым соц.-дем.; там ксендз пишет письмо трактирщику, отдавшему зал для собрания рабочих, грозя бойкотом, и трактирщик, зная власть католического духовенства над населением, отказывает в зале. Ложь, клевета, зажимание рта противнику — самые лучшие средства борьбы с социал-демократами в глазах всех буржуазных партий: типография «Вперед» эксплоатирует рабочих, вожаки партии катаются как сыр в масле на трудовые деньги рабочих, Бебель приказал засыпать часть цюрихского озера и разводит себе там парк, соц.-дем., проповедуют общность жен, поощряют лень, разоряют крестьян, сгоняют плетьми рабочих к урнам для выбора — вот перлы клеветнического остроумия буржуазных партий. Буржуазная демократия, особенно часть ее, предводительствуемая Рихтером, не отставала от реакционеров, прибегая к борьбе с соц.-дем. лишь к подпольной агитации, избегая выступать открыто на собраниях против соц.-дем. ораторов и не допуская их говорить на своих собраниях. Саксонские свободомыслящие запретили одному соц.-дем. кандидату вход на свои собрания, мотивируя это невозможно резким способом выражений его; собрания свободомыслящих в Берлине, где велась ожесточенная борьба, особенно в пятом и первом округе, были в большинстве случаев закрыты для соц.-дем., а на соц.-дем. собраниях выступали в дискуссиях больше консерваторы, предпринявшие попытку отвоевать Берлин у соц.-дем., чем самая сильная в Берлине после соц.-дем. партия свободомыслящих. Рихтер, приглашенный письменно на одно из соц.-дем. собраний, ответил, что не желает делать собрание интересным и, кроме того, его личная честь не позволяет ему явиться в виду постоянных нападок на него со стороны соц.-дем. Автор брошюр, наполненных пошлыми выходками против соц.-дем., запрещает себе полемизировать с ними! Тартюфство в политике интернационально, и Рихтеру его не занимать стать у наших доморощенных ненавистников «нетоварищеских приемов полемики». В своем округе Рихтер приглашал на собрания лишь «интересующихся выборами г-на Рихтера»! И это бывший народный трибун, некогда заставлявший трепетать Бисмарка! [12] Страх перед победоносным пролетариатом делает реакционерами многих бывших революционеров.

[Свиягин]

ИЗ ПАРТИИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В последнем, 26-м, номере «Революционной России» автор статьи «Еще о критиках террористической тактики» * обиделся на «Искру» за ее утверждение, что партия соц.-революционеров до сих пор не заявила себя буквально ни одним коллективным действием. Автор обиделся и торопится уличить «Искру» во лжи: это, положим, не совсем верно, говорит он. Летописи демонстрационного движения и в Киеве, и в Одессе, и в Саратове и в некоторых других городах знают кое-что об участии соц.-революционеров в организации «коллективных действий».

Прочел я это место и подумал: вот новый повод для разных бородатых и безбородых младенцев составить коллективный протест против нетоварищеского приема полемики «Искры», против «Искры», так обижающей несчастных борцов за общее революционное дело. Подумал я это, но тут мне бросилось в глаза, что рядом с ссылкой на летописи Киева, Одессы и некоторых других городов фигурирует также и летопись г. Саратова.

В Саратове, насколько мне известно, революционная летопись зарегистрировала лишь одну, всем хорошо известную демонстрацию 5 мая 1902 г. Как демонстрация эта, так и подготовка к ней происходили на моих глазах. И вот я начал вспоминать это время, чтобы, наконец, убедиться, что клевещет «Искра» на бедную «Рев. Росс.». В моей памяти ясно выступают лица, говорившие речи на агитационных предмайских собраниях на «Зеленом Острове»; вспоминаются лица, готовившие знамена, лица, писавшие и редактировавшие прокламации и афиши, лица вырабатывавшие план кампании; вспоминаются и те, кто разбрасывал и расклеивал прокламации. И, как ни напрягаю свою память, я не могу

* К этой статье мы еще вернемся в следующем номере. Прим. ред.

припомнить, чтобы в числе всех этих лиц был бы хоть один соц.-революционер. Вспоминаю самый день 5 мая; вспоминаю пеший базар, кучки рассыпавшихся по площади организаторов; вспоминаю минуту, когда вдруг взвились знамена и собравшаяся вокруг них толпа с пением «Варшавянки» направилась к Немецкой ул.; вспоминаю героическую схватку домонстрантов с напавшими на них переодетыми и непереодетыми полицейскими и сыщиками. И опять в этой толпе, среди несших знамена, разбрасывающих прокламации, дерущихся с полицией, я при всем желании не могу припомнить ни одного соц.-революционера.

Наконец, вспоминаю суд, вспоминаю речи подсудимых и защитников. Как те, так и другие говорят о соц.-демокр., майской, рабочей демонстрации. Ни один из подсудимых, признавших на суде свое участие в демонстрации, не протестовал против заявления защитника Чубаровской—Вольценштейна, что его клиентка и ее товарищи социал-демократы.

И вот, вспомнив все это, я занялся разрешением следующей задачи: в числе демонстрантов, в числе устроителей и организаторов ее, в числе пострадавших за нее не было ни одного соц.-революционера; в чем же проявилось участие сих честных борцов «в коллективных действиях города Саратова»? Единственной отгадкой этой, казалось бы неразрешимой, задачи представилась мне следующая: господа соц.-революционеры взяли на себя тяжелый труд присвоить саратовскую демонстрацию, устроенную и приведенную в исполнение коллективными усилиями Саратовского Комитета Росс. С.-Д. Р. П., Сарат. соц.-дем. ремесленного союза и социал-демократических членов об'единенной группы с.-д. и с.-р. Они взяли на себя тяжкий труд post factum в своих органах и листках переделать первомайскую демонстрацию саратовских рабочих в демонстрацию соц.-революционеров в память Балмашева.

Ведь нельзя же, в самом деле, считать участием в организации демонстрации тот факт, что в самый разгар ее одному из членов соц.-дем. Комитета кем-то была передана пачка сфабрикованных соц.-революционерами прокламаций для разбрасывания вместе с изданными «Искрой» и организаторами демонстрации. Нельзя же считать участием соц.-революц. в организации демонстрации тот факт, что про черное знамя в память только что казненного Балмашева они узнали лишь после демонстрации.

Подведем итог. Заявление «Рев. Росс.», поскольку оно касается саратовской демонстрации, употребляя «товарищеский» прием полемики этого органа, «не совсем верно». В пылу желания пристегнуть свое имя к пролетарскому движению «Рев. Росс.» немножко сошла с пути истины.

Было бы очень желательно, чтобы товарищи Одессы, Киева и «некоторых других городов» (названия которых пока, по скромности конечно, умалчиваются гг. соц.-революционерами) порылись в своей памяти; пожалуй, они, подобно мне, припомнят аналогичные саратовскому случаи участия гг. соц.-революционеров в организации «коллективных» действий. А как-никак, случаи подобного участия достойны быть занесенными на скрижалях революционной летописи.

Бывший член Сарат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Кавказским Союзом выпущен листок «Кто виноват?» (о кишиневском погроме). Донским Комитетом переиздана статья № 39 «Искры» «Последняя карта царизма». Саратовским Комитетом — речь Денисова (2.000 экз.). Северным Союзом — № 4 бюллетеня (описание майских дней); сверх того в собственной типографии изданы: «Самодержавие колеблется» (статья из № 35 «Искры») и «Письмо матроса к товарищам» (для солдат). Тверским Комитетом в конце мая издан листок к рабочим Куровского стеклянного завода. Киевский Комитет издал отчет о своей деятельности, с которым мы познакомим читателей в следующем №.

Предостережение. Петербургские товарищи предостерегают против следующих шпионов-провокаторов: 1) Василий Павлов, работал на Семянниковском заводе, теперь без работы. Живет на Выборгской стороне в доме Аханова, кв. 17. Приметы: на вид 35—40; волосы длинные, как бывает у крестьян; большая русая борода; лицо смуглое. 2) Иван Грачев, работал на Барановском заводе, теперь — неизвестно где (уезжал в Москву). Токарь. Говорит ласково; средних лет; лицо свежее; черные, как смоль, волосы; черные большие усы; среднего роста. 3) Филиппов, сапожник. Адрес: Петергофское шоссе, дом № 17 Б, во дворе. 4) Василий Янкельсон. Токарь, работал на Балтийском заводе. Эстонец. Провалил дело «Союза Борьбы» в апреле 1903 г. 5) Кузьма Иванов, работал на Семянниковском заводе; ученик технич. школы. Подавал прошение в охранное отделение о зачислении его в сыщики.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Здесь арестовано до 30 человек. Дело сидящих около 1½ лет 10 смоленцев, обвиняемых в составлении террористического кружка, снова возвращено из министерства юстиции в жандармское управление. Обвиняемых 10 человек: статистик Дроздов, бывш. технолог Синявский, рабочие: Савинков, Журавель, Трифонов, Царьков, Гдавин, конторщик Виноградов, землемер Каган, статистик Войков (был в ссылке в Уфимской губ.).—Одесса. Арестованные в феврале 1903 г. Давид Левин и Викт. Рабинович сосланы на 4 года в Вост. Сибирь. — Самара. Сослан в Вост. Сибирь до приговора Конрад Газенбуш. — Никополь (Екат. губ.) 31 мая был обыск у Голубова.—Освобождены в начале июня из Д. П. З. в Спб. и высланы в Тверь под особый надзор: Ц. Зелигсон, Николева, курсистка, и Прас. Кудели. Освобождены: Фонарева, медичка, Полубояринова.

Владимирская губ. В апреле в с. Мызино Судогодского уезда наезжали жандармы, производили у крестьян повальные обыски и отбирали нелегальную литературу; арестовали двух крестьян, но через несколько дней выпустили. Один рабочий арестован на Уршельском стеклянном заводе. Сидевшие во Владимирской тюрьме с декабря 1901 г. по делу Орехово-Богородской рабочей организации рабочие Воронов и Сельдяков сосланы на 4 года, первый — в Вологодскую, а второй — в Архангельскую губ. Арестованные весной 1902 года крестьяне Вязниковского уезда Соколов (сельский староста) и Гусев, обвинявшиеся по 252 ст., выпущены под особый надзор до приговора. Доливо-Добровольский (ярославское дело), скрывшийся из Оренбурга, где был в ссылке, и арестованный в январе 1903 года в Петербурге, вновь выслан в Оренбург. В этом году в Вологодской губернии кончили срок ссылки следующие лица: по делу Киевского Комитета 1898 года: Вера Тучапская, Дрелинг (заграничный студент), Шуляковский (студ.), Шен и Рабчевский (присяжные поверенные), Белоусовы (муж и жена), Жиглинский. По делу Спб. «Союза Борьбы» 1898 года статистик Саммер. По делу Литовской Социал-Дем. (1899 г.): рабочие из Вильно Александр Адамович, Антон Воткевич и Игнатий Моциевский. По делу Московского Комитета 1898 г. — Ванновский (техник). По делу пропаганды на заводе Берт в С.-Петербурге (1898 г.): медик Я. Принцев и чертежник Зиновьев. По делу «Раб. Знамени» 1898 г. Татаринов. Рабочий Максимов (стачка у Максвеля 1898 г.). Рабочий Логач (Варшавское дело). Братья Стечкины (Одесск. соц.-дем. дело 99 г.). Архитектор Курицын и медичка Довелло (дело соц.-рев. в Петербурге 1898 г.). Фельдшерица Е. Маркова (Спб.). Косьминский, рабочий из Пинска (польское национальное дело). Немиро, студ. (дело в Спб.). Третьяков (Костромское соц.-дем. дело 1901 г.). Ремизов, литератор (Пензенское соц.-дем. дело 1898 г.). Аусем, юрьевск. студ. (по делу 1899 г.). Щеголев, петерб. студ. (дело «группы двадцати» 1899 г.). Русанов (Орловское соц.-дем. дело 1901 г.). Кильбасинский и Миклашевский — инженеры (дело Польск. Соц. Партии). Ольга Залесская, портниха (ростовское соц.-дем. дело).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Серому. Ключ неизвестен.

Матвею. Оба письма получили, но прочесть не могли: плохо проявилось.

Емельяну. Пришлите скорее адрес для писем.

Польша-Кауром у. Письмо получено. Ужасно рады были. Не совсем разобрали конец.

Получено: из «Ь» (мягк. зн.) за литер 147, 25 фр., по подп. лист. 108,15 фр., на попул. лит. 4,40 фр., от конс. 4,30 фр. Из Берна за май и июнь 5,38 фр., из них с лекций Плеханова и Ленина 280 фр., за литер. 162 фр., от Б. К. Ф. 88 фр., от читателя «Искры» 8 фр. Из Лозанны за июнь 170,40 фр., из них с лекций Плеханова 137,80 фр. и за литературу 32,60 фр., через «фершала»: на Партию 12 руб. и на «Искру» 3 руб. От Тигрова на печатание записок Дейча 25 фр. Из Л.: от московского земского врача 10 руб., от К. 30 мар. От Ш. 200 фр. Из Базеля 3 фр. Из Ма. по подписн. листу 87 фр. От Томск. Ком. 20 руб., из Томска от консула 5 руб. и раньше оттуда же 15 руб. за «И.» и 10 руб. от частного кружка. Русская Рижская соц.-дем. группа получила 25 руб. от квадр. корня из минус единицы. От Архаровца 25 руб., от пессимиста на «Искру» 15 руб. и на ссыльных в Сибири 10 руб., от ab, bc, cd 50 руб., от А. А. 100 руб.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Помпадур — название, под которым Щедрин в очерках «Помпадуры и помпадурши» рисовал губернаторов, пользовавшихся фактически неограниченной властью в своей губернии. Автор статьи имеет в виду следующее место: «Россию губит излишняя централизация, — говорит один из героев очерков Феденька Кротиков, — необходимо децентрализовать, т. е. эмансипировать, помпадуров, усилить их власть».

Прим. 2. Питерскую забастовку 1896 г. начали рабочие Калинкинской мануфактуры. Поводом послужила невыплата рабочим зарплаты за коронационные дни. Забастовка перебросилась на другие фабрики в разных районах Питера и число бастовавших достигло тридцати тысяч. Основные требования рабочих: 1) 12-час. рабочий день, 2) повышение расценок (при сокращении рабочего дня), 3) укороченный рабочий день в субботу, 4) уплата за коронационные дни и т. д. Забастовка протекала при поддержке «Союза Борьбы», который организовал митинги, выпустил листовки и, чтобы привлечь к стачке общественное мнение России и Западной Европы, выпустил воззвание, об'яснявшее политическое значение забастовки и призывавшее к материальной поддержке стачечников.

Рабочие добились уплаты за коронационные дни и сохранения расценок. Вопрос об уменьшении рабочего дня был поставлен в законодательном порядке и в 1897 г. раб. день был сокращен до $11^1/_2$ час. в сутки.

Прим. 3. В 1898 г. день 1 мая праздновался в Харькове впервые. Было устроено несколько собраний за городом. На каждом присутствовало по несколько десятков человек. О праздновании 1 мая в 1898 г. в Риге и Либаве сведений нет. В 1899 г. либавские рабочие праздновали 1 мая и по русскому и по западно-европейскому стилю. Первомайская забастовка была связана с требованиями повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Первомайская забастовка (по ст.ст.) в Либаве скоро перешла во всеобщую стачку и 5 мая была организована грандиозная демонстрация 20 тысяч рабочих, которая произвела большое впечатление как на рабочих, так и на правительство. В Харькове 1 мая 1899 г. усиленно распространялась майская листовка. За городом были устроены маевки, на которых присутствовало 150 человек. О праздновании 1 мая в Риге и Либаве в 1900 г. сведений нет. В 1900 г. наиболее значительным было празднование 1 мая в Харькове. Прокламации с политическими требованиями и призывом к забастовке были распространены задолго до праздника. В день 1 мая были устроены забастовка и демонстрация, в которой участвовало около 10 тысяч человек. Полиция арестовала около 200 демонстрантов. Рабочие на следующий день отказались стать на работу и этим вынудили губернатора освободить арестованных.

Прим. 4. «Обуховской обороной» названа стачка рабочих Обуховского завода 7/V — 1901 г., закончившаяся столкновением рабочих с полицией, пустившей в ход оружие. Поводом к стачке было увольнение рабочих, не вышедших на работу 1 мая. В ответ рабочие пред'явили требования: 1) возвращения уволенных, 2) 8 час. рабочего дня, 3) отмены ночных работ и штрафов, 4) повышения расценок и т. д.

Стачечников поддерживали рабочие Александровского чугунного завода и работницы карточной фабрики.

Часть требований рабочих была немедленно удовлетворена (отмена ночных работ, возвращение уволенных, повышение расценок). Требование о признании 1 мая праздником было передано на усмотрение властей. Арестованные позже участники были судимы с исключительной строгостью (из 37 чел. оправдано 8, остальные приговорены к каторге, арестантским ротам, тюремному заключению).

Прим. 5. Речь идет о забастовке в железнодорожных мастерских в Ростове на Дону с 4 по 23 ноября. См. корреспонденции: «Борьба ростовских рабочих» в № 29 «Искры»; «Ростов н/Дону» и «Тихорецк» в № 30, и «Ростов н/Дону» в № 31 «Искры».

Прим. 6. Демонстрация 1903 г. в Ростове н/Дону была организована Донским Комитетом Р.С-Д.Р.П. — см. о ней корреспонденцию в № 36 «Искры» — «Новая демонстрация в Ростове н/Дону».

Прим. 7. «Эрфуртская программа» — книга Каутского, являющаяся комментарием к программе германской социал-демократии, принятой в Эрфурте 14 — 20 октября 1891 г.

Прим. 8. «Рабочая Мысль» — орган наиболее последовательного и крайнего направления в экономизме, выходил под руководством К. Тахтарева (Тара) и Лохова (Ольгина) (1897 — 1902), «Р. М.» проповедывала, что борьба рабочих должна вестись только за экономическое улучшение положения рабочего класса, каковое и является единственной целью рабочего движения. «Р. М.» враждебно относилась к задаче создания боевой централизованной партии и к партийной «интеллигенции».

Крайний экономизм «Рабочей Мысли» нашел свое смягченное выражение на страницах журнала «Рабочее Дело» (1899 — 1902). Промежуточная позиция последнего заключалась в том, что, не решаясь открыто отрицать необходимость для рабочих политической борьбы, «Р. Д.» выдвинуло так наз. теорию стадий. Сущность этой теории сводилась к тому, что на пути к политической борьбе рабочее движение должно пройти целый ряд последовательных стадий, из которых низшей является стадия чисто экономической борьбы.

Прим. 9. О «Революционной России» — см. прим. 15-е к № 41 «Искры».

Прим. 10. Уваров, С. С. граф (1786 — 1855) — видный деятель эпохи Николая I, президент академии наук (с 1818 г.), впоследствии министр народного просвещения в 1833 — 1849 гг Все образование предлагал вести в духе «православия, самодержавия и народности».

Прим. 11. «Вперед» — «Vorwörts» — центральный орган германской социал-демократической партии, начал выходить вместо прекратившегося «Социал-Демократа» в 1890 г. Со времени мировой войны занял социал-шовинистическую позицию. В настоящее время ведет ожесточенную борьбу с коммунизмом.

Прим. 12. Бисмарк Отто (1815 — 1898) — «железный канцлер» Германской империи, фактический глава Германской империи до 1890 г., когда при Вильгельме II ушел в отставку. В лице Б. прусское юнкерство выступило в роли об'единителя Германии. Стремясь наиболее безболезненно перевести Германию в русло буржуазной монархии, Б. еще в начале 70-х годов вводит всеобщее избирательное право. В то же время при помощи исключительных законов против социалистов (1878 г.) пытается приостановить рост и влияние германской социал-демократии.

Приложение к № 43 «Искры».

«ОРТОДОКСАЛЬНОЕ» БУКВОЕДСТВО *.

Прочитав нам нотации на тему о том, что в социал-демократической программе «нет места» борьбе с остатками докапиталистических общественных отношений, Рязанов принимается доказывать нам, что учреждения,— он говорит: «явления», — принятые нами за пережитки старого общественного строя, на самом деле должны быть рассматриваемы как «начатки» нового и именно капиталистического порядка. Доказательства, приводимые им в этом случае, до такой степени характерны для его будто бы критики, что я не могу устоять перед искушением привести по крайней мере некоторые, наиболее замечательные из них.

«А между тем еще большой вопрос, — говорит он, — насколько все те явления, на которые указывает программа „Искры“, связывая их с „остатками“, об'ясняются действительно этими остатками; а не „начатками“ капитализма. Пришлось ли бы нам теперь заниматься „радикальным пересмотром условий освобождения крестьян,“ если бы это „освобождение“ не было подготовлено не „народным производством, а капитализмом на барщинной основе“, если бы оно не было совершено землевладельцами, уже искусившимися в деле выколачивания „прибавочной стоимости“ в союзе с государством, не менее их заинтересованном в развитии капитализма?» (стр. 215).

Эти строки написаны, как видит читатель, в высшей степени неуклюже, и потому правильное их понимание — не очень легкое дело. Но поскольку оно возможно, их приходится истолковать в том смысле, что если бы уничтожение крепостного права было подготовлено так называемым (в народнической литературе) народным производством, а не капитализмом на барщинной основе, то мы не были бы вынуждены теперь требовать радикального пересмотра условий освобождения крестьян. Но, спрашивается, могло ли «народное производство» создать такие условия, при которых уничтожение крепостного права сделалось бы настоятельной экономической необходимостью? На этот вопрос всякий, хоть немного толковый человек без малейшего колебания ответит отрицательно: нет, это «производство» само сделалось с течением времени прочнейшей основой нашего крепостничества во всех его видах и разновидностях. На этот счет никакие сомнения невозможны. А раз мы убедились в этом, то у нас возникает новый вопрос: зачем же понадобилась Рязанову его нелепая гипотеза «подготовления» крестьянской реформы 1861 г. народным производством? Очевидно, она понадобилась ему лишь для более яркого оттенения той мысли, что если крестьяне были освобождены на очень невыгодных для них условиях, то это об'ясняется не чем иным, как именно развитием капитализма, правда еще продолжавшего сохранять свою барщинную основу. А эта мысль, повидимому, должна сделать неизбежным для нас тот вывод, что положение, в которое был поставлен русский крестьянин законодательным актом 1861 года, само было «подготовлено» развитием капитализма.

В этом выводе справедливо только то, что экономическое развитие, совершившееся в направлении к капитализму, сделало в высшей степени нужными для помещиков такие условия освобождения, при которых крестьянин обратился бы в полупролетария, вынужденного продавать свою рабочую силу. Поскольку крестьянин сделался таким продавцом рабочей силы, постольку он попал в то положение, в котором находится весь вообще рабочий класс в капиталистическом обществе и которое будет устранено только социалистической революцией. Это положение, конечно, не пережиток старины, и не против него направлены те параграфы нашей программы, которые имеют в виду борьбу с остатками старого, докапиталистического порядка. Но дело в том, что это положение, общее малоземельному крестьянину с пролетарием, осложняется существованием целого ряда таких учреждений, благодаря которым наш продавец рабочей силы оказывается связанным по рукам и ногам и вынуждается продавать свой единственный товар на условиях, еще менее выгодных, чем те, на которых он продал бы его, находясь в правовом положении пролетария современного буржуазного общества. Вот эти-то учреждения представляют собой пережитки нашего старого крепостнического порядка; вот против них-то и приглашает наших революционеров бороться та часть нашего проекта программы, которая подала повод к сбивчивым рассуждениями Рязанова о «начатках» и «остатках». Если Рязанов думал, что «эти учреждения — напр., прикрепление крестьян к земле и тому подобное — начатки капитализма», то он должен был привести в пользу своего мнения что-нибудь посерьезнее той комичной гипотезы, по смыслу которой нам не нужно бы было требовать радикального пересмотра условий освобождения крестьян, если бы оно было подготовлено народным производством. Но он не привел ничего по той простой причине, что привести ему было решительно нечего, а поговорить было нужно по соображениям, не имеющим ничего общего с задачами социал-демократической программы.

«Разве период от эпохи великих реформ до настоящего времени, — продолжает Рязанов, — период непре-

* «Искра» №№ 41 и 42.

рывного развития капитализма, не создал целого ряда начатков, не допускающих всестороннего развития классовой борьбы пролетариата?» (стр. 215).

Положим, что — создал. Следует ли из этого, что остатки, указываемые в нашем проекте, не существуют, или что указанию на борьбу с ними «нет места» в программе революционной социал-демократии? Кажется, что этого ниоткуда не следует.

Но Рязанов еще не кончил. «Разве он (т. е. только что указанный период) не создал целого ряда начатков, не только содействующих сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства, но и создающих новые, менее варварские, но несравненно более утонченные? Разве он не создал целого ряда начатков, которые держат в темноте и бесправии весь народ не в меньшей степени, чем остатки докапиталистических порядков? Неужели протекционизм, податная система, милитаризм и т. д. и т. д. являются последствием крепостного права?» (стр. 216).

Что сказать на это? Если указанный Рязановым период действительно создал новые, менее варварские, но зато более утонченные формы эксплоатации крестьянства, то здесь возможно одно из двух: или эти новые формы основываются на старых правовых учреждениях, завещанных нам нашим крепостническим прошлым, или они опираются на такие положения нашего гражданского права, которые по содержанию своему вполне соответствуют производственным отношениям новейшего капиталистического общества. В первом случае всякая серьезная борьба с ними есть борьба против «остатков» и намечается относящимися сюда пунктами нашей программы. Во втором — борьба с новыми формами эксплоатации является лишь одним из видов социал-демократической борьбы с капитализмом. Задачи этой последней борьбы тоже очень ясно указаны в нашей программе, и вот почему новые, менее варварские, но более утонченные формы эксплоатации крестьянина не могут ни застать нас врасплох, ни дать хотя бы тень довода против той или другой части нашей программы.

Что касается русской податной системы, то она и до сих пор отчасти основывается на бесправии крестьян, как особого податного сословия, и в этих пределах она, несомненно, опирается на «остатки». А что касается протекционизма, милитаризма «и т.-д., и т.-д.» (мало ли чего тут можно насчитать), то подобные явления в своем существе свойственны не только нам, но и Западной Европе, и в этом смысле они, конечно, не могут быть причислены ни к каким «остаткам». Но я опять спрашиваю: что же из этого следует? Из этого следует только то, что ответа на вопрос о том, как бороться с ними, следует искать не в той части нашей программы, которая посвящена «остаткам». Вот только и всего. Читатель без труда согласится, что это совершенно недостаточно для того, чтобы доказать мысль Рязанова, т. е. что «остаткам нет места в соц.-демократической программе».

«И социал-демократы лучше всего поступят, — продолжает Рязанов, — если, предоставив буржуазной демократии воевать против остатков докапиталистических порядков, будут, со своей стороны, указывать лишь, что гибель их неизбежна там, где капитализм уже стал господствующим способом производства, и что при товарном хозяйстве они из источника благосостояния превращаются в источник проклятий» (стр. 216).

В буквоедстве есть своя логика, как и во всем прочем. Запомнив только термины ортодоксального марксизма и не будучи в состоянии понять его содержание, Рязанов, естественно, приходит к таким практическим выводам, которые представляют собою самую злую пародию на марксизм. Мы предоставим буржуазной демократии воевать против остатков нашего старого порядка, а сами ограничимся лишь указаниями на то, что гибель этих остатков «неизбежна там, где» и проч.! Нет, господин Рязанов, если бы мы поступили так, то мы тем самым с неопровержимой ясностью показали бы раз навсегда, что правы были народники и субъективисты, обвинявшие марксистов в квиетизме; если бы мы поступили так, то в этом случае мы целиком предоставили бы буржуазной демократии роль революционного фактора в современной русской общественной жизни, отведя для самих себя лишь жалкую роль кабинетных педантов.

А что этот случай далеко не маловажен, это видно из того, что наше крестьянство, — к которому юридически принадлежит также и большинство промышленных рабочих, — в своей борьбе за лучшие условия существования до сих пор на каждом шагу наталкивается на те препятствия, которые создаются существованием «остатков» и которые дают умелому агитатору множество незаменимых поводов для политической агитации. Упускать эти поводы на том основании, что иному мыслителю «остатки» могут, пожалуй, оказаться «начатками», значило бы уподобиться знаменитому метафизику, который, сидя в яме, медлил воспользоваться спущенной ему веревкой в виду того, что она есть лишь «вервие простое», и непременно хотел знать, нельзя ли, вместо нее, придумать «что-нибудь другое». Если наша партия претендует на честь быть самой энергичной и самой решительной носительницей революционной идеи, то она обязана решительнее и энергичнее всех других партий бороться с остатками докапиталистических отношений. Иначе ее претензия станет неосновательной и потому смешной.

«Докапиталистический общественный порядок не всегда основывался на закрепощении, — замечает Рязанов. — Никогда не нужно забывать, что, как говорит Маркс, очень удобно быть „либеральным“ насчет „средних веков“. И в такой стране, как Россия, где „капитализм уже стал господствующим способом производства“, нам нужно уже разрушать всякие легенды о докапиталистических порядках» (стр. 217).

Что не всякий докапиталистический порядок основывается на крепостничестве, это совершенно справедливо. Но в нашем проекте речь идет о совершенно определенном и всем известном докапиталистическом порядке, в основе которого действительно лежало закрепощение трудящейся массы высшим сословием, государству или его главе. Как прикажете назвать этот порядок, если не порядком, основанным на закрепощении? Что же касается до удобства быть либеральным на его счет, то я не вижу, в чем именно оно заключается. Русский читатель, под влиянием народнической пропаганды, в течение очень долгого времени склонен был, наоборот, к идеализации нашего докапиталистического порядка, — по крайней

мере с его экономической стороны, — вследствие чего у нас гораздо легче было «либеральничать» в его пользу, чем против него. И хотя капитализм в самом деле стал у нас теперь господствующим способом производства, но, во-первых, это признается еще не всеми, а, во-вторых, капиталистический способ производства еще далеко не имеет у нас соответствующей ему правовой надстройки. Между экономией и правом у нас существует теперь глубокое противоречие, устранение которого должно быть первой великой победой нашего социалистического движения. А так как наша правовая надстройка, — в той мере, в какой она противоречит требованиям современного общества, — унаследована нами от нашего докапиталистического порядка, то мыслящий русский человек не может быть слишком «либеральным» насчет этого порядка. Смешно и сравнивать наше отношение к этому порядку с тем отношением, в каком находится к «средним векам» гражданин современной Западной Европы. Рязанов и здесь попал впросак. Он захотел говорить, как Маркс, в виду таких общественных отношений, в присутствии которых Маркс наверное выразился бы иначе.

Очень не нравится Рязанову и то, что царизм изображается нами как самый крупный и самый вредный пережиток нашего докапиталистического порядка. Наш критик об'являет этот взгляд плодом просветительской историографии, свойственной буржуазной демократии. «Исторически наше самодержавие действительно коренится в прошлом, — говорит он, — но эту судьбу оно делит со многими другими явлениями общественной жизни. Не в пример другим „остаткам“, оно не пережиток, случайно сохранившийся обломок прошлого. Увы! Оно очень прочно сидит в настоящем. И если бы авторы нашего проекта не делили всю историю на два периода: один докапиталистический, а другой капиталистический, они увидели бы, как сильно менялся характер нашего самодержавия, ну хотя бы от Иоанна III» (стр. 220).

Ни в нашем проекте, ни в комментариях к нему нет ни одной строчки, дающей повод думать, что мы приписываем русскому самодержавию неизменный характер. Мы прекрасно знаем, что этот характер изменялся вместе с ходом развития наших общественных отношений. Но неоспоримый факт такого изменения нимало не мешает нашему самодержавию быть «остатком», «пережитком» прошлого. Разве фигурировать на исторической сцене в качестве «пережитков» и «остатков» могут только такие учреждения, которые отличаются неизменным характером? Это было бы ново! И почему Рязанов думает, что мы считаем самодержавие случайно сохранившимся обломком прошлого? Ведь на эту мысль опять-таки нет и тени намека ни в нашем проекте, ни в наших комментариях к нему. Но таков неизменный характер главного «критического» приема Рязанова: он заключается в приписывании противнику нелепостей, никогда не приходивших ему в голову, и в победоносном опровержении этих вымышленных нелепостей. Нечего и говорить, что такой прием чрезвычайно облегчает Рязанову дело его «критики».

Далее мы узнаем от Рязанова ту интересную новость, что наше самодержавие всегда было орудием в руках того или иного общественного класса. «Особенно сильные изменения потерпело оно в период от конца XVIII века до эпохи великих реформ, когда „народное производство“... окончательно уступило место капитализму на барщинной основе. И мы будем несравненно ближе к истине, если скажем, что наше самодержавие в его современной форме есть продукт начатков капитализма. Исторические предания того времени, когда оно было орудием в руках одних дворян, уже давным-давно, хотя и „с упорством“, отступают на задний план перед сильными и крепкими ростками капитализма. Оно пытается еще сохранить равновесие между землевладением и буржуазией, но растущие в силу развития капитализма противоречия внутри обеих его опор должны будут привести его к гибели, несмотря на все попытки приспособиться к изменившейся классовой структуре» (стр. 220).

Итак, самодержавие погибнет, потому что оно не в состоянии приспособиться к изменившейся «классовой структуре». Почему же для него недоступно такое приспособление? Не потому ли, что самодержавие представляет собою такое политическое учреждение, которое не соответствует капиталистическому обществу, достигшему значительной степени развития? А если это так, то не значит ли это, что самодержавие есть политическое учреждение, являющееся пережитком старого общественного порядка? Очень на то похоже! Рязанов и сам чувствует это, но не сдается. Он об'являет самодержавие продуктом начатков капитализма на том основании, что оно давно уже перестало быть орудием в руках одних только дворян и стало служить также и буржуазии для достижения ее целей. Но этот довод был бы убедителен только в том единственном случае, если бы Рязанов доказал нам, что буржуазия никогда не захотела бы или не смогла бы обратить в свое орудие тот или другой пережиток старого порядка. А так как он этого не доказал и никогда не докажет, то вся его аргументация опять рассыпается, как карточный домик. На самом деле всякий новый, восходящий общественный класс всегда старался, и не без успеха, воспользоваться для своих собственных целей учреждениями, выросшими на почве старого общественного порядка, и вступал в борьбу с этими учреждениями только тогда, когда при их помощи достигал уже известной степени развития. Так, напр., было время, когда буржуазия старалась обратить феодальные учреждения в орудие для достижения своих целей. Но заключать отсюда, что эти учреждения были продуктом «начатков» буржуазного развития, может только человек, не умеющий «приспособиться» к самым элементарным требованиям логики.

Очень не нравится Рязанову также и та наша мысль, что самодержавие по самой природе своей враждебно всякому общественному движению.

«Откуда эта демократическая мудрость попала в соц.-дем. программу?—грозно выкрикивает Рязанов.—Неужели составители проекта не знали, что самодержавие по самой своей природе враждебно не всякому общественному движению, а только определенным, не общественным движениям всяких классов, а только определенных?» (стр. 222).

Мы уже слышали от Рязанова, что наше самодержавие всегда было орудием в руках того или другого общественного класса. Если это так, то ясно, что и

в царствование Николая Павловича был такой общественный класс, который умел сделать свое орудие из неограниченной царской власти. Мы не будем вступать в препирательства с Рязановым по вопросу о том, какому именно классу служило тогда самодержавие: для нас довольно того, что оно непременно должно было служить одному или нескольким из них, если только верна наша первая посылка. Исходя из этого убеждения, мы просим Рязанова указать нам, какому определенному движению какого определенного класса не было враждебно правительство царя-фельдфебеля? Откровенно признаемся, что мы такого движения «не знаем».

Чем больше я, по долгу службы, вчитываюсь в книгу Рязанова, тем чаще мне вспоминается восклицание, вырвавшееся однажды у Энгельса по адресу некоторых критиков исторического материализма: «Диалектики недостает этим господам!» Рязанову, как я уже говорил, недостает именно диалектики. Он — прирожденный метафизик. А когда метафизик пускается теоретизировать, ничего хорошего ожидать невозможно. У метафизика — как у нигилиста в изображении гр. Толстого — и движенья угловатые и ученье дубоватое. А Рязанов выдает нам свое дубоватое учение за самую ортодоксальную ортодоксию. Это ли не потеха!

Но еще более угловатым и дубоватым оказывается наш метафизик в критике нашей аграрной программы.

Товарищ Ленин в своей статье об аграрной программе русской социал-демократии заметил, что там, где дело касается движения промышленных рабочих, мы многое возьмем готовым «у немцев», а в аграрной области нам, может быть, удастся выработать нечто новое. Едва Рязанов прочитал эти слова, у него, как говорится, ушки оказались на макушке: «Гм! Новое! Стало быть, такое, чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса. А то, чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса, не может быть ортодоксально. Значит, Ленин еретик, и его надо третировать как такового». Но еще более разгорелась ортодоксальная ревность Рязанова, когда он услышал от Ленина, что в аграрной области «не все, справедливое „на Западе“, справедливо на Востоке». По этому поводу Рязанов разразился следующей ехидной тирадой:

«Это „новое“ состоит в открытии, что „все на свете имеет две стороны“. Если на „Западе“ аграрная программа, ставящая себе целью „умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность“, является нарушением принципов социал-демократии, то на „Востоке“ мы имеем „исключительный пример“. Мы поддерживаем и умножаем мелкую собственность в интересах устранения остатков крепостного порядка и свободного развития классовой борьбы в деревне, иными словами — в интересах развития сельскохозяйственного капитализма» (стр. 247).

С точки зрения диалектического материализма все на свете действительно имеет две стороны. Данный принцип, важный в применении в одной стране или к одному времени, имеет очень много шансов оказаться ложным в применении к другой стране или другой эпохе. Но метафизик этого не понимает и потому он от удивления широко раскрывает рот, когда слышит, что принцип, признанный верным при одних условиях места и времени, об'является неправильным при других. Он видит в этом непоследовательность, противоречие, измену. Метафизики немало крови испортили великим основателям научного социализма. С метафизиками вел войну, между прочим, «Манифест Коммунистической Партии». Читатель помнит, вероятно, то его место, где говорится о немецких любомудрах, философах и полуфилософах, с жадностью набросившихся на французскую социалистическую литературу и забывших лишь то, что французские отношения не были перенесены в Германию вместе с социалистической литературой. Эти любомудры, философы и полуфилософы были чистокровными метафизиками. Авторы «Манифеста» не могли простить им забвения того, что французская социалистическая критика, неразумным отголоском которой они явились, «имеет в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией, т. е. именно те общественные условия, о завоевании которых только еще шла речь в Германии». Столь же чистокровным метафизиком является и Рязанов, указывающий, для нашего посрамления, на западно-европейских марксистов, не желающих «умножать мелкую собственность». Рязанов забывает, что аграрные взгляды эгих марксистов, неразумным отголоском которых он является, имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующим ему экономическим и правовым положением крестьянина, т. е. именно те условия, о завоевании которых только еще идет речь в нашей аграрной программе. Когда наш крестьянин окажется в том положении, в каком находится теперь крестьянин Западной Европы, тогда мы тоже будем решительно восставать против всяких попыток «умножать» частную собственность. А теперь, пока наш крестьянин находится в других условиях, пример западно-европейских марксистов не может быть для нас убедительным: находясь в иных общественных условиях, мы по необходимости должны рассуждать иначе. Эго не значит, конечно, что мы непременно должны умножать частную собственность. Нет, это тоже зависит от обстоятельств, но очевидно, что, раз речь зашла о частной собственности, мы должны рассматривать особенности нашего положения, а не довольствоваться ничего не доказывающей ссылкой на западно-европейских марксистов.

Каковы же те обстоятельства, по поводу которых заходит речь об умножении нами частной собственности?

Эти обстоятельства двоякого рода.

Во-первых, некоторое умножение частной собственности крестьян может явиться результатом возвращения им знаменитых отрезков, т. е. земель, находившихся в их пользовании и отрезанных у них при уничтожении крепостного права.

Во-вторых, значительное умножение частной собственности будет вызвано предоставлением крестьянину права свободно распоряжаться его землей, т. е. разложением современного общинного землевладения.

Остановимся сначала на отрезках. Какое значение имеют они в экономической жизни крестьянина? Они являются источником его закабаления. Вот что мы узнаем о них, например, от такого знатока нашей деревенской жизни, каким был А. Н. Энгельгардт:

«При наделении крестьян лишняя против положения земля была отрезана и этот отрезок, существенно необходимый крестьянам, поступив в чужое владение, стеснил

крестьян уже по одному своему положению, т. к. он обыкновенно охватывает их землю узкой полосой и прилегает ко всем трем полям, а потому, куда скотина ни выскочит, непременно попадет на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помещики еще не понимали значения отрезков и там, где крестьяне были попрактичнее и менее надеялись на «новую волю», они успели приобрести отрезки в собственность или за деньги или за какую-нибудь отброску (?), такие теперь сравнительно благоденствуют. Теперь же значение отрезков все понимают * и каждый покупатель имений, каждый арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены и насколько затесняют крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю — именно работают круги, т. е. на своих лошадях, со своими орудиями, производят, как при крепостном праве, полную обработку во всех трех полях. Оцениваются эти отрезки — часто, в сущности, ничего нестоющие, не по качеству земли, не по производительности их, а лишь потому, насколько они необходимы крестьянам, насколько они их затесняют, насколько можно выжать с крестьян за эти отрезки» **.

Вот что значит для крестьян отрезки. Было ли бы выгодно крестьянам их возвращение? Ясно, что — да. А если да, то почему нам не поставить его в свою программу? Потому, — отвечают нам наши критики, — что это было бы равносильно поддержанию и умножению частной собственности. А почему вредно поддержание и умножение частной собственности? Потому, что оно задерживает экономическое развитие общества. Других оснований для признания его вредным не имеется. Значит там, где, по тем или иным причинам, оно не задерживало бы, а, напротив, ускоряло бы экономическое развитие общества, против него возражать невозможно. Но это — именно то, что мы видим в интересующем нас случае. Все исследователи единогласно признают, что так ярко изображенное А. Н. Энгельгардтом «затеснение» крестьян посредством отрезков очень сильно тормозит успехи сельского хозяйства в России. Поэтому вернуть крестьянам отрезки значит дать новый толчок экономическому развитию нашей страны. А так как экономическое развитие у нас, как и везде, поведет в конце концов к торжеству социализма, т. е. к отмене частной собственности на средства производства, то выходит, что возвращение отрезков подсказывается интересами социалистической революции и что поддержание и умножение частной собственности в этом случае ускорит переход средств производства в собственность общественную. Стало быть, мы не только можем, но обязаны стоять за возвращение крестьянам отрезков. Метафизику такой вывод покажется, конечно, логическим фокусом. Но мы и не надеемся убедить метафизиков; мы обращаемся к людям, способным усвоить диалектический метод современного социализма.

Замечу мимоходом, что когда Рязанов приписывает нам намерение выкупить все отрезки (стр. 264—265), то он грубо искажает нашу мысль. Мы допускаем выкуп только там, где бывшие помещичьи имения перешли в другие руки. Но и здесь выкуп должен совершаться — согласно нашему требованию — не на счет крестьян и не на счет государства, а на счет все тех же помещиков, облагаемых на этот предмет особым налогом. Пусть сам читатель судит, насколько такой выкуп был бы похож на «пресловутую выкупную операцию», с которой сравнивает его наш глубокомысленный, остроумный и находчивый Рязанов.

Теперь перейдем к общине. Отмена общинного землевладения, без всякого сомнения, была бы равносильна очень значительному поддержанию и умножению частной собственности. Более того: благодаря ей, многие русские крестьяне впервые приобрели бы землю в частную собственность. Могут ли социалисты согласиться на это, не изменяя своей программе? Мы думаем, что могут, и, думая так, мы снова видим себя в очень недурной компании. В марте 1850 г. центральный комитет Союза Коммунистов в «обращении» (Ansprache) к членам этого Союза,—написанном, очевидно рукою Маркса,— категорически говорил, что партия пролетариата меньше всего (am allerwenigsten) должна мириться с увековечением общинной собственности (Gemeindeeigentum), которая представляет собой отсталую форму даже сравнительно с современной частной собственностью и которая повсюду необходимо разлагается в эту последнюю. Умножение частной собственности, являющееся результатом разложения собственности общинной, как видим, совсем не представлялось Марксу явлением, способным замедлить движение современного общества к социализму. Да оно и не могло представляться ему таковым. Могучий диалектик, он лучше, чем кто-нибудь, сознавал справедливость того положения, что все на свете имеет две стороны и что поддержание и умножение частной собственности, вредное и реакционное в буржуазном обществе, более или менее быстро идущем навстречу социалистической революции, может быть необходимой и полезной мерой там, где речь идет об освобождении буржуазного общества от пут «старого режима» и об уничтожении старых, отсталых и отживших форм собственности.

Но только что цитированное мною «Обращение» требует также конфискации «земель феодальных собственников», обращение этих земель в государственную собственность и устройства на них рабочих колоний. Здесь тогдашняя программа Маркса и его единомышленников, повидимому, расходится с нашим проектом, а Рязанов как будто оказывается настоящим ортодоксом, потому что его проект аграрной программы в этом отношении сходится с программой Маркса. Но и это только одна видимость, потому что и здесь Рязанов старается говорить, как Маркс, в виду таких общественных отношений, при наличности которых Маркс заговорил бы совершенно иначе.

Если марксизм в самом деле может быть назван алгеброй революции, то программа, верная духу марксизма, должна быть от начала до конца революционной программой. А в революционной программе каждое отдельное требование оценивается с той точки

* Энгельгардт тут не совсем прав: значение отрезков непонятно многим из наших критиков, напр. для г. Рязанова.

** А. Н. Энгельгардт, „Из деревни", стр. 415.

зрения, насколько оно способствует успеху революционного движения. Если обнаруживается, что данное требование, будучи осуществлено, увеличило бы силы контр-революционеров, то оно должно быть отброшено, несмотря на то, что само по себе оно, может быть, и сулило бы некоторые выгоды революционному классу. Взглянем же с этой точки зрения на требование обращения земель в собственность государства.

У нас в России государство издавна привыкло рассматривать земли, не принадлежащие так называемым частным владельцам, как свою собственность. Общинное землевладение крестьян означало на самом деле, что и земля и привязанный к ней крестьянин принадлежали казне и третировались ею применительно к «казенному интересу». Вот почему наше общинное землевладение было самой прочной экономической основой царизма. Чтобы повалить царизм, надо разрушить его экономическую основу, а для этого необходимо поставить крестьянина в условия современного частного землевладения и устранить фактически установившуюся у нас азиатскую форму государственного землевладения. Поэтому всякие проекты национализации земли или обращения помещичьих земель в государственную собственность являются у нас реакционными по существу, вопреки своей революционной внешности. И потому Маркс, наверное, осудил бы эти проекты, как противоречащие основному требованию предстоящей нам революции. Если в Германии он рассуждал иначе, то ведь и условия были там совсем другие.

Рязанов и так называемые социалисты-резолюционеры, — у которых он заимствовал свой аграрный проект, — говорят, правда, что после революции отнятые у крупных собственников земли станут принадлежать не современному нашему полицейскому государству, а свободной демократической республике, которая совсем иначе будет относиться и к земле и к земледельцу. Но, говоря так, Рязанов и его «социально-революционные» учителя ставят вопрос, разбираемый нами, на голову. Этот вопрос в том и заключается, как добиться торжества демократической республики. Предположив, что этот вопрос уже решен, мы, конечно, устраняем все связанные с ним трудности, но вместе с этим мы покидаем точку зрения научного социализма и превращаемся в утопистов. На самом деле демократическая республика восторжествует и упрочится только в том случае, если революционное движение разрушит экономическую основу царизма, т. е. то государственное землевладение, к упрочнению и расширению которого стремятся социалисты-революционеры (читай: реакционеры) и наш бедный Рязанов.

Еще два слова. Рязанов говорит, что, добиваясь возвращения крестьянам отрезков, мы тем самым признаем, что остальная земля составляет вполне законное достояние помещиков. Это как две капли воды похоже на рассуждение анархистов, не устающих твердить нам, что, требуя сокращения рабочего дня, скажем, до восьми часов, мы этим признаем справедливость буржуазной эксплоатации, не выходящей за восьмичасовые пределы. На таких рассуждениях можно не останавливаться.

Рязанов напоминает мне, что в своем комментарии к нашему проекту программы я признаю, что в момент революционного движения нам, может быть, придется выставить требование полной экспроприации помещичьих земель. Я очень хорошо помню это. Но я не вижу тут ровно никакого противоречия с требованием возвращения отрезков. В этих двух требованиях нет никакой качественной разницы, а есть только разница количественная, как была бы только количественная разница в двух законопроектах, из которых один требовал бы сокращения рабочего дня до десяти, а другой, скажем, до шести часов. К какому требованию мы склоняемся в настоящую минуту, это зависит от соотношения общественных сил — и только от него. Теперь, когда революционная энергия крестьянства очень не велика, мы естественно указываем ему более скромное требование, а если придет такое время, когда наше крестьянство обнаружит очень большую революционную энергию, то мы, разумеется, не будем тащить его назад. Это совсем не наше дело. Мы укажем ему более широкую революционную цель. Но и в этом случае мы останемся верны духу своей программы и не станем поддерживать реакционную утопию, заимствованную Рязановым у социалистов-реакционеров. А в этом все дело; в этом главный отличительный признак нашей программы.

Заканчивая теперь мою беседу с Рязановым, я невольно вспоминаю одно замечание Екатерины II. «Не последняя и сия причина к несогласию, — писала однажды галантная императрица, — что некоторые порочат дела других, хотя бы они и полезны были, для того только, что не ими сделаны, хотя сами однакоже их никогда не сильны сделать». Вот так и Рязанов. Мне сдается, что наш проект не нравится ему именно потому, что не им сделан. А сам наш строгий критик «силен» произвести только неудобоваримую смесь из очень плохо понятого им марксизма и, к сожалению, слишком сильно врезавшихся в его память реакционно-утопических требований социалистов-«революционеров».

Г. Плеханов.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 44 | 15 ИЮЛЯ 1903 ГОДА | № 44

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ.

В проекте партийной программы мы выставили требование республики с демократической конституцией, обеспечивающей, между прочим, «признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Такое программное требование многим казалось недостаточно ясным, и в № 33, говоря о манифесте армянских соц.-демократов, мы об'яснили значение этого пункта следующим образом. Социал-демократия всегда будет бороться против всякой попытки путем насилия или какой бы то ни было несправедливости извне влиять на национальное самоопределение. Но безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократия, как партия пролетариата, ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Мы должны всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.

Такое толкование нашей программы по национальному вопросу вызвало решительный протест со стороны Польской Социалистической Партии (П.П.С.). В статье: «Отношение российской социал демократии к национальному вопросу» («Przedswit», март 1903 г.) П.П.С. возмущается этим «удивительным» толкованием и «туманностью» нашего «таинственного» самоопределения, обвиняет нас в доктринерстве и в «анархическом» взгляде, будто «рабочему нет дела ни до чего, кроме совершенного уничтожения капитализма, так как, мол, язык, национальность, культура и т. п. суть только буржуазные вымыслы» и пр. Стоит остановиться со всей подробностью на этой аргументации, обнаруживающей едва ли не все столь обычные и столь распространенные недоразумения среди социалистов по национальному вопросу.

Почему так «удивительно» наше толкование? Почему усматривается в нем отступление от «буквального» смысла? Неужели признание права на самоопределение наций требует поддержки всякого требования всякой нации самоопределяться? Ведь признание права всех граждан устраивать свободные союзы вовсе не обязывает нас, социал-демократов, поддерживать образование всякого нового союза, вовсе не мешает нам высказываться и агитировать против нецелесообразности и неразумности идеи образовать такой-то новый союз. Мы признаем право даже иезуитов вести свободную агитацию, но мы боремся (не полицейски боремся, конечно) против союза иезуитов и пролетариев. Поэтому, когда «Przedswit» говорит: «если это требование свободного самоопределения должно быть понято буквально (а такое значение ему мы доселе придавали), в таком случае оно бы нас удовлетворило», — то совершенно очевидно, что от буквального смысла программы отступает именно П.П.С. Нелогичность ее вывода с формальной стороны несомненна.

Но мы не хотим ограничиться формальной проверкой нашего толкования. Поставим прямо вопрос и по существу: безусловно ли должна социал-демократия требовать всегда национальной независимости или лишь при известных условиях и при каких именно? П.П.С. всегда решала этот вопрос в пользу безусловного признания, и нас нисколько не удивляет поэтому ее нежность к русским социалистам-революционерам, которые требуют федеративных государственных порядков, высказываясь за «полное и безусловное признание права на национальное самоопределение». («Рев. Россия» № 18, статья: «Национальное порабощение и революционный социализм»). К сожалению, это не более как одна из тех буржуазно-демократических фраз, которые в сотый и в тысячный раз показывают настоящую природу так наз[ываемой] партии так называемых социалистов-революционеров. Поддаваясь на приманку этих фраз, прельщаясь этой шумихой, П.П.С. в свою очередь доказывает этим, как слаба в ее теоретическом сознании и в ее политической деятельности связь с классовой борьбой пролетариата. Интересам именно этой борьбы должны мы подчинять требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости.

Если нужно еще доказывать, что марксист не может иначе как условно, и именно под указанным выше условием, признавать требование национальной независимости, то мы приведем слова писателя, защищавшего

с марксистской точки зрения выставление польскими пролетариями требования независимой Польши. Карл Каутский писал в 1896 году в статье «Finis Poloniae?»: «Раз только польский пролетариат займется польским вопросом, он не может не высказаться за независимость Польши, он не может, следовательно, не приветствовать каждого шага, который уже теперь может быть сделан в этом направлении, поскольку такой шаг вообще совместим с классовыми интересами международного борющегося пролетариата.

«Эту оговорку, — продолжает Каутский, — во всяком случае необходимо сделать. Национальная независимость не так неразрывно связана с классовыми интересами борющегося пролетариата, чтобы должно было стремиться к ней безусловно, при всяких обстоятельствах*, Маркс и Энгельс с величайшей решительностью выступали за об'единение и освобождение Италии, но это не помешало им высказаться в 1859 году против союза Италии с Наполеоном» («Neue Zeit», XIV, 2, S. 520).

Вы видите: Каутский категорически отвергает безусловное требование независимости наций, категорически требует постановки вопроса не только на историческую вообще, но именно на классовую почву. И если мы обратимся к постановке польского вопроса Марксом и Энгельсом, то мы увидим, что именно так ставили его и они с самого начала. «Новая Рейнская Газета»[1] уделила много места польскому вопросу и решительно требовала не только независимости Польши, но и войны Германии с Россией за свободу Польши. В это же самое время, однако, Маркс обрушился на Руге,[2] который говорил за свободу Польши в Франкфуртском парламенте, решая польский вопрос при помощи одних только буржуазно-демократических фраз о «позорной несправедливости», без всякого исторического анализа. Маркс не принадлежал к числу тех педантов и филистеров от революции, которые всего больше боятся «полемики» в революционные исторические моменты. Маркс осыпал беспощадными сарказмами гуманного гражданина Руге, показывая ему на примере угнетения южной Франции северною, что не всякое национальное угнетение и не всегда вызывает законное, с точки зрения демократии и пролетариата, стремление к независимости. Маркс ссылался на особые социальные условия, в силу которых «Польша сделалась революционной частью России, Австрии и Пруссии... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократически-аграрной революции. Польша была уже очагом европейской демократии, когда Германия прозябала еще в самой пошлой конституционной и напыщенно-философской идеологии... Покуда мы (немцы) помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии, — мы остаемся сами прикованными к России и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма. Создание демократической Польши есть первое условие создания демократической Германии».

Мы процитировали эти заявления так подробно, ибо они наглядно показывают, при каких исторических условиях сложилась та постановка польского вопроса в международной социал-демократии, которая держалась почти всю вторую половину XIX века. Не обращать внимания на изменившиеся с тех пор условия, отстаивать старые решения марксизма значит быть верным букве, а не духу учения, значит повторять по памяти прежние выводы, не умея воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации. Тогда и теперь — эпоха последних буржуазных революционных движений и эпоха отчаянной реакции, крайнего напряжения всех сил накануне революции пролетарской — отличаются между собою самым явным образом. Тогда революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы, память Домбровского и Врублевского[3] неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих. Тогда полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. Тогда Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии. Теперь правящие классы Польши, шляхта в Германии и Австрии, промышленные и финансовые тузы в России выступают в качестве сторонников правящих классов в угнетающих Польшу странах, а наряду с польским пролетариатом, геройски перенявшим великие традиции старой революционной Польши, борется за свое освобождение пролетариат немецкий и русский. Теперь передовые представители марксизма в соседней стране, внимательно наблюдающие политическое развитие Европы и полные сочувствия к геройской борьбе поляков, признают тем не менее, прямо: «Петербург сделался в настоящее время гораздо более важным революционным центром, чем Варшава, русское революционное движение имеет уже более крупное международное значение, чем польское». Так отозвался Каутский еще в 1896 г., защищая допустимость требования восстановления Польши в программе польских социал-демократов. А в 1902 году Меринг[4], исследуя эволюцию польского вопроса с 1848 года по настоящее время, пришел к такому выводу: «Если бы польский пролетариат захотел написать на своем знамени восстановление польского классового государства, о котором и слышать не хотят сами господствующие классы, то он разыграл бы историческую шуточную комедию: с имущими классами такое приключение бывает (как например, с польским дворянством в 1791 году), но рабочий класс не должен опускаться до этого. Если же эта реакционная утопия извлекается на свет божий для того, чтобы привлечь на сторону пролетарской агитации те слои интеллигенции и мелкой буржуазии, среди которых находит еще известный отклик национальная агитация, тогда эта утопия вдвойне заслуживает осуждения, как проявление того недостойного оппортунизма, который приносит в жертву ничтожным и дешевым успехам минуты глубокие интересы рабочего класса.

«Эти интересы категорически повелевают, чтобы польские рабочие во всех трех государствах, разделивших Польшу, боролись вместе со своими товарищами по классовому положению плечо с плечом, без всякой задней

* Курсив наш.

мысли. Прошли те времена, когда буржуазная революция могла создать свободную Польшу; в настоящее время возрождение Польши возможно лишь посредством социальной революции, когда современный пролетариат разобьет свои цепи».

Мы вполне подписываемся под таким выводом Меринга. Заметим только, что этот вывод остается безупречно правильным и в том случае, если в аргументации мы не пойдем так далеко, как идет Меринг. Несомненно, что теперешнее положение польского вопроса коренным образом отличается от того, что было 50 лет тому назад. Но нельзя считать вечным это теперешнее положение. Несомненно, что классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы, но нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса. Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считается со всеми возможными, даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно в этом условии, под которым только мы и признаем самоопределение, заключается вся суть. Напрасно старается П.П.С. представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, права стремиться к свободной независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в П.П.С. действительно рабочей социал-демократической партии. Вот, например, какова обычная постановка вопроса у П.П.С.: ... «мы можем лишь ослабить царизм, оторвав Польшу, а свергнуть его должны русские товарищи». Или еще: ... «мы бы просто, по уничтожении самодержавия, определили свою судьбу таким образом, что отделились бы от России». Посмотрите, к каким чудовищным выводам приводит эта чудовищная логика даже с точки зрения программного требования восстановления Польши. Так как одним из возможных (но, при господстве буржуазии, безусловно не обеспеченных наверное) последствий демократической эволюции является восстановление Польши, поэтому польский пролетариат не должен бороться совместно с русскими за низвержение царизма, а «лишь» за ослабление его путем отторжения Польши. Так как русский царизм заключает все более тесный союз с буржуазией и правительствами немецкими, австрийскими и т. д., поэтому польский пролетариат должен ослаблять свой союз с русским, немецким и прочим пролетариатом, с которым он борется сейчас против одного и того же гнета. Это означает не что иное, как принесение в жертву самых насущных интересов пролетариата буржуазно-демократическому пониманию национальной независимости. Распадение России, к которому хочет стремиться П.П.С., в отличие от нашей цели свержения самодержавия, остается и будет оставаться пустой фразой, пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого, пока буржуазия всех стран будет соединяться все дружнее против общего врага ее — пролетариата — и за общего союзника ее — царя. А зато распадение сил пролетариата, страдающего сейчас под гнетом этого самодержавия, является печальной действительностью, является прямым результатом ошибки П.П.С., прямым результатом ее преклонения пред буржуазно-демократическими формулами. Чтобы закрыть глаза на это распадение пролетариата, П.П.С. приходится опускаться до шовинизма, излагать, напр., взгляды русских социал-демократов следующим образом: «Мы (поляки) должны ждать социальной революции, а до того времени терпеливо сносить национальный гнет». Это прямая неправда. Не только не советовали никогда ничего подобного русские социал-демократы, а, напротив, они сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться против всякого национального гнета в России, они ставят в свою программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу. Если, признавая это право, мы подчиняем нашу поддержку требований национальной независимости интересам пролетарской борьбы, то только шовинист может об'яснять нашу позицию недоверием русского к инородцу, ибо на самом деле позиция эта обязательно должна вытекать из недоверия сознательного пролетариата к буржуазии. П.П.С. смотрит так, что национальный вопрос исчерпывается противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы» — пролетарии и «они» — буржуазия. «Мы», пролетарии, видели десятки раз, как буржуазия предает интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетариат. Мы видели, как французская буржуазия в момент сильнейшего угнетения и унижения французской нации предала себя пруссакам, как правительство национальной обороны превратилось в правительство народной измены, как буржуазия угнетенной нации позвала на помощь к себе солдат угнетающей нации для подавления своих соотечественников-пролетариев, дерзнувших протянуть руку к власти. И вот почему, не смущаясь нисколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения.

То, что мы сказали о польском вопросе, применимо целиком и ко всякому другому национальному вопросу. Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов

разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освещать этого безобразия никакими «принципами» партийной особности или партийной «федерации». Проще и легче, конечно, итти по линии наименьшего сопротивления и устраиваться каждому в своем уголке по правилу: «моя хата с краю», как хочет теперь устроиться и Бунд. Чем больше сознаем мы необходимость единства, чем тверже убеждены мы в невозможности общего натиска на самодержавие без полного единства, чем резче выступает обязательность централистической организации борьбы при наших политических порядках, тем меньше склонны мы довольствоваться «простым», но кажущимся и глубоко-фальшивым по своей сущности решением вопроса. Если нет сознания вреда от отчужденности, если нет желания покончить во что бы то ни стало и радикально с этой отчужденностью в лагере пролетарской партии, — тогда не надо и фиговых листочков «федерации», тогда не к чему и браться за решение вопроса, который одна «сторона» не хочет в сущности и решать, тогда лучше предоставить урокам жизненного опыта и действительного движения убеждать в необходимости централизма для успеха борьбы пролетариев всякой народности, задавленной самодержавием, против этого самодержавия и против международной, все теснее об'единяющейся буржуазии.

[Н. Ленин]

«ГУМАННЫЙ» ЗАКОН И «СЕРДЕЧНЫЙ» ЦИРКУЛЯР.

«Новый гуманный закон», так называет либеральная газета «Право»[5] закон об отмене для ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцев бритья голов, наказания лозами, плетьми и прикованием к тележке.

Либеральная газета приводит кое-какие справки по истории вопроса об отмене этих варварских мер расправы с «отверженными». В 1867 году — 36 лет тому назад — министерство вн. дел проектировало отменить для ссыльных наказание плетьми и шпицрутенами (теми самыми шпицрутенами, о которых в своей речи на суде говорит т. Денисов). Государств. Совет отклонил это предложение, найдя его несвоевременным, но признал необходимым приступить к устройству одиночных тюрем для ссыльных женщин, чтобы для них, по крайней мере, заменить другими карами позорное телесное наказание. Только через десять лет после этого были отменены для всех ссыльных шпицрутены, а еще через 16 лет — в 1893 году — спохватились, наконец, исполнить выраженное в 1867 г. намерение — освободить ссыльных женщин от двойного для них позора телесных наказаний. Немудрено, что «Право» говорит о черепашьем движении законодательства о ссыльных. Цепко держится самодержавие за свои «исконные устои» — кнут, плеть и розгу.

Для ссыльных мужчин розга, лоза и плеть остались в полной силе, и от прихоти любой сибирской административной сошки зависело щедро применять их. Сибирь оставалась одним из трех главных питомников, в которых русский народ на законном основании воспитывается розгой: рядом с нею стоят волостное правление, где розга хлещет над спиной «освобожденного» мужика, и казарма, где истязается носитель самого, если верить патриотам, благородного звания — солдат. Этих трех «законных» питомников розги было вполне достаточно, чтобы отравить всю общественную жизнь русского народа, чтобы сделать возможным появление на сцене розги всякий раз, как тот или другой царский башибузук находит, что настал момент оставить в стороне всякую «законность». И управители и управляемые — по крайней мере, масса их — воспитывались в терпимом отношении к розге, царившей в остроге, в казарме, в волости, и это терпимое отношение позволяло царевым слугам, не встречая серьезного противодействия, расширять область господства розги для потребностей борьбы с разными «внутренними врагами». Секли крестьян, не «покоряющихся» помещику, секли рабочих-стачечников, секли сектантов, секли даже политических демонстрантов. Розга стала необходимой формой проявления «самодержавного принципа». Представитель этого принципа — местный администратор — чувствовал, что идею безграничности власти самодержавия он ничем не может выразить лучше, как свистом розги в те моменты, когда эта власть и охраняемый ею «порядок» подвергаются опасности.

А между тем, жизнь, не слушаясь начальственных препон, развивалась и становилась во все более острое противоречие с розгой. Молодое поколение крестьян отказывалось спокойно ложиться по приказанию «старичков», солдаты отвечали на телесные истязания самоубийством, даже арестанты протестуют против розги. Общественное сознание стало видеть в розге воплощение царящего на Руси произвола и мрака и потребовало уничтожения этого позора. С'езды врачей и педагогов, земские собрания и печать соединились в этом требовании. И именно потому, что они на нем соединились, именно потому, что отмены розги потребовало все, что тяготеет к свету и свободе, самодержавие вынуждено было открыто об'явить, что оно связало свою судьбу с розгой, что этого украшения своего герба оно не отдаст добровольно. Самодержавие признало, что отказаться от розги значит поощрить все другие требования поборников свободы и культуры. Чувствуют политики самодержавия, что добровольный отказ от розги может поднять его популярность в населении, но они чувствуют также, что эта уступка в то же время и в еще большей мере поднимет самосознание народной массы и ее протестующих элементов и что избавленное от розги население еще острее почувствует необходимость освежения всей русской жизни, которую самодержавие наполнило смрадом.

То, что самодержавие не успело сделать в области культуры, когда оно еще было сильно, оно теперь уже не может сделать, не рискуя расшатать свои «устои». Дело стало так, что всякая уступка требованиям жизни, всякая уступка духу времени, всякая поблажка новым потребностям выросшего народа должна усилить натиск протестующих элементов на самодержавие. Жизнь с каждым днем становится все революционнее, все непримиримее заявляет она о своих правах. Стало быть, кто не желает содействовать революции, должен написать на своем знамени: долой жизнь! и да здравствует розга! И он должен заявить это громко даже тогда,

когда, чтобы блеснуть своим «либерализмом», намерен выкинуть жизни маленькую уступочку. Уступка — уступкою, а принцип должен быть свят.

Новый «гуманный» закон, делающий такую уступку, как отмена плетей, бритья и приковывания к тачке, как нельзя яснее утверждает, что самый принцип розги остается неприкосновенным. Читая этот новый закон, то-и-дело встречаешь пункты: за такой-то проступок ссыльный подвергается стольким-то ударам розги. Плеть отменена, розга остается. Остается в пределах до ста ударов! Спины каторжан и поселенцев попрежнему будут подвергаться «дублению» розгой. И — что всего интереснее — розга оставлена как наказание за «мелкие» проступки: за более тяжкие грехи устанавливается усиленное одиночное заключение, карцер, удлинение срока работ и проч. Таким образом, самое унизительное нравственно и самое мучительное физически наказание остается для провинившихся в «мелких» проступках и потому самому предоставляется усмотрению и произволу мелких же начальственных сошек, распоряжающихся участью ссыльных. Ничем нельзя было лучше проявить свое пристрастие к розге, как приурочив ее к наиболее мелким, а следовательно, и к наиболее частым проступкам; ничем нельзя было лучше подтвердить тесную связь между розгой и всероссийским произволом, как предоставив ее произволу многих маленьких сибирских царьков. И ничем лучше нельзя было засвидетельствовать о полном варварстве российских порядков, как издавая в третий год XX века новый закон, в котором через каждые несколько строк раздается свист розги!

Вы правы, господа: издавая «гуманные» законы, вы не можете и в них не упомянуть о розге, вы не можете и их положениями не осветить еще раз этого проклятия русской жизни! Без розги нет самодержавия! Нельзя устранить розгу из обихода жизни сибирских «лишенцев», оставляя ее в то же время для нелишенных по суду своих прав русских крестьян! Нельзя отказаться от розги в остроге, не отказавшись от нее в казарме! Нельзя вырвать розгу из рук исправника и тюремного смотрителя, оставляя ее в руках фон-Валей, Оболенских, Андреевских и Энгельгардов! А вырвать ее из всех этих рук значило бы посягнуть на главные основы самодержавия, которое может теперь держаться только терроpом (правительственным), только мерами самого грубого и жестокого насилия... Розга в Сибири перестанет царить только тогда, когда придет конец ее господству во всей России и гг. Романовы сойдут со сцены русской жизни, унося в своем гербе неприкосновенную лучшую эмблему их «принципа».

Нечего и говорить о том, что «гуманный» закон, упраздняя некоторые виды телесного истязания, заменяет их такими мерами обуздания «злой воли преступника», которые к гуманным не могут быть причислены. Современный взгляд даже буржуазных мыслителей требует, чтобы «преступника» не столько обуздывали, сколько перевоспитывали. С этой точки зрения средствами борьбы с «закоренелыми» преступниками являются не карцеры, не усиленные каторжные работы, а такие общие меры, которые улучшают всю обстановку тюремной жизни, приучают арестантов к полезному труду и человечному обращению. Этот взгляд, разделяемый и буржуазными мыслителями, однако не находит широкого применения на практике и более свободных стран, чем Россия. Буржуазный строй не может осуществить такой истинно-гуманной реформы. Стремясь сделать условия жизни пролетария чисто острожными, он не может поднять слишком высоко условий жизни острожных обитателей и попрежнему, вопреки всем гуманным проповедям специалистов, тюрьма и на Западе является «миром отверженных», а уголовный преступник «воспитывается» страхом и лишениями точно так же, как проститутка воспитывается общественным опозорением. Буржуазный строй поэтому не может действительно искоренить основные причины преступности, как не может искоренить причин алкоголизма и проституции. Со всем этим общественным злом может бороться только пролетариат, который самым расширением своего классового движения предохраняет от этих бедствий все более широкие слои народа и который, усиливая свое влияние на законодательство, сумеет провести те истинно-гуманные реформы, которые отнимут у нынешних тюрем их несомненный характер рассадников новых преступлений.

* * *

«Гимназист закурил!», так приблизительно можно охарактеризовать настроение, охватившее учительскую среду и нашедшее себе выражение в распубликованном в газетах циркуляре мин. нар. просв. Зенгера от 28 июня. Циркуляр открывается указанием на приходящие из учебных округов донесения, «свидетельствующие об упадке дисциплины в средне-учебных заведениях и отчасти в городских училищах, о распущенности воспитанников некоторых из этих заведений, а также о вредном направлении мысли среди учащихся в старших классах». Из дальнейшего видно, что именно возбудило тревогу в сердце министра: тут и отказ учеников от «исполнения начальственных требований», и «действия скопом», и «грубые дерзкие выходки» против учителей, и «противоправительственная пропаганда», и, в конце концов, все-таки... курение табаку и тому подобная «распущенность». Подумайте только: «ученики успели свыкнуться с мыслью, что открытое курение на улицах, нарушение установленной формы одежды, неотдавание чести попечителю, губернатору и генерал-губернатору» не преследуется начальством. Ужасно! «Основы» потрясены!

Гимназист закурил! Бедовый грубиан ощутил на себе действие первых лучей еще только занимающейся утренней зари... Он почуял, что в воздухе запахло свободой, и — стал «открыто курить». Сжимается сердце начальства и грустью веет от министерского циркуляра.

Нагло торчащая в зубах папироска издавна пользовалась почетным правом служить в глазах российского начальства символом «вредного образа мыслей». В доброе старое время курильщикам резали носы. При Николае I таких суровых мер уже не принимали, но все же курение на улицах преследовалось. Рассказывают, что, когда с первых дней царствования Александра II повеяло «новым духом», обыватели стали «демонстративно» курить на улицах... точь-в-точь нынешние гимназисты, огорчающие Зенгера.

В старину табак преследовался как «дьявольское зелие». При Николае — уже как европейская мода, как проявление «распущенности», которая начинается с открытого курения, а кончиться может... требованием консти-

туции. В этом именно смысле папироса, наряду с длинными волосами, с не по форме сшитым сюртуком и с преждевременной растительностью на лице, издавна считается признаком «неблагонадежности» в гимназиях. Во времена идеального «порядка» в нашей школе, отражающей очень точно настроение всей страны, — во времена Александра III эти виды неблагонадежности были почти совсем изгнаны из учебных заведений: не только в гимназиях, но зачастую и в университетах царили одноформенный сюртук и волосы под гребенку (нередко гимназистов восьмого класса не допускали к выпускному экзамену, пока не подстригут волос), а курить дерзали только самые «отчаянные» из гимназистов.

Изменился тон общественной жизни, — и все пошло прахом. Забыты — хотя и не отменены — те положения университетского устава 1884 г., которые так заботливо определяют форму студенческого платья. Пал Боголепов[6] и в учебном ведомстве провозглашено было «сердечное попечение», и учителя—эти чеховские «человеки в футлярах»—не знали, что им теперь делать с вольнолюбивой молодежью, на глазах у которой, можно сказать с высоты трона, была развенчана святость латинской грамматики и прочей казенной зубрежки. Гимназисты заволновались, втянули полной грудью воздух и — закурили. А рядом с этим, как неизбежное последствие, пошли и «действия скопом», и «неотдавание чести», и «несоблюдения формы одежды», и тросточки в руках, и противоправительственная пропаганда, и демонстрации с участием гимназистов...

Зенгер скорбит о том, что «человеки в футлярах» недостаточно энергично борются с растущей «распущенностью» учеников и что в оправдание своей «безучастности» они нередко ссылаются на царский рескрипт 1901 г., в котором говорилось о «сердечном попечении». Министр об'ясняет, что истинно-сердечное попечение требует иногда строгого отношения к заблуждениям молодежи. Одного только не понимает он: что в тех условиях, в которых стоят ныне друг против друга учащие и учащиеся—как враждующие стороны, со стороны учащих возможны т о л ь к о две политики: или самая свирепая политика «ежовых рукавиц», либо — если жизнь привела ее к банкротству — политика вольного или невольного «попущения». Между казенным учителем, о б я з а н н ы м в школе блюсти интересы самодержавия, так резко разошедшиеся с интересами жизни, — между ним и молодежью, охваченной жизненными настроениями, нет никакой нравственной связи и не может ее быть, пока ни семья ни «улица» не примирились с данным политическим порядком, не может ее быть до тех пор, пока служителями самодержавия являются наихудшие элементы, не пользующиеся и тенью уважения в глазах общества. Просеянные сквозь фильтр полицейской «благонадежности», казенные учителя просто-таки не могут вместить всей той тонкой политики, которую в своем циркуляре рекомендует Зенгер для воздействия на учеников. Он советует учителям не быть в обращении с учениками язвительными и грубыми—и забывает, что сквозь фильтр «благонадежности» проходят в число учителей, большей частью, самые некультурные и грубые элементы интеллигенции. Он советует не оскорблять в учениках чувства человеческого достоинства и совершенно верно указывает, что такое оскорбление часто «может заронить в душу юноши семя недоверия к тому общему строю, выражением коего является для него учебное заведение». Но он забывает, что уважать в других человеческое достоинство может только тот, кто уважает его в себе, кто сам умеет защищать его от чужих посягательств. «Человек же в футляре», вынужденный пресмыкаться перед своим начальством, перед попом, перед жандармом, который потребовал от него содействия для обыскания школьных парт, — «человек в футляре» не может уважать чужого человеческого достоинства уже потому, что сам не знает, в чем оно заключается. И вот почему «человек в футляре», который походя, сам того не замечая, топчет личное достоинство юноши, невольно совершает революционную работу — развивает в юном поколении «недоверие к общему строю». Зенгер ставит далее такое положение: «чем очевиднее будет для юношей, что получаемая ими в школе духовная пища питательней той, какою предлагают насытить их любознательность враги школы (т. е. революционеры), тем охотнее будет признаваться авторитет последней». Отсюда делается вывод, что учителя должны пользоваться уроками для освещения в благонамеренном духе тех общественных вопросов, с которыми ученики знакомятся из «подпольных» изданий. Однако, замечает министр, «обучение в этом направлении не должно носить искусственно-назидательного характера», т. е. не должно пахнуть казенной скукой и благонамеренным лицемерием. Но Зенгер забыл, что благонамеренность, которою преисполнены чиновники от науки, сама носит именно подобный «искусственно-назидательный характер», что за нею не скрыто никаких искренних, хотя бы и реакционных, убеждений; что «человек в футляре» только трепещет перед волей начальства, но отнюдь не способен проникать в «идею» того порядка, который ему приказано прославлять. Можно с уверенностью сказать, что рекомендуемые Зенгером политические беседы будут еще более укреплять в юношах недоверие к тому «общему порядку», у которого нет даже убежденных сторонников, который отдает такой казенной скукой, такой мертвечиной. И трогательно-наивен наш министр, когда думает спасти дело, возлагая на учителей обязанность нравственно перевоспитывать молодежь, внушая ей такие две идеи: во-первых, об ошибочности «весьма распространенного» в молодежи взгляда, «по которому скромное и вежливое обхождение со старшими унизительно для молодого человека и является будто бы видом заискивания перед начальствующими лицами». Да, попробуйте-ка, убедите ученика, который видит воочию своих «наставников» в роли лакействующих перед начальством, что он сам должен не считать унижением такое же лакейство перед ними! Вторая идея еще более способна окончательно скомпрометировать учебное начальство. Это — идея о необязательности для ученика «подчиняться беспрекословно всем решениям большинства товарищей». Посягая на лучшие товарищеские чувства, такая проповедь всегда питает в учениках самое глубокое презрение к тем, кто на их глазах сам «беспрекословно подчиняется всем решениям»... своего начальства.

Да и можно ли думать поднять уважение молодежи к нынешней школе и создать нравственную связь между нею и учебным начальством, не коснувшись такого важного обстоятельства, как все растущее, все более наглое

вмешательство в жизнь учеников средней школы со стороны жандармской полиции? На всем циркуляре Зенгера, который, очевидно, одержим лучшими намерениями несколько освежить школьную атмосферу, лежит печать полного бессилия, как она же лежала на всех его и его предшественника мерах по проведению «сердечного попечения» в университеты. Нелепо пытаться строить мирную реакционную идиллию в стенах школы, не позаботившись о том, чтобы в эти стены не вторгалась темная сила в синем мундире. Министр рекомендует не спешить исключать из школы провинившихся учеников и умалчивает о том, что делать, когда этого исключения требуют жандармы? Он хочет оградить учеников от «язвительного и грубого обращения» с ними учителей, но ведь он не может (не смеет!) пытаться оградить их от вдвое более наглого обращения с ними жандармов, которые теперь так часто «беседуют» с целыми классами, вызывая их на допросы? Он хочет оградить личное достоинство ученика, но как оградит он его от посягательства жандарма, который грубо третирует гимназиста, грозит ему розгами, вымучивает из него показания и, наконец, заставляет при ночном обыске взрослых гимназисток одеваться в его присутствии (факт, недавно упоминавшийся в печати)? Он хочет превратить уроки истории и русской словесности в свободные политические беседы по вопросам, затрагиваемым в подпольной печати, но он не пытается оградить беседующих от преследований, которым жандармы подвергают тех, кто на этих беседах уклонится от казенной точки зрения, на кого донесут содержимые жандармами в школе же шпионы. Там, где политическая полиция всевластна, казенное учреждение не может не быть орудием жандармской политики, не может, следовательно, создаться доверие к этому учреждению со стороны «вольнолюбивой» молодежи. И, что бы ни предпринимал Зенгер, как бы ни толковал принцип «сердечного попечения», она, эта молодежь, останется с нами. Закаленная в своем инстинктивном протесте скалозубовским режимом Делянова и Боголепова, она успешно развивает свое революционное сознание в обстановке режима Ванновского[7] и Зенгера, представляющего смесь зубатовщины с маниловщиной. С головокружительной быстротой подвигается исторический процесс, толкающий все мыслящее и честное в об'ятия революции. От самодержавия отлетает дыхание жизни и каждое из учреждений, входящих в состав правительственного аппарата, болезненно ощущает на себе этот процесс общего омертвения. Не оживит умирающего и религия, и Зенгер чувствует это, когда, рекомендуя «религиозно-нравственное» воздействие на учеников, тут же предостерегает учителей от возможного злоупотребления «словом божиим», которое, по его словам, «грешно призывать всуе» и которое, будучи всуе призываемо (напр., по поводу необходимости выдавать товарищей или в связи с мятежной папиросой), должно, как он видит, бить в нос запахом мертвечины. Дух живой отлетел от правительственного здания, сквозь полуобвалившиеся его стены вторгается непрошенно-нахально струя свежего воздуха, и невольные обитатели этого каземата — «человеки в футлярах» — растерянно и безуспешно ищут новых средств, чтобы заткнуть щели, новых благовоний, чтобы сделать выносимым отравленный воздух. И вот почему такую тревогу вызвал среди них тот невинный факт, что гимназист закурил, отрастил длинные волосы и упорно не хочет застегиваться на все пуговицы...

[Л. Мартов]

ЕЩЕ О СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ «СТРАТЕГИИ».

Наша статья о событиях в Златоусте и Уфе (см. № 41 «Искры») побудила «Революционную Россию» * разрешиться, наконец... ответом — после девятимесячного молчания.

Молчания! Собственно говоря, это было не молчание, а особый тактический прием, своего рода военная хитрость. Не знаем, помнит ли еще читатель, вообще говоря, весьма забывчивый, тот бессмертный по своему комизму эпизод, когда неведомый дотоле «центральный комитет» так называемой «партии» «социалистов-революционеров» ознаменовал свое политическое рождение запретом — отвечать на критику, направленную «Искрой» против «социально-революционных» писателей. С благословения этого находчивого «незнакомца» был найден выход из неприятного положения и принята тактика: неустанно задирать противника замаскированными выпадами, исподтишка, невзначай совершать полемические набеги, спекулируя на чувство непосвященного читателя, а засим неукоснительно исчезать под сенью партийной дисциплины, предписавшей молчание, — лишь только провоцированный противник захочет посчитаться с нашими рыцарями печального образа. Обвинения встречались молчанием; вопросы, поставленные в упор, оставались без ответа. И вот теперь эти самые люди, искушенные долговременной практикой отмалчивания, требуют — ничто же сумняшеся — от нас «прямого ответа». Они, которые только что обошли основные положения противника, хотят, тем не менее, как ни в чем не бывало, продолжать вести разговоры, игнорируя то, что против них уже выставлено. В нашей статье мы подробно поясняли, почему «привозный» террор был не только излишен, но и прямо вреден златоустовской массе. Мы давали характеристику возникающему рабочему движению на Урале и в частности тому переходному моменту в его развитии, с которым так некстати совпал злополучный уфимский выстрел. Мы писали о том, что как раз в это время на Урале стояла на очереди «замена стародавних приемов индивидуальной расправы более или менее планомерными действиями коллективного целого» и что раздавшийся выстрел сделал попытку отодвинуть опять эти поставленные жизнью задачи. Все сие «Рев. Росс.», якобы «готовая» «знакомить» читателя «со всяким возражением по существу» ее «программы и тактики», сочла наилучшим... проглотить, дабы не вводить своего читателя во искушение. А проделав это, она уже могла — с легким сердцем — развязно вопрошать: что же надо разуметь под новыми задачами?

В самом деле, вы этого не знаете? Тем хуже для вас, господа, вам следует еще поучиться у полусознательной массы уральских рабочих. Эта масса, в кото-

* См. «Рев. Росс.» № 26, ст. «Еще о критиках террористической тактики».

рой едва проснулось сознание, уже чует, однако, тот лозунг, который даст ей победу. «Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе дружно и солидарно», — слышится, что дальше, то сильней, в среде рабочих Урала. Это — инстинкт пришедшей в движение массы, смутно говорящий ей о том, как надо бороться! Надо оформить, надо развить то, что еще неясно ощущается массой, надо научить эту массу коллективному действию, надо дать ей — прежде всего — элементы организации. Что и говорить — это огромная, трудная, требующая величайшей выдержки и знания задача, но эта задача неотложная, без решения которой — это следует помнить — нельзя сделать и шага вперед. И не заслуживают по нынешним временам звания революционера все те, которые увольняют себя от нее под благовидным предлогом террора. А от этой задачи — без сомнения — освободили себя те господа, которые — на страницах «Рев. Росс.». — задают нам наивный вопрос: «в какой форме социал-демократы должны были ответить в Златоусте и Уфе на подвиги Богдановича?»

Ну, а в какой форме должны были ответить ростовские социал-демократы на вопиющие насилия ростовской и тихорецкой администрации во время последних ноябрьских событий? * Для всякого революционера, понимающего задачи массового движения, несомненно, конечно: они должны были ответить так, как они ответили.

Из стачки они сделали политическую школу. На основе вызванного ею возбуждения развернули ту лихорадочную деятельность, которая месяцы напролет держала в напряжении все население огромного города. Они выпускали листки за листками, они занесли обаяние Донского Комитета — а с ним вместе и всего пролетарского движения — в самые отдаленные уголки обывательского мира. То и дело созывая агитационные собрания, на которых участвовали сотни народа и говорились раз'ясняющие речи, они неустанно закрепляли революционному делу новые и новые рабочие связи. К комитетскому центру сходился поток свежих сил, из которого формировались передовые фаланги революционного войска, — те фаланги, которые и дали Комитету возможность с'импровизировать демонстрацию второго марта; которые, рассеянные в многотысячной толпе «кулачников», своим мощным порывом сумели поднять толпу на манифестацию. Второе марта удалось; «смотр» народного ополчения обогнал все надежды его организаторов. Но то, что удалось сегодня, могло встретить препятствие завтра, и однако тактика наших ростовских товарищей продолжала бы неизменно следовать раз принятому направлению. Потому что эта тактика определяется, конечно, не успехом той или другой демонстрации, а всей той суммой организационно-агитационной работы, в которую демонстрация входит важным, но все же лишь отдельным звеном единой и цельной системы. А система говорит нам о том, что надо всеми доступными средствами, распространением листков, агитационными собраниями, массовыми движениями по всякому поводу и во всякой форме, диктуемой положением, изо дня в день приобщать массу к революционному действию, развивать в массе героя, увеличивать ее организованность.

И таков был «ответ» — на «ростовско-тихорецкую бойню» — Донского Комитета. Растущая организация масс — угрозой стояла она перед врагом, наводя на него, по свидетельству всех очевидцев, — панический страх, такой ужас — «террор», перед которым мог показаться детской игрушкой любой револьверный разряд «боевой организации».

Но, говорят наши противники, они не только палили в Богдановича, они для златоустовской массы и еще что-то сделали. «Уж будто она от нас, социалистов-революционеров, кроме выстрела ничего не слышит?» — заявляет «Рев. Росс.» и гордо кивает при этом на общую литературу «партии». Конечно, мы не такие уж завзятые скептики, чтобы подвергать сомнению реальное бытие «социально-революционной» литературы, а тем более «центрального органа» этой фантастической партии. Но ведь и не о них идет речь, а о данном совершенно определенном случае, о том, как же использовали гг. социалисты-революционеры ту повышенную атмосферу, напоенную озлоблением, которая создалась в Златоусте после кровавой расправы? Что сделали они там для организации массы? Ничего, ровно ничего: их местные силы безмолвствовали, а общепартийное учреждение, — заметьте это себе, читатель, — не нашло ничего лучшего, как поспешить — в этот важный момент для пролетариата Урала — поспешить на помощь... с привозным террором!

Этот эпизод — не случайность. Он дает истинную меру того, во что социалисты-революционеры ставят на деле интересы массового движения, и с ним в непосредственной связи, как мы уже указывали в нашей предыдущей статье, находится взгляд социалистов-революционеров на массовое движение.

Если для нас, социал-демократов, в условиях настоящего момента, всякое массовое действие, — безразлично, осуществляется ли оно в формах сравнительно безобидных или завершается вооруженной схваткой, — имеет прежде всего значение этапа на пути к организации масс, выполняя в то же время весьма важную роль вербовщика новых адептов, то для соц.-революционеров оно лишь до времени, а потому и не кстати залетевшая искра будущего революционного пожара.

«Мирные» демонстрации отжили свой век, — говорят соц.-рев. (см. «Рев. Росс.» № 12, ст. «Как отвечать на правительственные зверства»), — воодушевлять и бодрить они уже более не в силах. «Нарастает опасность, что они иногда окажут деморализующее действие». Для «вооруженной» же демонстрации нет достаточной подготовки, а потому «в настоящее время у нас еще нет в руках средств давать массовый отпор насилиям и истязаниям».

«Там и до тех пор, — заявляют они в другом месте («Рев. Росс.» № 26, «Еще о критиках» и т. д.), — пока „коллективный отпор" неминуемо повлечет такую „бойню", которую лучше „избежать", — там более целесообразным и даже единственно возможным является отпор террористическими средствами...».

Итак, для одних массовых действий время прошло, для других не приспело. Остается один лишь террор —

* «Разница лишь в количестве жертв» — писал «Центральный Комитет» партии соц.-рев., сопоставляя события в Златоусте и Уфе с «ростовско-тихорецкой бойней».

эта «широкая» арена «боевой организации». Но на этот логический вывод «Рев. Росс.» отнюдь не согласна: она вопит, называя его клеветой. А между тем, он неизбежен для людей, неспособных органически понять демонстрацию как подготовительное действие слагающейся массы, а не как одно единоборство с врагом, на котором обмениваются ударами. Поэтому совершенно естественно, что для гг. социалистов-революционеров современные («типические») социал-демократические демонстрации, т. е. другими словами, все те демонстрации, которые не оставались одним только предметом досужей фантазии, а действительно существовали в нашем подлинном мире, являются лишь ненужными и даже вредными действиями, «толчком» «не вперед, а назад».

Так, тифлисские демонстранты, например, заслужили их полнейшие неодобрение за то, что ловким маневром сумели обмануть «недреманное око» администрации и тем избегнуть подготовлявшегося кровопролития. Помните ли, читатель, описание этой демонстрации: «Демонстранты окружили центральную группу, и в ту же минуту красное знамя... высоко поднялось среди улицы. Толпа в 400—500 человек, тесно окружая знаменоносца, с восторженными криками двинулась по направлению к казенному театру и, дойдя до театральной улицы, свернула направо и начала постепенно расходиться. Во всех действиях рабочих замечалась удивительная выдержанность и организованность, чему, главным образом, нужно приписать удачу демонстрации. Масса гуляющих с любопытством следила за этой картиной, которая, несмотря на свою непродолжительность, оставила глубокое впечатление. Опоздавшей полиции оставалось только вымещать свою злобу на тех, кто почему-либо во-время не успел разойтись.» И все это, по мнению социал-революционеров, одна сплошная ошибка. Вот если бы тифлисские демонстранты пошли навстречу казакам и заготовленному войску, «если бы рабочие искали врага, напирали на него» и на его штыки, «о, тогда, конечно, даже неудача только подстрекала бы к более энергичному продолжению борьбы» (там же).

И так говорят, так смеют говорить господа, которые, когда нужно подыскать аргументы в пользу террора, кричат о возможных ужасах «бойни»; когда же перед ними развертывается картина демонстрации, не смущаясь, приглашают демонстрантов итти на эту самую «бойню». Что им за дело до массового движения! Им нечего терять там, они в нем ничего не строили! Только что заявив, что пора мирных демонстраций прошла, а вооруженных еще не наступила, они три раза под-ряд этой весной призывают петербургских рабочих к демонстрации, зная хорошо, что значит в обстановке настоящего момента демонстрация в Петербурге, и зная еще лучше, что сами они для подготовки ее не ударили пальца о палец. Неудивительно, что на то приглашение не отозвался буквально ни один петербургский рабочий. И столь же неудачной оказалась недавняя попытка их в Киеве, вину за фиаско которой они силятся теперь свалить на... нетоварищеское якобы отношение местной социал-демократии.

Когда Донской Комитет руководил знаменитой стачкой, они — задним числом — посмели ему бросить упрек, зачем не повел он многотысячную толпу манифестантов-участников стачки прямо на город, не повел тогда, когда вся полиция и войско уже были на ногах и ждали только удобного момента. В этом огромном движении им не было места, и они пока что... праздно болтали о «благоприятных условиях», при которых «события вроде ростовских, когда толпа бывала иногда достаточно сильна, чтобы овладеть, если бы это понадобилось, всем городом», могли бы «превратиться» «в исходный пункт революционного взрыва»!.. (см. «Рев. Росс.» № 15, ст. «По поводу ростовских событий»).

Почему же, всегда и везде, за этими людьми упорно шла по пятам их злосчастная звезда, как только они делали попытки прикоснуться к массовому движению? Почему «летописи демонстрационного движения» уже в настоящее время — как показал в последнем № «Искры» член Саратовского Комитета Социал-Демократической Партии — начинают протестовать против их неуместных претензий красоваться на «летописных» страницах?

Потому что нельзя безнаказанно жать, где не сеял. Нельзя рассматривать массовое движение как своего рода революционный спорт, ряд последовательно сменяющихся сенсаций, подобных террору, и в то же самое время уверять, что «служишь» ему же!

Многообразный процесс, оно пред'являет к тем, кто ему подлинно служит, с каждым днем все больше требования. С ростом усложняются задачи, выдвигаются новые трудности, которые надо преодолеть во что бы то ни стало. Не подлежит сомнению, батумские рабочие, которые в свое время запрашивали Петербургский Комитет нашей партии о вооружении демонстрантов, затронули жгучий вопрос массового движения. И Петербургский Комитет был прав, когда, не отмахиваясь от трудностей вопроса, не признал однако возможным для себя разрубить этот гордиев узел. Пытливо-добросовестно всматриваясь в задачу, поставленную жизнью, он хотел, не решая ее за свой собственный страх, предварительно послушать товарищей.

С такими людьми у нас есть и всегда будут разговоры. С гг. же «социалистами-революционерами» нам на эту тему говорить не приходится.

[Старовер-Потресов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Политические процессы. В средине июня в Московск. военно-окружн. суде разбиралось в течение 2 дней дело о пропаганде среди солдат Екатеринославского полка (в Москве). Из 6 обвиняемых один студент Никольский успел скрыться до суда. Приговоры вынесены более мягкие, чем можно было ожидать. Солдат Альшанский, дававший самые «откровенные» показания на следствии (см. обвинительный акт в «Рев. Росс.»), и Гольдблат приговорены к лишению прав и ссылке на поселение; Батурина — к 1 г. 4 мес. заключения в крепости, с ходатайством о понижении срока до 1 года; Соколова — во внимание к молодости — 4 месяца тюрьмы; предатель (может быть, шпион?) фельдфебель Аносов оправдан. О самом суде нам пишут из Московск. тюрьмы: «Гольдблат, Соколов и Батурина заявили на суде, что они сознательные революционеры, считают себя членами соц.-дем. партии и выяснили, каким образом они пришли к убеждению в необходимости свержения самодержавия. Женщинам говорить не мешали; Гольдблата же прерывали шесть раз, а на седьмой

лишили слова. Председатель сказал ему, что не может допустить, чтобы солдат нападал на самодержавие и выражал критическое отношение к военному быту. Альшанский взял назад показания, данные им на следствии, но об'яснил, что берет их назад вовсе не для обеления оговоренных им товарищей, до которых ему мало дела, так как они судили его за его поведение и признали предателем. Он об'явил себя социалистом-революционером, действовавшим на свой риск и страх (согласно обвинительному акту, он на следствии об'являл себя соц.-дем.).

Процесс Фрумкиной, судившейся в Киеве за покушение на жизнь жанд. ген. Новицкого, закончился осуждением на 11 л. каторги этой совершенно измученной женщины.

Предполагается процесс еще против участников демонстрации 27 апреля в Баку и Балаханах. В качестве обвиняемых привлекаются совершенно случайные лица. Из обвиняемых называют бывших студентов Файнштейна и Ильюшкина, Дроздовского, Абрама Эйзенбета, бывш. студента Хунтадзе.

Петербург. Избиение политических в «Кре́сте». «Нас перевезли 3 июня из Дома предварительного заключения в „Крест“, где нас встретили инспектор тюрьмы и начальник „Креста“; они об'явили нам, что если мы будем сидеть смирно, то нам будет очень хорошо. Мы все сказали, что если к тому не будет никаких побудительных причин, как в предварилке, то мы, конечно, будем сидеть смирно. Начальник сказал, что он постарается все устроить без шума, при этом разрешил нам сидеть на окнах, разговаривать между собой, передавать друг другу деньги, провизию и книги. После того как мы просидели пять дней, инспектор с начальником ходили по камерам и просили не разговаривать между собой в окна. Мы от этого отказались; тогда инспектор сказал, что он должен принять меры к устранению между нами разговора.

«11 июня около пяти часов вечера мы услышали страшный крик. Оказалось, что это кричал наш товарищ, которого вели в карцер. Тогда мы все стали звать начальника для об'яснения, почему товарища ведут в карцер. К нам начальник не явился. Тогда мы решили вызвать его криком. С этой минуты началась та кровавая расправа, при которой обагрились кровью стены камер и тюремных подвалов. Отставной жандармский полковник Никольский и человек семь надзирателей вбежали в камеры и в присутствии самого начальника били нас. В избиении принимал участие сам инвалид, жандарм Никольский. Ко мне вбежал Никольский, схватил меня за волосы и при помощи надзирателей топтал ногами, бил куда попало; затем продолжали уже надзиратели, подняли на руки, потащили в подвал. На лестнице полковник скомандовал бросить меня и тащить за ноги. Спустились в подвал и у лестницы снова начали бить. Многие просили, чтобы сразу убили их, но полковник отвечал, что побоями он так их доймет, что они забудут про всякие протесты. Затем тащили дальше. На некоторых надевали сумасшедшую рубашку, но больше вязали руки и ноги и бросали на холодный пол. Так мы оставались до 10 час. утра. Утром развязали нас и повели к начальнику, где каждому назначили семь дней карцера и на месяц лишение свиданий и переписки. Карцеры все были переполнены, и в подвале лежало нас 21 человек. Избиты все были серьезно. У многих текла из носа кровь, у некоторых поврежден позвоночник и разбита грудь. Стон был ужасный всю ночь. Одна из родственниц избитого получила от последнего его рубашку; на ней 30 дыр, вся она в грязи. Тут же передан платок, весь в крови, и на нем ясно отпечатаны зубы, очевидно, платком заткнули рот, чтобы не было слышно крика».

Одесса. После уничтожения земской статистики министр Плеве принимается, повидимому, за искоренение крамолы в земской медицине в лице ее наиболее опасной в смысле потрясения основ части санитарной организации. Херсонский помпадур открыл против нее форменный поход. После того как из шести избранных губернским санитарным советом врачей им был утвержден один, он начинает одного за другим выгонять уже существующих санитарных врачей. Одесская земская управа получает помпадурское «отношение», в котором категорически сообщается управе, что дальнейшее пребывание на службе санитарного врача Улыбышева его превосходительство считает невозможным. Для компании этим же отношением удаляется со службы прослуживший земству 27 лет фельдшер, провинившийся в том, что его сын когда-то участвовал в студенческих беспорядках. Как передают, единственным мотивом к удалению Улыбышева, этого честного и деятельного, но решительно не имеющего никакого отношения к крамоле врача, является то соображение, что, благодаря его воздействию, новые врачи Одесского уезда подбираются преимущественно «красного» оттенка. Одесская управа в лице своего председателя Рено не нашла ничего возразить против беззаконного требования помпадура и, рабски покорная его велениям, увольняет указанных помпадуром лиц, относительно же Улыбышева умывает руки, так как он, дескать, губернский служащий. Начавши с Одессы, Левашев распространяет свою полезную деятельность на всю губернию. Недавно Херсонская губернская управа получила предложение «для пользы дела» уволить целый ряд земских служащих, между ними четырех санитарных врачей, несколько секретарей управы и пр. Когда председатель Херсонской губернской управы протестовал против этих массовых увольнений, причем указал, что политика Левашева противоречит намерениям Плеве, неоднократно высказывавшегося в смысле расширения прав местного самоуправления и вообще благосклонно относящегося к земству, Левашев, многозначительно улыбаясь, ответил: «Знаем мы это — он с вами заигрывает, либеральничает, а нам циркуляры пишет: того удалить, за тем наблюдать. За всеми ведь не усмотришь, так лучше вы уж их увольте. Имейте в виду, — закончил помпадур, — что я этого не говорил; если меня спросят, я отрекусь». Такова двойная политика Плеве. Интересно знать, долго ли еще наши земцы будут ходить на цыпочках возле «благих начинаний» Плеве и даже разражаться такими всеподданнейшими адресами, какими недавно разразился орловский архилиберал Миша Стахович.

Митава. В более промышленных городах Прибалтийского края, как напр., в Риге и в Либаве, имелись зачатки сознательного рабочего движения до первого «дела латышских социал-демократов» [8] (1898). Но эти зачатки были уничтожены, кружковая деятельность прекратилась и лучшие рабочие агитаторы были сосланы или эмигрировали. В «крестьянском» городе Митаве ничего тому подобного не было, хотя Митава дала не мало интеллигентных сил движению других городов. Что митавские рабочие «зашевелились» так поздно и как раз во время промышленного кризиса, который обыкновенно ослабляет рабочее движение, это об'ясняется отчасти тем, что здешние фабрики работают больше для местного рынка и кризис на них отразился не так тяжело, как в других местах. Число фабричных рабочих в Митаве не больше 3.000. Только одна фабрика (Гребнера) насчитывает до 800 раб. Первые прокламации в Митаве были распространены к 1 мая 1901 г., но в руки рабочих они попали в небольшом количестве. Большинство было собрано полицией на улицах, где они были разбросаны. Провал после этой первой попытки был довольно значительный для едва начавшегося движения (арестовали 3 раб. и 3 интеллигентов). В течение 1902 г. по разным городам Курляндии были распространены печатные и гектографированные прокламации, которые в большом количестве начали проникать в фабрики, и рабочие «зашевелились». В проводах политических ссыльных (в прошлом году отправили первых 4 латышей в Сибирь) участвовали уже рабочие. Тело умершего здесь высланного ст. Бульмана провожало на вокзал уже много рабочих, и процессия вышла грандиознее, чем предполагалось. Даже местные буржуа заговорили о похоронах социал-демократа, затревожились власти. Особенно не понравилось им то, что на похоронах было много учеников, хотя начальство наших средне-учебных заведений уже раньше занималось чисткой гимназий от кухаркиных и крестьянских детей. Директор гимназии Пятницкий довел таким образом число учеников с 500 до 250. Тот же Пятницкий, лучший друг местного жандарма Кладо, просла-

вился своими речами по поводу того, что такое «смирно», «первокурсник» и студенческие беспорядки. Теперь гимназисты старших классов должны носить белые перчатки, и скоро П. заставит их отдавать ему честь по-военному. В этом отношении не менее отличились начальница женской гимназии и директор реального училища. Взяточничество и чрезмерная услужливость баронам со стороны этих властей были освещены в изданной учениками в конце 1901 г. прокламации «К обществу». К концу 1901 г. власти затревожились. 2 ноября обыскали по предписанию ковенского жанд. упр. врача П. Калина (был выслан на 2 г. из Прибалтийского края и проживал в Жагорах, Ков. губ.). В коридоре реального училища нашли какую-то нелегальщину, и это дало повод директору Кульбергу и инспектору Петрову проявить свои интимные чувства к жандармам: у учеников IV кл. Лопатникова и Зильгальвиса жандармы произвели обыски и тягали их на допросы. Уже раньше были обысканы реалисты Менцендорф, Залтис и Германштик, но ничего недозволенного не обнаружили.

Большое возбуждение произвело распространение на Рождество прошлого года хорошо отпечатанных большого формата прокламаций «Мир на земле». Прокламация, изданная «прибалтийскими латышскими соц.-дем. организациями», была ловко распространена не только на фабриках, но и у церквей гг. Риги, Митавы и Либавы и их окрестностей и очень взбудоражила рабочих. Заговорили о социал-демократических требованиях и в деревнях, где прокламации ходили по рукам батраков. Особенно бесились священники и уездная полиция. Первые за то, что социал-демократы опозорили их «святыни», а последняя за то, что на нее навалили лишнюю работу. Началась погоня урядников за прокламациями и поездки жандармов в волостные правления для составления протоколов. Такие поездки были особенно часты в Добленском и Гольденгенском уездах, где жандармский офицер Григораш искал «центра тяжести», как он сам выражался. Пока Кладо с сотрудниками все еще искали «центра тяжести», полиция сообщила, что 17 апреля опять наводнены фабрики Митавы, Риги и Либавы прокламациями, изданными группой латышских соц.-дем. в Курляндии, группой соц.-дем. раб. Риги и Либавской соц.-дем. раб. организацией. Помимо этого по дворам и улицам Митавы были расклеены и разбросаны гектографированные прокламации на литовском языке и жаргоне. Всего было распространено в Митаве 1.200 прокламаций. Полиция собрала по улицам не больше 60—75. Арестовали по подозрению и отчасти по указанию фабричной администрации рабочих Гельмана, Андерсона, Гинтера. Они сидят еще. Около этого времени был арестован приехавший погостить к родителям эмигрант Весман, который тоже содержится в Митавской тюрьме. Полиция ожидала к первому мая демонстрации и хотела накрыть какое-нибудь собрание; полицмейстер просидел целый день, спрятавшись в сторожевой будке у городских ворот. 31 мая были распространены прокламации на русском языке и на жаргоне по поводу златоустовских и кишиневских событий. В тот же день арестован на улице рабочий Ленцман.

Одесса. Добровольные шпионы в Добровольном флоте. Недавно к одному из кочегаров Добровольного флота попало несколько номеров «Искры» и листков Одесского соц.-дем. Комитета. Желая поделиться интересными сведениями, кочегар дал попавшую к нему литературу одному из служащих Добровольного флота, Захарию Погребницкому. Дошло все это до сведения начальника ремонта, который не замедлил, конечно, доложить о появившейся в его мастерских крамоле по начальству. Начальник конторы Добров. флота Ергамышев, угрожая г. Погребницкому всевозможными карами, заставил его сообщить фамилию кочегара, снабдившего его литературой. Немедленно составляется донесение, зловредная литература запечатывается в пакет и все это отправляется в жандармское управление. На другой день появляются жандармы, производятся обыски, допросы — возникает целое дело. Очевидно, поле деятельности г. Ергамышева сократилось вместе с сокращением работы Добров. флота, и доблестный моряк хочет занять более почетный и славный пост царского шпиона.

Уфа. 22 июня 1903 г. Текущим летом, по примеру прошлого, должны были состояться педагогические курсы для земских учителей и учительниц второй очереди. Кроме того, один из прошлогодних лекторов согласился прочитать для членов «Общ. взаимн. вспоможения частному труду» несколько лекций на две темы: «Психология общества и хозяйственный строй» и «Реформы Петра I», на что уже и было разрешение учебного начальства. Однако 29 мая попечитель Оренбургского учебного округа поспешил уведомить как земскую управу, так и правление помянутого общества, что он не находит возможным в нынешнем году дать разрешение на устройство в Уфе просимых курсов и лекций. Разумеется, у всех явилась одна и та же мысль о связи этой отмены с убийством губернатора. Таким образом, паки и паки сама власть толкает население на то, чтобы оно усвоило, наконец, себе идею о несоединимости каких бы то ни было просветительных начинаний с существующим режимом. С другой стороны, нельзя без чувства омерзения отнестись к лицемерному возложению на гроб убитого Богдановича от дирекции народных училищ дорогого венка с надписью «Искреннему другу народных школ». Пусть же знают, каков это был друг и земские учителя, для которых предназначена выпущенная здесь прокламация. Тем временем сыск яростно, но тщетно работает во-всю. На почте вскрываются письма. Леоновича и Морозова, арестованных после убийства Богдановича, даже не взирая на освобождение их со стороны судебных властей, продолжают держать в тюрьме жандармы. Из Воронежа сюда привозили железнодорожного рабочего Извекова, но он доказал, что 6 мая в Уфе не был, а находился в Оренбурге, куда для удостоверения этого факта отсюда выехал Кичин (прокурор). Сегодня к нам прибыл новый помпадур Соколовский, уже успевший недели три тому назад, при обратном проезде из Питера в свой Семипалатинск, во-первых, уволить уфимского полицмейстера, а, во-вторых, вернуть из губернии статистиков. Прибыл — и прямо в собор. Привез с собой своего полицмейстера. Интересно знать, обложил ли новый полицмейстер, по примеру своего предшественника, публичные дома таким же или более высоким ясаком и будет ли так же охотно расхищать (под видом расходов на пожарных лошадей) городские рессурсы, в чем наша полиция всегда находила верного пособника в лице вороватого городского головы Малова.

Александровск, Екатерин. губ. В этом году рабочее движение в городе Александровске заметно развивается. Выпуск листков производится довольно оживленно, были сходки; перепуганная полиция производит массовые обыски как в городе, так и в прилежащем селе Вознесенке. В этом селе были выпущены прокламации (150 шт.) в ночь перед Пасхой. Крестьяне читали их около церкви над куличами и пасхами и не могли оторваться от этого чтения даже тогда, когда поп пришел святить. После службы на рассвете попы ходили по улицам и дворам и собирали подброшенные прокламации, но их старания не увенчались большим успехом — им удалось найти всего несколько штук; вообще было арестовано не более двадцати из 150 штук. Несмотря на популярность изложения, листки возбудили некоторые недоумения в крестьянах. Этому способствовала проповедь попа на второй день Пасхи, направленная против социалистов. Такой дерзкий поступок попа возбудил негодование местной социал-демократической организации и заставил ее выпустить в ответ еще серию листков. Таким образом, между попом и социал-демократической организацией произошел живой обмен мнений. Население, восстановленное против своих грабителей-попов, интересом следило за этим собеседованием.

В апреле были четыре сходки; две последние человек по пятидесяти. Говорили ораторы из местных интеллигентов. Состав сходок обновлялся каждый раз. Были представители от всех машиностроительных заводов, которых здесь 7, кроме железнодорожных мастерских. Ремесленники устроили отдельную сходку. Они составляют кружок человек в 35, отколовшихся от «искристов» из-за принципов организационной тактики (выборное начало). Перед первым мая, к сожалению, не было получено печатных листков. Поэтому местная организация выпустила одну

тысячу гектографированных листков: 400 первомайских и 600 по поводу кишиневских беспорядков (так как у нас также ходили тревожные слухи). Эти листки произвели большое впечатление, в особенности на евреев. Один из них, услышав в лавочке чтение прокламации, сказал: «Боже мой, я считал социалистов разбойниками, а теперь я готов стать на колени и целовать ноги тем, кто это написал». Один русский кузнец, из постоянных столкновений с местной администрацией вынесший страшную ненависть к существующему строю, в разговоре с интеллигентом признался, что хотел предводительствовать, если бы начали бить евреев, но, после выяснения вопроса, с ужасом воскликнул: «Как нас морочат!». Предполагавшаяся демонстрация не состоялась, так как молодая еще организация (она существует немного более года, а раньше работал случайный элемент) не могла выдвинуть за такое время опытных руководителей. В конце мая переиздан листок киевского политехникума о причинах кишиневских беспорядков, в количестве 500 экз. В середине июня произведено было полицией и жандармерией больше 15 обысков и у рабочих. Обыски эти, повидимому, назначались без всякого смысла и нередко возбуждали смех у публики; так, напр., был произведен обыск у 80-летнего старика, бывшего педагога. Понятно, что все обыски были безрезультатны. По поводу этих обысков были выпущены листки; в то же время были отгектографированы прокламации по поводу революции в Сербии.

Не можем не упомянуть о факте, знаменующем начало проявления самодеятельности в крестьянской среде. В глухом селе Ново-Николаевке, отстоящем от города на 50 верст, появились рукописные прокламации местного характера, в которых рекомендовалось одного из попов (старого) убить, а у другого (молодого) сначала выщипать по волоску гриву и бороду, а потом убить; урядника растерзать на клочки, а местную паровую мельницу, принадлежащую еврею-эксплоататору, взорвать динамитом. Эти листки, несмотря на их наивность, произвели должное впечатление на этих угнетателей народа: попы стали кротки, как голуби, урядник сделался необыкновенно гуманным, а мельник-эксплоататор уехал, запечатав мельницу.

Керчь. С февраля сего года Керченская Социал-Демократическая организация обзавелась типографией и все время выпускает печатные прокламации как к рабочим, так и к обществу. Первая печатная прокламация на тему: «Освобождение крестьян» была выпущена накануне 19 февраля; разбросана по дворам и наклеена на всех киосках в городе, где и висела до следующего полудня. Об'ясняется это тем, что городовым известны прокламации в виде белой бумаги, исписанной синими чернилами (гектографированные), а эти были разноцветные и печатаны типографским шрифтом. Через три дня после первой прокламации жандармерия была поражена новой экстраординарной выходкой Керченской организации. Нужно было распространить прокламацию к рабочим табачной фабрики Месаксуди. Установлено было, что рабочие выходят из фабрики по звонку в течение пяти минут и направляются на главную улицу погулять после работы. Организация прибегла к следующему способу. Наняли трех мальчишек лет по десяти, дали им по 100 прокламаций, отпечатанных на разноцветных листках вроде афишек, и для того, чтобы заинтересовать рабочих, чтобы они не бросили их непрочитанными, мальчишкам велено при раздаче кричать: «китайский цирк». Все это было устроено как раз к выходу рабочих из фабрики. Один мальчик стал около ворот фабрики и на глазах у полиции раздавал прокламации и кричал: «китайский цирк». Остальные два мальчика делали то же самое на главной улице. Цель была достигнута, прокламации все почти попали в руки рабочих. Полиция узнала, когда все почти прокламации были розданы, и бросилась задерживать мальчишек. Один успел все раздать и удрать, а остальных двух поймали, когда у каждого из них осталось по пяти прокламаций. Мальчишек отправили в участок и сейчас же жандармский ротмистр учиняет им допрос. «Кто дал вам листки?». Мальчики плачут. «Дядя». «Какой дядя?». (Мальчики описывают наружность): «У черной бороде, у больших усах, у сапогах и на носе темные очки». Вдруг все присутствовавшие на допросе полицейские чины крикнули в один голос: «Это студент Васильев». Сейчас же жандармерия направилась к студенту Васильеву (черная борода), студ. Гуссову (черн. борода) и метранпажу «Южн. Курьера» (тоже черная борода), всех привезли в участок мальчишкам напоказ: «Нет — говорят, — не эти». Мальчишек пришлось выпустить, ничего не добившись. На следующий день их опять призвали да еще мальчишек 30, описали им наружность и послали искать по улицам бородатого, обещав всем по пяти рублей, если найдут его. У самого кулака Месаксуди чуть сердце не разорвалось с досады, он обещал 500 руб. тому, кто поймает бородатого. В ту же ночь были обысканы поезда, был задержан пароход Российского общества. На пароходе во втором классе жандармы заметили профессора с черной бородой; заподозривши в нем представителя китайского цирка, пригласили в участок и показали мальчикам: «Нет, не они». Обыскали и отпустили с миром. На следующий день по разным улицам города можно было видеть группы мальчишек, внимательно рассматривающих прохожих обывателей с черными бородами. Так и не пришлось им заработать по пяти рублей. На одной улице постовой городовой нашел черную бороду с усами, в которой мальчики узнали ту самую, которая давала им листки. Искали человека с бородой, а нашли бороду без человека. С этой находкой жандармы прекратили всякие поиски бородатого. Как рабочим, так и обществу очень понравился этот ловкий прием. Когда на следующий день раздавали об'явления об открытии прачечной, то все брали и говорили лукаво: «Что, опять китайский цирк?». Следующая прокламация была выпущена накануне первого марта. Обстоятельства были крайне неблагоприятные. Жандармы догадывались, что должна быть прокламация, и решили во что бы то ни стало изловить распространителей. Для этого они предполагали переодеть сорок городовых в штатское платье и расставить по паре в двадцати дворах на целую ночь, и когда распространитель бросит прокламацию, то выскочить из засады и задержать его. Тогда были еврейские праздники, сотни масок ходили по улицам из дома в дом. Жандармы не думали, что у организации хватит смелости распространять прокламации во время движения масок, и решили поставить городовых с 12 час. ночи, когда маски расходятся по домам. Но увы! Жандармы обманулись в своих ожиданиях. Форсированным маршем прошли распространители по городу в промежутке от 10 до 11 час веч. и наводнили его прокламациями. Узнали жандармы, бросились рыскать по улицам, искать распространителей, а их и след простыл. Задерживались и маски, и люди без масок, тут же на улице производились обыски, но все это ни к чему не привело. Были затем еще прокламации майские, по поводу манифеста 26 февр. [9], по поводу кишиневск. резни, и все сходило удачно.

За все это время жандармы произвели только три вышеописанных обыска по поводу «китайского цирка». Странной казалась эта жандармская бездеятельность, но недавно все выяснилось. Вот уже три года, как жандармы в Керчи ловят крамолу, но никак не поймают. И решил ротмистр Шереметов прибегнуть к другому, более рациональному средству. Выписал он из Петербурга рабочего-провокатора, который привез с собой много нелегальной литературы, завел знакомство с рабочими и вкрался к ним в доверие. Он стремился проникнуть в центральную группу организации, но этого ему не удалось достигнуть. Результатом его проживания в Керчи является набег, совершенный в ночь на 28 мая жандармской сворой под руководством Шереметова; произведено больше 30 обысков и 10 арестов. Девять человек из числа арестованных через шесть дней выпущены, а десятый, С. Рабинович, оставлен в тюрьме, так как у него найдено много нелегальной литературы. В ночь на 4 июня арестован еще Николай Евдокимов, застигнутый жандармами при печатании прокламации на гектографе. Оба арестованные держатся превосходно.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Херсонская губ. Приводим целиком, с исправлением лишь орфографии, присланную нам «крестьянскую корреспонденцию»:

«Товарищи, сего 1903 года месяца апреля были посеяны прокламации на возы крестьянам Херсонской губ., Тираспольского уезда, в местечке Евгеновке. Евгеновка расположена в семидесяти верстах от г. Одессы, занимая громадный приход окрестных деревень; результат этого следующий: в ночь под первый день Пасхи крестьяне с'ехались с многих деревень к церкви для посвящения пасок, около 500 подвод только дальних, не считая пеших; повозки оставили, а сами пошли слушать деяние; многие из толпы были на дворе, даже некоторые спали на повозках: студенты (?) воспользовались этим случаем, наложили в повозки прокламации; когда приближался час обедни, крестьяне послыхали звон колоколов и начали браться за пасхи, около пасок нашли на возах много бумаг — печать Одесского Комитета. Многие из них начали читать там же при свечах, а некоторые унесли в церковь, чтобы было удобнее читать. Народ толпился вокруг читающих массами, и, наконец, по прочтении одной прокламации, между толпой раздался крик и брань по адресу своих угнетателей. Церковный староста был перепуган шумом и криком и, не взирая на служение, вбежал на клирос, где находился урядник, и стал подавать знак, чтобы пение приостановили. Староста начал речь: „Не знаю, что случилось; читают по всей церкви то, что напечатано на нашего царя, да на наших начальников, все против правительства, что правительство неправильно поступает, будто мало платит за работу, таке, что аж на голове чуб подымается". Урядник (Скворцов) выбежал на улицу с криком, созвал свистками полицию местную и из других деревень, всего около шестидесяти человек, и было дано приказание арестовать тех, кто читал и прятал, а в особенности арестовывать все повозки для обыска, чтобы никто не мог вывезти ни одной прокламации. Страшили народ, что будут найдены все бумажки и что будут строго наказаны; крестьяне отдали свои пасхи знакомым и начали раз'езжаться, кто куда попал, дабы спасти у себя бумажки. Полиция, видя себя бессильной, чтобы справиться с трехтысячной толпой народа, арестовала только тех, которые сознались от чистого сердца, что у них есть найденные листики. Полиция не отпускала их от себя, видя, что они покорны, посадила их в кутузку и поставила над ними строгий караул, дабы дознаться, не заметили ли в лицо тех суб'ектов, которые подбросили в народе прокламации. Отзывались незнанием. Им не поверили. Урядник нарядил одного сотского, запечатал пятью печатями конверт и отправил к приставу второго стана Тираспольского уезда, докладывая о случившемся и прося помощи. Пока шла переписка, арестованных держали несколько дней, ежедневно допрашивая, как преступников. Земский начальник четвертого участка Тираспольского уезда Юковский с другими земскими начальниками немедленно начали раз'езжать по деревням и созывать всех крестьян, прося: „Не слушайте подлых людей, что бунтуют вас и раскидывают листки, то — шарлатаны; их надо убивать камнями и суда за них не будет, потому что царь таких терпеть не может. Если кто-либо из вас заметит, что подкидывают листки или прийдет в какую деревню и будет говорить, что он послан от царя, и золотыми буквами будет вам читать, не верьте этому, а скорее и хитрее задержите его и ведите ко мне, я знаю, как справиться, а если из среды вас брат или друг будет распространять слухи о том, что вам будет прибавка земли и восьмичасовой рабочий день или повышение платы, такого вяжите и ведите ко мне"... „Вы знаете, что государь ваш сказал на коронации в Москве — Александр III, — а вот Николай II подтвердил его слова, что слухи о прибавке земли разносятся врагами правительства, а лучше ходите в церковь молиться день и ночь, чтобы вам бог дал. Нанимайте молебни с акафистами Николаю-угоднику. Просите священника, чтобы он вам святил весь степ священною водою для того, чтобы урожаи были. Свечи покупайте — это бог любит. Вам нечего надеяться, чтобы разбогатеть на этой земле, вам будет добре на том свете, а я похлопочу за вас, чтобы вам на 25 деревень выслали из управы святые иконы, чтобы вы молились. И не смейте не только говорить, но и думать о том, что случилось, а мы этих студентов всех переловим".

«Некоторые молодые из крестьян, выслушав от начальника, что не будет ничего из того, чего они надеялись, составили заговор (!) и хотели в ту же ночь начальника четвертого участка убить, только не было у них вожака, который бы принял начальство над ними».

От редакции. Надеемся, что недалеко то время, когда у проснувшихся от векового сна крестьян всегда будут «вожаки», которые сумеют раз'яснить им, что «заговор» надо составлять не против жизни земского начальника, а против жизни всего самодержавия.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Всеобщая стачка в Баку. Телеграф принес известие о всеобщей стачке в Баку, захватившей даже типографии и булочные. Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, это грандиозное восстание бакинских рабочих (телеграмма сообщает о **40.000** стачечников) подготовлено рядом частных стачек, начавшихся в городе немедленно после предмайской агитации, которую в таких широких размерах повел недавно местный Комитет нашей партии.

Рабочее движение на Кавказе еще очень молодо, но оно имеет уже за собой целый ряд блестящих выступлений пролетариата. В короткое время кавказские рабочие опередили товарищей многих местностей, ранее их захваченных движением.

———

Феодосия (Крым). Здесь под открытым небом состоялось собрание с целью отпраздновать 1 мая. На собрании присутствовало 45 рабочих и работниц. При пении «Марсельезы» было поднято красное знамя с революционными надписями. Затем интеллигентами были прочитаны рефераты и говорились речи. Между прочим, выяснялась политика Зубатова, а также политика правительства по отношению к антиеврейскому движению в России вообще и кишиневскому в частности. По окончании речей и чтения рефератов рабочие декламировали стихи и пели революционные песни. Праздник продолжался от шести до 11½ часов ночи.

———

Екатеринослав. В начале июня здесь состоялось собрание, на котором присутствовало до 250 человек. Говорились речи на разные политические темы. Первые ораторы говорили о полицейско-бюрократическом строе, о пролетариате, как носителе прогресса. Так как собрание имело целью формулировать свое отношение к кишиневскому погрому, то прочие ораторы в своих речах главным образом затрагивали это последнее стобытие. По окончании речей собранием единогласно принята следующая резолюция: «Принимая во внимание, что главным виновником кишиневского погрома является царское правительство, организовавшее его через своих агентов с целью отвлечь от себя народный гнев; принимая во внимание, что кишиневский погром является следствием сознательного со стороны правительства разжигания племенной ненависти и религиозного фанатизма, исключительного положения евреев, а также темноты и невежества массы, являющихся в свою очередь следствием самодержавного строя России,— мы, екатеринославские рабочие, глубоко убежденные, что подобные явления возможны лишь на почве самодержавия и что только его уничтожением мы смоем позорное кровавое пятно, которое по вине правительства легло на весь русский народ, мы требуем замены царского самодержавия законодательным собранием, составленным из представителей, выбранных всем народом, и равноправия всех граждан без различия национальности и религии».

———

С. Озеры, Коломенского уезда, Московской губ. Здесь четыре фабрики: Федора Щербакова с сыновьями, бр. Щербаковых, В. Моргунова с сыновьями и еще одна, кажется, Моргунова и Ст. Соколова. На всех фабриках рабочих около 10.000 чел. В конце апреля на фабрике Ф. Щербакова и сыновей рабочие требовали увольнения заведующего фабрикой. Хозяин сначала обещал исполнить требование в двухмесячный срок и просил теперь стать на работу, рабочие же требовали немедленного увольнения. Переговоры и сбавки срока до трех недель не привели ни к чему, и заведующий был устранен от должности; рабочие начали работать. В конце мая на фабрике Василия Моргунова и сыновей уволили много рабочих, в виду вздорожания хлопка и имеющегося большого запаса товара; оставшихся заставили работать не в две смены, а в одну. Рабочие потребовали увеличения заработной платы на 20%. Большинство из них—крестьяне близлежащих деревень и ведут хозяйство, даже живут дома, а не на фабрике. Первыми забастовали женщины-ткачихи, к ним вскоре присоединились и остальные рабочие-мужчины. Несколько дней положение дел обсуждалось в поле и после сходки всей толпой отправлялись с песнями на фабрику, где окружали дом директора. Пропевши «Дубинушку» и «Долю бедняка», возвращались по домам. В толпе раздавались иногда протестующие крики женщин, требовавших перехода к более решительным действиям, но они были останавливаемы мужчинами, которые доказывали нецелесообразность буйного протеста. Наконец, хозяин вызвал казаков: как только стало известно об их появлении, никто на фабрику не являлся и собраний не происходило. Пробыв три дня и видя, что усмирять некого, казаки вернулись обратно, — между прочим, на этом настаивал и хозяин, которому надо кормить их. 9 числа появилось об'явление исправника, приказывавшее стать на работу 10 июня, под угрозой расчета; на сходке было решено получить расчет, взять паспорты и на работу не являться. Решение было приведено в исполнение и работы не возобновляются до сих пор. Пробовал-было хозяин выписывать рабочих из отдаленных деревень, но неудачно: прибывшим старые рабочие дали понять, что они не допустят их к работам, и те ретировались. Тогда хозяин держал речь о повышении цен на хлопок и трудности ведения дел, и тут отвечали ему женщины: «Как бы велики ни были цены на хлопок, ты без хлеба не сидишь, а мы голодаем». Об'яснение кончилось ничем.

Ардатовский уезд (Нижегородской губ.). Здесь на Вильском листопрокатном заводе в мае вспыхнули волнения на почве кризиса, принявшие аграрную окраску. Кризис вызвал сокращение числа рабочих, и мастеровые, приписанные к заводу, подали губернатору заявление с требованием наделения их землей (на основании посессионного права). Губернское правление постановило отвести рабочим надел, вымежевав его из общих владений завода. Узнав об этом решении, заводская администрация стала назначать безработных на рубку леса. Некоторые мастеровые упирались, другие вовсе отказывались рубить лес, который, по мнению рабочих, должен был отойти в их пользу. Возбуждение росло, и в один из праздников рабочие «немножко нашумели». Серьезных нарушений порядка, впрочем, не было. Тем не менее, администрация тотчас же телеграфировала властям, якобы «бунт» в полном разгаре. Тотчас же из Нижнего прибыл губернатор, полиция и батальон солдат. Начались аресты среди рабочих, причем заводская администрация указывала предполагаемых «зачинщиков». Большинство арестованных скоро освободили, а восемь «зачинщиков» увезли в уездный город в тюрьму. Аресты эти вызвали в населении страшный переполох. Губернатор «предоставил» мастеровым поступать на соседние Выксунские заводы, а чернорабочим — опять-таки рубку леса. Милостивое указание на Выксунские заводы звучит иронией: там уже давным-давно все полно — яблоку негде упасть. Положение рабочих критическое. Пока еще отведут надел! Да и с наделением землей вряд ли их положение улучшится: население давным-давно отбилось от крестьянского хозяйства; нет ни умения, ни опытности; да и не на что будет вести хозяйство.

На Выксунском заводе 22 мая произошел трагический случай. На глазах у отца и матери, с которыми вместе он разбирал «дудку», погиб 15-летний подросток, под которым обвалилась земля, когда он проходил мимо дудки. Виновница катастрофы — рудничная контора. Она приказывает рудокопам вытаскивать из старых выработанных дудок укрепляющий их лесной материал, который снова идет в дело, в новую дудку. Вся выгода от этой операции сводится к тому, что тысяча «заборок» в продаже у частных лесоторговцев стоит 8 рублей, а вытаскивание их из старых дудок обойдется только в 60 коп. с тысячи. И вот рабочий начинает выбирать доски, сперва сверху, потом все ниже и ниже, балансируя при помощи багра над пропастью. Земля в продолжение всех рудничных работ оседает, дает трещины. Тут и укрепленным дудкам не поздоровится, а не только тем, которые «без заборок». Малейшая неосторожность — и рабочий покатится вместе с нею на дно. Чтобы получить 1.000 заборок, нужно разобрать 5 — 6 дудок. В случае увечья контора только лечит рабочего даром, а когда дело оканчивается более серьезно, — и этого не требуется. Был человек — и не стало его; вот и все тут.

Вязники (Владимирской губ.). Здесь в сельце Лосеве была в марте месяце стачка на фабрике Сенакова. Рабочих там около 900. Требовали смены управляющего. Стачка увенчалась успехом.

Борисоглебск (Тамбовской губ.). В нашем городе имеются железнодорожные мастерские о-ва Юго-Восточных ж. д. Рабочих около тысячи человек. Движения до сих пор среди рабочих не было никакого, если не считать двух стихийных и незначительных вспышек. Первая была вызвана лет 6 тому назад злоупотреблениями железнодорожной администрации, которая потихоньку и полегоньку присваивала себе деньги, вычитавшиеся из заработной платы якобы на пенсионное вознаграждение рабочим. За пределы мастерских этот конфликт не выходил; администрация струсила и возвратила рабочим все деньги. Вторичное столкновение рабочих со своим начальством произошло в мае прошлого года.

Прихвостень начальника мастерских практикант Бишевский для того, чтобы обратить на себя внимание, страшно понизил обычные расценки. Рабочие едва его не разорвали. Начальник мастерских Петрашевский для успокоения рабочих удалил Бишевского, но расценки не изменил.

В этом году в нашем богоспасаемом граде 1 мая распространены были в значительном количестве (около 600) прокламации. Орг. Комитета. Переполох получился страшный. Рабочие не работали. 20 июня в пятницу началась настоящая стачка. Меньшинство сначала было против, но большинство принудило его присоединиться к стачке. О причинах стачки можно судить по требованиям в прокламации, изданной с помощью пишущей машины: 1) Удаление помощника начальника мастерских Кожухова (его едва было не убили). 2) Сокращение рабочего дня до 8 часов. 3) Повышение заработной платы. 4) Уничтожение штрафов. В этом отношении дело дошло до того, что рабочие, получающие 40 коп. в день, лишаются в месяц 3 — 4 рублей в форме штрафов. Пятый пункт гласит, что если эти требования не будут удовлетворены, то рабочие сумеют добиться удовлетворения их силой. Ведут себя стачечники выдержанно. Вследствие этого начальство не знает, что с ними делать. В субботу, 21-го, приехал сам управляющий г. Павлов из Воронежа. Что было в понедельник, пока неизвестно. В пятницу же с утра и в субботу работ не было.

Судя по легальным газетам, стачка окончилась 29 июня.

С.-Петербург. К положению рабочих на казенном инструментальном заводе. Безработица у нас принимает все более широкие размеры, каждый день фабрики и заводы выкидывают на улицу десятки и сотни «ненужных» рабочих... Видя эту безра-

ботную армию, наше заводское начальство без всяких церемоний понижает расценки, увеличивает число рабочих часов, издевается над человеческим достоинством рабочих. Под страхом расчета оно заставляет нас чистить ватерклозеты, мыть полы в казенных квартирах, и это после 13—15-часовой работы! На заводе у нас существует настоящая военная дисциплина; напр., жалобу на мастера или штучника нужно подать... самому же мастеру (об этом вывешен приказ за подписью начальника завода), так что выходит, что мастер должен доносить высшему начальству на самого себя!.. Или еще: есть у нас на заводе старик-рабочий Сенкевич; он уже почти совсем одряхлел от тяжелой работы, и теперь, когда старик ищет минуты отдыха в ватерклозете, начальник отдела Винтер набрасывается на него с криком: «чего сидишь!» и бедному старику, чтобы не умереть с голода, приходится стоять на больных ногах по 15 часов в сутки. Кроме того, у нас берут подписку от каждого рабочего, что он умеет работать на станках, таким образом, при несчастных случаях начальство не отвечает и не выдает ни одной копейки, а моментально выбрасывает на улицу искалеченного рабочего. Не ограничиваясь постоянным понижением расценок, наше заводское начальство часто отдает работу мастерам, а эти господа являются такими же эксплоататорами, как и наше царское начальство: нередко они набирают с улицы безработных и выжимают из них последние соки. Вообще, произвол у нас достиг крайних пределов, а при нашем заработке трудно прокормиться одному человеку, не только с семейством. Пора, товарищи, и нам примкнуть к борьбе с подлым правительством, угнетающим весь рабочий люд. Вне борьбы нет для нас спасения!..

Пермь. Местный Комитет Р. С.-Д. Р. Партии еще в январе послал свое заявление о полной солидарности со взглядами, проводимыми в «Искре», но до сих пор это заявление не опубликовано. В марте месяце Комитет приветствовал возникший Организационный Комитет, но об этом также, повидимому, не было напечатано *. До июля 1902 г. здесь существовала группа «Борьбы за освобождение рабочего класса»; с июля же эта группа преобразовалась в Комитет Р. С.-Д. Р. Партии. В течение года Комитетом выпускались листки (около 20 листков) как по поводу заводских нужд, так и общего характера. В виду полного отсутствия печатной литературы Комитетом с января месяца предпринято издание (на гектографе) местного органа («Рабочего Бюллетеня»: вышел 40-й №). Только при помощи бюллетеня и приложения к нему (с мая мес. вышло 4 прилож.) возможно сообщать рабочим наиболее выпуклые факты революционной жизни. Громадный спрос на «Искру» удовлетворить Комитет до сих пор не был в силах. №№ «Искры» так зачитывались, что получались одни клочки. Перед 1 мая Комитетом выпущены были сначала прокламация, раз'ясняющая значение 1 мая (300 экз.), а потом прокламация, в которой рабочие призывались не работать в день 1 мая (1.000 экз.); кроме этого Комитетом распространены были и прокламации Орг. К. В день 1 мая только часть рабочих не работала. Полиция, жандармерия и войско были на ногах. Ждали, конечно «бунта». «Бунта» ждали и обыватели. Вообще «майские тучи» нависли и над Уралом. Урал в настоящее время сильно беспокоит правительство. Хроническая распря заводских рабочих и крестьян с графами, князьями и просто Колупаевыми все чаще и чаще приобретает острый характер. Поводов к этому, конечно, масса, так как хищнические инстинкты уральских магнатов до последнего времени не имели границ. Даже русские «законы» их не удовлетворяют, и посему подкупы и насилие царят везде. Местное губернское присутствие, не говоря уже о полиции и земских начальниках, толкует «законы» в угоду магнатам. Да и центральная власть не отставала. Так, напр., во вновь изданном своде законов (февраль 1903 г.) не оказалось статьи, по которой заводоуправления обязаны были в случае закрытия или временного прекращения работ на заводе выдать рабочим провизии на год. Как это просто: взяли да выбросили статью, не отмененную в законодательном порядке! Так было до последнего времени, но теперь, когда оппозиционное настроение грозит вылиться в бунт, правительство, повидимому, увидело, какую агитационную роль играют все эти бьющие в глаза отступления от закона. Наприм., в декабре был по телеграфу вызван ходатай по крестьянским делам некто Эсмант (бывший земский начальник, которого губернатор Арсеньев выслал из губернии на три года за вредную (?) деятельность) самим Плеве в Петербург. Разговор с Плеве был длинный о предстоящем бунте. Эсмант, между прочим, указал на беззаконный образ действий местного присутствия в толковании статьи закона о лесе, растущем на крестьянском лугу, и высказал сожаление, что сенат только через три года будет рассматривать жалобы крестьян на присутствие. Плеве тут же по телефону начал давать инструкции, и через две недели сенат рассмотрел уже дело и отменил решение присутствия. В феврале Плеве откомандировал чиновника Савича для ревизии губернии; Савич раз'езжал по заводам и принимал жалобы. Гг. Эсмантами ограничиться, конечно, нельзя, и параллельно с этим направлением идет более сильное и ощутительное. Усилен штат жандармов (открыто особое сыскное отделение под руководством ротмистра из департамента, действующего независимо от местного жандармского генерала), полиции, войска и, наконец, смена помпадура!!

«Уральский Союз» прикончил свое существование. Социал-демократы здешнего «союзного» Комитета присоединились к существующему здесь Комитету Соц.-Дем. Раб. Партии.

Астрахань. Из прошлой корреспонденции («Искра» № 39) читатель знает о здешних опытах замазывания «душевным словом» революционного настроения, нарастающего в рабочей массе. За последнее время и стихийное возбуждение массы резче определилось и в подлинном своем уборе (штык и нагайка) выступила перед «улицей» царская опричина; в то же время местная группа революционной социал-демократии сочла необходимым вступить в качестве Комитета Партии, и мы имеем возможность печатно сообщить некоторые данные о местном социал-демократическом движении.

Всю зиму организация была занята кружковой работой, имевшей задачей завязать сношения с возможно большим числом пунктов скопления рабочих. Первой пробой сил было майское собрание. Решили на первый раз созвать лишь ограниченный круг товарищей, близким образом связанных с организацией. Провести предприятие было поручено нескольким молодым товарищам при участии одного из членов «Центр. Группы». Хотя и не без некоторых ошибок и шероховатостей, предприятие все же было проведено. В один из апрельских дней было созвано около 80 человек. На число участников, большее 100 человек, организация за раз'ездом большей части ремонтных рабочих и не могла рассчитывать. Несколько коротких речей— о маевках, о политической борьбе, об условиях умственного развития рабочих, о зубатовщине, обмен мнений об условиях и шансах местного движения, атмосфера небольшой, но единодушной товарищеской группы, дружным кличем «долой самодержавие! да здравствует Росс. С.-Д. Раб. Партия!», встречавшей призывы ораторов и красное знамя, — все это оставляло бодрящее впечатление и укрепляло надежду солидарной упорной работой поднять до уровня открытой массовой борьбы движение нашего отсталого района. В конце апреля было распространено 600 майских листков Организационного Комитета. В конце апреля и в мае в городе царило необычное возбуждение. Новый рыболовный устав вызвал брожение в широкой массе «ловцов», безработица продолжала питать возбуждение рабочих. Противоправительственные рассуждения и возгласы можно было услышать повсюду. В воздухе висел «бунт». Администрация считала «бунт» в высшей степени вероятным и усердно готовилась к нему: тысячи безработных были спроважены из города, по улицам сновали вооруженные пешие и конные патрули. Всего опаснее было то, что под влиянием кишиневских событий возбуждение непросвещенной еще социал-демократической агитацией массы грозило прорваться по линии наименьшего сопротивления («начнем с жидов, потом примемся за казенные,—

---

* Оба заявления не попали в наши руки. Ред.

всем достанется») и кровавое «усмирение» в глазах широкой публики покрылось бы ореолом охраны жизни и имущества любезных верноподданных. Такое положение вещей определило содержание и тон прокламации, с которой выступил местный Комитет. 15—16 мая 400 экз. листка было разбросано в разных местах города (частью и в окрестности — стеклянный завод); разбрасывание произведено организованными рабочими и прошло весьма удачно: ни одной потери; листки разошлись достаточно широко, слухи о них — еще шире. Что крайне огорчало и Комитет, и всех друзей партии, так это совершенно неудовлетворительная техника. Комитет рассчитывал непосредственно после мимеографическ. пустить в обращение печатные листки (содержание — политическая агитация), но одна конспиративная неудача отодвинула выполнение проекта. За последние дни Комитетом раздавались и разбрасывались листки Спб. Ком. «Лиса-проповедница» (о Богдановиче и его душевном слове) и «Трэд-юнионизм и соц.-дем.». Всего пущено в оборот 1.000 экз. На заводе Нобеля разложено в мастерских 25 экз. Насколько тесно удалось Астраханскому Комитету связать себя с массой и насколько прочно поставлено дело, с уверенностью сказать еще не можем; это выяснит ближайшее будущее; особенности состава рабочей массы требуют выработки своеобразных форм организации и должны наложить отпечаток на содержание местных агитационных листков.

Иркутск. На станции Иннокентьевской (близ Иркутска) в депо Сибирской жел. дороги 1 мая возникла стачка. На предварительных собраниях рабочие выработали свои требования в очень радикальном духе, включив восьмичасовой рабочий день и возвращение рабочим всех штрафов, взысканных с них со времени открытия мастерских. Эти требования были воспроизведены в прокламации Иркутского Комитета, которые были распространены на станции Иннокентьевской. Немедленно наехали губернатор с жандармами и произвели несколько арестов, которые запугали рабочих, благодаря чему на четвертый день они вернулись на работу, ничего не добившись.

В день 18 апреля в Иркутске не работали отдельные группы рабочих. То же было и в Чите и даже в Харбине. И тут и там были небольшие демонстрации.

Русско-еврейские рабочие в Англии.

Лондон, 20 июня. В огромном зале Great Assambly Hall, вмещающем больше 5.000 чел., был митинг по поводу кишиневского погрома, устроенный совместно еврейской ветвью Английской соц.-дем. федерации (S. D. Federation), местной русской соц.-дем. группой, принадлежащей к Лиге, и ферейном «Векером», принадлежащим к Бунду. Зал был переполнен. Речи ораторов покрывались громом рукоплесканий. В митинге участвовали многие ораторы из известных английских социалистов. Была проведена резолюция, протестующая против антисемитической политики русского правительства, которое издает исключительные законы против евреев, поощряет антисемитическую прессу и еврейские погромы, видя в них средство против все развивающегося соц.-дем. рабочего движения в России. В резолюции было выражено сочувствие Росс. С.-Д. Рабочей Партии и в частности Бунду, и была высказана уверенность, что только социализм межет вырвать с корнем антисемитизм, как и всякую национальную ненависть. В речах ораторов проводилась мысль, что только классовая организация и международная солидарность пролетариата может обеспечить истинную свободу и что только этим путем можно осуществить идеалы социализма и вырвать всякую рознь между национальностями. Еврейские рабочие приглашались к дружной работе совместно с рабочими других национальностей, населяющих Россию. Всем рабочим, как еврейским, так и русским, польским и другим, рекомендовалось устраивать, на случай новых погромов, вооруженные отряды для сопротивления погромщикам.

Митинг закончился криками: «долой самодержавие!», «да здравствует Росс. С.-Д. Рабочая Партия!», «да здравствует Бунд!», после чего была пропета «Марсельеза», и публика разошлась в самом восторженном настроении.

На другой день была в Гайд-Парке демонстрация протеста против кишиневского погрома, устроенная различными организациями.

По поводу митинга в Great Assembly Hall были сочувственные и довольно подробные отчеты не только в социалистических, но даже и в буржуазных английских газетах, как «Times», «Daily Chronicle» и др.

Вообще кишиневский погром и изгнание из России корреспондента газеты «Times» сильно дискредитировали русск. правит-во в глазах английской публики и подняли престиж русских революционеров. Теперь то и дело появляются корреспонденции по поводу борьбы, происходящей в России за свободу.

ИЗ ПАРТИИ

В листке о «годичных итогах» своей работы Киевский Комитет пишет:

«За истекший год Киевским Комитетом было получено и распространено около 10 пудов социал-демократической литературы заграничного издания. Преимущественно это были следующие издания: 1) „Искра" №№ 15 — 38 в количестве, примерно, от 100 — 400 экземпляров каждый номер, всего 3.000 экземпляров, 2) „Заря" №№ 2 и 3 и 4, в количестве 150 экземпляров, и издания „Зари" — брошюры „Что делать?", „Самодержавие и земство" и др., примерно, в таком же количестве. 3) Агитационная литература: брошюры „Кто чем живет", „Самодержавие и стачки", „Штундист Павел Руденко", „Рассказы из французской революции", „Две речи", „Десятилетие морозовской стачки" и др. К сожалению, этой агитационной литературы по сравнению с „Искрой" и другими изданиями было слишком мало — пуда два с половиною. Кроме того, распространявшиеся брошюры не удовлетворяли требованиям рабочих. У нас громадный спрос на агитационную литературу, которая в доступной, живой форме знакомила бы читателя с основными положениями социал-демократии и с отношением ее к важнейшим общественным явлениям. Очень необходимы, например, интересно написанные, по возможности в разговорной форме, краткий катехизис социал-демократа, летучие листки или брошюры, которые отвечали бы на вопросы: что такое социализм? что такое политическая свобода? что такое самодержавие? кому нужны еврейские погромы? чего хотят студенты? кому служит войско? что такое кризис? и т. д. Нужны брошюры о декабристах (оттиск статьи Плеханова из «Зари»), о 19 февраля, о 1-м мая и т. д. К сожалению, таких брошюр мы не могли достать. Это — пробел, который необходимо должен быть заполнен, так как отсутствие таких брошюр и листков заграничного производства, хорошо написанных, раз навсегда изданных и припасенных в большом количестве, заставляет Комитет ежегодно возвращаться к одним и тем же темам, отрывает местные, обыкновенно довольно скромные, силы (литературные и технические) от более доступной для них работы и, таким образом, заставляет их заниматься „кустарничеством". Вообще недостаточно правильная постановка общерусского издательства дает себя чувствовать. Так, из числа 42 листков, изданных типографией Киевского Комитета с сентября по 2 мая, около десяти листков посвящены темам общерусским; между тем Киевский Комитет значительно больше других Комитетов обращал внимание на местную жизнь и старался использовать хотя бы и мелкие факты ее в целях агитации. Для этого им издавалась в течение минувшей зимы местная хроника в виде «Киевского Социал-Демократического Листка». В «Листке» отмечались всевозможные события преимущественно местной жизни, имеющие социал-демократический интерес. Так, например, в напечатанных в нем статейках были отмечены: секретные приказы Драгомирова, студенческие сходки, выселение из Киева 500 еврейских семей, юбилей Новицкого, демонстрация на Подоле, преследования штундистов, злоупотребления местной администрации, предательства, аресты, стачки и т. д.; кроме того, в „Листках" помещены письма рабочих с описанием порядков на фабриках и в ма-

стерских. Помимо того значения, какое имеет предание гласности всевозможных фактов насилия и эксплоатации, находящихся под спудом, хорошо осведомленный, часто выходящий местный листок имел бы громадное политически-агитационное значение, являясь проводником социал-демократических идей в массы и давая рабочим политическое знание окружающей жизни.

«До сих пор Киевский Комитет совершенно почти не касался тех явлений местной жизни, которые выходят за пределы фабрики или мастерских. Им выпускались раньше или листки на обще-русские темы или листки, догматически излагающие основные положения социал-демократии, или же так называемые цеховые прокламации. Таким образом, на местную жизнь Комитет совершенно не реагировал, если не считать цеховых листков. Из изданий этого года мы видим, что Комитетом признана необходимость несколько расширить круг явлений, подлежащих социал-демократической оценке в нелегальной литературе. Нужно признаться, что нами сделано в этом направлении очень мало. Невозможно сомневаться в том, что каждый день приносит новые факты правительственного гнета, проявляющегося в деятельности разнообразных правительственных учреждений, сосредоточенных в Киеве. Киевские суды, киевское духовенство, администрация, военные власти, университет и гимназии, „Киевлянин", жандармерия, наконец, бесспорно могли бы дать массу ценного обличительно-агитационного материала. Но в силу недостатка сотрудников, несовершенства технических приспособлений, недостаточной осведомленности революционных сфер и оторванности их от жизни, чрезвычайно важное дело правильной постановки местной обличительно-агитационной литературы не было надлежащим образом осуществлено и в этом году. Всего с сентября по май месяц Киевским Комитетом было издано 42 печатных листка в количестве 50.500 экземпляров. Считаем небесполезным привести полный список этих изданий: Сентябрь. К слесарям, к столярам, к корсетницам. Октябрь. Солдатская памятка и обращение к новобранцам. Суд над полтавскими крестьянами. Ноябрь. Признание „Искры" руков. орган. К юбилею Новицкого. К портным, К рабочим Южно-Русского завода, к типографщикам, „Киевский С.-Д. Листок" № 1. Декабрь. „С.-Д. Листок" № 2, № 3 и № 4. Январь. „С.-Д. Листок" № 5, № 6, № 7, к сапожникам, к тпиографщикам. Письмо железно-дорожного рабочего. Февраль. Голос киевских рабочих. Открытое письмо, 19 февраля, Демонстрация на Подоле, Ко всем киевским булочникам и хлебникам, „С.-Д. Листок" № 8. Март. О манифесте и еще О манифесте, Голос орган. железно-дорожных рабочих, „С.-Д. Листок» № 9, „Голос Рабочего", К извозчикам. Апрель. Почему русскому рабочему нужна политическая свобода? Опять убийства... Ко всем жителям города Киева, На улицу, товарищи! Кому нужны еврейские погромы? Почему была отменена демонстрация 20 апреля? 1-е мая. Ко всем киевским рабочим. Зубатовцы в Киеве. Памяти Д. Я. Логвинского».

Далее Комитет отмечает относительное ослабление притока денежных средств в его кассу и слабую поддержку, оказанную ему в этом году местным студенчеством, усиление в его среде тяготения к «социалистам-революционерам» и «разлагающее влияние», оказываемое на студентов «булгаковщиной» и «Освобождением», которые, по наблюдениям Комитета, вызывают охлаждение и скептическое отношение к социал-демократическому движению, но в то же время не создают себе многочисленных активных сторонников.

Зато все более и более растет активное участие в соц.-дем. организации самих рабочих. «Денежная поддержка, оказанная Комитету в минувшем году рабочими, значительно превышает даже сумму студенческих пожертвований»... «Рабочие сколачивают довольно крупные суммы копеечными сборами»... Комитет, далее, отмечает, что «рабочий становится центром революционного движения в России: об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы отчеты Киевского Красного Креста... 3 — 4 года назад рабочие едва составляли 10 — 15% общего числа арестованных, в прошлом году их уже было 48%, в этом году — с января по май — рабочих было более 75% общего числа арестованных».

За время с 1 ноября 1902 по 1 мая 1903 г. доходы Комитета составляли 1.297 руб. 48 коп. Было бы очень желательно, чтобы все наши организации публиковали отчеты, подобные тому, с которым мы знакомим читателя.

Одесса. Местным Комитетом Росс. С.-Д. Раб. Партии был выпущен листок «Самодержавие и сионисты» — ответ на изданную сионистами прокламацию. В ответ на листок Комитета сионисты разразились грубой бранью, ничего не сказав по существу. Комитетом же изданы проклам. «О кассах взаимопомощи» (в 5.000 экз.) и «Что такое политическая свобода» (10.000 экз.). В ответ на листок Комитета о «независимых» последние издали «Ответ социал-демократам».

Сибирским Союзом издан листок «Два злодейства» (о Златоусте и Кишиневе). — Донским Комитетом «Что такое народное правление?». — Комитетом Кишиневской Соц.-Дем. организации издан первый выпуск «материалов» о кишиневской бойне, содержащий много очень ценных данных. — Воронежской с.-д. кассой борьбы издан листок: «К народным учителям и учительницам». — Бакинским Комитетом издан «Листок» № 2 и прокламации о движении раб. в Николаеве и о стачке в Баку.

Вышла в издании «Лиги» брошюра: «Об аграрной программе» Икса с ответом Н. Ленина.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. В начале июня арестованы слушательница зубовр. курсов Бенар, ее брат, г-жа Герценберг, Глебов (рабочий?) и другие. — Самара. Арестован Матов. — Пермь. В марте арест. братья Поповы (служащий в земской управе и учитель в Добрянке) и интелл. Огладенов. В апреле (в ночь на 4-е) были обыски у жел.-дор. служащих: Савельевой, Ткаченко, Крупновой и Еловиковой. В ночь на 22 апр. арестованы бывш. студ. Б. Володин и Н. Скворцов, служ. на железной дороге Янкевич, ученица фельдш. курс. Попова (вып.); у бывш. учителя Высотина, служ. на жел. дор. Ткаченко и бывш. студ. Шнеерова — обыски. 30 апреля арест. уч. фельдш. школы Драпкин (вып.) и интеллиг. Рутман; в апреле же взяты рабочие Норицын и Балдин. 5 мая — д-р Кутилов (вып.) Студ. Крылинга и уч. горн. училища Добровинского после двухмес. тюрьмы выслали этапом в Архангельскую губ. За февральскую стачку в Мотовилихе сослали в Арх. губ. на три года пятерых рабочих и на родину под гласный надзор полиции — 18 челов. 20 июня арест. секретарь «Перм. Края» А. Наумов, был обыск у врача Н. Иванова (раньше — в мае — уже был обыскан), интелл. Сюзова и учитель прогим. Швецовой. — Верхне-Чусовское. Взят крестьянин Попов и другие крестьяне. — Добрянка. Арестов. рабочие Плюснин и Копылов. — Кунгур. Взят врач Чемоданов и ветер. врач Дмитриев. — Село Слудка (Перм. уезда). Был обыск у учителя Розумова. — Село Плес (того же уезда). Обыск у учит. Ванюкова, а в деревне Залесной — у учителя Шлюнина. В настоящее время в Пермской тюрьме содержится 15 человек. Сыску помогали провокаторы и предатели: учитель Верхне-Чудского Л. Степанов, рабочий Калашников, учительница завода Полазно Мерзлякова и помощница учит. Бердолиск. училища (Оханск. уезд.) Чечулина. — Екатеринбург. 5 июня арестован И. П. Тарасов (бывш. моск. студ.); Солодников (учен. Горного Урал. уч.); раб. Мельников (с завода Ятес). — Около 10 июня арестованы в Каслях и привезены в здешнюю тюрьму: Кочетов (лесничий); Кривоусов (помощник лесничего) и рабочие Блиносков и Захаров.

Освобожден из австрийской (Тарнопольской) тюрьмы Мариан Гурский (бежавший в августе 1902 года из Киевской тюрьмы), арест. в марте по обвинению в транспорте изданий «Искры». С ним вместе освоб. арестованный одновременно Надежин.

Приговоры: По делу типографии «Южн. Раб.» в Кременчуге (апр. 1900 г.) после трех слишком лет следствия приговорены: акушерки Гутман и Грант к трем годам В. Сиб.; супруги Бушовер — двум годам гласного надзора. — Врач Ф. И. Гурвич, арест. нелегальным в Москве в апр. 1902 г. (дело «белост. с'езда»), сослан до приговора в Вост. Сиб. — Ставропольский землевладелец Н. Н. Безменов выслан 4 июля на 5 лет в Архангельскую губ. — Уфимский ссыльный Квятковский сослан на 5 лет в Вост. Сибирь. — Конвойные солдаты, на глазах у которых бежала из Киевского жандар. упр. Инна Леман, присуждены к 3½ и 2½ годам дисциплинарного батальона.

Г-жа Мандельштам, сосланная на пять лет в Вост. Сиб. из Спб. (дело дек. 1901 г.), ныне подала покаянное прошение и возвращена в Киев.

Рувим Фридман, сосланный в Якут. обл. в 1900 г. по делу типографии «Рабочего Знамени», за попытку побега из Олекминска сослан в Верхоянск. — Солодуха, сосланный в 1900 г. на 6 лет по делу I С'езда Росс. Соц.-Дем. Раб. Парт., отсиживает в Якутске 3 мес. тюр. закл. за найденную у него нелегальную литературу.

Бежали: из Киренска — Гатовский; из Олекминска — в третий раз — Вольфзон и во второй раз Каммермахер. Из Енисейской губ. — Розин, учитель (рижское дело «Бунда») и доктор Заионччковский (дело Р. Р. S.). Из Кургана — С. Волошкевич (екатерин. дело 1900 г.).

Некролог. В начале мая в Якутск. обл. покончил жизнь самоубийством Мартынов (Борисович), выпущенный в 1896 г. из Шлиссельбургской крепости, где находился в заключении с 1885 г. после осуждения Киев. военным судом (дело Шебалина, Панкратова и др.) за принадлежность к «Нар. В.» и вооруженное сопротивление. По происхождению Мартынов был рабочим.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В БАКУ.

После того, как номер был сверстан, мы получили следующие известия:

Баку, 3 июля. За последнее время здесь сильное стачечное движение. Скоро за стачкой на табачной фабрике Мирзабекянц (800 чел.) была стачка на заводе Хатисова (300 чел.); длилась семь дней, выиграна. Однако впоследствии уступки взяты назад.

2 июля забастовали: на Биби-Эйбате: мастерские Хатисова, Биби-Эйбатского нефт. общ. Манташева, нефт. общ. «Шихово», «Олеул», «Меилов и Таиров», Тифлисского нефт. общ. и нек. других, всего около 1000 человек. В Черном Городе: Хатисова (300 чел., в третий раз), Левинсона (300), Мальникова (80), Эйзеншмидт (100); 3 июля присоединились: жел.-дор. депо (500) и мастерские конножел. дор. (25), заводы Лапина и Рисева (20) и Бардера (30), итого в Черном городе около 1.500 рабочих. Боевое настроение и в Балаханах и у Нобеля и каждую минуту может вспыхнуть общая забастовка. К сожалению, далеко не все готово к этому... До сих пор столкновений с полицией не было. Листки выпускаются Бакинским Ком. и Черногор. Районным Комитетом.

3 июля, в десять час. утра, в Черном гор. состоялась сходка около 2.000 забастовавших рабочих. Были произнесены речи на тему о необходимости борьбы, пели «Марсельезу». К обеду прискакали власти.

В Тифлисе тоже были стачки и демонстрации на жел. дор. по поводу отправления в ссылку сидящих уже два года в тюрьме членов комитета. По слухам, рабочие разогнали жандармов, остановили поезд и пр. Но оказалось, что отправляли с соседней станции.

Баку, 4 июля. Стачка распространяется: вчера к обеду в Черном городе стал завод Нобеля, сегодня — Шибаева, Ротшильда (Касо-Черноморск. общ.) и много мелких. Сейчас бастует весь Черный и Белый города и Биби-Эйбат. Работают только промыслы на Биби-Эйбате и, кажется, рабочие-персы на керосиновых заводах Черного и Белого гор. Относительно Балаханов точно неизвестно, но, несомненно, стачка может вспыхнуть там каждую минуту. Общее число бастующих (о которых сейчас известно) — около 5.000. Сегодня было только небольшое собрание на Биби-Эйбате. Ожидается грандиозное общее собрание... Рабочие всей массой идут на тот завод, где в данный момент ведутся переговоры с администрацией. Так, перед заводом Нобеля сегодня собралось 3.000 народу. Из-за стачки железнодорожного депо стали товарные поезда. Думают, завтра станет конка. Общее настроение — приподнятое и торжественно-праздничное. Хозяева идут на большие уступки. Фабричная инспекция ведет себя корректно. С утра казаки (200 чел.) гарцуют по Черному гор., но не вмешиваются пока. Власти пока бездействуют. Кажется, начались аресты.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В № 27 «Революционной России» члены «боевой организации партии социалистов-революционеров», «товарищи Балмашева по делу второго апреля», напечатали статью, по поводу которой мы считаем нужным сделать нижеследующее заявление.

Деловое содержание этой статьи, — независимое от ее полемической орнаментики, которую мы рекомендуем вниманию любителей «приличного» и «товарищеского» тона, — представляет собою, насколько мы его понимаем, вызов русской социал-демократии на третейский суд по делу о «клевете» «Искры». Третейскому суду гг. соц.-рев. предлагают доставить конспиративные сведения, доказывающие, по их мнению, принадлежность Балмашева к «боевой организации партии социалистов-революционеров».

С своей стороны редакция «Искры» на третейский суд вполне согласна.

Первым шагом к организации этого суда должно быть соглашение обеих сторон о том, какой вопрос подлежит его разбору. Мы утверждаем, что спорный вопрос сводится здесь вот к чему:

Имела ли «Искра», — при данных обстоятельствах дела, — нравственное право и разумные основания: 1) не согласиться на требование «боевой организации» изменить данную в № 20 «Искры» оценку акта Балмашева и 2) усомниться в достоверности всех сделанных в то время «боевой организацией» и «партией соц.-рев.» заявлений по делу Балмашева?

Другой постановки вопроса быть не может, как ясно показывает история вызванного этим делом литературного спора. Вопреки уверениям «Рев. Росс.», обвиняемой стороной в этом случае является именно наш орган, и третейский суд должен решить, насколько основательно так усердно выдвигаемое против него обвинение.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Македонский вопрос, письмо о германских выборах и корреспонденция из Донецкого бассейна и Екатеринбурга отложены до следующего номера.

Кружку русских анархистов. Г. В. Плеханов своего согласия на издание его брошюры антисоциал-демократической группой не дает.

Получено от Сибирского Союза через Разностороннего 75 р. Через К. К. 15 фр. От друзей-читателей между апрелем 1901 и октябрем 1902 гг. 500 руб. От них же еще 500 руб. Из курорта N через Ш. 7 марок. За литературу из Берлина от Фриды через Матвея 18 мар. От «Тула П.» 8 руб. 40 к. От Цюрих. Сибирской кассы для А—а 42 фр. Орг. Комитетом от мечтателя через Петерб. Комитет — 1.000 руб.

Нас просят поместить следующий отчет:

Касса «Помощь эмигрантам» в Цюрихе. Отчет с 1 февраля по 10 июля 1903 г. Приход: Собрано в основание фонда 100 ф.; по подписным листам: из Давоса 45; из Лозанны 34; из Италии через Г. 40; из Нерви 30; из Парижа 50; из Цюриха 80,80; всего 279 фр. 80 с. Членских взносов 172 фр. 10 с.; из Монтрэ от доктора 5 фр.; с реферата г. Кулябко-Корецкого 25 фр.; из Берлина 5 фр.; пожертвования: 10 фр.; 5 фр. 80 с.; доход с вечера 55 фр. 50 с. Сумма 680 фр. 20 с. Расход: Больным эмигрантам: 15, 50, 10, 40, 79, 100, всего 294 фр. Единовременно эмигрантам: 30, 40, 15, 10, 10, 20, 50, 8, 35, 41, всего 259 фр. Заимообразно эмигрантам: 40, 30, всего 70 фр. Разные расходы 15 фр. 80 с. Остаток наличными 41 фр. 40 с.

9 июня 1903 г. Комитет.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Новая Рейнская Газета» — «Neue Reinische Zeitung» — (1/VI — 1848 г. по 19/V — 1849) — формально орган «демократической партии», выходивший в эпоху революции 1848 г. в Кельне. Фактически, благодаря руководящему участию в «Н. Р. Газете» Маркса и Энгельса, газета явилась органом немецких рабочих, революционную борьбу которых она организовала и идейно вдохновляла. В 1849 г. газета была закрыта за ее крайне революционное направление.

Прим. 2. Руге, А. (1802 — 1880) — немецкий писатель и политический деятель, левый гегельянец. В 40-х годах вместе с Марксом, будучи эмигрантом, издавал радикальный журнал «Немецко-Французский Ежегодник». В 48 г. был членом франкфуртского парламента — учредительного собрания, созванного для выработки общегерманской конституции, и издавал демократическую газету «Die Reforme». Когда наступила реакция, Руге эмигрировал в Лондон, где пытался для борьбы с реакцией организовать международную ассоциацию радикальных демократов. Позже перешел на сторону воинствующего национализма, вернулся в Германию и об'явил себя сторонником об'единительной политики Бисмарка.

Прим. 3. Врублевский Валерий (1836 — 1908) — выдающийся польский революционер. Принимал активное участие в польском восстании 1863 г. После разгрома последнего царским правительством эмигрировал в Париж. Во время Парижской Коммуны В. руководил защитой южных фортов против «версальцев». После поражения Коммуны переехал в Лондон, где вошел в состав Генерального Совета Интернационала. Состоял в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом.

Прим. 4. Меринг Франц (1846 — 1919) — известный деятель германской социал-демократии, историк и теоретик марксизма. Начав свою политическую деятельность как буржуазный демократ, Меринг в 90-х годах, под влиянием преследования Бисмарком социал-демократии, переходит в ряды последней. С этого времени Меринг по основным вопросам тактики занимает левую революционно-марксистскую позицию. В годы войны, вместе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, Меринг принимает активное участие в руководстве деятельностью левой группы «Интернационал». Впоследствии один из организаторов союза «Спартак» и коммунистической партии Германии. В дни Октябрьской революции, как и в момент заключения Брестского мира, Меринг поддерживал большевиков, разоблачая клеветнический характер писаний Каутского. Из многочисленных научных работ Меринга особенно известны — четырехтомная «История германской социал-демократии» и «Карл Маркс — история его жизни».

Прим. 5. «Право» — (16/I — 1899 — 4/1 — 1918 г.) — еженедельная юридическая газета, выходившая в Петербурге под редакцией В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшем участии виднейших деятелей либерализма — Кузьмина — Караваева, Набокова, Петражицкого, Трубецкого и др. Вначале газета не выходила из узкого круга научно-юридических вопросов, впоследствии, с осени 1904 г., превращается в серьезный политический еженедельник. Фактически «Право» стало органом кадетской партии, отражая идеологию ее профессорско-интеллигентских слоев.

Прим. 6. Боголепов Н. П. (1846 — 1901) — профессор римского права, министр народного просвещения с 1898 г Отличился своей борьбой с революционным движением в высшей школе. При нем были изданы «Временные правила» о сдаче в солдаты студентов — за участие в «беспорядках». Применение этих правил вызвало сильное волнение среди студентов 14 февраля 1901 г. Боголепов был ранен студентом эсером Карповичем и через несколько дней умер.

Прим. 7. Ванновский П. С. (1882 — 1904) — военный министр при Александре III. В 1899 г. ему было поручено председательствование в комиссии по расследованию причин студенческих волнений в высших учебных заведениях. В 1901 г. после убийства Боголепова был назначен министром народного просвещения и получил от правительства поручение успокоить студенчество, сделав некоторые уступки общественным требованиям. Учитывая это, Ванновский освободил от отбывания военной службы сданных в солдаты при Боголепове студентов, разрешил студенческие курсовые собрания, легализовал институт студенческих старост, столовой и кассы взаимопомощи. Однако все эти льготы были обставлены такими стеснениями, что студенты отказались их принять. Революционное брожение в студенчестве не прекращалось, и в 1902 г. Ванновский подал в отставку.

Прим. 8. Дело латышских соц.-демократов. В мае — июне 1897 г. произошли аресты, разгромившие организационно-неоформленное марксистское движение в Латвии, группировавшееся около легальной марксистской газеты «Денес-Лапа» («Ежедневный Листок»). Хотя руководящую роль в этой газете играли тт. Янсон и Стучка, но все движение в целом по своему характеру было близко русскому «легальному марксизму». Закрытие «Денес-Лапа» и арест почти 200 человек, из которых карам в административном порядке было подвергнуто 87 человек, оборвали развитие марксистского движения на $1^1/_2$ года. В 1899 г. появились уже первые более оформленные социал-демократические группы и был организован «Рижский Рабочий Комитет», об'единявший работу кружков в Риге. В 1901 г. была организована рижская социал-демократическая организация, работавшая параллельно с существовавшим в том же городе Рижским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. В этом же году появились аналогичные организации в ряде других городов Латвии. В 1902 г. латышские соц.-демократические комитеты об'единились в «Прибалтийскую социал-демократическую организацию», в которую не вошла только одна Митавская организация, продолжавшая существовать под названием Курляндской группы.

Прим. 9. О манифесте 26 февраля — см. статью «Самодержавие колеблется» в № 35 «Искры».

Приложение к № 44 «Искры».

НАЧАЛО ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(К сорокалетнему юбилею Германской Социал-Демократической Партии.)

Глубокая реакция охватила Германию после 1848 г. Буржуазия, выступившая против старого феодального строя с его полицейским самодержавием и увлекшая за собой во имя демократических принципов только что начинавший пробуждаться пролетариат, вдруг испугалась революционных проявлений этого пролетариата и пошла на попятный. Ее трусливая, нерешительная, полная компромиссов тактика дала возможность реакционной партии, состоявшей из бюрократов и представителей полуфеодального землевладения, снова поднять голову и собраться с силами. Опираясь на эту партию, многочисленные германские правительства с яростью набросились на молодое, делавшее первые шаги, рабочее движение.

Ни гений Маркса и Энгельса, под редакцией которых выходила «Новая Рейнская Газета» («Neue Rheinische Zeitung»), ни энергическая и самоотверженная деятельность многих других членов Союза Коммунистов,[1] перебравшихся в то время в Германию, ни огненное красноречие Лассаля, только что выступавшего на арену общественной деятельности, — ничто не в состоянии было пробудить в рабочих массах ясного сознания их классовых интересов и об'единить их в стройную политическую организацию. Непреодолимым препятствием стояла экономическая отсталость Германии. Капитализм только начинал в отдельных областях ее (главным образом в Рейнской провинции, в Вестфалии, Силезии и Саксонии), делать свои завоевания, и драгоценные семена, принципы и взгляды «Манифеста Коммунистической Партии» падали на совершенно неподготовленную почву. Покинутые буржуазией, далекие от понимания своих классовых интересов, руководимые только неясным революционным инстинктом, заставившим их принять такое горячее, активное участие в мартовской революции 1848 года, рабочие в Германии были слишком слабы, чтобы выступить самостоятельно и отстоять от напора реакционных сил нужные им и уже завоеванные свободы. Все старания Маркса повлиять при посредстве той же «Neue Rheinische Zeitung» на буржуазию и удержать ее на революционной дороге также оказались бесплодными. Реакция восторжествовала, и рабочее движение было подавлено. Вместе с этим и буржуазия лишилась того, что успела завоевать в 1848 г.

Могильная тишина водворилась по всей Германии. Печать под напором реакционных постановлений замолчала. Деятели 1848 года, уцелевшие от погибели на баррикадах, томились в тюрьмах или в изгнании. Политические общества подвергались преследованиям, рабочие же союзы политического характера были совершенно запрещены союзным * постановлением 1854 года.

Но как ни свирепствовала реакция, остановить экономическое развитие страны было не в ее силах. Годы самой глухой реакции совпали с годами расцвета немецкого капитализма. Крупные предприятия быстро пошли в гору, промышленность развивалась и буржуазия богатела. Занятая своими барышами, довольная прекращением движения среди пролетариата, она забыла на время свои либеральные стремления и с легким сердцем переносила все проявления феодально-самодержавного режима.

Однако долго так продолжаться не могло. Скоро капитализм перерос те общественные условия, в которых он развивался. Для дальнейшего роста ему требовался полный простор, свобода конкуренции, свободный приток рабочих рук и т. д. Между тем полуфеодальная Германия, разделенная на 36 отдельных государств, на каждом шагу ставила ему препятствия. Этого терпеть буржуазия не могла. Она снова стала во главе либерального движения и, сложившись в германскую прогрессистскую партию, выставила на своем знамени прежний лозунг — об'единение всех немецких земель в единое отечество — и старые демократические требования. Чувствуя, что без поддержки масс ей не справиться с реакционно-консервативной партией, прогрессисты, прежде всего, обратили свои взоры на пролетариат.

Положение рабочих было в это время крайне тяжелое. Благодаря полному бесправию, они были лишены всякой возможности хоть сколько-нибудь ограждать себя от бессовестной эксплоатации почувствовавшей свою силу буржуазии. С другой стороны, и остатки феодального общества тяжелым гнетом лежали на их плечах. Всевозможные административные ограничения и постановления, как напр., рабочие книжки, при прописке которых приходилось наталкиваться на массу полицейских придирок, различных в каждом из 36 государств, совершенно отравляли существование. Глухое недовольство бродило среди рабочих. Последовавший за периодом процветания кризис 1857 года еще больше усилил брожение. Таким образом, почва для прогрессистской агитации была чрезвычайно благоприятна, тем более, что уровень сознания германских рабочих был еще очень низок. Мрачная, тянувшаяся 10 лет, реакция не могла содействовать его поднятию, и рабочие, подавленные политическим бесправием и остатками феодального строя, мечтали только об единой Германии, о свободе передвижений, промыслов, союзов, печати и т. д. Дальше их

---

* Германия в то время не была еще об'единена политически, связь между отдельными германскими государствами была федеративная (союзная).

желания не шли, а как раз это им и могла обещать прогрессистская партия.

И действительно, первое время ее агитация среди пролетариата имела несомненный успех. Рабочие готовы были пойти за ней куда угодно и оказать ей всякую поддержку в борьбе с реакцией. Но прогрессисты не забыли еще первого выступления пролетариата в 1848 г. и больше всего боялись широкого вовлечения масс в политическое движение. Они поставили себе целью привлечь рабочих на свою сторону, но так, чтобы они оказались послушным орудием в их руках. Отчасти им это и удалось, хотя и не надолго.

На помощь явилась буржуазная наука с проповедью теории гармонии между трудом и капиталом, «манчестерской» теории о государственном невмешательстве, теории о «самопомощи» путем сбережений и т. д. Все эти теории клонились к тому, чтобы рабочие не совались в политику и предоставили бы действовать своим «естественным руководителям», т. е. буржуазии, к которой они должны относиться с полным доверием. Для распространения этих взглядов и вообще для приобретения влияния среди рабочих прогрессисты принялись основывать наряду с разными потребительными, кредитными и даже производительными товариществами, с помощью которых Шульце-Делич рассчитывал разрешить социальный вопрос, так называемые «Союзы Самообразования» под руководством профессоров, писателей, ученых и других представителей буржуазной интеллигенции. Жажда знаний у рабочих была так сильна, что они охотно шли в эти союзы, и, начиная с 1860 года, они быстро распространились по всей Германии. Рабочие массы оказались на время под либеральной опекой.

Однако в конечном счете эти союзы сыграли для рабочих совершенно не ту роль, на которую рассчитывали прогрессисты. Надолго пропитать пролетариат своими взглядами им так и не удалось. «Союзы Самообразования» подняли общий уровень рабочих и таким образом расчистили почву для дальнейшего развития. Не во власти прогрессистов оказалось решить, какие именно семена взойдут на этой почве, и тут они жестоко просчитались.

Пролетариат пошел дальше, чем того хотели прогрессисты, и даже совсем не по той дороге, которая была желательна буржуазии. Если прогрессисты не могли забыть первого дебюта пролетариата на политической арене в 1848 году, то и у пролетариата сохранились еще воспоминания об измене, совершенной в то время буржуазией по отношению к нему. Нерешительная половинчатая тактика прогрессистов в их парламентской борьбе с феодально-реакционной партией еще больше подрывала к ним доверие. Немалое значение имело и то обстоятельство, что среди пролетариата имелись лица, еще помнившие старые традиции рабочих обществ, сметенных реакцией в 1854 году. В некоторых местах устройством обществ самообразования занялись старые революционеры 1848 года, бывшие члены Союза Коммунистов, вышедшие, наконец, из тюрем. Все это способствовало пробуждению, хотя и медленному, классового сознания пролетариата.

Навсегда примириться с постыдною ролью пассивного орудия в руках буржуазии рабочие никак не могли. Исключительно просветительный характер «Союзов Самообразования» перестал удовлетворять более развитых рабочих, и стремление принять хоть какое-нибудь участие в политической жизни делалось все сильнее. На этой почве возник вопрос о созыве рабочего конгресса для обсуждения своих дел. Инициаторами явились почти одновременно лейпцигские и берлинские рабочие.

В Лейпциге более развитые рабочие выступили из «Союза Самообразования» и основали особое общество «Вперед», носившее чисто политический характер. По его инициативе в Лейпциге происходили рабочие собрания, на которых обсуждались вопросы текущей жизни: о парламентской борьбе между прусским правительством и прогрессистами *, об отношении рабочих к прогрессистской партии, о созыве рабочего конгресса и т. д. На одном из этих собраний и был выбран комитет для созыва общегерманского рабочего с'езда.

Недовольные слабохарактерным поведением прогрессистов в парламентской борьбе, члены «Вперед» рассчитывали увеличить силу буржуазной оппозиции вовлечением рабочих масс в эту борьбу. Мысль о возможности полного разрыва с прогрессистами и о самостоятельной организации пролетариата еще не приходила им в голову. Все их желания сводились к допущению рабочих в прогрессистский Национальный Союз, основанный в 1859 году с целью об'единения всех либеральных организаций, и к внесению в программу прогрессистов пункта о всеобщем избирательном праве. Дальше этого они не шли, и рабочий конгресс должен был только придать этим требованиям большую силу.

Почти так же обстояло дело и в Берлине. Известную роль сыграло здесь посещение делегацией от германских рабочих всемирной промышленной выставки, происходившей осенью 1862 года в Лондоне. Сами прогрессисты содействовали этой поездке, имея в виду создать известный контингент более интеллигентных рабочих, владеющих профессиональным образованием (необходимость в таких рабочих начинает всегда чувствоваться на известной ступени развития капитализма). Они не рассчитали только того, что и в данном случае рабочие могут пойти, не считаясь с их желаниями, дальше, чем следует, и не ограничаться приобретением технических знаний. Так на самом деле и вышло. В Лондоне немецкие рабочие встретились с самыми развитыми рабочими других стран, также приехавшими на выставку, между прочим и с кружком Маркса, положившим в ближайшие за тем годы начало «Интернациональному Обществу Рабочих». Такая встреча пройти бесследно не могла. По возвращении на родину делегаты начали усиленно толковать о необходимости созвать рабочий конгресс. В Берлине состоялось несколько довольно многочисленных собраний, и в результате берлинские рабочие выбрали комитет, которому поручено было привести в исполнение это начинание. Но и здесь, как в Лейпциге, рабочие не думали о самостоятельном выступлении на арену политической жизни. Они продолжали полагаться на прогрессистов и добились только права принять участие в их борьбе с реакционными силами. Требования, которые берлинский комитет выставил в своем воззвании и обсу-

* Эта борьба завязалась в 1862 г. между министерством Бисмарка и большинством прусского парламента, состоявшим из прогрессистов. Поводом к борьбе послужил отказ прогрессистов увеличить расходы на армию.

ждением которых предлагалось заняться на предстоящем конгрессе, ни в одном пункте не противоречили программе прогрессистской партии.

Несмотря на это, прогрессисты приняли все имевшиеся в их распоряжении меры, чтобы помешать передовым рабочим привести в исполнение их намерения. В «Союзах Самообразования», почти целиком находившихся еще в руках прогрессистов, началась усиленная агитация с целью создать среди рабочих течение, враждебное Лейпцигскому комитету, которому были поручены после свидания с берлинскими рабочими все хлопоты по устройству конгресса. В том же направлении действовала прогрессистская печать, между прочим и «Всеобщая Рабочая Газета», издававшаяся прогрессистами в Кобурге специально для рабочих. Предпринимались агитационные поездки, созывались собрания, и в результате в Лейпциг начали приходить заявления от различных рабочих обществ с выражением сомнений относительно целесообразности конгресса. Наконец, в январе 1863 года собрались в Оффенбахе представители рабочих союзов семи больших городов, лежащих по течению Майна, и постановили предложить Лейпцигскому Центральному Комитету, чтобы он приостановил свои подготовления к конгрессу, а вместо этого созвал бы предварительную конференцию из представителей «Союзов Самообразования», которая и займется организацией с'езда. Этот шаг слишком явно клонился к тому, чтобы вырвать из рук Центрального Комитета руководство с'ездом и передать это дело в ведение «Союзов Самообразования», находившихся под влиянием прогрессистов. Центральный Комитет начинал терять под ногами почву. Все переговоры с вождями прогрессистской партии ни к чему не приводили, и депутации от Лейпцигского Комитета, отправлявшиеся с этой целью в Берлин, возвращались назад ни с чем. Найти исход из этого положения было необходимо, и тут-то выдвинулась замечательная личность Лассаля, надолго наложившая отпечаток на все рабочее движение в Германии.

Страстная натура борца и жажда живой кипучей деятельности заставили Лассаля 23-летним юношей ринуться в 1848 году в водоворот политической жизни. Он примкнул к левому крылу демократов и навсегда остался социалистом и республиканцем. Живой, пытливый ум заставлял его вникать в смысл происходивших явлений, сильное революционное чутье толкало его мысли в определенном направлении, а личные сношения с Марксом, бывшим в это время членом комитета рейнских демократов и издававшим «Новую Рейнскую Газету», довершили остальное. Уже в 1848 году Лассаль называл рабочий класс «единственным сословием, которому принадлежит будущее», и со всем жаром прирожденного агитатора проводил всюду, где только мог, идею о самостоятельной исторической роли, выпавшей на долю «четвертого сословия».

Замечательно, что он проникся этой идеей, оставаясь в то же время в теории идеалистом. Он понимал смысл и значение классовой борьбы пролетариата, но обосновывал ее развитием идей и правовых понятий, а не развитием экономических отношений. Впрочем, иначе, пожалуй, и быть не могло. Лассаль жил и действовал главным образом в экономически отсталой Германии, не дававшей и той картины капиталистического производства, которую дали Марксу и Энгельсу Франция и Англия. Арена его наблюдений, — при его кипучей натуре, стремившейся к непосредственному влиянию на события, — не дала ему проникнуть так глубоко в сущность современного общества и так понять внутренние пружины общественного развития, как это делал Маркс. История человечества для него — ученика Гегеля — осталась процессом смены идей: экономический материализм, об'ясняющий самое развитие идей сменой форм производства, навсегда оставался для Лассаля книгою за семью печатями. Но как раз те свойства его натуры, которые помешали ему последовать до конца за Марксом и явиться прокладывателем новых путей в истории человеческой мысли, создали из него того могучего борца, ту сильную личность, которая во имя идеи, для достижения раз намеченной цели в состоянии совершить чудеса.

Годы реакции не дали ему простора для политической деятельности. В своих письмах к Марксу за это время он указывает на происходящую в пролетариате внутреннюю работу мысли как на единственно отрадное явление тогдашней общественной жизни. Снова мы видим Лассаля на арене общественной деятельности только в 1860-х годах.

12 апреля 1862 года Лассаль выступил перед берлинскими рабочими со своей знаменитой лекцией «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия», положившей начало той агитации, которая целиком захватила его за последние два года его жизни и которая создала ему мировую известность. Резкими и сильными штрихами Лассаль старался обрисовать перед рабочими те задачи, которые выпадают на долю пролетариата в современном обществе. Блестящая по форме, проникнутая горячей симпатией к рабочим, эта лекция является талантливым и в то же время чрезвычайно популярным изложением основного положения «Манифеста Коммунистической Партии». Таким путем Лассаль надеялся дойти до сознания рабочих и пробудить в них классовый инстинкт.

Однако, несмотря на удивительное красноречие оратора и на воодушевление, с которым была произнесена эта речь, сильного впечатления на слушателей она не произвела. Рабочие еще стояли на очень низкой ступени развития и продолжали находиться под большим влиянием прогрессистов. К тому же главными слушателями Лассаля явились машиностроительные рабочие, долгое время составлявшие самый надежный оплот прогрессистской партии. Сам Лассаль прекрасно понимал, как мало благоприятна та среда, к которой он обращался. «Если бы мне удалось,—сказал он,—только у двух или трех из вас воспламенить сердца преданностью к этим идеям, я бы счел себя удовлетворенным».

В печати эта речь явилась под названием: «Программа Рабочих» *. Брошюра выдержала массу изданий, получила широкое распространение и не мало способствовала пробуждению классового сознания германского пролетариата. Но все это было значительно позднее. Первое же издание «Программы Рабочих» было немедленно конфисковано полицией, а оставшиеся несколько десятков экземпляров прошли почти незамеченными даже и для наиболее передовых рабочих, членов Лейпцигского Центрального Комитета. В это время они были заняты хлопо-

* 2-е издание на русском языке выпущено Лигой русск. рев. с.-д. в 1902 г.

тами по организации с'езда и рассчитывали еще поладить с вождями прогрессистской партии.

Только в январе 1863 года, получив на свое требование открыть рабочим доступ в Национальный Союз иронический ответ, что рабочие могут считать себя почетными членами, не делая взносов, которые лучше «сберечь», и, окончательно убедившись, что буржуазия не согласится допустить рабочих к активному участию в политической жизни и выдвинуть на первый план требование всеобщего избирательного права, члены Лейпцигского Комитета пришли, наконец, к убеждению, что необходимо порвать с прогрессистами и искать себе самостоятельных путей.

При таких условиях они решили обратиться к Лассалю, как к человеку, который обладает всеми данными, чтоб помочь им выбраться на верную дорогу. И действительно, Лассаль блестяще выполнил свою задачу.

После свидания с членами Лейпцигского Комитета и официального письма от него с просьбой изложить свой взгляд на рабочее движение и на средства, которыми оно должно пользоваться, Лассаль написал «Гласный ответ Центральному Комитету». Этот «Ответ» составил эпоху в рабочем движении Германии и положил начало той работе, которая привела к организации нынешней немецкой Социал-Демократической Рабочей Партии. «Точно бомба ударила», рассказывает Бебель о впечатлении, произведенном на всех «ответом» Лассаля. «В этой рукописи, — говорит историк немецкой социал-демократии Меринг, — Лассаль дал немецкому пролетариату то оружие, которое было ему необходимо, чтобы начать свою историческую борьбу за освобождение».

Пролетариат должен сорганизоваться в самостоятельную политическую партию и, как лозунг, должен выставить на своем знамени всеобщее, равное и прямое избирательное право. Он завоюет себе этим путем политические права, без которых немыслимо никакое удовлетворение классовых интересов. «Об'единяйтесь, — восклицает дальше Лассаль, — в Общегерманский Рабочий Союз для мирной и законной, но неутомимой и беспрерывной агитации в пользу введения всеобщего и прямого избирательного права во всех германских странах. С того момента, когда этот союз будет насчитывать у себя только сто тысяч рабочих, он явится такой силой, с которой придется каждому считаться».

Вот главное, что высказал Лассаль в своем «Гласном ответе». Все остальное имеет второстепенное значение, и совсем неважно, если что-нибудь не вполне выдерживает критики с современной точки зрения. Лассаль, конечно, не создал немецкое рабочее движение. Утверждать это было бы большим преувеличением. Рабочее движение уже существовало, как сказал сам Лассаль, но ему нехватало теоретического понимания и практического лозунга. И то и другое дал ему Лассаль, и это навсегда останется его неоспоримой заслугой.

После горячих прений Центральный Лейпцигский Комитет высказался 17 марта большинством шести голосов против четырех за провозглашенные Лассалем принципы и принял его «Гласный ответ» как манифест немецкого рабочего движения. Пролетариат Германии вступал на новую дорогу. Само собой разумеется, что прежде всего пришлось отказаться от с'езда с прежней программой и вместо него выдвинуть вопрос об основании рабочего союза в лассалевском смысле. От того, удастся ли и каким образом удастся вызвать к жизни такой союз, очень много зависел успех первых шагов движения на новом пути. Созванное Лейпцигским Комитетом рабочее собрание после бурных препирательств с прогрессистами также высказалось большинством 1.350 голосов против двух за программу Лассаля. Лейпцигский Комитет сложил свои полномочия и предложил выбрать новый для предварительных работ по основанию Общегерманского Рабочего Союза. В новый были выбраны почти все члены прежнего Комитета.

Вскоре после этого по настоянию Комитета в Лейпциг приехал Лассаль для личной защиты своих положений на открытом собрании. 16 апреля при бурном рукоплескании своих сторонников, прерываемый частыми свистками противников, Лассаль одержал свою первую крупную победу. Собрание всеми голосами против семи (группа прогрессистов от голосования воздержалась) высказалось за Лассаля. Тут же было назначено время, именно 23 мая, для с'езда будущих учредителей нового союза.

Прогрессистская партия в это время не дремала. Тактика рабочих по отношению к ней также определялась общей политической программой, выставленной Лассалем: всегда и во всем выступать как самостоятельная рабочая партия, независимо от прогрессистов, и только в вопросах, имеющих общий интерес, оказывать им поддержку. Буржуазия слишком хорошо понимала свои классовые интересы, чтобы примириться с этим, и прогрессисты подняли знамя самой ожесточенной борьбы против Лассаля и его друзей. По всей стране закипела агитация. Где только возможно было, созывались собрания и проводились враждебные Лассалю резолюции. Такая резолюция была, между прочим, принята 19 апреля, т. е. ровно три дня спустя после победы Лассаля в Лейпциге, на большом рабочем собрании в Берлине. Со страниц буржуазной прессы на Лассаля и его товарищей, членов нового Комитета, сыпались самые грязные обвинения. Рабочих старались уверить, что Лассаль продался Бисмарку, что он и новый Комитет играют на руку реакции. И надо сказать, что нарекания буржуазии находили в рабочих обществах благоприятную почву и что вначале враждебные Лассалю голоса звучали гораздо громче дружеских. Сочувственные отклики на «Гласный ответ» пришли только из Саксонии, Рейна и Гамбурга.

«Мы протягиваем вам, друзья из Лейпцига, свою руку, — писали гамбургцы от имени большого рабочего собрания, одобрившего постановления, принятые в Лейпциге, — и шлем вам сердечную благодарность, вам, принявшим в своей программе всеобщее и прямое избирательное право, за те усилия, хотя бы даже они были безуспешны, которые вы делаете, чтобы осуществить Общегерманский Рабочий Союз. Пусть наше признание вознаградит вас за те нападки, которые выпали на вашу долю. Если б нам и не удалось в настоящее время достигнуть того, что желательно вам и нам, все же за вами остается честь быть инициаторами движения, которое, мы твердо надеемся, не умрет, а создаст, хотя, быть может, и позднее, нечто великое».

Такая поддержка в состоянии придать бодрости при самых тяжелых обстоятельствах. Лассаль вместе со своими единомышленниками безраздельно отдался агитации

и напряг все силы, чтобы побороть враждебную волну. Он переезжает из города в город, говорит одну речь за другой, со всей силой развертывает свой ораторский талант и, одержав несколько блестящих побед над врагами, к назначенному сроку приезжает в Лейпциг. Здесь 23 мая 1863 г. основывается «Общегерманский Рабочий Союз».

На учредительном собрании присутствовало всего 12 делегатов от 11 городов, но и у них не все имели за собой большинства местных рабочих. Таким образом, при основании Общегерманский Рабочий Союз представлял собой очень незначительную часть всего пролетариата. Не того ожидал Лассаль. Он поставил себе целью пробудить классовое сознание пролетариата и массами втянуть его в политическую борьбу. Перед его умственным взором рисовались уже целые батальоны сознательных рабочих, об'единенных в один союз и представляющих из себя крупную политическую силу. Действительность давала не то. Горячее воодушевление, которое он так искусно вызывал на рабочих собраниях своим мощным словом, держалось недолго, и из тысячи слушателей в члены Союза записывались только сотни. Сознание рабочего класса пробуждалось, но пробуждалось гораздо медленнее, чем этого требовала пылкая натура Лассаля, и он горько жаловался в своих письмах на равнодушие и апатию рабочих масс.

Однако к осени, через три месяца упорной работы, в Союзе насчитывалось уже около 1000 членов. Это не были те массы, о которых мечтал Лассаль, но все же это был уже довольно значительный результат. Через год число членов упятерилось. Общегерманский Рабочий Союз разрастался. Он стоял на верной и хорошей дороге, и никакие превратности судьбы не в состоянии были его уничтожить. Предсказание честных гамбургцев, что только что начинающееся движение «не умрет, а создаст нечто великое», исполнилось. Общегерманский Рабочий Союз явился тем ядром, из которого выросла современная Немецкая Социал-Демократическая Рабочая Партия *. И эта партия давно уже переросла ту цифру, сто тысяч, которую назначал Лассаль в своем «Гласном ответе», чтобы явиться крупной политической силой, с которой «каждому придется считаться». Последние выборы в рейхстаг, происходившие 16 июня 1903 г., два месяца после того, как Немецкая Социал-Демократическая Рабочая Партия праздновала сорокалетний юбилей своего существования, наглядно показали, какой действительно силой она является в настоящее время. Силы немецкой социал-демократии так велики, что на очередь дня выступает уже вопрос об ее окончательной победе над буржуазным строем. Это вопрос самого ближайшего будущего, вопрос завтрашнего дня, утверждает Каутский, оценивая значение последних выборов в рейхстаг. Ее победа, говорит он дальше, стала настолько близкой, что сделалась предметом практической политики и является делом не только практически осуществимым, но и практически неизбежным.

---

* Нынешняя Немецкая Социал-Демократическая Партия образовалась в 1875 г. путем слияния лассалевского «Союза» с другой социалистической организацией («эйзенахцы»)[2], возникшей в 1869 г. и имевшей во главе Либкнехта и Бебеля.

[П. Смидович]

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. О Союзе Коммунистов — см. прим. 25 к № 42 «Искры».

Прим. 2. Эйзенахцы — социал-демократическая Рабочая Партия Германии. Образовалась на конгрессе в Эйзенахе (авг. 1869 г.) из рабочих союзов, во главе которых стояли А. Бебель и В. Либкнехт. Эйзенахский рабочий конгресс закрепил разделение германского рабочего движения на 2 части: лассальянцев и эйзенахцев. Основой для разногласия между ними являлся вопрос о характере национального об'единения Германии. Лассальянцы во главе с Швейцером относились одобрительно к политике Бисмарка, об'единявшего Германию под гегемонией Пруссии. Этому военно-бюрократическому об'единению эйзенахцы противопоставляли путь демократического об'единения через союз (конференцию) мелких и средних государств Германии. Другим вопросом, разделявшим обе партии, был вопрос о парламентской тактике: лассальянцы отстаивали «деловую» парламентскую работу, эйзенахцы стояли за использование парламентской трибуны в целях разоблачения господствующих классов и пропаганды идей социализма. На конгрессе в Готе (1875) обе части германского рабочего движения слились в единую партию под названием «Социалистической Рабочей Партии Германии».